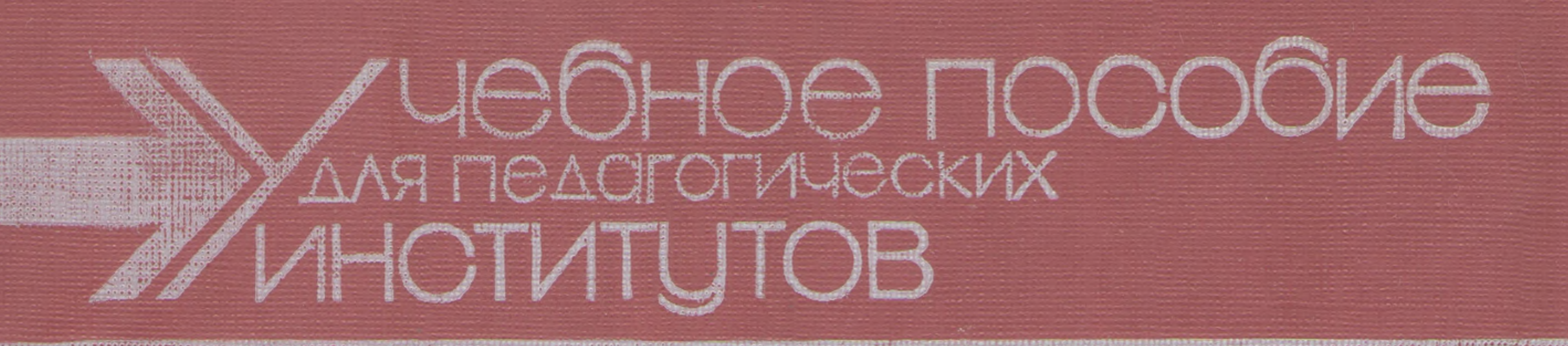

Учебное пособие
для педагогических
институтов

Прѣжде оубо словѣ
нъ. нѫ чрътам
хѫ, погани сѫщ
римьскыми и гр
нѫждаахѫ сѧ
рѣчь без оустр
тсѧ писати и д
смены, в҃. на

Аще ли въпроси
бѫкваря, гл҃ѧ,
сътворилъ естъ
прѣложилъ. Вь
щавьрекѫть, С
нъ Философъ н

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель профессор *Н. И. Прокофьев*

Допущено Министерством просвещения СССР в качестве учебного пособия для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература»

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Москва «Просвещение» 1988

ББК 83.3Р1
Д73

Рецензент доктор филологических наук, профессор МГУ *В. В. Кусков*

Древняя русская литература: Хрестоматия: Учеб. пособие
Д73 для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»/ Сост. Н. И. Прокофьев.— 2-е изд., доп.— М.: Просвещение, 1988.—429 с.

ISBN 5-09-000196-0

В хрестоматии представлены произведения различных жанров древнерусской литературы, а также отрывки, в которых содержатся суждения древнерусских книжников по литературоведческим и эстетическим вопросам.

Второе издание расширено. В нем заменены некоторые тексты предыдущего издания в соответствии с новейшими публикациями, появившимися после 1980 г. Включены программные произведения оригинальной и переводной литературы.

П $\frac{4309020000-501}{103(03)-88}$ —15—88 ББК 83.3Р1

ISBN 5-09-000196-0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Литературные памятники представлены в хрестоматии в соответствии с программой педагогических институтов по курсу «Древняя русская литература». Памятники расположены в хронологическом порядке, при этом за основу берется время появления произведения, а не время составления его списков.

В хрестоматию включены тексты оригинальных и переводных произведений, дающих представление о своеобразии древнерусской литературы, о выражении в ней социально-сословных интересов, народно-патриотического пафоса, нравственно-эстетических исканий, о своеобразии ее метода и стилей.

Кроме художественно-публицистических литературных памятников включены отдельные тексты, содержащие литературно-эстетические суждения, которые позволяют представить, как древнерусские книжники понимали цели и задачи литературного творчества. Такие суждения были редки в Древней Руси, но они также составляют неотъемлемую часть историко-литературного процесса русского средневековья.

Известно, что в древнерусской литературе не было канонического текста, поэтому многие произведения дошли до нас в различных редакциях. В хрестоматии приводится, как правило, одна наиболее ранняя редакция. Исключение составляет «Моление Даниила Заточника», которое публикуется по двум редакциям, что позволяет дать наглядное представление о редакциях одного произведения, а также о литературной истории этого произведения.

Тексты памятников печатаются по авторитетным научным изданиям, некоторые из них сверены с рукописями; апокрифы, «Сказание о Борисе и Глебе», отрывки из Галицко-Волынской летописи взяты из хрестоматии Н. К. Гудзия и даются в его текстологической обработке. Тексты печатаются с учетом современной текстологии, допускающей замену вышедших из употребления букв и их сочетаний, однако в памятниках до XV в. включительно сохраняются *ѣ, ъ* и *ь*; в памятниках XVI—XVII вв. ъ сохраняется лишь в середине слова и в конце отдельных предлогов и местоимений, где является слогообразующим (типа «въ время», «подъ мною», «тъ» и др.).

В конце книги дан словарь. Словарный комментарий располагается в алфавитном порядке. При этом слово обычно дается в исходной форме, а затем приводится его синонимическая замена из современного языка.

Во второе издание хрестоматии включены переводные программные издания: «Александрия», «Девгениево деяние», «Троянская история», «Стефанит и Ихнилат», «Великое зерцало». Произведения переводной литературы даются в отрывках. Впервые публикуются по рукописи раннего перевода притчи Эзопа, привлекавшие наибольшее внимание русских баснописцев XVIII—XIX вв.

ЛИТЕРАТУРА КИЕВСКОЙ РУСИ

(XI — первая треть XII в.)

ДРЕВНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И О ЧТЕНИИ КНИГ

О ПИСЬМЕНЕХЪ ЧЕРНОРИЗЦА ХРАБРА

Сказание «О письменах» было написано в Болгарии в конце IX — начале X в., уже после жизни Кирилла (826—869) и Мефодия (820—885). Оно дошло до нас в 73 списках, из них 63 русского извода, ранний — болгарский (XIV в.). Иван Федоров включил сказание в издание «Азбуки». Текст Ивана Федорова затем перепечатывался в других изданиях русских «Азбук»: виленском (1621), букваре Бурцова (1634, 1637) и др. В настоящем издании древнерусский текст с небольшим сокращением печатается по списку XV в.

Прѣжде убо словене неимѣаху писменъ, ну чертами и рѣзанми гадааху погани[1]* сущи. Крестивше же ся римсками и гречьскыми писмены, нуждаахуся писати словенску речь безъ устроя. Ну како можется писати добрѣ гречьсками писмены *богь* или *животъ** или *зѣло**.

Аще ли въпросиши словенскыя букваря, глаголя: кто писмена сътворилъ есть, или кто книгы прѣложилъ? Вьси вѣдять и отвѣщавь речеть: святый Константинъ философъ, нарицаемый Кирилъ, тъ писмена сътвори и книгы прѣложи, и Мефодии, братъ его. Сут бо еще живи, иже суть видѣли их. Аще въпросиши: въ кое врѣмя? Вѣдять и рекуть: яко въ врѣмена Михаила царя греческа и Бориса князя болгарска и Растица князя моравьска и Коцля[2] князя блатьска. А лѣто же отъ създания всего мира 6363[3] ...Такъ разумъ, братие, богъ есть далъ словѣномъ. Ему же слава и честь и дръжава и поклоняние нынѣ и присно и въ бесконечныя вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] Здесь и далее слова, отмеченные звездочкой, объясняются в словаре, помещенном в конце хрестоматии.

[2] *Растица* — Ростислав, князь моравский (846—870), *Коцля* — Коцел, князь блатенский (860—861 — до 870-х гг.).

[3] *А лѣто же отъ създаниа мира 6363* — т. е. 855 г. по современному летосчислению. В Древней Руси летосчисление велось от «сотворения мира». По указу Петра I с 1700 г. стали вести летосчисление от «рождества Христова». Разница между календарями составляет 5508, и при переводе на новое летосчисление следует вычитать от старого это число.

СЛОВО НѢКОЕГО КАЛУГЕРА О ЧЬТЬИ КНИГ

«Слово нѣкоего калугера о чьтьи книг» входит в «Изборник Святослава», составленный в 1076 г. дьяком Иоанном для черниговского князя Святослава Ярославича на основе книг, входивших в его библиотеку. В «Изборник» включены переводные (с греческого) поучения и отрывки из библейских книг, а также некоторые сочинения славянского происхождения. «Слово некоего калугера (монаха) о чьтьи книг», по мнению А. Х. Востокова, «оригинальное произведение славянское, а не перевод с греческого». Текст «Слова» приводится по изданию: Изборник 1076 года/Под ред. С. И. Коткова.— М., 1965.

Добро есть, братие, почитанье книжьное, паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече, испытаюштии съвѣдѣния его, вьсѣмь сердъцьмь възиштють его. Чьто бо рече: испытаюштеи съвѣдѣния его? Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы о словеса та, и тришьды обраштяяся о единои главизнѣ. Рече бо: въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ. Не рече: усты тъчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрдьци съкрыхъ, да не съгрѣшу тебѣ. И поразумѣвая убо истиньнѣ писания, правимъ есть ими. Реку же: узда коневи правитель есть и въздьржяние, правьдьнику же книгы. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго, и яко же плѣнникомъ умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь. Красота воину оружие и кораблю вѣтрила, тако и правьднику почитание книжьное. Отъкрыи бо, рече, очи мои, да разумѣю чюдеса отъ закона твоего, очи бо, глаголеть, розмыслъ сердечьныи и прочее...

О ПОЛЬЗЕ КНИГ

Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словесъ книжных. Се бо суть рѣкы, напояюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть... Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилѣжно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то беседуеть с богомь, или святыми мужи. Почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, и житья святыхъ отець, въсприемлеть души велику ползу.

Из «Повести временных лет» / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1950.— Ч. I.

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

«Повесть временных лет» — древний летописный свод, составленный Нестором в Киево-Печерском монастыре в 1113 г. Свод был два раза переработан и дополнен: в 1116 г. Сильвестром по приказанию Владимира Мономаха и неизвестным автором в 1118 г. по приказанию Мстислава Владимировича, сына Владимира

Мономаха. «Повесть временных лет» дошла до нас в нескольких летописных сборниках, самый ранний из них — «Лаврентьевская летопись» (1377).

По своему составу летописный свод включает, кроме кратких погодных записей, различные жанры литературы той эпохи (повести, поучения, послания, притчи, жития, предания, былинно-сказочные и легендарно-библейские сказания и др.), записи устных рассказов, договоры.

Источниками «Повести временных лет» были ранее написанные литературные русские памятники и в отдельных случаях переводные византийские, княжеские и монастырские архивы, народные предания и фольклорные произведения, рассказы очевидцев. В «Повести» нашли отражение и личные впечатления составителей.

Язык «Повести временных лет» — древнерусский, доступный жителям всех областей и княжеств Руси той эпохи, хотя нередко в текстах русская речь смешивалась с церковно-славянскими элементами, иногда с их преобладанием. Это позволяет усматривать в языке «Повести временных лет» неоднородность стилистической системы.

Начинается «Повесть временных лет» со вступления, в котором рассказывается *о распределении земли после библейского потопа между сыновьями Ноя.* Далее идут записи о славянских племенах, их происхождении, об их географическом размещении, обычаях и нравах, о путешествии апостола Андрея по Руси, об основании Киева, о насильниках обрах и др. Собственно летописные погодные записи начинаются с 852 г.: с этого времени «нача ся прозывати Руска земля».

«Повесть временных лет» имеет исключительное источниковедческое и литературно-художественное значение. Для литературоведческого курса особенно ценны литературно-художественные тексты, включенные в свод. Поэтому при отборе отрывков для настоящего издания отдано предпочтение художественно-публицистическим текстам различных жанров — повестям, сказаниям, преданиям, хождениям, поучениям, посланиям, притчам и др.

Тексты даются по изданию: Повесть временных лет/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950.

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫХ ЛЕТ, ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ[1], КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

<ХОЖДЕНИЕ АПОСТОЛА АНДРЕЯ[2]>

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь[3], увѣдѣ*, яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, и въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ*. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сих горах восияеть благодать божья; имать градъ великъ быти и церкви многи богъ въздвигнути имать». И въшед на горы сия,

[1] *Русская земля* — это сочетание в XI—XII вв. имело несколько значений: Русское государство, русский народ, русское войско, территория, находящаяся вблизи Киева. Здесь сочетание употреблено в первом значении.

[2] *Апостол Андрей — один из 12 легендарных апостолов, называвшийся на Руси* первозванным. На основе преданий сложилась на Руси легенда о посещении Андреем Киева и Новгорода, включенная во вторую редакцию «Повести временных лет». Эта легенда была весьма популярной в Древней Руси.

[3] Древнерусское название греческой колонии Херсонес в Крыму. Ныне Херсонес входит в черту г. Севастополя.

благослови я[1], и постави крестъ, и помоливъся богу, и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣже бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ и исповѣда*, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо*. Видѣхъ бани древены и пережьгуть е рамяно*, и совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ уснияным*, и возмуть на ся прутье младое, и бьють ся сами и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в Синопию.

<ПРЕДАНИЕ ОБ ОБОСНОВАНИИ КИЕВА[2]>

Полем же живщемъ особѣ[3] и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ* Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же прозвася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся* поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще[4], рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь* глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемъ, приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наречють* дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ* свой скончa; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася.

---

[1] *Я* — здесь личное местоимение «их». Ср. личные местоимения: *и* — он, они; *я* — она; *ю* — ее; *е* — оно.

[2] Предание об основании Киева восходит к событиям VI в.; полагают, что предание уже бытовало в VII в. В нем точно передается топография древнего Киева.

[3] *...полем же живщемъ особѣ* — имеется в виду славянское племя полян.

[4] *Ини же, не свѣдуще* — полемическое суждение летописца о другом предании, по которому Кий значился перевозчиком на Днепре. Предполагают, что второе предание возникло в Новгороде.

<ПРИТЧА ОБ ОБРАХ[1]>

Словѣньску же языку, яко же рекохомъ*, живущю на Дунаи, придоша от скуфъ, рекше от козаръ[2], рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви, и населници словѣномъ быша. Посемь придоша угри бѣлии, и наслѣдиша землю словѣньску. Си бо угри почаша быти пр-Ираклии цари, иже находиша на Хоздроя, царя перьскаго. Въ си же времяна быша и обри, иже ходиша на Ираклия царя и ма́ло его не яша*[3]. Си же обри воеваху на словѣнѣх, и примучиша дулѣбы[4], сущая словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскимъ: аще поѣхати будяше обърину, не дадяше въпрячи коня ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повести обърѣна, и тако мучаху дулѣбы. Быша бо обърѣ тѣломъ велици и умомь горди, и богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни единъ объринъ. И есть притъча* в Руси и до сего дне: погибоша аки обрѣ; их же нѣсть племени ни наслѣдъка. По сихъ же придоша печенѣзи; паки идоша угри чернии[5] мимо Киевъ, послѣже при Олзѣ.

<ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ОЛЕГОМ ЦАРЬГРАДА>

В лѣто 6415[6]. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины*: си вси звахуться от грекъ Великая скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Судъ[7], а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣхъ* посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшю покосну* вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убояшася, и рѣша* выславше ко Олгови: «Не погубляй града, имемъ ся по дань[8], яко же хощеши».

---

[1] *Обры* — авары, кочевой народ тюркского происхождения, пришедший в VI в. из Средней Азии в Европу. Сведения об аварах летописец заимствовал из византийской хроники IX в. Георгия Амартола, перевод которой известен на Руси с XI в., и из устных преданий.

[2] Летописец ошибочно отождествляет скифов с хозарами.

[3] Византийский император Ираклий (610—641) вел длительные войны с Персией. *Хоздрой* — Хосрова II Первиза (590—628), персидский царь из династии Сассанидов.

[4] *Дулебы* — славянское племя.

[5] *Угры черные* — венгры (мадьяры), *белые угры* — хозары.

[6] *В лѣто 6415* — 907 г. по современному летосчислению.

[7] Гавань Золотой Рог в Царьграде, вход в которую замыкался (закрывался) цепями.

[8] *...имемъ ся по дань* — дадим дань.

И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно* и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от бога». И заповѣда* Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь.

И яшася греци по се[1], и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олегъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ, посла к нима въ градъ Карла, Фарлофа, Вельмуда, Рулава и Стемида, глаголя: «Имите ми ся по дань». И рѣша греци: «Чего хощеши, дамы ти». И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь[2], и потом даяти уклады* на рускыа грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтѣскъ, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы; по тѣм бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще. «Да приходячи Русь слюбное емлют[3], елико хотячи, а иже придутъ гости да емлют мѣсячину на 6 мѣсяць, хлѣбъ, вино, мясо, и рыбы и овощь. И да творят им мовь*, елико хотят. Поидучи же домовь, в Русь, да емлют у царя вашего на путь брашно*, и якори, и ужища*, и парусы, и елико имъ надобе». И яшася греци, и рѣста* царя и боярьство все: «Аще приидуть Русь бес купли, да не взимают мѣсячины; да запретить князь словом своим приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селѣх в странѣ нашей. Приходяще Русь да витают у святого Мамы, и послеть царьство наше, и да испишут имена их, и тогда возмуть мѣсячное свое,— первое от города Киева, и паки ис Чернигова и ис Переаславля, и прочии гради. И да входят в град одними вороты со царевымъ мужемъ, без оружья, мужь 50, и да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта* ни в чем же».

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ* заходивше межы собою, цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «Исшийте парусы паволочиты* руси, а словеномъ кропиньныя*», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех показуа побѣду, и поиде от Царяграда. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра а вѣтръ: и рѣша словени: «Имемся своим толстинам*, не даны суть словѣном прѣ паволочиты». И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки*, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прзваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани* и невѣигласи*.

<СКАЗАНИЕ О СМЕРТИ ОЛЕГА ОТ КОНЯ>

И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ кóнь свой, иже бѣ поставил

[1] *...яшася ...по се* — согласились на это.
[2] *Ключь* — руль, кормило, уключина.
[3] *...слюбное емлют* — по договору берут.

кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волъхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ[1], си рѣче: «Николи же всяду на нь[2], ни вижю его боле того». И повелѣ кормити и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже* на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Где есть конь мъй, его же бѣхъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но все то льжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?» И въступи ногою на лобъ; и выникнувши* змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжениа его 33.

<ОБ УБИЙСТВЕ ИГОРЯ И МЕСТИ ОЛЬГИ ДРЕВЛЯНАМ>

В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «Отроци* Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева[3] в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде в градъ свой. Идущу же ему въспять размысливъ рече дружинѣ своей: «Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ малом же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ Маломъ: «Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня[4] града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ* Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ,— то же отець Мистишинъ. Рѣша* же деревляне: «Се князя убихомъ

---

[1] *...приим въ умѣ* — подумал про себя, запомнил.
[2] *...на нь* — на него.
[3] *Дерева* — здесь: древляне, славянское племя.
[4] *Искоростень* — древлянский город, ныне не сохранившийся, находился недалеко от современного Овруча по дороге на Житомир.

рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, яко же хощемъ». И послаша деревляне лучьшие мужи*, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище[1] бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣже есть дворъ демьстиковъ за святою богородицею; над горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва я Ольга къ собѣ и рече имъ: «Добри гостье придоша». И рѣша деревляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголете что ради придосте сѣмо*?» Рѣша же древляне: «Посла ны Дерьвьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да и поиди за князь нашь за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю дерьвьску. Рече же имъ Ольга: «Люба ми есть рѣчъ ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся, и азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи»; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, гляголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодьи». Рѣша же кияне: «Намъ неволя; князь нашь убьенъ, и княгини наша хочеть за вашь князь»; и понесоша я в лодьи. Они же сѣдяху в перегьбѣх* въ великихъ сустугахъ гордящеся. И принесоша я на дворъ к Ользѣ, и, несъше, вринуша е въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?» Они же рѣша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я.

И пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывшеся придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку*, и влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я отъ дверий, ту изгорѣша вси.

И посла къ деревляномъ, рькущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи в градѣ, иде же убисте мужа моего, да

---

[1] *Перевесище* — здесь: место для хранения сетей; *перевесие* — большая сеть для ловли птиц и зверей.

поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему». Они же то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужу своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсути* могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. Посѣмь сѣдоша деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними. И рѣша деревляне к Ользѣ: «Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?» Она рече: «Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи деревляны; и исѣкоша их 5000. А Ольга возъвратися Киеву и пристрои вои на прокъ ихъ*.

<НАЧАЛО КНЯЖЕНЬЯ СВЯТОСЛАВЛЯ, СЫНА ИГОРЕВА>

В лѣто 6454. Ольга съ сыном своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. И изидоша деревляне противу. И сънемъшемася* обѣма полкома на скупь*, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ. «Князь уже почалъ, потягнѣте, дружина по князѣ». И побѣдиша деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своих. Ольга же устремися с сыном своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ, а деревляне затворишася в градѣ, и боряхуся крѣпко из града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хочете досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися* по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «Азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третьее, когда творихъ трызну мужеви своему.

А уже не хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, и смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хощеши у насъ? Ради даемъ медомь и скорою*». Она же рече имъ: «Нынѣ у вас нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, яко же и мужь мой, сего прошю у вас мало. Вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: «Се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте в градъ, а я заутра отступлю от града, и поиду въ градо свой». Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдоша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби кому ждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемуждо голуби и къ

воробьеви привязывати цѣрь[1], обертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша в гнѣзда своя, голуби въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи*; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ*, ово ли одрины*, и не бѣ двора, идеже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори взъгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а, яко взя градъ и пожьже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань.

<ХОЖДЕНИЕ ОЛЬГИ В ЦАРЬГРАД>

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Костянтинъ[2], сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удививъся царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами». Она же разумѣвши рече ко царю: «Азъ погана* есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся»; и крести ю царь с патреархомъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: «Благословена ты в женах руских, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии и в послѣдний родъ внукъ твоихъ». И заповѣда* ей о церковномь уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья; и поклонившися патреарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сѣти неприязньны»*. Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина. И благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь, и рече ей: «Хощю тя пояти собѣ женѣ»[3]. Она же рече: «Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и норекъ мя дщерею? А въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече царь: «Переклюкала* мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, наволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. Она же хотящи домови, приде къ патреарху, благословенья просящи на домъ, и рече ему: «Людье мои пагани* и сынъ мой, дабы мя богъ съблюлъ от всякого зла».

---

[1] *Церь* — трут.

[2] *Костянтинъ* — Константин VII Порфирородный (или Багрянородный), византийский император (913—959) и известный византийский историк.

[3] В рассказе о сватовстве византийского императора к русской княгине содержится явный вымысел с антивизантийской тенденцией. Император Константин не был влюблен в престарелую княгиню, которая в замужестве прожила ко времени путешествия более 50 лет: Ольга вышла замуж за Игоря в 905 г., а посетила Царьград в 957 г.

<ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ СВЯТОСЛАВА НА ВИЗАНТИЮ>

В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславець[1], и затворишася болгаре въ градѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху болъгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ* мужьски, братья и дружино!» И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашь, яко и сей». И рѣша грьци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью: суть бо греци лстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: Есть насъ 20 тысящь, и прирече* 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь толко. И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изодоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ*. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». И рѣша вои: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грьци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго* дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?» И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ и, любьзнивъ ли есть злату, ли паволокамъ?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грьци с поклоном. И рече: «Въведѣте я сѣмо». Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря[2], отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси и еще, посли ему оружье». Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и целовати царя[3]. Придоша опять ко царю, и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лютъ се мужъ хочеть быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть*. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко «род его возметь»[4]. Взя же и дары многы, и възратися в Пере-

---

[1] *Переяславец* — Переяславец на Дунае, теперь с. Преслав у г. Тульчи.

[2] *...кромѣ зря* — смотря в сторону, несмотря на это.

[3] Рассказ об испытании князя дарами характерен для дружинных преданий и дружинной идеологии, что отражено и в других местах «Повести временных лет».

[4] *...род его возметь* — т. е. дань за убитого получали его родственники.

яславець с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: «Еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле дружины».

И посла слы* ко цареви въ Деревьстръ[1], бо бѣ ту царь, рька сице: «Хочу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия* дары, и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли*, и то буди доволно намъ. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я, и рече царь: «Да, глаголють сли рустии». Они же рѣша: «Тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославля на харатью. Нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писець писати. Глагола сице:

«Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмь князи рустѣмь, и при Свѣналъдѣ, писано при Фефелѣ синкелѣ* и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию[2], царю гречьскому, въ Дерестрѣ, мѣсяца июля, индикта[3] въ 14, в лѣто 6479. Азъ Святославъ, князь руский, яко же кляхъся, и утверждаю на свѣщаньѣ семь роту* свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякимь великимь царемъ гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтином[4], и съ богодохновенными цари, и со всѣми людьми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николи же помышлю на страну вашю, ни сбираю вой, ни языка* иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью гречьскою, ни на власть корсуньскую и елико есть городов ихъ, ни на страну болгарьску. Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко царемъ гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да съхранимъ правая съвѣщанья. Аще ли от тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имѣем клятву от бога, въ его же вѣруемъ в Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, яко же

---

[1] *Дерестр* (Доростол) — болгарский город на р. Дунае.

[2] *Иоанн Цимисхий* — византийский император (925—975).

[3] *Индикт* — период времени в 15 лет, первый год в этом периоде назывался первым индиктом, второй — вторым и т. д. до пятнадцатого, а затем снова начинался первый индикт.

[4] *Василий и Константин* — византийские императоры Василий II и Константин VIII, сыновья императора Романа, начали самостоятельное правление в 976 г.; первый умер в 1025 г., второй — в 1028 г.

сотворихомъ нынѣ къ вамъ, и написахомъ на харатьи* сей и своими печатьми запечатахомъ».

Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьях къ порогомъ[1]. И рече ему воевода отень* Свѣналдъ: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣх». И не послуша его и поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Се идеть вы Святославъ в Русь, веземъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ маломъ дружины». Слышавше же се печенизи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжьский и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху из него. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку[2]. И всѣх лѣтъ княженья Святослава лѣть 20 и 8.

<ПОВЕСТЬ ОБ ОСАДЕ КИЕВА ПЕЧЕНЕГАМИ>

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки* своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собрашеся людье оноя страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И въстужиша людье въ градѣ и рѣша: «Нѣсть ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамъ печенѣгомъ?». И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и ристаше* сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никтоже?» Бѣ бо умѣя печенѣжьски[3], и мняхуть и своего. И яко приближися к рѣцѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью и привезоша и къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не подступите заутра къ городу, предатися хотять людье печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: «Подъступимъ заутра в лодьях, и попадше* княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдъше в лодьи

---

[1] Имеются в виду пороги в среднем течении Днепра, близ современного г. Запорожья.

[2] *Ярополк* — Ярополк Святославич, старший сын Святослава Игоревича; в 980 г. был изменнически убит братом Владимиром. См. летописную повесть о Владимире Святославиче.

[3] Т. е. умел говорить по-печенежски, знал печенежский язык.

противу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видѣвъ же се князь печенѣжьский, възратися единъ к воеводѣ Прѣтичю и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людье оноя страны». И рече князь печенѣжьский: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣх[1], и по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множьство». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжьский къ Прѣтичю: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. И отступиша печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ*, малы бо насъ не взяша печенѣзи, и матерь твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины* своея, ни матере, стары суща, и дѣтий своих». То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣги. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

<О ВЛАДИМИРЕ СВЯТОСЛАВИЧЕ>

В лѣто 6488. Приде Володимиръ с варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться. И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду[2] Полотьску, глаголя: «Хочю пояти* дщерь твою собѣ женѣ». Он же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а туры Туровѣ[3], от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъроложѣ, князя полотьскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотячу Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ.

---

[1] *...пришелъ есмь въ сторожѣх* — т. е. пришел со сторожевым отрядом.

[2] *Рогволод* — князь полоцкий. Положение полоцкого княжества на пути из Новгорода в Киев побудило и Ярополка Святославича киевского, и его брата Владимира новгородского искать союза с Рогволодом, и с этой целью оба посватали его дочь Рогнеду. Рогволод предпочел союз с более сильным князем Ярополком. Тогда Владимир неожиданно напал на Полоцк, убил Рогволода, его жену и сыновей, а Рогнеду взял себе в жены.

[3] *Туров* — город в Гомельской области, основателем его считался легендарный родоначальник туровских князей, о чем, видимо, и существовала этимологическая легенда о происхождении названия Турова.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вой многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Поприяй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почалъ братью бити, но онъ. Азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримь: «Азъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство*». О злая лесть человѣческа! Якоже Давыдъ глаголеть: «Ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья ихъ изрини а, яко прогнѣваша тя, господи». И паки той же рече Давыдъ: «Мужъ въ крови льстивъ не припловить дний своих»[1]. Се есть совѣтъ золъ, иже свѣщевають на кровопролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии. Якоже Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти* многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ льзѣ убити его[2]. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань изъ града. Рече же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка. Побѣгни за градъ». И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немь, и есть притча* и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши, колько войн у брата твоего? Нама ихъ не переборoти. Твори миръ съ братомъ своимъ»; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: «Такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и». Володимеръ же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень*, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту с вои и съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рьчи ему: что ми ни вдаси, то язъ приму». Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же, видѣвъ, яко убъенъ бысть Ярополкъ, бѣжа

---

[1] *...не припловить дний своих* — т. е. не достигнет среднего возраста (*преполовение* — середина).

[2] Т. е. горожане не позволили бы убить его.

съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва привабі* и, заходивъ к нему ротѣ*. Володимеръ же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна*, от нея же родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю не по браку, прелюбодѣйчичь бысть убо. Тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера.

Посемь рѣша варязи Володимеру: «Се градъ нашь; мы прияхомъ и, да хочемъ имати окупъ на них, по 2 гривнѣ от человѣка». И рече им Володимеръ: «Пождѣте, даже вы куны сберуть, за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имь, и рѣша варязи: «Сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ Греки». Онъ же рече имъ: «Идѣте». И избра от нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады; прочии же идоша Царюграду въ Греки. И посла пред ними слы*, глаголя сице царю: «Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держати въ градѣ, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пущай ни единого».

И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усь златъ, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь[1]. И жряху* имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но преблагий богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоить, святаго Василья есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся.

Володимеръ же посади Добрыну, уя* своего, в Новѣгородѣ. И пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье ноугородьстии аки богу.

Бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдь, юже посади на Лыбеди, иде же ныне стоить сельце Предъславино, от нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; от грекинѣ — Святополка; от чехинѣ — Вышеслава; а от другоѣ — Святослава и Мьстислава; а от болгарыни — Бориса и Глѣба; а наложьниць бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еже зоуть ныне Берестовое. И бѣ несыть блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растьляя. Бѣ бо женолюбець, яко же и Соломанъ: бѣ бо, рече, у Соломана женъ 700, а наложниць 300. Мудръ же бѣ, а наконець погибе; се же бѣ невѣголосъ* а наконець обрѣте спасенье.

<СКАЗАНИЕ О КОЖЕМЯКЕ>

Въ лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы;

[1] *Симарьгла и Мокошь* — возможно, эти названия связаны с восточными неславянскими племенами и их языческими божествами.

Володимеръ же поиде противу имъ, и срете я на Трубежи на бродѣ, где нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужъ ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужъ ударить, да не воюемъ за три лѣта». И разидостася разно Володимеръ же приде въ товары*, и посла биричи* по товаромъ, глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?» И не обрѣтеся никдѣже. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужъ приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми и сварящю*, и оному мьнущю усние*, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть, и посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся. Сей же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и силна?» И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздраждити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо и, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая*. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с нимъ бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се наш доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужъ свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ и печенѣзинъ и посмѣяся,— бѣ бо середний тѣломь. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я к собѣ. И ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко тъ. Володимеръ же великимь мужемь створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

<СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКОМ КИСЕЛЕ[1]>

Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ на печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани, в се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ,

[1] В основе рассказа о «белгородском киселе» лежит устно-поэтическое повествование, послужившее источником для летописца. Мотив обмана врагов хитростью был широко распространен в фольклоре и нашел свое отражение в «Повести временных лет» в связи с рассказами об исторических событиях. (Ср. четырехкратный обман Ольгою древлян, ее «перклюканье» византийского императора, хитрость отрока, который сумел с уздечкой проникнуть через печенежский стан из осажденного Белгорода.)

и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да луче ли ны померети? Въдадимся печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако совѣт створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпрашаше: «Что ради вѣче было?» И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: «Слышахъ, яко хочете ся передачи печенѣгом». Они же рѣша: «Не стерпять людье глада». И рече имъ: «Послушайте мене не передайтеся за 3 дни, и я вы что велю, створите». Они же, ради обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберѣте аче* и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ». Они же шедше ради снискаша. И повелѣ женамъ створити цѣжь*, в немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду. Они же шедше, взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши. И повелѣ росытити велми и въльяти в кадь в друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимѣте к собѣ таль* нашь, а вы поидѣте до 10 мужь в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у них тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи в родехъ и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть*. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створите нам? Имѣемь бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своими очима». И приведоша я къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромъ и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты*, и почаша ясти сами первое, потомь же печенѣзи. И удивишася, и рекоша: «Не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами». Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты от колодязя, и вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи печенѣзьстии, и подивишася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша.

<О РАЗГРОМЕ СВЯТОПОЛКА ЯРОСЛАВОМ МУДРЫМ[1]>

В лѣто 5227. Приде Святополкъ с печенѣгы в силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собра множьство вой, и изыде противу ему на Льто[2]. Ярославъ ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо,

---

[1] В основе повести лежат исторические события, связанные с борьбой сыновей Владимира Святославича за владение княжествами. Победителем в этой борьбе оказался Ярослав Мудрый. О сыновьях Владимира Святославича см. начало «Сказания о Борисе и Глебе».

[2] *Льто* — Альта (Льтъ), река в Переяславском княжестве, приток Трубежа, и урочище на этой реке к юго-востоку от Киева.

рече: «Кровь брата моего вопьеть к тобѣ, владыко! Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ[1] стенанье и трясенье; — тако положи и на семь». Помоливъся, и рекъ: «Брата моя! Аще еста и тѣломь отошла отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убийцю и гордаго». И се ему рекшю, поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское обои от множьства вой. Бѣ же пятокъ* тогда, въсходящю солнцю, и сступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была в Руси, и за рукы емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удольемь* крови тещи. К вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему, нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, неможаше сѣдѣти на кони, и несяхуть и на носилѣхъ. Принесоша и къ Берестью[2], бѣгающе с нимь. Онъ же глаголаше: «Побѣгнѣте со мною, женуть* по насъ». Отроци* же его всылаху противу: «Еда кто женеть по насъ?» И не бѣ никого же вслѣдъ гонящаго, и бѣжаху с нимь. Он же в немощи лежа, и въсхопивъся глаголаше: «Осе женуть, о женуть, побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомь мѣстѣ, и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ* свой в томъ мѣсте. Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествии сего свѣта прияща мукы, оканьнаго». Показоваше явѣ... посланая пагубная рана, въ смерть немилостивно въгна, и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ. Есть же могыла его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золъ. Се же богъ показа на наказанье княземъ русьскым, да аще сии еще сице же створять, се слышавше, ту же казнь приимуть; но и больши сее, понеже, вѣдая се, сътворять такоже зло убийство. 7 бо мьстий прия Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ[3] 70; понеже бѣ Каинъ не вѣдый мьщенья прияти от бога, а Ламехъ, вѣдый казнь, бывшюю на прародителю его, створи убийство. «Рече бо Ламехъ къ своима женама: мужа убихъ въ вредъ мнѣ и уношю въ язву* мнѣ, тѣмь же, рече, 70 мьстий на мнѣ, понеже, рече, вѣдая створихъ се». Ламехъ уби два брата Енохова и поя собѣ женѣ ею; сей же Святополкъ, новый Авимелехъ[4], иже ся бѣ родилъ от прелюбодѣянья, иже изби братью свою, сыны Гедеоны; тако и сь бысть.

Ярославъ же сѣде Кыевѣ, утеръ пота с дружиною[5] своею, показавъ побѣду и трудъ великъ.

---

[1] *Каин* и *Авель* — библейские персонажи, сыновья Адама и Евы; старший Каин коварно убил брата Авеля.

[2] *Берестье* (Бересть) — Брест, город на р. Буге, ныне город-герой.

[3] *Ламех* — один из потомков Каина, силой захватывал чужих жен, затем, согласно библейской легенде, раскаялся, сказав: «Если за Каина отмстится в семеро, то за Ламеха в семьдесят раз в семеро».

[4] *Авимелех* — по библейской легенде — сын судьи Гедеона, после смерти отца убил 70 своих братьев.

[5] *...утеръ пота с дружиною* — обычный фразеологический оборот в рассказе об окончании битвы.

<О ЕДИНОБОРСТВЕ МСТИСЛАВА С РЕДЕДЕЮ>

В лѣто 6530. Приде Ярославъ къ Берестию. Въ си же времена Мьстиславу[1] сущю Тмуторокани поиде на касогы[2]. Слышавъ же се, князь касожьскый Редедя изиде противу тому. И ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «Что ради губивѣ дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «Тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «Не оружьемь ся бьевѣ, но борьбою». И яста* ся бороти крѣпко, и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя. И рече Мьстиславъ: «О пречистая богородице помози ми. Аще бо одолѣю сему, съзижю церковь во имя твое». И се рекъ удари имь о землю. И вынзе* ножь, и зарѣза Редедю[3]. И шедъ в землю его, взя все имѣнье его, и жену его и дѣти его, и дань възложи на касогы. И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже* стоить и до сего дне Тьмуторокани.

<ПЕСНОПЕНИЕ — ПОХВАЛА В ЧЕСТЬ БОРИСА И ГЛЕБА[4]>

Радуйтася, страстотерпца Христова,
заступника Руськыя земля,
яже* ицѣленье подаста приходящим к вама
вѣрою и любовью.

Радуйтася, небесная жителя,
въ плоти ангела быста,
единомысленая служителя,

верста* единообразна,
святымъ единодушьна;
тѣмь стражющимъ всѣм ицѣленье подаста.

Радуйтася, Борисе и Глѣбе богомудрая,
яко потока точита от кладезя воды живоносныя ицѣленья,
истѣкають вѣрным людемъ на ицѣленье.

---

[1] *Мстислав* — Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, тмутараканский князь (умер в 1036 г.).

[2] *Касоги* — одно из племен Северного Кавказа.

[3] Об этом событии упоминается в «Слове о полку Игореве»: Боян пел песнь «храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми». Это дает основание предположить, что автор «Слова о полку Игореве» был знаком с «Повестью временных лет» и историческими преданиями о единоборстве Мстислава с касожским (черкесским) князем Редедею.

[4] *Песнопения* — риторические поэтические произведения, которые включались в церковные службы для пения и исполнялись в бытовых культовых требах. Песнопения оказали большое влияние на развитие риторического стиля русской литературы, особенно на стиль торжественных поучений и житий. Образцом такого риторического песнопения является летописная похвала русским князьям Борису и Глебу.

Радуйтася, лукавого змия поправша,
луча свѣтозарна явистася,
яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Русьскую,
всегда тму отгоняща,
валяющася вѣрою неуклоньною.

Радуйтася, недрѣманьное око стяжавша,
душа на свершенье божьихъ святыхъ заповедей приимша
в сердци своемь, блаженая.

Радуйтася, братаѣ; вкупѣ в мѣстѣхъ златозарныхъ,
в селѣхъ небесныхъ,
в славѣ неувядающей,
ся же по достоянью сподобистася.

Радуйтася, божьими свѣтлостьми явѣ облистаема,
всего мира обиходита,
бѣсы отгоняща,
недугы ицѣляюща,
свѣтилника предобрая,
заступника теплая,
суща съ богомь, божествеными лучами ражи заема воину,
добляя страстьника,
душа просвѣщающа вѣрнымъ людем.
Възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы небесная;
тѣмь красных всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмь житьи, славу,
и райскую пищю,
и свѣтъ разумный, красныя радости.

Радуйтася, яко вся напаяюща сердца,
горести и болѣзни отнонянща,
страсти злыя ицѣляюща,
каплями кровными, святыми очервивша* багряницю*,
славная, ту же красно носяща съ Христомь цирствуета всегда,
молящася за новыя люди хрестьяньскыя и сродникы своя.

Земля бо Руска благословися ваю кровью, и мощьми
лежаща въ церкви
духомь божественѣ просвѣщаета,
в ней же съ мученикы яко мученика за люди своя молитася.

Радуйтася, свѣтлѣи звѣздѣ, заутра въсходящии.
Но христолюбивая страстотерпця и заступника наша!
покорита поганыя подъ нозѣ князем нашим,
молящася къ владыцѣ богу нашему
мирно пребывати в совокуплении и въ сдравии,
избавляюща от усобныя рати
и от пронырьства дьяволя,

сподобита же и нас, поющих и почитающих ваю* честное торжьство,

въ вся вѣкы до скончанья.

<СЛОВО О НАШЕСТВИИ ИНОПЛЕМЕННЫХ>

Наводить бо богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянуться къ богу; усобная же рать бываеть от соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убийству и крови пролитью, подвизая свары* и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрешивши которѣй* любо, казнить богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ, в нем же ны богъ велить жити, глаголеть бо пророкомъ намъ: «Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемь вашимъ, постомъ и плачемъ». Да аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възращаемся, акы свинья в калѣ* грѣховнѣмь присно каляющеся, и тако пребываемъ.

Въстягнѣмъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся господи бозѣ нашемь, постомъ, и рыданьем и слезами омывающе вся прегрѣшенья наша, не словомь нарицяющеся хрестьяни, а поганьскы* живуще. Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти* вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единець*, ли свинью; то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученю кобь сию держать; друзии же и закыханью* вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ. Но сими дьяволъ льстить и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны от бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видим бо игрища утолочена, и людий много множьство на них, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще от бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять; егда же бываеть годъ* молитвы, мало ихъ обрѣтается в церкви. Да сего ради казни приемлемъ от бога всяческыя, и нахоженье ратных, по божью повелѣнью приемлем казнь грѣхъ ради наших.

<ПОВЕСТЬ О ВОССТАНИИ В КИЕВЕ>

В лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, половьци мнози. Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ[1] изидоша противу имь на Льто. И бывши нощи, подъидоша противу собѣ. Грѣхъ же ради нашихъ пусти богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половьци.

Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеся ко князю: «Се половци росулися

[1] *Изяслав, Святослав и Всеволод* — сыновья Ярослава Мудрого: Изяслав — киевский князь, Святослав — черниговский, Всеволод — переяславский.

по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша. И начаша людие говорити на воеводу на Коснячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его, сташа у двора Брячиславля и рѣша: «Поидем, высадим дружину свою ис погреба». И раздѣлишася надвое: половина ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по Мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися* со княземъ, стояще долѣ. Князю же из оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, братъ Чюдинь, Изяславу: «Видиши, княже, людье възвыли; посли, атъ Всеслава[1] блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людий приде от погреба, отворивше погребъ. И рекоша дружина князю: «Се зло есть; посли ко Всеславу, атъ* призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемь». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша, и идоша к порубу* Всеславлю. Изяслав же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста з двора, людье же высѣкоша* Всеслава ис поруба, въ 15 день семтября, и прославиша и средѣ двора къняжа. Дворъ жъ княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяслав же бѣжа в Ляхы[2].

<ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛЬКИ ТЕРЕБОВЛЬСКОГО[3]>

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи[4] на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю, а им же роздаялъ Всеволодъ городы:

---

[1] *Всеслав* — Всеслав Брячиславич, князь полоцкий (ум. 1101), провозглашенный восставшими киевлянами киевским князем, когда они освободили его из заключения («поруба»). Это был популярный среди народа князь, воспетый в былине «Волх Всеславич». В «Слове о полку Игореве» о Всеславе говорится как о князе-чародее, оборотне, побеждавшем не столько силой, сколько хитростью («клюками»).

[2] В результате восстания киевлян и провозглашения киевским князем Всеслава Брячиславича Изяслав Ярославич бежал в Польшу к своему тестю Болеславу II. В 1069 г. он предпринял поход вместе с Болеславом против Всеслава полоцкого и одержал победу.

[3] Историческая повесть об ослеплении Василька Ростиславича была написана между 1112 и 1118 гг. с явной тенденцией осудить виновников казни. Она не входила в состав первой редакции «Повести временных лет».

[4] *Любич* — древний город на Днепре, ныне районный центр Черниговской области. Здесь происходил в 1096 г. любечский съезд князей, в котором приняли участие: Святополк Изяславич киевский (ум. 1113), Владимир Всеволодович Мономах переяславский (ум. 1125), Давид Игоревич владимиро-волынский (ум. 1112), Василько Ростиславич теребовльский (ум. 1124), Давид Святославич черниговский (ум. 1123) и его брат Олег Святославич, названный в «Слове о полку Игореве» Гориславичем (ум. 1115).

Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови». И на том цѣловаша кресть: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и кресть честный». Рекоша вси: «Да будеть на нь хрестъ честный и вся земля Русьская». И цѣловавшеся поидоша в свояси.

И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона в сердце нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя:«Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ». Святополкъ же смятеся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да еще право глаголеши, богъ ти буди послух*; да аще ли завистью молвишь, богъ будеть на тѣмъ». Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдяше ни Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь[1], и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшю приде в товаръ* свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати; еда будеть рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ нынѣ и, емъ и дажь мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лети, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и дѣтьскый его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды* целовали кресть, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть кресть и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будеть». И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку*, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко:

---

[1] Выдубецкий Михайловский монастырь находился в окрестностях Киева. Он был основан отцом Владимира Мономаха в 1070 г.; в этом монастыре составлялась по приказу Владимира Мономаха вторая редакция «Повести временных лет».

«Не могу остати, брати; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити переди». Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!» И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: «Кде есть брат?» Они же рѣша ему: «Стоить на сѣнех». И вставъ Давыдъ, рече: «Азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря; и оковаша и въ двои оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и хощеть тя убити и грады твоя заяти*». И рѣша боляре и людье: «Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь месть от бога и отвѣчаеть пред богомь». И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Увѣдѣв же се Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь и, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити и но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и, Бѣлугороду, иже град малъ у Киева яко 10 версть в дале, и привезоша и на колѣх*, окована суща, ссадиша и с колъ, и ведоша и в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина остряща ножь, и разумѣ, яко хотят и слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша* яста Василка и хотяща и поврещи; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его поврещи*. И се влѣзше друзии повергоша и, и связаша и, снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую дску с печи, и сѣдоста, и удавиша и рамяно*, яко персем* троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари и в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша и Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мость Звиженьскый, на торговищи, и сволокоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадьи оправи*. Попадья же оправши взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмъ?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ[1]». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во

[1] *Звиждeн городок* — городок на западе от Киева, на р. Здвиже.

нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ пред богомь». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну* пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша и въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла».

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПОУЧЕНИЕ «СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Иларион — священник в загородной резиденции киевского князя, селе Берестове, первый киевский митрополит из русских. Он написал в 40-х гг. XI в. «Слово о законе и благодати», которое было произнесено в торжественной обстановке в присутствии Ярослава Мудрого и его семьи. «Слово» — выдающееся риторико-публицистическое, патриотическое произведение, утверждающее идею равноправия Руси и русского народа со всеми другими христианскими государствами и народами. *Известно в 44 списках. Это было весьма популярное произведение*, которое оказало большое влияние на развитие риторического стиля древнерусской литературы.

«Слово» печатается в отрывках по списку XV в., в издании «Slavia», кн. XXXII, Прага, 1963.

О ЗАКОНѢ МОИСЕОМЪ ДАНѢЕМЪ ЕМУ И О БЛАГОДАТИ[1] И ИСТИНѢ ИСУСЪ ХРИСТОМЪ БЫВШИМЪ... И ПОХВАЛА КАГАНУ[2] НАШЕМУ ВЛАДИМИРУ

Благословенъ господь бог израилевъ, богъ христианескъ, яко посѣти и сътвори избавление людемъ своимъ, яко не презрѣ до конца твари своеа идольскыимъ мракомъ одержимѣ быти и бѣсовьскыимъ служениимь гыбнути, но о правдѣ прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послѣжде же сыномъ своимъ вся языкы спасе Евангелиемь и крещениемь и въводяа въ обновление покабытиа* в жизь вѣчную...

Еже бо въ инѣ книгахъ писано и вами вѣдомо, ти сде положити, то дръзости образ* есть и славохотию[3]. Ни къ невѣдущиимъ бо пишемъ, нъ прѣизлиха насыштьшемся сладости книжныа, не къ врагомъ божиемъ иновѣрныимъ, нъ самемь сыномъ его, не къ странныим, но къ наслѣдникомъ небеснаго царства...

---

[1] Словами «закон» обозначается ветхий завет (иудейская религия), «благодать» — новый завет (христианство).

[2] *Каган* — князь, царь (слово тюркского происхождения).

[3] Т. е. что в иных книгах написано и всем известно, то говорить об этом было бы дерзостно (неуважительно к слушателям) и подавать пример пустому тщеславию.

И что успѣ законъ? что ли благодать? Прежде законъ, ти потомь благодать; прѣжде стѣнь*, ти потомь истина. Образъ же закону и благодѣти — Агарь и Сарра[1], работнаа прежде, ти потомь свободнаа. Да разумѣеть, иже чтеть, яко Авраамъ убо отъ уности своеи Сарру имѣ жену си свободную, а не рабу. И богъ убо прѣжде вѣкъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати, и тѣмь благодатѣ явитися. Сарра же не раждаше, понеже бѣ неплоды. Не бѣ неплоды заключена бѣ божиимъ промысломъ на старость родити: безвѣстьная же и таинаа прѣмудрости божиа утаена бяаху ангелъ и человѣкъ, не яко не явима, но утаена и на конецъ вѣка хотяща явитися. Сарра же глагола къ Аврааму: «Се заключи мя господь богъ не раждати; вълѣзи убо къ рабѣ моеи Агари и родиши отъ неѣ». Благодать же глагола къ богу: «Аще нѣсть времене сънити ми на землю и спасти миръ, сънииди на гору Синай и законъ положи». Но слуша Авраамъ рѣчи Саррины и вълѣзе къ рабѣ еѣ Агарѣ послуша же и богъ яже отъ благодати словесъ и съниде на Синаи.

Роди же Агарь раба отъ Авраама раба рабочишть[2], и нарече Авраамъ имя ему Измаилъ. Изнесе же Моисѣи отъ Синаискыа горы законъ, а не благодать, стѣнь, а не истину.

По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Саррѣ, явися богъ Аврааму, сѣдящу ему прѣдъ дверьми кушкѣ* его, въ полудне, у дуба Мамврийскаго[3]. Авраамъ же текъ въ срѣтение ему, поклонися ему до землѣ и приатъ и въ кушту свою. Вѣку же сему къ коньцу приближающуся, посѣтить господь человѣческаго рода и сниде съ небесе, въ утробу дѣвици въходя; приать же дѣвица съ покланянием въ кущу плътяную* не болѣвъши, глаголющу ти къ ангелу: «Се раба господня, буди мнѣ по глаголу твоему».

Тогда убо отключи богъ ложесна* Саррина, и заченьши роди Исаака, свободьнаа свободьнаго. Присѣтивьшу богу человѣчьска естьства, явишася уже безвѣстнаа и утаенаа и родися благодать и истина, а не закон, сын, а не раб. И яко отдоися* отроча Исаакъ и укрѣпѣ, и сътвори Авраамъ гоститву* велику, егда отдоися Исаакъ сынъ его. Егда бѣ Христосъ на земли, и еще благодать не укрѣпила бѣаше, нъ дояшеся еще, за 30 лѣтъ, въ ня же Христосъ таяашеся; егда же отдоися и укрѣпѣ и явися благодать божиа всѣмь человѣкомъ въ Иерданьстѣй рѣцѣ. Сътвори богъ гоститву* велику и пиръ великъ тельцемь упитенныимъ, от вѣка, възлюбленныимъ сыномъ своимъ Исусъ Христомь, съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино ангелы и человѣкы.

По сихъ же видѣвши Сарра Измаила сына Агарина играюща съ сыномъ своимъ Исаакомъ и яко приобидѣнъ бысть Исаакъ

---

[1] *Агарь и Сарра* — библейские персонажи.

[2] *...рабочишть* — рабочий, сын рабыни.

[3] *Дуб мамврийский* — под сенью этого дуба, как говорится в библейской легенде, Авраам и Сарра принимали ангелов, явившихся с доброй вестью. На этот сюжет писалась икона «Ветхозаветная Троица».

Измаиломъ, рече к Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ еѣ, не имать бо наслѣдовати сынъ рабынииnъ сына свободныа».

Лѣпо бо бѣ благодати и истинѣ на новы люди въсиати. Не въливають бо словеси господню вина новааго учениа благодатьна въ мѣхы ветхы обетовъши въ иудествѣ, аще ли то просядутся мѣси и вино пролѣется. Не могъши бо законе стѣня удержати, но могажды идоломъ поклонявшеся, како истинныя благодати удержать учение. Нъ ново учение — новы мѣхы, новы языкы и обое съблюдется, яко же и есть.

Вѣра бо благодатнаа по всей земли простреся, и до нашего языка русскаго доиде, и законное езеро прѣсъше, евангельскыи же источникъ наводни вся, и всю землю покрывъ, и до насъ пролиася. Се бо уже и мы съ всѣми христиаными славимъ святую троицу, а Июдеа молчитъ...

Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Паула, има же вѣроваша въ Исуса Христа сына божиа; Асиа[1], и Ефесъ, и Патмъ — Иоанна Богословьца, Индиа — Фому, Египетъ — Марка. Вся страны, и гради и людие чтуть и славять коегождо ихъ учителя, иже научиша я православнѣи вѣрѣ. Похвалимъ же и мы по силѣ нашей малыими похвалами великаа и дивнаа сътворьшаго нашего учителя и наставника, великаго кагана нашеа земли Володимера, вънука стараого Игоря, сына же славнааго Святослава[2], иже въ своа лѣта владычьствующе, мужьствомъ же и храборъствомъ прослуша въ странахъ многахъ и побѣдами и крѣпостию поминаются нынѣ и словуть. Не въ худѣ бо и не въ невѣдоми земли владычьствоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли...

Добръ пастухъ благовѣрию твоему, о блаженниче, святаа церкви святыа богородица Мариа, юже създа на правовѣрьнѣй основѣ, идеже мужьственное твое тѣло нынѣ лежитъ, жида трубы архангелъскы. Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ* сынъ твои Георгий, его ж сътвори господь намѣстника по тобѣ твоему владычьству, не рушаща твоихъ уставъ, нъ утвержающа, ни умаляюща, твоему благовѣрию положениа, но паче прилагающа, не сказаша (казяща), нъ учиняюща, иже недоконьчаная твоа наконча, акы Соломонъ Давыдова, иже домъ божии великыи святыи его прѣмудрости създа[3] на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ и сребромъ и камениемь драгыимъ, и съсуды честныими, яже церкви дивна и славна всѣмъ округниимъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемъ полунощи земнѣъмь, отъ въстока до запада, и славныи градъ твои Кыевъ величьствомъ, яко вѣнцемь обложилъ, прѣдалъ люди твоа и градъ святѣи все-

---

[1] *Асия* — Азия.

[2] Имеется в виду Владимир Святославич, киевский князь, внук Игоря и Ольги. См. летописную повесть об этом князе.

[3] Имеется в виду Софийский собор в Киеве, построенный в княжение Ярослава Мудрого. Киевский князь уподобляется библейскому Соломону, создавшему храм в Иерусалиме, строительство которого начато Давидом, отцом Соломона.

славнии. Скоръй на помощь христианом, святей Богородици, еи же и церковь на великыихъ вратѣхъ[1] създа въ имя перваaго господьскааго праздника святааго Благовещениа...

Въстани, о честнаа главо, отъ гроба твоего, въстани, отряси сонъ! Нѣси бо умерлъ, но спиши до обьщааго всѣмъ въстаниа[2]. Въстани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавъшу въ Христа, живота всему миру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши, какоя тя чьсти господь тамо съподобивъ и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, вижь чадо свое Георгиа[3], вижь утробу свою, вижь милааго своего, вижь, его же господь изведе отъ чреслъ твоих; вижь красяащаагo столъ земли твоеи, и възрадуися, възвеселися. Къ сему же вижь и благовѣрную сноху твою Ерину[4], вижь вънукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимы суть господемъ, како благовѣрие держать по преданию твоему, како въ святыа церкви частять, како славять Христа, како поклоняются имени его. Вижь же и градъ величьствомъ сиающь, вижь церкви цветущи, вижь христианьство растуще, вижь градъ иконами святыихъ освѣщаемъ и блистающеся, и тимиаyомъ объухаемь*, и хвалами и божественами пѣнии святыими оглашаемь. И си вся видѣвъ, възрадуися, и възвеселися, и похвали благаго бога, всѣмъ симъ строителя...

ПОСЛАНИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО К КИЕВСКОМУ КНЯЗЮ ИЗЯСЛАВУ ЯРОСЛАВИЧУ О ВЕРЕ ХРИСТИАНСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ

Послание Феодосия было написано в конце 60-х — начале 70-х гг. XI в. Оно характерно для понимания настроения церковных и литературных деятелей, их отрицательного отношения к католичеству и вместе с этим внимательного отношения к людям разных вер и народов. Жанр сочинения — послание, хотя оно и названо «словом». Отрывок из послания печатается по опубликованной рукописи XIV—XV в. в издании: Труды Отдела древнерусской литературы.— М.; Л., 1935.— Т. II.

Слово ми есть к тобе, княже богилюбивый, аз Федос худый раб пресвятыя троица отца и сына и святаго духа въ чистѣи и правовѣрнѣи вѣре рожен и воспитан в добрѣ, и наказанья правовѣрным отцом и матерью наказываюче мя добру закону. Вѣре же латыньстѣи* не прелучаите, ни обычая их держати и комканья* их бѣгати и норова их гнушати...

...И свою вѣру непрестанно хвали, ни свися к ним, но бѣгаи их и подвизаися въ своеи вѣре добрыми дѣелы, милостынею милуи ни

[1] *Великие врата,* т. е. Золотые ворота в Киеве — замечательный архитектурный памятник XI в., остатки которого сохранились до нашего времени.

[2] Обычная религиозно-христианская идея, что смерть есть сон, временное состояние до пробуждения умерших при кончине мира, когда они будто бы встанут из своих могил.

[3] *Георгий* — христианское имя Ярослава Мудрого.

[4] *Ирина* — жена Ярослава Мудрого.

токмо своея вѣры, но и чюжия. Аще ли видиши нага или голодна или зимою или бѣдою ядержима, аще ли ти будудеть жидовин*, или срацин*, или болгарин[1], или еретик, или латинянин, или от всѣх поганых — всякого помилуи и от бѣды избави, яже можеши, и мъзды от бога не лишен будешь. Бог бо и сам нынѣ поганыя набдит, яко же и крестьяны, поганым же иновѣрцем в сем вѣце попеченье от бога, а в будущем же чюжи будут добрыя дѣтели.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

«Житие Феодосия Печерского» написано Нестором, великим древнерусским писателем, автором жития Бориса и Глеба и знаменитого древнейшего летописного свода «Повести временных лет». Нестор составил житие Феодосия в 80-х гг. XI в., после написания жития Бориса и Глеба, как об этом говорится в предисловии. Житие дошло в списке XII в., в составе рукописного сборника XII—XIII вв., хранившегося в Успенском соборе Московского Кремля и известного под названием «Успенский сборник». Отрывки из жития печатаются по новейшему изданию списка XII в. (Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова.— М., 1971), с учетом публикации О. В. Творогова в книге: Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). — М., 1969.

Благодарю тя, владыко мой господе Иисусе Христе, яко съподобилъ мя еси недостоинааго сповѣдателя быти святыимъ твоим въгодьникомъ. Се бо испьрва писавъшю ми о житие и о погублении и о чюдесьхъ святою и блаженою страстотерьпцю Бориса и Глеба, понудихъ ся и на другое исповѣдание прити, еже выше моея силы, ему же и не бѣхъ достоинъ грубъ сы и неразумичьнъ, къ симъ же яко и не бѣхъ ученъ же хытрости*...

<**Рождение и детство.**> Градъ есть отстоя отъ Кыева града стольнааго 50 попьрищь*, въ томъ бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крестияньстѣи живуща и всячьскыимь благочьистиюмь украшена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмыи день принесоста и къ святителю божию, яко же обычаи есть крьстияномъ, да имя дѣтщю нарекуть. Просвутеръ же видѣвъ дѣтища и сьрьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада богу дати ся, Феодосиемь того нарицають[2]. Таче же яко и минуша 40 дьнии дѣтищю, крѣщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать божия съ нимь и духъ святыи измлада въсели ся въ нь...

Бысть же родителяма блаженаго переселитися въ инъ градъ, Курьскъ нарицаемыи, князю тако повелѣвъшю, поче же реку богу сице изволивъшю, да и тамо добляаго отрока житие просияеть...

Мы же пакы поидемъ на прьвое исповѣдание святааго сего отрока. Растыи убо тѣлъмь и душею влекомъ на любъвь божию и хожаше по вся дьни въ церковь божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всѣмь въниманиемь, еще же и къ дѣтьмъ играющимъ не

---

[1] Имеются в виду волжские булгары.

[2] *...хощеть измлада богу дати ся, Феодосиемь того нарицають* — игра слов, основанная на семантике греческого слова «Феодосий» — буквально «богодатель».

приближашеся, яко же обычаи есть унымъ, нъ гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана, о семь же многашьды родителема его нудящема и облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогыхъ. Къ симъ же и дати ся на учение божьствьныхъ книгъ единому от учитель, яко же и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия*, и яко же всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемь, не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся.

<Смерть отца. Столкновение с матерью.> Сущю же тъгда божьствьному Феодосию 13 леть, оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣи бывати, яко же исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь. Мати же его оставляше и не велящи ему тако творити, моляше и пакы облачитися въ одежю свтьлу, и тако исходити ему съ съвьрьстьникы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному и томь не послушающю ея. И яко же многошьды еи отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и. Бѣ бо тѣломь крѣпка и сильна, яко же и мужь. Аще бо кто и не видѣ въ ея, ти слышааше ю бесѣдующю, то начьняше мьнѣти мужа ю суща.

Къ симъ же пакы божьствьныи уноша мысляше, како и кымь образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святыхъ мѣстѣхъ, иде же господь нашь Иисусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся богу, глаголя: «Господи Иисусъ Христе мои, услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ». И тако многашьды молящюся ему, и се придоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я божьствьныи уноша, и радъ бывъ, текъ поклонися имъ и любьзно цѣлова я и въпроси я, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмь, и аще богу велящю хощемъ въспять уже ити. Святыи же моляше я да и поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника и съ творяти и съ собою. Они же обѣщашася пояти и съ собою и допровадити и до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ блаженыи Феодосии, еже обѣщашася ему, радъ бывъ иде въ домъ свои. И егда хотяху страньнии отъити, възвѣстиша уноши свои отходъ. Онъ же въставъ нощию и не вѣдущю никому же, та изиде из дому своего, неимыи у себе ничсо же, развѣ одежа, въ неи же хожаше, и та же худа. И тако изиде въслѣдъ страньныхъ. Благыи же богъ не попусти ему отити отъ страны сея. Его же ищрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сеи богогласьныихъ овьць назнамена, да не пастуху убо отшьдъшю да опустѣеть пажить, юже богъ благослови, и търние и вълчьць въздрастеть на неи и стадо разидеться.

По трьхъ убо дьньхъ увѣдѣвъши мати его, яко съ страньныими отъиде и абие погъна въ слѣдъ его, тъкъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьнии блаженааго Феодосия. Таче же яко гънаста путь мъногъ, ти тако пристигъша яста и. И отъ ярости

же и гнѣва мати его имъши и за власы и поврьже и на земли и своима ногама пъхашети и. И страньныя же много коривъши, въврати ся въ домъ свои, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана. Тольми же гнѣвъмъ одрьжима, яко и въ домъ еи пришьдъши, бити и, дондеже изнеможе. И по сихъ же възведъши и въ храмъ* и ту привяза и изатворьши и тако отъиде.

Божьственыи же уноша вься си съ радостию приимаше, и бога моля благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дьнию отрѣши и и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмь одьржима сущи, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не пакы отъбѣжить отъ нея. Тако же сътвори, дьни мъногы ходя. По томь же пакы умилосрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати и, да не отъбѣжить отъ нея, любляше бо и зѣло паче инѣхъ и того ради не тьрпяше без него. Оному же обѣщавъшюся еи не отъити отъ нея. Съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженыи же Феодосии на прьвыи подвигъ възвратися и хожаше в цьрковь божию по вся дьни...

Далее рассказывается, как мать, не выполнив своего обещания, продолжала преследовать сына, и Феодосий тайно убегает из дома в Киев. После долгих мытарств он попадает в пещеру к Антонию, который принимает его и постригает в монахи Киево-Печерского монастыря. Мать предприняла розыски беглого сына, разыскала его и потребовала, чтобы он вернулся в дом. Однако Феодосий оказался непреклонным — он остается в монастыре, в конце концов постригается и мать в один из киевских монастырей. Описание жизни Феодосия в Киево-Печерском монастыре содержит много интересных бытовых подробностей, в частности о жизни и писательстве известных деятелей русской литературы середины XI в. Иллариона и Никона Великого, рассказами которых воспользовался и автор для написания этого жития. В житии описываются чудеса, значительная часть которых представляет собой бытовые рассказы из монастырской жизни. Значительное внимание уделено описанию отношения монастыря с киевскими князьями, о вмешательстве игуменов в действия князей.

<Об изготовлении книг и писательстве. Чудо с принесенной гривной.> Мъногашьды же пакы Великууму Никону[1] сѣдящю и дѣлающю книгы, и блаженууму (Феодосию) въскраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу. Тако ти бѣ того мужа съмѣрение и простость, и никто же его николи же видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща...

Се пакы тъ же чьрньць Иларионъ съповѣда ми, бяше бо и книгамъ хытръ псати, сии по вся дьни и нощи писааше книгы въ келии у блаженааго отца нашего Феодосия. Оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къжьдо свое дѣло, и се въниде икономъ, глаголя блаженому, яко въ утрии дьнь не имамъ купити еже на ядь братии и на ину потребу. Тоже блаженыи

[1] *Великий Никон* — игумен Киево-Печерского монастыря, летописец, составитель Киево-Печерского свода 1073 г.

глагола ему: «Се яко же видиши уже вечеръ сущь и утрьнии дьнь далече есть. Тѣмь же иди и потрьпи мало моляся богу, некъли тъ помилуеть ны и попечеться о нас, яко же самъ хощеть». И то слышавъ икономъ* отъиде. Таче шедъ блаженыи иде въ келию свою пѣть по обычаю оба на десяте псалма. Тако же и по молитвѣ шьдъ сѣде дѣлая дѣло свое. И се пакы вънидe икономъ то же глаголя. Тъгда отвѣща ему блаженыи: «Рѣхъ ти, иди и помолися богу. Въ утрии дьнь шедъ въ градъ и у продающихъ да и възьмеши въ заимъ, иже ти на потребу братии, и послѣдь егда благодѣявъшюуму богу отдамы дългъ отъ бога. Таче вѣрьнъ есть глаголяи: «Не пьцѣтеся утрѣишимь, и ть не имать насъ оставити». Таче отшедъшю иконому. И се вълезе свѣтьлъ отрокъ въ воиньстѣи одении и поклонивъся и ничьсо же рекыи и положивъ же на стълпѣ гривьну злата, и тако пакы мълча излезе вънъ. Тъгда же въставъ блаженыи и възьмъ злато, и съ сльзами помолися въ умѣ своемь. Таче вратаря възъвавъ пыташе и, еда къто къ воротомъ приходи въ сию нощь. Онъ же съ клятвою извѣщася, яко и еще свѣтѣ затвореномъ сущемъ воротомъ и оттолѣ нѣсмь ихъ отврьзалъ и никто же приходилъ къ нимъ. Тъгда же блаженыи, призвавъ иконома, подастъ ему гривьну злата глаголя: «Чьто глаголеши, брате Анастасе, яко не имамъ чимь купити братии требования, нъ сице шьдъ купи, еже на потребу братии. Въ утрѣи же пакы дьнь богъ да попечеться нами». Тъгда же икономъ разумѣвъ падъ поклонися ему. Блаженыи же учааше и глаголя: «Николи же не отъчаися, нъ въ время крѣпяся, вьсю печаль свою възвьрзи къ богу, яко то попечеться нами, яко же хощеть, и отъвориши братии праздьникъ великъ дьнесь». Богъ же пакы не скудьно подаваaше ему, еже на потребу божествьнууму тому стаду.

<**Отношение Феодосия к князю Святославу.**> Сицево преподобьному прѣблаженому отцю нашему Феодосию, пасущю стадо свое съ вьсякыимь благочьстиемь и чистотою, и еще же и житие свое съ въздьрьжаниемь и подвигъмь исправляюще.

Бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако. От вьселукаваaго врага въ трьхъ кънязьхъ[1] братии сущемъ по плъти, яко же дъвѣма брань сътворити на единого старѣишааго си брата христолюбьца, иже по истинѣ боголюбця Изяслава. Тоже тако тъ прогънанъ бысть от града стольнааго, и онѣма пришьдъшема въ градъ тъ посылаета же по блаженааго отца нашего Феодосия, бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдъ, и причетатися неправьдьнѣмь томь съвѣтѣ. Тоже иже бѣ испълъненъ духа святаго, преподобьныи же Феодосии разумѣвъ, еже неправьдьно суще изгънание, еже о христолюбьци, глаголеть посъланому, яко не имамъ ити на трапезу вельзавелину* и причаститися брашьна того, испълнь суща кръви и убиистъва. И ина же многа укоризньна глаголавъ. Отпусти того рекыи: «Яко да възвѣстиши вься си посълавъшимъ тя».

---

[1] *Бысть въ то время съмятение... в трьхъ кънязьхъ* — сыновья Ярослава Мудрого Святослав черниговский и Всеволод переяславский изгнали в 1073 г из Киева своего брата Изяслава.

Нъ обаче она аще и слышаста си, нь не възмогоста прогнѣватися на нь, видяста бо правьдьна суща человѣка божия, ни пакы же послушаста того, нъ устрьмистася на прогънание брата своего, иже от вьсея тоя области отъгънаста того. И тако възвратистася въспять, и единому сѣдъшю на столе томь, брата и отця своего, другому же възвратившюся въ область свою. Тъгда же отець нашь Феодосии напълнивъся святаго духа начатъ того обличати, яко неправьдьно сътворивъша и не по закону сѣдъша на столѣ томь. И яко отця си и брата старѣишаго прогънавъша, тоже тако обличаше того, овъгда епистолия* пиша, посылааше тому, овъгда же вельможамъ его приходящемъ къ нему обличааше того о неправьдьнѣмь прогънании брата, веля тѣмъ повѣдати тому. Се же и послѣ же въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: «Гласъ кръве брата твоего въпиеть на тя къ богу, яко Авелева на Каина, и инѣхъ многыихъ дрѣвниихъ гонитель и убоиник и братоненавидъникъ приводя, и притъчами тому вься еже о немь указавъ. И тако въписавъ посъла. И яко тъ прочьте епистолию ту, разгнѣвася зѣло и яко львъ рикнувъ на правьдьнааго и удари тою о землю. И яко же отътолѣ промъчеся вѣсть еже на поточение осужену быти блаженому. Тоже братия въ велицѣ печали быша, имоляаху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже тако же и от боляръ мънози приходяще повѣдахуть ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхуть и не супротивитися ему. «Се бо,— глаголааху,— на заточение хочеть тя посълати». Си же слышавъ блаженыи, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духъмь и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсо же ми блаже въ житии семь, еда благодатьство имѣнию лишение нудить мя, или дѣтии отлучению и селъ опечалуеть мя. Ничьсо же от таковыихъ принесохомъ въ миръ сь, нь нази радихомъся, тако же подобаеть намъ нагомъ проити от свѣта сего. Тѣмь же готовъ есмь или на съмьрьть». И оттолѣ начать того укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Нъ обаче нъ аще и вельми разгнѣвался бѣ на блаженааго, нъ не дьрьзну ни единого же зъла и скърьбьна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобна и правьдьна суща его. Яко же прѣже многашьды, его ради, завидяаше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своеи. Яко же съповѣдаше, слышавъ от того чьрноризьць Павьлъ игуменъ сыи от единого монастыря сущиихъ въ области его...

И въ единъ от дьнии шьдъшю тому благому и богоносьному отцю нашему Феодосию, и яко въниде въ храмъ, иде же бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играюща прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя* пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемся, яко же обычаи есть прѣдъ княземь. Блаженыи же бѣ въскраи его сѣдя и долу нича, и яко малы въсклонивъся рече къ тому: «То будеть ли сице на ономь свѣтѣ?» Тоже ту абие онъ съ

словъмь блаженааго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмь прѣстати. И оттолѣ аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повѣлевааше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

КНЯЖЕСКОЕ ЖИТИЕ. СКАЗАНИЕ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ

«Сказание о Борисе и Глебе» написано неизвестным автором в конце XI—начале XII в. По своему жанру «Сказание» лежит у истоков княжеских житий. Оно дошло до нас во множестве списков, ранний из которых относится к XII в. (см.: Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова.— М., 1971.— С. 42—71). Опыт восстановления архетипа текста «Сказания» на основе списка XII в. сделан С. А. Бугославским в исследовании «Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба» (Киев, 1928), откуда оно перепечатывается с некоторыми исправлениями, сделанными Н. К. Гудзием (см.: Хрестоматия по древней русской литературе.— М., 1973).

«Родъ правыихъ благословиться», рече пророкъ, «и сѣмя ихъ въ благословении будеть».

Сице убо бысть малъмь преже сихъ лѣтъ, сущю самодрьжьцю вьсеи Русьстѣи земли Володимеру, сыну Святославлю, вънуку же Игореву, иже и святыимь крещениемь просвѣти всю землю Русьску; прочая же его добродѣтели инде съкажемъ, нынѣ же нѣсть время, а о сихъ по ряду сице есть: сь убо Володимеръ имѣяше сыновъ 12, не отъ единоя жены, нъ отъ раснъ матеръ ихъ, въ нихъ же бяже старѣи Вышеславъ а по немь Изяславъ, третий Святопълкъ, иже и убийство се зълое изъобрѣтъ. Сего мати преже бѣ чьрницею, грькыни, сущи, и поялъ ю бѣ Яропълкъ, братъ Володимеръ, и popстригъ ю красоты дѣля лица ея и зача отъ нея сего Святоплъка. Володимеръ же поганъ еще убивъ Ярополка[1], и поятъ жену его непраздьну* сущю; отъ нея же родися сии оканьный Святопълкъ. И бысть отъ дъвою отцю и брату сущю; тѣмъ же и не любляаше его Володимеръ, акы не отъ себе ему сущю; а отъ Рогънѣди 4 сыны имѣяше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ българынѣ Бориса и Глѣба. И посажа я по роснамъ землямъ въ княжении, иже инъде съкажемъ; сихъ же исъповѣмы убо; о нихъ же и повѣсть си есть. Посади убо сего оканьнааго Святопълка въ княжении Пиньскѣ, а Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ. Нъ се остану много глаголати, да не во многописании въ забыть [е] вълѣземъ. Нъ о немь же начахъ, си съкажемь убо сице. Многомъ же дньмъ уже минувъшемъ и яко съконьчашася дние Володимеру, уже минувъшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крьщении, въпаде въ недугъ крѣпъкъ. Въ то же время бяше пришелъ

[1] *Володимеръ же погань еще убивъ Ярополка* — подробно об этом событии см. в летописной повести о Владимире Святославиче под 6488 (980) г.

Борисъ из Ростова. Печенѣгомъ же отъинуду пакы идущемъ ратию на Русь, въ велицѣ печали бяаше Володимеръ, зане не можаше изити противу имъ, и много печаляашеся, и призъвавъ Бориса (ему же бѣ имя издѣяно въ святѣмь крьщении Романъ), блаженаага и скоропослушьливаго, предавъ воѣ многы в руцѣ его, посъла и противу безбожьнымъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостию въставь иде рекъ: «Се готовъ есмь предъ очима твоима сътворити, елико велить воля сердца твоего». О таковыхъ бо рече Притъчьникъ[1]: «Сынъ быхъ отцю послушьливъ и любимъ предъ лицьмь матере своея».

Отшедъшю же ему и не обрѣтъшю супостать своихъ, възвратившюся ему въспять, и се приде вѣстьникъ къ нему съказа отчю ему съмьрть, како преставися отець его Василии[2] (въ се бо имя бяше нареченъ въ святѣмь крьщении), и како Святопълкъ потаи съмьрть отца своего, и ночь проимавъ помостъ на Берестовѣмь[3] и въ ковьръ обьртѣвъше съвѣсивъше ужи на землю, везъше на саньхъ, поставиша и въ цьркви святыя богородица. И како услыша, начатъ тѣлъмъ утьрпывати и лице его вьсе сльзъ испълнися; и сльзами разливаяся и не могыи глаголати, въ сьрдци си начать сицевая вѣщати: «Увы мнѣ, свѣте очию моею, сияние и заре лица моего, бръздо уности моеѣ, наказание недоразумия моего! Увы мнѣ, отче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому възьрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго учения и казания разума твоего? Увы мнѣ, увы мнѣ! Како заиде, свѣте, мой, не сущу ми ту! Да быхъ понѣ самъ чьстьное твое тѣло своима рукама съпряталъ и гробу предалъ, нъ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни съподобленъ быхъ цѣловати добролѣпьныхъ твоихъ сѣдинъ. Нъ, о блажениче, помяни мя въ покои твои. Сьрдце ми горить, душа ми съмыслъ съмущаеть и не вѣмь, къ кому обратитися и къ кому сию горькую печаль простръти: къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отца мѣсто,— нъ тъ мьню о суетии мирьскыихъ поучаеться и о убиении моемь помышляеть; да аще на убийство мое потьщиться, мученикъ буду господу моему, азъ бо не противлюся, зане пишеться: «Господь гърдыимъ противиться, съмѣреныимъ же даеть благодать»; апостолъ же: «Иже,— рече,— бога люблю, а брата своего ненавидить, лъжь есть». И пакы: «Боязни въ любъви нѣсть; съвьршеная любы вънъ измещеть страхъ». Тѣмь же чьто реку или чьто сътворю? Се да иду къ брату моему и реку: «Ты ми буди отець: ты ми брать и старѣи. Чьто ми велиши, господи мои?»

И си на умѣ си помышляя, идяше къ брату своему и глаголааше въ сердци своемь: «То понѣ узьрю ли си лице братьца моего мьньшааго Глѣба, яко же Иосифъ Вениямина?» И та вься полагая

[1] Имеется в виду библейский царь Соломон, которому приписывают притчи, включенные в Библию.

[2] *Василий* — христианское имя Владимира Святославича.

[3] *Берестовое* — село вблизи Киева, загородная резиденция князя.

въ сердци глаголааше: «Воля твоя да будеть, господи мой!» Помышляше же въ умѣ своемь: «Аще поиду въ домъ отца своего, то языци мнози еда превратять сьрдце мое, яко прогнати ми брата моего, яко же и отець мои прежде святого крьщения, славы ради и княжения мира сего, иже все мимоходить и хуже паучины,— то камо имамъ приити по отшьствии моемъ отсюду? Как ли убо обрящюся тъгда? Кыи ли ми будеть отвѣтъ? Къде ли съкрыю мъножьство грѣховъ моихъ? Чьто бо приобрѣтоша преже братия отца моего или отець мои? Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница и брячины, сребро и злато, вина и медове, брашьна чьстьная и быстрыи кони, и домове красьнии и велиции, и имѣния многа, и дани и чьсти бещисльны, и гърдѣния, яже о болярѣхъ своихъ? Уже все се имъ акы не было николи же: вся съ нимъ ищезоша. И нѣсть помощи ни отъ кого же сихъ: ни отъ имѣния, ни отъ множьства рабъ, ни отъ славы мира сего. Тѣмь и Соломонъ, все прошьдъ, вься видѣвъ, вься сътяжавъ и съвъкупивъ и вься расмотрѣвъ, рече: «Вьсе суета и суетие суетию буди». Тъкмо помощь отъ добръ дѣлъ, и отъ правовѣрия, и отъ нелицемѣрьныя любъве».

Идыи же путьмь помышляаше о красотѣ и добротѣ телесе своего, и сльзами разливаашеся вьсь и хотя удръжатися и не можааше. И вси зьряще его тако слезна, плакаахуся о доброродьнѣмь тѣлѣ и чьстьнѣмь разумѣ въздраста его, и къждо въ души своей стонааше горестию сьрдьчьною, и вси съмущаахуся о печали.

Кьто бо не въсплачеться, съмрьти тоѣ пагубноѣ приводя предъ очи сьрдца своего?

Образъ бо бяаше унылыи его, възоръ и скрушение сърдьца его святого. Такъ бо бѣ блаженыи тъ правьдивъ, и щедръ, тихъ, крътъкъ, съмѣренъ; всѣхъ миля и вься набъдя.

Помышляаше же въ себѣ богоблаженый Борисъ и глаголааше: «Вѣдѣ, яко брата моего зълу ради чловѣци понудять и на убийство мое и погубять мя. Да аще пролѣеть кръвь мою, то мученикъ буду господу моему, а духъ мои прииметь владыка».

Таче, забывъ скърбь съмьртьную, тѣшааше сьрдце свое о словеси божии. «Иже погубить душю свою мене ради и моихъ словесъ, обрящеть ю въ животѣ вѣчьнѣмь, съхранить ю».

И поиде радъстьнъмь сьрдцьмь рекыи: «Не презьри мене, господи премилостиве, уповающаaго на тя, нъ спаси душю мою».

Святопълкъ же сѣдя Кыевѣ по отци. Призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти я. Посла же къ Борису, глаголя: «Брате, хочю съ тобою любвъвь имѣти, и къ отьню данию еще ти придамъ». Льстьно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду ночь отай*, призъва Путьшю и вышегородьскыѣ мужѣ и рече имъ: «Повѣдите ми по истинѣ, приязньство* имѣете ли къ мнѣ?». Путьша рече: «Вьси мы можемъ главы своя положити за тя».

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяи дъбра человѣка, яко вьсю надежю свою на господа положилъ есть святый Борисъ, начатъ подвижьнѣи бывати, и обрѣть, яко же преже Каина на брато-

убииство горяща, тако же и Святопълка, по истинѣ въторааго Каина, улови мыслью: яко да избиеть вся наследьникы отца своего, а самъ приимьть всю власть единъ.

Тъгда призъва къ себѣ оканьный трьклятыи Святопълкъ съвѣтьникы всему злу и начальникы всеи неправьдѣ, и отъвьрзъ прескврьныая уста, испусти зълый гласъ, рече: «Путьшинѣ чади! Аще убо обѣщастеся главы своя положити, шедъше убо, братия моя, отаи, къде обрящете брата моего Бориса, съмотрьше время, убиите и».

И обѣщашася ему тако сътворити.

О таковыхъ бо рече пророкъ: «Скори суть пролияти кръвь бес правьды; си бо обѣщаваються кръви и събирають себѣ злая; сихъ путье суть събирающеи беззаконие: нечьстиемъ свою душю обиемлють».

Блаженыи же Борисъ, яко же ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Льтѣ[1] шатьры, и рѣша къ нему дружина: «Поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни*: се бо вси вои въ руку ти суть». Онъ же имъ отвъщавааше: «Не буди ми възняти рукы на брата старѣиша мене, его же быхъ имѣлъ акы отца».

Си слышавше, вои разидошася отъ него, а самъ оста тъкъмо съ отрокы своими. И бяаше въ дьнь суботьныи: въ тузѣ и печали удручьнъмь сьрдцьмь и вълѣзъ въ шатьръ плакашеся съкрушенъмь сьрдцьмь, а душею радостьною, жалостьно гласъ испущааше: «Сльзъ моихъ не презьри, владыко, да яко же уповаю на тя! Тако да съ твоими рабы приму часть и жрсбии съ вьсѣми святыими твоими, яко ты еси богъ милостивъ и тебѣ славу въсылаемъ въ вѣкы. Аминь».

Помышляшеть же мучение и страсть святаго Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему убиену бывъшю, и како святѣи Варварѣ отьць свои убиица бысть[2]. И помышляаше слово премудрааго Соломона: «Правьдьници въ вѣкы живуть, и оть господа мьзда имъ, и строение имъ отъ вышьняаго». И о семь словеси тъчию утѣшаашеся и радоваашеся.

Таче бысть вечеръ, и повелѣ пѣти вечерьнюю, а самъ вълѣзъ въ шатьръ свои, начать молитву творити вечерьнюю съ сльзами горькыми и частыимь въздыханиемь и стонаниемь многымь. По сихъ леже съпати, и бяше сънъ его въ мнозѣ мысли и въ печали крѣпъцѣ и тяжьцѣ и страшнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и течение съконьчати, и вѣру съблюсти, яко да и щадимый вѣньць прииметь отъ рукы вьседьржителевы. И възбьнувъ рано, видѣ, яко годъ* есть утрьнии,— бѣ же въ святую недѣлю,— рече къ прозвутеру* своему: «Въставъ, начьни заутрьнюю». Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начатъ молитися къ господу богу.

[1] *Льтѣ* — Альта, река в Переяславском княжестве, приток Трубежа.

[2] *Никита* — раннехристианский мученик. *Вячеслав* — чешский князь Вацлав, был убит родным братом Болеславом в 936 г. *Варвара* — раннехристианская мученица, которой отсек голову собственный отец; мощи ее с 1108 г. хранились в Киево-Печерском монастыре.

Посъланнии же придоша отъ Святопълка на Льто ночь и подъступиша близъ, и слышаша гласъ страстотьрпьца, поюща псалмы заутрьняя,— бяше же ему вѣсть о убиении его.— И начать пѣти: «Господи, чьто ся умножиша сътужающии ми и мнози въсташа на мя», и прочая псалма до коньца. И начать пѣти Псалтырь: «Обидоша мя пси мнози и уньци тучьни одьржаша мя»; и пакы: «Господи, боже мои, на тя уповахъ: спаси мя». Таже по семь канонъ. И коньчавъшю ему утрьнюю, начать молитися, зьря къ иконѣ господьни, рече: «Господи, Исусе Христе, иже симь образъмь явися на земли, изволивыи волею пригвоздитися на крьстѣ и примъ страсть грѣхъ ради нашихъ, сподоби и мя прияти страсть!»

И яко услышаше топотъ зълъ окрьстъ шатьра и трьпьтьнъ, и начатъ сльзы испущати отъ очию своею, и глаголааше: «Слава ти, господи, о вьсемь, яко съподобилъ мя еси зависти ради прияти сию горькую съмьрть и все престрадати любъве ради словесе твоего. Не въсхотѣхъ бо възискати себе самъ; ничьто же себѣ изволихъ по Апостолу: «любы вьсе тьрпить, всему вѣру емлеть и не ищеть своихъ», и пакы: «боязни въ любъви нѣсть; съвьршеная бо любы вънъ отъмешеть боязнь». Тѣмь, владыко, душа моя въ руку твоею выну, яко закона твоего не забыхъ; яко господеви годѣ бысть, тако буди. И яко узьрѣста попинъ его и отрокъ, иже служаше ему, и видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суща, расплакастася зѣло и глаголаста: «Милыи господине наю и драгыи! Колико благости испълненъ бысть, яко не въсхотѣ противитися брату любъве ради Христовы, а коликы воя дьржа въ руку своею!»

И си рекъша умилистася. И абие узьрѣ текущихъ къ шатьру, блистание оружия и мечьное обнажение. И без милости прободено бысть чьстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженнааго Христова страстотьрпьца Бориса. Насунуша копии оканьнии: Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько. Видѣвъ же отрокъ его, вьржеся на тѣло его, рекыи: «Да не остану тебе, господине мои драгыи! Да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду животъ свои съконьчати».

Бяше же сь родъмь угринъ*, имьньмь Георгии. И бяше възложилъ нань гривьну злату, и бѣ любимъ Борисъмь паче мѣры. И ту же и проньзоша. И яко бысть ураненъ, и искочи изъ шатьра въ оторопѣ. И начаша глаголати стояще округъ его: «Чьто стоите зьряще? Приступивъше, сконьчаимъ повелѣное намъ». Си слышавъ, блаженыи начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти*, глаголя: «Братия моя милая и любимая! Мало ли время отдаите, да понѣ помолюся богу моему». И възьрѣвъ на небо съ сльзами и горцѣ въздъхнувъ, начатъ молитися сицими глаголы:

Следует молитва Бориса.

Таче, възьрѣвъ къ нимъ умиленама, очима и спадъшемь лицьмь, и весь сльзами облиявъся, рече: «Братие, приступивъше, сконь-

чаите службьбу вашю, и буди миръ брату моему и вамъ, братие».

Да елико слышаху словеса его, отъ сльзъ не можааху ни словесе рещи, отъ страха же и печали горькы и мъногыхъ сльзъ, нъ съ въздыханиемь горькымь жалостьно плакаахуся и къждо въ души своеи глаголааше: «Увы мнѣ, къняже нашь милыи и драгыи и блаженыи, водителю слѣпыимъ, одеже нагымъ, старости жьзле, казателю* не наказанымъ! Кто уже си вься исправить? Како не въсхотѣ славы мира сего, како не въсхотѣ веселитися съ чьстьными-ми вельможами, како не въсхотѣ величия, еже въ житии семь. Кто не почюдиться великууму его съмѣрению, кто ли не съмѣриться, оного съмѣрение видя и слыша?»

И абие усъпе, предавъ душю свою въ руцѣ бога жива, мѣсяца иулия въ 24 день, преже 9 каландъ августа.

Избиша же отрокы многы. Съ Георгия же не могуще съняти гривьны и отсѣкъше главу, отъвьргоша и кромѣ*, да тѣмь и послѣдь не могоша познати тѣла его.

Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатьръ, възложивъше на кола*, повезоша. И яко быша на бору, начать въсклоняти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святопълкъ, пославъ два варяга и прободоста и мечьмь въ сердце. И тако сконьчася и въсприять неувядаемыи вѣньць. И положиша тѣло его, принесъше Вышегороду, у цьркве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убииства оканьныи Святопълкъ, нъ и на большая, неистовяся, начать простиратися...

И си на умѣси положивъ, зълыи съвѣтьникъ, дияволь, посла по блаженааго Глѣба, рекъ: «Приди въ бързѣ, отець зоветь тя, и не съдравить ти зѣльми».

Онъ же въ бързѣ, въ малѣ дружинѣ, въсѣдъ на конь, поиде. И пришедъ на Вългу. На полѣ потьчеся подъ нимъ конь въ ровѣ и наломи ногу мало. И яко приде Смолиньску и поиде отъ Смолиньска, яко зьрѣимо едино, ста на Смядинѣ въ кораблици. И въ се время пришьла бяаше вѣсть отъ Передъславы[1] къ Ярославу о отьни съмьрти. И присла Ярославъ къ Глѣбу, река: «Не ходи, брате, отець ти умьрлъ, а брать ти убиенъ отъ Святопълка».

И си услышавъ, блаженыи възпи плачьмь горькыимь и печалию сьрдьчьною и сице глаголааше: «О увы мнѣ, господине мои! Отъ двою плачю плачюся и стеню; дъвъю сѣтованию сѣтую и тужю. Увы мнѣ! увы мнѣ! Плачюся по отци; плачю паче, зѣло отчаяхъся, по тебѣ, брате и господине Борисе. Како прободенъ еси, како без милости прочее съмрьти предася! Како не отъ врага, нъ отъ своего брата пагубу въсприялъ еси. Увы мнѣ! Уне бы ми съ тобою умрети, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житии пожити. Азъ мнѣхъ узьрѣти лице твое англьское. Ти се селика туга състиже

---

[1] *Предслава* — дочь Владимира Святославича и Рогнеды, сестра Бориса и Глеба. В «Киево-Печерском патерике» говорится, что Предслава принимала участие в борьбе со Святополком, у нее скрывался один из слуг убитого Бориса — Моисей Угрин, брат Георгия, убитого вместе с Борисом.

мя, и унылъ быхъ съ тобою, умрети, господине мои. Нынѣ же что сътворю азъ, умиленыи, очюженыи отъ твоея доброты и отъ отца моего мъногааго разума? О милыи мои брате и господине! Аще еси уполучилъ дрьзновение у господа, моли о моемь унынии, да быхь азъ съподобленъ былъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмь».

И сице ему стенющю и плечющюся, и сльзами землю омачающю, приспѣша вънезапу посълании отъ Святопълка, зълыя его слугы, немилостивии кръвопиицѣ, братоненавидьници люти зѣло, сверѣпа звѣри душщю имѣюще.

Святыи же поиде въ кораблици, и срѣтоша и усть Смядины. И яко узьрѣ я святыи, въздрадовася душею, а они узьрѣвъше и омрачаахуся и гребяху къ нему. А съ цѣлования чаяаше отъ нихъ прияти. И яко быша равьно пловуще, начаша скакати зѣлии они въ лодию его, обнажены меча имуще въ рукахъ, блыщащася, акы вода. И абие вьсѣмь весла отъ руку испадоша, и вьси отъ страха омьртвѣша. И си видѣвъ блаженыи, разумѣвъ, яко хотять его убити. Възьрѣвъ къ нимъ умиленама очима и сльзами лице си умывая, съкрушенъмь сьрдцьмь, съмѣренъм разумъмь и частыимь въздыханиемь вьсь сльзами разливаяся, а тѣлъмь утьрпая, жалостьно гласъ испущааше: «Не дѣите мене, братия моя милая и драгая! Не дѣите мене, ничто же вы зъла сътворивъша! Не брезѣте* мене, братие и господье, не брезѣте! Кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братие и господье мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю вашему, а къ моему брату и господину. Помилуите уности моеѣ, помилуите, господье мои! Вы ми будѣте господие мои, азъ вашь рабъ. Не пожьнете мене, отъ жития не съзьрѣла! Не пожьнѣте класа, не уже съзьрѣвъша, нъ млеко безълобия носяща! Не порѣжете лозы, не до коньца, въздрастьша, а плодъ имуща! Молю вы ся и миль вы ся дѣю. Убоитеся рекъшааго усты апостольскы: «не дѣти бывайте умы, зълобиемь же младеньствуите, а умы съвьршени бываите». Азъ, братие, и зълобиемь и въздрастъмь еще младеньствую. Се нѣсть убийство, нъ сырорѣзание. Чьто зъло сътворихъ, съвѣдѣтельствуите ми, и не жалю си. Аще ли кръви моеѣ насытитися хощете, уже въ руку вы есмь, братие, и брату моему, а вашему князю». И ни понѣ единого словесе постыдѣшася, ни мыслью преклонишася, нъ яко же убо сверѣпии звѣрие тако въсхытиша его. Онъ же видѣвъ, яко не вънемлють словесъ его, начать глаголати сице: «Спасися, милый мои отче и господине Василие! Спасися, мати и госпоже моя! Спасися, брате Борисе, старѣишино уности моея! Спасися, брате и поспѣшителю Ярославе! Спасися и ты, брате и враже, Святопълче! Спаситеся и вы, братие и дружино! Вьси спаситеся! Уже не имамъ васъ видѣти въ житии семь, зане разлучаемъ есмь отъ васъ съ нужею». И глаголааше, плачася: «Василие, Василие, отче мой и господине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мои, и призьри, и вижь приключьшаяся чаду твоему. Како без вины закалаемъ есмь! Увы мнѣ, увы мнѣ! «Слыши небо и вънуши земле!» И ты, Борисе, брате, услыши

гласа моего. Отца моего Василия призъвахъ и не послуша мене. То ни ты не хощеши мене послушати? Вижь скърбь сьрдца моего и язву душа моея! Вижь течение сльзъ моихъ, яко рѣку! И никто же не вънемлеть ми; нъ ты убо помяни мя и помолися о мнѣ къ обьщему вьсѣхъ владыцѣ, яко имѣя дързновение и престоя у престола его».

И начатъ, преклонь колѣнѣ, молитися сице:

Следует молитва Глеба.

Таче възърѣвъ къ нимъ умиленъмъ и изъмълкъшьмь гласъмь рече: «То уже приступльше, сътворите, на неже посълани есте!»

Тъгда оканьныи Горясѣръ повелѣ зарѣзати и въ бързѣ. Поваръ же Глѣбовъ, именьмь Търчинъ, изъмъ ножь и имъ блаженааго и закла, яко агня безлобливо, мѣсяца сентября въ 5 дьнь, въ понедѣльникъ.

И принесеся господеви жьртва чиста и благовоньна, и възиде въ небесныя обители къ господу, и узрѣ желаемаго си брата и въспрѣяста вѣньца небесныя, его же и въжелѣста*. И въздрадовастася радостию неиздреченьною, юже и улучиста*.

Оканьнии же они убоицѣ възъвративъшеся, придоша къ пославъшюуму я, яко же рече Давидъ: «възвратяться грѣшьници въ адъ и вьси языци забывающии бога». И пакы: «оружие извлекоша грѣшьници, напрягоша лукъ свои заклати правыя сьрдьцьмь, и оружие ихъ вънидеть въ сьрдьца ихъ, и луци ихъ съкрушаться, яко грѣшьници погыбнуть». И яко съказаша Святопълку, яко сътворихомъ повелѣное тобою, и си слышавъ, вънесеся сръдьцьмь, и събысться, реченое псалмопѣвьцемь Давидъмь: «чьто ся хвалиши о зълобѣ, сильныи! Безаконие въ сь дьнь неправьду умысли язык твои. Възлюбилъ еси зълобу паче благостыня, неправьду, неже глаголаати правьду. Възлюбилъ еси вься глаголы потопьныя языкъ льстивъ. Сего ради раздрушить тя богъ до коньца, въстьргнеть тя и преселить тя оть села твоего и корень твои отъ земля живущихъ».

Убиену же Глѣбови и повьржену на пустѣ мѣстѣ межю дъвѣма колодама. И господь не оставляеть своихъ рабъ, яко же рече Давидъ: «хранить господь вься кости ихъ, и ни едина оть нихъ съкрушиться».

И сему убо святууму лежащю дълго время не остави въ невѣдѣнии и небрежении отинудь пребыти, нъ показа: овогда бо видѣша стълпъ огнънъ, овогда свѣщи горящи и пакы пѣния англьская слышааху мимоходящии гостие ини же ловы дѣюще и пасуще. Си же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о възискании телесе святаго, дондеже Ярославъ, не търпя сего зълаого убийства, движеся на братоубийца оного оканьнааго Святопълка и брани мъногы съ нимъ съставивъ; и вьсегда пособиемь божиемь и поспѣшаниемь святою побѣдивъ, елико брани състави. Оканьный посрамленъ и побѣженъ възвращаашеся...

И оттолѣ крамола преста въ Русьстѣи земли, а Ярославъ прия вьсю власть земля Руськыя и начать въпрашати о тѣлесѣхъ святою,

како или кде положена еста. И о святѣмь Борисѣ повѣдаша ему, яко Вышегородѣ положенъ есть, а о святѣмь Глѣбѣ вьси не съвѣдяаху, тъкмо вьси съвѣдяаху, яко Смолиньске убиенъ есть. И тъгда съказаша ему, яже слышаша отъ приходящиихъ отътуду, како видѣша свѣть и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слышавъ, посѣла на възискание. Смолиньску презвутеры, рекыи, яко то есть мои братъ. И обрѣтоша и, идеже бѣша видѣли. И шьдъше съ крьсты, съ чьстию многою и вънложьше въ корабль и, пришедъше, положиша и Вышегородѣ, идеже лежить и тѣло преблаженааго Бориса. И раскопавъше землю, и тако же положиша и, недоумѣюще, яко же бѣ лѣпо пречьстнѣ.

Се же пречюдьно бысть и дивьно и памяти достоино! Како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого, тоже не врежено пребысть, ни отъ коего же плътоядьца ни бѣаше почьрнѣло, яко обычаи имуть телеса мьртвыхъ, нъ свѣтьло и красьно и цѣло и благувоню имуще. Тако богу съхранивъшю своего страстотьрпьца тѣло!

ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА ДАНИИЛА

Игумен Даниил путешествовал в Палестину между 1106 и 1113 гг. Тогда же были написаны путевые очерки, которые назывались в Древней Руси «хождениями», «путниками», «странниками». «Хождение игумена Даниила» отличается простотой языка и точностью описаний природы, экономики, памятников христианской культуры и библейско-исторических мест. В хождении много внимания уделяется изложению легендарно-апокрифических сказаний. Игумен Даниил по праву считается родоначальником жанра хождений. До нас дошло более 100 списков хождения Даниила, ранние из них относятся к XV в. Отрывки из хождения печатаются по раннему списку, изданному М. А. Веневитиновым в «Православном палестинском сборнике» (т. I, вып. III и IX, СПб., 1885).

ЖИТЬЕ И ХОЖЕНЬЕ ДАНИЛА, РУСЬСКЫЯ ЗЕМЛИ ИГУМЕНА

Се азъ недостойный игуменъ Данилъ Русския земля, хужши во всѣхъ мнисѣхъ, смѣренный грѣхи многими, недоволенъ сый во всякомъ дѣлѣ блазѣ понуженъ мыслию своею и нетерпѣниемъ моимъ, похотѣхь видѣти святый градъ Иерусалима и землю обѣтованную. И благодатию божиею доходихъ святаго града Иерусалима и видѣхъ святая мѣста, обходихъ всю землю Галилейскую и около святаго града Иерусалима по святымъ мѣстомъ, кудаже Христосъ богъ нашъ походи своима ногама и велика чюдеса показа по мѣстомъ тѣмъ святымъ. И то все видѣхъ очима своими грѣшныма беззлобивый показа ми богъ видѣти, егоже жедахъ* много дний мыслию моею. Братиа и отци, господие мои, простите мя грѣшнаго и не зазрите худоумью моему и гробости, еже писахъ о святѣм градѣ Иерусалимѣ, и о земли той блазѣи, и о пути, еже къ святымъ мѣстомъ. Иже бо кто путемъ симъ ходилъ съ страхомъ божиимъ и смѣреньемъ, не погрѣшить милости божия николи же. Азъ же неподобно ходихъ

путемъ симъ святымъ, во всякой лѣности и слабости и во пьянствѣ и вся неподобная дѣла творя. Но обаче, надѣяся на милость божию и на вашу молитву, да ми простить Христосъ богъ моихъ греховъ бещисленых, да си исписахъ путь си и мѣста сии святая, не возносяся ни величаясь путем симъ, яко что добро створивъ на пути семъ, не буди то: ничтоже бо добра сътворихъ на пути семъ; но любве ради святыхъ мѣстъ сихъ исписахъ все, еже видѣхъ очима своима, дабы не въ забыть было то, еже ми показа богъ видѣти недостойному. Убояхся онаго раба лѣниваго, скрывшаго талантъ* господина своего и не створившего прикупа имъ, да сие написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ. Да кто убо, слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, поскорблъ бы ся душею и мыслию къ святымъ симъ мѣстомъ, и равну мзду приимуть от бога съ тѣми, иже будуть доходили святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози бо дома суще, въ мѣстѣхъ добрыми своими дѣлы достигають мѣсть сихъ святыхъ, иже болшую мзду приимутъ отъ бога спаса нашего Исуса Христа. Мнози бо доходивше святыхъ сихъ мѣсть и святый градъ Иерусалимъ и възнесшеся умомъ своимъ, яко нѣчто добро сътворивше, и погубляють мзду труда своего, от нихъ же первый есмь азъ; мнози бо, ходивше святаго града Иерусалима, пойдутъ опять, много добра не видѣвши, тщаще опять вскорѣ, а сего пути нелзѣ вскорѣ сотворити ни истокомъ* того мощи и вся святаа та мѣста и въ градѣ и внѣ града.

<**О Иерусалимѣ, о лаврѣ.**> Азъ недостои игуменъ Данилъ, пришедъ въ Иерусалимъ, пребыхъ мѣсяцъ 16 въ мѣстѣ въ лаврѣ святаго Савы и тако могохъ походити и испытати вся святая си мѣста. Невозможно бо безъ вожа* добра и безъ языка испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ. И что имѣя въ руку моею худаго моего добыточка е, то отъ того все подавахъ вѣдущиимъ добрѣ вся святаа мѣста въ градѣ и внѣ града, да быша ми указали все добрѣ, якожь и бысть. И пригоди ми богъ налѣсти* в лаврѣ мужа свята и стара деньми и книжна вельми. Тому святому мужеви вложи богъ въ сердце любити мя худаго, и тои указа ми добрѣ вся святаа та мѣста, и въ Иерусалимѣ и по всей земли той поводи мя и до Тивириадскаго моря поводи мя, и до Фаворы, и до Назарефа, и до Хеврона, и до Иордана, и по всѣмъ мѣстом поводи мя, и потрудися со мною любве ради. И ина святаа мѣста видѣхъ многа, яже послѣди скажу.

<**О Иерусалимѣ.**> Есть же святый градъ Иерусалимъ въ дебрехъ, около его горы камены и высокы. Да полны пришедше близько граду тоже видѣти первое столпъ Давидовъ и потомъ, дошедше мало, увидѣти Елеоньскую гору и святаа святыхъ и Воскресение церквь, идѣже есть гробъ господень, и узрѣти потомъ весь градъ. И ту есть гора равна отъ пути близъ града Иерусалима, яко версты вдале; на той горѣ ссѣдають съ конь вси людие и поставляютъ крестьци ту и покланяются святому Воскресению на дозорѣ граду. И бываетъ тогда радость велика всякому христианину, видѣвше святый градъ Иерусалимъ, и ту слезамъ пролитье бываетъ отъ

вѣрныхъ человѣкъ. Никто же бо можеть не прослезитися, узрѣвъ желанную ту землю и мѣста святаа вида, идѣже Христосъ богъ нашь претерпѣ страсти насъ ради грѣшных. И идутъ вси пѣши съ радостию великою къ граду Иерусалиму. И ту есть на лѣвой руцѣ, у пути тамо идучи, церкви святаго Стефана первомученикъ; на томъ мѣсте побиенъ бысть камениемъ Стефанъ первомученикъ отъ июдей, и ту есть гробъ его. И ту есть гора камена плоска, просѣлася въ распятие Христово; то зоветься адъ; есть близь стѣны градныя, яко поверджетъ. И потомъ входять въ святый градъ Иерусалимъ вси людие съ радостию великою враты, сущими близь столпа Давидова, и та суть врата отъ Вифлеома лиць, и ту суть врата Вениаминова. Яко войдуче въ градъ путь есть сквозѣ градъ въ святая святыхъ на правую руку, а на лѣвую къ святому Воскресению, идѣже есть гробъ господень.

<О Ерданѣ.> Иордань же рѣка течеть быстро, бреги же имать обонъ полъ прикруты, а отсуду пологы; вода же мутна велми и сладка пити, и нѣсть сыти пиюще воду ту святую; ни съ нея болѣть, ни пакости во чревѣ человѣку. Всѣмъ же есть подобенъ Иорданъ къ рѣцѣ Сновъстѣй и вширѣ, и въ глубле, и лукарево* течетъ и быстро велми, яко же Сновъ рѣка. Вглубле же есть 4 сажень, среди, самое купѣли, яко же измѣрихъ и искусихъ; самъ собою, ибо пребродихъ на ону страну Иордана, много походихомъ по брегу его: вширѣ же есть Иорданъ, яко же есть Сновь на устии. Есть же по сей странѣ Иордана на купѣли тои, яко лѣси древо не высоко, аки вербѣ подобно есть, выше купѣли тоя на брегу Иорданову стоитъ яко лозие много, но нѣсть якоже наша лоза, но некако аки силяжи* подобно есть; есть же и тростие много; болоние* имать яко Сновь рѣка[1]. Звѣрь многъ ту и свиниu дикии бещисла много, и пардуси мнози, ту суть львове же.

Обонъ полъ Иордана горы высоки каменыя и суть подаль отъ Иордана; а подъ тѣми горами другыя горы близь суть бѣлы...

<О лавре святаго Савы.> ...Лавра же святаго Савы есть на дебри Асафатовѣ, во удоли Плачевнѣ и, яже дебрь от Иерусалима пойдет; от Гепсимании бо дебрь пойдеть сквозѣ лавру и приходить къ Содомьскому морю. Лавра же святаго Савы есть уставлена от бога дивно и несказанно: поток бѣ нѣкако страшен и глубок зѣло и безводен, стѣны имя бѣ высоки, и на тѣх стѣнах лпять кѣлии прилѣплены и утверждены от бога нѣкако дивно и страшно; на высотѣ бо той стоят келии по обѣма странама потока того страшнаго и лпят на скалах, яко звѣзды на небеси утвержены...

И видѣх кладязь святаго Савы, его же показа ему в нощи осля дикое в потоцѣ том, противу келии его; пихом от кладязя того воду сладку и студену зѣло. В мѣстѣ бо том нигдѣ же лѣсть рѣки, ни потока, ни кладязя, но токмо един кладязь святаго Савы; есть бо мѣсто то безводно в горах каменных и есть пустыни та вся суха и безводна, но токмо дождевою водою живи суть сущии отцы в

[1] *Сновь рѣка* — река, протекающая в Черниговской области.

пустыни той. И ту есть близь лавры мѣсто на полудне лиць от лавры, имя мѣсту тому Рува, и есть близь моря Содомьскаго. И суть горы высоки каменыя и пещеры многы ту суть в горах тѣх; и ту суть жили святии отцы в горах тѣх, в пустыни той страшнѣй безводнѣй. И ту суть жилища пардусом и осли дивии* мнози суть.

<**О мертвом море.**> Море же Содомьское мертво есть, не имать в себѣ никакоже животна, ни рыбы, ни рака, ни сколии*; но обаче внесеть быстрость иорданьская рыбу в море то, то не можеть жива быти ни мала часа, но вскорѣ умираеть; изходит бо изъ дна моря того смола чермная верху воды тоя и лежит по брегу тому смола та много; и смрад исходит из моря того, яко от сѣры горяща; ту бо есть мука подъ морем тѣм.

<**О Фаворстѣй горѣ.**> Фаворьская же гора чюдно и дивно, и несказанно, и красно уродилася есть от бога, поставлено есть красно и высоко велми и велика; и есть посреди поля того красьнаго, яко же стог кругол, гора та уродилася есть красно и есть кромѣ всѣх гор подале; и течет рѣка подлѣ гору ту по полю долѣ; и есть по всей горѣ Фаворьстѣ росло древо всякое: смоковь* рожьци* и масличие много зѣло. Вышши же есть Фаворьскаа гора всѣх, сущи окрест ея, и есть уединена кромѣ всѣх гор, и стоит посреди поля красно зѣло, яко стог будеть гораздо здѣлан, кругло и высоко велми и велик ободом; възвыше есть яко же можеть 4-жды съ нея стрѣлити, а еже горѣ на ню, то ни осмижды не мжет на ню въстроѣлити. Есть гора та вся камена, лѣсти же на ню трудно и бѣдно велми по каменню, луками на ню лѣсти, путь тяжек велми; едва бо на ню възлѣзохом отъ 3-го часа до 9-го часа, борзо идуще, едва взидохом на самый верх горы тоя святыа. И есть же на самом версѣ горы тоя мѣсто высоко ко встоку лиць къ зимнему, аки горка камена, мала, островерха; и на том мѣстѣ преобразился есть Христос бог нашь; и ту есть церкви добра создана на мѣстѣ том во имя Преображениа, а другаа — во имя святых пророк Моисия и Илии, подаль того мѣста есть создана церкви на сѣвер лиць от Преображения.

<**О встрече с Иерусалимским королем Болдуином и о «русском кандиле».**> ...Аз худый, недостойный в ту пятницю, в 1 час дни идох къ князю тому Балъдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видѣв мя худаго, и призва мя къ себѣ съ любовию и рече ми: «Что хощеши, игумене Руськый?» Познал мя бяше добрѣ и люби мя велми, яко же есть мужъ благодѣтен и смѣрен велми и не гордить ни мала. Аз же рекох ему: «Княже мой! Господине мой! Молю ти ся бога дѣля и князей дѣля русских, повели ми, да бых и аз поставил свое кандило на гробѣ святѣмь оть всея Руськыя земля!» Тогда же он со тщанием и съ любовию повелѣ ми поставити кандило на гробѣ господни и посла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому святаго Воскресения и къ тому, иже держить ключь гробный. И повелѣста ми, иконом и ключарь святаго гроба, принести ми кандило свое съ маслом. Аз же поклонився има, идох съ радостию великою и купих кандило стькляно, велико вельми, и налив

масла чеснаго все, принесох ко гробу господню, уже вечеру сущу, упросих ключаря того, единого внутрь гроба сущи, и обѣстихся ему; он же отверзе ми двери святыя и повелѣ ми выступити изъ калигов* и тако босого введе мя единого въ святый гроб господень и съ кандилом, еже нося съ собою, и повелѣ ми поставити кандило на гробѣ господни. И поставих своима рукама грѣшныма въ ногах, иде же лежаста пречистѣи нозѣ господа нашего Иисуса Христа; въ главах бо стояше кандило гречьское, на персех* поставлено бяше кандило святаго Савы и благодѣтью божиею та ся 3 кандила вожгоша тогда; а фряжьскаа каньдила повѣшена бяху горѣ, а отъ тѣх ни едино же възгорѣся. Аз же тогда, поставив кандило на гробѣ святѣмь и поклонився честному гробу тому и облобызав мѣсто то святое съ любовью и съ слезами, изыдох из гроба святаго с радостию великою и идох въ келию свою.

<Думы о всей Русской земле.> ...И бог тому послух и святый гроб господень, яко во всѣх мѣстѣх святых не забых имен князь Русскых, и княжнь, и дѣтей их, епископов, игумен, и боляр, и дѣтей моих духовных, и всѣх христиан николи же не забыл есмь; но во всѣх святых мѣстѣх поминал есмь, первѣе поклонялъся есмь за князей за всѣх и потом о своих грѣсѣх помолился есмь. И о сем похвалю благаго бога, яко сподоби мя худаго имена князей Рускых написати в лаврѣ у святаго Савы, и нынѣ поминаются имена их во октении*, съ женами и съ дѣтьми их.

Се же имена их: Михаил Святополк, Василия Владимер, Давидъ Святославичь, Глеб Менский[1]; токмо есмь их помнѣх имѣн, да тѣх вписах, опрочѣ всѣх князь Русскых и о болярех у гроба господня и во всѣх мѣстѣх святых. И отпѣхом литургии за князи Русскыя и за вся християны 50 литургий, а за усопша 40 литургий отпѣхом.

Буди же всѣм, почитающим писание се съ вѣрою и съ любовию, благословение отъ бога и отъ святаго гроба господня и отъ всѣх мѣст сих святых, приимут мзду отъ бога равно съ ходившиими мѣста си святаа: блажени же видѣвше вѣроваша, треблажени не видѣвше вѣровавше; вѣрою бо прииде Авраам въ землю обѣтованную; по истинѣ бо есть вѣра равна добрым дѣлам.

Бога ради, братия и господье мои, не зазрите худоумию моему и грубости моей; да не будет въ похуление написание се, мене ради и гроба господня и святых ради мѣст сих; кто любовию почтеть, да мьзду приметь отъ бога спаса нашего Иисуса Христа и бог мира со всѣми вами въ вѣки. Аминь.

---

[1] Называются имена враждовавших между собой князей: *Михаил Святополк* — Святополк Изяславич, князь киевский; *Василий Владимир* — Владимир Всеволодович Мономах, князь переяславский; *Давид Святославич,* князь черниговский, брат Олега Святославича, который в «Слове о полку Игореве» назван Гориславичем; *Глеб менский* — Глеб Всеславич, князь минский, сын Всеслава полоцкого, воспетого в «Слове о полку Игореве».

ПОУЧЕНИЕ И ПОСЛАНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Владимиру Всеволодовичу Мономаху (1053—1125) принадлежат два сочинения, вошедшие в Лаврентьевскую летопись,— «Поучение чадам своим» и «Послание двоюродному брату князю Олегу Святославичу», Гореславичу, как его назвал автор «Слова о полку Игореве».

О времени написания «Поучения» нет единого мнения. По-видимому, оно было создано в конце 90-х гг. XI в., впоследствии редактировалось и дополнялось. Послание Олегу Святославичу можно датировать 1096 г. В «Поучении» и «Послании» освещаются важнейшие вопросы времени — о воспитании юношества, о необходимости мирным путем решать спорные вопросы межкняжеских отношений, о поведении князя в быту и в воинских походах. Сочинения Владимира Мономаха свидетельствуют о литературной одаренности и высокой культуре князя, в совершенстве владевшего литературным стилем и сумевшего дать образцы таких распространенных жанров в древнерусской литературе, как поучения и послания.

Тексты в сокращении публикуются по изданию: Повесть временных лет / Текст и перевод; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1950.— Ч. I.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы . . . .
. . . . и хрестьяных людий дѣля*, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люба дѣтий моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своея, страх имѣйте божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы* от братья моея[1] на Волзѣ, рѣша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича[2] и волость ихъ отьимем, иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, веземъ Псалтырю[3], в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую* смущаеши мя?» и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах: Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте...

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх

---

[1] *...братья моея* — имеются в виду двоюродные братья Святополк Изяславич киевский и Святослав Давыдович.

[2] *Ростиславича* — родительный падеж двойственного числа; речь идет о Володаре и Васильке теребовльском. См. летописную повесть об ослеплении Василька теребовльского.

[3] *...веземъ Псалтырю* — речь идет о гадании по псалтыри, распространенном в Древней Руси.

своих, рекуще: яко же блудницю и разбойника и мытаря* помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его? Аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будете кресть целовати к братьи или г кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву... от бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣм: смертни есмы, днесь* живи, а заутра в гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна*, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни деныо не лагодите*, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, иде же станете, напойте, накормите унеина*; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землямъ, любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти[1]. Се же вы конець всему; страхъ божий имѣйте выше всего.

---

[1] *Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти* — о женах, особенно злых, много писалось в переводных сборниках изречений «Пчела» и в «Молении Даниила Заточника», где говорится: «Не мужъ в мужех, иже ким своя же жена владеет».

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мне будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро.

Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ[1], в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣните ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ*, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю бога!» И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ* ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. О тъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ[2], посла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с Гордятичемъ, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ* дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глаговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И вто же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ,— ожьгъше Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы, и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Пере-

---

[1] *...изумѣяше 5 языкъ* — неизвестно, какие языки знал Всеволод Ярославич, несомненно, он знал греческий. Из других языков, как указывают исследователи, он мог знать латинский, немецкий, венгерский, половецкий, скандинавский и др.

[2] С юных лет Владимир Мономах был связан с Ростовом. Известно, что он считается основателем г. Владимира, тогда входившего в Ростово-Суздальское княжество. Ростовскому собору он подарил икону богоматери, написанную знаменитым живописцем Алимпием. Поездка в Ростов отрока Мономаха через вятические леса представляла в XI в. большую трудность.

ославля, и отца налѣзохъ* с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга[1].

А и-Щернигова до Кыева нестищьды ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих[2], а прока не испомню менших. И мировъ есмь створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половечскых князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братьѣ 4, а всѣх лѣпшихъ князий инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномъ, Акланъ, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту рѣчку въ Салню. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и до сего лѣта по сту уганивал и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь диких своима рукама связалъ есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по ровни ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. И богъ невережена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи*, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то, я творилъ есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на

---

[1] *...и побѣдихомъ Бориса и Олга* — речь идет о междоусобной княжеской битве на Нежатине близ Чернигова в октябре 1078 г. В этой битве были убиты Изяслав Ярославич (дядя Мономаха) и Борис Вячеславич, а Олег Святославич (Гориславич) спасся бегством.

[2] В «Поучении» перечисляются только 69 походов («великих путий»). О походах Мономаха восторженно говорится в летописях, «Слове о полку Игореве», в «Слове о погибели Русской земли» и др.

вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но аче* добро есть блюсти, божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

ПОСЛАНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою...

Послушах сына своего[1], написах ти грамоту: аще ю примеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоемь писаньи. Сими бо словесы варих* тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем, хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но богъ всей вселенѣ, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти*, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чим има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити* мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи въ помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створих? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго* кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину». Не крове дѣля* пролиться,— помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянье створив посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час, отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхи своя! А бога дѣля пусту ю ко мнѣ вборзѣ с первым сломь, да с нею кончавъ слезы, посажю на

---

[1] *Послушах сына своего* — имеется в виду старший сын Мстислав, который был крестником Олега Святославича.

мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи[1], а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Да же еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», десятью я есмъ послалъ.

Дивно ли, оже* мужь умерлъ в полку* ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего,— ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци*, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло.

Да еже начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, той волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбить, ни местьникъ*. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья твоего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдах, зане* человѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень[2], а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ради; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хощеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба[3] и милосердуюча по тебѣ, очину твою. Али богъ послух* тому, с братом твоимъ рядилися* есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

---

[1] *...и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи* — здесь видно стилевое влияние устной народной поэзии. Ср.:

Коковать буду, горюша, под околенкой,
Как несчастная кокошка во сыром бору,
На подсушной сижу да деревиночке,
Я на горькой сижу да на осиночке.

[2] *...хлѣбъ ѣдучи дѣдень* — обычный фразеологический оборот для обозначения права на владение родовым уделом.

[3] В 1096 г. Святополк Изяславич киевский и Владимир Мономах осаждали Олега Святославича в Стародубе в течение 33 дней, а затем отпустили его с миром.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

АПОКРИФЫ

В XI — первой половине XII в. многие литературные произведения распространялись на Руси на древнеболгарском языке. Одновременно появились переводы и на русский язык. В первую очередь переводились богослужебные книги, псалтырь, а также хроники, жития, повести, апокрифические сказания. Апокрифы — это запрещенные официальной церковью произведения, которые считались «ложными», «отреченными». Несмотря на это апокрифические сочинения были широко распространены на Руси, их мотивы встречаются во всех жанрах древнерусской литературы и искусства. Интерес к апокрифам на Руси возникает в XI в. В это время появляются первые переводы и переработки апокрифических сказаний из византийской и болгарской литератур. На русской почве апокрифы приспосабливали к местным историческим условиям и запросам. Тексты апокрифов «Сказание, како сотворил бог Адама» (возник среди «богомилов» в Болгарии) и «Хождение богородицы по мукам» печатаются по изданию: Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы.— М., 1963.— Ч. II — с некоторыми исправлениями, сделанными Н. К. Гудзием в «Хрестоматии древнерусской литературы» (М., 1973).

СКАЗАНИЕ, КАКО СОТВОРИ БОГЪ АДАМА

...Создати въ земли Мадиамстеи[1] человѣка, вземъ земли горсть ото осьми частей: 1) отъ земли — тѣло, 2) отъ камени — кости, 3) отъ моря — кровь, 4) отъ солнца — очи, 5) отъ облака — мысли, 6) отъ свѣта — свѣтъ, 7) отъ вѣтра — дыхание, 8) отъ огня — оттепла*. И поиде господь богъ очи имати оть солнца и остави Адама единаго лежаща на земли; прииде же окаянный сотона ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и возгрями*. И прииде господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити во Адама, и видѣ его мужа измазанна: и разгнѣвася господь на диавола и нача глаголати: «окаяние диаволе, проклятый, не достоитъ ли твоя погибель? Что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклятъ ты буди»,— и диаволъ исчезе, аки молния, сквозь землю от лица господня. Господь же, снемъ съ него пакости сотонины, и въ томъ сотвори господь собаку и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою* очисти его, аки зерцало, отъ всѣхъ скверн и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ господь отъиде въ горний Иерусалимъ по дыхание Адамлево. И прииде вторые сотона, и восхотъ на Адама напустити злую скверну, и виде собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежаща, и убояся вельми сотона. Собака начала зло лаяти на диавола, окаянный же сотона, вземъ дерево, и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И прииде Исусъ изъ горнево Иерусалима, и видѣ Адама древомъ исколота, и милосердова о немъ и рече сотонѣ: «проклятый диаволе, что сотворилъ человѣку сему, почто вложилъ недуги сия?» Тогда отвѣща диаволъ, окаянный сотона, господу, глаголя: «аще придетъ кая болѣзнь

[1] *Мадиамская земля* — восточный берег Красного моря.

человѣку сему, да не постигнетъ, до скончания всего тобя не помянетъ; аще ль поболитъ, кой недугъ въ немъ постраждетъ, тогда всегда тебя имать на помоць призывати въ недузехъ сихъ». И отгна господь диавола, и исчезе диаволъ, прогна [нъ] аки тма свѣтомъ, и обороти вся недуги въ него.

И посла господь ангела своего, повеле взяти *азъ* на востоцѣ, *добро* на западѣ, *мыслете*[1] на сѣверѣ и на юзѣ. И бысть человѣкъ въ душу живу, нарече имя ему Адамъ. А костей сотвори богъ во Адамѣ 345, и бысть Адамъ царь всѣмь землямъ, и птицамъ небеснымъ и звѣремъ земным и рыбамъ морскимъ, и самовласть* дасть ему богъ. И рече господь Адаму, глаголя: «тебе работаетъ солнце и луна, и звѣзды, и птицы небесныя, и рыбы морския, и птицы, и скоты, и гади».— И насади господь богъ рай на востоцѣ и велѣ Адаму пребыти, а жена Адаму еще не сотворена бысть. И вложи господь богъ сонъ во Адама, и успе Адамъ, и взятъ его ребро лѣвое, и въ томъ ребрѣ протяже руцѣ и нозѣ и главу, и созда ему жену въ шестый день, и показа ему господь свою смерть и распятие и воскресение, и провидѣ вознесение за полшесты тысящь[2] лѣтъ. И видѣ Адамъ господа распята, а Петра въ Римѣ ходяща, а Павла въ Дамасцѣ учаща народъ и проповѣдующе твое воскресение, и вознесеся господь...

И воста Адамъ отъ сна своего и трепетенъ бысть во ужасѣ велицѣ о провидѣнии. И вожда господь Адама в раи ходяцци и рече ему: «Адаме, Адаме, повѣждь ми». Адамъ же убояся вельми, не смѣя богу повѣдати того видѣния. И рече ему господь бог: «Адаме, Адаме!» — Адамъ же рече ему: «господи владыко, тебе видѣхъ на крестѣ распята во Иерусалимѣ, а ученики твоя видь [хъ] ходяща — Петра въ Римѣ, а Павла в Дамасцѣ, проповѣдующе твое распятие и воскресение».— И рече ему господь: «подобаетъ ми тебе ради снити на землю и распяту быти и в третий день воскреснути; а ты же не повѣдай никомуже видѣния сего, дондеже увидиши мя въ раю сѣдяща одесную отца, и ты о томъ поскорби, Адаме». И бысть Адамъ в раи 7 дний, прообразуя господь богъ житие человѣческое: 10 лѣтъ исполнится рожение, 20 лѣтъ — юноша, 30 лѣтъ — свершение, 40 лѣтъ — средовѣчие, 50 лѣтъ — сѣдина, 60 лѣтъ — старость, 70 лѣтъ — скончане...

ХОЖДЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ

...Богородица, хотящи дабы видѣла, како ся душа мучать, и рече Михаилу архистратигу: «исповѣмся исповѣждь ми, яже суть на земли всяческая». И рече къ ней Михаилъ: «яко же... речеши, благодатная, азъ всяческая тебѣ исповѣмъ». И рече къ нему святая богородица: «колко есть мукъ, идѣже мучится родъ христьянский?» — И рече къ ней архистратигъ: «неизрекомыи суть муки».— Рече же къ нему благодатная: «исповѣжь ми на небеси и на земли».

---

[1] *Азъ, добро, мыслете* — название букв *а, д, м* в старославянской азбуке; из этих букв составлено имя «Адам».

[2] *...полшесты тысящь* — половина шестой тысячи, т. е. 5500.

И повелѣ архистратигъ явитися ангеломъ отъ полудне*, и отверзеся адъ, и видѣ во адѣ мучащаяся, и бяше ту множство мужъ и женъ, и вопль многъ бяше. И воспроси благодатная архистратига: «кто си суть?» — И рече архистратигъ: «сии суть, иже не вѣроваша во отца и сына и святаго духа, но забыша бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь богъ на работу сотворилъ, того они все богы прозваша: солнце и мѣсяць, землю и воду, и звѣри и гади... Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на богы обратиша, бѣсомъ злымъ вѣроваша и доселѣ мракомъ злымъ содержими суть, того ради здѣ тако мучатся...»

И видѣ на друзѣмъ мѣстѣ тму велику, и рече святая богородица: «что есть тма сии, и кто суть пребывающи въ ней?» — И рече архистратигъ: «многи душа пребываютъ въ мѣстѣ семъ».— И рече святая богородица: «да отымется тма сии, да быхъ видѣла и ту муку». И отвѣщаша ангели, стрегущии муку: «поручено ны есть, да не видять свѣта, дондеже явится сынъ твои благыи, паче 7 солнць свѣтлийши». И прискорбна бысть святая богородица, и ко ангеломъ возведе очи свои, и возрѣвъ на невидимый престолъ отца своего, и рече: «во имя отца и сына и святаго духа, да отимется тма сии, и да быхъ видѣла сию муку». И отъятся тма си, и 7 небесъ явися, и ту пребываше множство народу, мужъ и женъ, и вопль многии бысть, и гласъ великъ исхожаше. И видѣвши я пресвятая богородица и рече къ нимъ плачющися со слезами: «что сотворили есте, бѣдницы окаяннии недостойнии, како вы сѣмо приидосте?» И не бысть гласа отъ нихъ, ни отвѣта, и рекоша ангели стрегуще: «почто не глаголите?» Рекоша мучащиися: «о благодатная, отъ вѣка нѣсмь свѣта видѣли, да не можемъ зрѣти горѣ». И возрѣвши на ня святая богородица и восплакася велми. И видѣвши ю мучащиися и рекоша къ ней: «како ны еси присѣтила* святая богородица, но сынъ твой благодатный на землю приходить, и не воспроси насъ, то ни Авраамъ прадѣдъ, ни Моисѣи пророкъ, ни Иоаннъ креститель, то ни апостолъ Павелъ, возлюбленникъ божии, но ты, пресвятая богородица, заступнице,— ты еси роду христьянскому стѣна, ты молишь бога. Како еси насъ присѣтила бѣдныхъ?» Тогда рече святая богородица ко архистратигу Михаилу: «что есть согрѣшение тѣхъ?» — И рече Михаилъ: «сии суть, иже не вѣроваша во отца и сына и святаго духа, то ни въ тя, святая богородица, не хотяща проповѣдати имени твоего, якоже родися отъ тебя нашъ Исусъ Христосъ, плоть приимъ, освяти землю крещениемъ,— да того деля* въ томъ мѣстѣ мучатся». И паки прослезися святая богородица и рече къ нимъ: «почто ся соблазнисте, не вѣсте ли вы, якожъ мое имя чте все создание?»

То рекше святая богородица, и паки тма нападе на нихъ. Рече къ ней архистратигъ: «куды хощешь, благодатная, да изидемъ — на полудне или на полунощь*?» — И рече благодатная: «изыдемъ на полудни».— Тогда обратишася херувимы и серафимы и 400 ангелъ, изведоша богородицу на полудень, идѣжь рѣка огненая исхожаше, и ту бяше множство мужъ и женъ, бяху погружении

ту, овии до пояса, овии до пазуху, овии до шии, а друзии до верха. И видѣвше святая богородица, возопи гласомъ великимъ и воспроси архистратига: «которыи суть си, иже до пояса во огни погруженнии?» — И рече къ ней архистратигъ: «се суть, иже отець и матерей своихъ клятву* пріяша, да за то здѣ мучатся, яко прокляти суть».— И паки рече богородица: «иже суть подъ пазусѣ въ огни, котории суть?» — И рече къ ней архистратигъ: «сии суть присныя куми *были* карящеся, а другии блудъ творяху, да за то ти здѣ мучатся». И рече пресвятая богородица: «а иже суть до шия во пламени огню, котории суть?» — И рече къ ней архангелъ: «сии суть, иже мяса ядшая человѣча, да за то здѣ мучатся тако».— Рече святая богородица: «а сии до верха суть вверженни во пламени огню, которыи суть сии?» — И рече архистратигъ: «си суть, госпоже, иже крестъ честный држаще, кленутся лжами,— таковыми силы честнаго креста, егоже ангели зряще трепещуть и со страхомъ поклоняются ему,— тогожъ человѣцы держаще, кленутся имъ, не вѣдуще, какова мука ожидаетъ ихъ; того ради тако мучатся».

И увидѣ святая богородица мужа висяща за нози, и червии ядяху его, и воспроси ангела: «кто сей есть? что ли грѣхъ сотворилъ есть?» — И рече къ ней архистратигъ: «сии есть, иже приклады* имаше на злато свое и на сребро, да за то на вѣки мучится».

И видѣ жену висящу за зубъ, и различныя змия исхожаху изо устъ ея и ядаху ея. И видѣвши пресвятая, и воспроси ангела: «что есть жена сии, что ли грѣхъ ея?» — И отвѣща архистратигъ и рече: «та есть, госпоже, еже хожаше по ближная своя и по сусѣдомъ, послушающи, что глаголютъ, и слагающи словеса неприязнена, сважающии* на сварѣ*, да того ради сице мучится». И рече святая богородица: «добро было человѣку тому, да ся бы не ражалъ».

И рече къ ней Михаилъ: «и еще, святая богородица, нѣсть видѣла великихъ мукъ».— И рече святая ко архистратигу: «изыдемъ да походимъ, да видимъ вся муки».— И рече Михаилъ: «куды хощеши, благодатная?» — И рече святая: «на полунощь». И обратишася херувими и серафими и 400 ангелъ, изведоша благодатную на полунощь, и бысть облакъ огненъ распростертъ, посреди его одрове, яко пламеный огнь, и на нихъ лежаше множество мужъ и женъ. И видѣвши святая, и воздохнувъ, и рече ко архистратигу: «кто си суть, что суть согрѣшили?» — И рече архистратигъ: «сии суть, госпоже, иже во святую недѣлю на заутреню не воставають, но лѣнящеся лежать, яко мертви, да за то тѣ мучатся».— И рече святая богородица: «да аще кто не можеть встати, да что сотворили?» — И рече Михаилъ: «послушаи, святая, аще кому загорится храмина на четверо, и обыдеть и огнь и згоритъ, не мога востати, таковъ не имать грѣха...»

И увидѣ святая богородица древо желѣзно, имѣюще отрасли и витвии желѣзныи, и вершие вѣтвия того имѣяше уды желѣзныя, и бяше множество висящии, мужъ и женъ, за языки. И видѣвше святая, прослезися и воспроси Михаила: «кто си суть, что [ли]

согрѣшении ихъ?» — И рече архистратигъ: «и се суть клеветницы и свадницы*, иже разлучиша брата отъ брата и мужь отъ женъ своихъ...»

И видѣ пресвятая жены висяща за вся ногти, и пламени исхожаше изо устъ ихъ и опаляше вся, и змия исхожаше изъ пламени того и прилѣпяху къ нимъ, и вопияху, глаголаше: «помилуйте насъ, яко едины мучимся паче всѣхъ мукъ».— И рече святая, прослезившися: «что есть согрѣшении тѣхъ?» — И рече архистратигъ: «то суть попадьи, иже поповъ своихъ не почтоша и по смерти ихъ идоша за мужъ, да того ради мучатся».

И видѣ другия жены во огни лежаща, и различныя змия ядаху ихъ, и рече святая: «что согрѣшение ихъ?» — И отвѣща Михаилъ: «то суть монастыря черницы, яже тѣлеса своя продаша на блудъ, да того ради здѣ мучатся».

И рече архистратигъ: «поди, пресвятая, и покажу ти, гдѣ ся мучитъ множство грѣшникъ». И видѣ святая рѣку огненую, и видѣние рѣки тоя яко кровь текущи, и пояда всю землю, и посредѣ волны тоя множство грѣшникъ. И видѣвши богородица, прослезися и рече: «что есть согрѣшение их?» — Рече архистратигъ: «то суть блудницы и любодѣицы, татие* ниже послушають отаи*, что суть ближнии глаголять, свадницы и клеветницы... пьяницы, немилостиви князи, епископи и патриарси, и цари, иже не сотвориша воля божия, сребролюбци, иже лихву* емлютъ, беззаконницы». Слышавше то, пречистая богородица прослезися и рече: «лютѣ грѣшникомъ!» — и рече ко архистратигу: «тяжко согрѣшающимъ, да бы ся не ражали».

И рече къ ней Михаилъ: «почто ся плачеши, святая, нѣси ли видѣла великихъ мукъ». И рече пресвятая: «поведи мя, да вижю вся мукы».— И рече къ ней Михаилъ: «куды хощеши, благодатная, да изыдемъ — на востокъ или на западъ или въ раи, на десно* или на лѣво, идѣже суть великия муки?» — И рече пресвятая: «изыдемъ на лѣвую страну». Слово рекше пресвятѣй, и обратишася херувими и серафими и 400 ангелъ, изведоша пресвятую отъ востокъ на лѣвую страну, и близъ тоя рѣки бяше тма мрачна: ту лежаше множство мужъ и женъ и клоктаху яко въ котлѣ и яко морския волны, и образкаются надъ грѣшники, да егда волны возхождаху, и погружаху грѣшники 1000 локоти, не можаху рещи: «праведныи судья, помилуи ны». Ядяше же червии неусыпаяи, и скрежетъ зубомъ. И видѣвше пресвятую ангели стрегуще, и возопиша вси едины усты, глаголяще: «святъ, святъ, святъ еси, боже святый, и ты, богородице, благословимъ тя и сына божия, родившагося отъ тебе, яко бо отъ вѣка не видѣхомъ свѣта и днесь видимъ свѣтъ тебе ради, богородице». И паки возопиша вси единѣмъ гласомъ, глаголюще: «радуйся, благодатная богородица; радуйся, просвѣщение свѣта вѣчнаго; радуйся, святыи архистратиже Михаиле, моляся владыцѣ за весь миръ, мы убо видимъ грѣшныя мучащиися и зѣло скорбимъ». Видѣвши богородица ангелы скорбныи и уныли грѣшникъ ради, и возплакася пресвятая, и возопиша вси единымъ гласом, глаголю-

ще: «добрѣ есте пришли во тму сию, да не видить како ны есть мука; помолись, пресвятая, со архистратигомъ». И слыша плачъ и гласъ грѣшныхъ, воздвигоша плачъ, свои, вопиюще и глаголюще: «господи, помилуй ны», да яко опростиша молитву, уставися буря рѣчная и волны огненыя, и явишася грѣшницы, яко зерна горочная. И видѣвши святая, прослезися и рече: «что есть рѣка си и волны ея?» — И рече къ ней архистратигъ: «сии рѣка вся смолена, а волны ея вся огнены, а иже ся мучатъ, то суть жидове, иже мучиша господа нашего Исуса Христа, сына божия, и вси языцы, иже крестишася во имя отца и сына и святаго духа, иже крестьяне суще, ти вѣрують въ дѣмоны и отвергошася бога и святаго крещения, и еже блудъ створиша по святомъ крещении, и съ кумы своими и съ матерьми своими и со щерьми своими, и отравницы, иже ядями уморяють человѣки, и оружьемъ убиваютъ человѣки, и давятъ дѣти своя, и того ради мучатся противу дѣломъ своимъ».— И рече святая: «по дѣломъ ихъ буди тако». И паки наиде на ня бурна рѣка и огненыя волны, и тма покры я. И рече Михаилъ къ богородицы: «аще ся кто затворитъ во тмѣ сей, нѣсть памяти о немъ отъ бога».— И рече пресвятая: «о лютѣ грѣшникомъ, яко неусыпаемыи есть пламы огня сего!»...

И рече пресвятая ко архистратигу: «при единои молитвѣ молютися, да вниду и азъ, да ся мучу со крестьяны, понеже нарекошася чада сына моего».— И рече архистратигъ: «почивай въ раи».— И рече пресвятая: «молю ти ся, подвигни воинства 7-ми небесъ и вся воинства ангели, да ся помолимъ за грѣшники, не бы ли насъ услышал господь богъ и помиловалъ ихъ». — «Живъ господь бог, имя его велико, 7-жды на день и 7 на нощь, егда хвалу приносимъ владыцѣ и за грѣшники, госпоже, господеви поклоняемся, да ни худѣ насъ послушаетъ владыка». И рече пресвятая богородица: «молимтися, повели ангельскому воиству, и вознесете мя на высоту небесную и поставите мя предъ невидимымъ отцемъ». И повелѣ архистратигъ, и предсташа херувими и серафими, и вознесоша благодатную на высоту небесную, и поставиша ю предъ невидимымъ отцемъ у престола, и воздѣ руцѣ свои ко благодатному сыну своему, и рече: «помилуи, владыко, грѣшныя, яко видѣхъ я, и не могу терпѣти, да ся мучю и азъ со крестьяны». И прииде гласъ къ ней, глаголя: «како хощу тыя помиловати? а вижу гвоздия во дланехъ* сыну моему, да не имамъ како я тѣ помиловати».— И рече: «владыко, не молюся за невѣрныя жиды, но за крестьяны молю твое милосердие».— И прииде гласъ, глаголя: «азъ вижу, яко братия моея не помиловаша, да нѣсть ми како тѣхъ помиловати».— И рече паки пресвятая: «помилуй, владыко, грѣшныя; помилуй, господи, тварь руку своею, яко по всей земли твое имя нарицаютъ, и въ мукахъ, и на всякомъ мѣсте, и по всеи земли глаголюще: пресвятая госпоже богородице, помогаи намъ, и егда ражается человѣкъ, и глаголеть: святая богородице, помози ми». Тогда рече къ ней господь: «послушай, пресвятая богородице, владычице,— нѣсть того человѣка, иже не молить имени твоего; азъ

же не оставляю тѣхъ то ни на небеси, ни на земли».— И рече пресвятая богородица: «гдѣ есть Моисѣи пророкъ, гдѣ ли суть вси пророцы, и вы, отци, иже грѣха не сотвористе николиже; гдѣ [ли] Павелъ возлюбленикъ божий; гдѣ есть Недѣля, похвала христьянская; гдѣ ли есть сила честнаго креста, иже Адама и Иевгу[1] отъ клятвы избави?» — Тогда Михаилъ архистратигъ и вси ангели рекоша: «помилуй, владыко, грѣшныя». Тогда Моисѣи возопи, глаголя: «помилуй, владыко, яко азъ законъ твой дахъ имъ». Тогда Иоаннъ возопи, глаголя: «помилуй, владыко, азъ евангелие твое проповѣдахъ имъ». Тогда Павелъ возопи, глаголя: «помилуй, господи владыко, яко азъ епистолья* твоя прияхъ церквамъ»... Тогда вси святии, слышавше владыку глаголюще, не смѣша что отвѣщати.

И видѣвше пресвятая, яко вси не успѣша ничтоже и господь святыхъ не послуша, но удаляеть милость свою отъ грѣшникъ, и рече пресвятая: «гдѣ есть архистратигъ Гаврилъ, иже возвѣсти мнѣ: радуися, якоже преже всѣхъ вѣкъ внемляше отца, и нынѣ на грѣшники не призираеть?.. гдѣ суть служители престолу, гдѣ есть Иоаннъ Богословець? почто не явистеся съ нами на мольбу владыцѣ за крестьяныя грѣшники? не видите ли мене плачющуюся за грѣшныя? Приидѣте вси ангели и сущии на небесѣхъ; приидѣти вси праведнии, яже господь оправди, и вамъ дано есть молитися за грѣшныя. Прииди ты, Михаиле,— ты еси первый безплотнымъ до престола божия,— повели и всѣмъ, да припадемъ предъ невидимымъ отцемъ и не подвижемъ себе, дондеже послушаетъ насъ богъ и помилуетъ грѣшныя». Тогда падеся Михаилъ ницъ лицемъ своимъ предъ престоломъ, и вся лики небесныя, и вси чини бесплотныхъ. И видѣ владыко молбу святыхъ, умилосердися сына ради своего единороднаго и рече: «сниди, сынъ мой возлюбленный, виждь молбу святыхъ и яви лице свое на грѣшники».

И снедъ господь отъ невидимаго престола, и увидеша и во тмѣ сущии, и возопиша вси единымъ гласомъ, глаголюще: «помилуй ны, сыне божий; помилуй ны, царю всѣхъ вѣкъ».— И рече владыко: «слышите вси,— рай насадихъ и человѣка создахъ по образу своему и поставихъ и господина раеви, и животъ вѣчный дахъ имъ, они же ослуху створиша и въ своемъ хотѣнии согрѣшиша, и предашась смерти; азъ же не быхъ хотѣлъ обозрити дѣла руку своею мучима отъ диявола, снидохъ на землю и воплотихся во дѣвицу, и вознесохся на крестъ, да свобожу ся отъ работы и отъ первыя клятвы; воды испросихъ, и даша ми желчи со оцетомъ* смѣшено; руцѣ мои создаста человѣка,— и во гробъ вложиша мя; да и во адъ снидохъ и врага своего попрахъ, избраны своя воскресихъ, Иорданъ благословихъ, да вы прошу отъ первыя клятвы,— и вы небрегосте покаятися грѣховъ своихъ, но крестьяне ся творяще словомъ точию, а заповѣдей моихъ не соблюдосте; да того ради обрѣто-

---

[1] *Иевга* — Ева.

стеся во огни негасимомъ, да не имамъ васъ помиловати. Нынѣ же за милосердие отца моего, яко посла мя къ вамъ, и за молитвы матери моея, яко плакася много за васъ, за Михаила архистратига завѣту и за множество мученикъ моихъ, яко многа трудишася за васъ,— и се даю вамъ мучащимся день и нощь отъ великаго четверга до святыя пянтикостия*, имѣте вы покои и прославите отца и сына и святаго духа». И отвѣщаша вси: «слава милосердию твоему».

Слава отцу и сыну и святому духу, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ИЗ «СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА»

«Синайский патерик» — это сборник нравоучительных и занимательных рассказов, составленный Иоанном Мосхом в VII в. по личным наблюдениям над жизнью отшельников во время путешествия по Палестине, Сирии и Египту. На Руси он был известен в раннем переводе под названиями «Луг духовный», «Лимонарь». Повесть о старце Герасиме и льве печатается по рукописи XI—XII вв., опубликованной в издании: Синайский патерик / Издание подготовили В. С. Голышко, В. Ф. Дубровина; Под ред. С. И. Коткова.— М., 1967.

<ПОВЕСТЬ ОБ АВВЕ ГЕРАСИМЕ И ЛЬВЕ>

Яко отъ единого попьрища святаго Иердана рѣкы лавра есть авва* Герасима нарицаема. Въ ту лавру прѣходящемъ намъ, повѣдаша сѣдящии ту старьцы о аввѣ Герасимѣ, яко ходя единою по блату святаго Иердана, усърѣте и львъ зѣло рыдая отъ ногы своея, имяше бо трьстяну* трѣску* уньзъшю ему, яко отъ сего отещи ему нозѣ и плън гноя быти. Яко же узьрѣ львъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвьна от уньзъшая порѣзи; плачяся, яко и нѣчьсо и моляся ему исцѣленъ отъ него быти. Яко же видѣ и старьць въ такои бѣдѣ, сѣдъ и имъ и за ногу и, роздвигъ мѣсто, изя тръсть съ многомь гноимь и добрѣ очистив ступъ и обязав платом пусти и. Львъ же ицѣленъ, по семъ не оста старьца, нъ яко свои ученикъ ямо же идяаше въ слѣдь ему, яко чюдитися старьцю толику разуму звѣри и прочее. Отътолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбъ и мочена сочива*. Имяше же та лавра одинъ осьлъ, на немъ же приношаше воду въ потрѣбу отцемъ святаго Иердана, отнюду же пиють воду; остоить же отъ лавры рѣка попьрище одино. Обычаи же имяху старьци даяти льву, да ходить и пасеть и по краю святаго Иердана. Одиною же пасомъ осьлъ отъ льва, отиде отъ него немаломъ отшьствиемь, и се мужь съ вельблуды отъ Аравия иды и обрѣтъ и поятъ и въ своя си. Львъ же, погубивъ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхлъ къ авва Герасиму. Мьняше же авва Герасимъ, яко изѣлъ есть осьла львъ, глагола ему: «къде есть осьль?» Сь же, яко человѣкъ, стояще мльчя и долу зьря. Глагола ему старьць: «изѣль ли и еси? Благословенъ господь. Еже творяисе осьлъ, отселѣ тебѣ есть творити». Отътолѣ же молъвль-

шю старьцю, ношаше канпилии комърогы[1] имущь четыре и приношаше воды. Приде же одиною воинъ молитвы дѣля къ старцю, и видѣвъ льва носяща воду и увѣдѣвъ вину, помилова и и выньмъ три златьникы дасть старьцемъ, да купять осьлъ в потрѣбу себѣ и свободять отъ таковыя работы льва.

Вельблудникъ же, иже бѣ осьла поялъ, идяше пакы пшениця продаять въ святый градъ, имы осьлъ съ собою, и, прѣшьдъ святого Иердана, усърѣтеся по сълучаю съ львомъ и, видѣвь и, оставивъ вельблуды, бѣжа. Львъ же, познавъ осьлъ, тече къ нему и усты имъ и, яко же бѣ обыклъ, ведяше и съ трьми вельблуды, радуяся въкупѣ и зовы яко осьла, его же погуби, обрѣтъ, приведѣ и къ старьцю. Старьць бо мьняше, яко львъ, положи же имя льву Иерданъ. Сътвори же въ лаврѣ львъ вяще пяти лѣтъ, не отлучаясь отъ него присно. Егда же къ господу приде авва Герасимъ и отци погребенъ бысть, по съмотрению божию львъ не обрѣтеся въ лаврѣ. По семь же мало приде львъ въ лавру и искаше старьца своего. Авва же Севатии киликъ ученик авва Герасима, видѣвъ и, глаголаше ему: «Иердане, старьць нашъ остави насъ сиры и къ господу изиде, нъ възьми ѣждь». Львѣ же ѣсти не хотяше и начять стоя очима своима сѣмо* и онамо* часто възирати, ища старьца своего, рикая вельми и не трьпя отъчаятися. Авва же Севатии и прочии старьци, глядяще и по хрьбьту, глаголаху: «Отиде старьць къ господу, оставивъ ны». Ни тако имъ глаголюще къ нему, не можаху его отъ вопля и отъ рыдания уставити, но елико же мьняху его словомъ утѣшити и прѣмѣняти*, толико же онъ паче рыдаше и въпля больша двизаше и рыданию притваряше, показая гласы и измѣнуя гласы и лицьмь и очима печаль, юже имяше, не видя старьца. Тогда глагола ему авва Севатии: «поиди съ мною, понеже не имеши намъ вѣры, и покажю ти, къде лежить нашь старьць». И поимъ, веде и, идеже бѣша погребли его. Отстояше же отъ церкве полъ попьрища. Ставъ же авва Севатии врьху гроба авва Герасима, глагола льву: «се старьць нашь сьде погребенъ бысть». И прѣклони колѣнѣ авва Саватии врьху гроба старьча. Яко же слыша львъ и видѣ, како поклонися авва Саватии врьху гроба и плакашеся, поклонися и сь и, ударяя главою о землю зѣло и ревы, и тако абие скоро умретъ врьху гроба. Се же вьсе бысть не яко душю словесну имѣюща, нъ яко богу хотящю славящимъ его прославити не тъкмо въ житии семь, нъ и по съмрьти, и показати намъ, како повиновение имѣху звѣрие къ Адаму прѣжде ослушания его...

ИЗ ПСАЛТЫРИ

Псалтырь — сборник, состоящий из 150 гимнографических сочинений (псалмов). В древнеславянском переводе он получил широкое распространение с самого начала появления письменности на Руси. Псалтырь использовалась не только

[1] *...канпилии комърогы* — кувшины в коробе.

как богослужебная книга, но и как произведение поэтическое. Псалмы заучивались наизусть, распевались, часто цитировались. Они поэтически перелагались С. Полоцким, Г. Р. Державиным, А. С. Пушкиным и многими другими поэтами. М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков дали поэтическое переложение 143-го псалма в связи с развернувшейся дискуссией о преимуществах различных размеров стиха.

В настоящем издании 81-й и 143-й псалмы приводятся по рукописи второй половины XIV в., хранящейся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина (ф. 205, № 167).

Псаломъ 81. Богъ ставъ сънъмѣ богъ, посредѣ же богъ и расудить.

Доколѣ судите неправду и лиць гряшничь обинуетеся.

Судите сиру и нищю смѣрена и уба оправдаите.

Измѣте нища и убога изд рукы грѣшница избавите и.

Яко ни увѣдѣша ниразумѣша въ тьмѣ ходящеи да подвижатся вся основания земля.

Азъ рѣхъ: господеви будете и сынове вышняаго вси.

Вы же яко человеци умираете и яко единъ от князь падасть.

Въскресни, боже, суди земли, яко ты наслѣдиши въ всѣхъ странахъ.

Псаломъ 143. Благословенъ господь богъ мои, научая руцѣ мои на ополчении и пьрсты моя на брань.

Милость моя и прибѣжище мое, заступникъ мои, избавитель мои, защититель мои нань уповахъ, повинуя люди моя подъ мя.

Господи, что есть человекъ, яко сказася ему, или сынъ человеческъ, яко въмѣняеши и.

Человекъ суетѣ уподобися, днь его якы сѣнь приходятъ.

Господи, приклони небеса и сниде косни и горы въскурятся.

Бльсни молния и ражнеши я, посли стрѣлы твоя и смятеши я.

Посли руку твою свыше, изми мя и избави мя изд рукы сыновъ чюжихъ.

Их же уста глаголаша суету и десница ихъ десница не праведна. Боже, пѣснь нову въспою тебѣ, въ псалтыри десятьструньнѣ и въспою тебѣ.

Дающему спасение царемъ избавляющему Давида раба своего от оружия люта.

Избави мя и изми мя изд рукы сыновъ щужихъ, ихъ же уста глаголаша суету и десница их десница неправедна.

Их же сынове ихъ яко новоотрасли утвьржены въ уности своеи, дщери ихъ украшены и прѣукрашены яко уподобление церкви.

Хранилница ихъ исполни отригающия от сия въ сию, овча ихъ многоплодны плодящаяся въ исходищихъ своихъ, волове ихъ толъсти.

Нѣсть падения плоту, ни прохода, ни вопля въ пространьствѣ ихъ. Ублажиша людие, им же си суть блажени людие, им же господь богъ их.

ПСАЛОМ 81 В ПЕРЕЛОЖЕНИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Меж царями-судиями
Правил суд великий,
Над владыками земными
Небесный владыка.
«Доколь, в стяжательстве коснея,
Вам кровь невинных проливать,
Кровь бедняков, а богатеям
Судом лукавым помогать?
Вдове убогой помогите,
Не осудите сироты
И, выведя из темноты
На волю тихих, охраните
Их от цепей!» Но не хотят
Познать, разрушить тьму неволи —
И всуе господа глаголы,
И всуе плачется земля.
Царь и раб — одно и то же:
Все равны пред богом,
Все умрете с вашим князем
И рабом убогим!
Осуди же, боже, землю
И судей лукавых!
И над миром воссияют
Правда, воля, слава!

ОТРЫВКИ ИЗ 143 ПСАЛМА В ПЕРЕЛОЖЕНИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

...О боже! что есть человек?
Что ты ему себя являешь,
От твари бóльша быть вменяешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, нощь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его преходит,
Подобно как ночная тень...

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гу́мна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в тра́ве волов толстых.

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами утвержденных;
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен...

ОТРЫВКИ ИЗ 143 ПСАЛМА
В ПЕРЕЛОЖЕНИИ А. П. СУМАРОКОВА

...Правитель бесконечна века!
Кого ты помнишь! человека.

Его весь век как тень преходит:
Все дни его есть суета.
Как ветер пыль в ничто преводит,
Так гибнет наша красота.
Кого ты, творче, вспоминаешь!
Какой ты прах днесь прославляешь!..

Как грозд росою напоенный,
Сыны их в юности своей;
И дщери их преукрашенны,
Подобьем красоты церквей:
Богаты, славны, благородны;
Стада овец их многоплодны.

Волы в лугах благоуханных,
Во множестве сладчайших трав,
Спокоясь от трудов им данных,
И весь их скот пасомый здрав;
Нет вопля, слез, и нет печали,
Которы б их не миновали...

АЛЕКСАНДРИЯ

Повесть об Александре Македонском была известна на Руси в XI—XII вв., а затем в XV в. появилась ее новая редакция, названная «Сербской», в основе которой лежал греческий оригинал. Сочинения об Александре Македонском были широко известны во Франции, Италии, Германии, Англии, Испании и у западных славян. Личности Александра Македонского посвятили свои произведения и классики восточной средневековой литературы Фирдоуси («Шахнаме»), Низами («Искандер-наме»), Навои («Вал Искандера»).

Отрывок из повести печатается по книге: Александрия... Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов.— М.; Л., 1965.

СКАЗАНИЕ ИЗВЕСТНОЕ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА, ЦАРЯ МАКИДОНСКОГО И САМОДЕРЖЦА ВЕЛИКОГО, НАКАЗАНИЕ ХРАБРЫМ ВИТЕЗЕМ ПОСЛУШАТИ

Аще кто хощет со благоусердием да послушает. Повесть чюдная и полезна добродетелна мужа Александра, царя макидонского, како и откуду бысть и како доколе прииде великия ради храбрости и мужества и добродетели всеи подсолночнои царь назвася и самодержец. Подобает же нам сего разумети подобно мудрости его, и храбрости, премудрому разуму. Божиим неизреченным промыслом явися сеи праведный во времена, царствующу тогда великим Римом Таркинею царю[1], началствующу тогда житии израителскими от архиереи Еврейским государством Еремею пророку[2], обладающу и царствующу восточным странам Крисфору сыну Дарию царю[3], обдержащу же Индеею Пору великому царю[4], Египтом же обладающу Нектанаву волхву, царствующу Македонскою страною и Еламитскими островы[5] Филиппу царю, греку сущу еллину. И родися ему тогда сын, и наречеся ему имя Александр, а по греческому языку избранный муж, избран же измлада являшеся красен и смирен, благонравен и ко всем зрящим его. Сеи же несть от телеснаго рождения, ни от человеческаго утворения, но о всем виновнаго благым великого божиа промысла помагающи же, имяше к сим естьственную добродетель, славу же и богатьство яко тленно и мимотекущи вменяше, долготерпелив же к согрешающим бысть, целомудрие же и мужество велико стяжа. Сими же четырми добродетелми четырем вселенскым концем царь и самодержець назвася, елико бо невозможно есть исписати, и словом исповедати Александровы добродетели, и храбрости, и мудрости, велие и неисповедимое его мужество кто сказати можеть?

Повесть начнем о рожении его. Глаголют бо его быти сына царя Филиппа, но несть тако, лжут: той бо египетскаго царя Нектонава, великого волхва, сын и Олимпиады, жены Филипповы. Случи же ся сице. Нектонав, царь египетскый волшебною хитростию и звездочетием украшен зело, ни брапми, ни воинством, ни оружием бо супостатным противляяся, но помощницу имея

---

[1] *...Таркинею царю* — римский император Тарквиний. Было два римских царя с именем Тарквиний: Тарквиний Приск (конец VII — начало VI в. до н. э.) и Тарквиний Гордый (свергнутый около 510 г. до н. э.). Не ясно, какой Тарквиний упоминается в повести.

[2] *...Еремею, пророку* — один из четырех великих библейских пророков Иеремия (конец VII — начало VI в. до н. э.).

[3] *...Крисфору сыну Дарию царю* — было три персидских царя, называвшихся Дариями, но ни один из них не жил в эпоху Александра. Дарий I (522—486 гг. до н. э.), Дарий II — сын Артаксеркса (423—404 гг. до н. э.), Дарий III — сын Арсама (336—330 гг. до н. э.).

[4] *...Пору великому царю* — Пор — правитель одной из областей Западной Индии, разбитый Александром в 326 г. до н. э.

[5] *...Еламитские острова* — искаженное написание в русском тексте южнославянского перевода, где речь идет о «елладскымь островомь», т. е. об островах Эллады.

себе волшебную хитрость и сею всем противляяся градом, побежая всех противных царей.

Царь же макидоньскый Филипп имяше жену красну сущу, Олимпиаду именем[1]. Многою же печалию смущашеся и царскую славу и богатьство ни во что же вменяше, понеже бесплодна бе, не имущи отрочати, красна же паки зело. И видя сию царь Филипп, мужь ея, неплодну, раскидаше соуз любве, еже имяше к ней. Отходящу же ему во ины страны воевати, обьем царицу свою Олимпиаду и всем сердцем своим начат облобызати, глаголя: «Свете очима и душа моя, милый живот, Олимпиада царица, яко аще до возвращения моего не будет отрочати у тебе, к тому лица моего не узриши, ни на перси мои возлещи не имаше любезно». Сии же рек, отъиде на войну. Олимпиада же во мнози скорби и тузе оставшеся и недоумевашеся, что сътворити. От отроковиць же ея едина видяше ю, яко неплодства ради скорбит, и рече ко Олимпиаде: «Госпоже царице, есть во граде нашем человек египтянин, хытр муж делом и словом, иже может сътворити вся прошениа сердца твоего, аще видети тя сподобиши его». Она же слышавше се и повеле ей вскоре призвати его к себе. Пришедшу же к ней Нектонаву, и рече Олимпиада к нему: «О человече египтянине, истинно ли есть слышание мое о тебе, яко можеши хитростию своею разорити соуз утробы моея бесчадства, неплодства и славному царю Филиппу сердце утвердити к моей любви, безмерную мне скорбь на радость претворити? Да аще можеши, скоро сътвори ми, а возмездие от мене многа благая въсприимеши и от Македониа назовешися великый врачь и хитрець». Нектонав же, сию видев, неизреченней красоте и доброте лица ея подивися, и очима на ню позирая, и главою покивая. Она же рече к нему: «Что ми труд даеши, человече? Аще возможно ти есть творити, и не медли!» Он же красотою лица ея уязвися, яко стрелою устрелен бысть во сердце любовию, рече к царици: «Амона и Пинеса, Екрулиа великого, да аще сим вход сътвориши к себе и совокупишися с ним, мати велику царевичу назавешися». Се же слышавши Олимпиада возрадовася велми, прелестным и волховным его речам, яко «чадам мати назовешися».

И повеле Нектонав близь палаты царевы клет сотворит малу, яко к ней бога Амона призоветь. Сеи же прельсти бывши: видев же подобну жену, Нектонав — лестен бо есть ко всякому падению прелщати жены — сам вниде к ней во образе бога Амона. Образ же Амонов таков бяше: глава орля, а на нем рози василисковы и опашь аспидова, ноги аспидовы и лвовы, крилат же, три коси злата и черлени*. Сицев образ Амонов, в нем же к ней с мечтанием прииде, и совокупися с нею, изыде паки.

Сею прелестию прелстившися, Олимпиада царица в чреве зачат, в царскых домех пребываше. Нектонав же приступи ко царици,

---

[1] *...Олимпиаду именем* — Олимпиада — реальное историческое лицо; известно, что она вышла замуж за Филиппа Македонского в 358—357 г. до н. э., Александр родился через год после замужества, в 356 г. до н. э.

рече: «Блажена ты еси в женах, Олимпиада, всей вселеней в себе царя приала еси. Внегда же время рожения твоего прииде, тогда призови мене к себе, что ти реку, то сътвори». Часу же рожения приспевшу, приступивши Нектонаву, рече ко царици: «Держи в себе, царице, не родити, дондеже благорастворен час прииде, дондеже небеснии планити станут на уставех и стихие. Тогда царь царем породится, велеумна человека храбра Александра».

О РОЖЕНИИ АЛЕКСАНДРА, ЦАРЯ ВЕЛИКОГО

Родившу же ся отрочати, изшедшу на свет, проплакав, рече: «В четыредесятое лето пакы возвращуся к тебе, мати». Олимпиада же вземше отроча к Дафнии и Аполону отнести[1] повеле в церквище, от тех отрочищу благословится, молящесе книгочием Аполоновым и волхвом, искаше уведати от них, каков отрок той хощеть быти. Волшебною хитростию являшеся им Аполон, прорицая о Александре и рече, яко сей отроча всей подсолнечный царь, поднебесный будет царь, благочестием и разумом и мудростию велик явится, а отца своего убиеть, по 40-тех летех к матери своей, земли, възвратится.

Филиппу же на воинстве далече сущу, и брани ему тамо случившася многы, уже к Макидонии возвращашеся, явися ему бог Аполон во сне по образу лвову рогом златым, на нем Александрову весть нося, глаголя: «Радуйся и веселися, царю Филиппе, яко супостаты свои победив, а сына Александра обрел еси, великонарочитаго царя и храбра». Филипп же от сна возбудився и размышляше, и се Менадру и Аристотелю[2] исповедуеть, макидоньскым философом. И в той час орел велик мимо шатер лете и чрез шатер царя Филиппа, яйце напрасно испусти на крило шатра Филиппова; он же убудився от сна, с постели своея скочив, и скоро поиде к Макидонии со всем воинством и, пришед в Макидонию, царицю свою Олимпиаду много благодарив, Александра прием на руце, с радостию облобыза, любезно рече к нему: «Александре, всяк бо дар свершен от бога сходить, аще умру, смерть не вменит ми ся, уже родих бо чадо си». Рек Филипп, призва великого Аристотеля, мужа искусна и украшена всякою хитростию философскою, словом и делом, и рече к нему: «Сего отрока, дарованного ми от бога, возми и научи Омирови писмени[3] и прочим словесными мудростми».

Александр же упражняшеся на учение книжное, Илииду и Диосию[4] всю за год изучи и Агреи велики другим годом изучи. И о сем

---

[1] *...к Дафнии и Аполону отнести* — имеется в виду не город Дафны в Египте, а Дельфы, где находился алтарь Аполлона, имевшего прозвище «Давний».

[2] *...Менадру и Аристотелю* — Менандр — афинский драматург (342—291 гг. до н. э.). В древнерусской письменности были известны афоризмы, извлеченные из его комедий. Аристотель — афинский философ (384—322 гг. до н. э.), был приглашен Филиппом в 343 г. до н. э. в учителя к Александру и обучал его около трех лет.

[3] и [4] *...Омирови писмени ...Илииду и Диосию* — произведения Гомера «Илиада» и «Одиссея».

возненавидеша его сверстници его отроци, всяка бо зависть от диавола и ненависть. Завидяще же ему отроци и глаголаша ему: «Александре, поиди ты к Нектонаву волъхву, и он тя научит небеснаго кругохожениа часовным хытростем и преступлением». Сии же Александр от отрок слыша, к матери своей рече: «Аще хощеши мя научити, госпоже мати моя, хитрости египетской, дай же мя хитрецю египетскому Нектонаву, слышах бо его премудра и горазда небеснаго и звезднаго хожениа». Скоро же царица Олимпиада по Нектонава посла и Александра предасть ему, рек: «Научи ми его премудрости и хитростем всем, яко сам умееши». И рече к ней Нектонав: «Богатьство всяко славно убогому не дастся, тако же и мудрость велиа требующих подается». Нектонав же научи Александра всей египетской премудрости.

Во един же от дний премудрый Аристотель, четыреста детищь събрав сверстник Александру испытати храбрости, Александра над двема сты воеводу постави, а над другими двема сты постави Птоломея юношю, великого воеводы сына, и сим играти Филипп царь повеле. Но сразившимся им, и бе видети храбра зело царевича. Александр же нача преспевати, всех съпротивных прогонив, и от тех детей яко царь прославлен бысть. И зря се, учитель мудрый Аристотель дивящеся, глаголя: «Благочестиву мужу бог помогает, и врази ему не могуть зла сътворити, ни противустоять, а злочестиву мужу ни любими его друзи не помогають». Рече же Аристотель ко Александру: «Господине Александре, аще царь назовешися всей земли, что добро мне, учителю своему, сътвориши?» Александр же рече к нему: «Велеумну мужу не подобает преже данна обещевати дание. Да аще аз вознесуся, и ты со мною велик будеши зело; лоза бо далних древ не приплетается, аще высока суть, то и к ближним приплетается, тако же царь великой власти что будет, по достоянию присныя своя любит и верует им в векы».

Обычай же бе Александру до обеда ходити ко Аристотелю на учение, по обедех же, к вечеру, к Нектонаву ходити волшебную хитрость от него учити и хожение 12 небесных планит, и солнечное хожение, и звездное, и акинотос, и кринос, фронитор, и расию же, и аксидосе, вписана бяху по своему подобию[1]. Видев же вся та, Александр ко учителю своему Нектонаву рече: «Возвести ми, о учителю, кто великого божия промысла тварем хитрица сътвори тя, како объявляеши человеком на земли?» Он же к нему рече: «Бог великый, недоведомый и непостижимый, промыслительный, не домыслим никако же, ими же судбами весть, обое бо человеческому явися роду, яко содетель от твари своея познавается». Александр со гневом рече ему: «Вся сы веды, о Нектонаве, а смерть свою веси ли, какова ти хощет быти?» Нектонав же рече к нему: «Аз ведаю, научихся течением, яко от чада своего хощу убиен быти».

---

[1] *...и акинотос, и кринос, фронитор, и расию же, и аксидосе, вписана бяху по своему подобию* — имеются в виду астрологические таблицы с изображением планет, соответствующих названиям богов.

Се же Александр неверно мня быти и ринув его с великие горы, Геотьскаго камени, близу сущу царскаго судища глаголя: «Всех прегрешил еси волшебных своих мудростей глагол». И долу ему падшу, нужно глас свой испусти, рек: «Не утаил есмь, сыну мой, и до сего дни ни единому ведущу. Доиде к матери своей, Олимпиаде царици, и уведаеши все о мне и о себе. Аз же, сыну мой, отхожю к темному аду, во преисподнюю тму, и иде же предани суть вси еллиньстии бози от всех великого бога Саваофа». И сие рек, и умре египетьскый царь Нектонав. Сиа же слыша, Александр раскаяся немало, и на раме свои взем его, и к матери своей Олимпияде царици принесе его, рече же к ней: «Возвести ми вся бывшая: воистину ли сей отец ми был?» Она же ему сказа всю истину, еже сътвори с нею Нектонав. Он же прослезився о нем и с честию повеле его погрести.

В той же час вестник прииде к Филиппу царю, глаголя: «Ведомо ти да есть, царю, яко в стадех твоих конь тучен уродился, добротою и красотою превыше всех коней украшен и избран, волова же глава ему, и рога локти возраста межи ушима его». Царь же привести его повеле пред ся и видев его, подивися красоте его. И повеле сътворити ему клетку железну и повеле метати ему повинных, и сему бывшу, не смеяше приступите к нему никто же. Александр же приходяше к нему часто. Кон же той, отметая всяку ярость, тихо ко Александру взираше, и трепетание его, и повиновашеся своему царю и всаднику. Единою же борзо за ухо его рукою ухватив, и с тихостию последова ему, яко юнець яремнику повинуяся. Александр же виде повиновение коня, замкы поломав, к нему вниде, и сего оседлав, и всед на него, и на конское уристание* поеха. Витязем тогда макидонским на конское уристание спешащим, и с высокыя полаты царь Филипп тогда смотряше коегождо храбра течениа и лепо на коне седение. И се Александр внезапу с конския ограды на вологлаватом кони изскочив. Макидонсти конници с коней сседоша и яко царю поклонишася ему, и дивляхутся, зряще его храброе седение на вологлаватом кони.

И ко утечищу поехав, изрядно потече, всех витязей утече, и твердо и силно же коня держаше. И уставив его с нужею на четырех избезех, град же ту созда и нарече имя ему Дранм, иже наречется Потечище. Сему же царь Филипп подивися, иже не науком кони отрока того течение. От того же дни събрав царь Филипп Александру тысящу юношь, сверстник ему, предаст их ему, глаголя: «Яздите с ним и к воинству учитеся стреляти».

В олимпьядьскых же играх коле две сътворени бяху близ Дафенеона, и у тех колех витязи сходящеся от еллинского ухищрениа, коиждо их своея храбрости пытаху, вкупе по четыре борющеся. Слышав же сии Александр и тамо восхоте поити. Филипу же си возвести, не отпущаше его, глаголя: «Не подобает ти, сыну мой Александре, на олимпиадскых колех венчатися, младу еще, 15 лет сущу; обаче волю свою сътвори и с радостию, сыну мой, поиди». Александр же тогда возрадовася и потребная себе взем и от цар-

ствия отца своего, царя Филипа, искусны витязи взем с собою и добротечния кони, и во олимпиадския отокы прииде. И ту четыре игры — Остимия, Олимбиса, Емиа, Посидомея — виде вся с сеглиторскима витязема. Александр поручися братися с ними, Миламадаушам и с Килистинаушем, Александр — с воеводою своим Птоломеем. И тогда развертеша две коле, на четыре стекошася витязи и ударишася. Александр же тогда Калистенауша уби, Птоломей же Ламадауша урва. Людие же града того, видевше, удивишася Александру, и красоте его, и храбрости. И ту стоя философ именем Фруние и рече: «Мудрость и храбрость не многолетием, но твердым и добрым сердцем». И вопроси философ той, глаголя: «Откуду есть Александр той?» Сим же рекущим: «Македонскаго царя Филиппа сын есть». Философ же рече, яко: «Слышах от учитель глаголющих тако, яко въстати имать царь от Македонна, изыти имать меч от Филонова града, и той поразить все земли западние, сотрет вси цари восточние». И рече: «Аще ты еси хотя приити, да милостив буди граду нашему, сыну Филиппов, царевичю». О сих же Александр посмеяся рече: «Не моею суть силою, но вышняго промыслом съдеваются».

И се рек Александр отъиде в Македонию. Филиппа же, отца своего царя, обрете, Олимпиаду, матерь его, отославша, и иную вместо ея взем и на браку яко жениху веселящуся. В то же время Александр приспе, яко победоносець в полату вшед. Отец же его Филипп с радостию срете его и с собою на трапезе посади его, в раскаяне быв о том и поник лицем на землю. Наставници же его ставше, един от них рече: «Радуйся, царю Филиппе, Олимпиаду пустивше, иную взят за себе, целомудрену; первая же блудница бысть, сиа же целомудрена есть». Сиа же слыша, Александр ярости исполнися, рече царю: «Отче Филиппе, тому не подобает тако быти, подобает бо мне умрети о матери своей, Олимпиаде царици». Да яко лев рыкну, с престола скочив, и стол же мал похвати и трех сих урази, ини же бегу ся яша. Сие же Филипп царь видев Александра храбрость его, и во ужасе быв велице, и Олимпиаду царицю возврати опять во царство, новоприведеную жену во свою отпусти землю.

Сему же тако бывшу, свершишася вся, царь же Филипп в немощь впаде велию. Слышавше же той мятеж северная страна и кумане[1], и събрашася на Македонию пятсот тысящь, и приидоша. Сие же царю Филиппу возвестиша, и он в скорбь велию впаде, Александра повеле призвати к себе и рече ему: «О любимый мой сыне Александре, се время пришло есть битися за отечество и за землю. И взем воинство, на бой поиди». Поим же Александр македонян с собою 4000 и к сим на сретение прииде, сам же воинство куманьское обозре и сих несрядны видев стояще. И в нощи же своему воинству предложити повеле огни многие и около их вострубити повеле в многы трубы съгласны, ударити повеле в варганы и праскавицами[2] около их бити повеле.

---

[1] *...и кумане* — куманы — обычное название половцев. Здесь речь идет, видимо, о скифах.

[2] *...варганы и праскавицами* — варганы — органы; праскавицы — видимо, вошло в текст из сербского языка от слова «праска» — треск, шум.

Сие же кумане видевше, не надеемаго убояшеся, и бегати начаша в полунощи до солнечного восхожения. Замесившеся вкупе макидоняне и кумане. Свету же бывшу, убиено бысть куман двесте тысящ и 50 тысящ побегоша. И вслед их гнав Александр три дни и 3 нощи, тысящ 100 от них и 50 убив, и коней же множество, и оружия их взем. Яко победоносець к отцю своему възвратися и с собою 10 тысящ привед куман живых. Сих пред Филиппом царем поставити повеле и пред всеми людми макидонскыми, рече к ним Александр: «Видесте ли, о друзи, яко божиим промыслом предаю вы в рукы макидоняном, мечь бо вашь наострися на макидоньское господьство, днесь приразися от макидонскых рук. Царя же вашего Отламыша убих. Да аще хощете живот свой укупити и землю вашу к земли моей приложити, и едина часть бе с макидоняны будете». Они же к нему рекоша: «Храбры господине, красный Александре, отколе бог есть помогая тебе, по тому промыслу кумане тебе помогають, и бе по того помыслу бога твоего мы твои есмя, и царя нам постави, и нас в землю нашю възврати». И сих Александр уверив Лванцату царя постави, мал убо возрастом, но велик храбростию, и отпусти его.

Сему же сице бывшу, Анакорнос, пелапонскый царь, слышав нашествие куманское на Макидонию, сътвори ухищрение си.

Мимо Макидонию шед, и честь ему царь Филипп воздал дары многими и с любовию его отпусти. Царь же той Анакорнос устрелен бысть красотою жены Филиппа и отай к ней любовь хранище в сердци своем, сей не ведущи. Соломон бо премудрый рече: «Человече, не буди лепотою женскою уязвен».

Нашествие куманское слышав на Макидонию и собрав воинство 12 тысящ, Анакорнос царь к Филиппу царю прииде, лукавствие свое скры, Олимпиаду царицу восхитити хотя. Видев же его пришествие, царь Филипп радостен же бысть зело, изыде на сретение его и с Олимпиадою царицею. Видев же ю Анакорнос и, въсхитивь ю, побеже. Царь же Филипп не во мнозе погна за ним. В то же время Александр приспе, и погна вслед Анакорноса царя, и постиже его, а Филиппа, отца своего, обрете по главе посечена и по десной нозе. И сего мало минув, Олимпиаду, матерь свою, отнем, со осмию тысящами вои Анакорноса постиже на месте, нарицаемом Змикси, воиньство его разбив, а самого к отцу своему приведе, отца же своего обрет малодушьствующи. И рече Александр отцю своему: «Царю Филиппе, врагу своему стани на горло ногою и отмщение сътвори рукою своею». Царь же Филипп едва возможе и взем мечь рукама своима, и заклав его, рече: «Жалость дому моему снесть мя, поиди, душе, с нечестивыми». Сие рек, Александра благословив, глаголя: «Сыну мой Александре, рукы всех на тебе, и твоя на всех». Сие рек, умре царь макидоньскый Филипп. Олимпиада же, стоя ту, плакашеся. Царя же Филиппа, на златы одр положивше, ко гробу отнесоша с плачем великым и сего погребоша с царьскою честию.

Александр же, сын его, самовластець назвася, грамоты по всем градом и странам макидонскым разсла, всем повеле быти в Филипусте граде. Събравшимся всем макидоняном, и пелагонианом, и кума-

ном всем, малым и великым, к ним же Александр рече: «О друзи мои и братия моя любимая паче всех, макидоняне, царь ваш Филипп, а мой отець, умре, в животе своем царствие держа по достоянию. Ныне же мне како царствовати повелеваете?» Тогда же выступи муж мудр, именем Филон[1], и рече: «О царю Александре, всяк възраст человеческый в чину потребен есть». Александр же рече: «Старость честна и немноголетна». И рече Селевк: «О царю Александре, Соломон, царь премудрый, в книгах пишет: царьство множеством людей състоится, царь же несоветен — не верен, саморатник есть себе, съветен же — полезная земли вся творить». И рече Антиох: «О царю Александре, старии цари покоя требують, младым же царем подобает царствовати, да потрудившеся во младости своей, на старость покой обрящут. Подобает бо нам потрудитися со ближними царьми и устремитися на них, и сих воевана, отвратитися от них». Рекоша же присныя его любимыя воеводы. Птоломей рече: «О царю Александре, подобает нам воинство премените во светлая оружиа и белество на щитех писати, яко да знают, котораго царя воини».

Сим же четырем съветом, бывшем ко Александру, угодно ему явися, по землем царства своего посла по все ковачи и по щитари, в Филипуст град собратися повеле, и ту брони и пансыри, и шеломы ковати повеле, а на щитех белество писати повеле и волуя главы, а на шеломех василисковы рога с аспидовыми крилы и с мерсиновым перием. По вся же дни мастеры вооружаху воиньство в целое оружие, по четыреста витязей, оклоби бяху на лвовах кожах преставлены. Сиа же сътвори Александр и к шествию на брань готовлынеся.

Далее повествуется о высокомерных посланиях юному Александру персидского царя Дария, о завоевании Александром Афин, Рима, стран Ближнего Востока, походах на персидского царя Дария, на индийского царя Пора, передаются легендарные сказания о народах мира, о женитьбе Александра на Роксане и о смерти царя-героя в Вавилоне «за 300 лет и 33 года» до рождения Христа.

ДЕВГЕНИЕВО ДЕЯНИЕ

«Девгениево деяние» — под таким названием бытовала в Древней Руси повесть, переведенная с греческого языка, видимо, в XI—XII вв. В византийской литературе она была известна как эпическое сказание или поэма. В «Девгениевом деянии» повествуется о сражениях героя-богатыря и о его любовной истории, что было необычно для древнерусской литературы XI—XIV вв. Повесть дошла в списках поздних (XVII—XVIII вв.), все списки дефектны, поэтому при публикации текстологи вынуждены прибегать к сводному тексту. Из повести публикуются три главы в текстологической обработке О. В. Творогова — «Житие Девгения», «О свадьбе Девгеева и всъхыщении Стратиговны» и «Сказание, како победи Девгений Василия царя» по книге «Памятники литературы Древней Руси. XIII век» (М., 1981).

---

[1] *...муж мудр, именем Филон* — воевода; Александр после победы над Дарием назначает его персидским царем; Филон играл большую роль в победе над Пором.

ЖИТИЕ ДЕВГЕНИЯ

...И книжницы начаша проповѣдывати о рождении Девгениевѣ, и потомъ царица Амира царя прия плодъ во утробѣ своеи, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акрит. И въвергоша его въ божественное крещение и нарекоша имя ему Прекрасный Девгеней, а крестиша его самъ патриархъ, а мати крестная — царица града того. И бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспиташе Девгения царевича до 10 лѣтъ.

Преславный Девгений на 12 лѣто мечемъ играше, а на 13 лѣто копиемь, а на 14 лѣто покушашеся вся звѣри побѣдити и начатъ прилежно нудити отца своего и стрыевъ: «Поидите со мною на ловы». И рече ему отецъ: «Еще еси, сыну мой, мпадъ, о ловехъ не молви, понеже жаль ми тебѣ, млада, нудити». И рече Девгений отцу своему: «Тем отче, не нуди менѣ, понеже имамъ упование на сотворшаго бога, яко нѣсть ми нуды в томъ, но великое утѣшение».

И то слово слышавъ отецъ юноши, яко такъ глаголетъ юноша, и совокупи вся вои и град весь и рад бысть с нимъ ехать на ловъ. И мнози идяху из града того на ловы за нимъ, зане слышаху Девгениеву дерзность. И вышедше из града на ловы, отецъ его ловитъ зайцы и лисицы, и стры его ловят, а Девгени имъ смеяшеся, и в пустыню вниде, и сниде с коня, яко соколъ млады, на божию силу надеясь.

И два медведя по тростию хождаше, и с ними дети ихъ бысть. И очюти медведица юношу, против ему поскочи и хотяше его пожрети. Юноша же еще не ученъ, како звѣри бити, и поскочи вборзе переди ея, похвати и согну ея лактями, и все, еже бѣ во чреве ея, выде из нея, борзо мертва бысть в руку. Други медведь бежаше во глубину тростия того.

И кликну его стрый* к нему: «Чадо, стерегись, доколе не скочить на тебѣ медведь». И Девгений радостенъ бысть и поверже свою рогвицу на месте, на немже стояше, яко скоры соколъ медведя наскочи. И медведь к нему возвратись, разверзь уста своя, хотя его пожрети. Юноша же борзо скочи, и ухвати его за главу, и оторва ему главу, и вборзе умре в руку его. От рыкания жъ медведя того и от гласа юноши голкъ великъ побѣже.

И Амира царь к сыну кликну: «Девгений, сыну мой, стерегись, понеже лось бѣжитъ велми великъ, тебе же укрытися негде». То слышавъ, Девгений поскочи, яко левъ, и догнавъ лося, похвати его за задние ноги, надвое раздра.

«О чюдо преславно божиимъ дарованиемъ! Кто сему не дивится? Какова дерзность явись млада отрочати, кто лося догна быстрее лва? От бога ему надо всемъ силу имѣти. Како побѣди медведи безъ оружия! О чюдо преславно! Видимъ юноши 14 летъ возрастомъ суща, но не от простыхъ людей, но от бога есть созданъ». Но глаголаше межъ собою, и абие зверъ, лютъ зѣло, из болота выиде, из того же тростия. И узреста юношу, и часто глядаху, дабы не вредить юноши. Девгений же влечаше лосеву главу в правой руке и два медведя

убитие, на левой руке — раздраны лось. И стрый рече ему: «Приди, чадо, сѣмо и мертвая та поверги. Зде суть ины живы звер, понеже то есть не лось раздрати надвое, то люты левъ, с великою обороною итти к нему». Отвещаша юноша: «Господине стрыю! Надеюсь на творца и на его величие божие и молитву матерню, яжь мя породи». И то слово Девгений рече ко стрыю, прииде и восхити мечь свой вборзе и противу звери поиде. Звер же обрелъ юношу к себѣ идущу и начать рыкати, и хвостомъ своя ребра бити, и челюсти своя разнемъ на юношу, и поскочи. Девгени жъ удари его мечемъ во главу и пресече его на полы.

И начатъ отецъ его ко стрыю глаголати: «Виждь, стрыю, величия божия, како рассеченъ бысть левъ, якоже и прежни лось». И борзо поскочиста отецъ со стрыями и начаста целовати его во усто, и очи, и руце, и глаголаху к нему вси: «Видеще, господине, твоего велегласнаго возраста, и красоты, и храбръства, кто не подивится?» Бе бо юноша возрастомъ велми лепъ паче меры, а власы имуще кудрявы и очи вели гораздны. На нь зрети — лице же его, яко снегъ, и румяно, яко червецъ, брови же черны имяше, перси жъ его сажени шире.

Видев же отецъ юношу велми красна, радовашесь и глагола к нему: «Чадо мое милое, преславни Девгений, зной золъ и великъ в полудни бысть. Всяки зверь сохранился бяше в пустолесие. Пойдемъ, чадо, к студеному источнику, измыеши бо лице свое от многаго пота и во ины порты облечешися, а рудныя с себѣ снимеши, понеже от зверинаго пота, и медвежи капани, и лютаго зверя крови порты на тебе орудишась. Измыю твои руце и нозѣ и сам азъ».

Во источницѣ бо томъ свети, а вода яко свеща светится. И не смеяше бо к воде той от храбрыхъ пришъти никто, понеже бяху мнози чюдеса: в воде той змей великъ живяше.

И пришедши им ко источнику, и седоша около Девгения, и начаша мыти лице его и руце. Онъ же рече: «Руце мои умываете, а еще имъ калатися». И того слова юноша не скончавъ, абие змей великъ прилете ко источнику, яко человѣкъ явись троеглавой, и хотяше людей пожрети. И узре Девгений, и вборзе мечь свой похвати, и противо змия поиде, и 3 главы ему отсече, и начать руки умывати. И вси предстоящи почюдишася такой дерзости, юже юноша показа на лютомъ звери, и начаша хвалу богу воздавати: «О чюдо велие! О вседержителю владыко, создавы человѣка и велику силу давъ ему надо всеми силными и дивно храбрыми, показалъ человѣки сильнее ихъ».

И начаша юношу прилежно целовати и ризы с него совлекоша. Исподни жъ быша хлада ради, и верхни бяху червлены, сухимъ златомъ тканы, и предрукавие драгимъ жемчюгомъ сажены, а наколенники его бяху драгая поволока, а сапоги его вси златы, сажены драгимъ жемчюгомъ и камениемъ магнитомъ. Острози его виты златомъ со измарагдом камениемъ.

И повеле юноша борзо ко граду погнати, да мати его не печалует по немъ. И приидоша в домы своя вси и начаша веселитись,

и радостно пребываша. Паче всехъ Девгениева мати веселяшеся, занеже породи сына славнаго и велегласнаго и краснаго.

Бысть же Девгениевъ конь бѣлъ, яко голубь, грива же у него плетена драгимъ камениемъ, и среди камения звонцы златы. И от умножения звонцовъ и от камений драгихъ велелюбезны гласъ исхождаще на издивление всѣмъ. На лядвияхъ коневых драгою поволокою покрыто летняго ради праха, а узда его бысть златом кована со измарагдомъ и камениемъ. Кон же его бысть борзъ и гораздъ играти, а юноша храбръ бысть и хитръ на немъ сидети. И то видя, чюдишася, како фарь под нимъ скакаше, а он велми на немъ крепко сѣдяще и всяческимъ оружиемъ играше и храбро скакаше.

Богу нашему слава, ныне и присно и вовѣки вѣков. Аминь.

О СВАДЬБЕ ДЕВГЕЕВЕ И О ВСЪХЫЩЕНИИ* СТРАТИГОВНЫ

Преславны же Девгени взя молитву у отца своего и у матери своей, и совокупи воя немного, и взя с собою драгоценые порты и звончатые гусли, и вседе на конь свой борзы фарь, и поиде ко Стратигу[1].

И доиде сумежия Стратиговы земли. И не доиде до града за пять поприщ, и устави войско свое, и повеле им около себя стражу поставити и крепко имети, а сам поеде ко граду Стратигову. И приеде во грат, во врата града Стратигова, и встрете юношу Стратигова двора, и вопроша его о Стратиге и о сынех его и самой Стратиговне.

Отвещав же ему юноша: «Нет господина нашего Стратига царя дома, но в ыной стране ловы деюща и с четырми сыны своими. И о Стратиговне вопрошаеши, ино, господине, несть таковыя прекрасныя на свете сем. Мнози суть приежали, а никто в очи ея не видал, занеже Стратиг храбер и силен, и сынове и прочие войско ево, один на сто найдет, а сама Стратиговна мужескую дерзость имеет, иному некому подобна суть, разве тебе».

Слышав же Девгени радостен бысть, занеже суть указана ему и написано: прикоснется Стратиговне и жития сего 36 лет. И поеде же Девгений градом Стратиговым и приеде ко твору Стратигову, и нача взирати на твор Стратигов.

Видев же Стратиговна и прнниче ко окну, а сама не показася, Девгени же и вспять возвратяся, взирающе на дворъ. И тогда девая видевше и подивися.

Бе бо время преминуло на нощь, а Девгени поиде во своя шатры, взя с собою юношу того, любовь велику до него имея, совлѣщи повеле с него порты худыя и облещи в драгия, и сотвори радость велику в ту нощъ со своими милостивники. А за утра воста рано и повеле своей дружине имети у себѣ сторожу и рече имъ: «Разделитеся на многия пути и другъ друга стерегите. Аще к вамъ приидетъ Стратигъ, азъ же не приготовлюсь, и начнетъ вамъ пакости творити со многих странъ, и бѣйтеся с нимъ не ужасно, донележе азъ не приспею».

---

[1] *...ко Стратигу* — к военачальнику (греч.). В повести это слово имеет значение собственного имени, поэтому и дочь называется Стратиговной.

То слово изрекъ, и облечеся во многоценныя ризы, и повеле взяти гусли со златыми струнами, и повеле приняти юношу новоприятого, и поехал самъ четвертъ ко двору Стратигову, и взя гусли, начатъ играти и пети, понеже дана ему божия помощь, иже имеет всегда на себе. Всегда ему доспеется, а прекрасной дѣвице Стратиговне исхищенной быти от Девгения, сына Амиро царя.

И слышавши того гласа дѣва и прекраснаго играния, бысть ужасна и трепетна, к оконьцу приниче и узре Девгения самого четверта мимо двор едуща. И вселися в ню любовь. И начатъ звати кормилицу и рече ей: «Какъ юноша мимо дворъ еха и умъ ми исхити! И ныне молю ти съ всемъ сердцемъ прилежно: Иди и глаголи к нему предварити». И когда возвратися юноша, и виде кормилица и рече к нему: «Кою дерзость имаши и что есть тѣбѣ орудие к сему дому? Но не смеетъ птица пролетети мимо двора сего: от моей госпожи мнози главы своя положиша». И отвеща Девгений: «Кто тя посла глаголати мнѣ?» И рече ему: «Мене посла госпожа моя, прекрасная Стратиговна, жалуючи юность твою, да быша тебѣ не вредили». Глагола к ней: «Молви госпоже своей: тако рек Девгений —вборзе приклони лице свое ко оконцу и покажи образа своего велелепного, и тогда уведаешь, чего ради... Аще ли того не сотворишь, не имаши живота имети себѣ и въси твои родители». И услышавъ, дѣвица Стратиговна ко оконцу скоро припаде и начатъ глаголати к Девгению: «Свете светозарны, о прекрасное солнце! Жаль ми тѣбѣ, господине, аще моей ради любьве хощеши ся погубити, зане ини мнози мене ради главы своя положиша, а не видевъ, ни глаголавъ со мною. А ты кто еси, показавъ велию дерзость? Отецъ мой велми храбръ, и братия моя силни суть, а у отца моего мужие — единъ от нихъ на 100 наедетъ. А ты имаши мало с собою вой». Глагола Девгений къ дѣвице. «Аще бы я бога не боялся, смерти бы предал тя. Даждь ми ответъ вскоре, что имаши на уме: хощеши ли слыти Девгениева Акрита жена или требуеши ему быти раба полоненна?»

Слышав же то, дѣва слезно отвеща ему: «Аще имаши любовь ко мнѣ велию, то ныне мя исхыти, яко отца моего дома нет, ни силной моей братии. Или чему ти исхититъ менѣ: аз сама еду с тобою, токмо в мужескую одежду облецы мя, зане имамъ мужескую дерзость. Аще путем мя нагонятъ, то сама оборонюсь. Мнози бо предо мною не успеютъ ничтоже сотворити».

И то слышавъ, Девгений радостен бысть и рече к дѣвице: «Несть на сердце тако, якоже ты глаголеши, понеже ми есть в томъ срамъ от отца твоего и от братии твоей. Начнут глаголати: татъбою приехавъ, Девгений дѣвицу от нас исхыти. Но сице ти глаголю: повеленное мое сотвори. Когда приидетъ отецъ твой и братия твоя, скажи имъ исхищение свое». И рече ей: «Выди пред врата».

И поклонися Девгению, и приятъ Девгений единою рукою, и посади ю на гриве у коня, и начат ю любезно целовати, и ссади ю с коня своего. Дѣвица же не хотяше отлучитися от него, и рече Девгений: «Возвратися и сотвори, якоже ти рекохъ: до отца твоего пришествия ожидай и менѣ к себѣ, пристроившесь, стани внѣ храма пред сеньми».

И тако рекъ, поцелова ю и поиде от нея. И пусти во градъ юношу, егоже взятъ пред градомъ, и приказа ему с вестью быти, какъ приедетъ Стратигъ. То слово рекъ, а самъ поиде к шатру своему и сотвори радость велию з дружиною своею.

И абие Стратигъ с лову приехавъ, а юноша к Девгению с вестью приспе, и рече Девгению: «Стратигъ приеха». И повеле Девгений фара своего борзаго седлати, а самъ облечесь во многоценныя ризы и поехал на полубице инаходомъ, а фара борзого повеле пред собою вести. И приехавъ во градъ, вседе на фаръ свой, милостивники пусти пред градомъ, а самъ взять копие и ко двору Стратигову приеха.

Она жъ дѣва начатъ поведати отцу своему, еже ей повеле Девгений. И рече Стратиг: «Ту думу думали мнози храбри, и не збытся». И то слово изрече Стратигъ, а славны Девгений приспе. И услышавъ дѣвица громъ фара и глас златыхъ звонцовъ и скочи борзо пред сени, где ей Девгений повеле.

А Девгений ударивъ во врата копиемъ, и врата распадошась, и въехавъ на дворъ, и начатъ велегласно кликати, Стратига вонъ зовы и силныя его сыны, дабы видели сестры своея исхищения. Слуги же Стратига зовяху и поведа ему, какову Девгений дерзость показа, на дворе стоя без боязни, Стратига вонъ зовы.

И слышавъ Стратигъ Девгения, и не ятъ веры, глаголя сице: «Зде в мой дворъ птица не смеетъ влететь, ниже человѣку внити». И поиде вонъ из храма. Девгений же стоя три часы, ожидаяи его, и не бысть ему никаков ответъ, а ини предстоящи не смея ничтоже глаголати.

И повеле Девгений дѣвице преклонитися к себѣ, и яко орелъ исхити прекрасную Стратиговну, и посади ю на гриве у борзаго своего фара, и рече Стратигу: «Выеде и отъими дщерь свою прекрасную у Девгения, да не молвиши тако, что пришедъ татьбою украде». И то слово изрекъ, и поехавъ з двора, сладкую пѣснь пояху и бога хваля. И ту песнь скончa, и пред градъ выеде к милостивникомъ своимъ, и посади дѣвицу на коне иноходомъ, и поиде к шатромъ своимъ.

И шедъ на гору борзе обозревся, ест ли по немъ погоня. И рече девице: «Велика есмь срама добылъ, аще не будетъ по мнѣ погони, хощу возвратитися и поносъ имъ сотворити». Девгений милостивники нарядивъ и повеле воемъ стрещи около дѣвицы, а самъ поеде во градъ ко двору Стратигову. И поеха во дворъ Стратиговъ, и удари в сени Стратиговы копиемъ, и сени распадошася, и вси быша во ужасти во дворе. И начатъ велегласно кликать, вонъ зовы Стратига и рече: «О Стратиже преславны, кою дерзость имаши или сынове твои, иже есмь исхитилъ у тѣбѣ тщерь, и не бысть по мнѣ погони от тѣбѣ, ни от сыновъ твоихъ? И еще возвратихся и понос ти великъ сотворихъ, да не глаголеши последи, что татьбою пришедъ, исхити у мене тщерь. Аще имееши мужескую дерзость у себѣ, и кметы твои, то отъими у мене тщерь свою!» И то слово изрече, и поеха з двора, и возвратись вспять, и кликну велегласно: «Азъ

еду из града и пожду васъ на поле, да не молвите, что пришедъ и обольстивъ, побеже от насъ».

Услыша Стратигъ и зело вострепета и начат кликати сыны своя: «Где суть мои кметы, иже 1000 емлютъ, а ини и по две и по 5000 и по десяти тысящъ? И ныне борзо совокупите ихъ и протъчи сильни вои!»

Девгени же приде к дѣвице и ссади с коня своего и рече дѣвице: «Сяди, обыщи мя, главу мою, дондеже отецъ твой и братия твоя приидуть с вои своими. Аще азъ усну, то не мози будити мя ужасно, но возбуди мя тихо». И сяде дѣвица, начать ему искати главу, и Дивгений усне, а дѣвица имея у себѣ стражу.

Стратиг же собра множество вой своихъ и кметы своя, и тысящники, и поиде отъимати тщерь свою у Девгения. И выехаша из града со многими вои своими, и узре дѣвица, и бысть ужасна, и начать будити Девгения тихо, со слезами рекуще такъ: «Востани! Восия солнце и месяцъ просветися. Стратиг бо уже приспе на тя со многими вои своими, а ты еще не собра своихъ вой! Какъ ему даешь надежду тверду».

Девгени жъ восставъ рече: «Не требую азъ человѣческия помощи, но надеюсь на силу божию». И въскочи, и сяде на борземъ своемъ фаре, и препоясася мечемъ, и рогвицу свою вземъ, и начатъ дѣвицы вопрошати: «Хощеши ли отцу своему и братии живота, или вскоре смерти предамъ?» И начатъ дѣвица прилежно молитись: «Господине, богомъ зданы силою, не предай отца моего смерти, да греха не имаши и поношения от людей, да не глаголютъ тѣбѣ, что тѣстя убилъ». И начатъ ея вопрошати: «Скажи ми отца своего и братию, каковы суть». И начатъ ему дѣвица глаголати: «На отце моемъ брони златы и шеломъ златъ з драгимъ камениемъ и жемчюгомъ саженъ, а конь его покрытъ паволокою зеленою; а братия мои суть в сребряных бронех, токмо шеломы на них златы, а кони их покрыты поволоками червлеными».

И то слышавъ, Девгений поцеловавъ ю, и противъ ихъ поеха, издалече стрети ихъ, и яко дюжи соколъ ударися посреди ихъ, и якоже добры косецъ траву положи: первое скочи — уби 7000, и абие возвратися — уби 20 000; третий ударися — и Стратига нагна, удари его рогвицею тихо сверхъ шелома, и с коня сверже. И начатъ Стратигъ молитись Девгению: «Буди тебе радоватись с восхищеною дѣвицею, прекрасною моею дщерью! Подаждь ми животъ!» И тутъ пусти его Девгений, а сыновъ его превяза, нагнавъ, и приведе их; а Стратига не вяза. А иных превяза, яко пастухъ овецъ пред собою погна, где дѣвица стояще. И узре дѣвица отца и рече: «Азъ, отче, преже ти глаголах, ты же мне не ят веры». И повеле Девгений своимъ милостивником Стратиговы вои гнать связаны, а самаго Стратига и сыновъ его с собою поняти.

И бысть Стратигъ прискорбенъ и начатъ молитися прилежно с сыны своими, глаголюще ему сице: «Якоже еси насъ смерти не предалъ, но животъ намъ еси даровалъ, такоже насъ и с собою не вози, дай намъ свободу». И услышавъ дѣвица моление отца своего и братии, и начатъ сама молитися Девгению, глаголюще: «Азъ

есми дана богомъ в руце твои. И по мнѣ паки и над родительми моими имаши власть. Уже бо еси многи вои победил, а отцу моему и братии дай свободу, и не опечали матере моея, воскормивши тѣбѣ жену». И то изрече дѣвица, и послуша ея Девгений и рече Стратигу: «Азъ старость твою пощажу, дам ти свободу и сыном своимъ; токмо знамение свое возлажу на васъ». И рече Стратиг: «Такую намъ свободу даеши, аще знамение возложиши?» Дѣвица же и от знамения умоли ихъ у Девгения. И бысть на Стратиге крестъ златъ прадеда его многоцененъ и у сынов его жуковины с драгимъ камениемъ и жемчюгом, и то взятъ у них за знамения протчаго ради времене.

Девгений жъ начатъ ихъ на сватьбу к себе звати. И рече Стратигъ: «Несть подобно нам пленикомъ ехати к тебѣ на сватьбу. Но молю ти ся прилежно и чада моя, не введи нас в срамъ и чад моихъ: будуще единой и тщери у матери, яко пленницу хощеши вести. И возвратися в дом мой, и радость ти велию сотворю и свадьбу преславную, дары примеши, с великою честию возвратившись». Услышав же Девгений мольбы Стратиговы, возвратись в дом Стратигов с своею обручницею, и три мѣсяца свадьбу деяша, и сотвориша радость велию. И приятъ дары многи Девгений, и все имение, еже было невестъчего, приятъ, и кормилица, и слуги, и с великою честию поеха восвоясы.

Егда же прииде во свою власть, и посла милостивники своя с великою честию с вестью ко отцу своему и матери, повеле пристроить преславную свадьбу. И рече ко отцу своему: «Ты, отче, прежъде силен прослылъ еси силою и славою, и нынѣ азъ — божиею помощию и твоимъ благословениемъ и матернею молитвою — что есмь задумалъ, то ми и збыстся. И несть мнѣ противника. Только бысть Стратиг, во всехъ храбрыхъ силен бысть, но, божиею силою, при мнѣ не успе ничтоже, и восхитихъ бо у него тщерь. А ныне, отче, выеди с великою честию противо менѣ на стретение Стратиговны». И пришед, предстатели отцу его поведаша повеленая Девгениемъ.

И слышавъ, отец и мати его радости наполнишась, и начаша свадбу готовить, и созваша весь градъ, и поидоша противу Девгения и Стратиговны, и стретиша ихъ за 8 поприщъ от града с великою честию.

И падоша ницъ вси пред Девгениемъ, глаголюще ему тако: «О великое чюдо, сотворимое тобою, младымъ юношемъ, о, дерзость благодатъная! Стратига победи и тщерь его исхити!» И рече имъ Девгений: «Не азъ победихъ Стратигову силу, но божиею силою побежденъ бысть». И Амиратъ въборзе шурью свою созва, и к Стратигу посла на свадбу звати, глагола ему: «Не ленивъ буди, свату, к намъ потрудитися, да купно обрадуемся и видимся, и чада наши обрадуются, понеже ихъ богъ совокупи без нашего повеления».

И слышавъ то, Стратигъ радостенъ бысть, и вборзе скопивъ весь родъ свой и многоценое имение, еже дарити зятя милово; совокупи же жену и дети своя, посла ко Амирату, свату своему. И слышавъ Амиратъ царь Стратига к себѣ грядуща, и с великою честию и з Девгениемъ противъ его выехаша, и совокупившаяся с нимъ на едином мѣстѣ и начаша ся дарити и по 3 мѣсяцы преславную свадбу

твориша. И дастъ Стратигъ зятю своему 30 фаревь, а покрыты драгими поволоками, а седла и узды златом кованы; и дастъ ему 20 конюховъ, пардусовъ и соколовъ 30 с кормилицы своими, и дастъ ему 20 кожуховъ, сухимъ златомъ шиты, и поволокъ великихъ 100; да шатеръ великъ единъ шит весь златомъ; вмещахусь в немъ многия тысящи вой, а ужища у шатра того шелковы, а колца серебряные; и дастъ ему икону злату святый Феодоръ; да 4 копия аравитцихъ, да мечь прадеда своего. А теща дастъ 30 драгих поволокъ зеленых, 20 кожуховъ, шиты сухимъ златомъ з драгимъ камениемъ и жемчюгомъ, иныя дары многи дастъ ему. Первы шуринъ дастъ ему 80 поясовъ златокованых, иныя шурья даша ему многия дары, им же несть числа.

Исполнишася 3 месяц, радующеся свадбе, и прнятъ Стратигъ велию честь, и жена его, и сынове его, и Амиратъ царь. А Девгений поеде с нимъ провожения ради, и зря на нь Стратигъ радовашесь, и сынове его славу богу воздаяху, иже способи имъ богъ таковаго зятя.

СКАЗАНИЕ, КАКО ПОБЕДИ ДЕВГЕНИЙ ВАСИЛИЯ ЦАРЯ

Некто бысть царь, именемъ Василий[1]. Слышавъ о дерзости и о храбрости Девгениеве, бысть яростенъ зело, и желание имея велие, како бы его добыти, зане бо Василий царь всю страну Каппадокейскую стереглъ...

Вборзе нарядивъ послы своя, посла грамоту, написавъ с ласканиемъ, прелестью сице глагола ему: «Девгений славны! Велие желание имам видетися с тобою. А ныне не ленись проидитись к моему царству, зане дерзость и храбрость твоя прослыла по всей вселеней. И любовь вниде в мя велия, видети хощу юность твою». И принесоша от царя Девгению грамоту, и прочетъ Девгений и разуме, яко прелесно бысть писание к нему.

И глагола Девгени к нему: «Азъ есмъ от простых людей. Не имать царьство твое до мене николиже вины, но аще хощешь видетися со мною, поими с собою мало вой и приди на реку Ефрантъ». Цареви жь своему рцыте: «Что какъ удумалъ еси худобу мою видети, немного же поими воинъ с собою, да не разгневаеши мене, зане юность человѣческая на много безумие приводитъ. Аще азъ разгневаюсь, сокрушу вои твои, а самъ не возвратишись!»

И приеха посол, глаголаше царю вся рекомая Девгениемъ, и услыша царь яростенъ бысть, вборзе нарядивъ и посла к Девгению, глагола ему: «Чадо, не имамъ понять много вой с собою, толко имамъ юность твою видети, царьство мое. Иного помышления не имамъ на сердцы».

Пришедъ посолъ царевъ, глагола Девгению реченая царемъ, и отвеща Девгений: «Рцы царю своему такъ: аз не боюсь царства тво-

---

[1] *...царь, именемъ Василий* — возможно, что имеется в виду византийский император Василий Македонянин. Обычно же собственные имена в повести вымышленные.

его, ни многих твоихъ вой, зане упование имеяи на бога. Не боюсь твоего помысла, но глаголю ти: прииди на реку, глаголемую Ефрантъ, и тамъ видишись со мною. Или со многим вои приидеши, да не обрадуешися царству своему, а воинства твоя вся сокрушатся». И пришедъ посолъ к Василию царю, сказа ему вся реченая Девгениемъ.

И слышав царь вборзе повеле собрати вои своя, и совокупися, поиде на место, где Девгений рече. И приеха ко Ефранту реке и постави шатры своя далече от реки. А царевъ шатеръ велми великъ бысть, червленъ, а верхъ его шитъ сухимъ златомъ; а нутри шатра многи тысяци вмещахусь вой. А вся воинства сохранена бысть, ови в шатрехъ, а они в сокровеномъ месте. И пребысть царь на реке 6 дней и рече воеводамъ своимъ: «Нечто Девгений уведалъ и удумалъ над нами, либо хощетъ со многими вои быть». То слово изрече Василий царь ужасеся.

Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой к моей худости. Но обычей ти рекохъ: аще хощеши видетись со мною, то прииди с малым вой. А се собралъ много вой, хотя меня победить, в томъ есть срамъ... зане идетъ слава моя по всей земли и по странамъ. А ныне какъ намыслилъ еси, такъ и сотвори».

Рече же Васили царь: «Да кою дерзость имаши, аще противу моего царству не дась ми покорения!» И нарядивъ посла своего, и посла за реку, а Девгениева приятъ. И пришедъ царевъ посолъ глагола Девгению вся повеленая царем. И отвеща Девгений: «Глаголи царю своему: аще ты надеешися на свою великою силу, азъ же имамъ упование на создавшаго бога. Не иматъ уподобитися сила твоя противъ божии силы. А уже время дни преминуло, а заутра рано исполчевaись и въстани со своею силою великою, да узриши худаго мужа дерзость, како пред тобою восходит, занеже ми есть срам в неисполнениихъ». И пришедъ Василиевъ посолъ, от Девгения глаголы поведа царю.

Царь же вборзе созва бояры своя, начатъ думати. И отвещаша ему многоимцы: «Во что вменяется царство твое, царю, аще тебѣ единаго мужа ужаснутись: не видим с ним вой ничтоже». И Девгениевъ посолъ скочивъ у нихъ за реку и поведа Девгению вся бывшая у царя.

И заутра рано исполчився царь Василий и думаше чрезъ реку ехати, хотяще, яко зайца в тенете, яти Девгения. Увидевъ Девгений множество вой исполчено у царя Василия и разуме, яко хотят приехать чрез реку и обойти его. И Девгений ярости исполнись и рече своим предстателемъ: «Приидите по мне, мало помедливше, азъ же прежде васъ потруждаюся и послужу царю».

И то слово изрекъ, и подпреся копиемъ, и скочи чрезъ реку, яко дюжи соколъ, велегласно кликнувъ: «Где есть Василий царь, иже имея желание видетись со мною?» И то слово изрекъ, и воины к нему ударишась, и он копие воткнувъ, и вынявъ мечь противо вои. И поскочи, яко добры жнецъ траву сечетъ: перво скочи — 1000 ихъ победи, и возвратись вспять, и поскочи — 1000 победи.

Царь же Василий, видевъ дерзость Девгениеву, вскоре поемъ с собою мало вой и побеже. И протчих вой Девгений поби, а иныя связа, и кликну за реку предъстателемъ своимъ: «Приведите ми борзы мой фарь, рекомы Ветръ». Они же примчаша ему фарь, и вседъ на нь, борзо погна Василия, нагна блиско града его, а что было с нимъ вой, всехъ победи, а царя самого четверта взятъ.

И... единаго посла от нихъ во градъ с вестью. Глаголи гражьданомъ: «Выдите противъ Девгения, днесь подай ми богъ царьствовати в вашей области». Они же, слышавъ его, вси совокупишась, изыдоша пред градъ битися, чающе, яко с простымъ человѣкомъ битись. Он же посла, глаголя: «Пожалуйте оружия и не разгневайте мене». Они же отвещавъ ему: «Не имаши противенъ быти всему граду ты единъ». И слышавъ то Девгений, разгневась и поскочи на нихъ: овыхъ изби, а иныхъ превяза и дастъ предстателемъ своимъ, и вниде во градъ и начатъ царствовати. А пленыхъ... свободи по мале времени, по писанию, яко «несть рабъ боле господина своего, ни сынъ больше отца своего».

«А еще ми пребысть 12 летъ в животѣ, а ныне хощу опочинути, многи победы и брани во юности своей сотворихъ»,— та вся изглаголавъ отцу своему, посадивъ на престоле царскомъ, и призва пленныя своя, давъ имъ свободу.

ГЕОРГИЯ ХУРОВЬСКА О ОБРАЗѢХЪ

В «Изборник Святослава 1073 года» включено теоретико-литературное сочинение византийского писателя Георгия Херобска «О образех», жившего не позднее IX в. «Изборник» был переведен в X в. с греческого языка для болгарского царя Симеона, а затем переписан с неизвестного списка в 1073 г. дьяком Иоанном для черниговского князя Святослава Ярославича. В сборник входят церковные, философские, риторические и другие сочинения. Особый интерес представляет теоретико-литературный трактат «О образех». В нем рассмотрены 27 словесно-стилистических приемов создания образности (риторических фигур и тропов): аллегория — «инословие», четыре разновидности метафор — «преводов», два вида инверсии — «преступное» и «возврат», гипербола — «лихновьное», четыре вида осмеяния — ирония («поругание»), сарказм («похухнание»), шутка («поиграние») и насмешка («посмеяние») — сравнение («сотворение»), олицетворение («лицетворение») и др. Отрывки из статьи «О образех» приводятся из фототипического издания «Изборника Святослава 1073 года» (П.: Общество любителей древней письменности, 1880).

Творьчьстии образи суть 27: 1. инословие. 2. прѣводъ. 3. напотрѣбие. 4. приятие. 5. прѣходьное. 6. възвратъ. 7. съприятие. 8. сънятие. 9. именотворие. 10. сътворение. 11. вънимменомѣстьство. 12. отъимение. 13. въспятословие. 14. округословие. 15. нестатъкъ. 16. издрядие. 17. лихорѣчье. 18. притъча. 19. прикладъ. 20. отъдание. 21. лицетворье. 23. сълогъ. 24. поругание. 25. видъ. 26. последословие.

1. *Инословие* убо есть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разумъ указуюшти, яко же еже е речено отъ бога къ змии: «проклята ты и отъ всѣхъ звѣрии». Слово бо акы змии есть, на диявола же инорѣчьнѣ змьемь нарицаема разумѣваемъ.

2. *Прѣводъ* же есть слово отъ иного на ино прѣводимо. Имать же образы четыри: или бо отъ съдушьныихъ на несъдушьная прѣводиться, или отъ несъдушьныихъ на съдушьная. Отъ съдушьныихъ убо на сдушьная, яко же кто цесаря пастуха наричеть людьмъ: пастухъ бо истовое овьчии есть, оба же еста съдушьна, и цесарь и овьчий пастухъ. Отъ бездушьныихъ же на бездушьная, яко же се кто угль съкрывъ въ пепелѣ, глаголе: сѣмя огньное сънабъдѣвъся; или речеть: многъ изливаеться изъ дрѣва пламы, еже бы лиятися мокриимъ сълучяеться. Отъ съдушьныихъ на бездушьная, егда кто высоту горьную връхъ или главу сунцу нарицае: врьхъ бо и главу о съдушьныихъ истовое нарицаеть. Отъ бездушьныихъ же на съдушьная, яко же се речено е: море видѣ и бѣжа, еже бо видѣти о съдушьныихъ истовое глаголеться.

5. *Прѣступное* же есть слово прѣступая отъ прьвааго, еже е по немь яко же се егда е решти призываю господа речеть къ господу зовомъ есмь.

7. *Съприятие* же есть слово раздрѣляя, а другое съсобу являя, яко же миру сушту въ него же е мѣста решти «нѣ рати» речемы «нѣсть оружия ратьнааго» или «праздьно есть оружие нынѣ».

10. *Сътвореное* же есть слово глаголемо нѣ почесому отъ него же глаголеть ся по подобню, яко же се егда кто съ гнѣвъмь и съ яростию на ны възираеть, глаголемы акы львъ възирае на мя онь сица.

16. *Изобилие* же есть егда избыва рѣчь отъ рѣчи ничесо же боле не назнаменуюште, яко же есть противьникъ и супротивьникъ. *Поречение* же есть слово подъемлемо продлъжения ради, яко се егда о вѣдомѣемь намъ дѣлѣ вѣдѣние извѣштая кто речеть вѣдѣ дѣло то, дъвашьды вѣдѣ рекы или грѣху продлъжание назнаменуя речеть: «зълъ грѣхъ зълъ есть».

18. *Лихновьное* же есть речь лишиши истины въздраштения ради. Яко же се кто скоро риштуштааго рече: яко риштьть акы вѣтръ.

20. *Притъча* же есть рѣчь подобьныими и вѣдомыими на прѣдъ очи приводяшти разумѣваемое яко же е господьня притъча о блудьнѣемь сыну. Въ нейже показаеть многую божию благыну, ти како приходить к каюштиимъся.

21. *Въздание* же есть указание въ притъчи лежяштиихъ вештии, яко же се быхомъ рекли, яко ею же рѣчью бесѣдова отець блудьнааго, тако же и богъ человекомъ прилагаеть. Тъ да укажемъ сълагаюште вешти притъчьное подобие.

22. *Лицетворение* же есть егда кто къ бездушьныимъ акы къ тѣлеси другоици и словеса стрина прилагаеть, яко же се небеса исповѣдають славу божию.

24. *Поругание* же е слово лицемѣрьно отъ супротивьнааго супротивьное явление являя. Поругание же образи 4: поругание, похухнание, поиграние, посмьяние. И поругани(е) есть слово съ укорьмь глаголемо. Яко же се бы кто бѣгуни, смѣяся речеть: добли и храбъръ есть. Похухнание же есть слово потяжьбьно сыньимъ похухнани. Яко же се бы зълѣ увязъша речемъ похухнавъше носъмь: добро дѣло издрядьно сътворилъ еси, друже, и мудра мужя.

25. *Поиграние* же есть слово акы добры словесы бечьстье указая. Яко же се вътворимѣ и чьсти кого сушта и въ зъло въпадъша и тѣми укаряема смѣюща ся речемъ: въ велику ся еси славу и чьсть въвелъ, друже.

26. *Посмьяние* же есть слово особь потяжьбьно. Яко же грубу уму речемъ: ты, друже, словесьмъ еси слава, образъ же есть се ликъ змии отъимы. Яко же решти: господь Иоаннъ его же помилуи добръ человекъ есть.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Поэтических образов 27: 1) аллегория (инословие), 2) метафора (превод), 3) катахрезис (напотребие, «неправильное» употребление метафор типа «громкие слезы»), 4) металепсис (приятие, т. е. замена предшествующего последующим, например вместо слова «смерть» — «гроб»), 5) хипербатон (переходное или преступное, разновидность инверсии, когда переставляются части фразы), 6) инверсия (возврат), 7) синекдоха (соприятие), 8) силлепсис (снятие), 9) онаматопея (именотворение), 10) сравнение, уподобление (сотворение), 11) антономазия (воименоство, замена собственного имени другим несобственным, например: дочь Зевса, плешивый, хромой), 12) метонимия, или метономазия (отоимение), 13) антифразис (воспятословие, т. е. отступление), 14) перифразис (округословие, или совратословие), 15) эллипсис (нестаток), 16) плеоназм (изрядие, или изобилие, повторение однозначных слов), 17) гипербола (лихоречье), 18) притча (уподобление), 19) иносказание (приклад), 20) антаподосис (ожидание), 21) олицетворение (лицетворье), 22) парадигма (солог или прилог, пример), 23) ирония (поругание), 24) сарказм (поиграние), 26) асизмос (посмеяние, шутка), 27) гистерология (последословие).

1. *Инословие* (аллегория) — это когда говорят нечто одно, а иное разумеют. Например, сказано богом змее: «Проклята ты от всех зверей». Слово «змей» иносказательно обозначает дьявола, а не змею.

2. *Превод* (метафора) — это слово от одного на другое переносимо. Метафора имеет четыре вида: переносы от одушевленных предметов на неодушевленные, от неодушевленных предметов на одушевленные, от неодушевленных на неодушевленные и от одушевленных на одушевленные.

Например, царя пастухом называют, царь действительно является людям овечьим пастухом, оба предмета (царь и овечий пастух) одушевленные.

Перенос от неодушевленных предметов на неодушевленные: о скрытом угле в пепле говорят: «Семя огненное сохранилось» или: «Сильно изливается из дров пламя», литься же может только жидкое.

От одушевленных предметов на неодушевленные: высоту горную называют теменем или главою, темя и глава действительно одушевленные.

Перенос от неодушевленных на одушевленные: море видит и бежит, видеть может одушевленный предмет.

5. *Преступное* (инверсия) — это переставленное от начала идущего к последующему. Например, вместо «Призываю господа» — говорим «К господу взываю».

7. *Соприятие* (синекдоха) — это слово дробное (обозначающее часть целого) и заменяет другое (обозначающее целое), какое в жизни существует.

Например, вместо «Нет рати» — говорим «Нет оружия ратного» или «Свободно ныне оружие».

10. *Сотворенное* (пепименон, сравнение) — это слово, употребляемое по подобию. Когда кто с гневом и яростью на нас взирает, то говорим: «Как лев он так взирает на меня».

16. *Изобилие,* или *изрядие* (плеоназм),— это употребление в речи однозначных слов. Например, противник и враг.

17. *Поречение* (повторение) — это повторение слова с целью усиления его значения. Когда об известном нам деле говорим: «Знаем, знаем это дело», то дважды слово «знаем» произносим или для усиления значения содеянного греха говорим: «Злой грех, злой».

18. *Лихновное,* или *лихоречие* (гипербола),— это речь, лишенная точности ради увеличения. Если кто быстро передвигается, то говорят «Как ветер несется».

20. *Притча* (парабола) — это речь, приводящая подобное, известное и наглядное для вразумления.

Например, притча о блудном сыне, в ней показывается божия благодать, которая приходит к кающимся.

21. *Воздание* (мораль, поучение) — это указание в притче на лежащую в ней мудрость. Как уже говорили, беседа отца с блудным подобна беседе бога с человеком.

22. *Лицетворение* (олицетворение) — это когда кто к неодушевленным предметам как к живым странные слова употребляет. Например, небеса исповедуют славу божию.

24. *Поругание* (ирония) — это слово, которое лицемерно в противоположном противное выявляет. Поругание имеет четыре вида: 1) поругание (собственно ирония), 2) похухнание (сарказм), 3) поиграние (шутка) и 4) посмеяние (исизмос, насмешка). Поругание — это слово, произносимое с укором. Например, о трусе (дезертире), смеяся, скажем: мужественный (воинственный) и храбрый. Похухнание — это слово спорно с другим осмеянием.

Например, о человеке, увязшем во зле, говорим, смеясь: «Доброе дело превосходно сотворил, друг и мудрый муж». *Поиграние* — это обозначение добрыми словами бесчестья.

Например, сотворившего честь и впавшего в зло укоряем, смеясь: «В великую славу и честь ввел себя, друг».

26. *Посмеяние* — это слово особенно осмеивающее. Например, необразованному (грубому) уму говорим: «Ты, друг, словами славен, а видом (делом) облик змеи заимел» или «Господин Иоанн, помилуй его, он человек добрый».

ИЗ «ПЧЕЛЫ»

Сборники, известные под названием «Пчела», появились в переводе с греческого в Киевской Руси довольно рано, но дошли до нас в списках XIV—XV вв. Они содержали изречения, взятые из различных литературных источников и расположенные по определенным тематическим главам: о житейской добродетели, о мудрости, о чистоте и целомудрии, о злобе, о лжи и клевете, о правде, о власти и о княжении и т. д. Через эти сборники русский читатель знакомился с изречениями не только христианских проповедников, но и античных философов и писателей: Аристотеля, Сократа, Демокрита, Платона, Плутарха, Еврипида, Демосфена и др. Многие афоризмы «Пчелы» цитировались древнерусскими писателями. Они вошли в разговорный язык и, видоизменяясь, становились пословицами и поговорками.

Отрывки из 15-й главы «Пчелы», содержащие суждения об учении и языке, печатаются по раннему списку, опубликованному в исследовании: Семенов В. Древняя русская пчела по пергаменному списку.— СПб., 1893.

КНИГЫ БЧЕЛЫ. РѢЧИ И МУДРОСТИ ОТ ЕУАНГЛИЯ И ОТЪ АПОСТОЛА И ОТ СВЯТЫХЪ МУЖЬ И РАЗУМЪ ВНѢШНИХ ФИЛОСОФЪ

Слово 15. О учении и о бесѣдѣ*. Апостолъ рече. Буди всякъ человекъ скоръ на послушание*, а лѣнивъ на глаголание, и аще кто словомъ не согрѣшаеть, то свершен есть, мога обуздати все тѣло свое.

Соломон рече. Во уши безумнаго ничтоже не глаголи, егда похулить мудрая твоя словеса.

Сирахъ. Повѣсть блуднаго, яко на пути бремя, а во устѣхъ премудраго обрящеться благодать.

Богослов. Негласно дѣло лучи есть, нежели слово несвершено.

Уча учи нравомъ, а не словомъ, иже словомъ мудръ, а дѣла его несвершена, то хромъ есть, а иже языкъ доброглаголивъ имѣеть, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятенъ есть, но то правыи, еже малы о добродѣяньи глаголеть, а добродѣянья добрѣ являеть и прилагаеть вѣру къ своему ученню житьямъ своимъ...

Фотий. Слово подобно есть зерцалу, якоже тем образ* телесныи и личныи являеться, такоже и бесѣдою душевныи образъ образуемъ назнаменуется...

Исидора. Добро житье безъ ученья паче пользуеть, нежели учение безъ добра житья. Ово бо и молча пользуеть, ово же аще и вопиеть, то болѣ смушаеть, а ему же и слово и добро житье совокупистася, то того душа украситься всѣмъ образомъ философьскымъ и благовидѣниемъ...

Филонъ. Гудьцю* ладящю гусли своя, и Филипъ седя и рече криво ладиши, инако было. И гудець отвѣща, да не тако попуститъ богъ гневъ свои на тя, цесарю, яко тобѣ лучьши мене умѣти гусльная.

Якоже и коневи рзание, и псу брехание, и волови рютье и лютому звѣри риканье дано есть, да то ихъ знаменье есть, такоже и человѣку слово, да то его знаменье, то же его градъ, то же его сила, то же оружье, то же и стѣна, сь животенъ боголюбенъ кромѣ всѣх животъ симъ почтенъ есть...

Димокритъ. Личный образъ видиться в зеркалѣ, душевнии же бесѣдами являються...

Демокритъ рече. Слово аки благы житьемъ одѣваеть душю образомъ... Ластвици тишину намъ проповѣдають весньную, а мудрая словеса беспечалье.

Солонъ. Елико на полъку можеть желѣзо, толико по градомъ законъно слово добрѣ написано.

Сь глаголаше, яко слово образъ есть дѣлу.

Менандръ. Уши свои не ко всѣмъ прикланяи словомъ, слово бо зло злу дѣлу наставникъ есть.

Епихории рече. Учитель нравомъ да покорить ученика, а не словомъ...

Пифагоръ. Удобь есть камень въсуе* пустити, нежели слово праздьно.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

(вторая половина XII— середина XIII в.)

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПОУЧЕНИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Кирилл Туровский — старший современник автора «Слова о полку Игореве» (ум. ок. 1183 г.). Он родился и жил в Турове (на территории современной Белоруссии), многие годы был епископом в этом городе. Кирилл Туровский — блестящий писатель, в совершенстве владевший торжественно-риторическим стилем, образцы которого даны еще в середине XI в. митрополитом Иларионом. Его торжественные слова насыщены символической образностью, уподоблениями и метафорами, риторическими фигурами. Отрывки из поучений Кирилла Туровского печатаются с некоторыми орфографическими упрощениями по рукописи XIII в., изданной в «Памятниках российской словесности XII века» (М., 1821), с некоторыми исправлениями И. П. Еремина в издании: Труды Отдела древнерусской литературы.— М.; Л., 1957.— Т. XIII.

<О ЛЕТОПИСЦАХ И ПЕСНОТВОРЦАХ>

Яко же историци и вѣтия, рѣкше лѣтописьци и пѣснотворци, приклоняють своя слухы въ бывшая межю цари рати и въпълчения*, да украсять словесы и възвеличать мужьствовавъшая крѣпко по своемь цари, и не давьшихъ въ брани плещю* врагомъ, и техъ славяще похвалами вѣнчаають; колме паче намъ лѣпо есть и хвалу къ хвалѣ приложити храбрымъ и великымъ воеводамъ божиимъ, крѣпько подвизавьшимься по сыне божии, своемь цари и господѣ нашемь Исусѣ Христѣ...

СЛОВО ВЪ НОВУЮ НЕДѢЛЮ ПО ПАСЦѢ

...Нынѣ солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваеть, въвиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему съпасаеть. Ныня луна, съ вышняго съступивши степе-

ни, болшему свѣтилу честь подаваеть: уже бо ветъхый законъ, по писанию, съ суботами преста и пророки, Христову закону съ недѣлею честь подаеть. Ныня зима грѣховная покаяниемь престала есть и ледъ невѣрия богоразумиемь растаяся; зима убо язычьскаго кумирослужения апостольскимь учениемь и Христовое вѣрою престала есть, ледъ же Фомина невѣрия показаниемь Христовъ ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство: бурнии вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують и земля, сѣмена питающи, зеленую траву ражаеть. Весна убо красная есть вѣра Христова, яже крещениемь поражаеть человѣческое паки естьство, бурнии же вѣтри — грѣхотворнии помыслы, иже покаяниемъ претворьшеся на добродѣтель, душеполезныя плоды гобьзують: земля же естьства нашего, акы сѣмя слово божие приимши и страхомь его болящи, присно духъ спасения ражаеть. Ныня новоражаеми агньци и уньци, быстро путь перуще, скачють и, скоро къ матеремъ възвращающиеся, веселяться, да и пастыри свиряюще веселиемъ Христа хвалять. Агньца глаголю — кроткия отъ языкъ люди, а уньца — кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовым въчеловѣчениемь и апостольскимъ учениемь и чюдесы, скоро по законъ емьшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко си учения сьсуть, да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа бога славять, вся волкы и агньца въ едино стадо събравшаго. Ныня древа лѣторасли* испущають, и цветы благоухания процвитають, и се уже огради сладъку подавають воню*; и дѣлатели съ надежею тружающеся плододавца Христа призывають. Бѣхомъ бо преже аки древа дубравная, не имуще плода, ныняже присадися Христова вѣра въ нашемъ невѣрьи, и уже держащеся корене Иосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго паки жития о Христѣ ожидають, да и святители о церкви труждающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи* слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестное рало въ мысьленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, сѣмя духовное всыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець прияша, и се быша вся нова, въскресения ради. Ныня рѣкы апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають, и рыбари, глубину божыя въчеловѣчения испытавше, полну церковную мрежю* ловитвы* обрѣтають: рѣками бо, рече пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивии людье. Нынѣ мнишьскаго образа трудолюбивая пчела, свою мудрость показающи, вся удивляеть; якоже бо они, въ пустыняхъ самокормиемь живуще, ангелы и человѣкы удивляють, и си, на цвѣты възлетающи, медвены сты* створяють, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и пьица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себѣ, олтаря твоя, и свою каяждо поющи пѣснь, славить бога гласы немолчьными...

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

«Слово о полку Игореве» было создано между 1185—1187 гг. Оно дошло до нас в рукописном сборнике второй половины XV или первой половины XVI в. Список «Слова» в этом сборнике был написан в северо-западной области Руси, возможно в Пскове, поскольку он сохранил диалектные особенности этой местности и следы второго юго-западного влияния. Первое издание «Слова» появилось в 1800 г., а до этого в 1796 г. была сделана с рукописи копия для Екатерины II. После гибели рукописи во время пожара Москвы 1812 г. первое издание и екатерининская копия стали основными текстологическими источниками «Слова». В первом издании и екатерининской копии допущены неточности и ошибочное прочтение отдельных мест. Кроме того, в самой древней рукописи оказались испорченными некоторые места. Все это не может не вызывать текстологические трудности при издании литературного памятника. Поэтому, хотя многие погрешности и ошибки первого издания устранены, в «Слове» осталось несколько неясных, «темных» мест, как, впрочем, это встречается и при издании многих других памятников древнерусской литературы. В рукописи текст не был разделен на отдельные слова и ритмические строчки, такое разделение проделали текстологи.

Текст печатается по изданию: Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1950.

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ[1] повѣстий о пълку Игоревѣ,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тъй пѣсни
по былинамь сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боянъ бо вѣщий,
аще кому хотяше пѣснь творити,
то растѣкашется мыслию по древу,
сѣрымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшеть бо, рече,
първыхъ временъ усобицѣ.
Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй:
который дотечаше,
та преди пѣснь пояше
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовь
на стадо лебедѣй пущаше,
нъ своя вѣщиа пръсты*

[1] Здесь «печальный» или «ратный»: слово «труд» имело несколько значений.

на живая струны въскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию
отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря,
иже истягну* умь крѣпостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ;
наплънився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плъкы
на землю Половѣцькую
на землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тьмою
вся своя воя* прикрыты.
И рече Игорь
къ дружинѣ своей:
«Братие
и дружино!
Луце жъ бы потяту* быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои бръзыя комони*,
да позримъ
синего Дону».
Спалъ князю умь
похоти
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
«Хощу бо,— рече,— копие приломити
конець поля Половецкаго,
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомь Дону».

О Бояне, соловию[1] стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталъ,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подъ облакы,
свивая славы оба полы сего времени[2],
рища въ тропу Трояню[3]
чресъ поля на горы.

---

[1] *Соловей* и *славий* — две формы написания слова «соловей».
[2] *...оба полы сего времени* — две половины времени, прошлое и настоящее.
[3] *Тропа Трояна* — видимо, имеется в виду победная дорога римского императора Трояна. Некоторые исследователи полагают, что *Троян* — это древнерусское языческое божество, которое покровительствовало Русской земле.

Пѣти было пѣснь Игореви,
того внуку:
«Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая,—
галици стады бѣжать
къ Дону великому».
Чи* ли въспѣти было,
вѣщей Бояне,
Велесовь внуче:
«Комони* ржуть за Сулою,—
звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубять въ Новѣградѣ,—
стоять стязи въ Путивлѣ!»

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
«Одинъ братъ,
одинъ свѣтъ свѣтлый —
ты, Игорю!
оба есвѣ Святъславличя!
Сѣдлай, брате,
свои бръзыи комони,
а мои ти готови,
осѣдлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни свѣдоми къмети*:
подъ трубами повити,
подъ шеломы възлѣлѣяни,
конець копия въскръмлени,
пути имь вѣдоми,
яругы* имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули* отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ».
Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень,
и поѣха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
нощь стонущи ему грозою птичь убуди;
свистъ звѣринъ въста[1];
збися дивъ,
кличетъ връху древа:
Велитъ послушати — земли незнаемѣ,
Влъзѣ[2],

---

[1] *...свистъ звѣринъ въста* — в тексте первого издания — «въ стазби», в екатерининской копии весь фразеологический оборот отсутствует.
[2] *Влъзѣ* — Волге.

и Поморию,
и Посулию[1],
и Сурожу[2],
и Корсуню,
и тебѣ, Тьмутораканьскый блъванъ!
А половци неготовами дорогами
побѣгоша къ Дону великому:
крычатъ тѣлѣгы полунощы,
рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ!
Уже бо бѣды его пасетъ птиць
по дубию[3];
влъци грозу въсрожатъ
по яругамъ;
орли клектомъ на кости звѣри зовутъ;
лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ[4] еси!

Длъго ночь мръкнетъ.
Заря свѣтъ запала.
Мъгла поля покрыла.
Щекотъ славий успе*;
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти*, а князю славы.
Съ зарания въ пятокъ*
потопташа поганыя плъкы половецкыя,
и рассушясь стрѣлами по полю,
помчаша красныя дѣвкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы*,
и драгыя оксамиты*.
Орьтъмами*,
и япончицами*,
и кожухы*
начашя мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ мѣстомъ,
и всякыми узорочьи половѣцкыми.
Чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговь*,
чрьлена чолка,
сребрено стружие* —

---

[1] *Посулие* — область за Сулою.
[2] *Сурож* — город в Крыму, ныне Судак.
[3] *...по дубию* — в тексте первого издания и екатерининской копии — «подобию».
[4] *Шеломянь* (соломянь) — холм, возможно Изюмский курган.

храброму Святъславличю!
Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.
Далече залетѣло!
Не было оно обидѣ порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебѣ, чрьный воронъ,
поганый половчине!
Гзакъ бежитъ сѣрымъ влъкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ;
чорьныя тучя съ моря идутъ,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии млънии.
Быти грому великому!
Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ,
у Дону великаго!

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
рѣкы мутно текуть,
пороси* поля прикрываютъ,
стязи глаголютъ:
половци идуть отъ Дона,
и отъ моря,
и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы оступиша.
Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволодѣ!
стоиши на борони,
прыщеши на вои стрѣлами,
гремлеши о шеломы мечи харалужными*!
Камо, туръ, поскочяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
тамо лежатъ поганыя головы половецкыя.
Поскепаны* саблями калеными шеломы оварьскыя
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти

и живота,
и града Чрънигова отня злата стола,
и своя милыя хоти[1], красныя Глѣбовны,
свычая и обычая?

Были вѣчи Трояни[2],
минула лѣта Ярославля;
были плъци Олговы,
Ольга Святъславличя[3].
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрѣлы по земли сѣяше.
Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ,
той же звонъ слыша давный великый Ярославь,
а сынъ Всеволожь Владимиръ
по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
Бориса же Вячеславлича[4] слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову,
храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣ яти отца своего
междю угорьскими иноходьци
ко святѣй Софии къ Киеву.
Тогда, при Олзѣ Гориславличи
сѣяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Даждьбожа внука[5],
въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомь скратишась.
Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ* кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себѣ дѣляче,
а галици свою рѣчь говоряхуть,
хотять полетѣти на уедие*.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до свѣта

---

[1] *Хоть* — жена, любимая, а также наложница.

[2] *...вѣчи Трояни* — века Трояна.

[3] *Олегъ Святославич* — дед Игоря, князь черниговский и тмутараканский, отличался безудержностью в развязывании феодальных войн и распрей между князьями.

[4] *Борис Вячеславич* — был убит на Нежатине под Черниговом в 1078 г.

[5] Псковский писец Диамид (Домид) в 1307 г. в приписке к «Апостолу» воспользовался этим поэтическим изображением феодальных столкновений для описания распрей московского князя Георгия Даниловича и тверского князя Михаила Ярославича: «При сихъ князѣхъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше (погибала) жизнь наша въ князѣхъ которы, и вѣци скоротишася человѣкомъ». Упоминание языческого бога в словосочетании «жизнь Даждьбожа внука» заменено переписчиком на «жизнь наша».

летятъ стрѣлы каленыя,
гримлютъ сабли о шеломы,
трещатъ копиа харалужныя
въ полѣ незнаемѣ,
среди земли Половецкыи.
Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна,
а кровию польяна:
тугою* взыдоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить —
далече рано предъ зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жаль бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилось[1].

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Въстала обида въ силахъ Даждьбожа внука,
вступила дѣвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у Дону
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату:
«Се мое, а то мое же».
И начяша князи про малое
«се великое» млъвити,
а сами на себѣ крамолу ковати.
А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую.

О, далече зайде соколъ, птиць бья,— къ морю!
А Игорева храбраго плъку не крѣсити!
За нимъ кликну Карна и Жля,
поскочи по Руской земли,

---

[1] Под клеймом иконы конца XV — начала XVI в. содержится надпись: «Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земле приклонилось», которая текстуально повторяет фразеологический оборот «Слова».

смагу* людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
«Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати».
А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
а Черниговъ напастьми.
Тоска разлияся по Руской земли;
печаль жирна* тече средь земли Рускыи.
А князи сами по себе крамолу коваху,
а погании сами,
побѣдами нарищуще на Рускую землю,
емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича,
Игорь и Всеволодъ —
уже лжу убудиста которою*,
ту бяше успилъ отецъ ихъ —
Святъславь грозный великый киевскый грозою:
бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы
и харалужными мечи;
наступи на землю Половецкую,
притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.
А поганаго Кобяка изъ луку* моря
отъ желѣзныхъ великыхъ плъковъ половецкыхъ
яко вихръ, выторже:
и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ,
въ гридницѣ Святъславли.
Ту нѣмци и венедици*,
ту греци и морава
поютъ славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ* во днѣ Каялы рѣкы половецкыя,
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощиево*.
Уныша бо градомъ забралы,
а веселие пониче.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ
въ Киевѣ на горахъ.
«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя,— рече,—
чръною паполомою
на кроваты тисовѣ*;

чрътахуть ми синее вино,
съ трудомъ смѣшено,
сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ*
великый женчюгь на лоно
и нѣгуютъ мя.
Уже дьскы безъ кнѣса
в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.
Всю нощь съ вечера
бусови* врани възграяху у Плѣсньска,
на болони* бѣша дебрь кияня,
и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю:
«Уже, княже, туга умь полонила;
се бо два сокола слѣтѣста
съ отня* стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомь Дону.
Уже соколома крильца припѣшали
поганыхъ саблями,
а самаю опуташа
въ путины желѣзны.

Темно бо бѣ въ 3 день:
два солнца помѣркоста,
оба багряная стлъпа погасоста
и съ нима молодая мѣсяца,
Олегъ и Святъславъ,
тъмою ся поволокоста
и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.
На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла,
по Руской земли прострошася половци,
акы пардуже гнѣздо.
Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже връжеся дивь на землю.
Се бо готьскыя красныя дѣвы
въспѣша на брезѣ синему морю:
звоня рускымъ златомъ,
поютъ время Бусово,
лелѣютъ месть Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселия!

Тогда великый Святъславъ
изрони злато слово
с слезами смѣшено
и рече:

«О моя сыновчя[1], Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю
мечи цвѣлити*,
а себѣ славы искати.
Нъ нечестно одолѣсте,
нечестно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузѣ скована,
а въ буести закалена.
Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?
А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовоя
брата моего Ярослава[2],
съ черниговьскими былями[3],
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчакы,
и съ ревугы,
и съ ольберы.
Тии бо бес щитовь съ засапожникы
кликомъ плъкы побѣждаютъ,
звонячи въ прадѣднюю славу.
Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами подѣлимъ!»
А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ:
не дастъ гнѣзда своего въ обиду.
Нъ се зло — княже ми непособие:
наниче ся годины обратиша.
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.

Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великый княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетѣти издалеча

---

[1] *Сыновчя* — племянники, на самом деле Игорь и Всеволод были двоюродными братьями Святославу Всеволодовичу.

[2] *...брата моего Ярослава* — имеется в виду Ярослав Всеволодович черниговский (ум. 1198).

[3] *Были, могуты, татраны, шельбиры, топчакы, ревугы, ольберы* — видимо, титулы и чины высокопоставленных лиц из тюркских племен, находившихся на *службе в войсках черниговского князя.*

отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!
Аже бы ты былъ,
то была бы чага[1] по ногатѣ,
    а кощей по резанѣ[2].
Ты бо можеши посуху
    живыми шереширы стрѣляти,
        удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде!
Не ваю ли вои
    злачеными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
    рыкаютъ акы тури,
    ранены саблями калеными
    на полѣ незнаемѣ?
Вступита, господина, въ злата стремень
    за обиду сего времени,
    за землю Рускую,
    за раны Игоревы,
        буего Святъславича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
    на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
    своими желѣзными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
салътани за землями[3].
Стрѣляй, господине, Кончака,
    поганого кощея,
    за землю Рускую,
    за раны Игоревы,
        буего Святъславича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло.

---

[1] *Чага* — девушка-рабыня.

[2] *Ногать* и *резань* — мелкие монеты; резань равна $^1/_{20}$ ногати.

[3] *...стреляеши съ отня злата стола салътани за землями* — возможно, речь идет об участии воинов Галицкого княжества в крестовом походе.

Высоко плаваеши на дѣло въ буести,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи паробци[1]
под шеломы латиньскыми.
Тѣми тресну земля,
и многы страны —
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулици* своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тыи мечи харалужныи.
Нъ уже, княже Игорю,
утрьпѣ солнцю свѣтъ,
а древо не бологомъ* листвие срони:
по Рси[2] и по Сули гради подѣлиша.
А Игорева храбраго пльку не крѣсити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на побѣду.
Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ
и вси три Мстиславичи,
не худа гнѣзда шестокрилци!
Не побѣдными жребии
собѣ власти расхытисте!
Кое ваши златыи шеломы
и сулицы ляцкыи[3]
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрѣлами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течетъ
онымъ грознымъ полочаномъ[4]
подъ кликомъ поганыхъ.

---

[1] *Паробци* — панцири, нагрудники; в первом издании и екатерининской копии — «папорзи».
[2] *Рось* — правый приток Днепра, пограничный с половецкой степью.
[3] *Сулицы ляцкые* — копья польские.
[4] *Полочане* — жители Полоцка и Полоцкого княжества.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ[1],
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовьскыя,
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кровавѣ травѣ
притрепанъ литовскыми мечи
и с хотию* на кров,
а тъи рекъ[2]:
«Дружину твою, княже,
птиць крилы приодѣ,
а звѣри кровь полизаша».
Не бысть ту брата Брячяслава[3],
ни другаго Всеволода[4]:
единъ же изрони жемчюжну душу
изъ храбра тѣла
чресъ злато ожерелие.
Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии.

Ярославли и вси внуце Всеславли[5]!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени*.
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыя
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Которою* бо бѣше насилие
отъ земли Половецкыи!
На седьмомъ вѣцѣ Трояни[6]
връже Всеславъ жребий

---

[1] *Изяслав Васильков* — летописям неизвестен, видимо, имеется в виду князь полоцкий (городенский), правнук Всеслава полоцкого. Погиб в битве в 1183 г.

[2] *...и с хотию на кров, а тъи рекъ* — место испорчено переписчиками; в первом издании и екатерининской копии «схоти ю на кровать и рекъ».

[3] *Брячислав* — Брячислав Василькович, князь изяславле-витебский.

[4] *...ни другаго Всеволода* — неизвестно, о каком князе идет речь; некоторые исследователи полагают, что следует понимать не Всеволода, а Всеслава Васильковича, князя витебского и затем полоцкого.

[5] *...Ярославли и вси внуци Всеславли* — видимо, автор обращается к потомкам Ярослава Мудрого и Всеслава полоцкого с призывом прекратить раздоры. Однако это обращение вызывает различные объяснения, так как в первом издании и екатерининской копии читается не «Ярославли», а «Ярославе», т. е. первое обращение не к Ярославичам, а к какому-то Ярославу.

[6] *На седьмомъ вѣцѣ Трояни* — здесь условное число, обозначающее давность.

о дѣвицю себѣ любу[1].
Тъй клюками* подпръ ся о кони
и скочи къ граду Кыеву
и дотчеся стружиемъ
злата стола киевьскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ
въ плъночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися[2] синѣ мѣглѣ;
утрѣ же вознзи стрикусы[3],—
отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи влъкомъ
до Немиги съ Дудутокъ[4].
На Немизѣ снопы стелютъ головами,
молотятъ чепи харалужными,
на тоцѣ животъ кладутъ,
вѣютъ душу отъ тѣла.
Немизѣ кровави брезѣ
не бологомъ бяхуть посѣяни,
посѣяни костьми рускихъ сыновъ.
Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано
у святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.
Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ
нъ часто бѣды страдаше.
Тому вѣщей Боянъ
и пръвое припѣвку, смысленый, рече:
«Ни хытру,
ни горазду,
ни птицю горазду
суда божиа не минути»[5].
О стонати Руской земли,
помянувше пръвую годину

---

[1] *...жребий о дѣвицю себѣ любу* — место неясное; некоторые исследователи полагают, что «девицей» автор фигурально называет Киев. Заслуживает внимания иная разбивка и прочтение: вместо «о дѣвицю» — «одѣ вицю», аорист «одѣ» (одел) и «вица» — розга, плеть (здесь в переносном смысле — хитросплетение).

[2] *...обѣсися синѣ мѣглѣ; обѣсися* — повиснуть, здесь — укрыться, завеситься.

[3] *...вознзи стрикусы* — ударил секирами; в первом издании и екатерининской копии — «воззни стрикусы».

[4] *Дудутки* — городок на юге от Минска.

[5] Припевка Бояна встречается в некоторых списках «Моления Даниила Заточника»: «Суда божяя и хитру уму, ни горазну не минути».

и пръвыхъ князей!
Того стараго Владимира
нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ:
сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы,
а друзии — Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашутъ[1].
Копиа поютъ!
На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычеть:
«Полечю,— рече,— зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ* рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
утру князю кровавыя его раны
на жестоцѣмъ его тѣлѣ».
Ярославна рано плачеть
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи*:
«О вѣтрѣ, вѣтрило!
Чему, господине, насильно вѣеши?
Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы
на своею нетрудною крилцю
на моея лады вои?
Мало ли ти бяшетъ горѣ* подъ облакы вѣяти,
лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, господине, мое веселие
по ковылию развѣя?»
Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на забороле, аркучи:
«О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано».
Ярославна рано плачетъ
въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи:
«Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!
Всѣмъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячюю свою лучю
на ладѣ* вои?
Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?»
Прысну море полунощи;
идутъ сморци мьглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ

[1] *...нъ розно ся имъ хоботы пашутъ* — но в разные стороны их знамена развеваются (*хобот* — хвост, бунчук; *пашутъ* — от *пахати* — веют).

изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.
Погасоша вечеру зори.
Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою;
велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскочи
горностаемъ к тростию
и бѣлымъ гоголемъ на воду.
Въвръжеся* на бръзъ комонь,
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полетѣ соколомъ подъ мьглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обѣду,
и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече:
«Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа».
Игорь рече:
«О Донче!
Не мало ти величия,
лелѣявшу князя на влънахъ,
стлавшу ему зелѣну траву
на своихъ сребреныхъ брезѣхъ,
одѣвавшу его теплыми мъглами
подъ сѣнию зелену древу;
стрежаше его гоголемъ на водѣ,
чайцами на струяхъ,
чрьнядьми на ветрѣхъ».
Не тако ти, рече, рѣка Стугна;

худу струю имѣя,
пожрѣши чужи ручьи и стругы,
рострена к устью,
уношу князю Ростиславу затвори[1].
Днѣпрь темнѣ березѣ
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою
и древо с тугою къ земли прѣклонилось.
А не сорокы втроскоташа:
на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахуть,
галици помлъкоша,
сорокы не троскоташа,
полозие[2] ползаша только.
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ,
соловии веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ.
Млъвитъ Гзакъ Кончакови:
«Аже соколъ къ гнѣзду летить,—
соколича ростръляевѣ
своими злачеными стрѣлами».
Рече Кончакъ ко Гзѣ:
«Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,
а вѣ соколца опутаевѣ
красною дивицею».
И рече Гзакъ къ Кончакови:
«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны дѣвице,
то почнутъ наю птицы бити
въ полѣ Половецкомъ».
Рекъ Боянъ и ходы на
Святъславля пѣснотворца
стараго времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти*:
«Тяжко ти головы кромѣ плечю,
зло ти тѣлу кромѣ головы»,—
Руской земли безъ Игоря.
«Солнце свѣтится на небесѣ —
Игорь князь въ Руской земли»:
Дѣвици поютъ на Дунаи,—
вьются голоси чрезъ море до Киева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву

[1] *Юноша Ростислав* — князь Ростислав Всеволодович, брат Владимира Мономаха, утонул в Стугне (приток Днепра) 22 лет (см. об этом в «Повести временных лет»).
[2] *Полозие (полозъ)* — один из видов крупных змей.

къ святѣй богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.
Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пѣти:
«Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!»
Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганыя плъки!
Княземъ слава а дружинѣ!
Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ. ИЗ КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В Ипатьевском летописном списке сохранилась заимствованная из Черниговской летописи повесть о походе Игоря и его брата Всеволода на половцев. В этой повести рассказывается о последовательности событий похода и сообщаются такие подробности, которые имеют существенное значение для понимания «Слова о полку Игореве». Текст повести печатается по Ипатьевской летописи (СПб., 1871).

Въ лѣто 6693... В то же время Святославичь Игорь, внукъ Олговъ, поѣха из Новагорода, мѣсяца априля в 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода из Трубечка, и Святослава Олговича, сыновця* своего изъ Рыльска, и Владимѣра сына своего ис Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с коуи черниговьскими, и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо и у нихъ кони тучны велми.

Идущимъ же имъ к Донцю рѣкы, в годъ* вечерний, Игорь же, возрѣвъ на небо, и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли, что есть знамение се?» Они же узрѣвше и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: «княже! се есть не на добро знамение се». Игорь же рече: «братья и дружино! тайны божия никтоже не вѣсть, а знамению творѣць богъ и всему миру своему; а намъ что створить богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити». И то рекъ, перебреде Донѣць, и тако прииде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инемъ путем ис Курьска; и оттуда поидоша к Салницѣ, ту же къ нимь и сторожеви приѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловить, и рекоша приѣхавше: «видихомся с ратнымы, ратници ваши со доспѣхомъ* ѣздять; да или поѣдете борзо, или возворотися домовь, яко не наше есть веремя». Игорь же рече с братьею своею: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущеи смерти; но како ны богъ дасть». И тако угадавше, и ѣхаша чересъ ночь; заутра же, пятъку* наставшу, во обѣднее вере-

мя усрѣтоша полкы половѣцькиѣ: бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вежѣ* своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъмала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлия. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль, сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимѣрь и другий полкъ Ярославль, иже бяху с Ольстиномъ коуеве*, а третий полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князий выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья! сего есмы искалѣ, а потягнемь*; а тако поидоша к нимъ, положаче на бозѣ упование свое.

И яко быша к рѣцѣ ко Сюурлию, и выѣхаша ис половѣцькихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на русь, и тако поскочиша; русь же бяхуть не перѣхалѣ еще рѣкѣ Сюрлия, поскочиша же и ти половци силы половѣцькии, которић же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь и Володимѣрь Игоревичь, и Ольстинъ с коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ помалу идяста, не распустяста полку своего переднии же ти русь биша ѣ, имаша; половцѣ же пробѣгоша вежѣ, и русь же дошедше вежь и ополонишася, друзии же ночь приѣхаша к полкомъ с полономъ. И яко собрашася половци вси, и рече Игорь ко братома и к мужемъ своимъ: «се богъ силою своею — возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомъ полки половѣцькии, оже мнози суть, ту же; ци вся си суть совокупили. Нынѣ же поѣдемы чересъ ночь, а кто поѣдѣть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшии коньници переберуться, а самѣми как ны богъ дасть». И рече Святославъ Олговичь строема* своима: «далече есмь гонилъ по половцехъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико мы будеть на дорозѣ остати» — и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣюнци, братья, умрети» — и облегоша ту. Свѣтаюнци же суботѣ, начаша выступати полци половецкии, якъ боровѣ; изумумѣшася князи рускии, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ бещисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица Колобича, и Етебича и Терьтробича». И тако угадавше вси, сосѣдоша с коний, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: «оже побѣгнемь, утечемь сами, а черные люди оставимъ, то отъ бога ны будеть грѣхъ, сихъ выдавше пойдемь; но или умремь, или живи будемь вси на единомь мѣстѣ».

И та рекши, вси сосѣдоша с конѣй и поидоша бьючеся; и тако, божиимъ попущениемь, уязвиша* Игоря в руку и умртвиша шюйцю* его, и бысть печаль велика в полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнозии ранени и мертви быша в полкохъ рускихъ; наставши же нощи суботнии, и поидоша бьючися. Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася ковуеве в полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть в то время на конѣ, зане раненъ бяше, пойде к полку ихъ, хотя возворотити ихъ к полкомъ; уразумѣв же яко далече шелъ есть отъ людий и соймя

шоломъ, погънаше опять к полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюрговичь, познавъ князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися с ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярскихъ, добри бо вси бьяхуться идуще пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь к полкомъ своимь, и переѣхаша поперекъ и ту яша* единъ перестрѣлъ одале отъ полку своего. Держимъ же Игорь, видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видилъ падения брата своего; Всеволодъ же толма* бившеся яко и оружья в руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вкругъ при езерѣ. И тако во день святаго воскресения наведе на ня господь гнѣвъ свой: в радости мѣсто наведе на ны плачь, и во веселье мѣсто желю*, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя предъ господемъ богомъ моимъ яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянстѣй, яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньни хрестьани, отлучаеми отець отъ рожений своихъ, братъ отъ брата, другъ от друга своего, и жены отъ подружий своихъ, и дщери отъ материй своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшю. Живии мертвымъ завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святѣи огнемь от жизни сея искушение приемши, старцѣ порѣвахуться, уноты* же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми и разсѣкаеми бывають, жены же оскврѣняеми; и та вся створивъ азъ,— рече Игорь,— недостоино ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отмѣстье отъ господа бога моего. Где нынѣ возлюбленый мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? где чадо рожения моего? где бояре думающеи, гдѣ мужи храборьствующеи, гдѣ рядъ полъчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? Не отъто всего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в рукы безаконьнымь тѣмь? Се возда ми господь по безаконию моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою. Истиненъ господь и прави суди его зѣло; азъ же убо не имамъ со живыми части; се бо нынѣ вижю другая мучения вѣньца приемлюще, почто азъ единъ повиньный не прияхъ страсти* за вся си? Но владыко господи боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, господи, тако и милость намъ, рабомъ твоимъ».

И тогда, кончавшюся и полку розведени быша, и пойде кождо во своя вежа. Игоря же бяхуть яли Таргорове, мужь именемь Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечюкъ въ Вобурцевичехъ, а Володимера Копти в Улашевичихъ. Тогда же на полъчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людий мало ихъ избысть нѣкакомъ получениемь, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силнами огорожени бяху полкы половѣцьскими; ношахуть, русь съ 15 мужь утекши, а ковуемь мнѣе, а прочии в морѣ истопоша.

В то же время великыи князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть в Корачевъ и сбирашеть от вѣрхънихъ земль вои, хотя ити на половци к Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новагорода Сѣверьского и слыша о братьи своей, оже шли суть на половци, утаившеся его: и нелюбо бысть ему. Святославъ же идяше в лодьяхъ, и яко приде к Чернигову, и в тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просовичь и повѣда Святославу бывшее о половцѣхъ; Святославъ же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «о люба моя братья и сыновѣ и мужѣ землѣ Рускоѣ! далъ мне ни бяше богъ притомити поганыя; но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болми по Игорѣ братѣ моемь». По семъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера в Посемье: то бо слышавше, возмятошася городи посемьские, и бысть скоробь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и в Новѣгородѣ Сѣверьском, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита; и мятяхуться, акы в мотви*, городи воставахуть, и немило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, но мнозѣ тогда отрѣкахуся душь своих, жалующе по князихъ своихъ. Посемъ же посла Святославъ ко Давыдови Смоленьску, река: «рекли бяхомъ пойти на половци и лѣтовати на Донѣ, нынѣ же половци се побѣдили Игоря и брата его с сыномъ; а поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, а Ярославъ в Черниговѣ, совокупивъ вои свои, стояшеть. Поганыи же половци побѣдивъше Игоря с братьею и взяша гордость велику и съвокупиша всь языкъ свой на Рускую землю, и бысть у нихъ котора*: молвяшеть бо Кончакъ: «пойдемь на Киевьскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ»; а Кза молвяшеть: «пойдемь на Семь, гдѣ ся остали жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, емлемъ же городы безъ опаса»; и тако раздѣлишася надвое. Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту всь день. Володимеръ же Глебовичь бяше князь в Переяславль, бяше же дерзъ и крѣпокъ к рати, выѣха из города и потче, к нимъ, и по немь мало дерзнувъ дружинѣ, и бися с ними крѣпко; и обступиша мнозии половцѣ; тогда прочии, видевше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася* из города, и тако отъяша князя своего, язьвена сущи треми копьи. Сий же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха во городъ свой и утре мужественнаго поту своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се половьци у мене, а помозите ми». Святославъ же слашеть ко Давыдови, а Давыдъ стояшеть у Треполя со смолняны. Смолнянѣ же почаша вѣче дѣяти, рекуще: «мы пошли до Киева, да же бы была рать, билися быхом; намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемогли». Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу половцемъ, а Давыдъ возвратися опять со смолняны. То слышавше половци, и возвратишася

отъ Переяславля; идущи же мимо, приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городѣ, и возлѣзше на заборолѣ, и тако, божиимъ судомъ, летѣста двѣ городници* с людми, тако с ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ; да которѣи же гражанѣ выйдоша изъ града и бьяхуться, ходяще по Римьскому болоту, то тѣи избыша плѣна, а кто ся осталъ в город, и тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ к собѣ, да быша ему помоглѣ; они же опоздашася, сжидающе Давыда с смолняны, и тако князѣ рускиѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же вземше городъ Римовъ и ополонишася полона, и пойдоша восвояси; князи же возворотишася в домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимѣромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьными, и хрестьянъ плененыхъ отъ поганыхъ. И се богъ казня ны, грѣхъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя ихъ, но насъ казня и обращая ны к покаянью, да быхомся востягнули отъ злыхъ своихъ дѣл; и симъ казнить ны нахожениемь поганыхъ, да некли* смиривъшеся воспомянемься отъ злаго пути. А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю, Кза у силахъ тяжькихъ, и повоевавши волости ихъ и села ихъ пожгоша, пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася восвояси.

Игорь же Святославличь тотъ годъ* бяшеть и в половцехъ и глаголаше: «азъ по достоянью моему восприяхъ побѣду отъ повеления твоего, владыко господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоих; не жаль ми есть за свою злобу прияти нужьная вся, ихъ же есмь принялъ азъ». Половци же аки стыдящеся въеводства его и не творяхуть ему пакости, но приставиша к нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20; но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястребомь ловяшеть; а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 с нимь ѣздяшеть; сторожѣвѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, бесъ пря* творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ из Руси к собѣ со святою службою: не вѣдяшеть бо божия промысла, но творяшеться тамо и долъго быти. Но избави и господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему в половцехъ, тамо ся налѣзе* ся мужь родомъ половчинъ, именемъ Лаворъ; и тотъ приимъ мысль благу и рече: «пойду с тобою в Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо, емше мужь, и бѣжати в Русь, молвяшеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ пойти». С нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюший его, и та нудяста и, глаголюща: «пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но якоже преже рекохомъ возвратишася отъ Переяславля половци; и рекоша Игореви думци его: «мысль высоку и неугодну господеви имѣешь в собѣ: ты ищеши няти мужа и бѣжати с нимъ; а о семь чему не разгадаешь, оже приѣдуть половци с войны,

а се слышахомъ, оже избити имъ князя и васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь приимъ во сердцѣ совѣтъ ихъ, уполошася приѣзда ихъ и возиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати в день и в нощь, имъ же сторожевѣ стережахуть его, но токмо и веремя такого обрѣтѣ в заходъ солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора, с конемь поводнымъ», бяшеть бо съвѣчалъ* с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюший, повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставь ужасенъ и трепетенъ и поклонися образу божию и кресту честному, глаголя: «господи, сердцевидче! аще спасеши мя, владыко, ты недостойнаго»,— и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сий же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вежа. Се же избавление створи господь в пятокъ, в вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттолѣ иде во свой Новъгородъ, и обрадовавшаяся ему; из Новагорода иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье. Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща. Игорь же оттолѣ ѣха ко Киеву к великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

МОЛЕНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Под этим названием известно весьма популярное в Древней Руси произведение, дошедшее до нас в двух редакциях и многих списках. Первая редакция написана в конце XII в. и называется «Слово Даниила Заточеника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичю», вторая возникла в начале XIII в., она называется «Послание Данила Заточенаго к великому князю Ярославу Всеволодичю». Редакции так сильно отличаются одна от другой, что дало основание академику Б. А. Рыбакову считать их двумя различными произведениями, написанными разными лицами. Популярность «Моления» обусловлена его прогрессивными идеями защиты обездоленных, зависимых от князя людей, наряду с восхвалением княжеской власти и высоким литературным языком: яркостью языка, наполненного пословицами, афоризмами и ремесленной фразеологией, своеобразной ритмичностью строф и синтаксических конструкций, внутренними рифмами и ассонансами. Многие выражения в «Молении» заимствованы из сборника «Пчела» (см. приложение в конце текста).

Тексты публикуются по изданию, подготовленному Н. Н. Зарубиным,— «Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам» (Л., 1932), с учетом изменений, внесенных в издание «Памятники литературы Древней Руси. XII век» (М., 1980).

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМИРОВИЧЮ

Въструбим, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано,

исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчах гаданиа моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мои трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего и разбих злѣ, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Азъ бо есмь, аки она смоковница проклятая: не имѣю плода покаянию, имѣю бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мои, аки нощныи вронъ на нырищи, забдѣх; и расыпася животъ мои, аки ханаонскыи царь буестию; и покры мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие в собѣ и притекох къ обычнеи твоеи любви. Глаголеть бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитаєть въ вѣки.

Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на ню же ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа, яко тии ни орють, ни сѣють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помогающе подразити нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣють ми ся. Тѣм же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатества ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Тѣмъ же вопию к тобѣ одержимъ нищетою: помилуи мя, сыне великаго царя Владимира, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужь везде знаем есть и на чюжеи странѣ друзи держить, а убогъ во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облакъ, а

убогии возглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от устъ лвовъ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посѣкають его и на огнь мечють; тако и азъ всѣм обидимъ есмь, зане огражен̆ъ есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человѣк, приемля многия бѣды. Никто не может соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитрить и мудрить о чюжеи бѣди, а о своеи не можеть смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ являеть, а в печали обрѣтаєть человѣкъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдять, а печаль человѣка; печалну бо мужу засышють кости.

Аще кто в печали человѣка призрит, какъ студеною водою напоить во зноиныи день.

Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшаеть цвѣты землю, а ты оживляеши вся человѣкы милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Княже мои, господине! Яви ми зрак лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образ твои красенъ; мед истачають устнѣ твои и послание твое аки раи с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мяккых постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоя согбена на подание убогих; ни чашею бо море расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздаваи людем.

Поволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь послом царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же рѣша: нашь царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужеи не добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Олъжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! нам ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же бог повелить, тако будеть: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надѣяся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки.

Дивиа за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многажды безнарядиемъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страяются персты, а тѣло основается жилами; дубъ крѣпок множеством корениа; тако и градъ нашь твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отець есть слугамъ многиим: мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшеи роботы. Зане князь щедръ, аки рѣка, текуща без бреговъ сквози дубравы, напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри; а князь скуп, аки рѣка въ брезѣх, а брези камены: нѣлзи пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладязь сладокъ при пути напаяеть мимоходящих; а боярин скупъ, аки кладязь сланъ.

Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивун бо его аки огнь трепетицею накладенъ, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устречися и сождениа портъ.

Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищь бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслйть, то аки поволочито изголовие соломы наткано.

Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутреняя моа. Азъ бо, господине, одѣнием оскуденъ есмь, но разумомъ обиленъ; унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орел по воздуху.

Но постави сосуд скуделничь под лѣпокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса устъ моих. Яко же Давидъ рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напояють душу, покрываеть же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылаи и мало ему кажи, а безумнаго посылаи, и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказаниа безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будеть.

Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумных. Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят. Какъ в утелъ мѣх лити, такъ безумнаго учити; псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумнаму драгии словеса; ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по водѣ, и коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, тогды безумныи уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвилъ. То не видал есмь неба полъстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: сългалъ еси аки песъ. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългал еси аки тать. Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огнь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадает въ вещь, но думци вводять. З добрымъ бо думцею

думая, князь высока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах: не скотъ въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрехъ ожь; ни рыба въ рыбах ракъ; ни потка въ потках нетопырь; не мужь въ мужех, иже кимъ своя жена владѣеть; не жена в женах, иже от своего мужа блядеть; не робота в роботах под женками повозъ возити.

Дивнѣи дива, иже кто жену поимаеть злообразну прибытка дѣля.

Видѣх жену злообразну, приничющс к зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ еи: не зри в зерцало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

Или ми induced речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: волъ бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бѣсѣться, а кротима высится, въ богатествѣ гордость приемлеть, а в убожествѣ иных осуждаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирскии мятежь, ослѣпление уму, началница всякои злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасениа.

Аще который муж смотрить на красу жены своеа и на я, и ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаеть, то даи богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят.

Но по сему, братиа, расмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мои и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужь женѣ своеи. Жены же у церкви стоите молящеся богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужеи. А вы, мужи, по закону водите жены свои, понеже не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена вѣнець мужу своему и беспечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древо тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ таины повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть камень долоти, нижели зла жена учити; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни учениа слушаеть, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осуждаеть.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женскои злобы. Женою сперва прадѣдъ нашь Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасныи в темници затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящеи с чемеремъ!

Нѣ у кого же умрѣ жена; онъ же по матерных днех нача дѣти

продавати. И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут.

Еще возвратимся на предняя словеса. Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но был аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеныи сотъ; тако и азъ, по многим книгамъ исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морскиа.

Да уже не много глаголю. Не отмѣтаи безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати. Да не буду аки мѣх утелъ, роняя богатство в руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии много люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть. Глаголеть бо в мирскых притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся человѣкы под нози его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

ПОСЛАНИЕ ДАНИЛА ЗАТОЧЕНАГО К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВСЕВОЛОДИЧЮ

Вострубим убо, братие, аки в златокованную трубу, въ разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы во извѣстие мудрости, и ударимъ в бубны ума своего, поюще в богодохновенныя свирѣли, да восплачются в нас душеполезныя помыслы. Востани, слава моя, востани, псалтырь и гусли. Да развергу въ притчах гадания моя и провещаю во языцех славу мою. Сердце смысленнаго укрепляется в телесѣ его красотою и мудростию...

Вѣдыи, господине, твое благоразумие и притекохъ ко обычнеи твоеи любве. Глаголет бо святое писание: «просите и приимете»; Давидъ рече: «не суть рѣчи, ни словеса, их же не слышатся гласи ихъ».

Мы же не умолчимъ, но возглаголемъ к господину своему всемилостивому князю Ярославу Всеволодичю.

Княже мои, господине! Помяни мя во княжении своем, яко аз рабъ твои и сын рабы твоя.

Вижю, господине, вся человѣки, яко солнцем, грѣеми милостию твоею, точию аз единъ, яко трава, в застѣни* израстущи, на нюже ни солнце сияетъ, ни дождь идетъ: тако аз хожю во тмѣ, отлученъ день и нощь свѣта очию твоею. Тѣмъ, господине, приклони ухо твое во глаголы устъ моих и от всѣхъ скорбеи моих избави мя.

Княже мои, господине! Вси напитаются от обилия дому твоего, аки потоком пища твоея; токмо аз единъ жадаю милости твоея, аки елень источника воднаго.

Есмь бо яко древо сухо, стояще при пути, да вси мимоходящеи

секутъ его; тако и аз всѣми обидимъ есмь, зане не огражен есмь страхом грозы твоея, аки оградомъ твердым.

Княже мои, господине! Богатъ муж вездѣ знаем есть и в чюжем граде; а убогъ мужь и во своемъ граде невѣдомъ ходит. Богат мужь возглаголет — вси молчатъ и слово его до облак вознесутъ; а убогъ мужь возглаголет, то вси на него воскликнут. Их же бо ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчи честны.

Княже мои, господине! Не возри на внѣшняя моя, но вонми* внутренняя моя. Аз бо есмь одѣяниемъ скуденъ, но разумом обилен; юнъ возрастъ имыи, но стар смыслъ вложихъ во нь. И бых паря мыслию своею, аки орел по воздуху.

Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твои сладокъ, и уста твоя мед истачаютъ, и образ твои красен; послания твоя яко раи с плодом; руцѣ твои исполнены яко от злата арависка; ланиты твоя яко сосуд араматы; гортань твои яко крин*, капля миро, милость твою; вид твои яко ливан избранъ; очи твои яко источникъ воды живы; чрево твое яко стогъ пшениченъ, иже многи напитая; слава твоя превозносит главу мою, и бысть выя* в буести, аки фарсис в монисте.

Княже мои, господине! Не зри на мя, аки волкъ на агнеца, но зри на мя, яко мати на младенца. Возри на птица небесныя, яко ни сѣютъ ни жнутъ, ни в житница сбираютъ, но уповают на милость божию.

Да не буди рука твоя согбена на подание убогимъ. Писано бо есть: «просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишен будеши царства небеснаго»; писано бо есть: «возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитает во веки».

Княже мои, господине! Не лиши хлѣба нища мудра, не возноси до облакъ богата несмыслена. Нищь бо, а мудръ, яко злато в калне* сосуде; а богатыи человекъ бесмысленъ, яко паволочито* изголовие, соломы наткано; а убогъ несмысленъ, аки солома во грязи втоптана.

Княже мои, господине! Аще есми на рати не велми храбръ, но в словесѣх крѣпок; тѣм збираи храбрыя и совокупляи смысленыя.

Луче единъ смысленъ, паче десяти владѣющих грады властелин без ума; ибо Соломон тако же рече: «лучше единъ смысленъ паче десяти владеющихъ без ума, зане* же мудрых мысль добра». Данилъ рече: «храбра, княже, борзо добудешь, а уменъ дорогъ». Мудрых полцы крѣпки и грады тверды; храбрых же полцы силни, а безумни: на тѣх бываетъ побѣда... Не корабль топит человѣка, но вѣтръ; тако же и ты, княже, не сам владѣеши, в печаль введут тя думцы твои. Не огнь творит разжение желѣзу, но надмение мешное.

Умен муж не велми бывает на рати храбръ, но крѣпокъ в замыслех; да тѣм добро собирати мудрые...

Княже мои, господине! Аз бо не во Афинех ростох, ни от философ научихся, но бых падая аки пчела по различным цвѣтомъ и оттуду избирая сладость словесную и совокупляя мудрость, яко в мѣхъ воду морскую.

Княже мои, господине! Не остави мене, яко отецъ мои и мати моя остависта мя; а ты, господине, приими милостию своею.

Княже мои, господине! Яко же дубъ крепится множеством корения, тако и град нашь твоею державою. Княже мои, господине! Кораблю глава кормникъ, а ты, княже, людем своимъ. Видѣх полцы без добра князя и рекох: великъ звѣр, а главы не имѣетъ. Женамъ глава муж, а мужем князь, а князем бог.

Яко же бо паволока*, испестрена многими шолки, красно лице являет, тако и ты, княже нашь, умными бояры предо многими людми честенъ еси и по многимъ странамъ славенъ явися.

Яко же неводъ не удержит воды, но избирает множество рыбъ, тако и ты, княже нашь, не держишь богатества, но раздаешь мужем сильнымъ и совокупляешь храбрыя.

Златом бо мужеи добрыхъ не добудешь, а мужми злато, и сребро, и градовъ добудеш. Тѣм и Езекия, царь Израилевъ, похвалися послом царя Вавилонскаго, показа имъ множество злата своего; они же рекоша: «нашь царь богатѣе тебе не множеством злата, но множеством храбрых и мудрыхъ людей».

Вода мати рыбамъ, а ты, княже нашь, людем своимъ.

Весна украшает землю цветы, а ты насъ, княже, украшаеши милостию своею.

Княже мои, господине! Се бо был есми в велицеи нужи и печали и под работным ермом пострадах; все то искусих, яко зло есть.

Лучше бы ми нога своя видети в лыченицы* в дому твоемъ, нежели в черленѣ сапозѣ в боярстем дворѣ; лучше бы ми в дерюзе служити тебѣ, нежели в багрянице в боярстемъ дворѣ.

Не лѣпо у свинии в ноздрехъ рясы* златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче мѣры горделивъ былъ и буявъ, но укору ему своего не избыти, холопья имени.

Лучше бы ми вода пити в дому твоем, нежели мед пити в боярстем дворѣ; лучше бы ми воробеи испечен примати от руки твоея, нежели боранье плечо от государей злых.

Многажды бо обретаются работные хлѣбы аки пелынь* во устѣх, и питие мое с плачем растворях.

Добру господину служа, дослужится свободы, а злу господину служа, дослужится болшие работы.

Княже мои, господине! Кому Переславль, а мнѣ гореславль; кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Белоозеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем[1].

Друзи мои и ближнии мои отвергошася мене, зане не поставлях пред ними трапезы, многоразличными брашьны* украшены. Мнози дружатся со мною, простирающе руки своя в солило*, наслаждающе

---

[1] *Переславль — гореславль, Боголюбово — горе лютое, Лаче озеро — много плача* — игра слов, характерная для стиля «Моления». *Переславль, Боголюбово, озера Белое и Лаче* — места Владимиро-Суздальского княжества.

гортань свою пчелиным дарованиемъ, а при напасти паче врази обретаются и паки помогающе подразити ноги моя; очима восплачются о мнѣ, а сердцем возсмеют ми ся. Тѣм нѣсть ми вѣры яти другу, ни надѣятися на брата, ни на друга. Аще ли что имѣю, поживутъ со мною; аще ли не имѣю, то скоро отлучатся от мене.

Тѣм же, княже мои, господине, вопию к тебѣ, одержим нищетою.

Не лга бо ми Ростислав князь: «лучше бы ми смерть, нежели курское княжение»; тако же мужу: лучьше смерть, нежели продолжен живот в нищетѣ. Сего ради Соломонъ глаголетъ: «богатьства и убожества не даи же ми, господи; обогатѣв, восприиму гордость и буесть, а во убожествѣ помышляю на татбу и на розбои, а жены на блуд».

Сего ради, княже мои, господине, притекох ко обычнеи твоеи любви и нестрашимеи милости, бежа убожества, аки ротника* зла, аки от лица змиина, зовыи гласомъ блуднаго сына, еже рече: «помяни мя, спасе»; тѣмъ и аз вопию ти: помяни мя, сыне великого князя Всеволода, да не восплачюся аз, лишен милости твоея, аки Адам рая. Обрати тучю милости твоея на землю худости моея; да возвеселюся о царѣ своем, яко обретая корысть многу злата, воспою, яко напоен вина, возвеселюся, яко исполинъ тещи путь.

Земля плод дает обилия, древеса овощь; а ты нам, княже, богатство и славу. Вси бо притекают к тебѣ и обретают от печали избавление; сироты, худые, от богатых потопляеми, аки к заступнику теплому к тебѣ прибѣгаютъ. Птенцы радуются под крылома матери своея, а мы веселимся под державою твоею.

Избави мя, господине, от нищеты, аки птицу от кляпцы*, и исторгни мя от скудости моея, яко серну от тенета, аки утя, носимо в кохтях у сокола.

Иже бо в печали кто мужа призритъ, то аки водою студеною напоит в день зноя.

Княже мои, господине! Ржа ѣстъ желѣзо, а печаль умъ человѣку. Яко слово многоразливаемо гинетъ, тако и человѣкъ от многи беды худѣет; печалну человѣку засышютъ кости. Всякъ видит у друга сучецъ во очию, а у себе ни бревна не видит. Всякъ человѣкъ хитрит и мудрит чюжеи бедѣ, а о своей и смыслити не можетъ.

Княже мои, господине! Яко же море не наполнится, многи реки приемля, тако и дом твои не наполнится множество богатьства приемля, зане руцѣ твои яко облакъ силенъ, взимая от моря воды — от богатьства дому твоего, труся в руцѣ неимущих. Тѣмъ и аз вжадах* милосердия твоего...

Аще есмь не мудръ, но в премудрых ризу облачихся, а смысленных сапоги носил есмь.

Но обаче послушаи гласа моего и постави сосуд сердечныи под потокомъ языка моего, да ти накаплет сладости словесныя паче вод араматскихъ. Давидъ рече: «словеса твоя паче меда устомъ моимъ». Соломонъ рече: «уста медвеныя — словеса добрая; уста праведнаго каплютъ премудрость, печаль сердцу дума безумных; безумный бо вознесетъ глас свой с смѣхом».

Мужа мудра обрѣть, глаголи к нему и къ тому прилепи сердце свое. Глаголет писание: «взыщите премудрость, да жива будет душа ваша. Прилепляяся премудрымъ, премудръ будешь. Мужа лукава бѣгаи и учения его не слушаи».

Очи мудраго во главѣ, а безумнаго аки во тмѣ ходят. Муж мудръ смысленным другъ, а несмысленнымъ недруг. Сердце мудраго в дому плачевне, а безумных в дому пира. Мужа мудра на путь послав, мало ему накажи, а безумнаго послав, самъ не обленися поити. Лучше ми слышети прещения мудрыхъ, нежели наказания* безумных. Рече: «даи мудрому вину и он премудрее явится, а безумнаго, еще и кнутьем бьешь, развязавъ на санех, не отъимеши безумия его».

Кажа* безумных, многа примет себѣ досажения; посреди сонмищ срамляется. Рече: «не сѣи жита на браздах, ни мудрости в сердцы безумных». Не стоит вода на горахъ, ни мудрость в сердцы безумных.

Княже мои, господине! Не отрини раба скорбящаго, не лиши мене живота своего. Яко очи рабыни в руцѣ госпожа своеи, тако очи наши в руку твоею, яко аз раб твои и сын рабы твоея. Насыщаяся многоразличными брашны, помяни мя, сух хлѣб ядущаго; веселяся сладким питиемъ, облачася в красоту риз твоих, помяни мя, в неизпраннем вретищи* лежаща; на мягкои постели памяни мя, под единем рубомъ лежаща, зимою умирающаго, каплями дождевыми, яко стрелами, пронизаема.

Княже мои, господине! Орел птица царь надо всѣми птицами, а осетръ над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Левъ рыкнетъ, кто не устрашится; а ты, княже, речиши, кто не убоится? Яко же бо змии страшен свистанием своимъ, тако и ты княже нашь, грозенъ множеством вои. Злато красота женам, а ты, княже, людемъ своимъ. Тѣло крепится жилами, а мы, княже, твоею державою. Птенцы радуются веснѣ, а младенцы матери, а мы, княже, тебе. Гусли строятся персты, а град нашь твоею державою.

Яко же бо ряпъ*, збирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнѣздъ приносит яица. Воспоет, рече, ряпъ, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от инѣх странъ совокупи притекающая к тебѣ, вѣдущие твою обычную милость. Князь бо милостивъ, яко источникъ тих, не токмо скоты напаяет, но и человѣки.

Княже мои, господине! Ни моря уполовнею* вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити.

Аще бо не мудръ есми, поне мало мудрости сретох во вратех, а умных муж сапогъ поносил есмь и в смысленных ризу облачихся.

Или от безумия, княже, реклъ есмь слово? Кто видал небо полстяно* и звѣзды лутовяные*, а безумных, мудрости глаголюща?

Ни камень по водѣ плаваетъ. Тако же ни псом, ни свиниям не надобно злато, ни безумнымъ мудрыя словеса. Ни мертвеца розсмешити, ни блуднаго наказати. Коли поженет синица орла, тогда безумныи ума научитца. Яко же бо во утлу кадъ дути, тако безумнаго

наказати. Безумных бо ни сѣютъ, ни орют, ни прядут, ни ткут, но сами ся ражают...

Или речеши, княже: солгал есмь. То как есть? Аще бы умѣл украсти, то селико бых к тобѣ не скорбѣл. Дѣвка погубляет свою красоту блуднею, а муж свою честь татбою.

Или речеши, княже: женися у богатаго тестя; ту пеи и ту яжь. Лутче бо ми трясцею* болѣти: трясца бо, потрясчи, пуститъ, а зла жена и до смерти сушит.

Глаголет бо ся в мирских притчах: «ни птица во птицах сычь; ни в звѣрех звѣрь еж; ни рыба в рыбах ракъ; ни скот в скотех коза; ни холопъ в холопех, хто у холопа работает; ни муж в мужехъ, кто жены слушает...»

Блуд во блудех, кто поимет злу жену прибытка деля или тестя деля богата. То лучше бы ми вол видети в дому своемъ, нежели жену злообразну.

Видѣхъ злато на женѣ злообразне и рекохъ еи: нужно* есть злату сему.

Лучше бы ми желѣзо варити, нежели со злою женою быти.

Жена бо злообразна подобна перечесу*, сюда свербит, сюда болитъ.

Паки видѣхъ стару жену злообразну, кривозороку, подобну черту, ртасту, челюстасту, злоязычну, приничюпци в зерцало, и рекох еи: не позоруи* в зерцало, но зри в коросту*; женѣ бо злообразне не достоит в зерцало приницати, да не в болшую печаль впадетъ, ввозрѣвше на нелѣпотьство лица своего.

Или речеши, княже, пострищися в чернцы. То не видал есмь мертвеца, на свини ездячи, ни черта на бабе; не едал есми от дубья смокveи, ни от липья стафилья*.

Лучши ми есть тако скончати живот свои, нежели, восприимши ангелскии образъ, богу солгати. Лжи бо, рече, мирови, а не богу: богу нелзѣ солгати, ни вышним играти.

Мнози бо, отшедше мира сего во иноческая, и паки возвращаются на мирское житие, аки песъ на своя блевотины, и на мирское гонение; обидят села и домы славных мира сего, яко пси ласкосердии*. Идѣ же брацы* и пирове, ту черньцы и черницы и беззаконие: ангелский имѣя на себѣ образъ, а блуднои нрав; святителскии имѣя на себѣ санъ, а обычаем похабенъ.

Княже мои, господине!.. рытыри, могистри, дуксове... форозе — и тѣ имѣютъ честь и милость у поганых салтановъ. Яко орелъ, инъ воспад на фарь бѣгаетъ чрез потрумие[1] отчаявся живота; а иныи летаетъ с церкви или с высокие полаты, паволочиты крилы имѣя; а инъ нагъ течет во огнь, показающе крепость сердецъ своих царемъ своимъ; а инъ, прорѣзав лысты, обнаживъ кости голенеи своих, кажет цареви своему, являетъ ему храбрость свою; а иныи, скочив, метается в море со брега высока со конем своимъ, очи

[1] *Рытыри* — рыцари, *могистри* — мастера, *дуксове* — вожди, *форозе* — всадники (от *фарь* — конь), *потрумие* — ипподромы.

накрыв фареви, ударяетъ по бедрам... а ин, привязав вервь ко кресту церковному, а другии конецъ к земли отнесетъ далече и с церкви по тому бѣгает доловъ, единою рукою за конецъ верви тои держитъ, а в другои руцѣ держаще мечь наг; а инъ, обвився мокрым полотном, борется с лютым звѣремъ.

Ту бо остану много глаголати, да не во мнозе глаголании разношу умъ свои и буду яко мѣхъ утлъ, труся богатьства в руцѣ инем, и уподоблюся жерновом, иже люди насыщают, а в себе не могутъ наполнити жита. Да не возненавиденъ буду многою бесѣдою, яко же птица, частящи пѣсньми, ненавидима человѣки...

Тѣм же и азъ, мутноуменъ, охабихся*, бояхся, господине, похуления твоего на мя, худъ разумъ имѣя... Окушахся* глаголати, уста ненаказана имѣя, обуздан страхомъ божиимъ. Начах глаголати, премудростию хваляся, не велми от безумия.

Не едал бо есми от песка масла, а от козла млека, ни безумнаго, мудрости глаголюща.

Како ти возглаголю то, имѣя лубян умъ, а полстян языкъ, мысли, яко отрепи* изгребены*.

Может ли разумъ глаголати сладко? Сука не может родити жеребяти; аще бы родила, кому на немъ ездити?

Ино ти есть лодия, а инъ ти есть корабль, а иное конь, а иное лошакъ; ин ти есть умен, а инъ безумен. Безумных бо ни куют, ни льют, но сами ся ражаютъ.

Или induced речеши, княже: солгал еси, аки песъ. То добра пса князи и бояре любятъ.

Но уже оставимъ рѣчи и рцем сице. Воскресни, боже, суди земли! Силу князю нашему укрепи; ленивые утверди; вложи ярость страшливымъ в сердце. Не дай же, господи, в полон земли нашеи языкомъ, незнающим бога, да не рекут иноплеменницы: гдѣ есть богъ их. Богъ же нашь на небеси и на земли. Подаи же имъ, господи, Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифово целомудрие, Соломоню мудрость, Давидову крепость, умножи люди своя во веки под державою твоею, да тя славит вся страна и всяко дыхание человѣче. Слава богу во веки, аминь.

НЕКОТОРЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ПСАЛТЫРИ И СБОРНИКА «ПЧЕЛА»

«Востани, слава моя, востани, псалтырю и гусли: востану рано» (Псалом 56). «Уста мои возглаголют премудрость, и поучение сердца моего разум. Приклоню в притчу ухо мое, отверзу в псалтыри гадание мое» (Псалом 48). «Чья риза светла, того и речь честна, а чья риза худа, того и речь неприятна. Богат муж везде знаем есть, в чужом граде имеет друзи, а убогий в своем граде невидим ходит» («Пчела». Слово о богатстве). «Добру господину служа, дослужится свободы, а злу господину служа, дослужится работы» («Пчела». Слово о царе). «Се же рече: или женитися у богата тестя, прибытка ради: ту бо есть пити и ясти. Лучше бо есть трясцею болети,

нежели с нелюбовною женою жити... Жене злообразне не подобает смотритися в зерцало, да не поболевши печаль сотворит себе, позрев на нелепство своего лица. Се увидев злато на жене злообразне, и рече: нужно есть злату тому» («Пчела». Слово о женах).

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

«Киево-Печерский патерик» возник в первой половине XIII в. Основу его составила переписка владимирского епископа Симона с монахом Киево-Печерского монастыря Поликарпом. В этой переписке поднимались вопросы нравственного поведения монахов и лично самого Поликарпа, при этом привлекались краткие рассказы из истории монастыря и жизни киево-печерских иноков в качестве назидательных образцов. Впоследствии к этой основе присоединились другие жития, в частности и житие Феодосия Печерского, написанное в свое время Нестером.

«Киево-Печерский патерик» дошел до нас в списках XV в., представляющих две редакции — Арсеньевскую, составленную в 1406 г. в Твери по инициативе тверского епископа Арсения, и Кассиановскую, составленную в 1462 г. монахом Киево-Печерского монастыря Кассианом. В 1661 г. по повелению архимандрита Иннокентия Гизеля патерик в переработанном и дополненном виде был напечатан. Публикуемые отрывки берутся из Кассиановской редакции, изданной Д. И. Абрамовичем (Патерик Киевского Печерского монастыря.— СПб., 1911).

О ДВОЮ БРАТУ: О ТИТЕ ПОПѢ И ЕВАГРИИ ДИАКОНѢ, ИМѢВШИМ МЕЖУ СОБОЮ ВРАЖДУ. СЛОВО 23

Два брата бѣста по духу: Евагрий диакон, Тит же поп. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмь дивитися единоумию их и безмѣрней любви. Ненавидяй добра диавол, иже всегда рыкаеть, яко лев, ища кого поглотити, и сътвори им вражду. И таку ненависть вложи има, яко в лице не хотяху видѣти друг друга и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смиритися има съ собою. Они же ни слышати хотяще. Идущу же Титови с кадилом, отбѣгаше Евагрий фимиана; егда же ли не бѣгаше, то пременоваше его Тит, не покадив. И пребысть много врѣмя въ мрацѣ грѣховнѣмь. Тит убо прощениа не възмя, Евагрий же камъкаше* гнѣваася. На се врагу въоруживщу их. Нѣкогда же сему Титу разболѣвшуся вельми, и уже в нечаании лежащу, и нача плакатися своего лишениа. И посла с молениемь ко диякону, глаголя: «Прости мя, брате, бога ради, без ума гнѣвахся на тя». Се же жестокыми словесы проклинаше его. Старци же ти, видевше Тита умирающа, влечаху Евагриа нуждею, да проститься с братом. Больный же, видѣв брата, мало въсклонься, паде ниць пред ногами его, глаголя: «Прости мя, отче, и благослови». Он же, немилостивый и лютый, отвръжеся пред всѣми нами, глаголя: «Николи же хощу с ним прощениа имѣти — ни в сий вѣк, ни в будущей». И истръгъся от рук старець тѣх, и абие падеся. И хотѣвшим нам въставити его, и обретохом его уже умеръша, и не могохом ему ни рукы протягнути, ни уст свѣсти, яко давно уже умерьша. Больный же скоро въстав, яко николи же болѣв.

Мы же ужасохомся о напрасней смерти и о скоромь исцѣлении его, и много плакавше, погребохом Евагриа, отврѣстѣ имѣ уста и очи, и руцѣ растяженѣ. Въпросихом же Тита, что сътворися. Тит же сказаше нам, глаголя: «Видѣх, рече, ангелы, отступльша от менѣ и плачущася о души моей, бѣси же радующеся о гневѣ моемь. И тогда начах молити брата, да простить мя. Егда же его приведосте ко мнѣ, и видѣх ангела немилостива, дрѣжаща пламенное копие, и егда же не прости мя, удари его, и падеся мертв, мнѣ же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомся бога, рѣкшаго: «оставите — оставятся вам». Рече бо господь: «всяк, гнѣваяся на брата своего без ума, повинен есть суду». Ефрем[1] же: «аще кому случится въ враждѣ умрети, и не измолим суд обращуть таковии». Аще ли же сий, святых ради Антониа и Феодосиа[2], отрады не прииметь, лютѣ человѣку тому, сицевою страстию побежену быти!

К Поликарпу[3]. От неа же и ты, брате, блюдися да не дай же мѣста гнѣвному бѣсу: ему же бо кто повинется, тому и поработится. Но скоро пад, поклонися враждующему на тя, да не предан будеши ангелу немилостиву, да и тебѣ съхранить господь от всякаго гнѣва! Той бо рече: «да не зайдеть солнцѣ въ гневѣ вашемь».

О ПРЕПОДОБНЕМ МОИСѢИ УГРИНѢ. СЛОВО 30

Увѣдано бысть о семь блаженнемь Моисии Угринѣ, яко любим бѣ святым Борисом. Сей бо бысть Угрин родом, брат же Георгиа[4], на него же святый Борис възложи гривну злата, его же убиша съ святым Борисом на Альтѣ, и главу его отрѣзаша, златыа ради гривны. Сей же Моисий, един избыв отъ грькна смерьти и грькаго заколениа избежав, и прииде ко Предславѣ, сѣстры Ярославли. И бысть ту. И въ дни тыи нельзе прѣходити никамо же,— и бѣ моляся богу, крѣпкий той душею доньдеже прииде благочестивый князь нашь Ярослав, не стерпѣв теплоты душевныа, еже ко братома си, на безаконнаго, и победи безбожнаго, и гордаго, и окааннаго Святополка. Сему же бежавшу в Ляхы, и прииде пакы со Болѣславом[5], и изгна Ярослава, а сам сѣде въ Киевѣ, и възвращася Белеслав въ Ляхы, и поат съ собою обѣ сестрѣ Ярославли, и изыма же и бояр его. С ними же и сего блаженнаго Моисѣа вѣдяше, окованна по руцѣ и по нозѣ желѣзы тяшкими, его же твердо стрежаху, бѣ бо крѣпок тѣлом и крашен лицем.

---

[1] *Ефрем* — Ефрем Сирин, христианский писатель IV в.

[2] *Антоний* — один из основателей Киево-Печерского монастыря, жил в XI в. *Феодосий* — игумен Киево-Печерского монастыря, автор нескольких дошедших до нас поучений, жил в XI в.

[3] *Поликарп* — один из составителей «Киево-Печерского патерика», основу которого составила переписка Симона и Поликарпа.

[4] *Георгий* — имеется в виду отрок (дружинник) князя Бориса, угрин, убит вместе с князем по велению Святополка.

[5] *Болеслав* — польский король Болеслав II (1058—1081).

Сего же видѣвши жена нѣкаа отъ великих, красна сущи и юна, имуще богатество много и власть велию, и та убо, приимъши въ умѣ видѣниа доброту, и уязвися въ сердции въжделѣниемь, еже въсхотѣти сему преподобному. И нача лестными словесы увещевати его, глаголюще: «О человече! всуе* таковыа мукы подъемьлеши, имѣа разум, им же бо мощно избыти таковаго окованиа и страданиа». Рече к ней Моисий: «Богу тако извольшю». Жена же рече к нему: «Аще ми ся покориши, аз тя избавлю и велика сътворю въ всей Лятьской земли. И обладати имаши мною и всею областию моею». Разумѣв же блаженный въжелѣние еа скверьное, и рече к нѣй: «То кый мужь, поим жену и покорився ей, и исправился есть когда? Адам пръвозданный, женѣ покарився, из раа изгнан бысть. Самсон силою паче всѣ преспѣ и ратным одолѣв, послѣди же женою предан бысть иноплеменником. И Соломон премудрости глубину достиг, женѣ повинувся, идолом поклонися. И Ирод многы побѣды сътворив, послѣди же, женѣ поработився, Предтечю Иоанна усекну. То како аз, свободь сый, раб ся сътворю женѣ, еа же отъ рожениа не познах?».

Она же рече: «Аз тя искуплю, и славна сътворю тя, и господина всему дому своему устрою, и мужа тя имѣти себѣ хощу. Токмо ты волю мою сътвори, въжделѣние душа моеа утѣши и подай же ми твоеа доброты насладитися. Доволна бо есмь твоеа похоти. Не могу бо тръпѣти красоты твоеа, без ума погубляемы. Да и сердечный пламень престанеть, пожигаа мя, аз же отраду приму помыслу моему, и почию от страсти! И ты убо насладися моеа доброты, и господин всему стяжанию моему будеши, и наслѣдник моеа власти, и старѣйшина боляром».

Блаженный же Моисѣй рече к нѣй: «Добре вѣждь, яко не сътворю воля твоеа, ни власти же твоеа, ни богатества хощу; но всего се лучши есть душевна чистота, паче же и телеснаа. Не буди мнѣ труда погубити — 5 лѣт, еже ми господь дарова въ узах сих тръпѣти. Неповинен сый сицевым мукам, их же ради уповаю избавлен быти вѣчных мук».

Тогда жена, видѣвши себѣ лишену таковыа красоты, и на другый съвѣт диаволь приходить, помыслив же сице: яко аще искуплю его, всякой неволею покорит ми ся. Посылает же ко дръжащему того, да возметь у неа елико хощеть, Моисѣа же продасть ей. Он же, видѣв улучение времени и богатества приобретение, взя у неа яко до тысящи, Моисѣа же предасть ей. И съ нужею влечаху его безъстуднѣ на дѣло непреподобно, яко се власть приимши на нем, и повелеваеть ему причтатися себѣ. И разрѣшивьши же его отъ уз, и въ многоцѣнныа ризы оболъкъши его, и сладкыми брашны того кормящи, и нуждениемь любовным того объемлющи, и на свою похоть нудящи.

Сий же преподобный, видѣвь неистовъство жены, молитвѣ и посту прилежаше паче, вкушая въ бдѣнии изволи паче сухий хлѣб, бога ради, и вѣду съ чистотою, нежели многоцѣнное брашно и вино съ скверьною. И не токмо себѣ срачицы единоа съвлече, яко же Осиф, но

и всѣх риз себѣ съвлече. Изъбѣжа отъ грѣха, и ничто же вмени житиа мира сего, и на таку ярость подвижену, яко и гладом уморити его. Бог же не оставляеть раб своих, уповающих к нему.

Нѣкотораго отъ раб жены тоа на милость преклони,— в тайнѣ подаваше ему пищу. Друзии же, того увѣщевающе, глаголаху: «Брате Моисѣю! Что възбраняеть ти женитися? Еще бо юн еси, и сиа вдова сущи, бывши съ мужем лѣто едино. И есть красна паче инех жон, богатество имущи безъчислено и власть велию в Лясѣх. И аще бы сиа въсхотѣла нѣкоему князю, то не бы еа гнушался. Ты же пленник сый, и волен ей быти не хощеши!.. Ты же, аще, нынѣ съ животом гоньзнеши*, женою же обладан будеши. И кто не посмеется твоему безумию? Уне ти есть покоритися жене сей и свободну быти и господину быти всѣмь».

Он же глагола им: «Ей, братие и добрии мои друзи, добре ми съвещеваете! Разумѣю, яко лучше змиина шептаниа, еже в раи Евзѣ, словеса предлагаете ми. Бѣдите мя покоритися женѣ сей, но никако же съвѣта вашему прииму. Аще ми ся лучить умрети въ узах сих и горьких муках, всяко чаю от бога милости приати. Аще и вси праведници спасошася съ женами, аз един грѣшен есмь, не могу съ женою спастися. Но аще бы Иосиф[1] повинулся женѣ Петерфиинѣ, то не бы сый потом царьствовал; видѣв же бог тръпѣние его и дарова ему царство; тѣм же и в роды хвалим есть, яко целомудр, аще и чада прижит. Аз же не Египетьскаго царства желаю прияти и обладати властьми, и велику быти в Лясѣх, и честну явитися въ всей Руской земли; но вышняго ради царства вся сиа приобидѣх. Аще же съ животом избуду отъ рукы жены сеа, то чернець буду... Въпрошу же убо вас: кому паче подобаеть работати — Христу или женѣ? Раби, послушайте господий своих, но благое, а не на злое. Буди же разумно вам, дръжащим мя, яко николи же прельстить мя красота жены сеа, ниже отлучить мене отъ любви Христовы».

Се слышавьши, жена, помысл лукав въ сердци сии приимши, всаждаеть его на кони, съ многыми слугами, и повеле водити его по градом и по селам, яко же доволѣеть* ей, глаголющи ему: «Сиа вся твоа суть; яже угодна суть тебѣ — твори, яко же хощеши, о всѣм». Глагола же и к людемь: «Се господин вашь, а мой мужь. Да вси, срѣтающе, покланяйтеся ему». Бяху бо мнози служаще тои рабы и рабыня. Посмѣявъжеся блаженный безумию жены, и рече ей: «Всуе тружаешися: не можеши мене прельстити тлѣнными вещьми мира сего, ни окрасти ми духовнаго богатества. Рузумѣй, не трудися всуе!» Жена же рече ему: «Не веси ли, како продан ми еси? И кто изметь от руку моею тя? Жива тебѣ никако же отпущу, но по многых муках смерти тя предам». Он же без страха отвеща ей: «Не боюся, еже ми рече; но предавый мя тебѣ больший грѣх имать. Аз же отселе, богу волящу, буду мних».

---

[1] *Иосиф* — имеется в виду библейский Иосиф Прекрасный, проданный братьями в рабство египетскому жрецу Потифару (Петерфину). Иосиф отличался прозорливостью, покорством и терпением.

В тыи же дьни прииде нѣкто мних отъ Святыа Горы[1], саном сы иерѣй, богу наставлешу его, и прииде къ блаженному, и облече его въ мнишеский образ, много поучив его о чистотѣ, еже не предати плещи свои врагу тоа скверна выа жены избавитися. И сиа рек, отъиде от него: взыскан же бысть таковый — не обретен.

Тогда же жена, отчаявъшися своеа надѣжда, раны тяжки възлагаеть на Моисѣа: разтягши, повелѣ бити его жезлиемь, яко и земли наполнитися крови. И биюще, глаголаха ему: «Покорися госпожи своей и сътвори волю еа. Аще ли преслушаешися, то на уды раздробим тѣло твое. Не мни бо, яко избежи сихъ мук, но по многых муках предаси душу свою горьцѣ. Помилуй сам себѣ! Отложи измождалыа сиа ризы и облечися въ многоцѣнныа ризы, и изъбуди ожидающих тебѣ мук, донележе не коснемся плоти твоей». И отвеща Моисѣй: «Брате! Повеленное вам творити — творита, никако же медляще. Мнѣ же никако же мощно есть отрещися мнишескаго житиа и любве божиа. Никако же томление: ни огнь, ни мечь, ни раны не могуть мене разлучити от бога и сего великаго ангельскаго образа. И сиа безстуднаа и помраченнаа жена показа свое безъстудие, не токъмо убоявшися бога, но и человѣческий срам приобидѣвши, безъ срама нудящи и мя на осквернение и прелюбодѣание. Ни ей покорюся, ни тоа окаанныа волю сътворю».

Многу же печаль имущи жена, како бы себѣ мстити от срама, посылаеть къ князю Болеславу, сице глаголющи: «Сам вѣси*, яко мужь мой убиен бысть на брани с тобою; ты же ми дал еси волю, да его же въсхощу, поиму себѣ мужа. Аз же възлюби* единаго юношу от твоих пленник, красна суща и искупивши, поах его в дом свой, давши на немь злата многа и все сущее в дому моемь: злато же и сребро и власть всю даровах ему. Он же сиа вся ни во что же вменив. Многажды же и ранами и гладом томящи того, и не довольно бысть тому. 5 лѣт окованну бывшу и от пленившаго его, от него же искупих его, и се шестое лѣто пребысть у мене, и много мучен бысть от мене, преслушаниа ради, еже сам на ся привлече по жестокосердию своему. Нынѣ пострижен есть от нѣкоего черноризца. Ты же что велиши о немь сътворити, да сътворю». Он же повеле ей приехати к себѣ и Моисѣа привести с собою.

Жена же прииде ко Болеславу и Моисѣа приведе с собою. Видѣвь же преподобнаго Болеслав и много нудив его поати жену, не увеща и рече к нему: «Кто тако не чювствен, яко же ты, иже толиких благ и чести лишаешися, и вдался еси в горкиа сиа мукы! И отнынѣ буди вѣдаа, яко живот и смерть предлежить ти: или волю госпожа своеа сътворити, от нас честну быти и велику власть имѣти, или, преслушавшися, по многых муках смерть приати». Глагола же и къ женѣ: «Никто же отъ купленных тобою пленник буди свободь, но, аки госпожа рабу, сътвори, еже хощеши, да и прочии не дрѣзнуть

[1] *Святая гора* — Афон, полуостров в Эгейском море, один из центров христианства.

преслушатися господий своих». И отвеща Моисѣй: «Что бо глаголеть бог: «каа убо польза человѣку, аще и весь мир приобрящеть, а душу свою отщетить; или что дасть измѣну на души своей?» Ты же что ми обещеваеши славу и честь, еа же ты сам скоро отпадеши, и гроб тя прииметь, ничто же имуща. Сиа скверная жена злѣ убиена будеть». Яко же и бысть по проречению преподобнаго.

Жена же, на нем вземши власть большую, безъстудно влечаше его на грѣх. Единою же повеле его положити нужею на одрѣ своемь с собою, лобызающе и обоимающе, но не може ни сею прелестию на свое желание привлещи его. Рече же к ней блаженный: «Всуе труд твой. Не мни бо мя, яко безумна или не могуща сего дѣла сътворити; но, страха ради божиа, тебѣ гнушаюся, яко нечистыи». И сиа слышавши, жена повелѣ ему по 100 ран даати на всяк день; послѣди же повелѣ ему тайныа уды урѣзати, и глаголющи: «Не пощажу сего доброты, да не насытяться инии сего красоты». Моисѣи же лежаще, яко мертв отъ течениа крови, мало дыханиа в собѣ имый. Болеслав же усрамися величества жены и любве пръвыа потаквии ей творя, въздвиже гонение велие на черноризци и изъгна вся от области своеа.

Бог же сътвори отмщение рабом своим въскорѣ. Въ едину убо нощь Болеслав напрасно умре, и бысть мятѣжь велик въ всей Лятьской земли. И въставше, людие избиша епископы своа и боляры своа, яко же и в лѣтописци повѣдають. Тогда и сию жену убиша. Преподобный же, възмог от ран, прииде ко святѣй Богородици в Печерьский святый монастырь, нося на собѣ мученическыа раны и венець исъповѣданиа, яко победитель и храбор Христов...

О АЛИМПИИ ИКОНОПИСЦѢ. СЛОВО 34

Преподобный же Алимпие предан бываеть родительма своима на учение иконнаго писаниа. Егда бо грѣчестии писци из Цариграда божиим зволением и пречистыа его матере, приведени быша нуждею писати церкви Печерьскиа, во дни благовѣрнаго князя Всеволода Ярославича, при прѣподобнѣм игумени Никонѣ, яко же о них сказано есть в послании Симоновѣ,— еже показа бог и сътвори чюдо страшно въ церкви своей. Мастером бо олтарь мусиею кладущим, и образ пречистѣй святѣй владычицы нашей Богородици и приснодѣвѣ Марии сам въобразися. Всѣм же сим внутрь сущим олтаря, покладываху мусиею*, Алимпий же помогаа им и учася...

Добре извык хитрости иконнѣй, иконы писати хитр бѣ зѣло. Сии же хитрости въсхотѣ не богатества ради, но бога ради се творяше. Работаше бо, елико довольно бысть всѣмь — игумену и всей братии. Писаше иконы и от того ничто не взимаа. Аще ли же когда не имяше дѣла себѣ сий преподобный, то взимаа взаим злато и сребро, иже иконам на потрѣбу, и дѣлаше, им же бѣ должен, и отдаваше икону за таковый долг. Многажды же моляше другы своа, да и в церкви гдѣ видѣвше обѣтшавшаа иконы, и тыа к нему

принесуть; и сиа обновив, поставляше на своих мѣстѣх. Все же се творяше, да не празден будеть, понеже святии отци рукодѣлиа мнихом повелѣша имѣти, и велико се пред богом положиша. Яко же рече апостол Павел: «Мне же и сущим съ мною послужисте руци мои, и ни у единаго же туни хлеба ядох». Тако же и сий блаженный Алимпие на три части раздѣляше рукодѣлиа своа: едину часть на святыа иконы, а вторую часть в милостыню нищим, а трѣтиюю часть на потрѣбу тѣлу своему. И се творяше по вся лѣта, не дадяше себѣ покоа по вся дьни: в нощи же на пѣние и на молитву упражняшеся, дьни же приспѣвъшу, отлучаше себѣ на дѣло; праздна же николи же бяше видѣти его. Но и събора церковнаго, вины ради дѣла, не отлучашеся николи же. Игумен же за многую его добродѣтель и чистое житие постави его священником. И в таковѣмь чину священьства добре и богоугодно пребысть... И ин нѣкто муж, христолюбець от того же града Киева, церковь себѣ постави, и въсхотѣ сътворити церкви на украшение и великых икон: 5 дѣисуса и двѣ намѣстнии. Сий же христолюбець вдасть сребро двѣма мнихома монастыря Печерьскаго и доскы иконныа, да сътворять ряд* съ Алимпием, и еже хощеть, возметь оть икон. Сии же мниси ничто же рекоша Алимпиеви, и вжаста от мужа, елико хотѣста. И пакы христолюбець посла ко мнихом, аще иконы его сдѣланы суть. Они же рѣста, яко еще злата трѣбуеть. И пакы взяша от христолюбца злато и истеряста, и пакы нарѣчие въспустиста мужеви, глаголавша на святаго сице: яко и еще просить толико же, елико взят. Он же христолюбець с радостию вдасть. И по мале пакы черноризцы рекоста: «И еще Алимпий толико же требуеть». Христолюбець же рече: «Аще и до десятижды въпросить, то дам, токмо благославениа его хощу, и молитвы, и дѣла руку его».

Алимпиеви же ничто не вѣдяшу о семь, еже мниси тии сътвориста. Присылаеть убо мужь хотя видѣти, аще иконы написаны суть. Она же черноризица възвестиста ему, тако глаголюще, яко Алимпий, поимав злато и сребро с лихвою, и не хощеть писати икон твоих. Христолюбець же той прииде в монастырь съ многою дружиною, и входить ко игумену Никону, хотя въздвигнути крамолу на преподобнаго Алимпиа. Игумен же призва Алимпиа и рече ему: «Брате! что се неправда сиа бысть от тебѣ сыновѣ нашему? Многажды бо молив тя, да возмеши что хощеши; иногда же туне* пишеши». Блаженный же рече: «Отче честный! Вѣсть твоа святыни, яко никогда же лѣности имѣх о дѣле сем. Нынѣ же не свѣм* о чем глаголеши». Игумен же рече: «Яко три цены взял еси от седми икон, а икон не пишешь». И се, яко на обличение тому, повелѣша принести доски иконныа, мниси же призвати, имавшаа цену, на обличение его, да прятся с нимь. Послании же видѣша тыа иконы написаны зѣло хитры, и принесоша предъ игумена. Яже видѣвше, вси удивишася и ужасни быша, съ трепетом ниць на земли падоша и поклонишася нерукотворенному образу господа нашего Исуса Христа и Пречистѣй его матере и святых его.

И промчеся слава о семь въ всем градѣ Киевѣ. Придоша же и она

мниха, глаголавшаа на блаженнаго, не вѣдуще о семь ничто же, и начаша связатися съ Алимпиемь, тако глаголюще: «Яко три цены взял еси, и икон не пишеши». Отвещаша же вси тѣм, рѣша: «И се нынѣ иконы богонаписаны суть». Сии же, видѣв же, и ужасошася о бывшем чюдеси. Сиа же черноризьца, крадшая монастырь, обличена бывша, и от всѣх вещей отпадша, и изгнана бывша от монастыря Печерьскаго. Но и тако своа злобы не остася, глаголюще хулу на блаженнаго и всѣмь глаголюще: «Яко мы есмы написали иконы; господин же тѣх не хотя дати нам мзды, и се замыслил есть, лишив наю найма. И сългаста на иконы, яко богом написаны суть, а не суть сами въображени». И тако устависта народ, притекающь на позорь тѣх инок: и хотящим им поклонитися, сии же възбраняста. И сего ради людие вѣроваша мнихом, облыгающе блаженнаго Алимпия. Но бог прославляеть святыа своа, яко же рече господь в Евангелии: «Не можеть град укрытися, врѣху горы стоа, ниже вжагають свѣтилника, поставляють под спудом, но на свѣщницѣ, да свѣтить всѣм приходящим». Тако же и сего преподобнаго Алимпиа не утаися добродѣтельное житие.

Дойде же и до князя Владимера чюдо, бывшее о иконах. Бысть же нѣкогда сице, волею божиею. От пожара изгорѣ Подолие всѣ и та церьки изгорѣ, в ней же бяху иконы тыи. И по пожарѣ обрѣтошася сѣдмь икон тѣх цѣлы, а церьки вся изгорѣ. И се слышав, князь идѣ видѣти бывшаго тамо чюдеси, еже о иконах: тако не изгорѣ и како написашася божиим мановениемь. И прослави всѣх творца, сдѣвающаго преславна чюдеса, молитвами угодник своих, Антониа и Феодосиа. Взем же Владимерь едину икону, святую богородицю, и посла въ град Ростов, в тамо сущую церковь, юже сам създа; иже и донынѣ стоить, ей же из самовидець бых. Се же при мнѣ сътворися в Ростовѣ: церьки тои падшися, и та икона без вреда пребысть, и внесена бысть въ древяну церковь. Яко же изгорѣ от пожара, икона же та без вреда пребысть, ни знамениа огненаго на себѣ имущи...

ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД БОРЬБЫ С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ И ОБЪЕДИНЕНИЯ КНЯЖЕСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

(середина XIII — середина XV в.)

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ В 1237 г.

Произведение это принадлежит к лучшим образцам воинской повести. Оно возникло в XIII в. и дошло до нас в списках XVI—XVII вв. На создание повести большое влияние оказали устнопоэтические сказания о борьбе русского народа с монголо-татарскими завоевателями.

Повесть привлекала к себе внимание поэтов XIX—XX вв. На ее сюжет были написаны поэма Л. А. Мея и стихотворения Н. М. Языкова и С. А. Есенина о Евпатии Коловрате. В 40-е гг. XX в. часть повести была переложена советским поэтом В. Васильевым.

Текст повести печатается по списку XVI в., опубликованному в издании: Воинские повести Древней Руси.— М.; Л., 1949.

В лѣто 6745. Во второе на десять лѣто по принесении чюдотворнаго <Николина> образа ис Корсуня, прииде безбожный царь Батый на Рускую землю со множествомъ вой татарскыми и ста на рѣкѣ на Воронежѣ близъ Резанскиа земли. И присла на Резань къ великому князю Юрью Ингоревичю резанскому послы бездѣлны, просяща десятины во всемъ: во князѣхъ, и во всякихъ людехъ, и во всемъ. И услыша великий князь Юрьи Ингоревичъ резанский приходъ безбожнаго царя Батыя. И вскорѣ посла во градъ Владимеръ къ благовѣрному къ великому князю Георгию Всеволодовичю владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы самъ пошелъ. Князь великии Георгии Всеволодовичъ владимеръской самъ не пошелъ и на помощь не послалъ, хотя о собе самъ сотворити брань з Батыемъ. И услыша великий князь Юрий Ингоревичъ резанский, что нѣсть ему помощи отъ великаго князя Георьгия Всеволодовича владимерьскаго, и въскорѣ посла по

братью свою, по князя Давида Ингоревича муромского, и по князя Глѣба Ингоревича коломенского, и по князя Олга Краснаго, и по Всеволода проньскаго, и по прочии князи.

И начаша совѣщевати, яко нечестиваго подобаетъ утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича резаньскаго къ безбожному царю Батыю з дары и молениемъ великимъ, чтобы не воевалъ Резанския земли. И князь Федор Юрьевичъ прииде на рѣку на Воронежъ къ царю Батыю и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевалъ Резанския земли. Безбожный же царь Батый лстивъ* бо и немилосердъ, прия дары охабися* лестию не воевати Резанския земли. И яряся хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньскихъ князей дщерей или сестеръ собѣ на ложе. И нѣкии отъ вельможъ резанскихъ завистию насочи* безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича резанскаго, яко имѣетъ у собѣ княгиню отъ царьска рода и лѣпотою тѣломъ красна бѣ зѣло. Царь Батый лукавъ есть и немилостивъ въ невѣрии своемъ, пореваемъ въ похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичу: «Дай мнѣ, княже, видѣти жены твоей красоту». Благовѣрный же князь Федоръ Юрьевичь резанской посмѣяся и рече царю: «Не полезно бо есть намъ, християномъ, тобѣ, нечестивому царю, водити жены своя на блудъ. Аще насъ приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный же царь Батый возярися и огорчися, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи звѣремъ и птицамъ на растерзание; и инѣхъ князей, нарочитыхъ людей воиньскихъ побилъ.

И единъ отъ пѣстунъ* князя Федора Юрьевича укрыся именемъ Апоница, зря на блаженое тѣло честнаго своего господина, горько плачющися. И видя его никимъ брегома, и взя тѣло возлюбленаго своего государя, и таино сохрани его. И ускори къ благовѣрной княгинѣ Еупраксѣѣ, и сказа еи, яко нечестивый царь Батый уби благовѣрнаго князя Федора Юрьевича. Благовѣрная княгиня Еупраксѣя стояше въ превысокомъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыя смертоносныя глаголы и горести исполнися, и абие ринуся изъ превысокаго храма своего съ сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ на среду земли, и заразися* до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревичъ убиение возлюбленаго сына своего благовернаго князя Федора и инѣхъ князей, нарочитыхъ людей много побито отъ безбожнаго царя, и нача плакатися съ великою княгинею, и со прочими княгинеми, и з братиею. И плакашеся весь градъ на многъ часъ.

И едва отдохнувъ отъ великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоревичъ, видя братию свою и боляръ своихъ и воеводъ храбро и мужественно ѣздяще, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми насъ, боже, отъ врагъ нашихъ, и отъ востающихъ на ны избави насъ и покрый насъ отъ сонма лукавнующихъ и отъ множества творящихъ безаконие. Буди путь ихъ тма и ползокъ*».

И рече братии своей: «О господия и милая братиа моя, аще отъ руки господня благая прияхомъ, то злая ли не потерпимъ? Лутче намъ смертию живота купити, нежели въ поганой воли быти. Се бо я, братъ вашъ, напредъ васъ изопью чашу смертную за святыя божия церкви, и за вѣру христьянскую, и за отчину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича»[1]. И поидоша въ церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успения[2]. И плакася много предъ образомъ пречистыя богородици и великому чюдотворцу Николѣ и сродникомъ своимъ Борису и Глѣбу. И дасть послѣднее цѣлование великой княгинѣ Агрепѣнѣ Ростиславнѣ, и приемь благословение отъ епископа и отъ всего священнаго собора, и поидоша противъ нечестиваго царя Батыя. И стрѣтоша его близъ предѣлъ резанскихъ. И нападоша на нь, и начаша битися крѣпко и мужествено. И бысть сѣча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батыи видяше, что господство резаньское крѣпко и мужествено бьяшеся, и возбояся. Да противу гнѣву божию хто постоитъ! А Батыевѣ силѣ велицѣ и тяжцѣ, единъ бьящеся с тысящей, а два со тмою. И видѣ князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича и воскричаше: «О братие моя милая! Князь Давидъ, братъ нашъ, напередъ насъ чашу испилъ, а мы ли сея чаши не пьемъ!» И пресѣдоша съ коня на кони, и начаша битися прилѣжно. Многии сильныя полкы Батыевы проѣзждяа, храбро и мужествено бьяшеся, яко всемъ полкомъ татарьскымъ подивитися крѣпости и мужеству рязанскому господству. И едва одолѣша ихъ силныя полкы татарскыя. Ту убиенъ бысть благовѣрный князь великий Георгий Ингоревичъ, братъ его князь Давидъ Ингоревичъ муромской, братъ его князь Глѣбъ Ингоревичъ коломенской, братъ ихъ Всеволодъ проньской, и многия князи мѣсныя и воеводы крѣпкыя, и воинство: удалцы, и рѣзвецы рязанския, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни единъ отъ нихъ возвратися вспять, вси вкупѣ мертвии лежаша, сия бо наведе богъ грѣхъ ради нашихъ. А князя Олга Ингоревича яша еле жива суща. Царь же, видя свои полкы мнозии падоша, и нача велми скорбѣти и ужасатися, видя своея силы татарскыя множество побьеныхъ. И начаша воевати Резанскую землю и веля бити и сѣчи и жещи безъ милости. И градъ Прънескъ, и градъ Бѣлъ и Ижеславець[3] разори до основания, и всѣ люди побиша безъ милости. И течаше кровь христьянская, яко рѣка силная, грѣхъ ради нашихъ. Царь Батый, видя князя Олга Ингоревича

[1] *Ингорь Святославич* — возможно, имеется в виду Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве»; генеалогические связи рязанских князей с черниговскими отмечались в памятниках литературы.

[2] Успенский собор в Рязани был построен, видимо, между 1187—1207 гг.; как показывают археологические раскопки, это был величественный храм, снаружи украшенный резным камнем, а внутри — фресками.

[3] *Пронск, Белгород, Ижеславец* — древние города Рязанского княжества. *Пронск,* стоящий на р. Прони, упоминается в летописях в 1186 г. Град *Бел* — ныне Белгородище, находится недалеко от Винева. *Ижеславец* после нашествия Батыя не возродился.

велми красна и храбра и изнемогающа отъ великыхъ ранъ, и хотя его изврачевати отъ великихъ ранъ и на свою прелесть возвратити. И князь Олегъ Ингоревичъ укори царя Батыя и нарекъ его безбожна и врага христьанска. Окаяный Батый дохну огнемъ отъ мерскаго сердца своего, и вскорѣ повелѣ Олга ножи на части раздробити. Сии бо есть вторыи страстоположникъ Стефанъ, прия вѣнець своего страдания от всемилостиваго бога и испи чашу смертную съ своею братею ровно. Царь Баты окаяный нача воевати Резанскую землю, и поидоша ко граду к Резани и обьступиша градъ и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремѣно бьяшеся. И многихъ гражанъ побиша, а инѣхъ уязвиша, а инии отъ великихъ трудовъ изнемогша. А въ шестыи день рано приидоша погании ко граду, ови съ огни, а ини съ пороки*, а инеи съ тмочислеными лѣствицами. И взяша град Резань мѣсяца декабря въ 21 день. И приидоша в церковь соборную пресвятыя богородици, и великую княгиню Агрипѣну, матерь великаго князя, з снохами и съ прочими княгинеми мечи исѣкоша, а епископа и священническый чинъ огню предаша, во святѣй церкве пожегоша, а инеи мнози отъ оружия падоша, и во градѣ многихъ людей, и жены, и дѣти мечи исѣкоша, и иныхъ въ рѣцѣ потопиша, и ерѣи, черноризца до останка исѣкоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродникъ ихъ киевское и черъниговское поимаша, а храмы божия разориша, и во святыхъ олтарехъ много крови пролияше. И не оста во градѣ ни единъ живыхъ, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша; нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачюща и ни отцу и матери о чадѣхъ или чадомъ о отци и матери, ни брату о братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертвы лежаша. И сия вся наиде грѣхъ ради нашихъ. Безбожный царь Батый, видя велие пролитие крови християнския, и возярися зѣло и огорчися, и поиде на градъ Суздаль и Владимеръ и желая Рускую землю поплѣнити, и вѣру християнскую искоренити, и церкви божии до основания разорити.

И нѣкий отъ вельможъ резанскихъ, именемъ Еупатий Коловратъ, въ то время былъ въ Черниговѣ со княземъ Ингваремъ Ингоревичемъ[1] и услыша приходъ зловѣрнаго царя Батыя, и иде изъ Чернигова съ малою дружиною и гнаша скоро. И приѣха въ землю Резаньскую и видѣ ея опустѣвшу, грады разорены, церкви пожены, люди побьены. И пригна во градъ Резань и видѣ градъ разоренъ, государи побиты и множества народа лежаща, ови побьени и посѣчены, а ины позжены, ины въ рѣце истоплены. Еупатий вскрича въ горести душа своея и распалаяся въ сердци своемъ. И собра мало дружины — тысячу семсотъ человѣкъ, которыхъ богъ соблю-

---

[1] Евпатий Коловрат в других источниках не упоминается. *Ингварь Ингваревич* — брат Юрия Ингоревича. По летописным источникам Ингварь Ингваревич скончался еще в начале 20-х гг. XIII в., и Юрий Ингоревич после его смерти наследовал Рязанское княжество.

де, быша внѣ града. И погнаша во слѣдъ безбожного царя и едва угнаша его въ земли Суздальстеи. И внезапу нападоша на станы Батыевы и начаша сѣчи безъ милости. И смятошася всѣ полкы татарскыя, татарове же сташа яко пияны или неистовы. Еупатию тако ихъ бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарския мечи и сѣчаша ихъ. Татарове же мняша, яко мертви восташа. Еупатии сильныя полкы татарьскыя проѣждяя, бьяше ихъ нещадно и ѣздя по полкомъ татарскымъ храбро и мужествено, яко и самому царю возбоятися. И едва поимаша отъ полку Еупатиева пять человѣкъ воиньскыхъ, изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ихъ къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коея вѣры еста вы и коея земля и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры християнския есмя, а храбры есми, великаго князя Юрья Ингоревича резанского, а отъ полку Еупатиева Коловрата. Посланы отъ князя Ингваря Ингоревича резанскаго тебя, силна царя, почтити и честна проводити и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю: не успѣвати наливати чашъ на великую силу — рать татарскую». Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурича* своего Хостоврула на Еупатия, а съ нимъ силныя полкы татарскыя. Хостоврулъ же похвалися предъ царемъ, хотя Еупатия жива предъ царя привести. И ступишася силныя полки татарскыя, хотя Еупатия жива яти. Хостоврулъ же съѣхася съ Еупатиемъ. Еупатей же исполинъ силою и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла и начаша сѣчи силу татарскую и многихъ туть нарочитыхъ багатырей Батыевыхъ побилъ, овихъ на полы пресѣкаше, а иныхъ до сѣдла крояше. Татарове же возбояшеся, видя Еупатия крѣпка исполина, и навадиша на него множество пороковъ и нача бити по немъ ис тмочисленных пороковъ и едва убиша его и принесоша тѣло его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбѣи*, и начаша дивитися храбрости и крѣпости и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари во многихъ земляхъ, на многихъ бранехъ бывали, а такихъ удалцовъ и рѣзвецовъ не видали, ни отци наши возвѣстиша намъ. Сии бо люди крылатыи и не имѣюще смерти, тако крѣпко и мужествено ѣздя, бьяшеся единъ съ тысящею, а два со тмою. Ни единъ отъ нихъ можетъ съѣхати живъ съ побоища». Царь Батый, зря на тѣло Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие, гораздо еси меня подщивалъ малою своею дружиною, да многихъ богатырей сильной орды побилъ еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такой служилъ, держалъ быхъ его противъ сердца своего». И даша тѣло Еупатиево его дружинѣ останочной, которые пойманы на побоищѣ и веля ихъ царь Батый отпустити и ничемъ вредити.

Князь Ингварь Ингоревичъ въ то время былъ въ Черниговѣ у брата своего князя Михаила Всеволодовича[1] черниговского богомъ соблюденъ отъ злаго того отметника*, врага христьянскаго.

---

[1] *Михаил Всеволодович* — князь черниговский с 1225 г. В 1245 г. был зверски замучен в Орде. См. «Повесть о князе Михаиле Черниговском и боярине его Федоре».

И прииде изъ Чернигова въ землю Резанскую во свою отчину, видя ея пусту и услыша, что братья его всѣ побиены отъ нечестиваго законопреступника царя Батыя, и прииде во градъ Резань и видя градъ разоренъ, а матерь свою, и снохи своя, и сродникъ своихъ, и множество много мертвыхъ лежаща, и градъ разоренъ, церкви позжены и все узорочье въ казнѣ черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревичъ великую конечную погибель грѣхъ ради нашихъ и жалостно воскричаша, яко труба рати гласъ подавающе, яко сладкии арганъ вѣщающи, и отъ великаго кричания и вопля страшнаго лежаше на земли яко мертвъ, и едва отъльяша его и носяша по вѣтру, и едва отдохну душа его в немъ. Кто бо не возплачетца толикия погибели или кто не возрыдаетъ о селице народе людей православныхъ, или кто не пожалитъ толико побитыхъ великихъ государей, или кто не постонетъ такового плѣнения!

Князь Ингварь Ингоревичъ, розбирая трупия мертвыхъ, и найде тѣло матери своей великия княгини Агрепѣны Ростиславны, и позна снохи своя, и призва попы изъ веси, которыхъ богъ соблюде, и погребе матерь свою и снохи своя съ плачемъ великымъ, во псалмовъ и пѣсней мѣсто кричаше велмии и рыдаше, и похраняше прочия трупия мертвых, и очисти град и освяти. И собрашася мало людей, и даша имъ мало утѣшения. И плачася безпрестано, поминая матерь свою и братию свою, и родъ свой, и все узорочье резанское вскорѣ погибе. Сия бо вся наиде грѣхъ ради нашихъ сий бо градъ Рязань и земля резанская, измѣнися доброта ея, и отыде слава ея, и не бѣ в ней ничто благо видѣти, токмо дымъ и пепелъ, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погорѣ и почернѣша, не единъ бо сий градъ плѣненъ бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во градѣ пѣния, ни звона, въ радости мѣсто всегда плачъ творяще. Князь Ингварь Ингоревичъ поиде, где побьени быша братья его отъ нечестиваго царя Батыя — великии князь Юрьи Ингоревичъ резанской, брат его князь Давидъ Ингоревичъ, братъ его Всеволодъ Ингоревичъ и многия князи месныя, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и рѣзвецы, узорочие резанское. Лежаша на земли пустѣ, на травѣ ковылѣ, снѣгомъ и ледомъ померзоша, никимъ брегома, отъ зверѣй телеса ихъ снѣдаема и отъ множества птицъ разстерзаемо. Вси бо лежаша купно, умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингоревичъ велия трупия мертвыхъ лежаща и воскрича горько велиемъ гласомъ, яко труба распалаяся, и въ перьси* свои рукама биюще и ударяшеся о землю. Слезы же его отъ очию, яко потокъ, течаще и жалостно вѣщающи: «О милая моя братья и господие! Како успѣ, животе мой драгий! Меня единаго оставиша въ толицѣ погибели. Про что азъ преже васъ не умрохъ? И камо заидесте очию моею, и гдѣ отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мнѣ — брату вашему, не промолвите со

мною? Уже ли забыли есте мене, брата своего, отъ единаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей — великие княгини Агрепѣны Ростиславнѣ, и единымъ сосцомъ воздоеныхъ многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее; мѣсяцы красныи, скоро изгибли есте; звѣзды восточныя, почто рано зашли есте? Лежите на земли пустѣ, никимъ брегоми, чести — славы ни отъ кого приемлете! Измѣнися бо слава ваша. Гдѣ господство ваше? Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пустѣ, зракъ лица вашего измѣнися во истлѣнии. О милая моя братия и дружина ласкова, уже не повеселюся съ вами! Свѣте мои драгии, чему помрачилися есте? Не много нарадовахся съ вами! Аще услышитъ богъ молитву вашу, то помолитеся о мнѣ, о братѣ вашемъ, да вкупѣ умру съ вами. Уже бо за веселиемъ плачь и слезы придоша ми, а за утѣху и радость сѣтование и скорбь яви ми ся! Почто азъ не преже васъ умрохъ, да быхъ не видѣлъ смерти вашея, а своея погибели! Не слышите ли бѣдныхъ моихъ словесъ жалостно вѣщающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его, въ онъ же погибе толико господарей и многое узорочье резанское храбрыхъ удалцевъ! Ни единъ отъ нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо въ горести души моея языкъ мой связается, уста заграждаются, зракъ опуснѣваетъ, крѣпость изнемогаетъ».

Бысть убо тогда многи туги, и скорби, и слезъ, и воздыхания и страха, и трепета отъ всѣхъ злыхъ, находящихъ на ны. Великий князь Ингварь Ингоревичъ воздѣ руце на небо, со слезами возва, глаголаша: «Господи, боже мой, на тя уповахъ, спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя. Пречистая владычице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моея. Великие страстотерпцы и сродники наши Борисъ и Глѣбъ, будите мнѣ помощники, грѣшному, во бранехъ. О братие моя и господие, помогайте мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ на супостаты наши — на агаряне и внуци измаильтеска рода!» Князь Ингварь Ингоревичъ начаша разбирати трупие мертвыхъ и взя тѣло братьи своей и великаго князя Георгия Ингоревича, и князя Давида Ингоревича муромскаго, и князя Глѣба Ингоревича коломенскаго, и инехъ князей мѣсныхъ своихъ сродниковъ, и многихъ бояръ, и воеводъ, и ближнихъ знаемыхъ принесе ихъ во градъ Резань и похраняше ихъ честно, а инѣхъ ту на мѣстѣ на пустѣ собираше и надгробное пѣша. И похраняще князь Ингварь Ингоревичъ, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовѣрнаго и христолюбиваго князя Ольга Ингоревича. И несоша его во градъ Резань, а честную его главу самъ князь великий Ингварь Ингоревичъ и до града понесе и цѣлова ю любезно. Положиша его съ великимъ княземъ Юрьемъ Иногоревичемъ во единой рацѣ. А братью свою, князя Давида Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положиша у него близъ гроба их во единой рацѣ. Поиде же князь Ингварь

Ингоревичь на рѣку на Воронежъ, идѣ убиенъ бысть князь Федоръ Юрьевичь резанской, и взя честное тѣло его, и плакася надъ нимъ на долгъ часъ, и принесе во область его къ великому чюдотворцу Николѣ Корсунскому, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю, и сына ихъ князя Ивана Федоровича постника и положиша ихъ во единомъ мѣстѣ и поставиша надъ ними кресты камены, и оть сея вины да зовется великии чюдотворець Николае Заразскии, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣя и съ сыномъ своимъ княземъ Иваномъ сама себѣ заразі.

Сии бо государи рода Владимера Святославича — сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича[1] черниговсього. Бяше родомъ христолюбивыи, братолюбивыи, лицемъ красны, очима свѣтлы, взоромъ грозны, паче мѣры храбры, сердцемъ легкы, къ бояромъ ласковы, къ приѣждимъ привѣтливы, къ церквамъ прилежны, на пированье тщывы, до господарскихъ потѣхъ охочи, ратному дѣлу велми искусны, къ братьѣ своей и ко ихъ посолникомъ величавы. Мужественъ умъ умѣяше, въ правдѣ-истинѣ пребываста чистоту душевную и тѣлесную безъ порока соблюдаста. Святого корени отрасли и богомъ насажденаго сада цвѣты прекрасныи. Воспитани быша во благочестии во всяцемъ наказании* духовнемъ. Отъ самыхъ пеленъ бога возлюбили. О церквахъ божиихъ велми печашеся, пустошныхъ бесѣдъ не творяще, срамныхъ глаголъ не любяще и злонравныхъ человѣкъ отвращашеся, а со благыми всегда бесѣдоваша, божественыхъ писаний всегда во умилении послушаша. Ратнымъ во бранехъ страшныи являшеся, многия враги, востающи на нихъ, побѣжаша и во всѣхъ странахъ славно имя имяща. Ко греческимъ царемъ велику любовь имуща и дары у нихъ много взимаша. А по брацѣ цѣломудрено живяста, смотрющи своего спасения. Въ чистой совѣсти и крѣпости и разума предержа земное царство и къ небесному приближаяся, плоти угодие не творяще, соблюдающи тѣло свое по брацѣ грѣху не причасно. Государьскии санъ держа, а посту и молитвѣ прилежаста, и кресты на рамѣ* своемъ носяща, и честь и славу отъ всего мира приимаста, а святыя дни святого поста честно храняста, и по вся святыя посты причащастася святыхъ пречистыхь и бесмертныхъ таинъ. И многи труды и побѣды по правой вѣрѣ показаста. А съ погаными половцы часто бьяшася за святыя церкви и православную вѣру. А отчину свою отъ супостатъ велми безъ лѣности храняща, а милостину неоскудно даяша и ласкою своею многихъ отъ невѣрныхъ царей дѣтей ихъ и братью къ собѣ приимаста и на вѣру истиную обращаста.

Благовѣрный великий Ингварь Ингоревичъ, нареченый во святомъ крещении Козма, сяде на столѣ отца своего великаго князя Ингоря Святославича и обнови землю Резаньскую, и церкви по-

---

[1] *Святослав Ольгович* — видимо, имеется в виду черниговский князь, сын Олега Святославича (Гориславича), отец Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве».

стави, и монастыри загради, и пришелцы утѣши, и люди собра. И бысть радость християномъ, ихъ же избави богъ рукою своею крѣпкою отъ безбожнаго зловѣрнаго царя Батыя. А киръ Михайло Всеволодовича пронского посади на отца его отчинѣ.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

«Слово о погибели Русской земли» дошло до нас лишь в отрывке по спискам XV—XVI вв. Оно создано вскоре после опустошительного монголо-татарского нашествия и представляет собою лиро-эпическое произведение, близкое по своему жанру к «Слову о полку Игореве». Отрывок из «Слова» сохранился в качестве предисловия к списку жития Александра Невского. Текст «Слова» печатается с некоторыми пунктуационными исправлениями по списку XV в., опубликованному в исследовании: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли».— М.; Л., 1965.

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! и многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравоми чистыми, польми дивными, звѣрьми различными, птицами бещислеными, городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававѣрьная вѣра християньская!

Отселѣ до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, отъ чаховъ до ятвязи, и отъ ятвязи до литвы, до нѣмець, от нѣмець до корѣлы, отъ корѣлы до Устьюга, гдѣ тамо бяху тоимици погании и за дышющьмъ моремъ, отъ моря до болгаръ отъ болгаръ до буртасъ, отъ буртасъ до чермисъ, отъ чермисъ до моръдви[1] — то все покорено было богомъ крестияньскому языку поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью[2], князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дети своя ношаху в колыбѣли, а литва из болота на свѣтъ не выникываху*, а угры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на нихъ великый Володимеръ тамо не вьсѣхалъ. А нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ; буртаси, черемиси, вяда[3] и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера, и жюръ Мануилъ цесарегородскый[4] опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша къ нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесаря города не взялъ.

---

[1] Указываются западные, северные и восточные границы Руси; *тоймицы* — племя, жившее по Верхней и Нижней Тойме, притоке Северной Двины; *дышущее море* — Белое море и Северный Ледовитый океан; *буртасы* — одно из мордовских племен; *черемисы* — марийцы.

[2] *Всеволод Юрьевич* — владимиро-суздальский князь.

[3] *Вяда* — видимо, удмурты (вотяки).

[4] *Жюр Мануил цесарегородский* — византийский император Мануил Комнин (1143—1180). Владимир Мономах (1053—1125) не был его современником, в «Слове» допущена ошибка.

А в ты дни болѣзнь крестияномъ, отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава[1] и до брата его Юрья[2] князя володимерьскаго.

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

«Житие Александра Невского» написано в конце XIII в. во Владимиро-Суздальской Руси неизвестным автором, лично знавшим князя. Впоследствии, когда Александр Ярославич был причислен к лику святых, светское повествование дополнялось агиографическими легендарными наслоениями. По своей форме житие является произведением, в котором слиты воедино воинская повесть и княжеское житие. Житие послужило в условиях нового времени источником для ряда произведений искусства: на его сюжет написаны исторические картины Н. К. Рериха, А. К. Горбунова, П. Д. Корина; С. М. Эйзенштейном создан исторический фильм.

Текст жития печатается по публикации В. Мансикки «Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст» (СПб., 1913), с исправлениями по другому списку XVI в., опубликованному Н. Серебрянским в приложении к исследованию «Древнерусские княжеские жития» (М., 1915).

Мѣсяца ноября въ 23 преставися великий князь Александръ Ярославичъ въ лѣте 6771.

Скажемъ мужество и житие его. О господѣ нашемъ Исусе Христе сыне божия и язъ худый и грѣшный и недостойный начинаю писати житие великаго князя Александра Ярославичя, внука Всеволожа[3]. Понеже слышахъ отъ отецъ своихъ и самовидецъ есмь возрасту его и радъ быхъ и исповѣдалъ святое житие и честное и славное, но якожъ приточникъ* рече, во злохитру душу не внидеть премудрость, на высокихъ бо краехъ есть, посреди же стезъ стояше, при вратехъ сильныхъ присѣдитъ. Аще и грубъ есми умомъ, молитвою святыя госпожи богородицы и поспешенимъ святаго князя Александра Ярославичя начать положюсь. Той бѣ князь Александръ Ярославичь богомъ роженъ отъ отца благочестива и нищелюбца, паче жъ кротка, великаго князя Ярослава, отъ матери благочестивыя Феодосеи, якожъ рече Исаия пророкъ: «Тако глаголеть господь, князи язъ учиню, священни бо суть, азъ ввожю, во истину, безъ божиа бо повелѣниа не бѣ княжениа его». Но княжениа князя Александра Ярославичя богомъ благословенно. Но возрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, а гласъ его, яко труба въ народе, а лице его, яко лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетски царь втораго царя во Египте. Сила жъ бѣ ему часть бѣ от силы Самсоня, и премудрость бѣ ему Соломоня, далъ богъ храброство же ему царя римскаго Еуспасиана, сына Нерона царя, иже пленилъ есть землю Июдѣйскую. Иногда ополчився гражане Атупату

---

[1] Т. е. от Ярослава Мудрого до Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского; Ярослав Всеволодович скончался в 1246 г.

[2] Юрий Всеволодович, великий князь владимирский, третий сын Всеволода Большое Гнездо, был убит в битве на р. Сити в 1238 г.

[3] Александр Невский был внуком Всеволода Большое Гнездо (см. о нем в «Слове о полку Игореве»).

хотя приступити, шедше гражане победиша полкъ его, и оста единъ и взя си градъ ихъ до вратъ градныхъ и посмѣяся дружинѣ своей и укори я укоромъ и рече: «Оставите мя единаго». Тако жъ князь Александръ Ярославичь побѣждаа непобѣдимъ. И се нѣкто отъ западныя страны, ижъ нарицаютца слуги божиа, и отъ тѣхъ приидоша, хотя видѣти дивный возрастъ его, якожъ древле царица южская приходила къ Соломоню царю, хотя слышати премудрость его, яко сей, именемъ Андрѣйашь, видѣвъ князя Александра Ярославичя, и возвратися ко своимъ и рече: «Прошедъ страны и языки, не видѣхъ таковаго ни во цари царя, ни во князѣхъ князя». И се слышавъ краль части Римскиа, отъ полунощныя страны[1] таковое мужество князя Александра Ярославичя и рече: «Пойду, поплѣню землю Александрову». И собра силу велику и наполни корабля многи полковъ своихъ и поиде въ силе велице, пыхая духомъ ратнымъ. И преиде реку Неву, шатаяся безумиемъ, посла послы разгордѣвся ко князю Александру Ярославичю въ Новъ городъ въ Великий и рече: «Аще можеши ми противитися, уже есмь здѣ, поплѣню землю твою». Князь же Александръ Ярославичь слышавъ словеса сихъ и разгорѣвся сердцемъ, вниде въ церковь святыя Софѣя и паде на колѣно предъ олтаремъ и нача молитися со слезами богу и рече: «Боже хвалный и праведный, богъ крѣпки и велики, боже вѣчный и сотворивый небо и землю, море и реки, и постави прѣдѣлы языкомъ*, и повелѣ жити, не преступая въ чюжая части земли». И возприимъ псаломьскую пѣснь и рече: «Суди, господи, и разсуди прю мою, суди, господи, обидящимъ мя и возбрани борющихся со мною, приими оружие и щитъ и стани въ помощь мнѣ».

И скончавъ молитву, воставъ, поклонися архиепископу. Архиепископъ же Спиридонъ благослови его и отпусти. Александръ же Ярославичь идя ис церкви, утирая слезы. И нача крепити дружину свою и рече: «Не въ силе богъ, но въ правде. И помянемъ пѣснословца Давида: сии въ оружьия, сии на конехъ, мы жъ во имя господа бога нашего призовемъ, ти спяти быша и падоша». И поиде на ня въ мале дружинѣ, не сождавъся со многою силою своею, уповая на святую троицу. Жалостно слышати, яко отецъ его Ярославъ честный, великий, не бѣ вѣдалъ таковаго востаниа на сына своего милаго великаго князя Александра Ярославичя, ни оному бысть вѣсть послати ко отцу во градъ Киевъ, уже бѣша приближися ратнии, и мнози ноугородцы не совокупилися бяху, понежъ ускори князь велики пойти. И прииде на нихъ въ день возкресениа на память святыхъ отецъ 600 и 30 бывшаго собора въ Халкидоне и на память святаго Кирика и Улиты и святаго князя Владимера, крестившаго землю Рускую. Имѣяше жъ вѣру велику ко святымъ мученикомъ Борису и Глѣбу. Бѣ некто мужъ, старѣйшина земли Ижерской[2] именемъ Беглусичь; поручена жъ бысть ему стража

---

[1] *Полунощная страна* — северная страна, здесь: Швеция.

[2] *Земля Ижорская* — земля, расположенная по левому притоку Невы р. Ижоры; ижорские карелы подчинялись Новгороду.

утреничная морская, восприять же святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суща, наречено бысть имя ему во святомъ крещении Филипъ. И живяше богоугодно, въ среду и въ пятокъ пребываше во алчьбѣ. И сподоби его богъ видѣти видѣние страшно, скажемъ же силу ихъ вкратце. И увидѣ силу ратныхъ, идуще противъ князя Александра Ярославичя, да скажетъ ему силу варяжскую и станы ихъ. Стрегуще ему обоя пути, и пребысть всю нощь во бдѣнии, якожъ солнце восходи, и услышавъ шумъ страшенъ по морю, и видѣ насадъ* единъ гребущь по морю, а посреди насада Борисъ и Глѣбъ, стояща во одежахъ червленахъ, быста руки своя держаща на рѣмехъ*. И гребцы сѣдяху, аки мглою одѣни. И рече Борисъ Глѣбу: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичю». Видѣвше Пелгусиа таково видѣние и слыша гласъ таковъ отъ святую мученику, стояше трепетенъ. И отиде насадъ отъ очю его, и поиде скоро князь Александръ Ярославичь. Пелгусиа же видѣ его радостныма очима и повѣда великому князю единому видѣниа. Князь же рече ему: «Сего не повѣдай никому жъ». И подщався на нихъ наѣхати въ 6 часъ дни, и бысть сѣча великая надъ римляны, и изби множество бесчисленое отъ нихъ и самому королеви возложи печать на лицы острымъ своимъ копиемъ. Здѣ же въ полку в Олексанъдровѣ явишася 6 мужей храбрыхъ и силныхъ и мужествовавъ съ имъ крѣпко. Гаврило единъ, именемъ Алексичь. Сей наѣхавше на шняку* видѣвъ королевичь мчащие подъ руце, възъѣхавъ по дозсьцѣ до самого короля, и по нейже досцѣ возхожаху, и востекоша предъ нимъ, и паки обращеся и свергоша его з доски и съ конемъ въ море, божиею благодатию оттуду изыде невреженъ, и паки наѣхавъ, бися съ самимъ воеводою крѣпко среди полку.

Другий же новгородецъ, именемъ Збыславъ Якуновичь. Сей наѣхавъ многажды бьяшася единымъ топоркомъ, не имѣяша страха въ сердци своемъ, и паде нѣколико отъ топорка его. Подивишася князь Александръ Ярославичь силе его и храбрости его. Третий же Яковъ, родомъ полочянинъ*, ловчей бысть у князя. Сей наѣхавъ на полкъ съ мечемъ и мужествовалъ и похвали его князь. Четвертый же новогородецъ, именемъ Миша. Сей пѣшт з дружиною своею погуби три корабли римлянъ. Пятый отъ молодыхъ его, именемъ Сава. Сей наѣхавъ шатеръ королевъ великий златоверхий и подсече столпъ шатерный. Полцы жъ великаго князя Александра Ярославичя видѣша падениа шатра, возрадовашася о падение шатра того. Шестый же отъ слугъ его, именемъ Ратмиръ. Сей бысть пѣшь, и оступиша его мнози, и отъ многихъ ранъ паде и скончася. Сии же вся слышавъ отъ господина своего князя Александра Ярославичя и отъ иныхъ же — въ то время обретошася въ той же сѣчи. Бысть же въ то время чюдо дивно, якоже во древняя дни при Езикѣи цари, егда прииде Сенахиримъ, асирийский царь, на Иерусалимъ, хотя пленити святый град Ерусолимъ, и внезапу изыйде ангилъ господень и изби отъ полку асирийска 100 тысящь, 80 тысящь 600. И восста-

ша заутро, и обретошася трупие мертва. Такожде и при побѣде и князя Александра Ярославичя, егда победи корабля, обонъ полъ* реки Ижеры, идѣже не бѣ проходно полкомъ Александровымъ, здѣ же обретошася вся трупие мертва отъ арханьила божия, и останокъ побеже, а трупие мертвых своихъ наметаша корабля и потопиша въ мори. Князь же Александръ Ярославичь возвратися съ побѣды, хваля бога и славя своего творца, отца и сына и святаго духа, и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Во второе жъ лѣто по возвращение ис побѣды князя Александра Ярославичя прийдоша отъ западныя страны и возгради градъ[1] во отечествии Александрове. Великий жъ князь Александръ Ярославичь изыде на ня вскорѣ, изверже градъ изо основаниа, а самихъ избиша, иныхъ съ собою приведе, а иныхъ помилова и отпусти, бѣ бо милостивъ паче мѣры. По побѣде же Александрове, егда победи короля, въ третии жь годъ, въ зимнее время, пойде на землю Немецкую съ силе велице, да не хвалятся, рекуще: «Укоримъ* словенский языкъ». Уже бо взятъ градъ Псковъ, и тиуни у нихъ посажени. Тѣхъ же князь великий Александр Ярославичь изима и градъ Псковъ свободи отъ плѣна, и землю ихъ повоева и позже и полона взя безъ числа, иныхъ посече, а инии во градъ совокупишаяся и рѣша: «Победимъ князя Александра Ярославичя и имемъ его рукама». Егда приближишася ратнии, и почюша стражи великаго князя Александра Ярославичя. Князь же Александръ ополчився пойде противу ратнымъ, и наступиша море Чюдское. Бысть же обоихъ множество. Отецъ же его Ярославъ послалъ бѣ ему на помощь брата меншаго князя Анъдрѣя во множе дружинѣ. Тако и у князя Александра множество храбрыхъ мужъ, якожь древле у царя Давида, крѣпцыи, сильнии, тако жь и мужи Александровы исполнишася духа ратна: бяху сердца ихъ, аки лвомъ, и рекоша: «О княже нашь честный, драгий, нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя». Князь же Александръ Ярославичь воздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди, господи, и разсуди прю мою, отъ языка велерѣчива избави мя, помози ми, господи, якоже Моисѣю на Амалика древле и прадеду моему Ярославу на акаянного Святополка». Бѣ же тогда день суботный, восходящу солнце, сступишася обои, и бысть сѣча зла и трускъ отъ копей и ломление и звукъ отъ мечнаго сечениа, якожь морю мерзшу двигнутися; не бѣ видѣти леду, покрылося бяше кровию. Се же слышавъ отъ самовидца, рече: видѣхомъ полкъ божий на воздусе, пришедше на помощь Александру Ярославичю. И побѣди я помощью божиею, и въдаша ратнии плещи своа. Они же сѣчахуть и гонящи, яко по яйеру*, не бѣ имъ камо убѣжати. Здѣ же богъ прослави великаго князя Александра Ярославичя предъ всѣми полки, яко Исуса Навгина[2] во Ерихоне. А ижъ рекъ: «Имамъ рукама великаго князя Александра Яросла-

[1] *...возгради градъ* — соорудил город, речь идет о г. Копорье.

[2] *Исус Навгин,* или *Исус Наввин* — библейский военачальник, якобы разрушивший стены города Иерихона звуками труб.

вичя», сего дастъ ему богъ въ руцѣ его. И не обретеся никто жъ, противяся ему во брани. И возвратився князь Александръ Ярославичь съ победы съ славою великою. Бысть много множество полону въ полку его, ведяху подлѣ коний, ижъ именуетца рыдели.

Егда прииде князь Александръ Ярославичь ко граду Пскову, и сретоша его со кресты игумены и попове въ ризахъ, народъ многъ предъ градомъ, подавающе хвалу богови, поюще пѣснь и славу государю, великому князю Александру Ярославичю: «Пособивый, господи, кроткому Давиду победити иноплеменники и вѣрному князю нашему Александру оружиемъ крестнымъ свободити градъ Псковъ отъ иноязычныхъ рукою Александровою». О невѣгласи плесковичи, аще забудете князя Александра и мужи новгородцовъ и до правнучатъ Александровыхъ, уподобитеся жыдовомъ, ихъ же господь препитѣ въ пустыни манною и крастельми печеными, сихъ всѣхъ забыша бога своего, изведшаго ихъ отъ работы изъ Египта. И начаша слышати имя великаго князя Александра Ярославичя по всѣмъ странамъ и до моря Египетского и до горъ Аравитскихъ, обону страну Варяжьскаго и до Рима.

Въ то время умножися языкъ литовьски, и начаша пакостити во области Александровы. Ездя нача избивати. Единою жъ случися ему выехати и поби 7 полковъ ратныхъ и множество князей и воеводъ изби, овии рукама изима; слугы же его, ругающеся, вязаху я къ хвостомъ коний своихъ. И начаша боятися имени его. Въста въ то время нѣкто царь силенъ на восточной странѣ, и покори ему богъ многи языки и отъ востока и до запада. Той же слышавъ князя Александра Ярославичя храбра и славна, и посла къ нему послы рекуще: «Александро, веси ли, богъ покори мнѣ многия языки, ты ли единъ не хощеши покоритися силе моей, но аще хощеши съблюсти землю свою, то скоро прииде ко мнѣ и узриши честь царьства моего». Князь же Александръ Ярославичь, по умертвии отца своего, прииде въ Володимеръ въ силе велице, и бысть грозенъ приѣздъ его. Проиде вѣсть до усть Волги, и начаша жены моявидскиа полошати* дѣти своя, рекуще: «Ѣдетъ князь Александръ Ярославичь». Здумавъ же великий князь Александръ Ярославичь, и благослови его Кирилъ епискупъ, поиде къ цареви. И видѣвь его царь Батый и подивися и рече велможамъ своимъ: «Во истину ми повѣдаша, нѣсть, подобна ему князя во отечествии его». И отпусти его съ великою честью.

Потомъ же царь Батый разгнѣвася на брата его на меншаго, на князя Ондрѣя, и посла на него воеводу своего Невруя, и повоева землю Суждальскую. По пленении жъ Невруеви князь велики Александръ Ярославичь церькви воздвигнувъ и градъ исполнивъ и люди разпуженныя собра въ домы своя. О таковыхъ Исаия пророкъ рече: «Князь благъ во странахъ тѣхъ, увѣтливъ, кротокъ, смиренъ, по образу божию есть, не избираеть богатества, не зря кровѣ праведничи, сиротѣ и вдовице въ правду судя, милостийлюбецъ, благъ домочадцомъ своимъ и внешнимъ странамъ, сиротамъ кормитель, богомоленъ, ангеломъ любителю, человѣкомъ

щедрѣ ущедряетъ, показуетъ на мире милость свою. Распространи богъ землю его богатествомъ и славою и должи богъ лѣто его».

Иногда же приидоша послы отъ папы изъ великаго Рима, глагола князю Александру Ярославичю: «Папа рече, слышахомъ тя князя честна и дивна, и земля твоя славна и велика. Сего ради послахъ къ тебѣ отъ 12 кардилуану двѣ хитрѣйшаа — Гаадада и Гемондада, послушаеши учения ею о законѣ божии». Великий жъ князь Александръ Ярославичь здума съ хитрецы своими и восписа къ нему, рекъ: «Отъ Адама до потопа и до разделениа языкъ и до начала Аврама, отъ Авраама и до произытиа Иизраиля сквозѣ Чермное море, отъ исхода сыновъ Иизраилевъ до умертвия Давида царя, отъ начала царства Соломаня до Августа и до рожества Христова, до страсти и воскресениа, отъ воскресениа и на небеса вшествия и до царьства Констянтина новаго, до перваго собора и до седьмаго, си вся добре свѣдаемъ, а отъ васъ учения не приимаемъ». Они же возвратишася восвояси.

Великому жѣ князю Александру Ярославичю умножися дни житиа его. Бѣ иерѣилюбецъ и мнихолюбецъ, митрополита жь епископы чтяше аки самого творца. Бѣ бо тогда нужда велика отъ поганыхъ веляху людемъ съ собою воинствовати. Великий же князь Александръ Ярославичь пойде къ цареви, дабы отмолилъ люди оть бѣды, а брата своего меншаго Ярослава и сына своего Дмитрея посла съ новогородцы на западныя страны и вся полки свои съ ними отпусти. Пойде жъ Ярославъ съ сыновцемъ* своимъ въ силе велице и плениша градъ Юрьевъ Немецкий[1] и возвратишася восвояси со многимъ полономъ и съ великою честью. Великий жъ князь Александръ Ярославичь взыйде отъ иноплеменникъ до Нова города до Нижнего и ту пребы дни мало здравъ, дошедъ Городца и разболѣся. О горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, како не испадета ти зѣницу со слезами вкупѣ! Како ли не разседеся сердце отъ горкиа тугы! Отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добраго государя не можетъ забыти, аще бы живъ съ нимъ во гробѣ влѣзлъ.

Великий же князь Александръ Ярославичь ревновавъ по господѣ бозѣ своемъ крѣпко, оставя земное царьство и желая небеснаго царьствиа, возприять ангилский образъ мнишескаго житиа; аще сподоби его богъ больший чинъ восприяти — скиму*. Тако господеви духъ предастъ съ миромъ, скончася мѣсяца ноября въ 14 день на память святаго апостола Филиппа. Митрополитъ Кирилъ[2] глаголетъ къ людемъ: «Чада моя, разумѣйте, яко уже зайде солнце земли Суждальскыа». Игумени жъ и попове и дьяконе, черноризцы, богатии и нищи и вси людие мнози вопияху, глаголюще: «Уже погибаемъ». Святое же тѣло его понесоша къ Володимерю. Митрополитъ же съ чиномъ вкупе церьковнымъ, князи и бояре и весь

---

[1] *Юрьев немецкий* — имеется в виду город Юрьев, основанный Ярославом Мудрым в XI в., ныне г. Тарту Эстонской ССР.

[2] *Кирилл* — киевский и всей Руси митрополит (1243—1280).

народъ, мали и велицы, сретоша его въ Боголюбове со свещами и съ кадилы. Народъ же отъ множества угнетахуся, хотяще приступити честнѣмъ одрѣ тѣла его. Бысть же плачь великъ зело и кричание много, яко николи же тако, но токмо яко земли потрястися. Бысть же тогда чюдо дивно, памяти достойно. По скончании святыя службы надъ честнымъ тѣломъ его приступи Кирилъ митрополитъ, хотя разнути руку его, вложити грамоту духовную. Он же самъ, яко живъ, распростре руку и приятъ грамоту отъ руки митрополита. И бысть страхъ и ужасть велика зело на всѣхъ. И положено бысть честное тѣло его въ Рожествѣ святей богородицы, мѣсяца ноября въ 23 день, на память святаго Анфилофѣя епископа, со псалмы и пѣсньми, славяще отца и сына и святаго духа, святую троицу, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПОУЧЕНИЯ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

Серапион Владимирский — известный проповедник середины XIII в. Его перу принадлежат пять дошедших до нас поучений, сохранившихся в сборниках XIV в. «Златая цепь» и «Паисиевский сборник». В поучениях Серапиона обличаются социальная несправедливость, суеверия, обрисовывается тяжелое положение русского народа после опустошительного монголо-татарского разорения. Отрывки из этих поучений печатаются по спискам XIV в., изданным Е. В. Петуховым в исследовании «Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века» (СПб., 1888).

Из слова второго. Многу печаль в сердьци вижю вас ради, чада; понеже никако же вижю вы примѣнитеся отъ дѣл неподобных. Не тако скорбить мати, видящи чада своя болящя, яко же аз, грѣшный отець вашь, видя вы болящя беззаконьными дѣлы. Многажды глаголах вы, хотя отставити отъ вас зълой обычай: никакоже премѣнивъшася вижю вы. Аще кто вас разбойник, разбоя не останеть; аще кто крадеть, татьбы не лешиться; аще кто ненависть на друга имать, враждуя не почиваеть; аще кто обидить и въсхватаеть, грабя не насытиться; аще кто рѣзоимець*, рѣз емля не престанеть...

Страшьно есть, чада, впасти въ гнѣв божий! Чего не видим? Что приде на ны в сем житии сущим? Чего не приведохом на ся? Какыя казни от бога не въсприяхом? Не пленена ли бысть земля наша? Не възяти ли быша гради наши? Не въскорѣ ли падоша отьци и братия наша трупиемь на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плен? Не порабощени ли быхом оставъше горькою си работою отъ иноплеменик? Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и тяжьции на ны не престануть глади, морове живот наших; и въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можем; и въздыхание наше и печаль сушить кости наши...

Из слова третьего. Разрушены божественныя церкви; осквернени быша ссуди священии; потоптана быша святая; святители мечю во ядь* быша; плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь и отецъ и братия нашея, аки вода многа,

землю напои; князии нашихъ воеводъ крѣпость ищезе; храбрии наша страха напольншеся, бѣжаша; мьножайша же братия и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною* поростоша, и величьство наша смѣрися; красота наша погыбе; богатство наше онѣмь в користь бысть; трудъ нашь погании наслѣдоваша; земля наша иноплеменикомь в достояние бысть; в поношение быхомъ, живущиимъ въскраи земля нашея; в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ господень; подвигохомь ярость его на ся и отвратихомъ велию его милость; и не дахомъ призирати на ся милосердныма очима. Не бысть казни, кая бы преминула насъ; и нынѣ беспрестани казними есмы; не обратихомся к господу; не покаяхомся о безаконии нашихъ, не отступихомъ злыхъ обычаи нашихъ, не оцестихомся калу грѣховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши велицѣ творимся. Тѣм же не престають злая мучаще ны: завѣсть умножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе умъ нашъ, ненависть на другы вселися въ сердца наша, несытовьство имѣнья поработи ны, не дасть миловати ны сиротъ, не дасть знати человечѣчьскаго естества; но, акы звѣрье жадають насытитися плоти, тако и мы жадаемъ и не престанемъ, абы всѣхъ погубити, а горкое то имѣнье и кровавое к собѣ пограбити; звѣрье ѣдше насыщаются, мы же насытитися не можемъ того добывше, другаго желаемъ. За праведное богатьство богъ не гнѣвается на насъ, но, еже речено пророкмъ, с небеси призри господь видѣти, аще есть, кто разумѣва или взискаяи бога, вси уклонишася вкупѣ, и прочее. Ни ли разумѣвають все творящи безаконье, снѣдающе люди моя въ хлѣба место? Апостол же Павелъ беспрестани въпиеть, глаголя: «братие, не прикасаитеся дѣлехъ злыхъ и темныхъ; ибо лихоимци грабители со идолослужители осудяться». Моисѣеви что рече богъ: «аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьють ко мнѣ, слухомъ услышю вопль ихъ, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечемъ». И ныне збысться о насъ реченое: не отъ меча ли падохомъ? не единою ли, ни двожды? что же подобаетъ намъ творити, да злая престануть, яже томятъ ны? Помяните честно написано въ божественыхъ книгахъ, еже самого владыкы нашего большая заповѣдь, еже любити другъ друга, еже милость любити ко всякому человѣку, еже любити ближняго своего аки себе, еже тѣло чисто зблюсти, а не осквернено будеть блюдом; аще ли оскверниши, то очисти с покаяниемь; еже не высокомыслити, ни вздати зла противу злу ничего же. Тако ненавидить господь богъ нашъ, яко злу помятива человѣка. Како речемъ: отче нашъ, остави намъ грѣхи наша, а сами не ставляюще? В ню же бо, рече, мѣру мѣрите, отмѣрит вы ся.

ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ В ОРДЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧЕРНИГОВСКОГО И БОЯРИНА ЕГО ФЕДОРА

Повесть составлена в Ростове в 60—70-х гг. XIII в. и впоследствии неоднократно перерабатывалась. Она вошла в распространенной и краткой (проложной) редакциях в состав Московского летописного свода конца XV в., Никоновской летописи, Тверского сборника, Пролога и Четьи-Минеи. В основе ее лежат реальные события 1246 г.

Текст повести печатается по изданию: Полное собрание русских летописей.— СПб., 1865.— Т. XV.

Въ лѣто 6746, по Божию попущению и гнѣву, бысть нахождение Татарское на землю Рускую, за умножение нашихь съгрѣшений; мнозии грады поплѣнены быша, иже и донынѣ мѣста ихъ стоять пуста, и многыа манастыри, и честныа церкви и села отъ того нечестиваго Батыева плѣнениа запустѣша и нынѣ лѣсомъ зарастоша, точию знамениа имень имъ памятию отъ рода въ родъ предпосылаются, якоже имать уречениемъ рѣка ни во единомъ языцѣ, а единимъ именемъ зватися, такоже и мѣста много лѣта прозвание свое имать. Случи же ся, якоже выше рѣхъ, по многыхъ божиихь разгнѣванияхь на землю Рускую, по мнозѣхъ гладѣхъ же, и морѣхъ и трусѣхъ великыхъ, и по избиении князей на Калкахъ отъ неименитыхъ и храброго воиньства, и всего оскудѣвшимъ, приити сему злочестивому Батыю, и убити великого князя Юриа Всеволодича на Сити и Василка Константиновича Ростовского храбраго[1]. Князю же великому Михаилу Всеволодичу дръжащу тогда Киевь, и приидоша къ нему послы отъ Батыа царя, онъ же увидѣвь словеса ихъ лестиваа, повелѣ избыти ихъ, а самъ повелѣ всему двору своему събратися, и побѣже въ Угорскую землю и съ всѣми домашными своими; а инии бѣжаша въ далняа страны, а инии же крыяхуся въ горахъ, въ пещерахъ, и въ разсѣлинахъ и въ пропастехъ земныхъ, а инии затворяхуся въ градѣхъ крѣпкыхъ, а иныа въ непроходимиа бѣжаша островы, и мало отъ тѣхъ изьоставахуся, тѣхже, не по колицѣхъ временехъ, осадиша въ градѣхь, и исчетоша а въ число, и начаша на нихъ дань имати татарове. Слышавше же се, иже бяху розбѣжалися по чюжимъ землямъ, и что ихъ избылося, начаша събиратися помалу; начаша же ихъ звати татарове съ нуждею, глаголюще: «не подобаетъ вамъ жити на землѣ кановнѣ [и] царевѣ Батыеви, не поклонившеся има»; мнози же ихавше поклонишася Батию царю. Обычай же имѣяше Батый царь и кханъ, аще кто приидетъ поклонитися има, не веляше прьвие вести предъ ся, но приказано бяше вльхвомъ вести а сквозѣ огнь, и поклонитися кусту и огневи: а иже что съ собою принесоша цареви дары, отъ всего того взимающе вълхвове, въмѣтающе прьвѣе въ огнь,

[1] На р. Сити, правом притоке р. Мологи, в 1238 г. произошла битва с монголо-татарами, в которой погибли Юрий Всеволодович и другие владимирские князья, а ростовский князь Василько Константинович тяжело раненным был захвачен в плен и жестоко замучен.

потомъ же и самѣхъ предъ царя пущаху съ дары. Мнозии же князи и з бояры своими идяху с[к]возѣ огнь, и покланяхуся солнцу, и кусту и идоломъ ихъ, славы ради свѣта сего, прашааше кождо ихъ власти; они же безъ възбранениа даяху имъ, кто которыа власти хотяше, да прелстятся славою мира сего. Преподобному же князю Михаилу Всеволодичу, бывшу въ Угрыхъ 3 лѣта, и помалу пришедшу на свою землю, и пребывающу на своей отчинѣ въ Черниговѣ[ѣ], видѣвше многы прелшающися славою свѣта сего, и посла господь благодать, и славу и даръ святаго духа на нь, и вложи ему въ сердце ихати предъ царя Батыя и обличити прелесть его, имьже лестить христианы. Якоже древле великий мученикъ Христовь Георгий[1] не сътрьпѣ гонениа, движущася на христианы, самозванно приходитъ обличити Диоклитианово безумие; тако и сей блаженный князь Михаилъ разгорѣся духомъ, опаляемъ божиею благодатию, въсхотѣ ихати кь цару Батиеви. И преже прииха [къ] отцу своему духовному, повѣда ему, глаголя: «отче, хощу ихати къ цару Батыю и умрети за Христа и за правовѣрную вѣру». Отвѣща ему отецъ: «мнози издивше сътвориша волю поганаго царя Батыя, прелстившеся славою свѣта сего, идоша сквозѣ огнь, и поклонишася солнцу, и кусту и идоломъ, и погубиша душа своа и тѣлеса; но ты, сыну Михаиле, аще хощеши ихати, то не сътвори тако, якоже и прочии, не иди сквозѣ огнь, ни поклонися кусту и идоломъ ихь, ни брашна, ни питиа ихъ не приимай вь [у]ста своа; но исповѣждь вѣру христианьскую, яко не достоитъ христианомь никомуже кланятися твари, токмо единому богу нашему Исусу Христу». Князь же Михаилъ и Феодорь, воевода его, глаголаста ему: «молитвою твоею, отче, яко богъ хощетъ, тако и сътворитъ; се азъ бы того хотѣлъ, еже кровь свою пролиати за Христа и за вѣру христианьскую»; такожде и Феодорь глаголаше, воевода его. И глаголаша има душевный отецъ: «вы будета въ нынѣшнемъ роду но[во]явленнаа святаа мученика на утвеpъжение инѣмъ вѣрнымъ человѣкомъ, аще тако сътворита». Князь же Михаилъ и воевода его Феодоръ обѣщастася сие сътворити, и тако благословистася у отца своего духовнаго; тогда дасть има отецъ причастие на путь, рекше преждесвященное, и благослови а, отпусти, и глагола има: «Богъ да укрѣпитъ ваю и послетъ вамъ помощь, за негоже тщитася пострадати». Тогда князь Михаиль иха вь домъ свой, и взятъ отъ имѣниа своего, еже бѣ ему на потребу на путь, и поиде во Орду; многы же земли проихавшу ему, доихавшу до Батыа царя. И повѣдаша Батыевы царю: «князь великий Рускый Михаилъ приихалъ поклонитися тебѣ»; царь же Батый повелѣ призвати влъхвы своа; влъхвомъ же пришедшимъ предъ царя, и рече имъ царь: «еже есть по обычаю нашему сътворити князю Михаилу, и потомъ приведите его предъ мене». Онѣмъ же шедшимъ кь великому князю Михаилу, глаголаша ему: «царь Батый зоветъ тя». Онъ же поимъ воеводу своего Феодора идяше съ нимъ, и доидо-

---

[1] *Георгий* — популярный на Руси герой легендарно-христианского эпоса.

ша мѣста, идеже бяше огнь складень съ обѣ странѣ, мнозии погании идяху сквозѣ огнь и поклоняхуся солнцу и идоломъ. Вльсви же хотѣша Михаила и Федора вести сквозѣ огнь, и яко поведоша ихъ, Михаиль же рече имъ: «не достоитъ намъ христианомъ ходити сквозѣ огнь, ни поклонитися идоломъ, имже сии кланяются; тако есть вѣра христианскаа не кланятися твари и идоломъ, но поклонятися святѣй троици, отцу и сыну и святому духу». Михаилъ же рече воеводѣ своему Феодорови: «лучши есть намъ [не] кланятися, ему же сии кланяются». Они же остависта ею на мѣстѣ, идеже бѣста приведена, идоша повѣдати цару Батыю, глаголюще: «Михаилъ повелѣниа твоего, царю, не слушаетъ, сквозѣ огнь не идетъ, а богомъ твоимъ не кланяется, и глаголеть: не достоитъ намъ христианомъ сквозѣ огнь ходити, ни поклонятися солнцу, ни идоломъ, но единому кланятися сътворшему вся отцу и сыну и святому духу». Царь же Батый възъярився велми, посла единого отъ велможъ своихъ, столника своего именемъ Елдегу, и глагола ему: «иди и рци Михаилови: почто еси повелѣние мое преобѣдилъ, богомъ моимъ не поклонился еси? но отселѣ едино отъ двою избери себѣ, животъ или смерть; или повелѣние мое съхраниши, и сквозѣ огнь пройдеши, и богомъ моимъ поклонишися, и живь будеши, и княжение свое все з великою честию отъ мене приимеши; аще ли не пройдеши сквозѣ огнь, и не поклонишися солнцу, и кусту и идоломъ, то злою смертию умреши». Елдега же шедъ повѣда сиа царевы глаголы Михаилу. Тогда отвѣща Михаилъ: «тебѣ цару кланяются, понеже ти богь поручилъ царство свѣта сего; а емуже велиши кланятися, то азъ не кланяюся». И рече ему Елдега, столникъ царевь: «Михаиле! вѣдаа будешь яко мертвь еси». Михаилъ же отвѣща ему: «азъ того хощу еже за Христа моего пострадати, и за правовѣрную вѣру кровь свою пролиати». Тогда глагола ему внукъ его, князь Борис Васильковичь[1] Ростовский, съ плачемъ многымъ: «господине отче! сътвори волю цареву»; тогда же такожде и бояре Борисови глаголаша: «господине княже! вси за тя приимемъ опетемию [со] своею областию». Тогда Михаилъ отвѣща имъ: «не хощу токмо именемъ зватися христианынъ, а дѣло поганыхъ сътворити». Егда же се Михаилъ глаголаше къ нимъ, Феодоръ, воевода его, помышляше въ себѣ, глаголя: «еда како ослабѣеть князь мой молениемъ сихъ, помянувъ любовь женскую и дѣтей ласкание?» бѣ бо Борисъ 15 лѣть и многы слезы предъ дѣдомъ изливаше; тогда Феодоръ, помянувь слово отца своего духовнаго, и рече Михаилу: «помниши ли, Михаиле, слово отца своего духовнаго, еже учаше насъ отъ святаго евангелиа? рече бо господь: иже хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою мене ради, той спасеть ю; и пакы рече: каа полза человѣку, аще сего мира приобрящетъ, а душу свою отщетитъ? или что дасть человѣкь измѣну на души своей? иже бо постыдится

[1] *Борис Василькович* (1231—1277) — сын погибшего в битве на р. Сити Василька Константиновича ростовского.

мене[и] моихъ словесъ въ родѣ семъ, [и сынъ человѣческий постыдится его]; и [аще кто] исповѣсть предъ человѣкы, и азъ исповѣмъ его предъ отцемь моимъ, иже есть на небесѣхь; а иже отврьжется мене предъ человѣкы, отверьгуся его и азъ предъ отцемъ моимъ, иже есть на небесехъ». Си же глаголаше Феодоръ къ Михаилу; они же начаша молити его прилежно, да послушаетъ ихъ. Михаилъ же глаголаше къ нимъ: «не слушаю васъ, не погублю душа своеа»; тогда Михаилъ снемъ съ себе коць свой, врьже къ нимъ, и глагола имъ: «приимѣте сего свѣта славу, аже вы его хощете». Слышавъ же сиа Елдега, яко сии не увѣщаша его, и иха кь цареви повѣдати еже рече Михаилъ. Бяху же на мѣстѣ томъ стоаше множество христиань и поганыхь, слышаху словеса, еже отвѣщеваше Михаилъ кь цареви. Тогда блаженный Михаилъ съ Федоромъ начаша себѣ пѣти; и по отпѣтыи взяша святое причащение, еже далъ бѣ има отець ею, иже и благослови ихь на то еже пострадати за Христа; и глаголаху ту предстоящии князь Михаилу: «Михаиле, идутъ отъ царя убийци убивати васъ; поклонитася и жива будета». Михаилъ же и Феодоръ, воевода его, яко единѣми усты отвѣщаваста, глаголюще: «не кланяевѣся, ни слушаевѣ васъ, славы ради свѣта сего». И начаста пѣти: мученици твои, господи, не отврьгошася тебе, не отступиша отъ заповѣдей твоихъ; и паки: страдавше тебе ради, Христе, многыа мукы претерпѣвше, и прочаа. Си блаженная, укрѣпльшеся надеждею Христовою и молитвами святыхъ мученикь, стаста яко столпа непреклонна и недвижима. Тогда приихавша убийцы, ссочивше съ коней, въсхватиша князя Михаила, и растягоша его за руцѣ и за нозѣ, и начаша его быти рукама по сердцу, и посемь поврьгоша его ниць на землю, биаху его пятами; сему же надолзѣ бывшу, нѣкто, бывъ преже христианинь, послѣди же погань и законопреступникь, отврьгся вѣры христианьскыя и бысть погань, именемъ Дамась, се[й] отрѣза главу князю Михаилу, Христову мученику, и верже ю прочь. И потомъ глаголаша Феодорови: «ты поклонися богомъ нашимъ, и приимеши княжение князя своего». И глагола имъ Феодоръ: «княжениа не хощу, и богомъ вашимъ не кланяюся, но хощу пострадати за Христа, якоже и князь мой». И тогда начаша и Феодора мучити, якоже и князя Михаила; послѣди же и честную его главу отрѣзаша. Ти тако благодаряще Христа пострадатаста крѣпко, и предаста свят и свои души въ руцѣ божии, новосвятаа мученика; святѣи же тѣлеси ею поврьжени псомъ на снѣдь. На многы же дни лежащима има, божиею благодати[е]ю съблюдена быста и неврежени тѣлеси ею, человѣколюбецъ же господь, милосердый богъ нашь, прославляа святыа своа угодники, пострадавшаа за нь и за правовѣрную вѣру кровь свою пролиаста, явися столпь огненъ надь тѣлесе ею, сиающь отъ земля до небеси пресвѣтлыми лучами паче солнца, на утврьждение вѣрнымъ христианомъ, а на обличение тѣмъ, иже, оставивше истиннаго бога, покланяются твари, идоломъ, [и н]а устрашение поганымъ. Свят и же и честнѣи тѣлеси ею нѣкыми христианы богобоязнивыми

съхранен[и] быста. Бысть же убиение ею въ лѣто шеститысячное и седмосотное и пятдесятъ третие, мѣсяца септевриа 20 день, на память святаго великомученика Еустафиа Плакыды[1]...

СЕМЕНА ЕПИСКОПА ТФЕРЬСКАГО НАКАЗАНИЕ

Епископ тверской Семен жил в середине XIII в. (ум. в 1288 г.), ему принадлежит небольшое по объему сочинение «Наказание», представляющее собой разновидность жанра притчи.

Текст «Наказания» печатается по рукописи XIV в., опубликованной Д. С. Лихачевым в книге «Изборник» (М., 1969).

Костянтин князь полотьский нарицаемый Безрукий, у собе в пиру хотя укорити тивуна* своего нѣочемь, рече епископу пред всѣми: «Владыко, кдѣ быти тивуну на ономь свѣтѣ?» Семен епископ отвечал: «Кдѣ и князю!» Князь же не улюбив того, молвить епископу: «Тиун неправду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, мучить, лихое все дѣеть; а язъ что дѣю?» И рече епископ: «Аже будеть князь добръ, богобоин, жалуеть людий, правду любить,— исбираеть тиуна или коего волостителя — мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божию все творяща, и суд вѣдуща. И князь в рай, и тиун в рай. Будеть ли князь без божия страха, христьян не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицями не печалуеть*,— поставляеть тиуна или коего волостителя — человека зла, бога не боящася и закона божия не вѣдуще, и суда не разумѣюще, толико того дѣля*, абы князю товары* добывал, а людий не щадить. Аки бѣшена человѣка пустил на люди, дав ему мечь — тако и князь, дав волость лиху человѣку губити люди. Князь во ад и тиун с нимь во ад!»

ИЗ ТВЕРСКОЙ ЛЕТОПИСИ XV в.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ВОССТАНИИ 1327 г.

Тверское восстание 1327 г. нашло отражение в летописной повести XIV в. и в устной народной песне о Щелкане Дудентьевиче, вошедшей в сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Повесть сохранилась в Тверской и московских летописях. В тверской редакции излагаются подробности о событиях, в московской — некоторые детали утрачены при *сохранении основной сюжетной канвы.*

Текст повести печатается по изданию: Полное собрание русских летописей.— СПб., 1865.— Т. XV.

<1327.> Того же лѣта князю Александру Михалковичу[2] дано княжение великое, и приде изъ Орды, и сѣде на великое княже-

---

[1] *Ефстафий Плакида* — герой византийского романа-жития, в котором повествовалось о мученической жизни самого Евстафия и его семьи. Этот роман-житие был известен на Руси с XI в. См.: Византийские легенды.— Л., 1972.— С. 208—224.

[2] *Александр Михайлович* — князь тверской (1301—1339), был убит в Орде вместе с сыном Федором в 1339 г.; ранее этого, в 1318 г., в Орде были убиты его отец Михаил Ярославич и брат Дмитрий Михайлович.

ние. Потом, за мало дний, за умножение грѣхъ ради нашихъ, богу попустившу диаволу възложити злаа въ сердце безбожным Татаромъ глаголати безаконному царю: «аще не погубиши князя Александра и всѣхъ князей Рускыхъ, то не имаши власти надъ ними». И безаконный, проклятый и всему [злу] началник Шевкаль, разоритель христианскый, отврьзе уста своа скврьняа, начат глаголати, диаволомъ учимъ: «господине царю, аще ми велиши, азъ иду въ Русь, и разорю христианьства, а князи ихъ избию, а княгини и дѣти кь тебѣ приведу». И повелѣ ему царь сътворити тако. Безаконный же Шевкалъ, разоритель христианьскый, поиде въ Русь съ многыми Татары, прииде на Тверь, и прогна князя великого съ двора его, а самь ста на князя великого двор съ многою гордостию; и въздвиже гонение велико надъ христианы, насилство [мъ], и грабленнемъ, и бие [ние] мъ и поруганием. Народи же, грьдостию повсегда оскрьбляеми отъ поганыхъ, жаловахуся многажды великому князю, дабы ихъ оборонилъ; онь же, видя озлобление людий своихъ, не могый оборонити, трьпѣти имъ веляше; и сего не трьпяще тверичи, и искаху подобна времени. И бысть въ 15 день мѣсяца августа, въ полуутра, како торгь снимается, нѣкто диакон, тверитинъ, прозвище ему Дюдко, поведе кобилицу младу и зѣло тучна поити на Волзѣ воды; татарове же видѣвше, отъяша ю. Диаконъ же сжаливси, и зѣло начатъ въпити, глаголя: «о мужи тверьстии, не выдайте!» И бысть межу ими бой; татарове же, надѣющеся на самовластие*, начаша сѣчи, и абие стекошася человѣци, и смятошася людие, и удариша въ колоколы, и сташа вѣчиемъ, и поворотися весь градъ, и весь народъ томъ часѣ събрашася, и бысть въ нихъ замятня*, и кликнуша тверичи, и начаша избывати татар, где кого застронивъ, дондеже и самого Шевкала убиша и всѣхъ поряду. Не оставиша и вѣстоноши, развѣ еже на поли пастуси коневии пасуще, и похватиша лучшии жеребци, и скорѣ бѣжаша на Москву, и оттлѣ въ [О]рду, и тамо възвѣстиша кончину Шевкалову... И то слышавъ безаконный царь, на зиму посла рать на землю Рускую, а воевода Федорчюкь, 5 темниковъ; и людей множество погубиша, а иныа въ плѣнь поведоша, а Тверь и вся гради огнемъ пожгоша. Великий же князь Александрь Михаиловичь, не трьпя безбожныхъ крамолы, оставль княжение Руское и вся отечествиа своа, и иде въ Пъсковъ съ княгынею и съ дѣтми своими, и пребысть въ Пьсковѣ.

ИЗ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Галицко-Волынская летопись повествует о событиях, происходивших с 1201 по 1267 г. в Южной Руси и в Галицком княжестве, и затем об истории Волынской земли, доведенной до 1290 г. Эта летопись, особенно ее первая часть, состоит из ряда биографий князей. Ее художественный стиль оказал заметное влияние на поздние произведения древнерусской литературы. Первый из помещенных здесь поэтических отрывков переложен А. Н. Майковым в стихотворении «Емшан».

Выдержки из Галицкой летописи даются по Ипатьевскому списку в издании: Полное собрание русских летописей.— СПб., 1908.— Т. II.

<О Романе Галицком и половецких ханах Сырчане и Отроке.> **Въ лѣто 6709.** Начало княжения великаго князя Романа, самодержца бывша всеи Руской земли, князя Галичкого.

По смерти же великаго князя Романа[1], приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвша всимъ поганьскимъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемь божиимъ: устремилъ бо ся бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ, храборъ бо бѣ, яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Морамаху[2], погубившему поганыя измалтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзная врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживъшю; тогда Володимерь Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оканьныя агаряны. По смерти же Володимер, оставъшю у Сырьчана единому гудьцю* же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди в землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половѣцкия; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемь евшанъ*». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дасть ему зелье; оному же обухавшю* и восплакавшю, рче: «да луче есть на своеи землѣ костью лечи, нели на чюже славну быти». И приде во свою землю. Отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву; Роману же князю ревновавшю за то, и тщашеся погубити иноплеменьникы. Велику мятежю возставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его единъ 4 лѣтъ, а другий дву лѣтъ...

<Взятие Киева Батыем.> Въ лѣто 6748. Приде Батый Кыеву въ силѣ тяжьцѣ, многомъ множьствомь силы своей, и окружи градъ и остолпи сила татарьская, и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города, и отроци его обсѣдяху градъ, и не б слышати отъ гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения вельблудъ его и рьжания отъ гласа стадъ конь его. И бѣ исполнена земля Руская ратныхъ. Яша* же в нихъ татарина, именемъ Товрулъ, и тъ исповѣда имъ всю силу ихъ; се бяху братья его силныи воеводы; Урдю и Байдаръ, Бирюи, Каиданъ, Бечакъ, и Меньгу, и Кююкъ, иже вратися, увѣдавъ смерть канову, и бысть каномь, не отъ роду же его, но бѣ воевода его перьвый Себѣдяй богатуръ и Бурунъдай богатырь, иже взя Болгарьскую землю[3] и Суждальскую; инѣхъ бес числа воеводъ, ихъ же не исписахомъ зде. Постави же Баты порокы* городу, подълѣ вратъ Лядьскыхъ, ту бо бѣаху пришли дебри*, порокомъ же беспрестани бьющимъ день и нощь, выбиша стѣны, и возиидоша горожаны на избыть стѣны, и ту бѣаше видити

[1] *Роман Мстиславович* — князь галицкий, убит в 1205 г.
[2] Ошибочное написание имени Владимира Мономаха.
[3] *Болгарская земля* — Болгарское царство на Волге.

ломъ копѣины и щетъ скѣпание*, стрѣлы омрачиша свѣтъ побѣженымъ; и Дмитрови ранену бывшу, взиидоша татарѣ на стѣны и сѣдоша того дне и нощи. Гражанѣ же создаша пакы другий градъ, около святое богородицѣ. Наутрѣя же придоша на нѣ, и бысть брань межи ими велика; людем же узбѣгшимъ на церковь и на комары* церковныя, и с товары* своими, отъ тягости повалившася с ними стѣны церковныя, и приятъ бысть градъ сице воими. Дмитрѣя же изведоша язвена* и не убиша его, мужьства ради его...

< **Поездка Даниила к Батыю на поклон.** > Въ лѣто 6758. Приславшу же могучѣеви посолъ свои к Данилови и Василкови, будущю има во Дороговьскы: «дай Галичь!» Бысть в печали велицѣ, зане* не утвердилъ бѣ землѣ своея городы: и думавъ съ братомъ своимъ, и поѣха ко Батыеви, река: «не дамъ полуотчины своей, но ѣду, к Батыеви самъ». Изыде же на праздникъ святаго Дмитрѣя, помолився богу и приде Кыеву, обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ. И пришедъ в домъ архистратига Михаила, рекомыи Выдобичь[1], и созва калугеры* и мниские чинъ, и рекъ игумену и всеи братьи, да створять молитву о немъ — и створища — да отъ бога милость получить; и бысть тако, и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ, изыде изъ манастыря въ лодьи, видя бѣду страшньну и грозну. И прииде Переяславлю, и стрѣтоша татарове. Оттуда же ѣха къ Куремѣсѣ, и видѣ, яко нѣсть в нихъ добра. Оттуда же нача болми скорбѣти душею, видя бо обладаемы дьяволомъ... Чигизаконова мечтанья сквѣрная его кровопитья, многыя его волшьбы; приходящя цари и князи и вельможѣ солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ в адѣ отцемь ихъ и дѣдомъ и матеремь, водяще около куста покланятися имъ. О сквѣрная прелесть ихъ! Се же слыша, велми нача скорбѣти. Оттуда же приде къ Батыеви, на Волгу, хотящу ся ему поклонити. Пришедшу же Ярославлю человѣку Сънъгуруви, рекшу ему: «братъ твой Ярославъ кланялся кусту; и тобѣ кланятися»; и рече ему: «дьяволъ глаголеть из устъ вашихъ; богъ загради уста твоя и не слышано будеть слово твое». Во тъ часъ позванъ Батыемъ, избавленъ бысть богомъ злого ихъ бѣшения и кудѣшьства и поклонися по обычаю ихъ и вниде во вежю* ихъ. Рекшу ему: «Данило! чему еси давно не пришелъ, а нынѣ оже еси пришелъ, а то добро же; пьеши ли черное молоко[2], наше питье, кобылий кумузъ?» Оному же рекшу: «доселѣ есмь не пилъ; нынѣ же ты велишь, пью». Онъ же рче: «ты уже нашь же татаринъ: пий наше питье». Онъ же испивъ поклонися, по обычаю ихъ, изъмолвя слова своя, рече: «иду поклониться великой княгини Баракъчинови». Рече: «иди». Шедъ поклонися по обычаю, и присла вина чюмъ* и рече: «не обыкли пити молока, пий вино». О злѣе зла честь татарьская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею, Кыевомъ и Во-

---

[1] *Выдобич* — предместье Киева, где расположен Михайловский Выдубечский монастырь, основанный отцом Владимира Мономаха Всеволодом Ярославичем.

[2] *Черное молоко* — разновидность кумыса.

лодимеромъ и Галичемъ, со братомъ си, инѣми странами, нынѣ сидить на колѣну и холопомъ называеться, и дани хотять, живота на чаеть, и грозы приходять. О злая честь татарьская! Ему же отець бѣ царь в Рускои земли, иже покори Пловецькую землю и воева на иные страны всѣ; сынъ того не прия чести, то иный кто можеть прияти? Злобѣ бо ихъ и льсти нѣсть конца: Ярослава великого князя суждальского зелиемь умориша; Михаила князя черниговского, не поклонившуся кусту со своимъ бояриномъ Федоромъ[1], ножемь заклана быста, еже предѣ сказахомъ кланяние ихъ, еже вѣнѣць прияста мученицкы; инии мнозии князи избьени быша и бояре. Бывшу же князю у них дний 20 и 5, отпущенъ бысть, и поручена бысть земля его ему, иже бѣаху с нимь; и приде в землю свою, и срете его братъ и сынове его, и бысть плачь обидѣ его, и болшая же бѣ радость о здравьи его...

ЗАДОНЩИНА

«Задонщина», или «Слово Софония рязанца», известна в двух редакциях и пяти списках XV—XVII вв., три из которых полные и два краткие, фрагментарные. Кроме того, имеются еще небольшие отрывки (предисловие, заглавие, вставка в повести о Куликовской битве). Все списки дефектны, с обилием искажений; это побудило исследователей составить реконструированный текст произведения. Создана «Задонщина» вскоре после Куликовской битвы, в 80-е гг XIV в. Она написана под большим влиянием «Слова о полку Игореве».

В основу публикации «Задонщины» взят реконструированный В. П. Адриановой-Перетц текст, изданный в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (М.; Л., 1948.— Т. V, VI).

СЛОВО СОФОНИЯ РЯЗАНЦА О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРѢЕВИЧЕ, ЯКО ПОБѢДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий[2] и воздадим поганому Мамаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андрѣевичу[3] и рцем таково слово. Лутче бо нам есть,

[1] *Михаил князь* и *боярин Федор* — Михаил Всеволодович черниговский и его боярин Федор были убиты в Орде. См. летописную «Повесть об убиении в Орде Михаила Черниговского и боярина его Федора».

[2] Имеется в виду библейская легенда, которая излагается в самом начале «Повести временных лет». Ной после всемирного потопа своему сыну Симу предоставил восточные страны, Хаму — южные, Афету — северные и западные. Поэтому татары автором отнесены к восточным народам и названы «Симовым жребием».

[3] *Владимир Андреевич* (1353—1410) — двоюродный брат Дмитрия Ивановича Донского, князь серпуховской и боровский. Он прославился своими военными походами против монголо-татар. Летописи и сказания иногда называют его «Храбрым».

братие, начати повѣдати инѣми словесы с похвалных о нынешних повестех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Ондрѣевича, правнука святого великого князя Владимера киевского. Начати повѣдати по дѣлом и по былинам. Но проразимся мыслию по землям и помянем первых лѣтъ времена и похвалим вѣщаго Бояна гораздаго* гудца в Киевѣ. Тот бо вѣщии Боянъ воскладая гораздыя своя персты на живыа струны и пояше княземъ рускимъ славы: первому великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, великому князю Владимеру Святославичу, великому князю Ярославу Володимеровичю.

Похвалим пѣсньми и гуслеными буйными словесы и сего великого князя Дмитреа Ивановича и брата его князя Владимера Ондрѣевича, правнука тѣхъ князей, занеже было мужьство их и желание за землю Рускую и за вѣру крестьянскую. Сий бо князь великый Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Ондрѣевич, истезавше умъ свой крѣпостию и поостриша сердца своя мужством и наполнишаяся ратнаго духа и уставиша себе храбрыа полъкы в Руськой земли и помянуша прадѣда своего князя Владимера киевъскаго.

О жаворонокъ птица, красных дней утѣха, возлети под синии небеса, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю. Ци буря соколи зонесет из земли Залеския[1] в поле Половецкое.

Кони ръжут на Москвѣ, звенит слава по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломнѣ, в бубны бьют в Серпоховѣ, стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечныа великом Новегороде, стоят мужи новгородцы у святой Софѣи арькучи*: «Уже нам, братие, на пособь великому князю Дмитрию Ивановичу не поспѣть».

Уже бо яко орлы слетѣшася со всея полунощныя страны. То ти не орли слѣтошася, съѣхалися вси князи руския к великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондрѣвичю арькучи им таково слово: «Господине князь великый, уже погании татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають, стоять межю Дономь и Днѣпромь на рѣцѣ на Мечѣ[2]. И мы, господине, пойдемъ за быструю рѣку Донъ, укупимъ* землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ память, а храбрых своих испытаем за земълю Русцую и за вѣру крестьяньскую».

И рече имъ князь великый Дмитрей Иванович: «Братья и князи руския, гнѣздо есмя великого князя Владимера киевъскаго. Ни в обиди есмя были по рожению ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю».

---

[1] *Земля Залесская* — Владимиро-Суздальская Русь, находившаяся к северу от Киева «за лесом» (имеются в виду знаменитые брянские леса). Обычно московские и владимирские города назывались «залесскими».

[2] *Река Меча* — приток Дона, находящийся в Тульской области. Эта река ныне называется *Красивая Меча* (ср. рассказ И. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи»).

О соловей, лѣтьняа птица, что бы ты, соловей, выщекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгердовичем, Ондрью и брату его Дмитрею[1] да Дмитрею Волынскому[2]. Тѣ бо суть сынове храбрии, кречати в ратномъ времени, ведоми полководцы, под трубами повити и под шеломы возлелияны, конець копия вскормлены в Литовъской земли.

И молвяше Андрѣй Олгердович брату своему Дмитрию: «Сам есма себѣ два брата сынове Олгордовы, а внукы есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколдимеровы. Изберем, братье милые, панови удалыи Литвы, храбрых удальцевъ, и сами сядем на борзыя своя комони, посмотримъ быстрого Дону, испиемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону, испытаем мечевъ своих литовъскых о шеломы татарскыя, сулицъ* немецъкых о байданы* бесерменьскыя».

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрей, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великого князя Дмитриа Ивановича. Уже бо, брате, стук стучить, громъ гримит в каменѣ градѣ Москвѣ. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит, стучить силная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы рускыя золочеными доспехы, черлеными щиты. Сѣдлай, брате Ондрѣй, свои борзые комони, а мои готовы, напреди твоих осѣдланы. Выедем, брате, на чистое поле, посмотримъ своих полъковъ». А храбрые литвы с нами 7000 окованые рати.

Уже бо возвеяша силнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра, прилѣлѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в них трепещуть синие молнии. Быти стуку и грому велику на рѣчьки Непрядвѣ[3] меж Доаомъ и Непром, пасти трупу человѣчью на полѣ Куликовѣ, пролитися кровѣ на рѣчькы Непрядвѣ.

Уже бо въскрипѣли телегы меж Доаомъ и Непромъ, идут хинове* в Руськую землю. И притекоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра, ставъши воют на рѣцы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти было не сѣрые волцы, но придоша погании татарове, проити хотят воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша на рѣчкы на Мечи, лебеди крилы въсплескаша. То ти ни гуси возгоготаша, ни лебеди крилы въсплескаша, но поганый Мамай на Рускую землю пришел, а вои своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крилати, под облакы летають, ворони часто грають, а галицы своею рѣчью говорять, орлы восклег-

---

[1] Литовские князья братья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи находились на службе у московского князя и принимали участие в Куликовской битве 1380 г.

[2] *Дмитрий Волынский* — князь Дмитрий Михайлович Боброк волынский, литовец по происхождению, выехал на службу к московскому князю из Волыни, участник Куликовской битвы.

[3] *Непрядва* — правый приток Дона, протекает в Тульской области.

чють, а волци грозно воють, а лисицы на кости брещут. Руская земля, то ти есть как за Соломономъ царемъ побывала[1].

А уже соколы и кречати, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменнаго града Москвы, возлетѣша под синии небеса, возгремѣша золочеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удалцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамая. Тогда князь великый въступи въ златое стремя, взем свой меч въ правую руку свою. Солнце ему ясно на въстоцы сияеть, путь повѣдаеть.

Что ми шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимеръ Ондрѣевич полки устанавливаетъ и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяше брату своему: «Князь Дмитрей, не ослабляй, князь великый, татаромъ. Уже бо поганыи на поля на наши наступают, отнимають отчину нашу».

Рече ему князь великий Дмитрей Иванович: «Брате князь Владимире Ондрѣевич, сами себѣ есмя два брата, воеводы у насъ уставлены, дружина нам свѣдом, имѣемъ под собою борзыя комони, а на себѣ злоченыя доспѣхы, а шеломы черкасьские, а щиты московъскые, а сулицы немѣцкие, а копии фрязския, мечи булатныя, а дороги нам сведомо, а перевозы им изготовлены, но еще хотят силно главы своя положити за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся харюгове, ищут себе чести и славнаго имени».

Уже бо те соколе и кречеты, белозерскыя ястреби борзо за Дон перелѣтѣли и ударилися о многие стада гусиные и лѣбѣдиные. То ти наѣхали рустии сынове на силную рать татарьскую, ударишася копи харалужными о доспѣхы татарскыа, възгремѣли мечи булатныя о шеломы хиновския на полѣ Куликовѣ на рѣчки Непрядвѣ.

Черна земля под копыты, костьмы татарскими поля насѣяны, а кровью полиано. Силнии полкы съступалися вмѣсто, протопташа холми и лугы, возмутишася рѣки и езера, кликнуло Диво в Руской земли, велит послушати рожнымъ землям, шибла слава к Желѣзнымъ вратомъ[2], к Риму и к Кафы по морю и к Торнаву[3], и оттоле к Царюграду на похвалу русским князем. Русь великая одолѣша Мамая на полѣ Куликовѣ.

Тогда бо силнии тучи съступалися въместо, а из них часто сияли молнии, громи гремѣли велицѣ. То ти съступалися руские сынове

---

[1] *Руская земля... за Соломономъ царемъ побывала* — автор «Задонщины», видимо, ошибочно воспринял и истолковал фразеологический оборот «Слова о полку Игореве»: «О, Руская земля! уже за шеломянем еси». В псковском произношении *с* заменялось на *ш* и слово *шеломянь* обычно произносилось и писалось в других местах Руси как *соломянь*.

[2] *Железные врата* — так назывались г. Дербент на западном побережье Каспийского моря, теснина в среднем течении Дуная и др. Здесь, видимо, имеются в виду «Железные ворота» на Дунае.

[3] *Торнав* — Тырново, древняя столица Болгарии. В 1393 г. Тырново было завоевано турками.

с погаными татары за свою обиду. А в них сияють доспехи злоченые, гремѣли князи рускиа мечи булатными о шеломы хыновскыа.

Не тури возрыкають на полѣ Куликовѣ, побѣжени у Дону великого, взопаша посечены князя рускыя и бояры и воеводы великого князя и князя белозерстии, посечени от поганых татар: Федор Семеновичь, Тимофѣй Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Ондрѣй Серкизович, Михайло Иванович и иная многая дружина, а иные лежат посечены у Дону на брези.

Черньца Пересвѣта, брянского боярина, привели на судное место. Говорит Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Луче бы нам потятым быть, нежели полоняным быть от поганых». Тако бо Пересвѣт поскакивает на борзе кони, свистомь поля перегороди, а злаченым доспѣхом посвѣчивает. И рече: «Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а молодому чести добыти, удалым плечь попытати». И молвяше брат его Ослябя[1] черънецъ: «Брате Пересвѣт, уже вижу на тѣли твоем раны тяжкие, уже головѣ твоей летѣти на траву ковыл, а чаду моему Якову[2] на ковыли зеленѣ лежати на поли Куликовѣ за вѣру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

В то время по Резанской земли около Дону ни ратаи, ни пастуси не кличут, но часто воронѣ граають, зогзици кокують трупу ради человѣчьскаго. Грозно бо бяше и жалостьно тогда видети, зане трава кровью пролита, а древеса тугою к земли преклонишася.

Въспѣли бяше птицы жалостные пѣсни, вси въсплакались княгини и болярыни и воеводины жены избьенныхъ. Микулина жена Васильевича Марья Дмитриевна рано плакашася у Москвы брега на забралах аркучи: «Доне, Доне, быстрая рѣка, ты пробил еси горы каменныя, течеши в землю Половецкую, прилилѣй моего государя къ мнѣ Микулу Васильевича».

Тимофѣева жена Волуевича Федосья так плакася аркучи: «Уже веселе мое пониче въ славнѣ гради Москвѣ, уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ».

Да Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксенья рано плакашася: «Се уже нам обема солнце померкло въ славнѣ гради Москвѣ. Припахнули к нам от быстрого Дону поломяныа вѣсти, носяще великую беду. Выседоша руские удалцы зборъзых коней на судное место на полѣ Куликовѣ».

А уже Диво кличеть под саблями татарскыми, а тѣм рускымъ богатырем под ранами.

Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны города на забралах. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни, всѣ всъплакалися жены коломенскыя, аркучи таково слово: «Москва, Москва, быстрая рѣка, чему еси у нас мужи наши залелѣяла в земълю Половецъкую?» Арькучи: «Можеши ли, господи-

---

[1] *Пересвет* и *Ослябя* — монахи-воины из Троице-Сергиева монастыря, участники Куликовской битвы. Пересвет погиб в сражении.

[2] *Яков* — сын Осляби, погиб в битве на Куликовом поле.

не князь великый, веслы Непра зоградити, а Дон шеломы вычерпати, а Мечю трупы татарскыми запрудити? Замъкни, князь великый, Оке реке ворота, чтобы потомъ поганые к намъ не ѣздили, уже бо мужи наши рати трудили».

И нукнувъ князь Владимеръ Андрѣевич с правыя рукы на поганого Мамая с своим князьмъ Волыньскымъ 70-ю тысящами, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше. Гремят мечи булатныа о шеломы хыновскые. И въсхвалит брата своего: «Брате князь Дмитрей, то ты еси у зла тошна времени желѣзная забрала. Не уставай, князь, с своими великими полкы, не потакай лихим крамолником, поганыя бо поля наша наступают, а храбрую дружину у нас стрѣляли. Уже бо, брате, жалостно видѣти крови крестьянской».

Рече князь Дмитрий своим бояромъ: «Братья бояре и воеводы, дѣти боярскые! то ти, братие, не ваши московскыя сластныя меды и великия мѣста. Туто добудете себе мѣста и своим женам. Туто стару помолодится, а молоду чти добыти».

И тогда яко соколи отлетѣша на быстрый Донъ. То тѣ не соколи полетѣша за быстрый Донъ, поскакивает князь Дмитрий с своими полкы за Дон съ всею силою. И рече: «Брате князе Владимере, туто испити медвеная чаша поведеные*. Наступаемъ, брате, с своими сильными полкы на рать поганых».

Тогда князь поля наступает. Гремят мечи булатные о шеломы хиновъския, поганыи покрыша руками главы своа. Тогда погании борзо вспять отступиша от князя. Стязи ревуть, а погании бежать. Рускии сынове поля широкыи кликом огородиша, золочеными доспѣхи осветиша. Уже бо въсталъ туръ на боронь.

Тогда князь полки поганых вспять поворотил и нача их бити гораздо, тоску имъ подаваше. Князи их падоша с коней. Трупы татарскими поля насѣяша, а кровию протекли рѣкы. Туто ся погании разлучишася борзо, розно побѣгши неуготованными дорогами в лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своа, аркучи: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а дѣтей своихъ не видати, а катунь* своих не трепати, а целовати нам зелена мурава, а в Русь ратью не ходити, а выхода* нам у руских князей не прашивати».

А уже бо въстонала земля татарская, бедами и тугою покрышася. Уныша бо царемъ их хотѣние и похвала на Рускую землю ходити, веселие их пониче. Уже рускиа сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, волы и велблуды, вино, сахарь, дорогое узорочье, камкы, насычеве везут женам своимъ. Уже жены рускыя въсплескаша татарьским златомъ. Уже бо по Руской земли простреся веселье и буйство и възнесеся слава руская на поганых хулу. Уже веръжено Диво на землю. Уже грозы великого князя по всей земли текуть. Стрѣляй, князь великый, по всем землям. Стрѣляй, князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина на землю Рускую, за вѣру христьянскую. Уже поганые оружие свое поверъгоша, а главы своя подклониша

подъ мечи руския. Трубы ихъ не трубять, уныша гласи ихъ.

И отскочи поганый Мамай сѣрым волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залѣская, времена первыи. А не быти тебѣ в Батыя царя. У Батыя царя было 400 000 вою, воевалъ всю Рускую землю и плѣнил от востока и до запада. А казнилъ богъ Рускую землю за съгрешение. И ты пришелъ, царь Мамай, на Рускую землю съ многими силами, съ девятю ордами, съ 70 князьми. А ныне бежишь самъ девять в лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи руские гораздо подчивали, ни князей с тобою нѣтъ, ни воеводъ? Нѣчто гораздо упилися на полѣ Куликовѣ, на травѣ ковылѣ. Побѣжи, поганый Мамай, и от насъ по Залѣсью».

Намъ земля подобна есть Руская милому младенцу у матери своей, его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его. Тако господь богъ помиловал князей рускихъ, великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича, меж Дона и Непра.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь съ своим братом с князем Владимером Андрѣевичем и со остальными своими воеводами на костѣхъ на полѣ Куликовѣ на речьке Непрядвѣ: «Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрѣти, иже лежат трупи крестьянские аки сенныи стоги, а Дон река три дни кровию текла».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нѣт, и колько молодых людей нет». Тогда говорит Михайло Александровичь, московский боярин, князю Дмитрѣю Ивановичю: «Государь князь великий Дмитрей Ивановичь, нету, государь, у нас 40 бояринов болших московских, 12 князей белозѣрьских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 8 бояръ суздалских, 40 бояръ муромских, 70 бояр резаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр можайских, 30 бояр звеногородских, 15 бояр углецких. А посечено от безбожнаго Мамая полтретья ста тысещь и три тысячи[1]. И помиловал бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».

И рече князь великий Дмитрей Иванович: «Братия бояра и князи и дѣти боярские! то вам сужено место меж Доном и Непром на полѣ Куликовѣ, на речке Непрядве. И положили есте головы своя за святыя церькви, за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем.

И пойдем, брате князь Владимер Андрѣевич, во свою Залескую землю къ славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени». Богу нашему слава.

---

[1] Т. е. 253 тысячи.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ
(летописная повесть)

«Сказание о Мамаевом побоище» написано в первой трети XV в. неизвестным автором и дошло в восьми редакциях и во множестве списков XVI—XVIII и даже XIX в. «Сказание» принадлежит к лучшим произведениям о Куликовской битве. Написанное в традиционном стиле древнерусских воинских повестей, оно соединило в себе поэтическую образность «Задонщины» и церковно-легендарные мотивы.

«Сказание» было популярным произведением. Оно включалось в различные рукописные сборники, иллюстрировалось в клеймах икон. Пересказ «Сказания» был издан в XVII в. в составе краткой отечественной истории, известной под названием «Синопсис»; редакция этого издания была полностью перепечатана в лубочной картине XVIII в. и послужила одним из источников для трагедии М. Ломоносова «Тамира и Селим» и трагедии В. Озерова «Дмитрий Донской». В советской литературе оно использовалось С. Бородиным в историческом романе «Дмитрий Донской» и В. Саяновым в поэме «Слово о Мамаевом побоище». Отзвуки «Сказания» заметны в цикле стихов А. Блока «На поле Куликовом». Текст летописной редакции «Сказания» в сокращении перепечатывается по списку, опубликованному в книге: Повести о Куликовской битве / Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев.— М., 1959.

Повесть полезна от древняго списаниа сложенна являющи сия победы, како случися брань на Дону православным христьяном з безбожным царем Момаем, како возвыси господь род христьянский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко же иногда Гедеоном на Мадиамы и православным Моисеем на Фараона. Подобает нам ведати величия божия, како сотвори господь волю боящихся его и како способствова господь бог великому православному государю нашему князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Володимеру Ондреевичю над безбожными татары...

Князь же великий Дмитрей Иванович з братом своим со князем Володимером Ондреевичем и со всеми русскими князи и воеводы начаша стражи готовити тверды. И посла на сторожу крепкаго стража Родивона Ржевского, да Якова Ондреева сына Волосатого, да Василья Тупика, и повеле им ехати близ Орды и языки добыти, дабы истинну слышати царева хотениа. Князь же великий грамоты розосла по всей своей области: «Да будите готови на брань з безбожными Агаряны, а снимайтеся на Коломне, на мясопуст святыя богородици». Сторожи же в поле замедлевше, князь же великий посла другую сторожу, Климента Полянина, да Ивана Всеслава, да Григорья Судока и иных многих с ними, и повеле им вскоре возратитися. Они же стретоша Василья Тупика близ еще Оки реки, ведуще язык нарочит царева двора: «Да яко неложно идет царь на Русь со многими ордами и совокупилися с ним многие орды и Ягайло литовски и Олег рязанский[1], но не спешит царь, того ради: осени ждет, хощет бо на осень быти на русския хлебы». Князь же

[1] Олег Иванович рязанский (1350—1402) и литовский князь Ягайло находились в союзе с Мамаем и должны были на его стороне принять участие в сражении, но опоздали к началу Куликовской битвы.

великий, слышев неложное востание безбожнаго, нача радоватися и утешатися о бозе, укрепляя брата своего князя Володимера Ондреевича и вси князи и воеводы. И рече им: «Братия моя, вси князи русстии и воеводы, гнездо есмя князя Володимера киевского, ему господь откры православную веру, яко же оному стратилату*. И паки он же повеле крепце держати веру и побарати по ней, да еще, кто ея ради умрет, то во оном веце почиет. Но аз, братия, готов умрети, и пострадати за веру христьянскую». И рече ему князь Володимер Ондреевич и вси князи русстии: «Воистинну, господине, заповедь законную сохранил еси и святому еуангелию последуеши, иже рече: «Кто постражет за имя мое и умрет мене ради, то и аз покою его». Но мы, господине, все готовы есмя умрети с тобою и головы своя положити за святыя церкви и за православную веру и за твою обиду».

Князь же великий Дмитрей Иванович слышев то от брата своего князя Володимера Ондреевича и от всех князей русских, яко дерзают и побарают по христьянской вере, князь же великий Дмитрей Иванович рече ко всем князем русским и воеводам, и всему войску повеле писати: «Да будете готови вси на успение святыя богородица на Коломне и переберем полки и дам коемуждо полку воеводу». К великому же князю на Москву мнози люди приспеша и вси единеми усты глаголаху: «Дай же нам, господи, единеми усты и единем сердцем умрети и святое писание совершити, имяни его ради и веры ради христьянские». Приидоша же князи белозерския, подобни суть воином быти, велми бо доспешно и конно войско их. И прииде князь Федор Семенович белозерский, князь Семен Михайлович, князь Ондрей кемски и андомский, князь Глеб карголомский и ярославской. И приидоша князи со всеми силами: князь Ондрей ярославской, князь Лев серпьской, князь Дмитрей ростовской, и иныя многия князи. И выехали посадники из Великого Новагорода, а с ними 7000 к великому князю на помочь. Убо, братия, стук стучит, а гром гремит, в славном граде Москве. Стук стучит великая рать великого князя Дмитрея Ивановича, а гремят русския удалцы злачеными шеломы и доспехи.

Князь же великий Дмитрей Иванович, поим брата своего князя Володимера Ондреевича и все православныя князи и воеводы ехаша к живоначальной Троице к преподобному игумену Сергею. И тамо шед благословение получи от всея обители святыя. И моли его преподобный Сергей, дабы слушал у него святыя службы, приспе бо день воскресения на память святых мученик Флора и Лавра[1]. По отпущении же святыя службы моли его преподобный со всею братьею, дабы у них вкусил от хлеба обителска. Великому же князю нужно* есть: прииде весть ис поля, яко ближают погании. Моли же князь великий преподобнаго, дабы его отпустил без замедлениа. И глагола ему преподобный: «Не уже бо постиже венец победе носити, но по минувших летех, ныне же мнози венцы плетутся».

---

[1] Т. е. 18 августа.

Князь же великий вкуси от хлеба обителска. Преподобный же в то время повеле воду священи с мощей святых мученик Флора и Лавра. Князь же великии скоро востав от трапезы. Преподобный же старец окропи его водою и все любимое войско и дасть великому князю христово знамение, крест на челе и рече: «Поиди, господине, нарек господа бога, господь бог да будет ти помощник и заступник, имаеши победити супостата своего». Князь же великий прослезився проси от него дару. Он же рече: «Елико довлеет* твоему государьству, проси от мене, еже хощеши». И рече ему князь великий Дмитрей Иванович: «Дай ми два воина от полку своего, то и ты пособствуеши с нами». Он же рече: «Коих, господине?» Князь же великий рече о двою братех о Пересвете и о Ослебяти. Преподобный же скоро повеле им готовым быти своим ратником. Они же скоро сотвориша послушание преподобнаго. Он же скоро дасть им в тленных место, нетленное оружие, крест христов на скимах*, и повеле им вместо шеломов воздевати на себя, и дасть их в руце великому князю ркуще: «Се тебе мои оружницы, а твои изволницы». И рече им: «Мир вам, братия моя, постражите яко добрии страдалцы христовы». И дасть им христово знамение мир и благословение...

Князь же великий въступив в златое свое стремя и седе на любезный свой конь, и вси князи и бояре вседоша на свои кони и воеводы поехаша. А солнце им со востока сьяет, а по их кроткий ветрец веет. Уже бо тогда, аки соколи, рвахуся от златых колодиц*, а то рвахуся князи белозерския ис камена града Москвы, выехали своим полком. Урядно бо бяще полцы их видети, яко достоит им избивати полки татарския, бе бо храбро их видети войско. Князь же великий отпусти брата своего Брашевскою дорогою, а белозерския князи отпустил Болвановскою дорогою, а сам князь великий поиде на Котел дорогою[1]. А спереди ему солнце сьяет и добре греет, а по нем кроткий ветрец веет. Но того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно им вместитися.

...Тогда же возвеяша силнии ветри по Березовице широце. Тогда воздвигошася великиа князи руския, а по них дети боярские, успешно грядут, аки чаши медвяныя пити и стеблия виннаго ясти. Но не медвяныя чаши пити, ни стеблия винного ясти, но хотят что добыти и славного имени в веки. Возвеявшу со востока ветру, а в нем гром и молния. Но ни гром, ни ветр, но стук стучит и гром гремит по зоре по ранней: возится князь Володимер Ондреевич реку Москву на Красном перевозе Брашевском.

...Князю же великому бывше на месте Березуи, приспе же день сентября 5, на память святаго пророка Захарии, и еще приспе память сродника его святаго князя Глеба Владимеровича. И приехаша

---

[1] *...Брашевскою дорогою... на Котел дорогою* — Брашевская дорога шла на село Брашево в Коломенском уделе, иначе она называлась Коломенской дорогой. Дорога на Котел шла на юг от Москвы по направлению к Серпухову. *Котел* — небольшой ручей около Москвы, на нем было расположено с. *Котлы*, ныне входящее в черту города.

два от страж его, Петр Горьский да Карп Олексин, и приведоша язык нарочит, яже от велмож царевых. Той же язык поведает великому князю, яко царь уже на Кузмине гати, но не спешит того ради: ожидает Ягайла литовского и Олга рязанского, твоего же, царь, собрания не ведает. По преже писанному Ягайлову совету, на третий день имать быти на Дону. Князь же великий спроси его о силе его, он же рече: «Неисчетное множество исчести некому». Князь же великий нача думати з братом своим со князем Володимером Ондреевичем и с новонареченною братьею, со князи литовскими: «Зде ли нам ждати Мамая или итти за Дон». И рекоша ему Олгердовичи: «Аще ли, господине, хощеши крепкаго войска, то сего дни повели возитися за Дон, да не будет ни единаго мыслящего назад, да всяк бьется без лести*. А велицей силе его не веруй, яко же не в силе бог, но в правде». Ярослав бо перевезеся реку Святополка победи, Александр реку перешед короля Свейского победи[1]. И ты, бога нарек, тако же сотвори. Аще побьем поганых, то вси живи будем, аще ли нас побьют, то вси общею смертью умрем ото князя и до простых людей. Тем бо словесем крепится великое войско твоих витязей.

Князь же великий Дмитрей Иванович повеле успешно всему войску возитися за Дон, стражее же ускоряют, яко татарове ближают ужасно во ярости, возрадовашася радостию великою, зря своего желаннаго подвига, его же на Руси вожделеша за многи дни. Приидоша же на место то волци, по вся дни воюще непрестанно, гроза велика. Полком же храбрым сердце утверждается, уже вранове необычно слетошася, не умолкают, галицы своею речью говорят. Орли же мнози усть Дону налетеша, и ту клегчюще, ждуще дни грознаго и богом изволеннаго, в онь же день имуть стертися множеству трупу человечьчю и крови их пролитися. От таковыя страсти, аки морским водам, от великия грозы древа преклаляются, трава постилается. Мнози бо наполнишася духа храбра, уже земнаго не помышляюще ничто же, но видяще кождо пред очима. Уже бо погании студом помрачаются, видяще погибель живота своего, поне же погибе память их с шюмом. Правовернии же человеци просвящаются, радующеся, чаще оного обетования и прекрасных венец от руки вседержителя, о них же поведа преподобный Сергей старец.

Вестницы же ускоряют яко царь ближает. Прибегоша же 7 стражей в 6 час дни, Семен Мелик со дружиною своею, а за ним гонишася много татар, мало его не угониша, уже бо узреша полки русския, и возратишася ко царю, и поведаша ему, яко князи русския ополчишася при Дону, божиим промыслом, многое множество людей, но царю вчетверо того сказаша. Нечестивый же царь разумев и разжен диаволом на свою пагубу, крикнув и напрасно испусти глас свой и рече: «Се ли велика

---

[1] Имеются в виду битвы Ярослава Мудрого со Святополком Владимировичем и Александра Невского со шведами на Неве в 1240 г.

сила моя, аще сего не одолею, како возращуся восвояси». И повеле царь своим вооружатися. Семен же Мелик поведает великому князю, яко царь на Гусине броду, едина нощь промежи нами их, утре будут на Непрядву реку: «Тебе же подобает, великому князю, сего дни исполчитися, утре бо на нас ускорят татарове». Нача же князь великий з братом своим и с литовскими князи до 6-го часа полки уряжати. Некто же воевода приеде с литовскими князи, имянем Дмитрей Бобров, родом земли Волынския, нарочит бе воевода и полководец, и изряден во всем по ряду, сих велми по достоянию уставил полки, елико комуждо подобает, где стояти.

Князь же великий поим брата своего князя Володимера и литовские князи и все князи и воеводы и выехаша на место высоко и видев образ спасов воображен во христьянских знамениих, аки некия святилницы солнечныя, луча испущающе и всюде светящеся, озаряюще все христолюбивое воинство. И стязи ревут наволоченыя, простирающеся, аки облаци, тихо трепещуще, хотят промолвити. А у богатырей горугови* аки живи пашутся*. Доспехи же русския, аки вода силная, во вся ветры колебашеся, и шеломы на главах их, аки утреняя заря во время солнца ведреного светящеся, еловци* же шеломов их, аки полоомя огняное пашетца. Мысленно бо видети и жалостно слышати таковое русских князей собрание и удалых витязей учрежение. И тако в себе равно единодушно друг за друга хотяще умрети.

И вси единогласно вопияху: «Боже святый, призри на ны, даруй нашему православному великому князю победу на поганых, яко и Констянтину, покори врази под нозе его, якоже Моисею на Амалика и кроткому Давыду на Голияда»[1]. И увидевше князи литовския и ркуще: «Ни есть достоино при нас, и преже нас таковому востанию быти. Подобно суть македонскому войску, мужеством же подобии гедеоновым снузницы, господь бог своею силою вооружил их».

Князь же великий видев полци свои вельми учрежены достоино и сшед с коня доловь и пад на колену прямо великому полку, черному знамени, на нем же бе образ владыкы господа нашего Исус Христа, из глубины сердца нача призывати велегласно: «О, владыко вседержителю, виждь смотреливым си оком на люди своя, иже твоею рукою сотворени суть и твоею кровию искуплени из работы вражия. Внуши, господи, глас молитвы их и отоврати лице свое от нечестивых, иже творят зло рабом твоим. Молю бо ся образу твоему святому и пречистой твоей матери и твердому и необоримому молитвенику о нас, тебе русскому святителю, на его молитву

---

[1] Имеются в виду библейские предания. Амаликитяне под водительством Амалика напали в пустыне на израильтян, но им не удалось одержать победу благодаря молитве Моисея. Другая библейская легенда рассказывает о единоборстве юного пастуха Давида с великаном филистимлянином Голиафом, когда юноша Давид метнул камень из пращи и убил исполина.

надеюся, смею призывати имя твое святое». Князь же великий вседна конь свой и нача по полком ездити со князи и с воеводами и коемуждо полку рече своими усты: «Братиа моя милая, сынове русския, молодыя и великия, уже нощь приспе, а день приближися грозный. Бдите и молитеся и крепитеся, господь силен во бранех, и зде пребудем каждо на месте своем. Во утрии же день поспешите, братия, надобет урядитися, уже бо гости наши ближают, на реце на Непрядве. Во утрии же день имамы вси пити общюю чашу смертную, поведеную. Тое бо есмя чаши еще на Руси жадали за многа дни. Но уповайте на бога жива, мир вам, братия». Отпусти же брата своего князя Володимера Ондреевича вверх по Дону в дуброву, яко утаитися полку его. И дав ему своего двора избранных витязей, и еще отпусти с ним известнаго воеводу Дмитрея Волынца.

Уже нощь приспе светносного праздника рожества святыя богородица, дни же одолжившуся и сияющу, бысть же тогды теплота и тихость в нощи той, и мрачныя росы явишася. Поистинне, нощь не светла неверным, а верным же просвещена есть. И рече Дмитрей Волынець великому князю: «Повем тебе, княже, примету свою искусную, уже бо долго нощи вечерняя заря потухла». Князь же великий Дмитрей Иванович, поим с собою брата своего князя Володимера и литовские князи едины, и выехаша на поле Куликово, и став посреди обоих полков, и обратися на полк татарской, и слыша стук велик и клич, аки торги снимаются, аки гради зижуще, аки трубы гласяще. И бысть назади их грозно волци воюще велми, по десной же стране ворони кличют. И бысть глас велик птичь: вранове же играют по реце той, аки горы колыбашеся, по реце той по Непрядве гуси и лебеди непрестанно крылы плещуще, необычную грозу подают. И рече Волынец великому князю: «Слышасте ли сиа?» И ркуще ему князь великий: «Слышим, брате, гроза велика». И рече Волынец: «Призываю, княже, обратитеся на полк русский». И бысть тихость велика. И рече великому князю: «Что слышасте, господине?» Он же рече: «Ничто же, токмо видехом огневи многи, и зари мнози снимахуся». Рече же Волынец: «Оставите, княже господине, добра знамениа, призывайте бога, не оскудей верою». И паки рече: «Аще ми вера есть». И сниде с коня и пад на десное ухо и приниче на землю и предлежа на долг час и воста и абие пониче. И рече ему князь великий Дмитрей Иванович: «Что есть, брате?» Он же не хоте сказати. Князь же великий много нудив его, он же рече: «Едина ти есть на пользу, а другая не на пользу. Слышах землю плачющюся на двое: едина страна, аки жена некая вдовица, а другая страна, аки некая девица, аки свирель просопе плачевным гласом. Аз же много тех примет пытах, и сего ради надеюся о бозе святем и святых мученик Бориса и Глеба, сродники вашими, аз чаю победы на поганых, а наших много падет»...

Приспе же праздник сентября 8, начало спасениа нашего, рожеству святей богородици, свитающу пятку, восходящу солнцу, и

бысть утра мгла. И начаша стязи христьянстии простиратися и трубы мнози трубити. Уже бо русских князей и воевод и всех удалых людей кони укротеша, глас же трубный кождо под своим знаменем, полци же идоша, елико как кому повелеша по поучению. Часу же второму наставшу, начаша трубити ото обоих стран. Татарския же трубы яко онемеша, а русския полки утвердишася. Еще полк с полком не видитца, поне же бо утро велми мгляно. И земля под ними стонет, грозу подает на восток до моря, а на запад до Дуная, поле прегибающеся, кровавыя реки выступающе из мест тех. Великому же князю преседающе на борзый конь и ездящу по полком глаголюшу: «Отци и братия мои, господа ради подвизаитеся, святых ради церквей и веры ради христьянския. Сия бо смерть не смерть есть, но живот вечный. Ничто же убо земнаго не помышляйте и не желайте брате земнаго живота, но да венцы увяземся от Христа бога душам нашим».

Утвердив же полки русския, и сниде с того коня на иной конь и совлече с себя приволоку* царьскую и в ыную облечеся, той же конь даст под Михаила под Ондреевича под Бренка и ту приволоку на него положи, иже бе любим паче меры, и то знамение повеле под ним возити. И под тем знаменем убиен бысть за великого князя. Князь же великий став и воздев руце свои на небо и вложи в недра своя, выим крест живоносный, на нем же бе воображение страсти господни, в нем же бе древо животное, восплакася горко и рече: «На тебе же надеюся, конечное живоносное древо, крест господень, иже сим образом явися царю Констянтину греческому, и дал еси ему брань сущу на нечестивых и не оскудным образом победи их. И не могуть обрезаннии человеци противу образа твоего стояти. И тако удиви, господи, милость свою на рабе своем». Се же ему глаголющу, в то же время привезоша ему книги от преподобнаго игумена Сергея, в них же бе написано великому князю и всем русским князем мир и благословение и всему православному войску. Князь же великий от преподобнаго пиим писание и прочет и целова посолника* его любезно. Тем же писанием, аки бронями некими, вооружився твердо...

Полци же начаша сступатися. А передовой полк ведет Дмитрей Всеволожь, да Володимер брат его. А с правую руку идет Микула Васильевич с Коломенцы и с ыными со многими. Погании же идут обапол, негде бо им разступитися. Поганых много, а места с них нет. Безбожный же царь выехав с трема с темными князи на место высоко зря человеческаго кровопролития. Уже бо близ себя сходятся. Выеде же печенег ис полку татарского пред всеми, мужеством являяся и хоробруя, подобен есть древнему Голияду. Видев же его Пересвет чернец, любчанин родом, иже бе в полку у Владимера у Всеволожа, и двигся ис полку вон и рече: «Сий человек ищет себе подобна, аз же хощу с ним видетися». И бе на нем шелом архаггелского образа, вооружен бе скимою по повелению игумена Сергея. И рече: «Отци и братия моя, простите мя грешнаго, и брат мои Ослебя моли бога за мя». И напусти на Печенега того и рече:

«Игумен Сергей, помози молитвою своею». Он же паки устремися противу ему. Крестьяне же вси воскликнуша: «Господи, помози рабу своему». И ударишася крепко, мало что земля под ними не проторжеся. И спадоша с коней оба на землю и умроша, ни един ни от единаго не отъиде.

И наставшу третьему часу дни. Видев же се князь великий и рече: «Видите, братия, гости наши ближают нас. Водят промежи собою поведеную, весели уже быша, и рече: «Братия, руския удалцы, время приближися, а час прииде». Удариша же кождо по коню своему и кликнув: «Боже христьянски, помози нам». И ступишася обои вои и крепко бьющеся, не токмо оружием, но и сами о собя избивахуся друг о друга, под конскими ногами умираху, от великие тесноты задыхахуся, яко не мощно бе им вместитися на поле Куликове. Еще бо место тесно межи Доном и Непрядвою. На том бо поле сступишася силнии полци вместо, из них же выступаша кровавы зари: от мечнаго сияниа яко молниа блистают. И бысть троскот от копейнаго ломлениа и от мечнаго сечениа, не мочно бе зрети грознаго часа смертнаго, во един в мегновении ока от колка тысяч погибает создания божия. Воля божиа совершается. Час же 4 и 5 бьются, не ослабевают христьяне. Уже бо 6-му часу наставшу, божиим попущением и грех ради наших, начаша погании одолевати. Мнози же велможи избиени бысть от поганых, удалыя же витязи яко древо дубравное скланяхуся на землю. Под конские копыта мнози сынове русския сотрошася. Самого же великого князя уязвиша, он же уклонився от войска и сниде с коня и с побоища, яко не мощно ему битися. Мнози об стязи великого князя подсекоша татарове, но божьею силою не требишася, но паче укрепишася. Се же слышахом от вернаго самовидца глаголюща. Сей же бе от полку князя Володимера Ондреевича, поведа великому князю видение: «В 6 годину дни над вами небо отверсто, из него же изыде багряна заря и над вами ниско дръжашеся, той же облак исполнен рук человеческых. Кояждо рука держаше венцы, ова потыри, ова проповеди пророческиы, а из ыныя же, аки некия иныя дарове различныя. Внегда же наставшу 6-му часу, мнози венци испустишася на русския полки». А погании же от всюду заидоша, отступиша около христьян, зане же оскудеша христьяне, но все поганыя полки.

Князь же Володимер Ондреевич не моги победы терпети и рече Дмитрею Волынцю: «Беда, брате, велика, что убо ползует наше стояние, то же на смех будет нам, до кому будет нам помощи». И рече ему Дмитрей: «Беда, княже, велика, не уже година* наша пришла, всяк бо начиная без времени беду себе наносит. Мало еще потерпим до времени подобнаго и умолчим, в он же имам дати воздарие врагом нашим. В сии час бога призывайте, осмаго часа ждите, в он же имать быти благодать божия». Воздвиг руце свои на небо и рече: «Господи боже отец наших, сотворивый небо и землю, не дай же нас поработити врагом нашим, ни порадоватися врагу диаволу, но мало показни, а много помилуй». Бедно зрети детем боярским своего полку убиваема, плачющуся и непрестанно рву-

щеся, аки соколи аки звании на брак сладкаго вина пити. Волынец же возбраняше им глаголя: «Пождите мало еще, есть бо вам с кем утешитися». И приспе же час осмый, абие дух южны потягну ззади их. Возопи Волынець гласом великим князю Володимеру: «Час прииде, а время приближися». И паки рече: «Братиа моя и друзи, дерзайте, сила бо святаго духа помогает нам». И единомыслено из дубравы выехаша, яко уношенныя соколы, и ударишася на многи стада гусиныя. И стязи крепко направлены грозным воеводою, бяще же отроци, аки лвом, и ударишася на овчия стада. Погании же видевше и крикнувше глаголюще: «Увы нам, паки Русь умудриша, унши* люди с нами брашася, а доблии все соблюдошася».

И обратишася погании и даша плеща и побегоша. Сынове же русскиа силою святаго духа бьяхуть их, помощию святых мученик Бориса и Глеба. Бежаша же татарове и глаголюще ельлинскии: «Увы, тобе честный Момаю, высоко вознесеся до небес и до ада сшел еси». Мнози же мертвыя помагаху нам и секуще без милости, ни единому от них не избежати, но уже кони их утомилися. Мамай же видев победу свою и нача призывати боги своя: Перуна, и Соловата, и Мокоша, и Раклея, и Гурса[1], и великаго пособника Бахметя. И не бысть ему помощи от них ничто же, сила бо святаго духа, аки огнем, пожигаеть их, татарьския полки русскими мечи секут. Момай же видев победу свою и рече своим улусом: «Побегнем, брате, и ничто же добра не имам, но токмо головы унесем свои». И абие побеже с четырма мужи. Мнози же христьяне за ним гонишася, но не одолеша, кони бо их потомишася, и гонивше возратишася. И обретоша трупия мертвых об он пол реки Непрядвы, иде же бе непроходно полком русским.

Сия убо победа есть от святых мученик Бориса и Глеба...

Князь же Володимер Ондреевич ста на костех татарских под черным знамянем и не обрете брата своего великого князя Дмитрея Ивановича в полку, токмо едины князи литовския. И повеле трубити собранною трубою, и пожда час, не обрете брата своего великого князя, нача плакатися и кричати, и по полком ездити, и не обрете брата своего. И глагола: «Братия моя, кто виде или кто слыша своего пастыря? То перво поражен пастырь, и овца разыдутся». И рекоша князи литовския: «Мы мним, яко жив есть но уязвен* велми, егда в трупе мертвых будет». А иной рече: «Аз пятого часа видех его крепко бьющеся с четырма татарины, но нужно* бе ему велми». Юрьевской же уноша, некто Степан Новосилской: «Аз видех его пред самим твоим приходом, пеша идуща с побоища, но уязвленна велми, того бо деля* не дах ему коня, гоним есми трема татарины, по милости божии, едва от них спасохся, а его есми соблюл». И рече князь Володимер Ондреевич:

---

[1] Приписывая мусульманину Мамаю языческое идолопоклонство, автор сказания перечисляет славянских языческих богов: Перуна, Гурса (искаженное Хорс), а также неизвестных богов Соловата и Раклея.

«Да известно ли еси видел его. Имите ми, брате, веру; аще кто обрящет брата моего, то поистинне боле у нас будет». Рачителнии же отроцы разсунушася по побоищу по великому. Овии же наехаша Михаила Александровича Бренка и чаяша его великим князем, инии же наехаша князя Федора Семеновича Белозерского, и чаяше его великим князем, зане же приличен бяше. Некии же воини, великии витязи, уклонишася на десную страну в дубраву, единому имя Сабур, а другому Григорей Холопищев, родом же оба костромичи. И мало выехаша с побоища, наехаша великого князя битва велми и отдыхающа под древом березою. И видевше его скочиша с коней и поклонишася ему. Сабур же скоро возвратися ко князю Володимеру Ондреевичю и поведа ему яко князь великий добр, здоров и царствует в веки. Вси же князи и воеводы наехавше скоро снидоша с коней и поклонишася ему, глаголюще: «Радуйся, о вседрагий наш княже, вторый Александр и Ярослав новый, победитель врагом нашим. Сия победа честь тебе, нашему государю, подобает». Князь же великий едва с нужею проглагола: «Поведайте ми победу сию». Рече же ему князь Володимер Ондреевич: «По милости божии и пречистой его матери и молитвами сродник наших Бориса и Глеба и Петра московского святителя и игумена Сергея[1] и всех святых молитвами, врази наши побеждени суть, а мы спасохомся». Князь же великий, то слышав, воста и рече: «Сий день, иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся в онь, сий день веселитеся людие»...

И приведоша ему конь кроток и всед на него, выеха на побоище и виде многое множество битых, войско свое, а поганых вчетверо того избито. И обратися к Дмитрею Волынцу и рече: «Воистинну многоразумен еси человек и неложна примета твоя, подобает ти всегда воеводствовати». И нача з братом своим и со оставшими князи ездити по побоищу, радостныя слезы испущающе, и наехаша на место, на нем же лежит 15 князей белозерских, убитых вкупе, толми напрасно бьющеся, един единаго ради умре. И близ ту лежит убит Микула Васильевич, над ними же став государь над любезными рабы своими, нача плакатися и рече: «Братия моя милая, князи русския, аще есте дерзновение получили от бога и молитеся о нас, вем бо яко слушает вас бог». И паки на иное место приехал и наехал любовника своего Михаила Ондреевича Бренка и близ его лежит Семен Мелик, твердый страж, и близ его лежит Тимофей Волуевич. Над ними же став князь великий плакася и рече: «Братиа моя милая, моего деля образа Михайло убиен еси, кто бо таков раб моги государю служити, яко мене ради на смерть сам поехал, воистинну древнему подобился еси Авису[2], иже ис полку Дарьева выехал». И паки рече Мелику: «Крепкий мои стражу, твоею стра-

[1] Перечисляются православные покровители Руси и Московского государства — князья Борис и Глеб, убитые Святополком, московский митрополит Петр (ум. 1326) и основатель Троице-Сергиева монастыря Сергий, современник Куликовской битвы.

[2] Имеется в виду библейское предание о военачальнике Ависе, который спас библейского царя Давида.

жею крепко пасомы есмя». Прииде же на иное место, обретоша Пересвета чернца и близ его лежаща нарочитого богатыря Григорья Капустина. И рече князь великий: «Братия, видите ли своего чиноначалника? Тои бо победи подобна себе, от него же было пити многим людем горкую чашу». И став на месте своем и повеле собранною трубою трубити. Храбрыя же доволно испыта оружия своя, о сыны измаилтеския, со всех стран грядуще, аки соколи слетаются под трубный глас, весели ликующе, ови богородичныя стихи поюще и мученичны подобныя, ови крестныя.

Собранным же всем людем, князь же великий ста на костех татарских и рече: «Считайтеся, братия, колких у нас воевод нет и колких молодых людей». Говорит Михайло Александрович московской боярин: «Нет, государь, у нас 40 бояринов московских, да 30 бояринов серпоховских, да 30 панов литовских, да 22 бояринов переславских, да 20 бояринов костромских, да 30 бояринов володимерских, да 50 бояринов суздалских, да 40 бояринов муромских, да 34 бояринов ростовских, да 23 бояринов дмитровских, да 60 бояринов можайских, да 30 бояринов звенигородцких, да 15 бояринов углецких. А изгибло у нас, государь, дружины, посечено от безбожнаго царя Момая — полтретья ста тысяч, а осталося у нас толко пятьдесят тысяч. Князь же великий Дмитрей Иванович ста посреди их плакася и радуяся, глаголаше: «Братия моя милая, князи русския и бояре местные, сынове христьянстии. Подобает вам тако служити, а мне вас по достоянию хвалити. Внегда упасет мя господь, буду на своем столе на великом княжении, и то по достоянию учну вас жаловати, ныне же кождо своя управите до похороним кождо ближнего своего, да не будет во снедь зверем христьянская телеса». Князь же великий стоя за Доном, донде же розобраша христьянская телеса с нечестивыми, да не истребятся праведныя с нечестивыми. Христьян бо похорониша, сколько успеша, а нечестивыя повержени быша зверем на снедение...

СЛОВО О ЖИТИИ И ПРЕСТАВЛЕНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА, ЦАРЯ РУССКОГО

«Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» создано в конце XIV — начале XV в. Ранний его список вошел в летописный свод 1448 г. и затем включался в переработанном виде во многие другие летописные своды. «Слово» по своему жанру является торжественной речью, в которой прославляется великий князь, герой Куликовской битвы. Композиционно «Слово» делится на три части: биография Дмитрия Ивановича, плач супруги по умершему и похвала князю. Написано «Слово» в традициях риторических торжественных поучений и житийной литературы, заметное влияние на него оказало «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.

Текст «Слова» перепечатывается по изданию: Полное собрание русских летописей.— СПб., 1853.— Т. VI (Сафийская I летопись).

Сий убо великый князь Дмитрей родися отъ благородну и отъ пречестну родителю, великого князя Ивана Ивановича и матере великые княгини Александры, внукъ же бысть князя великого Ивана Даниловича, собрателя Русьской земли, и корени святаго, и богомъ сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвѣтъ прекрасный царя Владимира, новаго Костянтина, крестившаго Русьскую землю, сродникъ же бысть новою чудотворцю Борису и Глѣбу, воспитанъ же бысть въ благочестии и въ славѣ со всяцѣми наказании* духовными и отъ самѣхъ пеленъ бога възлюби. Отцю же его великому князю Ивану Ивановичю оставлешу житие свѣта сего и приимшему небесная селения, си же оста* младъ сый, яко лѣтъ 9, съ любимымъ си братомъ своимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ; потомъ же и мати его преставися великая княгини Александра, и пребысть единъ въ области великого княжения, приемшу ему скипетръ державы Русьскыя земля и настолование* земнаго царства и отчину свою великое княжение, по даннѣй ему благодати отъ бога, чести же и славѣ. Еще же младъ сый възрастомъ, и о духовныхъ прилежа дѣлѣсѣхъ, и пустошныхъ бесѣдъ не творяше, и срамныхъ глаголъ не любляше, злонравныхъ человѣкъ отвращашеся, а съ благыми всегда бесѣдоваше, божественыхъ писаний всегда со умилениемъ послушаше, о церквахъ божиихъ велми печашеся, а стражбу земли Русьскыя мужествомъ своимъ держаше, злобою отроча обрѣташеся, а умомъ свершенъ всегда бываше, ратнымъ же всегда въ бранехъ страшенъ бываше, и многы враги, стающая на ны, побѣди, и славный градъ свой Москву стѣнами чюдными огради, и во всем мирѣ славенъ бысть, яко кедръ въ Ливанѣ умножися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте. Сему же бывшу лѣтъ шестинадесять, приведоша ему на бракъ княгыню Овдотию, отъ земля Суздальскыя, дщерь великого князя Дмитрия Костянтиновича, отъ матери великые княгини Анны, и възрадовася вся земля Русьская о совкуплении брака ею; по брацѣ же цѣломудрено живяста, съ умилениемъ смотряста своего спасения, и въ чистѣ совѣсти, крѣпости разума предержа земное царство и къ небесному присягая. Плотиугодия не творяху, и акы кормьчий крѣпокъ противу вѣтромъ волны минуя, направляемъ вышняго промысломъ, яко пророкъ на стражѣ божия смотрѣния, тако смотряше своего царствия.

И умножися слава имени его, якоже святаго и великаго князя Владимира, въскипѣ* земля Русьская въ лѣта княжения его, якоже преже обѣтованная Израилю; и страхомъ господьства своего огради всю землю Русьскую, отъ въстока и до запада хвално бысть имя его, отъ моря и до моря, отъ рѣкъ и до конець вселенныя превознесеся честь его. Царие земьстии, слышаще его, удивишася, врази же его взавидѣша ему, живущии окрестъ его, и навадиша* на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще: «великый князь Дмитрей московский себе именуеть Руской земли царя, и паче честнѣйши тебе славою, супротивно стоить твоему царству». Онъ же наваженъ лукавными совѣтникы, иже християньскую вѣру держать, а поганыхъ дѣла творяху; и рече Мамай княземъ своимъ и рядцемъ: «прииму землю Русьскую, и разорю церкви христианьскыя, и вѣру ихъ на свою

преложю, и велю кланятися своему Махметю; а идѣже церкви были, ту ропати* поставлю, а баскаки* посажю по всѣмъ градомъ русьскымъ, а князи русьскыя избию». Акы преже Агогъ, царь Васаньский[1], похвалися на кивотъ завѣта господня иже въ Силомѣ, сице похвалився погибе самъ преже.

И пославъ безбожный Мамай преже себе на Русь ратию воеводу своего, окааннаго Бигича[2], съ великою силою и со многыми князи ординьскыми. Се слышавъ великый князь Дмитрий Ивановичь, поиде въ срѣтение ему со многою силою Русьскыя земля и бися съ поганами въ Рязаньской земли, на рѣцѣ на Вожѣ, и поможе богъ и святая богородица великому князю Дмитрею Ивановичю, а поганыя агаряне посрамлени быша, овии изсѣчени быша, а инии побѣгоша; великий же князь Дмитрей Ивановичь възвратився съ великою побѣдою, тако заступаше свою отчину, Русьскую землю, отъ поганыхъ противнаго нахожения. Безстудный же Мамай срама исполнися, въ похвалы мѣсто безчестие приидe ему; и поиде самъ на Русьскую землю, похвалився на великого князя Дмитрия Ивановича, исполни сердце свое злаго безакония. Слышавъ же се князь великый Дмитрей Ивановичь, въздохнувъ изъ глубины сердца своего къ богу и пречистѣй его матери, и рече: «О пресвятая госпоже дѣво богородице, владычице, заступнице и помощнице миру! моли сына своего за мя грѣшнаго, да достоинъ буду главу и животъ положити за имя сына твоего и за твое, иноя помощница не имамъ, развие тебе, госпоже; да не порадуются враждующии ми безъ правды, ни ркуть погании: гдѣ есть богъ ихъ, на него же уповаша? да постыдятся вси являющии рабомъ твоимъ злая, яко азъ рабъ твой есмъ и сынъ рабыня твоея; испроси ми, госпоже, силу и помощь отъ святаго жилища сына твоего и бога моего на злаго моего супостата и нечестиваго врага; постави ми, госпоже, столпъ крѣпости отъ лица вражия, възвеличи имя християньское надъ погаными агаряны и всегда посрами ихъ».

И призва велможа своя и вся князи Русьскыя земля, сущая подъ властию его, и рече княземъ Русьскыя земля и велможамъ своимъ: «лепо есть намъ, братие, положити главы своя за правовѣрную вѣру християньскую, да не прииняти будуть грады наши погаными, ни запустѣють святыя божия церкви, и не разсѣяни будемъ по лицю всея земля, да не поведени будуть жены наша и дѣти въ полонъ, да не томими будемъ погаными по вся дни, аще за насъ умолить сына своего и бога нашего пречистая богородица». И отвѣщаша ему князи русьстии и велможа его: «господине русьскый царю! рекли есмя тебѣ животъ свой положити, служа тебѣ; а нынѣ тебе ради кровь свою пролиемъ и свою кровию второе крещение приимемъ». И въсприимъ Аврамлю доблесть, помолився богу и помощника имуще святаго

---

[1] *Агог, царь Васаньский* — имеется в виду библейское предание о гибели царя Ога, правившего плодородной областью Басан в древней Палестине.

[2] *Бегич* — татарский воевода, войска которого были разгромлены русскими воинами под водительством Дмитрия Донского в 1378 г. на р. Воже, правом притоке Оки.

великаго святителя и чюдотворца Петра[1], заступника Русьскыя земли, и поиде противу поганаго, акы древний великый князь Ярославъ Володимеровичь, на злочестиваго Мамая, втораго Святополка; и срѣте его въ татарьскыхъ полѣхъ, на Дону на рѣцѣ, и съступишася акы силнии тучи, блеснуша оружия яко молния въ день дождя, ратнии сѣчахуся, за рукы емлюшеся, и по удолиемъ кровь течаше, и Донъ рѣка потечаше съ кровию смѣсився, главы же татарьскыя акы камение валявшеся, и трупия поганыхъ акы дубрава посѣчена; мнози же достовѣрнии видяху ангелы божия помогающе християномъ. И поможе богъ великому князю Дмитрею Ивановичю и сродника его святая мученика Борисъ и Глѣбъ, окаанный же Мамай отъ лица его побѣже; треклятый Святополкъ въ пропасть побѣже, а нечестивый Мамай безъ вѣсти погыбе. Великый же князь Дмитрей Ивановичь възвратися съ великою побѣдою, якоже преже Моисей Амалика побѣди, и бысть тишина въ Русьской земли; и тако врази его посрамишася, иныя же страны слышаще побѣды, даныя ему отъ бога на враги, и вcѣ подъ руцѣ его подклонишася, расколници же и мятежници царства его вси погыбоша.

Обычай же имѣяше великый князь Дмитрей Ивановичь, якоже Давыдъ богоотецъ и пророкъ Сауловы дѣти миловаше[2], и си великый князь неповинныя любляше, а повинныя прощаше: по великому Иеву, яко отець есть миру и око слѣпымъ, нога хромымъ, столпъ и стражь и мѣрило, извѣстно къ свѣту правя подвластныя, отъ вышняго промысла правление приимъ роду человѣчю, всяко смятение мирское исправляше, высокопаривый орелъ, огнь попаляя нечестие, баня мыющимся отъ скверны, гумно чистотѣ, вѣтръ плевелы развѣвая, одръ трудившимся по бозѣ, труба спящимъ, воевода мирный, вѣнець побѣдѣ, плавающимъ пристанище, корабль богатьству, оружие на врагы, мечь ярости, стѣна нерушима, зломыслящимъ сѣть, степень непоколеблема, зерцало житию, съ богомъ все творя и по бозѣ побарая, высокый умъ, смиреный смыслъ, вѣтромъ тишина, пучина разуму; князя русьскыя во области своей крѣпляше, велможамъ своимъ тихоувѣтливъ въ нарядѣ* бываше, никого же не оскорбляше, но всѣхъ равно любляше, младыхъ словесы наказаше* и всѣмъ доволь подаваше, къ требующимъ руцѣ простираше[3]. Еще дерзну несрамно рещи о житии сего великого князя и царя Русьского Дмитрия Ивановича, да се слышаще, цари и князи, научитеся тако творити; отъ уныя бо версты* бога възлюби и духовныхъ прилежаше дѣлѣхъ, аще и книгамъ не ученъ сы добрѣ, но духовныя книгы въ сердци своемъ имяше. И се едино повѣмъ от жития его: тѣло свое чисто схрани до женитвы, церковь себе святому духу съблюде не-

---

[1] *Петр* — митрополит московский (ум. 1326), сыгравший большую роль в объединении Северо-Восточной Руси.

[2] *Давидъ... Сауловы дѣти миловаше* — имеется в виду библейское предание об отвергнутом богом царе Сауле. Библейский герой Давид после смерти царя милостиво отнесся к детям Саула.

[3] Такое нагнетание и перечисление различных эпитетов в похвале литературному герою — одна из характерных особенностей риторического стиля «Слова».

скверну, очима зряше часто къ земли, отъ нея же взятъ бысть, душю и умъ простираше къ небеси, идѣже лѣпо есть ему пребывати; и по брацѣ совкупления тѣло свое чисто же соблюде, грѣху непричастно, Христова апостола Павла сбыстьса о немъ реченое: братие, вы есте церкви бога живаго, якоже рече: вселюся въ ня и похожю. Царьскый убо санъ державше, ангелскы живяше, постомъ и молитвою, и по вся нощи стояше, сна же токмо мало приимаше, и паки по малѣ часѣ на молитву встаяше, и подобру благу творяше всегда, въ берньнѣмъ* тѣлеси безплотныхъ житие свершаше; землю Русьскую управляше, на престолѣ царьстѣмъ сѣдя, яко пещеру въ сердци держаше, царьскую багряницю и вѣнець ношаше, а въ чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися, и по вся часы честь и славу отъ всего мира приимаше, а крестъ Христовъ на раму ношаше: въ божественыя дни поста въ чистотѣ храняшеся, а по вся неделя святыхъ таинъ причащашеся, и преочиствовану душу хотя представити предъ богомъ, по истинѣ явися земный ангелъ и небесный человѣкъ. Поживе лѣтъ съ своею княгынею Евдокѣею 20 лѣтъ и два лѣта въ цѣломудрии, прижи сыны и дщери и въспита въ благочестии; а вотчину свою великое княжение держаше лѣтъ 29 и 6 мѣсяць, а всѣхъ лѣтъ отъ рождества его 30 и осмь и 5 мѣсяць; многы же труды и побѣды по правовѣрнѣй вѣрѣ показа, яко инъ никтоже. Потомъ разболѣся и прискорбенъ бысть велми, и пакы легчая бысть ему, и възрадовашася великая княгини и сынове его радостию великою и велможа его; и паки впаде въ большую болѣзнь, и стенание прииде въ сердце его яко и внутренимъ его терзатися, и уже приближися ко смерти душа его...

И цѣловавъ княгыню свою, и дѣти своя, и бояры своя, конечное цѣлование давъ имъ и благослови ихъ, и пригну руцѣ свои къ персемъ, и тако предасть святую свою душю и непорочную въ руцѣ истиннаго бога, мѣсяца маия въ 19, на память святаго мученика Патрекѣя, на 5-й недѣли по Велицѣ дни, въ среду, долго вечера* въ 2 часъ нощи; тѣло же его честное на земли остася, а святая его душа въ небесныя кровы вселися. Егда же преставися благовѣрный и христолюбивый, благородный великый князь Дмитрей Ивановичь всея Руси, просвѣтися лице его акы ангелу. Видѣвши же княгыни его мертва на постели лежаща, и восплакася горкымъ гласомъ, огненыя слезы изо очю испущааше, утробою распалаашеся и въ перси свои руками бьющи, яко труба рать повѣдающи и яко арганъ сладко вѣщающи: «како умре, животе мой драгий, мене едину вдовою оставивъ? почто азъ преже тебе не умрохъ? како заиде, свѣтъ очю моею? гдѣ отходиши, скровище живота моего? почто не промолвиши ко мнѣ? цвѣте мой прекрасный, что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей; чему, господине, не взозриши на мя, ни промолвиши ко мнѣ, уже ли мя еси забылъ? что ради не взозриши на мя и на дѣти своя? чему имъ отвѣта не даси, кому ли мене приказываешь? солнце мое, рано заходиши; мѣсяць мой прекрасный, рано погыбаеши; звѣздо въсточная, почто къ западу грядеши? Царю мой! како приму тя или послужю ти? гдѣ,

господине, честь и слава твоя, гдѣ господьство твое? Осподарь всей земли Русьской былъ еси, нынѣ же мертвъ лежиши, ни кѣмъ же не владѣеши; многыя страны примирилъ еси и многыя победы показалъ еси, нынѣ же смертию побѣженъ еси, измѣнися слава твоя, и зракъ лица твоего примѣнися во истлѣние; животе мой, како повеселюся съ тобою? за многоцѣнныя багряница худыя сия бѣдныя ризы приемлеши, за царскый вѣнецъ худымъ симъ платомъ главу покрываеши, за полату красную гробъ приемлеши; свѣте мой свѣтлый, чему помрачился еси? аще богъ услышить молитву твою, помолися о мнѣ, княгинѣ твоей; вкупѣ жихъ съ тобою, вкупѣ и умру съ тобою, уность не отьиде отъ насъ, а старость не постиже насъ; кому приказываеши мене и дѣти своя? не много нарадовахся съ тобою, за веселие плачь и слезы приидоша ми, а за утѣху и радость сѣтование и скорбь яви ми ся; почто азъ преже тебе не умрохъ, да быхъ не видѣла смерти твоея и своея погыбели? не слышиши ли, господине, бѣдныхъ моихъ словесъ? не смилять ли ти ся моя горкыя слезы? Звѣри земныя на ложа своя идуть, и птица небесныя ко гнѣздомъ летять, ты же, господине, отъ дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся? остала* бо есмь царя; старыя вдовы, тѣшите мене, молодыя вдовы, поплачите со мною, вдовия бо бѣда горчѣе всѣхъ людей. Како въсплачу или како възглаголю? великый мой боже, царь царемъ, заступникъ ми буди; пречистая госпоже богородице, не остави мене и во время печали не забуди мене!»

И принесоша благовѣрнаго великого князя Дмитрия Ивановича, всея Руси царя, въ церковь святаго великаго архангела Михаила, идѣже есть гробъ отца его и дѣда и прадѣда, и пѣвши надъ нимъ обычное надгробное пѣние, и положиша его въ гробъ, мѣсяца маия въ 20, на память святаго мученика Фалелѣя; и плакашася надъ нимъ князи и бояре, и архиепископи и епископи, и весь народъ, и нѣсть такова, кто бы не плакалъ, и пѣния не слышати въ мнозѣ плачи... О страшно чюдо, братие, и дива исполнено! о трепетное видѣние и ужасъ обдержаше! Слыши небо и внуши земле! како въспишу или како възглаголю о преставлении сего великаго князя? отъ горести душа языкъ связается, уста загражаются, гортань премолкаеть, смыслъ измѣняется, зракъ опуснѣваеть*, крѣпость изнемогаеть; аще ли премолчю, нудить мя языкъ яснѣе рещи. Егда же успе вечнымъ сномъ великый князь земли Русьскыя Дмитрей Ивановичь, аеръ възмутися, земля трясашеся и человѣци смутишася. Что ли нареку день той, день многия туги и скорби, и слезъ и вздыхания, тугы и скорби многи? Народъ глаголаше: «о горе намъ, братие! Царь царемъ умре, господинъ владычьствующимъ, солнце помрачается, луна облакомъ закрывается, звѣзда сияющая всему миру къ западу грядеть...» Кому уподоблю великого сего князя Дмитрея Ивановича, царя Русьскыя земля, и настолника великому княжению, и собрателя християньского? Приидите любимици, церковнии друзи, къ похвалению словеси, по достоянию похвалити держателя земли Русьской. Ангела тя нареку? но во плоти сущи ангелскы пожилъ еси. Человѣка ли? но выше человѣчьскаго существа дѣло свершилъ еси. Перво-

зданнаго ли тя нареку? но той приимъ заповѣдь съдѣтеля* и преступи; ты же обѣты своя по святомъ крещении чисты сътвори... Похваляеть бо земля Римская Петра и Павла, а Асийская Иоана Богослова, Индийская апостола Фому, а Ерусалимьская брата господня Иякова, и Андрея Первозваннаго все Поморие, царя Коньстянтина Гречьская земля, Володимера Киевская со окрестными грады; тебе же, великый князь Дмитрей Ивановичь, вся Русьская земля. Азъ же недостойный не взмогохъ твоему преславному господьству по достоянию хвалы приложити, за грубость моего неразумия. Умоли убо, святе, о родѣ своемъ и за вся люди, сущая въ области царства твоего, ту бо предстоиши, идѣже духовныхъ овець паствины и вѣчное насыщение. Кое убо сихъ насыщение оноя радости, красота раю паствины суть, лице божие видѣти! ту пѣснь поюще ангельстии лици, ту съдружение велие бываеть съ вышними силами, ту сладкая честь отъ туждаго сего насилия изшедшихъ, и ту премудрии лици пророкъ, и ту судия апостольскаго числа, и ту безчисленыхъ мученикъ, воиньства, ту исповѣдници свою мьзду усердно приемлють, ту вѣрнии мужи крѣпостию смысла похотѣние суетно сего свѣта умягчиша, ту и святыя жены благымъ нравомъ мужьскый полъ побѣдиша, и ту отроци, иже сдѣ чистоту съхраньше, съ ангелы ликоствоваху, ту и старци, их же старость маломощныя створи, но сила добраго дѣяния не погуби; да съ тѣми убо святыми намъ лѣпо есть жити и съ тѣми радости насладитися, благодатию и человѣколюбиемъ единороднаго сына твоего, съ нимъ же благословенъ еси, съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ ти духомъ, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

ЖИТИЕ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО, НАПИСАННОЕ ЕПИФАНИЕМ ПРЕМУДРЫМ

Епифаний, названный современниками Премудрым, принадлежит к блестящим писателям конца XIV — начала XV в. (ум. в 1420 г.). Его творчество развивалось в период подъема и «возрождения» русской культуры, ставших возможными в результате победы русских на Куликовом поле и освобождения русской земли от монголо-татарского насилия. Епифаний Премудрый — современник Андрея Рублева. Ему принадлежат два знаменитых жития — Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Опираясь на традиции риторической литературы домонгольской Руси и югославянских литератур, Епифаний Премудрый создал в новых исторических условиях торжественный, высокопарный литературный стиль, который метко назвал «плетением словес».

«Житие Стефана Пермского» написано вскоре после смерти Стефана в 1396 г. Агиограф лично знал своего героя. Отрывки из жития печатаются по списку конца XV — начала XVI в., опубликованному в издании Археографической комиссии под ред. В. Г Дружинина (СПб., 1897).

Зачало о житии его. Сии преподобный отецъ нашь Стефанъ бѣ убо родомъ русинъ, отъ языка словеньска, отъ страны полунощныя, глаголемыя Двиньскиа, отъ града, нарицаемого Устьюга, отъ родителю нарочиту, сынъ нѣкоего христолюбца, мужа вѣрна христиана,

именемъ Симеона, единаго отъ клирикъ* великыя съборныя церкви святыя богородица, иже на Устьюзѣ, и отъ матере, такоже кристианы, нарицаемыя Мариа. И еще дѣтищемъ сый, изъ млада, вданъ бысть грамотѣ учити, юже вскорѣ извыче всю грамоту, яко до года и конархати* ему; таче и чтець бысть въ соборнѣи церкви. Бѣ убо превзиде паче многыхъ сверстникъ в родѣ своемъ, добропамятствомъ и скоровычениемъ преуспѣваа и остроумиемъ же и быстростию смысла превосходя. И бысть отрокъ доброразумиченъ зѣло, успѣваше же разумомъ душевнымъ, и верстою телеси и благостию. Къ дѣтемъ играющимъ не приставаше; иже въ пустошь текущимъ, и всуе тружающимся, и тщетнаа гонящимъ не внимаше ни водворяшеся с ними; но отъ всѣхъ дѣтскыхъ обычаевъ и нравъ и игръ отвращаашеся, но точию на славословие упражняася, и грамотѣ прилежаше, и книгамъ всякымъ выченію* издався, ти тако божиимъ дарованиемъ, вмалѣ много извыкнувшу ему естественою остротою ума своего. Научи же ся въ градѣ Устьюзѣ всеи грамотичнеи хытрости и книжнѣи силѣ. Въздрастьшу ему въ дѣвьствѣ и въ чистотѣ и цѣломудрии и многы книгы почитавшу, ветхаго и новаго завѣта, и оттуду рассмотривъ житие свѣта сего маловременное и скоро минующее и мимо ходящее, акы рѣчная быстрина или акы травныи цвѣтъ, апостолу глаголющу: мимо идеть слава мира сего, акы травныи цвѣтъ; и усше трава и цвѣтъ ея отпаде; глаголъ же господень пребываетъ въ вѣкы; и другому апостолу глаголющу: всѣмъ намъ явитися подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ; и еже въ святыхъ евангелихъ господу глаголющу: иже кто оставить отца и матерь, жену и дѣти, братию и сестры, домы и имѣниа имени моего ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчныи наслѣдить: и пакы, аще кто не отвержется сихъ всѣхъ предреченныхъ, не можетъ мои ученикъ быти; и прочаа ина многа таковаа и подобна симъ, яже въ святомъ писании лежащаа, о семъ глаголющая. Сему приде божиа любы, еже оставити отечьство и вся сущаа имѣниа, и просто рещи, всѣми добродѣании украшенъ бѣ отрокъ тои, поспѣвая възрастомъ въ страхъ божии, и страхомъ божиимъ умилився, и еще младъ, ся богу да въ уности, отрокъ сый верстою* пострижеся въ черньци въ градѣ Ростовѣ, у святаго Григориа Богослова въ манастыри, нарицаемѣ въ Затворѣ, близъ епископьи, яко книгы многы бяху ту доволны суща ему на потребу, почитаниа ради, при епископѣ ростовстѣмъ Парфении, отъруку же острижеся нѣкоего старца, прозвутера суща, саномъ священника, именемъ Максима игумена, прозвище Калина; отъ того облечеся въ мнишескый чинъ, и добрѣ потружався во иноческомъ житии, и много подвизався на добродѣтель, постомъ и молитвою, чистотою и смирениемъ, въздержаниемъ и трезвѣниемъ, терпѣниемъ и безлобиемъ, послушаниемъ же и любовию, паче же всѣхъ вниманиемъ божественныхъ писании, иже много и часто почитавъ святыя книгы и оттуда всяку добродѣтель приобрѣтаа и плоды спасеныя приплодивъ. И в законѣ господни поучаася день и нощь: и бысть яко древо плодовито насажено при исходищихъ водъ и часто напаяемо разумомъ божественныхъ писании и оттуду прорастаа грезнъ* добродѣтели, и

процвѣтаа виды благоволениа, тѣмъ и плодъ свои дасть въ время свое... И тако за многую его добродѣтель поставленъ бысть въ диаконы отъ Арсениа князя и епископа ростовскаго. Таче* по семь бо преставлении Алексиа митрополита, повелѣниемъ намѣстника своего, именемъ Михаила, нарицаемаго Митяа, поставленъ бысть въ прозвутеры отъ Герасима епископа коломеньскаго. И изучися самъ языку пермьскому, и грамоту нову перьмскую сложи, и азбукы незнаемы счини по предложению* перьмскаго языка, якоже есть требѣ, и книгы русскыа на пермьскии языкъ преведе, и преложи и преписа. Желаа же болшаго разума, яко образомъ любомудриа изучися и греческои грамотѣ, и книгы греческиа извыче, и добрѣ почиташе я, и присно имяше я у себе. И бяше умѣя глаголати тремя языки; тако же и грамоты три умѣаше, яже есть рускыи и греческы, пермьскыи яко збытися о семъ словеси оному, глаголющу, иже речеся: яко языкы възглаголють новы; и пакы: инѣми языкы глаголати устрои. И добрѣ обдержаше и помыслъ, еже ити въ Пермьскую землю и учити я: того бо ради и языкъ пермьскый покушашеся изучити, и того ради и грамоту пермьскую сотвори, понеже зѣло желаше и велми хотяше еже шествовати къ Перми, и учити люди некрещеныя, и обращати невѣрныя человѣкы, и приводити я къ Христу богу въ вѣру христианьскую. Не токмо же помысли, но и дѣломъ сотвори, и сице же ему умысливщу еже издавна, то у него здумано бяше. Слышалъ бяше преподобныи сеи о Пермьской земли, яко идолослужители в неи суть, яко дѣиство диаволское царюеть в неи. Бяху бо въ Перми человѣцы, всегда жруще* глухымъ кумиромъ и бѣсомъ моляхуся, волшвениемъ одержими суще, вѣрующе въ бѣсование и в чарование и в кудесы. И о семъ зѣло съжалися рабъ божии, и велми печаловаше о ихъ прелщении, и разгарашеся духомь, понеже человѣцы богомъ сотворени и богомъ почтени суще, но врагу поработишася. И о семъ скорбяше не худѣ, како бы ихъ исхытилъ из рукы вражиа...

О азбукѣ прьмстѣй... Коль много лѣтъ мнози философи еллинстии събирали и составливали грамоту греческую и едва уставили мнозѣми труды и многыми времены едва сложили; пермьскую же грамоту единъ чрьнець сложилъ, единъ составилъ, единъ счинилъ, единъ калогеръ, единъ мнихъ, единъ инокъ, Стефанъ глаголю, приснопомнимый епископъ, единъ въ едино время, а не по многа времена и лѣта, якоже и они, но единъ инокъ, единъ вьединеныи и уединяася, единъ, уединеныи, единъ у единаго бога помощи прося, единъ единого бога на помощь призывая, единъ единому богу моляся и глаголя: «боже и господи, иже премудрости наставниче и смыслудавче, несмысленымъ казателю и нищимъ заступниче: утверди и вразуми сердце мое и даи же ми слово, отчее слово, да тя прославляю въ вѣкы вѣкомъ». И сице единъ инокъ, къ единому богу помоляся, и азбуку сложилъ, и грамоту сотворилъ, и книгы перевелъ в малыхъ лѣтехъ, богу помогающу ему; а они мнози философи, многими лѣты, седмь философовъ, едва азбуку уставили, а 70 мужъ мудрецъ преложение* перетолмачили*, книгы отъ жидовьска на греческыи языкъ преведоста...

Плачь пермьскыхъ людеи... Они же, егда услышаша преставление его, восплакаша со слезами, и въ тузѣ сердечнѣи вопиаху, умилениемъ, жалостно сѣтующе, и вси начаша глаголати: «горе, горе намъ, братие, како остахомъ добраго господина и учителя! горе, горе намъ, како лишени быхомъ добраго пастуха и правителя! о како отъяся отъ насъ иже многа добра намъ податель, о како остахомъ очистника душамъ нашимъ и печалника тѣломъ нашимъ, то перво остахомъ добра и промышленика* и ходатая, иже былъ намъ ходатаи къ богу и къ человѣкомъ... Камо заиде добрата твоя, камо отъиде отъ насъ, или камо ся еси дѣлъ, отъ насъ изиде, а насъ сирыхъ оставилъ еси, пастуше нашь добрыи, оставилъ еси свое си стадо заблужатися и скытатися по горамъ, горопленнымъ и волкохищнымъ быти! кому приказалъ если стадо свое, еже о паствѣ попечение! кто же ли тако, яко же ты, попечется нами, овцами заблуждьшими, не терпимъ бо бес тебе быти, быхомъ бо бес тебе скорбни и смущени, быхомъ яко овца, не имуще пастуха, быхомъ имуще печаль безъ утѣшениа! кто же ли утѣшить печаль нашу, обдержащую ны, къ кому ли прибѣгнемъ, или кому возримъ, гдѣ ли услышимъ словеса твоя сладкаа, или гдѣ насладимся бесѣды твоея душеполезныя, видати ли си намь по тебѣ такова господина и учителя, или не видати? да аще будеть видати, то благословенъ богъ, аще ли не видати, то въскую* ны еси оставилъ, въскую отринулъ ны еси до конца, или прогнѣвася на овца пажити твоея, въскую же пустихомъ тя на Москву, да тамо почилъ еси?.. Почто же и обида си бысть на ны отъ Москвы, се ли есть правосудие са, имѣюще у себе митрополиты, святители, а у нас былъ единъ епископъ, и того къ себѣ взя, и нынѣ быхомъ не имуще ни гроба епископля! Единъ тотъ былъ у насъ епископъ, то же былъ намъ законодавецъ и законоположникъ, то же креститель, и апостолъ, и проповѣдникъ, и благовѣстникъ, и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, посѣтитель, правитель, исцѣлитель, архиереи, стражевожь, пастырь, наставникъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многы архиерѣя имущи, изобилующи, излишествующи: мы же токмо того единого имѣхомъ, но и того единаго не сподобихомся, и быхомъ скудствующе, недостаточьствующе, и сѣтующе, яко обнищахомъ зѣло, яко смирихомся, яко убожахомъ зѣло, изоумѣхомся*, требуемъ бо руководителя и проводника... О како не сѣтуемъ, яко не на своемъ столѣ почилъ еси, добро же бы было намъ, аще бы рака* мощии твоихъ была у насъ, в нашей странѣ, а въ твоеи епископьи, нежели на Москвѣ, не въ своемъ предѣлѣ; не тако бы тебе москвичи почтутъ, якоже мы, ни тако ублажать. Знаемъ бо мы тѣхъ, имже и прозвище ти кидаху, отнюду* же нѣции яко и храпомъ тя зваху, не разумѣюще силы и благодати божиа, бываемыя в тебѣ и тобою, а мы быхомъ тебѣ длъжную честь въздали, яко длъжни суще тебѣ, яко твои есмы ученицы, яко чада твоя присная, елмаже* тобою бога познахомъ и истлѣниа избыхомъ, тобою отъ прелести бѣсовьскыя избавихомся, крещению сподобихомся. Тѣмъ же в рѣсноту* убо достоить намъ почтити тебе, яко достойна суща хвалы: достоинъ бо, рече, дѣлатель мзды своея, да како тя

възможемъ по достоянию восхвалити или како тя ублажимъ, яко сотворилъ еси дѣло равно апостоломъ. Хвалить бо Римскаа земля обою апостолу Петра и Павла, чтить же и блажить Асиискаа земля Иоанна Богослова, Египетьская Марка евангелиста, Антиохиискаа Луку иевангелиста, Греческаа Андрѣя апостола. Руская земля великого князя Володимера, крестившаго ю, Москва же блажитъ и чтитъ Петра митрополита, яко новаго чюдотворца, Ростовская же земля Лионтиа, епископа своего; тебе же, о епископе Стефане, Пермскаа земля хвалитъ и чтитъ яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника, яко наказателя, яко проповѣдника, яко тобою тмы избыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ. Тѣмъ чтемъ тя яко дѣлателя винограду Христову, яко терние востерзалъ еси, идолослужение отъ земля Пермьскиа, яко плугомъ, проповѣдию взоралъ еси, яко сѣменемъ учениемъ словесъ книжныхъ насѣялъ еси въ браздахъ сердечныхъ, отнюду же въздрастають класы добродѣтели, ихъ же, яко серпомъ вѣры, сынове пермьстии жнутъ радостныя рукояти, вяжуще снопы душеполезныя, и яко сушиломъ воздержаниа сушаще, и яко цѣпы терпѣниа млатяще, и яко въ житницахъ душевныхъ соблюдающе пшеницу, тии тако ядять пищу неоскудную; ядятъ бо, рече, нищии, насытятся, и восхвалять господа взыскающии его: жива будуть сердца ихъ в вѣкы вѣка...

Плачеве и похвала инока списающа. Азъ же, отче господине епископе, аще уже и умершу ти, хощу принести ти хвалу, или сердцемъ, или языкомъ, или умомъ, иже иногда, живу сущу ти, бых ти досадитель, нынѣ же похвалитель, и нѣкогда с тобою спирахся о нѣкихъ о приключшихъся*, или о словѣ етерѣ*, или о коемждо стисѣ, или о строцѣ; но обаче поминаа нынѣ твое долготерпѣние, и твое многоразумие, и благопокрение самъ ся себе усрамляю и окаю*, самъ ся обрыдаю и плачю: увы и мнѣ, егда приставление честнаго тѣла твоего бысть, тогда множаишемъ и братиамъ оступльшимъ одръ твои, увы мнѣ, мнѣ не сущу ту, не сподобихся послѣдняго ти целованиа и конечнаго проценица; увы мнѣ, мнѣ, не сущу ту, увы мнѣ, каа спона* отторже мя отъ лица твоего, и азъ рѣхъ: отринухся отъ лица очию твоею, но приложу ли убо призрѣти ми, видати тя когда? уже бо не имамъ видѣти тя коли, уже не имамъ прочее к тому узрѣти тя здѣ, понеже тебѣ убо преставльшуся, якоже речено бысть, аз же, увы мнѣ, остахъ на злыи дни, уже бо межю нами межа велика сотворися, уже межю нами пропасть велика утвердися: ты убо, яко онъ добрыи Лазарь нищии, почиваеши нынѣ, яко в лонѣхъ Авраамлихъ, аз же окаянный, акы богатый онъ пламенемъ пекомъ сый... Увы мнѣ, како скончаю мое житие, како преплову се море великое и пространное, ширшееся, печалное, многомутное, не стояще, смятущеся; како препровожу душевную ми лодию промежу волнами сверѣпыми, како избуду треволнениа страстеи, лютѣ погружаюся въ глубинѣ золъ и зѣло потопляяся въ безднѣ грѣховнѣи; увы мнѣ, волнуяся посрѣдѣ пучины житиискаго моря, и како постигну в тишину умилениа, и како доиду въ пристанище покааниа, но яко добрыи кормникъ сыи, отче, яко правитель, яко

наставникъ, из глубины мя отъ страстеи возведи, молюся: пособствуи и помогаи моему сиротству, сотвори о мнѣ, отче, молитву къ богу, тебѣ бо дана бысть благодать молитися за ны... Но что тя нареку, о епископе, или что тя именую, или чим тя призову, и како тя провѣщаю, или чимъ тя мѣню, или что ти приглашу, како похвалю, како почту, како ублажю, како разложу и како хвалу ти съплету? Тѣмъ же что тя нареку: пророка ли, яко пророческаа прореченiа протолковалъ еси, и гаданиа пророкъ уяснилъ еси, и посредѣ людии невѣрныхъ и невѣгласныхъ* яко пророкъ имъ былъ еси; апостола ли тя именую, яко апостолское дѣло сътворилъ еси, и равно апостоломъ, равно образуяся, подвизася, стопамъ апостолскымъ, послѣдуя; законодавца ли тя призову или законоположника, имже людемъ безаконнымъ законъ далъ еси, и не бывшу у нихъ закону, вѣру имъ уставилъ еси и законъ положилъ еси; крестителя ли тя провѣщаю, яко крестилъ еси люди многы, грядущаа к тебѣ на крещение; проповѣдника ли тя проглашу, понеже, яко биричь* на торгу клича, тако и ты въ языцѣхъ велегласно проповѣдалъ еси слово божие; евангелиста ли тя нареку или благовѣстника, имже благовѣстилъ еси в мирѣ святое Евангелие Христово и дѣло благовѣстника сотворилъ еси;[1] святителя ли тя именую, елма же болшии архиереи и старѣишии святитель, священникы поставляа въ своеи земли, надъ прочими священникы былъ еси; учителя ли тя прозову, яко учительскы научилъ еси языкъ заблуждьшии, или невѣрныя в вѣру приведе, и человѣкы невѣгласы суща; да что тя прочее назову, страстотерпца ли или мученика, яко мученическы волею вдался еси в рукы людемъ, свѣрѣпѣющимъ на муку, и, яко овца посрѣдѣ волкъ, дерзнулъ еси на страсти, и на терпѣние, и на мучение?.. Да что тя приглашу, пастуха ли нареку, понеже паслъ еси Христово стадо христианьское словесныхъ овецъ, на злацѣ разумнѣмъ, жезломъ словесъ твоихъ, в паствинѣ учениа твоего, и нынѣ паствѣ пастухъ самъ пасомъ бываеши в таиномъ злацѣ; что тя нареку, о епископе, посѣтителя ли тя толкую, якоже посѣти люди озлобленыя, яко посѣти землю Пермьскую, посѣти землю и упои ю, и упиются отъ обилиа, рекше упиются, умудрятся словесы книжными, словесы учениа твоего; люди пермьскиа посѣтилъ еси и святымъ крещениемъ просвѣтилъ еси; врача ли тя намѣню, яко уязвеныя отъ диавола идолослужениемъ человѣкы исцѣлилъ еси, и тѣломъ врежения, и душею болящаа, и духомъ недугующая люди уврачевалъ еси: что тя именую, епископе, отца ли тя нареку или казателя* пермяномъ, о Христѣ бо Исусѣ святымъ евангелиемъ ты пермяны породилъ еси и православиа вѣрѣ научилъ еси, сыны дни явилъ еси, и чяда свѣту наказалъ* еси, и святымъ крещениемъ просвѣтилъ еси, водою же и духомъ сынове бо ти ся родиша и нынѣ ражаются; да что тя еще нареку, исповѣдника ли тя исповѣдаю, понеже исповѣдалъ еси бога предъ невѣрными человѣкы; сам бо спасъ реклъ есть: иже кто исповѣсть мя предъ человѣкы, и азъ исповѣмъ его предъ отцемъ моимъ, иже еси на небесѣхъ. Добрѣ во истину ты послушалъ еси гласа Христова, исповѣдалъ еси его въ Перми предъ человѣкы, и Христосъ, сынъ божии, исповѣсть тебе

предъ отцемъ своимъ, иже есть на небесѣхъ, предъ ангелы и архангелы, и предъ всѣми небесными силами, идѣже суть и ликове святыхъ, и собори преподобныхъ, яже суть се отци, праотци, патриарси, пророцы, апостоли, евангелисты, благовѣстницы, проповѣдници и исповѣдницы, мученицы, святители, учители, священномученици, преподобномученицы, отци святии, преподобнии и богоноснии, постницы, пустынницы, идѣже суть ликове избранныхъ и дуси праведныхъ, и просто рещи, идеже суть чинове всѣхъ святыхъ, отъ вѣка богу угодившихъ... Тѣмже, епископе, добро дѣло съдѣлалъ еси, достоинъ быдь похвалы; тебе бо богъ похвали, еже есть отець, и сынъ, и святый духъ, егоже ты благословилъ еси, егоже ты проповѣдалъ еси, егоже ты прославилъ еси, и богъ тебе прослави, възмѣздие подая тебѣ противу трудъ твоихъ. Богъ бо прославляетъ угодникы своя, служащаа ему вѣрно, тебе и богъ прослави, и аггели похвалиша, и человѣцы почтиша, и пермяне ублажиша, иноплеменницы покоришася, иноязычници устыдѣшася, погании посрамишася, кумири съкрушишася, бѣси исчезоша, идоли попрани быша. Да и азъ многогрѣшный и неразумный, послѣдуя словесемъ похвалении твоихъ, слово плетущи и слово плодящи, и словомъ почтити мнящи, и отъ словесе похваление събираа, и приобрѣтаа, и приплѣтаа, паки глаголя: что еще ты нареку, вожа заблуждьшимъ, обрѣтателя погыбшимъ, наставника прелщенымъ, руководителя умомъ ослѣпленымъ, чистителя оскверненнымъ, взискателя расточенымъ, стража ратнымъ, утѣшителя печалнымъ, кормителя алчющимъ, подателя требующимъ, наказателя несмысленымъ, помощника обидымымъ, молитвеника тепла, ходатаа вѣрна, поганымъ спасителя, бѣсомъ проклинателя, кумиромъ потребителя, идоломъ попирателя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, цѣломудрия дѣлателя, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ пермьстѣй списателя? Многа имена твоя, о епископе, много именитство стяжалъ еси, многыхъ бо даровъ достоинъ бысть, многыми благодатьми обогатѣлъ еси. Да что тя еще прочее нареку, что еще требуеши именований, что еще не стало на похваление прочихъ наречений твоих? Аще и понудихся на проглашение словесы похвалити тя недоумѣнно, аще и длъженъ ти быхъ словесы послужити ти, азъ окаанный грубый лишеникъ*, многогрѣшный въ человѣцѣхъ и недостоиный во иноцехъ, како похвалю тя, не вѣдѣ, како изреку, не разумѣю, чимъ ублажу, недоумѣю...

Но доколѣ не остану много глаголати, доколѣ не оставлю похвалению слова, доколѣ не престану предложенаго и продлъжнаго хвалословиа? Аще бо и многажды въсхотѣлъ быхъ изъоставити бесѣду, но обаче любы его влечетъ мя на похваление и на плетение словесъ, изволися мнѣ, послѣ же всѣхъ хужшу, паче же акы извъврагу мнѣ написати, яже о преподобѣмъ отци нашемъ Стефанѣ, бывшемъ епископѣ иже в Перми. Аз бо есмь мнии бѣхъ въ братии моеи, и хужшии в людехъ, и меншеи въ человѣцехъ, послѣднии во кристианѣхъ, неключимый* во иноцѣхъ, и невѣжа слову. Подобаетъ же уже окончати слово, но преже о семъ всѣхъ молю, елико въ письмена

сиа приницающихъ, и разгыбающихъ, и почитающихъ, и послушающихъ, и внимающихъ, и разсуждающихъ: господие мои, не воздивите на мя окааннаго, не поклените мя грѣшнаго, молю братолюбие ваше и еже о господѣ любовь; елицы прочитаете грубаа сиа списателнаа писмена, пролѣите за мя молитвы ваша къ богу, понеже святыхъ отецъ житиа похваляю, увыи мнѣ, а самъ ленивъ живу. Горе мнѣ глаголющу и не творящу, учащу и не чюющу, но бесплоднаа, увыи мнѣ, явихся смоковница, листвие токмо едино имѣю, листы книжное токмо обращаю, и листиемъ книжнымъ писанымъ токмо хвалюся, а плода добродѣтели не имѣю, въскую* токмо упразняю землю, и того ради боюся проклятиа с посѣчениемъ, боюся реченаго: се уже секира при корени древа лежить; всяко древо, не творящее плода добра, посѣкаемо бываеть и во огнь вмѣтаемо; боюся господа, рекшаго: «всякую розгу, не творящую о мнѣ плода, собирають и въ огнь влагають и згараеть»; боюся апостолу глаголющу: «не послушницы закона прави будуть, но дѣлатели». Того ради съ доброглашениемъ молю вы и съ умилением припадаю, и съ смиреномудриемъ милъ ся дѣю, въпиа: не презрите мене окааннаго, аще будетъ ми ся нѣгде написана рѣчь зазорна, и неудобрена, и неустроена, и не ухыщрена, мне же мнится, яко ни едино же слово доволно есть, или благопотребно и строино, но худа суть и грубости полна. Но аще и не гораздо написана быша нѣкая, но обаче возможно есть нѣкоему добрѣишему и мудрѣишему о господѣ построити сиа и добрѣ починити я, не удобрена удобрити, и неустроенаа построити, и неухыщреная ухитрити, и несвершеная накончати... И молю спроста всѣхъ васъ отъ мала и до велика, яко да сотворите о мнѣ молитву къ богу, яко да молитвами вашими окончаваа слово, возмогу рещи: слава ти, господи, сътворившему вся; слава ти, съвершителю богу, слава давшему намъ Стефана и пакы въземшему, слава вразумившему его и умудрившу, слава укрѣпившему его и наставльшу, слава иже тѣмъ посѣтившему и просвѣтившему землю Пермьскую, слава спасающему родъ человѣчьскыи, слава хотящему вся человѣка спасти и в разумъ истинный привести, слава давшему ми животъ, да сиа написахъ. Слава богу о всѣхъ. Слава отцу, и сыну, и святому духу, и нынѣ и присно, и въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО[1]

Житие было написано в 1418 г. Епифанием Премудрым, а затем отредактировано и дополнено сербом Пахомием Логофетом. Текст жития приводится здесь в отрывках, взятых из хрестоматии Ф. И. Буслаева (Русская хрестоматия: Памятники древней русской литературы и народной словесности.— 4-е изд., испр. и доп.— М., 1888), где они были напечатаны, по словам составителя, «по великолепной

---

[1] *Сергий Радонежский* (1314—1392), мирское имя — *Варфоломей,* церковный деятель XIV в., основатель Троице-Сергиева монастыря под Москвой, ныне в Загорске. Был сторонником объединения Северо-Восточной Руси, поддерживал Дмитрия Донского в его борьбе за освобождение от монголо-татарской зависимости. Оказал большое влияние на развитие духовной жизни на Руси.

с миниатюрами рукописи» XVI в., принадлежавшей Троице-Сергиевому монастырю, с дополнениями по московскому старопечатному изданию 1676 г. Текст сверен по оригиналу рукописи, которая ныне хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Собр. Троице-Сергиевой лавры, Ризница (ф. 304, III), № 21, 8663)

Детство и отрочество. Хощу же сказати времена на лѣта, въ ня же преподобныи родися: въ лѣта благочестиваго преславнаго державнаго царя Андроника, самодеръжца греческаго, иже въ Цариградѣ царствовавшаго, при архиепископѣ Констянтина града Каллисте, патриарсѣ вселеньскомъ, въ земли же Русьтей въ княжение великое Тверьское при великомъ князе Димитрии Михайловичи, при архиепископѣ преосвещеннемъ Петрѣ митрополите всеа Руси, егда рать Ахмулова. Младенецъ же прежереченныи, о нем же слово изначала приходитъ, бѣ убо по святомъ крещении, преиде нѣколика время мѣсяцеи, егда и отдоенъ бысть закономъ естества, и отъ сосцу отъемлется, и отъ пеленъ разрешается, и отъ колыбѣли свобожается. И тако абие отроча ростяше прочее время по обычаю телеснаго возраста, преспевая душею и тѣломъ и духомъ и исполняяся разума и страха божия, и милость божия бѣ на немъ, дондеже достиже седмаго лѣта возрастомъ, въегда родителие его вдаша его грамоте учити. Прежереченныи рабъ божии Кирилъ имеяше три сыны: перваго Стефана, втораго же сего Варфоломѣя, третияго же Петра, ихъ же воспита со всякимъ наказаниемъ во благочестии и чистотѣ. Стефану же и Петру, спѣшно изъучившу грамоту, сему же отроку, не скоро выкнушу писанию, но медлено нѣкако и не прилѣжно, учитель же его со многимъ прилежаниемъ учаше его, но отрокъ не внимаше и не умѣяше, не точенъ бысть дружинѣ своеи, учащимся с нимъ. О семъ убо много бранимъ бываше от родителю своею, болѣ же отъ учителя томимъ, а отъ дружины укоряемъ. Отрокъ же втайнѣ часто со слезами моляшеся богу глаголя: «Господи, ты дай же ми грамоту сию, ты научи мя и вразуми мя». Яко отъ бога дасться ему книжныи разумъ, а не отъ человекъ.

Посемъ убо не мала печаль бяше родителема его, не малу же тщету вмѣняше себѣ учитель его. Вси же си печаляхуся, не вѣдуще, яже о немъ вышняго строения божия промысла, яже хощетъ богъ сотворити на отрочати семъ, яко не оставитъ господь преподобнаго своего. Се же бяше по смотрению божию быти сему, яко да отъ бога книжное учение будетъ ему, а не отъ человекъ, еже и бысть. Скажемъ же и сие, яко отъ божия откровения умѣти ему грамоту.

Во единъ убо отъ днии отецъ его посла его на взыскание вклюсяти* се же бысть всемудраго бога судбами. Яко же первыя Царьския Книги извѣщають о Саулѣ, иже посланъ бяше отцемъ своимъ Кисомъ на взыскание ослятъ. Онъ же шедъ обрѣте святаго пророка Самоила, отъ него же помазанъ бысть на царьство, и выше дѣла подѣлие приобрѣте. Сице и блаженныи отрокъ выше дѣла подѣлие и обрѣте: посланъ бо бысть отцемъ своимъ Кириломъ на взыскание скота, обрѣте етера черноризца старца странна и незнаема, саномъ прозвитера, святолѣпна и ангеловидна, на полѣ подъ дубомъ стояща

и молитву прилежно со слезами творяша. Отрокъ же, видѣвъ, преже сотвори смирено метание* таче приближится и ста близъ его, ожидая конца молитвѣ. И яко преста старецъ, и возрѣвъ на отрока, и прозрѣ внутренима очима, яко хощетъ быти сосудъ изъбранъ святому духу, и пригласивъ призва и къ себѣ, и благослови его, и о Христѣ цѣлование дасть ему, и вопроси его, глаголя: «Да что ищеши или что хощеши, чадо?» Отрокъ же рече: «Возлюби душа моя въжелѣти паче всего умѣти грамоту сию; еже вданъ быхъ учитися, и <н>ынѣ зѣло прискръбна есть душа моя, понеже учюся грамоте и не умѣю. Ты же, отче святыи, помолися за мя къ богу, яко да быхъ умѣлъ грамоту».

Старецъ же воздѣвъ руцѣ, купно же и очи на небо и вздохнувъ къ богу и сотворь молитву прилежну, и по молитвѣ рече: «Аминь». И иземъ отъ чпага* своего, яки нѣкое съкровище, и оттуду треми пиръсты подастъ ему нѣчто образомъ аки анафору* видѣниемъ акы малъ кусъ бѣла хлѣба пшенична, еже отъ святыя просфиры, рекъ ему: «Зини усты своими, чадо, и разверзи я, приими сие и снѣжъ: се тебѣ дается знамение благодати божия и разума святаго писания. Аще бо и мало видится даемое, но велика сладость вкушения его». Отрокъ же отверзъ уста своя и снѣсть сие. И бысть сладость во устѣхъ его, аки меда сладяи. И рече: «Не се ли есть реченное: коль сладка гортани моему словеса твоя, паче меда устомъ моимь, и душа моя возлюби я зѣло». И рече ему старецъ: «Веруеши ли и больша сихъ узриши. А о грамоте, чадо, не скорби: «Вѣдыи буди извѣсно, яко отъ сего дне даруетъ ти г[оспод]ь грамоте умѣти, зело добре, паче братья твоея и паче сверьстникъ твоихъ». И поучи его о пользѣ души...

Переселение родителей из Ростова в Радонеж. Сеи убо прежереченными рабъ божии Кирилъ преже им яше житие велико въ Ростовьстѣи области, бояринъ сыи един отъ славныхъ и нарочитыхъ бояръ, богатьствомъ, многимъ изъобилуя, но напослѣдъ, на старость обнища и оскудѣ. Како же и что ради обнища, да скажемъ и се: яко частыми хожении еже со княземъ во оръду, частыми ратьми татарскими, еже на Русь, частыми послы татаръскими, частыми тяшкими даньми и выходы, еже во орду, частыми глады хлѣбными; надо всѣми же сими и паче, егды бысть великая рать татарская, глаголемая Федорчюкова[1], Туралыкова. Егда по неи за годъ единъ наста насилование, сирѣчь, княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же досталося княжение Ростовьское къ Москвѣ. Увы, увы! тогда граду Ростову паче же и княземъ ихъ.

Яко отъяся отъ нихъ власть и княжение, и имѣние, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москвѣ. Егда изыде пове[лѣние] великого князя и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкии воевода,

[1] *Федорчукова рать* — так называлась татарская карательная рать, во главе которой стоял воевода Федорчук. (См. летописную повесть о тверском восстании.)

едии отъ вельможъ именемъ Василии, прозвище Кочева, и съ нимъ Мина, и егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста великую нужу на градъ, да и на вся живущая въ немъ, и гонение много умножиста. И немало ихъ отъ ростовецъ москичемъ имѣние своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своемъ со укоризною взимающе, и тщима руками отхождаху, иже послѣдняго бѣденьства* образъ, яко не токмо имѣния обнажени быша, но и раны на плоти своеи подъяша, и язвы жалостно на себѣ носиша и претерпѣша. И что подобаетъ много глаголати? Толико дерзновение надъ Ростовомъ содѣяша, яко и самого того епарха грацкаго старѣишаго болярина Ростовьскаго, именемъ Аверкия, стремглавъ обѣсиша* и возложиша на ня руцѣ свои и оставиша поругана. И бысть страх великъ на всѣхъ слышащихъ и видящихъ сия, не токмо во граде Ростове, но и во всѣхъ предѣлехъ его. И таковыя ради нужи рабъ божии Кирилъ воздвижеся изъ веси опоя предиреченныя ростовьския и собрася со всѣмъ домомъ своимъ и со всѣмъ родомъ своимъ воздвишеся и пересилися отъ Ростова въ Радонежъ. И пришедъ преселися близь церкви нареченныя во имя святаго Рождества Христова, еже и данынѣ стоитъ церковь та; и ту живяше съ родомъ своимъ. Не едини же сии, но съ ними и инии мнози преселишася отъ Ростова въ Радонежъ. И быша преселницы на земли чуждеи, отъ нихъ же есть Георгии, сын протопоповъ, съ родомъ си, Иоаннъ, Феодоръ, Тормосовъ род людень, зять его, съ родомъ си, Онисимъ, дядя его, иже послѣди бысть дияконъ, Онисима же, глаголють съ Протасиемъ тысячтцкымъ пришедша. Тую же весь, глаголемую Радонѣжъ, юже даде князь великии сынови своему мизиному князю Андрею, а намѣстника постави въ неи Терентия Ртища, и льготу людемъ многу дарова и ослабу обѣщася такоже велика дати. Ея же ради лготы собрашася мнози, яко же и ростовьския ради нужа и злобы разбѣгошася мнози.

Основание монастыря. И призва Петра по плоти брата своего меньшаго, оставлеетъ ему отчее наслѣдие, испроста вся, яже суть въ дому его житейскимъ на потребу. Самъ же не взя себѣ ничто же, по божественому Апостолу рекшему: умеры вся вмѣнихъ си, да и Христа приобрящу. Стефану же по роду брату его старѣишему, немного лѣтъ поживишу съ женою, и жена его умре, родивши два сына, Климента да Иоанна, иже тотъ Иоаннъ послѣди бысть Феодоръ Симоновскии[1]. Стефанъ же не помнозѣ оставль миръ и бысть мнихъ въ монастыри святыя богородица у Покрова, иже на Хотьковѣ. Къ нему же пришедъ блаженныи юноша Варфоломѣи, моляше Стефана, дабы шелъ съ нимъ на взыскание мѣста пустыннаго, Стефанъ же принуженъ бывъ словесы блаженнаго. И исшедша обходиста по лѣсомъ многа мѣста, и послѣди приидоста на едино мѣсто пустыни въ чащахъ лѣса, имуща и воду. Обышедша же мѣсто то и возлюбиста е. Паче же богу наставляющу ихъ, и сотвориша

[1] *Федор Симоновский* — игумен Симоновского монастыря в Москве, племянник Сергия Радонежского.

молитву, начаста своима рукама лѣсъ сѣщи, и на раму своею берьвна изнесоша на мѣсто. Прежде же себѣ сотвориста одрину и хизину и покрыста ю. Потомъ же кѣлию едину создаста, и обложиста церквицу малу и срубиста ю. И егда бысть совершено кончана церковь, внѣуду изготована, яко же бысть лѣпо уже время священи ю, тогда блаженныи юноша рече къ Стефану: «Понеже братъ ми еси старѣеишии по роду и по плоти, паче же и по духу, и лѣпо ми есть имѣти тебе во отца мѣсто, и нынѣ нѣсть ми кого вопросити о всемъ развие тебе, паче же о семъ молю тя и вопрошаю тя. Се уже церковь поставлена и совершена всѣмъ, и время есть священи ю, скажи ми, въ которое имя будетъ праздникъ церкви сея, и во имя котораго святаго священи ю?» Отвѣщавь же Стефанъ, рече ему: «Что мя вопрошаеши и въскую мя искушаеши и истязаеши, и самъ вѣси мене не хужде? Поне же отецъ и мать, наша родителие, коль краты возвестиша тебѣ, пред нами глаголющи: блюди, блюди, чадо, и не наше еси чадо, но божие дание. Елма* же богъ избра тебе, еще суща во утробе матерне носима, и прознамена о тебѣ. И преже рожения твоего, егда трикраты провозъгласилъ еси во всю церьковъ, во время, егда поютъ святую литургию. Якоже и всѣмъ людемъ, стоящимъ ту и слышащимъ, во удивлении быти, и ужаснымъ почюдитися, глаголюще: что убо будетъ младенецъ сеи. Но священницы же и старцы, святии мужие, ясно тебѣ проразъсудиша и протолковаша, глаголюще: понеже о младенце семъ троичное число изъобразися, и симъ прознаменуя, яко будетъ нѣкогда ученикъ Святыя Троицы, и не токмо же семъ единъ вѣровати начнетъ благочестно, но и ины многи приведетъ и научитъ вѣровати во Святую Троицу. Да лѣпо есть тебѣ священи церковь сию паче всѣхъ во имя Святыя Троица. Не наше же се замышление, но божие изъволение и прознаменание, и избрание, богу тако изволящу. Буди имя господне благословено во вѣкы». И сия изглаголавшу Стефану, блаженныи же юноша воздохнувъ отъ сердца и рече: «Воистину изъглагола, господине мои. Се и мнѣ любо есть, и азъ того же хотѣвъ и смышляхъ, и желаетъ душа моя, еже совершити священи церковь во имя Святыя Троицы, но смирения ради вопрошахъ тя. И се господь богъ не остави мене и желание сердца моего далъ ми, и хотѣния моего не лишилъ мя». И то рекша, и взяша и благословение и священие отъ святителя. И приѣхаша изъ града отъ митрополита Феогнаста[1] священницы и привезоша съ собою священие, и антимисъ*, и мощи сятыхъ мученикъ, и прочая, яже на потребу на освещение церкви. И тогда священа бысть церкови во имя Святыя Троицы, преосвященнаго архиепископа Феогнаста, митрополита киевьскаго и всея Руси, при великомъ князе Симеоне Ивановиче. Мню убо, еже рещи въ начало княжения его. Въ правду убо церковь си наречена бысть во имя Святыя Троицы, понеже поставлена бысть благодатию бога отца, и милостию сына божия, и поспѣшениемъ святаго духа.

---

[1] *Феогнаст* — московский митрополит, умер в 1353 г.

Чудо о медведе. Мнози бо звѣрие, яко же речеся, въ тои пустыни тогда обретохуся. Овии стадомъ выюще, ревуще прохождааху, а друзии же не во мнозѣ, но или два, или трие, или единъ по единому мимо течаху; ови же издалеча, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его. И отъ нихъ же единъ звѣрь, рекомыи аркуда*, еже сказается медвѣдь, иже повсегда обыче приходити къ преподобному. Се же видѣвъ преподобныи, яко не злобы ради приходитъ къ нему звѣрь, но паче да возметь от брашна мало нѣчто въ пищу себѣ, и изношаше ему от хижа своея малъ укрухъ хлѣба и полагаше ему или на пень или колоду, яко да пришедъ по обычаю звѣрь и яко готову себѣ обрѣте пищу, и вземъ усты своими и отхожаше. Аще ли когда не доставшу хлѣбу, и пришедъ по обычаю звѣрь не обрѣте обычнаго своего урочнаго укруха, тогда долго время не отхожаше, но стояше, взирая сѣмо и овамо, ожидая, акы нѣкии злыи длъжникъ, хотя восприяти долгъ свои. Аще ли прилучашеся единому обрѣстися укруха, то нужа бысть преподобному и то предѣлити на двѣ части, да едину убо себѣ оставить, а другую звѣреви оному предложить. Не имѣяше бо тогда въ пустыни Сергии у себя различныхъ брашенъ, разве точию хлѣбъ и воду отъ источьника, сущаго ту, и то же пооскуду. Многажды же и хлѣбу дневному не обрѣстися. И егда сему бываему, тогда оба абие пребываста алчюща, самъ же и звѣрь. Иногда же блаженныи себѣ не угожаше и самъ алченъ бываше; аще и единъ кусъ хлѣба обрѣташася у него, и то предъ звѣремъ онѣмъ пометаша, и изволи самъ, не вкуша въ тои день, алкати паче, неже ли звѣря оного оскорбити и не ядша отпустити. Не единою же, ни дважды звѣрь онѣ приходити обыче, но многа времена на кииждо день, аки множае году сие творяше.

Заселение окрестностей Радонежа. Окрестъ же монастыря того все пусто со вся страны лѣсове, всюду пустыня, пустыни бо въ рѣсноту* нарицашеся. И сице живщимъ имъ, доидеже исполнишася дние лѣть, яко мню, множае пятинадесяти. Паки же по днехъ, непщую, яко во днехъ княжения князя великого Ивана, сына Иваня[1], брата же Симеоня, тогда начаша приходити християне и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, и возлюбиша жити ту. И множество люди восхотѣвше начаша со оба полы мѣста того садитися. И начаша сѣщи лѣсы оны, яко никому же возброняющу имъ. И сотвориша себѣ различныя многия починцы, преждереченную исказиша пустыню, не пощадѣша. И сотвориша пустыню, яко поля чиста многа, яко же и нынѣ нами зрима суть. И составиша села и дворы многи, и насѣяше села, и сотвориша плодъ житенъ, и умножишася зело. И начаша посѣщати и учащати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребования, имъ нѣсть числа. Но мы доздѣ сию речь оставльше, а на предреченную бесѣду обратимся, еже отъ начатка слова начах повѣдовати о всяцѣ и худости и о недостатъцѣх нужныхъ

---

[1] *Иван II (Иван Иванович)* — московский князь, отец Дмитрия Донского, вступил на княжение в 1353 г., умер в 1359 г.

потребъ, безъ нихъ же не мощно обрѣтися. Егда исперва начинашеся создавати мѣсто то, егда не множаишимъ братиямъ живущимъ въ немъ, егда не мнози бяху приходящеи и приносящеи, тогда начасте скудости бываху потребныхъ, яко многажды на утрия и хлѣбу не обрѣстися. Да кто можеть и сказати недостатки, бывшая преподобному отцу нашему Сергию? И сперва, егда начинашеся строитися мѣсто то, овогда убо не достало хлѣба, и муки, и пшеницы, и всякого жита; иногда же не достало масла, и соли, и всякого ястия брашеннаго; овагда же не достало вина, имъ же обѣдня служити, и фимиян, имъ же кадити; иногда же не достало воску, имъ же свѣщи скати. И пояху въ нощи заутреню, не имуще свѣщь, но токмо лучиною березовою или сосновую свѣтяху себѣ. И тѣмъ нужахуся канонархати*, или по книгамъ чести, и сице совершаху нощныя службы своя. Преподобныи же Сергии всякую нужу ону, и тесноту, и всяку скудость, и недостаткы терпяше со благодарениемъ, ожидая отъ бога богатыя милости.

О победе над Мамаем. Бысть убо богу, попущающу за грѣхи наша, слышно бысть, яко ординьскии князь Мамаи воздвиже силу велику, всю орду безбожныхъ татаръ, идет на русскую землю. И бяху вси людие въ страсѣ велицѣ утѣсняеми. Князь же великодержавныи иже тогда скипетры руських странъ обдержа, достохвальныи и побѣдоносный великий Дмитреи... убо прииде ко святому Сергию, яко же велию вѣру имѣя къ старцу, вопросити его, аще повелить ему противу безбожныхъ изыть вѣдяше бо мужа добродѣтелна суща и даръ пророчества имуща. Святыи же, яко услыша сия отъ великого князя, благословивъ его, молитвою вооруживъ, и рекъ: «Подобаетъ ти, господине, пещися о врученномъ отъ бога христоименитомъ ти стаду. Поиди противу безбожныхъ и, богу помагающу ти, побѣдиши и здравъ во свое отечество съ великими похвалами возвратишися». Великии же князь рече: «Аще же ми богъ поможет, отче, поставлю монастырь во имя пречистыя Богоматери». И сия рекъ, восприемъ благословение, отъиде, поиде скоро.

И тако, собравъ вся воя своя, проспѣ противу безъбожныхъ татаръ. И увидѣвъ силу ихъ, зело множество сташа, съмнявшеся, страхомъ мнози отъ нихъ объяти бывша, помышляюще, что сотворити. И се внезапу въ тои часъ приспѣ борзоходець съ посланиемъ отъ святаго, глаголюще: «Безъ всякаго сомнѣния, господине, со деръзновениемъ поиди противу свирѣпства ихъ. Никако же ужасатися: всяко поможетъ ти богъ». И абие князь великии Дмитрии и все воиньство его, отъ сего велику дерзость восприимше, изыдоша противу поганыхъ, сие слово рекъ: «Боже великии, сотворивый небо и землю, помощникъ ми буди на противникы святому ти имени». И тако сразившеся. Многа телеса падааху, и богу помогшу великому побѣдоносному Дмитрею, и побеждени быша погании татарове и конѣчнѣи пагубе предани быша. Видѣвше бо окааннии на себѣ богопустныи гнѣвъ и божие негодование, вси на бѣжание устремишася. Крестоносная же хоруговь, доволно гнавъ въ следъ съпротивныхъ,

множество бесчислено убиваше. Овии же язвени отбѣгоша, иныхъ же живыхъ руками яша. И бяше чудно зрѣние и дивна побѣда, иже преже блистающася оружия, тогда же вся окровавлена кровми иноплеменныхъ. И вси образы побѣды ношаху. И здѣ сбысться пророческое слово: единъ гоняше тысящу, а две тьму. Святыи же тогда про предреченному, яко прозорливый имѣя даръ, вѣдяше, яко близ, вся бываемая, зряше издалеча, бяше растояния мѣстомъ и многи дни хождениемъ, на молитвѣ съ братиею богу предстоя о бывшеи побѣдѣ на поганыхъ. Малу же часу мимошедшу, яко до конца побѣжени быша безбожнии, и вся предсказоваше братиямъ бывшая святыи: побѣду, и храборьство великаго князя Дмитрия Ивановича, преславно побѣду показавша на поганыхъ, и отъ нихъ же избиеныхъ сихъ по имени сказаше. И приношение о нихъ всемилостивому богу принесе. Достохвальныи же и побѣдоносный великий князь Дмитрие славну побѣду на съпротивныя варвары вземъ, возвращается свѣтло въ радости мнозѣ во свое отечество. И незамедлено прииде къ старцу святому Сергию, благодать воздая ему о добромъ съвѣщании, и всесилнаго бога славляше, и о молитвахъ благодаряше старца и братию, въ веселии сердца бывшая вся исповѣдаша, како возвеличи господь милость свою на немъ, и милостыню многу въ монастырь вдасть...

ПОСЛАНИЕ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО НЕКОЕМУ ДРУГУ СВОЕМУ КИРИЛЛУ О ФЕОФАНЕ ГРЕКЕ

Послание было написано в начале XV в., видимо в 1414 г., оно адресовано тверскому епискому Кириллу. Послание представляет значительный интерес как свидетельство эстетической жизни эпохи. В нем рассказывается о манере живописного творчества знаменитого художника Феофана Грека, о его росписях, о дружбе писателя и художника и об иллюстрировании рукописных книг московскими изографами. Текст печатается по единственному известному списку второй половины XVII в., опубликованному в книге: Изборник.—М., 1969.

Юже некогда видел еси церковь Софийскую цареградскую, написану в моей книзе во Евангелии, еже гречески речется Тетроевангелие, нашим руским языком зовется Четвероблаговестие. Прилучи же ся таковому граду списати в нашей книзе сицевым образом. Понеже егда живях на Москве, иде же бяше тамо муж он живый, преславный мудрок, зело философ хитр, Феофан, гречин, книги изограф нарочитый и живописець изящный во иконописцех, иже многи различные множае четверодесяточисленных[1] церквей каменных своею подписал рукою, яже по градом, елико в Константине граде и в Халкидоне, и в Галафе, и в Кафе, и в Велицем Новегороде, и в Нижнем. Но на Москве три церкви подписаны: Благовещения святыя богородицы, Михайло святый, одну же на Москве. В Михайле

[1] *...множае четверодесяточисленных* — т. е. более сорока.

святом на стене написа град, во градце шаровидно подробну написавый; у князя Владимира Андреевича[1] в камене стене саму Москву такоже написавый; терем у князя великого незнаемою подписью и страннолепно подписаны; и в каменной церкви во святом Благовещении корень Иесеев и Апоколипьсий[2] также исписавый.

Сия же вся егда назнаменующу ему или пишущу, никогда же нигде ж на образцы видяще его когда взирающа, яко же нецыи наши творят иконописцы, иже недоумения наполнишася присно приницающе, очима мещуще семо и овамо, не толма образующе шарми, елико нудяхуся на образ часто взирающе; но мняшеся яко иному пишущу рукама убо изобразуя писаше, ногама же бес покоя стояше, языком же беседуя с приходящими глаголаше, а умом дальная и разумная обгадываше; чувственныма бо очима разумныа разумную видяще доброту си. Упредивленный муж и пресловущий великую к моей худости любовь имеяше; тако и аз уничиженный к нему и неразсудный дерзновение множае стяжах учащах на беседу к нему, любях бо присно с ним беседовати.

Аще бо кто или вмале или на мнозе сотворит с ним беседу, то не мощно еже не почудитися разуму и притчам его и хитростному строению. Аз видя себе от него любима и неоскорбляема и примесих к дерзости безстудство и понудих его рекий: «Прошу у твоего мудролюбия, да шарми накартаеши[3] изображение великия оноя церкви святыя Софии, иже во Цареграде, юже великий Иустиниан царь воздвиже, ротуяся и уподобився премудрому Соломону: ея же качество и величество нецыи поведаша яко Московский Кремль внутреградия и округ коло ея и основание и еже обходиши округ ея; в ню же аще кто странен внидет и ходити хотя без проводника, без заблужения не мощи ему вон излести, аще и зело мудр быть мнится множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов, и различных полат, и церквей, и лестниц, и хранильниц, и гробниц, и многоименитых преград и предел, и окон, и путей, и дверей, влазов же и излазов и столпов каменных вкупе. Написа ми нарицаемаго Иустиниана, на коне седяща[4] и в руце своей десницы медяно держаща яблоко, ему же рекоша величество и мера, полтретя ведра[5] воды вливаются, и сия вся предиреченная на листе книжнем напиши ми, да в главизне книжной положу и в начало поставлю и донели же поминая твое рукописание и на таковый храм взирая, аки во Цареграде стояще мним».

---

[1] *Владимир Андреевич* — серпуховской князь, двоюродный брат Дмитрия Донского, участник Куликовской битвы. См. «Задонщину» и летописную повесть о Мамаевом побоище.

[2] *Корень Иесеев* — мифическая родословная Иисуса Христа, идущая от Иесея, царя Давида. *Апокáлипсис* — мистическая евангельская книга о судьбах христианского мира.

[3] *...шарми накартаеши* — т. е. красками напишешь. *Шарм* — краска, цвет.

[4] *...Иустиниана, на коне седяща* — имеется в виду статуя, теперь исчезнувшая, византийского императора Юстиниана I (527—565), стоявшая против западного входа в константинопольскую Софию. Об этой статуе писали русские паломники Стефан Новгородец (XIV в), Зосима (1420 г.) и др.

[5] *...полтретя ведра* — два с половиной ведра.

Он же мудр мудре и отвеща ми: «Не мощно есть, рече, того ни тебе улучити, ни мне написати; но обаче докуки твоея ради мало нечто аки от части вписую ти, и то же не яко от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изображеннаго пишемаго нами и прочая большая имаши навыцати и разумети». То рек, дерзостне взем кисть и лист, и написа наскоре храмовидное изображение по образу сущия церкви во Цареграде, и вдаде ми.

От того листа нужда бысть и прочиим иконописцем московским, яко мнози бяху у когождо преписующе себе, друг пред другом ретующе и от друга приемлюще. Последи же всех изволися и мне, аки изографу, написати четверообразие; поставихом таковый храм в моей книзе в четырех местах: 1) в начале книги в Матфееве евангелии, иде же столп Иустиниана, иде же Матфея евангелиста образ бе; 2) же храм в начале Марка евангелиста; 3) же пред началом Луки евангелиста; 4) же внегда начатися Иоаннову благовестию; 4) храмы, 4 евангелиста написашася, иже некогда видел есть, внегда бежах от лица Едегеева на Тверь[1], устрашихся, наче же всех, у тебе преупокоих претружение мое, и тебе возвестих печаль мою, и тебе явствовах все книжие мое, елицы от разсеяния и от расточения осташася у мене. Ты же тогда таковый храм написанный видел, и за 6 лет воспомянул ми в минувшую зиму сию своим благоутробием. О сих до зде. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ АРХИЕПИСКОПА НОВГОРОДСКОГО ИОАННА НА БЕСЕ В ИЕРУСАЛИМ

Повесть возникла в Новгороде в середине XV в., после открытия мощей архиепископа Иоанна в 1439 г. (жил в середине XII в.). В основу повести положен демонологический сюжет (путеществите на бесе и бесовские козни), распространенный в фольклоре и житийной литературе. Текст повести печатается по списку XVI в., опубликованному в издании: Памятники старинной русской литературы.— СПб., 1860.— Вып. 1.

Понеже убо нѣсть се достойно молчанию предати, еже богъ сотвори святителемъ своимъ Иоанномъ, иногда же бываетъ со искушениемъ надъ святымъ попущениемъ божиемъ, да болма* прославятся и просвятятся, яко злато искушенно. Прославляющаго мя, рече, прославьлю: дивенъ бо есть богъ во святыхъ своихъ; богъ прославляя святыя своя; и паки рече Христосъ: «се власть дахъ вамъ над духы нечистыми». Во единъ убо отъ дний святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы нощныя совершающе, имѣяше же святый сосудъ с водою стоящъ, святый изъ него же умывавшеся; и слышавъ въ сосудѣ ономъ никотораго борюща в водѣ, и прииде,

[1] *...бежах от лица Едигеева* — речь идет о набеге в 1408 г. монголо-татар во главе с Едигеем на Москву, когда был разорен Троице-Сергиев монастырь. Епифаний бежал в Тверь, где нашел приют у игумена Кирилла.

скоро святый, уразумѣвъ бѣсовское мечтание и сотвори молитву, и оградѣ сосудъ, лукавому запрети бѣсу; хотяще возстрашити святаго, но приразися* твердому адаманту*, твердаго жъ адаманта не поколеба, и самъ вселукавый сотреся; и не на долгъ часъ и не могий часа терпѣти бѣсъ нача вопѣти: «о лютѣ нужде сея! се бо палимъ есмь огнемъ; не могу терьпѣти; скоро испусти, святче божий!» Святый же рече: «кто еси и како сѣмо приде?» Диаволъ же рече: «азъ есьм бѣсъ лукавый; и придохъ смутити тя; мняхъ бо, яко человѣкъ устрашишися и отъ молитвы упразднишися; ты же мя злѣ заключи в сосудѣ семъ; се бо яко огнемъ палимъ есмъ зѣло: горе мнѣ окаяньному! како прелстихся, како внидохъ сѣмо: недоумѣюся! нынѣ же пусти мя, рабе божий, и отселѣ не имамъ приити сѣмо!» Надолзѣ вопиющу неприязнену, святый рече: «се за дерзость твою повелѣваю ти: сеи нощи донеси мя изъ Великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ и постави мя у церкви, идѣже гробъ господень; изъ Еросалима сее же нощи в келии моей, в ню же дерзнулъ еси внити; и азъ тя пущу». Бѣсъ же всячески обѣщася сотворити волю святаго: «токмо,— рече,— испусти мя, рабе божий, се волоти [?] стражу». Святый, же, запретивъ бѣсу, испусти, рекъ: «да будеши яко конь уготовленъ, предстояй предъ келиею моею, и да имамъ внити на тя и совершити желание свое». Бѣсъ же изыде, яко тма, изъ сосуда и ста, яко конь, предъ кельею святаго, яко же требѣ святому. Святый же изыде изъ келью своея и вооружи себе крестомъ и благословениемъ, и всѣде нань, и обрѣтеся тое же нощи во Иеросалимѣ градѣ близъ церкви святаго, идѣже гробъ святаго и животворящаго древа. Бѣсу же запрети, да не отидетъ отъ того мѣста. Бѣсъ же стоя, никако могий двигнутися с мѣста, доидеже святый прииде к церкви святаго воскресения, и ставъ предъ дверьми церьковными, и преклонивъ колѣни, помолися, и отверзошася дверя церковныя сами о себѣ, и свѣщи и паникадила въ церкви у гроба господня возгьжьщася. Святый же благодаряше бога, и пролия слезы, и поклонися гробу господню и облобыза, и тако же и животворящему древу, и всѣмь святымъ мѣстомъ, образомъ, иже суть в церкви. Святый же изыде из церкви, совершивъ желание свое; и паки двери церковны о собѣ затворишася. И обрѣте святый бѣса стояща на томъ мѣстѣ, идѣже повелѣ ему, яко коня уготована, и всѣде нань святый, и обрѣтеся тое жъ нощи в Великомъ Новъградѣ в келии своей, и отходя бѣсъ из келии святаго, и рече: «о Иванне! ты мя потрудивъ единой нощи донести себе из Великаго Новаграда во Иеросалимъ градъ, се бо тое же нощи в Великий Новъградъ изъ Еросалима града; се бо запрещениемъ твоимъ яко узами нераздрешеньно держимъ быхъ в бѣдыни сия претерпѣхъ; ты же не повѣси никому же збывьшаяся о мнѣ; аще ли повѣси, азъ яже на тя имамъ искушение навести: имаши бо яко блудникъ осуженъ быти, и много поруганъ, и на плотъ положенъ нарѣцаемей рѣки Волховѣ». Сия же блудящу лукавому, святый же сотвори крестное знамение, изчезе бѣсъ. Никогда же бы святому, яко же имѣяше и обычай, упражняющуся въ духовной бесѣдѣ со честными игумены и со искуснѣйшими иереи

и з богобоязневыми мужи, учение свое простирающу, еже на пользу, людемъ же послушающимъ в сладость учения святаго, не лѣнивъ бо бяше еже поучити люди, тогда же о иномъ нѣкоторомъ сказуя, еже збыться на немъ. «Азъ, рече, свѣмъ таковаго человѣка бывша во единой нощи из Великага Новаграда во Иеросалимѣ градѣ, и поклонився гробу господню, и паки тое же нощи возвративщася в Великий Новъградъ». Игуменомъ же и всѣмъ людемъ удивльшимся о семъ; и оттого времени попущениемъ божиимъ нача бѣсъ искушение на святаго наводити. Народи же убо града того многажды видяху, яко жену блудницу текущи изъ кельи святаго; народи же соблажняхуся отселе, и много же начальницы града того, приходяще в келию святаго благословения ради, видятъ монисто дѣвичье лежаще, и сандалия женьская, и рубища, и о семъ оскорбляхуся, недоумѣяхуся что рещи. Вся сия бѣсъ мечтуя показовашеся имъ, да востануть на святаго, и возглаголятъ неправедная, издженутъ. Народи же, с начальники своими совѣтовавше, рекоша къ себѣ: «неправедно еже таковому святителю быти на апостольскомъ престолѣ, блуднику сущу; идемъ и издженемъ!» И о таковыхъ людехъ Давидѣ рече: «нѣмы да возглаголютъ устны лстивыя, глаголющая на праведнаго беззаконие гордынею и уничиженимъ: понеже он мечтанию бѣсовскому вѣры имъше, имуще же яко и жидовъскую сонъмицу». На предлежащее же возвратимся. Пришедши народъ къ келии святаго, бѣсъ же потече народомъ зрящимъ во образѣ отроковицы, яко изъ келии святаго. Народи же восклицаша да изьмуть* еи. И не можаху, гнавше ево дольно. Святый же слышавъ молву народа у келии своей и изыде к нимъ и рече: «что есть, чада?» Они же изглашався* яже видиша, святого же глаголомъ не внимаху, и осудиша его яко блудника, имше его нудима, поругашася ему, и недоумѣяхуся, что бы сотворили ему, и умыслиша тако: «посадимъ его на плотъ на рѣцы на Волховъ и да выпловетъ из града нашего внизъ по рецы». И выведоша святаго и цѣломудреннаго и великаго святителя божия Иванна на великий мостъ, еже есть на рецѣ на Волъховѣ, и ниизвысивше* святаго, на плотъ посадиша. И збысть лукаваго диавола мечтание. Диаволъ же нача радоватися, но божия благодать преможе и святаго вѣра, к богу молитва. Егда же посаженъ бысть святитель божий Иванъ на плотъ, на рецы на Волховѣ, и поплове плотъ въ верхъ рѣки, никимъ же пореваемъ, на немъ же святый сѣдяше противу великия быстрины, еже есть у великаго мосту, ко святого Георгию монастырю[1]. Святый же моляшеся о нихъ, глаголя: «Господи! не постави имъ грѣха сего; не видятъ бо что творятъ!» Диаволъ же видивъ, посрамися, возрыдася. Народ же видѣвше таковое чюдо, разтерзаху ризы своя и возвращахуся, рекуще: «согрѣшихомъ; неправедное содѣяхомъ о отцы семъ; пастыря осудихомъ; се бо видѣмъ, яко отъ бесовьского мечтания се сотворися намъ!..»

---

[1] *Георгию монастырь* — Юрьев монастырь близ Новгорода в верховье р. Волхова.

ПОВЕСТЬ О ПОСАДНИКЕ ЩИЛЕ

«Повесть о посаднике Щиле» возникла в Новгороде во второй половине XV в. на основе устного легендарного предания. Она дошла до нас в трех редакциях и ряде списков, ранний из которых относится к XVI в. Текст повести печатается по этому списку, опубликованному в исследовании И. П. Еремина «Из истории старинной русской повести. Повесть о посаднике Щиле» (Труды комиссии по древнерусской литературе.— Л., 1932.— Т. I).

Бѣ в великом Новѣграде нѣкто посадникъ именем Щилъ, при архиепископѣ того же града Иваннѣ. Имѣя же у себя сына единочада. Живущу же ему в богатствѣ мнозѣ. Мнози же людие, купцы, не имуще кунъ*, взимаху у него сребро на торговлю в куны, имаше же лихвы* на 14 гривень и 4 денги точию по единой денге на год — болѣ же того отнюд не имаше. Собра же таковаго имѣния многое множество, и восхотѣ на то кунное собрание воздвигнути церков и соградити монастырь, и взем у архиепископа Иванна благословение на здание церкви во имя пречистые богородицы честнаго ея покрова. Наят* же дѣлателя многи и созда церков близ реки Волхова, на лугу, от града яко два поприща. Бывшу же и архиепископу на основании же тоя церкви со священным собором. Вопросившу же архиепископу Щила, от какова имѣния воздвигнута церков. Егда совершена бысть церкви, Щил же моли архиепископа освятити церков, понеже о том вначалѣ не вопросил его, егда испроси благословение. Он же исповѣда ему истину, яко от лихвенаго собрания создана бысть церкви. Архиепископ же рече ему: «Уподобился еси Исаву; лестию взем благословение от мене на таковое божественное дѣло. Нынѣ же повелеваю ти ити в дом свой, и повелѣ у здания своего в стѣнѣ устроити гроб, и повѣж вся своя тайны отцу своему духовному, и вздѣв срачицу и саванъ и вся яже суть подобна на погребание мертвым, и лязи в создании своем во гробѣ оном, и повелѣ и надгробное отпѣти — богъ, всѣхъ нас свѣдый тайная серденъ, елико хощетъ, то и сотворит. Мы же ко освящению готови будемъ». Щилъ же в недоумѣнии велицѣ быв. Рыдая и плачася, иде в дом свой — повелѣния же святителева не смѣ прѣслушати — вскорѣ вся повелѣвает устроити заповѣданная святителем. Егда же надгробное пѣние соборне отпѣша над нимъ, внезапу не обрѣтеся гроб с положенным в нем, и бысть в том мѣстѣ пропасть. Святителю же пришедшу на освещение церкви по молению Щилову, видит страшное оно и ужасное видѣние, страха и трепета и исполнь, и повелѣ иконописцем написати вапы* на стенѣ видѣние, повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ днѣ, над всѣмъ гробе его, и несвящену церков повелѣ запечатлѣти, дондеже изволитъ богъ о нем своего человѣколюбия смотрением, и отиде в дом святѣй Софѣи. Сынъ же Щилов, видя отчю погибель и свое лишение, в велицѣ недоумѣнии бысть, и прииде ко святителю, ища спасения и помощи лишеной души отца своего. Святитель же пъвѣле ему молити бога о отчи погибели и в постѣ и во бдѣнии пребывати, и повелѣ на 40 дней у 40 церквей сорокоусты дати священ-

ником с причетникы доволно, да поют в ты дни по 40 панахидо и литургии неизмѣнно, и в ту 40 дний милостыню безпрестанно творити — егда же совершатся 40 дней, пришед, возвести нашему смирению. Сынъ же Щилов, по заповеди святителя вся совершив в 40 дней, и возвѣсти святителю. Святитель же от клироса своего посылает архидиякона к запечатлѣнной церкви и повелѣвает, сокровенне распечатав церков, дозрѣти разумно, идѣже пропасть гроба и над нею стѣнное писание, и соглядав извѣстно*, паки запечатлѣти церков и возвѣстити себѣ о сем. Архидиякон же по повелѣнию святителя соглядав вся разумнѣ и видит в надстѣнном писании, иже над гробомъ, Щила во адѣ во гробѣ — главу же его внѣ ада, и возвѣсти о сем святителю. Святитель же заповѣда сыну Щилову паки вторую 40 дний такожде сотворити, яко же напреди изявися, и егда совершатся, паки возвѣстити себе о сем. Той же заповѣданная паки совершив, и возвѣщает святителю о сем. Святитель же паки посла архидиякона своего по прежнему обычаю соглядати о нем в надстѣнном писании. Архидиякон же видѣ в настѣнном писании Щила во гробѣ и з гробом внѣ ада до пояса и возвѣсти о сем святителю. Святитель же пакы повелѣвает сыну Щилову по прежнему обычаю 40 дний третицею* сотворити. Той же по заповѣди совершивъ и возвѣщает святителю о сем. Святитель же третицею посла архидиякона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ стѣннаго писания. Архидиякон же видѣ в надстѣнном писании Щила внѣ ада з гробом всего изшедша. Тако же и гроб его верху земли обрѣтеся над пропастю. Пропасти же не бѣ видети. Во гробѣ же весь цѣл обрѣтеся, якоже и положен. И сия вся архидиякон возвѣсти святителю. Слышав же сия архиепископъ и приим извѣщение от бога, подвижеся соборнѣ к запечатлѣнной церквѣ ко освящению и сицевое чюдо прѣдивное, и ужаса и страха исполнь, хотя видѣти своим очима. Видѣв же сия вся архиепископъ, всякого удивления исполнь, благодарив бога о недовѣдомых и непостизаемых его судбах праведных, и пѣв соборне надгробная пѣния над гробом Щиловым, и церковь освятивъ во славу Христу богу нашему и пречистей его богоматери. И оттолѣ устроися монастыр, нарицаемый Щилов, идѣже и до нынѣ стоит. Нѣцыи же глаголютъ: архиепископъ заповѣда сыну Щилову по 3-жды на год по сту литургий пѣти в три лѣта. И сие до здѣ.

ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

(середина XV — начало XVI в.)

ПОВЕСТЬ НЕСТОРА-ИСКАНДЕРА О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА

Повесть написана участником событий Нестором-Искандером вскоре после захвата Константинополя в 1453 г. турецкими войсками. Нестор-Искандер — русский, православный человек, оказавшийся в силу неизвестных причин в Турции, принявший магометанство и получивший магометанское имя Искандер (Александр). Повесть приобрела на Руси широкую популярность, особенно в период, когда утверждалась идея, что Московское государство должно стать преемником великих христианских империй — Рима и Византии. Это произведение по своему жанру является исторической повестью, оказавшей заметное влияние на развитие повествовательной литературы XVI — первой половины XVII в. Отрывки из повести печатаются по списку начала XVI в., опубликованному в издании: Памятники древней письменности.— СПб., 1886.— Т. LXI.

В лѣто 5818 царствующу въ Риму богосодѣтельному великому Костянтину Флавию[1], со тщаниемъ великимъ отвсюду собрахъ отземствованных християнь, начат укрепляти и расширяти вѣру христьянскую, церкви божиа украшати, а ины преславны въздвизати, а идолы сокрушати и домы ихъ въ славу богу превращати. И къ тому законы многы устави яко идольская капища святителемъ Христовымъ и христьяномъ точию владѣти и рядити...

Въ 13 же лѣто цесарства его, совѣтомъ божиимъ подвизаемь, въсхотѣ градъ создати въ имя свое и посла мужей достойныхъ въ Асию и въ Ливию и въ Европию на взыскание и изобрание преславна и нарочита мѣста на создание таковаго града; онѣмъ же возвращаю-

[1] *Константин Флавий* — Константин I (274—337), римский император, основатель Царьграда.

щимися, сказаваху цесарю различныя мѣста преславная, а наипаче похвалиша ему Макидонию и Визандию...

И пришедъ въ Визандию, видѣ на томъ мѣстѣ семь горъ и глушицъ* морскихъ много. И повелѣ горы рыти и нижняя мѣста наполняти, и на глушицахъ столпы каменные ставити, и на нихъ своды сводити, и равняти мѣсто, а самъ цесарь пребывааше въ Визандии. Егда же уготовиша мѣсто, събра цесарь вельможъ и мегистанъ и магистровъ, и начатъ умышляти, како быти стѣнамъ и стрѣльницамъ и вратамъ градцкимъ, и повелѣ размѣрити мѣсто на три углы, на всѣ стороны по семи верстъ, тако бо бѣ место то межи дву морь — Чернаго и Бѣлаго.

И се змий внезаапу вышедъ изъ норы, потече по мѣсту, и абие свыше орелъ спадь, змия похвати и полетѣ на высоту, а змий начатъ укрѣплятись въкругъ орла. Цесарь же и вся людие бяху зряще на орла и на змию; орелъ же възлетѣвъ изъ очью на долгъ часъ и паки явися низлетающь и паде съ змиемъ на тожъ мѣсто, понеже одолень бысть отъ змия. Людие же текше змия убиша, а орла изымаше, и бысть цесарь во ужасѣ велицемъ, и созвавъ книжники и мудреци, сказа имъ знамение, они же поразсудивъ сказаша цесарю: «се мѣсто семохолмыи наречется и прославится и возвеличится въ всей вселеннѣй паче иныхъ градовъ, но понеже станеть межи дву морь, и біенъ будеть волнами морьскими,— поколебимъ будеть. А орелъ — знамение крестьянское, а змий — знамение бесерменское, и понеже змий одолѣ орла, являетъ, яко бесерменство одолѣеть хрестьянства. А понеже крестьяне змиа убиша, а орла изымаша, являетъ, яко напослѣдокъ пакы хрестьянство одолѣеть бесерменства и седмохолмаго приимутъ, и въ немъ въцарятся». Великий же Констянтинъ о семъ возмутися зѣло, но обаче словеса ихъ велѣ написати, а магистры и градцкые дѣлатели раздѣли на двое, ибо единой странѣ повелѣ размѣрити градские стѣны и стрѣльницы и начати градъ дѣлати, а другой странѣ повелѣ размѣрити улицы и площади на римской обычай; и тако начаша дѣлати церкви божиа и дворъ цесарский и иные домы славны вельможамъ и мегистаномъ и всѣмъ сановникомъ и воды сладкие приводити... И тако наполниша градъ преславными и дивными вещами, ими же и блаженный Андрей Критцкий[1] удивився рече: «Во истину градъ сей выше слова и разума есть». Къ симъ же и пренепорочная владычице мати Христа бога нашего во вся времена бяше цесарствующий градъ сохраняюще и покрывающе, и отъ бѣдъ спасающе, и отъ неисцѣльныхъ напастей примѣняюще. Такыми убо великими и неизреченными благодѣяньми и дарованьми пресвятыа богородца сподобися градъ сей, яко и всему миру, мню, недостойну быти тому. Но убо понеже естество наше тяжкосердно и нерадиво, и яко неистовы еже на насъ милость божью и щедротъ отвращаемся и на злодѣяния и беззакония обращаемся, ими же бога и пречистую его матерь разгнѣваемъ и славы своеа и чьти отпадаемъ, якоже

[1] *Андрей Критский* — известный сочинитель канонов (650—720).

есть писано: «злодѣяниа и безакониа превратятъ престолы сильныхъ», и паки: «расточи гърдыя мысли сердца ихъ, и низложи сильныя съ престолъ», такоже и сий цесарствующий градъ, неисчетными согрѣшѣньми и безаконьми отъ толикихъ щедротъ и благодѣяний пречистые богоматери отпадшесь, тмочисленными бѣдами и различными напастьми много лѣта пострада. Также и нынѣ въ послѣдняя времена, грѣхъ ради нашихъ, овогда нахождениемъ невѣрьныхъ, овогда гладомъ и повѣтреи частыми, овогда же межусобными браньми, ими же оскудѣша силнии и обнищаша людие, и преуничижися градъ и смирися до зѣла, и бысть яко сѣнь въ винноградѣ и яко овощное хранилище въ вертоградѣ*. Сия убо вся увѣдѣвъ тогда властвующеи турки безбожныи Магуметъ Амуратовъ сынъ[1], и въ миру и въ докончанье* сыи съ цесаремъ Констянтиномъ, абие збираеть воя многа землею и моремъ, и пришедъ внезаапу, градъ объступи со многою силою. Цесарь же съ прилучившимися вельможами и вси людие града не вѣдяаху, что сотворити, понеже людцкаго собрания не бѣ и братиямъ цесаревымъ не сущимъ, и послаша къ Магумету салтану посланники, хотя увѣдати бывшее и о миру глаголати. Онъ же безвѣренъ сыи и лукавъ, посланникы отосла, а градъ повелѣ бити пушками и пищальми, а ины стѣнобъеные хитрости нарежати и приступы градцкие уготовляти. Сущие же людие въ градѣ, грекы и фрягове, выѣждая изъ града, бьяхуся съ турки, не дающе имъ стѣнобьеные хитрости нарежати, но убо силѣ велице и тяжце сущи, не возмогоша имъ никоея пакости сотворити, зане единъ бьяшесь съ тысящею, а два с тьмою.

Сие же видѣвъ, цесарь повелѣ вельможамъ и мегистаномъ раздѣлити воиномъ градцкия стѣны и окны и врата; также и всихъ людей и клаколы* ратные на всѣхъ странахъ изъставити, да койждо ихъ вѣсть и хранитъ свою страну, и вся яже на бранную потребу устраяеть, и да бьется съ турки съ стѣны, а изъ града не выѣзжати. Также и пушки и пищали уставити по приступнымъ мѣстамъ, на обранение стѣнамъ. А самъ цесарь съ патриархомъ и святители и весь священный соборъ и множество женъ и детей хожаху по церквамъ божиимъ и мольбы и молення дѣюще, плачуще и рыдающе... Въ 14-й же день турки, откликнувше свою безбожную молитву, начаша сурны играти и въ варганы и накры* бити и, прикативши пушкы и пищали многие, начаша бити градъ, такоже стрѣляти и изъ ручницъ* и изъ луковъ тмочисленныхъ; гражане же отъ бесчисленнаго стрѣляния не можаху стоати на стѣнахъ, но западше ждаху приступу, а инии стрѣляху изъ пушекъ, и изъ пищалей, елико можаху, и многы турки убиша. Патриархъ же и святители и весь священнический чинъ бяху непрестанно молящеся о милости божии и о избавлении града. Егда же турки начааху — уже всихъ людеи съ стѣнъ збиша, абие вскрычавши

[1] *...Магуметъ Амуратовъ сынъ* — Магомет II (1430—1481), турецкий султан, завоеватель Константинополя.

все воинство, и нападоша на градъ вкупѣ со всѣхъ странъ, кличюще и вопиюще, овыи со огни различными, овыи съ лѣствицами, овыи съ стѣнобитными хитростьми и иными многы козни на взятие града. Грацкие же люди такоже вопияху и кричаху на нихъ, бьющеся съ ними крѣпко. Цесарь же объѣжаше по всему граду, понужая люди свои, дающе имъ надѣжу божию, и повелѣ звонити по всему граду на созвание людемъ. Турки жъ паки услышавше звонъ велий, пустиша сурныа и трубныя гласы и тумбанъ* тмочисленныхъ, и бысть сѣча велиа и преужасна: отъ пушечнаго бо и пищалнаго стуку, и отъ зуку звоннаго, и отъ гласа вопли и кричаниа отъ обоихъ людей, и отъ трескоты оружия: яко молния бо блистааху отъ обоихъ оружия, так же и отъ плача и рыданиа градцкыхъ людей и женъ и детей, мняашесь небу и земли совокупитись и обоимъ колебатись, и не бѣ слышати другъ друга, что глаголеть: совокупиша бо ся вопли и крычаниа, и плачъ, и рыданиа людей, и стукъ дѣльныи, и звонъ клаколныи въ единъ звук, и бысть яко громъ велий. И паки отъ множества огней и стрѣляниа пушекъ и пищалей обоихъ странъ дымное курение згустився, покрыло бяше градъ и войско все яко не видѣти другъ друга, съ кѣмъ ся бьетъ, и отъ зелеинаго* духу многимъ умрети. И тако сѣчахуся и маяся на всѣхъ стѣнахъ, дондеже нощная тьма ихъ раздѣли; турки убо отыдоша въ свои станы и мертвыа своя позабывше, а градцкие людие падоша отъ труда яко мертвы, токмо стражъ единыхъ оставиша по стѣнамъ.

На утрия же повелѣ цесарь собрати трупиа и не обрѣтоша люде — вся бо бяху спяща утрудився, и посла цесарь къ патриарху, да повелитъ священникомъ и дьякономъ собрати мертвыа и погрѣсти я, и абие собрашася множество священникъ и дьяконовъ, и взяша мертвыя и погребоша их: бяху же число грековъ 1740, а фрягъ и арменъ 700. Цесарь же, вземъ болярь, пойде по стѣнамъ града, хотяще видѣти ратныхъ, понеже не бѣ отъ нихъ не гласа, ни послушаниа, вси бо бяху опочивающе, и видѣше полны рвы трупиа, а ины въ потоцехъ и на брезѣхъ, и помѣтиша всѣхъ убьенных до 18 тысячъ и стѣнобитныя ссуды мнози, ихже повелѣ цесарь пожещи. И тако пойде съ патриархомъ и съ святители и со всѣми съборы въ святую великую церковь мольбы и благодарение въздаяти всесильному богу и пречистые богоматере, чаяху бо уже отступити безбожному, толико падение видѣвъ своимъ. Онъ же безвѣрныи не тако помышляше. Въ 2 день посла видѣти мертвыя своя, и яко сказаша ему много мертвыхъ, вскорѣ посла мнози полкы взяти трупиа своя. Цесарь же заповѣда, да не дѣютъ ихъ ни которою бранью, яко да очистятъ рвы и потоци. И тако взяша своя трупы безбранно и пожгоша и. Видѣвъ же безбожный турокъ, яко не успѣ ничтоже, но паче своихъ погуби, и повелѣ магистромъ вскорѣ прибавити пушки и пищали мнози на биение града и ины стѣнобитныя козни готовити, и въ седьмый день паки безвѣрныи повелѣ ити войску и тако ся бити якоже и первие, безъ опочивания...

Въ 30-й же день по прьвомъ приступѣ паки прикатиша пушкы и

пищали и ины стѣнобитныя сосуды, и имже не бѣ числа всѣми силами, въ нихже пушкы бяху 2 велице, ижъ ту сольяны: единой ядро въ колѣно, а другой въ поясъ, и начаша бити градъ непрестанно во всѣ страны польные*, а противу Зустонѣя[1] навадиша пушку большую, зане на томъ мѣстѣ бѣ стѣна градцкая и ниже и хуже, и яко удариша по тому мѣсту, начатъ стѣна колебатися, а въ другые удариша и сбиша стѣны сверху яко саженей пять; в третий же не успѣша, зане ночь успѣ. Зустунея же то мѣсто ночью задѣла и другою стѣною древяною съ землею снутри подкрѣпи; но что мочно бѣ учинити противъ такые силы? На утрия же пакы начаша бити то же мѣсто изъ многыхъ пушекъ и пищалей, и яко утрудиша стѣну, навадивъ стрѣлища изъ большие пушкы, уже чаяху разорити стѣну, и божиимъ велѣниемь пойде ядро выше стѣны, токмо семь зубовъ захвати, и ударися ядро по церковной стѣне и распадеся, яко прахъ. И видѣвше ту сущие людие, благодариша бога, и яко уже о полудне — навадиша въ другые. Зустунея же, навадивъ пушку свою, удари въ тое пушку, и разсѣдеся у ней зелейникъ*, се же видѣвъ, безвѣрный Магметъ взъярися до зѣла и возопи велицимъ гласом: «ягма, ягма!» сирѣчь — на разграбление града. Абие вскрича воинство все, приступиша къ граду всѣми силами, по землѣ же и по морю всякими дѣлы и хитростьми на взятие града; градцкые же люди вшедъ на стѣнахъ отъ мала и до велика, но и жены мнози противляхуся имъ и бьяхуся крѣпце, яко патриарху и святителемъ и всему священническому чину токмо остатись по церквамъ божьимъ и молитись съ рыданиемъ и стонаниемъ. Цесарь же паки объежааше по всему граду, плачеще и рыдающе, моля стратигъ* и всѣхъ людей, глаголюще: «господа и братия, малы и велици, днесь прииде часъ прославити бога и пречистую его матерь и нашу вѣру христьянскую: мужайтеся и крѣпитеся и не ослабляйте въ трудѣхъ, ни отпадайте надѣжею, кладающе главы своа за православную вѣру и за церкви божиа, яко да и насъ прославить всещедрый богъ». Сия и иная многа вопиюще цесарю къ людемъ, и повелѣ звонити по всему граду; такоже и Зустунѣй рышуще по стѣнамъ, укрѣпляше и понужааше люде. И яко слышаша люди звонъ церквей божьихъ, абие укрѣпишася и охрабришася вси и бьяхуся съ туркы крѣпчае перваго, глаголюще другъ другу: «днесь да умремъ за вѣру христьянскую». И якоже преди писахомъ; кыи языкъ можетъ исповѣдати или изрѣщи тоа бѣды и страсти: падаху бо трупиа обоихъ странъ, яко снопы, съ забралъ, и кровь ихъ течааше, яко рѣкы по стѣнамъ; отъ вопля же и крычания людцкаго обоихъ и отъ плача и рыдания градцкаго, и отъ зуку клаколнаго и отъ стуку оружия и блистания мняшеся всему граду отъ основания превратитися; и наполнишася рвы трупиа человѣча до верху, яко чрезъ нихъ ходити туркомъ, акы по степенемъ*, и битись: мрьтвыа бо имъ бяху мостъ и лѣстница къ граду. Тако и потоци вси наполнишася и брегы вкругъ града трупиа, и крови ихъ, акы потокомъ сильнымъ тещи...

---

[1] *Зустунея* — Юстиниан, военачальник генуэзцев, пришедших на помощь осажденному Константинополю.

Въ 20 же первый день маяа, грѣхъ ради нашихъ, бысть знамение страшно въ градѣ: нощи убо противъ пятка освѣтися градъ весь, и видѣвши стражи, течаху видѣти бывшее, чааху бо туркы зажгоша градъ, и вскликаше велиимъ гласомъ; собравшимжеся людемъ мнозѣмъ, видѣша, у великия церкви Премудрости божиа у верха изъ воконъ пламеню огненну велию изшедшу, окружившу всю шею церковную на длъгъ часъ, и собрався пламень въ едино пременися пламень, и бысть яко свѣтъ неизреченный, и абие взятся на небо; онѣмъ же зрящимъ начаша плакати, грько въпиюще: «Господи помилуй!» Свѣту же оному достигшу до небесъ, отверзошася двери небесныя, и приявше свѣтъ, пакы затворишась. На утрие же шедше сказаша патриарху. Патриархъ же собравъ болярь и совѣтниковъ всѣхъ, пойде къ цесарю и начаше увѣщавати его, да изыдеть изъ града и съ царицею, и яко не послуша ихъ цесарь, рече ему патриархъ: «вѣси, о царю, вся прежереченная о градѣ семъ и се нынѣ пакы ино знамение страшно бысть: свѣтъ убо онъ неизреченный, иже бѣ съдѣйствуя въ велицѣй церкви божия Премудрости съ прежними свѣтильникы и архиереи вселенскими, такоже и ангелъ божий, его же укрѣпи богъ при Устинианѣ цесари, на съхранение святыа великиа церкви и граду сему, в сию бо нощъ отъидоша на небо: и се знаменуеть, яко милость божиа и щедроты его отъидоша отъ насъ, и хощетъ богъ предати градъ нашъ врагомъ нашимъ». И тако представи ему онѣхъ мужей, иже видѣша чюдо, и яко услыша цесарь глаголы ихъ, паде на землю, яко мертвъ, и бысть безгласенъ на многъ часъ, едва отольяше его араматными водами. Въставшу же ему, рече патриарху и всѣмъ боляромъ, да запретятъ съ клятвою онѣмъ людемъ, да не възгласятъ сия народомъ, яко да не отпадутъ въ отчаяние и ослабѣютъ деламъ...

И тако божимъ промысломъ въ той день избавися градъ: турки бо отъидоша отъ града, а гражане же надаху опочивати, и не бѣ тоя нощи ничесоже. Цесарь же съ патриархомъ и вси воини поидоша въ великую церковь и возблагодариша бога и пречистую его матерь и похваляху цесаря, а тако нѣции сказаша, яко и самъ цесарь въ сердци своемъ вознесеся, но и отшествие поганъ чаяху, не вѣдаху бо божие изволение. Магуметъ же, видѣвъ толикое падение своихъ и слышавъ цесареву храбрость, тоя ночи не спа, но совѣтъ велий сотвори: хотяше бо тоя ночи отступити, зане уже и морский путь преспѣ, и корабли многые придутъ на помощь граду, но да сбудется божие изволение, съвѣтъ той не съврьшися, и яко уже о семой годинѣ тоя ночи начатъ наступати надъ градомъ тма велиа: воздуху убо на аер огустившуся, нависеся надъ градомъ плачевнымъ образомъ ниспущаше аки слезы капли велицы, подобные величествомъ и взоромъ буйвалному оку, черлѣны, и терпяху на земли на долгъ часъ, яко удивитися всѣмъ людемъ, и въ тузѣ велицѣй и во ужасѣ быти. Патриархъ же Анастасие, вскорѣ събравъ весь клирикъ* и синклитъ*, поиде къ цесарю и рече ему: «Свѣтлѣйший цесарю, вся прежереченная о градѣ семъ добрѣ вѣси, тако и отшествие святаго духа видѣ, и се пакы нынѣ тварь проповѣдуетъ

погибели града сего. Молимъ тя: изыди изъ града, да не вси вмѣстѣ погибнемъ, бога ради изыди». И повѣдаша ему много дѣяний прежнихъ цесарей симъ подобна, такоже и клирикъ весь и сунклитъ много глаголаше ему, да изыдетъ изъ града, и не послушаше ихъ, но отвѣщаваше имъ: «воля господня да будетъ!» Магуметъ же окаянный яко видѣ тму велию надъ градомъ, созва книжники и молнъ* и вопроси ихъ: «что есть сия тма надъ градомъ?» и рекоша ему: «знамение велико есть и граду пагуба». Он же, безбожный, повелѣ вскорѣ уготовити вся воя и пусти напередъ тмочисленныи оружники пѣсца* и пушки, и пищали, и за ними все войско, и прикативъ противъ полаго мѣста, начаша бити о всемъ том мѣстѣ, и яко отступиша далече гражане от полаго мѣста, поскориша пѣсца очистити путь ратнымъ и рвы изровняти, и тако напустиша туркы всѣми полкы и потопташа гражанъ конникомъ мало сущимъ; стратигомъ же и мегистаномъ и всимъ конникомъ приспѣвшимъ покрѣпища народъ и боряхуся съ турки...

Магометъ же окаанныи паки вскорѣ урядивъ, разсылаше всю свою рать по всѣмъ улицамъ и по вратомъ, цесаря бречи, а самъ ся оста токмо съ яничаны, обрывся въ обозѣ, и пушки и пищали уготовивъ, бояше бо ся цесаря. Цесарь же, яко слыша божие изволение, пойде въ великую церковь, и паде на землю, прося милость божию и прощение согрѣшениемъ, и простився съ патриархом и со всѣми клирикы и съ цесарицею, и поклонився на всѣ стороны, пойде изъ церкви, и абие возопиша весь клирикъ и весь народъ сущии ту, и жены и дети, имже не бѣ числа рыданиемъ и стонаниемъ, яко мнѣтися церкви оной великой колебатися, и гласи ихъ, мню, до небесъ достигаху. Идущу же цесарю изъ церкви сей едино прирекъ: «иже хочетъ пострадати за божиа церкви и за православную вѣру, да пойдетъ со мною», и всѣдъ на фарисъ*, пойде къ Златымъ вратамъ, чаяше бо стрѣтити безбожнаго. Всѣхъ же воинъ собрашеся съ нимъ, до трою тысящь, и обрѣте во вратѣхъ множество турокъ, стрегущи его, и побивше ихъ всѣхъ, пойде во врата, но не можааше пройти отъ многаго трупиа, и паки срѣтоша ихъ множество турокъ, и сѣчахуся съ ними и до нощи. И тако пострада благовѣрный царь Констянтинъ за церкви божия и за православную вѣру, мѣсяца маия въ 29 день, убивъ своею рукою, якоже оставшей сказаша, болма 600 турковъ, и збысться реченное: Констянтиномъ създася и паки Констянтиномъ[1] и скончася. Зане согрѣшениемъ осуждение судомъ божиимъ временемъ бываетъ, злодѣяние бо, рече, и безаконие превратитъ престолы сильныихъ. О велика сила грѣховнаго жала, о колико зла творитъ преступление! О горе тебѣ, седмохолмии, яко погании тобою обладаютъ, ибо колико благодатей божиих на тебѣ возсияша, овогда прославляя и величия паче иныхъ градовъ, овогда многообразне и многократнѣ наказая и наставляя благыми дѣлы и чюдесы преславными, овогда

[1] *Константин XI Драгад* — последний византийский император, убит во время штурма Константинополя в 1453 г.

же на врагы побѣдами прославляя не престааше бо поучая и къ спасению призывая и житейскимъ изобилиемъ утѣшая, но украшая всяческы; такоже и пренепорочная мати Христа бога нашего неизреченными благодѣянии и неизчетными дарованьми помиловаше и храняше во вся времена. Ты же, яко неистовенъ, еже на тебѣ милость божию и щедротъ отвращашесь и на злодеяние и безаконие обращашеся, и се нынѣ открыся гнѣвъ божий на тебѣ, и предасть тебе въ руцѣ враговъ твоихъ, и кто о семъ не восплачется или не възрыдаетъ?.. И сему бывшу, преста брань, и вдашася вси боляромъ и стратигомъ и башамъ на руки, и се слышавъ, салтанъ возрадовася и послаградъ чистити, улицы и поля, въ 11 же день посла санчакбеева* по всѣмъ улицамъ съ многими людьми бречи израды*. А самъ пойде со всѣми чины вратъ своихъ въ врата святаго Романа къ великой церквѣ, въ нюже бяху собраны патриархъ и весь клирикъ и народу безчислено, и женъ и дѣтей, и пришедъ на поле у великия церкви, слѣзе съ коня и падъ на землю лицемъ, взятъ персть и посыпа главу, благодаряще бога, и почюдився оному великому зданию, тако рече: «воистину людие сии быша и преидоша, а ини по нихъ симъ подобни не будутъ». И пойде въ церковь, и вниде мрьзость запустѣния въ святилище божие и ста на мѣстѣ святемъ его. Патриархъ же и весь клирикъ и народъ возопиша слезы и рыданьми и падоша предъ нимъ; он же помаявъ рукою, да престанутъ, и рече имъ: «тобѣ глаголю, Анастасие, и всей дружинѣ твоей и всему народу: зъ днешняго дне да не убоятся гнѣва моего, ни убийства, ни плѣнения». И обратився, рече башамъ и санчакъ-беемъ, да запретятъ всему войску и всякому чину моихъ вратъ, да не дѣютъ весь народъ градцкии и женъ и дѣтей ни убийствомъ, ни плѣнениемъ, ни иною враждою никоторою; аще ли же кто преступитъ нашего повелѣния, смертию да умретъ. И повелѣ выслати вонъ, да пойдутъ каждо въ свой домъ, хотяше бо видѣти урядъ и сокровища церковнаа, да сбудется реченное: «и вложитъ руцѣ своя въ святаа жертвенная, и святая потребитъ и дасть сыновомъ погибели». Народу же идущу до девятыа годины и еще многымъ сущемъ въ церквѣ, не дожда — изшедъ изъ церкве. Видѣвъ исшедшихъ полно поле и во всѣ улици идущихъ много, и удивися толику народу отъ одноа храмины изшедчимъ, и пойде къ царскому двору, и ту срѣте его нѣкый сербинъ, принесе ему цесареву главу. Онъ же возрадовася зѣло, и вскорѣ позва бояръ и стратигъ, и спроси ихъ, да рекуть ему истину, аще то есть глава цесарева. Они же, страхомъ одержими, рекоша ему: «то есть сущая глава цесарева». Онъ же облобыза ю и рече: «явна тя богъ миру уроди, паче же и цесаря, почто тако всуе погибе». И посла еи къ патриарху, да обложитъ ю златомъ и сребромъ и сохранитъ ю, якоже самъ вѣсть. Патриархъ же веземъ положи ю въ ковчезецъ сребранъ и позлащенъ и скры ю въ великой церкви подъ престоломъ. Отъ иныхъ же паки слышахомъ, яко оставшеи отъ сущихъ съ цесаремъ

у Златыхъ вратъ украдоша его тоа нощи и отнесоша его въ Галату[1], и сохраниша его...

[Заканчивается повесть туманными ссылками на сочинения «Откровения Мефодия Патарского о последних временах», «Видение Даниила» и пророчества византийского императора Льва Премудрого, в которых якобы предсказывается захват Константинополя и его освобождение, когда «русии же род с прежде создательными (т. е. создателями Царьграда) всего Измаила победят и Седмахолмаго (т. е. Царьград) приимуть с прежде законными его, и в нем воцарятся и судрьжат Седмахолмаго русы...».]

СКАЗАНИЕ О КНЯЗЬЯХ ВЛАДИМИРСКИХ

«Сказание о князьях Владимирских» возникло в конце 20 — начале 30-х гг. XVI в. на основе «Послания» Спиридона-Саввы. В этом литературном памятнике развиваются легендарные предания о Москве и Московском государстве как наследнике великих христианских империй — Рима и Византии. Идеологические тенденции «Сказания» приобрели острый политический интерес в эпоху Ивана Грозного, когда интенсивно продолжалось укрепление русского централизованного государства, усиливалось его международное значение. Большое влияние идеи «Сказания» оказали на создание произведений литературы середины XVI в.— «Степенную книгу», макарьевские «Четьи-Минеи», летописные своды и др.; по легендарным мотивам «Сказания» в 1552 г. были выполнены барельефы на троне Ивана IV, установленном в Московском Успенском соборе.

Отрывок из «Сказания» печатается по списку XVI в., опубликованному в исследовании: Дмитриева Р. П. «Сказание о князьях Владимирских».— М.; Л., 1955.

И в то время некий воевода новгородский именем Гостомысл скончевает свое житие и созва вся владелца Новагорода и рече им: «О мужие новгородци, совет даю вам аз, яко да пошлете в Прускую землю мужа мудры, призовите от тамо сущих родов владелца себе». Они же шедше в Прускую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римскаго Августа царя[2]. И молиша князя Рюрика посланници от всех новгородцов, дабы шел к ним княжити. Князь же Рюрик прииде в Новгород, имеа с собою два брата; имя единому Трувор, а другому Сенеус, а третий племяник его с ним именем Олег. И от того времени и наречен бысть Великий Новъград; и нача князь великий Рюрик прьвый княжити в нем в лето 6375. От великаго князя Рюрика князь велики Владимер 4-е колено, иже просвятил Рускую землю святым крещением в лето 6496-е.

Поставление великих князей руских, откуду бе и како начашася ставити на великое княжение святыми бармами и царскы венцем.

В лето 6622 бысть сий князь великий Владимер Всеволодич Манамах, князь великий киевъский, правнук великого князя Владимера, крестившаго Рускую землю, от него же чьтвертое колено. Той бо Манамах прозвася от таковыа вины. Егда седе в Киеве на великое княжение, начат съвет творити со князи своими, и з боары, и с

[1] *Галата* — предместье Константинополя.

[2] *Август царь* — Гай Юлий-Цезарь Октавиан (63—23 гг. до н. э.), римский император, потомком которого легендарный Рюрик быть не мог.

велможи, глаголя так рек: «Еда аз мал есмь иже преже мене царствовавших и хоругви правящих скипетра Великиа Росиа, яко же князь великий Олег ходил и взял из Царяграда велию дань на вся воа своа и здрав возвратися восвоаси, и потом князь великий Всеслав Игоревич[1] ходил и взял на Костянтине граде тяжчайшую дань. А мы есмь божиею милостию настолници своих прародителей и отца моего великого князя Всеволода Ярославича и наследници тоа же чести от бога сподоблени. И ныне убо съвет ищу от вас, моеа полаты князей, и боар, и воевод, и всего над вами христолюбиваго воиньства; и да превознесется имя святыа живоначалныа Троица вашаа храбрости могутством божиею волею с нашим повелением; и кий ми совет противу воздаете?» Отвещаста же великому князю Владимеру Всеволодичю князи, и боаре его, и воеводы и реша ему: «Сердце царево в руце божий, яко же есть писано, а мы вси есмы раби твои и под твоею властию». Великий же князь Владимер збирает воеводы благоискусныи и благоразумныи и богоразсудныи, поставляет чиноначалники над различными чины борениа тысящники, и сотники, и пятдесятники; и съвокупи многи тысяща воинъств, и отпусти их на Африкию[2] Царяграда области; и поплениша их доволно, и возвратишася с многым богатством здравии восвоаси.

Тогда бе во Цареграде благочестивый царь Костянтин Манамах, и в то время брань имеа с персы и с латыни. И составляет же съвет благъпремудре и царский, отряжает убо послы к великому князю Владимеру Всеволодичю: митрополита ефескаго Неофита от Асиа и с ним два епископа, митулинскаго и милитинского, и стратига антиохийскаго, игемона иерусалимскаго Иеустафиа, и иных своих благородных. От своеа же царскиа выа снимает животворящий крест от самого животворящаго древа, на нем же распятся владыка Христос. Снимает же от своеа главы и царский венець и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести и крабеицу сердоликову, из неа же Август, царь римский, веселяшеся. Посылает же и ожерелие, сиреч святыа бармы, иже на плещу свою, и чепь от злата аравийска скованну, и ины многы дары царскиа. И дасть их митрополиту Неофиту и епископом и своим благородным посланником, и отпусти их к великому князю Владимеру Всеволодичю, моля его глаголя: «Прийми от нас, о боголюбивый благоверный княже, сиа честныа дарове, иже от начала вечных лет твоего благородиа и поколений царскых жребий на славу и честь на венчание твоего волнаго и самодеръжавнаго царствиа. О нем же начнут молитися наши посланници, что мы от твоего благородиа просим мира и любве; яко да церкви божиа будут, и все православие в покои пребудет под сущею властию нашего царства и твоего волнаго самодеръжавства Великиа Росиа; яко да нарицаешися отселе боговенчанный царь, венчан сим царским венцем рукою святейша-

[1] *Всеслав Игоревич,* или — по другим спискам — Святослав Игоревич (942—972), отец Владимира Святославича.

[2] *Африкия* — Фракия, предместье Константинополя.

го митрополита Кир Неофита с епископы». И с того времени князь великий Владимер Всеволодичь наречеся Манамах, царь Великиа Росиа. И потом пребыста прочая времяна с царем Костянтином князь великий Владимер в мире и любви. Оттоле и доныне тем царским венцем венчаются великие князи владимерстии, его же прислал греческий царь Костянтин Манамах, егда ставятся на великое княжение руское.

«ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Эти путевые очерки написаны тверским купцом Афанасием Никитиным, совершившим путешествие в Индию в 1466—1472 гг. На обратном пути близ Смоленска Афанасий Никитин скончался, но его записки бережно были сохранены, доставлены в Москву и включены в летописные своды. Произведение Афанасия Никитина принадлежит к замечательным памятникам очерковой литературы Древней Руси. Это новый тип путевых записок, отличающийся от паломнических хождений и по объекту изображения, и по типу повествования.

Хождение дошло до нас в пяти списках. Отрывки из Троицкого списка печатаются по изданию: Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.— 2-е изд.— М.; Л., 1958, с учетом издания, подготовленного Я. С. Лурье и Л. С. Семеновым, «Хождение за три моря Афанасия Никитина».— Л., 1986.

За молитву святыхъ отець наших, господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй мя раба своего грѣшнаго Афонасья Микитина сына.

Се написах грѣшьное свое хожение за три моря: прьвое море Дербеньское, дория Хвалитьскаа; второе море Индѣйское, дория Гондустаньскаа; третье море Черное, дория Стемъбольскаа. Поидох от святаго Спаса златоверхаго с его милостью, от великого князя Михаила Борисовичя[1] и от владыкы Генадия Тверьскых, поидох на низ Волгою и приидох в манастырь к святѣй живоначалной Троици и святым мученикам Борису и Глѣбу; и у игумена ся благословив у Макария братьи; и с Колязина поидох на Углечь, со Углеча на Кострому ко князю Александру, с ыною грамотою. И князь велики отпустил мя всея Руси доброволно. И на Плесо, в Новъгород Нижней к Михаилу к Киселеву к намѣстьнику и к пошьлиннику Ивану Сараеву пропустили доброволно.

А Василей Папин проехал в город, а яз ждал в Новѣгородѣ двѣ недели посла татарьскаго ширвашина Асамъбѣга, а ехал с кречаты от великаго князя Ивана[2], а кречатов у него девяносто. И поехал есми с ним на низ Волгою. И Казань есмя, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезаны проехали есмя доброволно.

И въехали есмя в Бузан рѣку. И ту наехали нас три татарины поганыи и сказали нам лживыя вѣсти: Каисым солтан[3] стережет

---

[1] *Михаил Борисович* — великий тверской князь (1461—1485).

[2] *Василий Папин* — посол Ивана III, был направлен к Асанбеку, или Хасанбеку, правителю объединения туркменских племен Ак-Коюнлу. Хасан-бек вел упорную борьбу с османской Турцией. Умер в 1478 г. во время похода в Турцию.

[3] *Каисым султан* — султан Астраханского царства.

гостей в Бузани, а с ним три тысячи тотар. И посол ширвашин Асанбѣг дал им по одноряткы* да по полотну, чтобы провели мимо Азътархан. И они по одноряткы взяли, да вѣсть дали в Хазътороханьи царю. И яз свое судно покинул да полѣз есми на судно на послово и с товарищи. Азътархан по мѣсяцу ночи парусом, царь нас видѣл и татаровѣ нам кликали: «Качьма, не бѣгайте!» И царь послал за нами всю свою орду. И по нашим грѣхом нас постигли на Бугунѣ, застрелили у нас человѣка, а мы у них дву застрелили; и судно наше меншее стало на езу*, и оны его взяли часа того да розграбили, а моя рухлядь вся в меншем суднѣ.

А болшим есмя судном дошли до моря, ино стало на усть Волгы на мели, и они нас туто взяли, да судно есмя взад тянули до езу. И тут судно наше болшее взяли, и 4 головы взяли русскыя, а нас отпустили голими головами за море, а вверьх нас не пропустили вѣсти дѣля. И пошли есмя к Дербеньти двѣма суды: в одном суднѣ посол Асамъбѣг, да тезикы*, да русаков нас 10 головами; а в другом суднѣ 6 москвичь да 6 тверичь. И всътала фуръстовина* на морѣ, да судно меншее разбило о берег, и пришли каитаки[1] да людей поимали всѣх...

А мы поехали к ширъванше во и коитул и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал, чѣм доити до Руси. И он нам не дал ничего, ано нас много. И мы заплакав да розошлися кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные осталися в Шамахѣе, а иные пошли работать к Бакѣ.

А яз пошел к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огнь горить неугасимы; а из Баки пошел есми за море к Чебокару; да тут есми жил в Щебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць в Маздраньской земли[2]. А оттуды ко Амили, и тут жил есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили шаусеня Алеевых детей и внучат Махметевых, и он их проклял, ино 70 городов ся розвалило. А из Дрѣя к Кашени, и тут есми был мѣсяць. А из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездѣи, и тут жил есми мѣсяць. А из Диес к Сырчану, а из Сырчана к Тарому, а фуники кормять животину, батман по 4 алтыны. А из Торома к Лару, а из Лара к Бендерю.

И тут есть пристанище Гурмызьское, и тут есть море Индейское, а парьсейскым языком и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити морем до Гурмыз[3] 4 мили. А Гурмыз есть на островѣ, а ежедень поймаеть его море по двожды на день. И тут есми взял 1 Велик день, а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми городы не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызѣ есть варное солнце, человѣка съжжеть. А в Гурмызѣ был есми мѣсяц, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское, по Велице дни в Фомину недѣлю[4], в таву*, с коньми...

---

[1] *Кайтаки* — жители западного Дагестана.

[2] *Маздраньская земля,* или *Мазандаран,*— область в Северном Иране.

[3] *Гурмыз,* или *Ормуз,*— город на скалистом и знойном острове Персидского залива, недалеко от иранского побережья.

[4] *Фомина неделя* — первая неделя после пасхи.

И тут есть Индѣйскаа страна, и люди ходять нагы всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены, а всѣ ходят брюхаты, дѣти родять на всякый год, а детей у них много, а мужы и жены всѣ черны; яз хожу куды, ино за мною людей много, дивятся бѣлому человѣку.

А князь их — фота на головѣ, а другаа на бедрах; а бояре у них ходять — фота на плещѣ, а другыя на бедрах, а княгыни ходять — фота на плечем обогнута, а другаа на бедрах; а слугы княжия и боярьскыя — фота на бедрах обогнута, да щит да меч в руках, а иныя с сулицами*, а ины с ножи, а иныя с саблями, а иныи с лукы и стрелами; а всѣ нагы, да босы, да болкаты; а жонки ходят голова не покрыта, а груди голы; а паропкы* да девочкы ходят нагы до 7 лѣт, а сором не покрыт...

И яз грѣшный привезл жеребьца в Ындѣйскую землю, дошел есми до Чюнеря бог дал поздорову все, а стал ми сто рублев. Зима же у них стала с Троицина дни[1]. А зимовали есмя в Чюнѣйрѣ, жили есмя два мѣсяца; ежедень и нощь 4 мѣсяца, а всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орють да сѣють пшеницу, да тутурган*, да ногут*, да все съястное. Вино же у них чинять в великых орѣсех кози гундустаньскаа; а брагу чинят в татну, кони кормять нохотом, да варять кичирис с сахаром да кормять кони, да с маслом, порану же дають шьшени. Во Индѣйской же земли кони ся у них не родят, в их земли родятся волы да буволы, на тѣх же ѣздѣть и товар иное возять, все дѣлають

Чюнер же град есть на острову на каменом, не дѣлан ничим, богомь сътворен; а ходять на гору день по единому человѣку, дорога тѣсна, поити нелзя.

А в том Чюнерѣ хан у меня взял жерепца, а увѣдал, что яз не бесерменин*, русин, и он молвит: «И жерепца дам, да тысячю золотых дам, а стань в вѣру нашу в Махмѣт дени; а не станешь в вѣру нашу в Махмет дени, и жерепца возму и тысячю золотых на главѣ твоей возму». А срок учинил на 4 дни, в говѣйно успении на Спасов день. И господь бог смиловася на свой честный праздник, не остави от меня милости своея грешнаго и не повелѣ погыбнути в Чюнерѣ с нечестивыми; и канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хоросанець, бил есми челом ему, чтобы ся о мнѣ печаловал*; и он ѣздил к хану в город, да мене отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жерепца моего у него взял. Таково господарево чюдо на Спасов день! Ино, братья русьстии християне, кто хочеть поити в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликну Махмета, да поиди в Густаньскую землю.

Мене залгали псы бесермена, а сказывали всего много нашего товару, ано нѣт ничего на нашу землю; все товар бѣло на бесермьньскую землю, перець да краска, то дешево; ино возят аче морем, иныи пошлины не дають. А люди иные нам провести пошлины не

---

[1] *Троицын день* — пятидесятый день после пасхи, обычно приходится на конец мая.

дадут, и пошлины много, а разбойников на море много. А розбивають все кофары*, ни крестияне, ни бесерьмена; а молятся каменным болваном, а Христа не знають...

Во Индѣйской земли княжать все хоросанцы, и бояре все хоросанци; а гундустанци все пѣшиходы, а ходят борзо, а все нагы да босы, да щит в руцѣ, а в другой мечь, а иныя слугы с великими с прямимы лукы да стрелами. А бой их все слоны, да пѣших пускають наперед, хоросанци на конехь да в доспѣсех, и кони и сами; а к слоном вяжуть к рылу да к зубом великия мечи по кендарю* кованы, да оболочат их в доспѣх булатный, да на них учинены городъкы, да и в горотъкѣ по 12 человѣк в доспѣсех, да все с пушками да стрелами.

Есть у них одно мѣсто, шихъ Алудин пир атыр бозар алядинанд, на год един бозар, съѣждается вся страна Индѣйская торговати, да торгують 10 дний; от Бедеря 12 ковов, приводять коней до 20 тысящь продають, всякый товар свозять; во Гондустаньской земли той торг лучший, всякый товар продають, купять, на память шиха Аладина, на руськый праздник на Покров[1] святыя богородица. Есть в том Алянде и птица гукук, летает ночи, а кличеть «гукук». А на которой хороминѣ сѣдить, то тут человѣк умреть; а къто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть. А мамонь* ходят ночи да имають куры, а живуть в горѣ или в каменье. А обезьяны то тѣ живуть по лесу, да у них есть князь обезьяньскый, да ходить ратию своею, да кто их займаеть, и они ся жалують князю своему, и он посылаеть на того свою рать, и они пришед на град, и дворы разволяють и людей побьють. А рати их, сказывають, велми много, и языкы их есть свои, а детей родять много; да которой родится не в отца, не в матерь, ини тѣх мечють по дорогам; ины гондустанци тѣх имают да учать их всякому рукодѣлью, а иных продають ночи, чтоб взад не знали побѣжати, а иных учат базы микаит*.

Весна же у них стала с Покрова святыя богородица; а празднують шиху Аладину и веснѣ двѣ недѣли по Покровѣ, а празднують 8 дни; а весну держать 3 мѣсяца, а лѣто 3 месяца, а зиму 3 мѣсяца, а осень 3 мѣсяца. В Бедери же их стол Гундустану бесерменьскому. А град есть велик, а людей много велмии; а салтан велик 20 лет, а держать бояре, а княжат фарасанци, а воюють все хоросанци.

Есть хоросанець Меликтучар боярин[2], ино у него рати двѣсте тысячь, а у Мелик-хана 100 тысячь, а у Харат-хана 20 тысячь; а много тех ханов по 10 тысячь рати. А с салтаном выходят 300 тысяч рати своей. А земля людна велми, а сельскыя люди голы велми, а бояре силны добрѣ и пышны велми; а все их носять на кровати своих на сребряных, да пред ними водят кони в снастех золотых до 20; а на конех за ними 300 человѣк, а пѣших 500 человѣк, да трубников 10, да нагарников* 10 человек, да свирѣлников 10 человѣк. Султан же

---

[1] Т. е. 1 октября.

[2] *Меликтучар*, или *Мелик-ат-туджар*, прозванный Махмут Гаван,— визирь, поэт и математик, казненный по приказанию Мухаммед-шаха в 1481 г.

выещаеть на потѣху с матерью да с женою, ино с ним человѣков на конех 10 тысящь, а пѣших 50 тысящь, а слонов водят 200 наряженых в доспѣсех золочоных, да пред ним 100 человек трубников, да плясцев 100 человѣк, да коней простых 300 в снастех золотых, да обезьян за ним 100, да блядей 100, а все гаурыкы*.

В султанов же двор 7-ры ворота, а в воротѣх сѣдят по 100 сторожев да по 100 писцев кофаров; кто поидеть, ини записывають, а кто выйдет, ини записывають; а гарипов* не пускають в град. А двор же его чюден велми, все на вырезѣ да на золотѣ, и послѣдний камень вырѣзан да золотом описан велми чюдно; да во дворѣ у него суды розныя.

Город же Бедерь стерегут в нощи тысяча человѣк кутоваловых*, а ѣздять на конех да в доспѣсех, да у всѣх по свѣтычю. А яз жерепца своего продал в Бедери, да наложил есми у него 60 да и 8 футунов, а кормил есми его год. В Бедери же змии ходят по улицам, а длина ея двѣ сажени. Приидох же в Бедерь о заговѣйне, о Филиповѣ ис Кулонгѣря и продах жеребца своего о Рожествѣ[1], и тут бых до великого заговѣйна в Бедери и познася со многыми индѣяны и сказах им вѣру свою, что есми не бесерменин исаяденией есмь християнин, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуф Хоросани. И они же не учали ся от меня крыти ни о чем, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти.

Да о вѣрѣ же о их распытах все, и оны сказывают: вѣруем в Адама, а Буты[2], кажуть, то есть Адам и род его весь. А вѣр в Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры, а все вѣруют в Бута; а вѣра с вѣрою ни пиеть, ни ясть, ни женится, а иныя же боранину, да куры, да рыбу, да яица ядять, а воловины не ядять никакаа вѣра.

В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся с индѣяны поити к Первоти[3], то их Ерусалим, а по бесерменьскыи Мягъкат, дѣ их бутхана. Там же поидох с индѣяны да будутханы мѣсяць, и торгу у бутьханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния Бутовыя, около ея всея 12 рѣзано вѣнцев, как Бут чюдеса творил, как ся им являл многыми образы: первое человѣческым образом являлся; другое человѣк, а нос слонов; третье человѣк, а виденье обезьанино; в четвертые человѣк, а образом лютаго звѣря, являлся им все с хвостом, а вырезан на камени, а хвост через него сажень...

В буханѣ же Бут вырѣзан ис камени, велми велик, да хвост у него через него, да руку правую поднял высоко да простер, акы Устьян царь Царяградскы, а в лѣвой руцѣ у него копие, а на нем нѣт ничево, а гузно у него обязано ширинкою, а виденье обезьянино, а иныя Буты нагы, нѣт ничево, кот ачюк, а жокы Бутавы нагы вырезаны

---

[1] Т. е. 21 сентября.

[2] *Бут, бутхана* — в речи Афанасия Никитина эти слова употреблялись в значении «идол», «идольский храм».

[3] *Первати* — Перват, где расположен комплекс храмов, посвященных шиваитскому культу.

и с соромом, и з детми, а перет Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан ис камени ис чернаго, а весь позолочен, а целують его в копыто, а сыплют на него цвѣты, и на Бута сыплют цвѣты...

А намаз же их на восток по-руськы, обе рукы подымають высоко, да кладуть на тѣмя, да ложатся ниць на земли, да все ся истягнеть по земли, то их поклоны. А ясти же садятся, ини омывають рукы да и ногы, да и рот пополаскывають. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а Буты стоят на восток. А кто у них умреть, ини тѣх жгут да пепел сыплють на воду. А у жены дитя родится, ино бабить мужь, а имя сыну даеть отец, а дочери мати; а добровтра у них нѣт, а сорома не знають. Или пришел, ины ся кланяють по чернечьскы, обе рукы дотычють до земли, а не говорить ничево...

Месяца маа Великий день взял есми в Бедере бесерменьском и в Гондустани; а в бесермене боґрам* взяли в среду месяца маа; а заговѣл есми месяца априля 1 день. О благовѣрныи християне! Иже кто по многым землям много плаваеть, в многыя грѣхи впадаеть и вѣры ся да лишаеть христианскые. Аз же, рабище божие Афонасие, и сжалися по вѣре; уже проидоша четыре великыя говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Великый день, или говѣйно, ни Рожества Христова нѣ вѣдаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятници не вѣдаю; а книг у меня нѣт, коли мя пограбили, ини книгы взяли у мене, аз же от многыя беды поидох до Индѣи, занже ми на Русь поити нѣ с чѣм, не осталося товару ничево. Пръвый же Велик день взял есми в Каинѣ, другой Велик день в Чебукару в Маздраньской земли, третий Великый день в Гурмызѣ, четвертый Великый день в Индѣи с бесермены в Бедери; и ту же много плаках по вѣрѣ хрестьянской...

В Бедери же месяць стоить 3 дни полон. В Бедери же сладкаго овощу нет. В Гундустанѣ же силнаго вара нѣт; силно вар в Гурмызѣ да в Катобагряим, гдѣ ся жемчюг родить, да в Жидѣ, да в Бакѣ, да в Мисюрѣ*, да в Остани, да в Ларѣ; а в Хоросаньской земли варно, да не таково; а в Чеготани велми варно; а в Ширязѣ, да в Езди, в Кашини варно да вѣтр бывает, а в Гиляни душьно велми да парищо лихо, да в Шамахѣи пар лих; да в Вавилони варно, да Хумитѣ да в Шамѣ варно, а в Ляпѣ не так варно. А в Севастѣи губѣ да в Гурзыньской земли добро обилно всѣм; да Торьскаа земля обилна вельми; да в Волоской земли обилно и дешево все съѣстное; да Подольскаа земля обилна всѣм; а урусь ерь таньгры сакласын; олло сакла, худо сакла, будоньяда мунукыбит ерь ектур; нечик урсу ери бегъляри акай тусил; урусь ерь абадан больсын; расте кам дерет. Олло, худо, бог, бог данъгры...[1]

Султан же пришел до Меликътучара с ратию своею 15 день по улубагрямѣ, а все Кельбергу; и война ся им не удала, один город взяли индѣйской, а людей много изгыбло, и казны много истеряли. А индѣй-

---

[1] В переводе на русский язык это означает: «Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (недобры). Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость».

ской же султан кадам велми силен, и рати у него много, а сидить в горѣ в Биченѣгирѣ. А град же его велми велик, около его три ровы, да сквозѣ его рѣка течеть; а со одну сторону его женьгѣль злый, а з другую сторону пришел дол, чюдна мѣста велми и угодна на все, на одну же сторону прийти нѣкуды, сквозѣ град дорога, а града взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь зла тикень. Под городом же стояла рать месяць, и люди померли с безводия, да голов много велми изгыбло с голоду да с безводоци; а на воду смотрить, а взять нѣкуды. Град же взял индѣйскы Меликъчан ходя, а взял его силою, день и ночь бил ся с городом 20 дни, рать ни пила, ни яла, под городом стояла с пушками; а рати его изгыбло 5 тысяч люду добраго, и город взял, ины высѣкли 20 тысяч поголовия мужескаго и женьскаго, а 20 тысяч полону взял и великаго и малаго, а продавали полону голову по 10 тенек*, а иную по 5 тенек, а робята по 2 теньки, а казны же не было ничево, а болшаго града не взял...

Дабыл же есть град велми велик, а х тому жь Дабили съежщается вся поморья Индѣйскаа и Ефиопьскаа. И ту аканный и яз, рабище Афанасие, бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христианьской, и по крещение Христовѣ, и по говѣйнѣх святых отець устроеных и по заповедех апостольских, и устремихся ум поити на Русь; внидох же в таву и съговорих о налонѣ корабленем, а от своея головы 2 золотых до Гурмыза града дати.

И внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за 3 месяци, бесерьменьскаго говѣйна; идох же в тавѣ по морю месяць, а не видах ничево; на другый же месяць увидѣх горы Ефиопскыя. И ту людие вси въскличаша «олло бервогыдирь, олло конькар, бизим баши мудна насип болмышьти», а по-рускы языком молвят: «Боже государю, боже, боже вышний, царю небесный! Зде ли нам судил еси погыбнути?»

И в той же земли Ефиопьской бых 5 дни, божиею благодатию зло ся не учинило, много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопом, ины судна не пограбили. А оттудова же поидох 12 дни до Мошьката, и в Мошкате же шестый Великый день взях, и поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызѣ бых 20 дни. И з Гурмыза поидох к Лари, и бых 3 дни. Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязи бых 7 дни. А из Ширяза поидох к Верху 15, а в Вергу бых 10 дни. А из Вергу поидох к Езъди 9 дни, а в Езди бых 8 дни. А из Езди поидох к Спагани 5 дни, а в Спагани 6 дни. А ис Спагани поидох Кашани, а в Кашани бых 5 дни. А ис Кошани поидох к Куму. А ис Кума поидох в Саву. А ис Савы поидох в Султанию. А ис Султании поидох до Терьвиза. А ис Тервиза поидох в орду Асанбѣ, в-ърде же бых 10 дни, ано пути нѣту никуды. А на Турьскав послал рати своей 40 тысяч, ины Севасть взяли, а Тохан взяли да и пожьгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на Караман воюючи. И яз из орды пошел к Арцицину; а из Ръцана пошел есми в Трепизон.

И в Трепизон же приидох на Покров святыя богородица и приснодѣвыя Мария, и бых же в Трипизони 5 дни, и на корабль приидох

и сговорих о налонѣ дати золотой от своея головы до Кафы, а золото есми взял на харчь, а дати в Кафе. А в Трепизони же ми шубашь* да паша много зла ми учиниша, хлам мой весь к собѣ взнесли в город на гору, да обыскали все; а обыскывають грамот, что есми пришел из орды Асанъбега.

Божиею милостью приидох до третьаго моря до Чермнаго, а парьсьиским языком дория Стимъбольскаа. Идох же по морю вѣтром пять дни, и доидох до Вонады; и ту нас стрѣтил великый вѣтр полунощь, и възврати нас к Трипизону; и стояли есмя в Платанѣ 15 дни, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море двожды, и вѣтр нас стречаеть злы, не дасть нам по морю ходити; олло ак олло худо перводегерь, развѣе бо того иного бога не знаем. И море же преидох да занесе нас сык Балыкае, а оттудова Тъкързофу[1], и ту стоали есмя 5 дни.

Божиею милостью придох в Кафе за 9 дни до Филипова заговейна, олло перводигырь. Милостию же божиею преидох же три моря.

ПОВЕСТЬ О МУТЬЯНСКОМ ВОЕВОДЕ ДРАКУЛЕ

Повесть о Дракуле на Руси возникла на основе европейского сюжета. Время ее появления следует отнести к последней четверти XV в. В повести ярко выражены обличительные тенденции «зломудрствования» феодального деспотического правителя. Это дало возможность в XVI в. боярам, враждебно относящимся к Ивану Грозному, воспользоваться повестью в идеологической борьбе против политики царя.

Текст повести перепечатывается по списку конца XV в., изданному в исследовании: Лурье Я. С. «Повесть о Дракуле».— М.; Л., 1964.

Бысь в Мунтьянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула[2] влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его.

Приидоша к нему некогда от турьскаго поклисарие[3] и, егда внидоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а кап* своих з глав не сняша, он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвещаша: «Таков обычай нашь, государь, и земля наша имеет». Он же глагола им: «И аз хощу вашего закона потвердити, да крепко стоите». И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше скажите государю вашему: он навык от вас ту срамоту терпети, мы же не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себя его да держит».

Царь же велми разсердити себе о том и поиде воинством на него

---

[1] *...Балыкае, Тъкързофу* — города в Крыму.

[2] Прототипом Дракулы послужил валашский господарь Влад IV Цепеш, правивший в 50—60-е гг. XV в. и отличавшийся жестокостью. *Мунтьянская земля,* или *Мунтения* — Восточная Валахия, которая входит в современную Румынию.

[3] *Поклисарие, апоклисарь* — посол (греч.).

и прииде на него со многими силами. Он же, собрав елико имеаше у себе войска и удари на турков нощию, и множьство изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възратися. И кои с ним з бою того приидоша, и начат их сам смотрити; кой ранен спреди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на кол повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани зде». Царь же, слышав то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не сме на него поити.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дась дань. Дракула же велми почести поклисаря оного, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хощу дань давати царю, но со всем своим воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелит, тако ему служу. И ты возвести царю, как поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мне и моим людем, а яз скоро хощу по тебе ко царю ити, и дань принесу и сам к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хощет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много. И велми рад бысь, бе бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався с всем воиньством, и приставове царстии с ним и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся, и начат пленити градове и села, и множество много поплени и изсече, овых на колие сажаху турков, а иных на полы пресекая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множьство много користи взем, возвратись, приставов тех почтив, отпусти, рек: «Шедше повесте царю вашему, яко же видесте; сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побежен бысь.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысь. Источник его и кладязь на едином месте, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многых стран, и прихождаху людие мнозии, пияху от кладязя и источника воду, студена бо бе и сладка. Он же у того кладезя на пустом месте постави чару велию и дивну злату; и хто хотяще воду пити, да тою чарою пиет, на том месте да поставит, и елико оно время пребысь, никто ж смеаше ту чару взяти.

Единою же пусти по всей земли свое веление, да кто стар, иль немощен, иль чим вреден, иль нищ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленое множьство нищих и странных к нему, чающе от него ве-

ликиа милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси отвещаша: «Ведает, государю, бог и твое величество, как тя бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?» Они же чающе от него велико нечто и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к боляром своим: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто ж да не будеть нищь в моей земли, но вси богатии; второе, свободих их, да не стражут никто ж от них на сем свете от нищеты иль от недуга».

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разно, и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колех и на колесех, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали». Он же призвав перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко ти мученици суть. Аз и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик». И повеле его на кол посадити проходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глаголя: «Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести и до Угорскыя земли.

Некогда ж прииде купець гость некы от Угорскыя земли в его град. И по его заповеди остави воз свой на улици града пред полатою и товар свой на возе, а сам спаше в полате. И пришел некто, украде с воза 160 дукат злата. Купец же иде к Дракуле, поведа ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Пойди, в сию нощь обрящеши злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повеле свое злато, нес, положити на возе в нощи и приложи един златой. Купец же въстав, и обрете злато, и прочет единою и дващи*, обретанесь един лишний златой, и шед к Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато, и се есть един златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и с златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срам ей вырезати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и кожюту на столпе среди града и торга повесити, и девицам, кои девьства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ея, и рожен* железен разжегши, вонзаху в срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снедь будет.

Единою же яздящу ему путем и узре на некоем сиромахе* срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвеща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижю». И узре жену его младу сущу и здраву и глагола мужу ея: «Неси ли лен сеял?» Он же отвеща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола жене его: «Да почто ты леность имееши к мужу своему? Он должен есть сеяти и орати, тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а здрава сущи телом. Ты еси повинна, а не мужь твой: аще ль бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руце отсещи и труп ея на кол всадити.

Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже на колие саженых, множьство бо округ стола его; он же среди их ядяше и тем услажашесь. Слуга ж его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети и заткну нос и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можеть тебе доити».

Иногда ж прииде от угорскаго короля Маттеашя[1] апоклисарь до него, человек не мал болярин, в лясех родом. И повеле ему сести с собою на обеде среди трупия того. И пред ним лежаше один кол велми дебел и высок, весь позлащен, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учиних сей кол тако? Повеж ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: неки великий человек пред тобою согреши, и хощеши ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол кралевьскы, тебе учиних сей кол». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори еже хощеши. Праведный бо еси судия; не ты повинен моей смерти, но аз сам». Дракула ж расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на сем коле». И почти его велми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты в правду ходи на поклисарство от великых государей к великым государем, научен бо еси с государьми великыми говорити, прочии же да не дерзнуть, но первое учими будуть, как им с государьми великыми беседовати». Таков обычай имеаше Дракула: отколе к нему прихождаше посол от царя или от короля неизящен и не умеаше против козням кто отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти — иль государь твой, иль ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклисарю учиняше кол высок и позлащен весь, и на него всаждаше, и государю его те речи отписо-

---

[1] *Маттеаш* — венгерский король Матвей Корвин (1458—1490)

ваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и ненаучена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочкы железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посещи повеле, да никто ж увесть съделаннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеашь; он же поиде против ему, и сретеся с ними, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле. И приведен бысь Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницю. И седе в Вышеграде[1] на Дунаи выше Будина 12 лет. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхощет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латиньскую веру приметь, аще ль же ни, то умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приат латыньскую прелесть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтьянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немь, яко, и в темници седя, не остася своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше их: ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие ощипав, пускаше. И научися шити и тем в темници кормляшесь.

Егда ж краль изведе его ис темници, и приведе его на Будин, и дасть ему дом в Пещи противу Будина[2], и еще у краля не был, случися некоему злодею уйти на его двор и съхранися. Гонящии же приидоша и начаша искати и найдоша его. Дракула же востав, взем мечь свой, и скочи с полаты, и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочии же бежаша и приидоша к биреву* и поведаша ему бывшее. Бирев же с всеми посадникы иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Корол же посла к нему, вопрашая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвеща: «Зло никое ж учиних, но он сам себе убил; находя разбойническы на великаго государя дом, всяк так погибнеть. Аще ли то ко мне пришел бы явил, и аз во своем дому нашел бы того злодея, или бы выдал, или проспл его от смерти». Кралю же поведаша. Корол же нача смеятися и дивитись его сердцю.

Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сещи и гнаша их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть тур-

[1] *Вышеград* — резиденция венгерских королей недалеко от Будапешта, на правом берегу Дуная, где находился королевский замок, отличавшийся во времена Матвея Корвина роскошными постройками.

[2] *Пещь* и *Будин* — районы Будапешта, расположенные на противоположных берегах Дуная.

ков, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящись яко турчин, и удари его един копием. Он же видев, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийць мечем своим 5, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиен бысь.

Корол же сестру свою взят, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другий был у Варадинского бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго Михаила, тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибег ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула с единою девкою. Стефан же молдовскый з кралевы воли посади на Мунтьянской земли некоего воеводскаго сына, Влада[1] именем. Бысь бо той Влад от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало побил и убил его Стефан волосьскы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтьянской земли Влад, иже бывы чернець и игумен.

В лето 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лето 6998 генваря 28 вдругье преписах, аз грешны Ефросин[2].

ПОВЕСТЬ О ПСКОВСКОМ ВЗЯТИИ

Повесть, извлеченная из Первой псковской летописи, рассказывает о присоединении Пскова к Москве. Автор повести — современник событий, псковитянин, преданный своему родному городу. Он скорбно осуждает произвол московских воевод и наместников и вместе с этим понимает историческую необходимость единения с Москвой. Для этой повести, как и вообще для псковской литературы, характерно отсутствие риторики, точность описаний и простота языка.

Повесть в сокращении перепечатывается из издания: Псковские летописи / Под ред. А. Насонова.— М., 1955.— Вып. 2.

От начала убо Русския земли сеи убо град Псков ни коим же князем владом бе, но на своеи воли живяху в нем сущии людие. Прежняя же убо удельная княжения взят князь великии московскии[3] под свою область не во едино время ратию, но по разну, яко же летописная книга пишет. Первое суждальского князя Семиона[4] покори себе; по том Новгород; таже Тверь взят, а князь тверскии в Литву утече князь Михайло[5]. Псков же град тверд стенами, и

---

[1] *Стефан Великий* — молдавский князь. *Влад,* или *Влад Монах,*— валашский князь с 1481 г., сын Влада Цепеша (Дракулы).

[2] *Ефросин* — монах Кирилло-Белозерского монастыря, живший во второй половине XV в., знаменитый переписчик многих книг, в том числе составитель списков краткой редакции «Задонщины», «Хождения игумена Даниила», «Толковой Палеи», «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и др.

[3] Имеется в виду Василий III (1479—1533) — великий московский князь, сын Ивана III и Софьи Палеолог, отец Ивана Грозного. В 1510 г. он совершил разорительный поход на Псков и присоединил Псковское княжество к Москве.

[4] Имеется в виду Симеон Иванович Гордый (1317—1353) — великий московский князь.

[5] *Тверской князь Михайло* — Михаил Борисович тверской (1453—1505). Здесь упоминаются события 1483—1486 гг., когда Михаил Борисович заключил союз с литовским князем Казимиром IV, за что Иван III напал на Тверь, тверской князь бежал в Литву, а Тверское княжество было присоединено к Москве.

людеи бе множество в нем, и того ради не иде на них ратию, и бояся, чтобы не отступили в Литву; и того ради льстя бе им лукавством злым, и мир име со псковичи, и крест ему целоваху псковичи, что от великого князя не отступити никуде. Князь же великии посылаше к ним кнезеи своих по их прошению, коего восхотят, того и пошлют; а иногда посылаше наместники своя во Псков по своеи воли, коего восхощет, не по их воли. Они же насиловаху и грабяху и продаяху их поклепы и суды неправедными. Пскова же града живущии и прочии окрестных градов посылаху на них посадники своя великому князю жаловатися на них. И сице многажды бысть тако.

В лето 7018. Октября в 26 день князь великое Василеи Ивановичь приехал во свою отчину в Великии Новгород, с своим братом со князем Андреем и с своими бояры. И псковичи услышавше государя великого князя в Новегороде, и послаша послов своих, 70 посадников, Юрия да Михаила и иных, и бояр изо всех концов, и даша псковичи дару великому князю полтораста рублев новгородцкихь; и биша челом ему о жаловании* своея вотчины, мужеи псковичь добровольных* людеи, что есмя изобижены от твоего наместника, а от нашего князя Ивана Михайловича Репни[1], и от его наместников пригороцких и от ихь людей. И князь великои отвечал посадником: «Яз вас свою отчину хочю жаловати и боронити, яко же отец наш и деды наши великие князи; и что ми повестуете о наместники моем и о своем князе Иване Репни, аже на него станут многие жалобы, и аз его обвиню пред вами». И посадников отпустил во Псков. Сказали на вечи, что князь великии дар ихь честно принял, а сердечныя мысли никто же весть, что князь великои здумал на свою отчину и на мужи и на град Псков.

И потом, тоя же зимы, по мале времени поехал изо Пскова князь Иван Репня Суздальских князеи ко государю великому князю жаловатися на псковичь, что де его псковичи бесчествовали; а тот Репня не пошлиною* приехал во Псков да сел на княженье, а не по крестному целованью учал во Пскове жити, а не учал добра хотети живоначальнои Троицы и мужем псковичем. А тот Репня многа зла чинил детем боярским и посадничим детем, а тые дети боярские* и посадничи, здумав себе, да ехали великому князю бити челом и жаловатися на князя Ивана Репню.

И потом посадники со псковичи здумав себе не на пользу, и начаша грамоты писати по пригородам и по волостем, ркучи тако: аще который человек каков ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ехали ко государю великому князю в Новгород против его великому князю бити челом. И на тои же недели поехал Леонтеи посадник бити челом на посадника Юрья. И Юрья поехал отвечати; и тамо тягалися, и Юрьи посадник прислал грамоту во Псков, а в грамоте пишет: «аже не едут посадники против князя говорити Ивана Репни, ино будет вся земля виновата».

---

[1] *Иван Михайлович Репня* — московский наместник в Пскове, из суздальских князей.

И в ту пору псковичем сердце уныло, а на 4-и день по тои грамоте поехали 9 посадников да и купецких людеи старосты всех рядов в Новгород. И князь великои управы им никакои не дает, а рек им тако: «копитеся* вы, жалобные люди, на Крещение господне, и яз вам всем управу подаю; а ныне вам управы никаковы нет». И приехаша вси псковичи во Псков; и егда же приспеваше срок тои, поехаша посадники в Новгород к великому князю и купецкие старосты, не ведуще своея погибели. На самыи праздник Крещения господня князь великии Василеи Иванович велел посадником всем копитися и бояром и купецким старостам и повеле ити на реку на водокрещение; и сам поиде князь великои со всеми своими бояры на Волхов, а владыки в то время не бысть тогда в Новегороде, и крести воду владыка смоленскои; и крестив воду пошли к Софеи премудрости божии. И князь же велико и велел своим бояром по своеи думе творити, как себе здумали, и боярам псковским и посадником и всяким жалобным людем учали говорити: «Государь приказал, велел вам всем копитися в царьскои двор свои исполна, а кои не будет, ино боялся бы государевы казни, а государь хочет всем управу дати». И посадники пошли на владычень двор с воды. И бояре спрашивали: «Уже ли все скопилися». Они же рекоша: «Вси». И посадников и бояр и купцов ввели в полату, а молодшия люди на дворе осталися. И внидоша; великого князя бояре рекоша псковичам: «Поиманы* есте богом и государем и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии». И ту посадиша посадников, а молодшихь людеи, переписав, подаваша новгородцом по улицам поити и кормити и беречи до управы.

И переняша псковичи полоняную свою весть и горе от Филипа Поповича от купчины от псковитина; и он ехал к Новугороду и стал у Веряжи[1], и услышав тую злую весть и оставя товар, и погонил ко Пскову, и сказал псковичам, что князь великии челобитщиков псковских всех переимал. И нападе на псковичь страх и трепет и туга, и пресхоша гортани их от скорби и печали, и уста их пресмягли; яко же многажды приходиша немцы на них и таковы им скорби и печали не бывало тогда, яко же ныне. И собрашася на вечи, начаша думати, ставити ли щит против государя и запирати ли ся во граде. И воспомянуша крестное целование, что не мощно на государя руки подняти, ни воздвигнути против великого князя, а посадники и бояре и вси люди лучшие у него. И послаша гонца Еустафия сотцкого бити челом со слезами от мала и до велика, чтобы ты, государь наш великии, князь Василеи Иванович, жаловал свою отчину старинную; а мы, сироты твои, преже сего и ныне неотступны были от тебя государя и не противны были тебе государю; бог волен да и ты с своею отчиною и с нами людишками своими.

И прислал князь великии дияка Третьяка Далматова з жалованным со льстивым словом; и псковичи обрадовалися от государя жалованья и старины, еже Третьяк им на вечи сказал первую и новую

---

[1] *Вережа* — предместье Новгорода.

пошлину*, поклон от великого князя: что де и отчина моя псковичи толко хотите в старине прожити, и вы бы есте две воли мои изволили, чтобы у вас вечья не было да и колокол бы вечнои сняли, а здесь быти двем наместником, а по пригороду по наместнику же быти, и вы еще в старине проживете; а толко тех дву воль не сотворите государю и не изволите, ино как бог по сердцу положит, ино у него много силы готовои; и то кровопролитие на тех будет, хто государевы воли не сотворит; да государь наш хочет побывати на поклон к Троицы во Псков[1]. Да отговорив то да сел на степени. И псковичи удариша челом в землю, и не могли против его ответа дати от слез и туги сердечныя, и никого же несть иже бы тогда не плакал; токмо тыя не испустили слез, иже младенцы ссущии млеко. И токмо ему отвещали: «Посол государев, даст бог заутра и мы себе подумаем да тебе о всем скажем». И бе тогда во Пскове плач и рыдание и стонание, во всех домех друг друга обнимающе.

На утрия же, освитающую дни недельному, позвониша на вече и собрашася посадники и все псковичи, и приеха дьяк государев, и начаша ему тако говорити: «Тако у нас написано в летописцех, прадеды и деды и со отцем его государем крестное целование с великими князьями положено, что нам псковичем от государя своего великого князя кои ни будет на Московском государьстве, и нам от него не отъити ни в Литву ни в Немцы, а нам жити по старине в добровольи; а мы псковичи отъидем от великого князя в Литву или в Немцы или о себе станем жити без государя, ино на нас гнев божии, глад и огнь и потоп и нашествие поганых; а государь наш не учнет тое крестное целование на себе держати, ино на него тот же обет, коли нас не учнет в старине держати; а нынеча бог волен да государь в своеи отчине и дедине во граде Пскове и в нас и в колоколе нашем; а мы прежняго своего целования не хотим изменити, и мы на государя своего руки подняти и в городе запертися не хотим; а государь наш хочет живоначальнеи Троицы помолитися, а в своеи отчине побывати во Пскове, и мы его, государя своего, ради всем сердцем, что нас не погубил до конца».

И генваря в 13 день спустиша колокол вечнои у святыя Троица, и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своеи старине и по своеи воли, и повезоша его на Снятогорской двор ко Иоанну Богослову.

И тогда отъятся слова псковская, и бысть пленен не иноверными, но своими единоверными людьми. И кто сего не восплачет и не возрыдает. О славнеишии граде Пскове, великии во градех, почто бо сетуеши и плачеши? И отвеща прекрасный град Псков: «Како ми не сетовати или како ми не плакати и не скорбети своего опустения? И прилетел бо на ми многокрыльныи орел, исполнь крыле львовых ногтеи, и взят от мене три кедра ливанова, и красоту мою и богатество и чада моя восхити, богу попустившу за грехи наша, и землю пусту сотвориша, и град наш разориша, и люди моя плениша, и торжища

[1] *Троица во Пскове* — главный собор в Псковском кремле.

моя раскопаша, а иные торжища коневым калом заметаша, и отец и братию нашу разведоша, где не бывали отцы и деды и прадеды наша, и тамо отцы и братию нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша в поругание даша. И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческии образ, не хотяше итти в плен от своего града». Поучение. Ныне же, братия, сия видящи, убоимся прещения сего страшного, припадем к богу своему, исповедающе грехов своих, да не внидем в большии гнев господень и не наведем на ся казни больши первои; ждет бо нашего покаяния и обращения, и мы не покаяхомся, но еще на большии грех превратихомся, на злыя поклепы и лихия дела, и у вечь кричание, а не ведущи глава, что язык говорит; и не умеюще своего дому строити, а градом содержати хощем. Сего ради самоволия и непокорения друг другу бысть сия вся злая на ны.

По сем нача князь великой деревни давати бояром своим, сведеных бояр псковскихъ, и посади наместника на Пскове Григорья Федоровича Морозова да Ивана Андреевича Челядина, да диака Мисюря Мунехина, а другим дияком ямским Андрея Волосатого, и 12 городничих, и старост московских 12, и псковских 12, и деревни им даша; а велел им в суде сидети с наместники и с тиуны, правды стеречи. И у наместников и их тиунов и у дияков великого князя правда их в крестное целованье возлетела на небо, а кривда в них нача ходити, и нача быти многая злая в них, быша немилостивы до псковичь; а псковичи бедныя не ведаша правды московския...

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

Книга «Стефанит и Ихнилат» — это цикл нравоучительных притч и сказаний, излагаемых в форме беседы царя и философа, который рассказывает занимательные истории, действующими лицами которых являются животные и иногда люди. Причем в конце каждой притчи царь ставит вопрос, в ответ на который философ рассказывает новую нравоучительную историю. Иногда притчи рассказываются также от лица Стефанита и Ихнилата. Книга эта была переведена с греческого на сербский и болгарский языки в XIII—XIV вв. На Руси она появилась в XV в. Названа книга «Стефанит и Ихнилат» по имени двух шакалов. Эти имена, как и вся книга, восходят к версии древнеиндийского памятника «Панчатантра», где они назывались Каратака («Темнокрасный») и Даманака («Усмиритель»). В переводе на персидский и арабский языки они превратились в Калила и Димна, а в свою очередь в переводе с арабского на греческий превратились в Стефанита и Ихнилата. Сюжеты из «Стефанита и Ихнилата» использовались в баснях И. А. Крылова, в «Книгах для чтения» Л. Н. Толстого, в произведениях В. М. Гаршина, А. М. Ремезова.

Отрывки из книги печатаются по Толстовскому списку, опубликованному в исследовании: «Стефанит и Ихнилат». Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков /Издание подготовили О. П. Лихачева и Я. С. Лурье.— Л., 1969.

О ПРИТЧАХ СПИСАНИЕ СИФА АНТИОХА[1], ДРУЗИИ ЖЕ МНЕША, ИВАННА ДАМАСКИНА[2], ЗЕЛО ПЕСНОТВОРЦА, ИЖЕ О ЗВЕРЕХ, НАРИЦАЕМЫХ СТЕФАНИДА И ИХНИЛАТА

Вопрос царев.

Царь индейский вопрошаше некоего от философ своих, глаголя: «Хощу, яко да притчею покажеши ми, како льстивый муж и лукавый, еже посреди составленную в неких любовь же и дружбу, влагает им ложь и дружбу их разрушает».

Философ же восприим от царя и рече притчю.

Глаголетца, яко купец некий многославен сый и житие добродетелно по сотворению имый и дети у себе умовредны имеяй, не хотящая леності ради художества некоего рукоделия навыкнути.

Отец же наказателным словесы глаголя к ним, беседоваше: «О чада, иже в житии сем возрастаемым, три вещи требе есть: доволно богатество и славу от человек и получение благим онем, еже с праведными пребывати. Сия же три вещи не пребывают николи же точию четырми вещми: еже собирати богатество мерами праведными и благословенными, и иже стяжаемая добре растворяти и разсмотряти, та же и еще раздавати от стяжаемых требующим, еже ползуют вельми в будущем житии, и еще укланятися от приключаемых падений, и елико по силе их.

Иже убо в коем от трех сих мимотечет, и ничто же ползует, аще бо не богатства приобрящет, не возможет убо возвращатися в житии, ни же благодарствовати кого. Аще убо богат будет, не добре же житие свое растворяет, вскоре убо и нищим сей причастен будет. Аще убо и малоястие творит, не пребывающу никоему приложению, помалу богатство все изнурится. Аще убо богатьство притяжется, и во худо будет попечение, ни от сих же подасться, идеже подобает, имея таковое богатьство, нищий во истинну вменяется и повинен есть всякой погибели. Яко же сопуси разсыпываются, егда в них вода умножится, а исхожению пути не обрящет. Или яко червь снедает древо, сице и сей душу».

Сие же слышавше отроцы наказание от отца своего к себе и покоришася отчю повелению. Яко же он отец, наказуя дети своя, и повеле делати непрестанно на гумне. Или яко же кий чему да навыкнет по художеству рукоделия да изберетца ему такий месяц, и день, и час, в он же обогатится. И прочее же наказав и умолче. Сия же слышащий имеяй ум, да разумеите. Зрите, о иноцы, небрегуще о ручном деле! По Апостолу, празный да не яст. Глаголет бо Апостол тако яко: руце мои послужиста мне и сущим со мною.

---

[1] *Сиф Антиох* — ученый и переводчик при дворе византийского императора в XI в.; его считают переводчиком с арабского книги притч о Стефаните и Ихнилате.

[2] *Иоанн Дамаскин* — известный византийский гимнограф и богослов VIII в., которому в славянских переводах без основания также приписывалось авторство в «списании» притч.

СКАЗАНИЕ О КУПЦЕХ

Се же на предняя возвратимся.

Первый убо от тех преже реченных отрок послан бысть от отца своего на куплю, имея же с собою колесницу, влекому двема телцы. И прилучися на пути единому от телец в тине увязнути. Купец же виде Телца своего погрязша в тине и устремися к нему вкупе с своими скоро, и испряже ево от кола, и с нуждею едва извлече ево. Телец же изнеможе зело, не могий ходити, и оставлен бысть того ради от купца своего на пути. Телец же той недоумением одержим бе, и востав от места, и походив семо и авамо, и обрет поле травоносно и водно, и пребысть в нем, питаяся. Не по мнозе же времяни Телец той зело утый утолсте и утучне и начат рогами землю рыти и вельми рыкати...

Се же Телцу рыкающу и рогами землю рыющу, близ же тово места на поле пребываше царь некий Лев. Бяше же у того Лва царя животнии и различни родове зверей: лвове же, и медведи, и волцы, и лисицы, и инии зверие мнози. Лев же бе той царь вознослив и горд, а мудростию скуден. Слышав же Телчие рыкание и убояся зело, и не хотя боязнь свою явити сущим под ним зверем, сего ради стояше на едином месте, не преходя с места на ино место. Зри, како сильный и могущий многажды несилнаго убоится!

Бяху убо у того Лва царя с сущими зверми два зверя ины, един убо от них Стефанид нарицаемый, а другий — Ихнилат. Оба же видом различнии и мудроумни суще, обаче же Ихнилат лукав бяше некако душею и много разумея вещем достизания. И рече Ихнилат к Стефаниду: «Чесо, друже, яко се зрим Лва царя нашево непроходна от места на ино место, яко убо и лду померзшу, по обычаю же своему Лву никому насилующу?» Стефанит же, слышав се от Ихнилата, и рече ему: «Что тебе обещно к таковым вопросом неподобным? Ничто же бо нам с тобою прискорбно есть от царя нашего Лва и тяготно, но точию вратом его приседим и дневную от него пищу приемлем, но несть мы достоинни с тобою о царе беседовати, и ни же от них что разсматряти. Престани убо, Ихнилате, от таковых, еже ми глаголеши, и познай се, яко иже кто влагаяй себе в неподобная словеса и дела, и той да постражет, яко пифик некий.

ПРИТЧА О ПИФИЦЕ[1]

Глаголет бо ся, яко пифик некий, виде некоего древоделя, двема клинома древо некое раскалающа. И се древоделю делающу, и яко некия ради потребы отшедшу ему, пифик же, уподобитися хотя древоделю, и пришед, сяде на то же древо и нача древо тако же раскалати клинома. Мудом же пификовым, в щель влезшим древа тово, и клин неведением извлече сам из древа, и абие соступися древо. Мудом же ево увязнувшим в древе, и оттого малодушьствоваше пифик. Древоделю же паки пришедшу к древу тому, и мучим

[1] *Пифик* — обезьяна.

бысть от него пифик велми. Яко же бо и птица ни главою, ни ногою, но единем ногтем увязнет, обаче в сети есть ловящих ю́ и не может избыти»...

ПРИТЧА О ВРАНЕ И ЗМИИ

«Глаголет бо ся, яко вран некий вогнездяшеся в некоем древе в горе и от некоего змия на всяко время обиден бываше, и птенца его снедаше. Яко убо множицею змий творяше таковое, и шед вран к некоему своему другу зверю и рече к нему: «Хощу тебе советника сотворити. Не веси бо, каковая стражу от змия? И мнит ми ся полезно быти: тому мне приближитися, ему спящу, и очи ему извертети». Звер же рече: «Не добре советовал еси, но промысли хитрость иную, еже онаго погубиши, ты же невредим пребудеши. Да не подобно постражеши жаравлево.

ПРИТЧА О ЖАРАВЛЕ И О ЕЖЕ

Глаголет бо ся, яко жеравь некий, при блате пребывая исполнену рыб и от них же питаяся, состарев же ся и на лов не возможе подвизатися. И гладом одержим востужи си и поиде в некую гору и, восходя, обрете ежа во своей скорби. Ежь же рече к нему: «Что ради печален еси и скорбен?» Он же восприим рече: «И како не скорблю? Первие пребывах при блате некоем и от рыб его питахся, многим обилием суще. Днесь же узрех два рыбаря, приходяща на место то и друг другу беседующа, како всю ту рыбу изловят».

Ежь же то слышав от жаравля, прииде к рыбам и поведа им, еже слышав от жаравля. Они же пришедше к жаравлю и реша: «Ныне хощем советника тя имети. Услышахом бо, яко рыбари нецы советоваху изловити нас». Жеравль же рече: «Ни едино вам предлежит художество, точию преити от места своего во иное место тростяно и водно, идеже доволну пищу обретше и добре живуще, избавитеся предлежащия беды».

Рыбы же рекоша: «Пренеси убо ты нас на таковое место». Он же рече: «Боюся, да не прежде предложения вашего придут рыбарие. Обаче елико ми есть мощно, се сотворю». И начат с таковою притчею преносити по малу рыбы в некоей губе на берег, и тамо ядяше их, другим рыбам мнящим, яко в порученное место преносит их, еже сохранитися и соблюстися тем тамо. И юже ископа яму безумный инем, сам впадеся в ню.

Во един убо от днии умоли ежь жаравля пренести и того, яко же и рыбы. Прием же его жеравль и отнесе на гору, идеже и рыбы снедаше. Советова же и того снести. Видев же ежь кости рыбныя, там лежащая, и уразуме лесть и в себе помышляше, яко: «Нужно смертен буду, аще противлюся жаравлю или аще покорюся. Един суд прииму. Ныне же смыслих, да не бесчестною смертию постражу. Но или добре жити ми, или добре умрети, тако бо благоумному подо-

бает». И напрасно обзинув жеравлеву шею устнами и нужно удави его.

Сего ради таковая сказах ти, о вране, яко да увеси, яко враждующеи некогда нецыи своими сетми чти бывают. Но подобает ти тако змиеву погибель промыслити: смотри долу женьския красоты чеснейшаи, похити ю̆, и отнес, во гнезде змиеве положи ю̆. Сего же ради по ней последъствуют нецыи, обретше же змия и убьют его». Еже и бысть. Тако бо сотвори вран и избавлен бысть от змия».

Рече же Ихнилат Стефаниду: «Сия сказах, да разумееши, яко мудрость есть болше крепости». Стефанид же рече: «Аще не бы противу мужеству мудрость, оставил убо бых таковая беседовати тебе, но вкупе с храбростию и разумен еси». Ихнилат же рече: «Истину рекл еси, яко таков есмь. Но имам низложити его по искушению. Дерзаю бо и верую многим вещем, еже быша во многих. Иногда бо и заяц лва низложил есть.

ПРИТЧА О ЛВЕ И О ЗАИЦЕ

Глаголет бо ся, яко лев некий обитоваше травоносно поле и водно, в нем же родове зверем различнии пребываху и обилно от оного поля насыщахуся и веселяхуся, точию же от страха лвова ужасаеми. И совет совещавше, приидоша ко лву и рекоша ему: «Совещахом вси, о царю, яко да тебе трудов избавим и болезней, сами же себе беспечалие сотворим. Ты бо со многим трудом и потом единаго ловиши от нас на кийждо день. Мы же, паки боящеся твоего ловления, трепетни вси пребываем. Достоит убо нам, яко да на всяк день украшаем твоя трапезы, кроме трудов».

Се же угодно явися лвови. И проводиша дни многи, жребия творяще друг другу, и на коегождо жребий будет, и посылаху его ко лву. И яко доиде жребий до заица, и рече заец к ловцем: «Аще послушаете мене, о ловцы, избавлю вас от тяготы сея, яже стражем». Они же реша: «Еже хощеши, сотвори». Он же рече: «Рцете ведущему мя нескоро вести мя ко лву. Егда же близ будем, вы да скрыетеся. Аз да отвещаю». Они же тако сотвориша.

И шед заяц медленным хождением ко лву. Яко же лву разъяритися гладом и яко явися заец един, глагола к нему лев: «Почто доселе укоснел еси, яко и прочии, скоро не пришел еси?» Заец же рече: «Друга своего зайца влекох к тебе, и некий лев срете мя и похитив его. Много же ему пригласих и засвидетельствовах, яко лвов есть, и не послуша мя. Аще убо хощеши, и веду тя к нему, и яже хощеши сотвори ему».

Лев же разъярися, рече к зайцу: «Последую ти, где есть». И поведе его заяц в некий кладязь глубок зело и сотвори его приникнути, яко да лва оного видит. И приниче с ним и заяц и рече ему: «Видиши ли лва, иже похити твоего зайца? Се же и заец у него есть». И показа ему свою стень и лвову в воде. Се же видев лев и мнев, яко тако есть, и вверже себе в кладязь и утопе».

ПРИТЧА О ДВУХ ДРУЗЕХ

Глаголет бо ся, яко в некоей горе пребываху два пифика, имеяху дружбу между собою, един прост, а другий лукав. Во един же от днии ходящим им по полю вкупе, и обретоша сокровище злата, и взяша оттуду, и скрыша в земли, и совещаша совет: «Егда требе будет колико возможно, толико возмем от злата, а прочее в земли оставим на сохранение, и егда требуем, тогда взимаем по малу, дондеже все изнурим».

Сим убо образом на долго время дружба их пребысть. Един же убо лукав сый, другий же препрост. И верова же препростый он лукаваго совету. И скрыша злато оно под дубом неким великим, и погребше, возвратишася восвояси.

По днех же неких изыде тан лукавый и прекладе злато все. И по времени некоем рече препростый к лукавому: «Идем, аще ны годе есть, возмем часть некую от злата, еще имамы в земли». И шедше, и землю раскопавше, и ничтоже обретоша.

Начат же убо лукавый власы своя терзати, и в перси бити, и неутешно вопети на препростаго, яко: «Ты сокровенное злато взял еси». Препростый же тмами клятв того утвержая, яко: «Ничтоже тако сотворих». Конечнее же к некоему судии того приведе. Судия же к лукавому рече: «Аще на друг свой тако оклеветаеши, даждь поличие». Лукавый же рече: «Дуб сам свидетельствует истину, аще и безгласен есть». Судия же, слышав, дивися о реченных. О клятва лукавая, слово блядения безделно, сия глаголется еллиньски лемагрия, сииречь гортанное бешение.

И шед лукавый ко отцу своему и сказа ему, яже о себе, и умоли его, да внидет в дуб и да проглаголет из дуба, яко препростый взял есть сокровище. Отец же его рече: «Аз убо сие сотворю, но блюди, да не во своих сетех ят будеши». И том часе отец его шед вниде в дуб. Бяше бо дуб он дуплив.

Судии же пришедшу и вопросившу дуба, и глас изыде из дуба, яко препро́стый взял есть сокровище. Се же услыша судия, и разумев лукавьство, и повеле дуб он запалити огнем. И абие разгореся огнь и взыде дым на скрытаго оного, и напрасно возопи, и извлечен бысть, и лесть исповеда. И зело мучен бысть и с сыном своим, и отъяша у них злато, тако бо повеле судия быти, и возвратиша все злато препростому.

Такова убо есть лукавого человека и лстиваго кончина. Аз бо всегда твоего языка боюся, яко же бо зуба змиева. Добре бо рече рекий: «Бегай лукава мужа, аще и сродницы и ближники будут». Подобно сотворил еси купеческое.

ПРИТЧА О КУПЦЕ

Глаголет бо ся, яко некий купец хоте поити на куплю и положи залог у некоего человека железа на сто сребреник. И егда возвратися от купля и прииде к нему, у него же бяше положи залог и рече к нему: «Друже, дай же ми железо, еже положих ти залог у

тебе». Он же рече: «В некоем куте дома моего погребох твое железо, и изъедоша е́ мышеве, и не жалиси по том, понеже к нам здрав пришел еси, но прииди к нам днесь, да обедуем вкупе и порадуемся о твоем приходе». Он же, послушав, шед и обеда у него. И по обеде изыде, хотя поити в дом свой, и срете сына человека тово, ему же бе предал железо, и ят его, отведе в дом свой и скрыв его в кущи. И возвратився на стогны и обрете человека оного вопрошающа всех о сыну своем. И той рече к нему: «Аще сына своего ищеши, аз видех его на воздусе, носима от орла». Он же возопи всем и рече: «Видесте ли орла, человека носяща по высоте?» Купец же рече и: «Истинно идеже мышеве железо ядят, тамо и орли человеки восхищают на высоту». Сей же позна бывшее и возврати железо, елико бяше приял, а сына своего взят.

ПОВЕСТЬ О ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЕ

(Из хроники Константина Манассии)

Повесть о Троянской войне извлечена из стихотворной хроники византийского поэта XII в. Константина Манасии. Прозаический перевод этой хроники появился на Руси в конце XV—начале XVI в. на болгарском языке с некоторыми языковыми исправлениями. Русский перевод этой хроники был использован при составлении «Русского хронографа». С событиями Троянской войны русский читатель мог ознакомиться по византийской «Хронике Иоанна Малалы», известной на Руси в переводах еще в начале XII в. В XVI в. был переведен на русский язык латинский рыцарский роман Гвидо де Колумно «Троянская история».

Текст «Повести о Троянской войне» печатается по изданию «Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века» (М., 1984), с некоторыми исправлениями допущенных опечаток и ошибок.

ЗДѢ ПОВѢДАЕТ, КАКО ВЕЧЕРНЫИ ЕЛЛИНЕ И ВОСТОЧНЫЕ МУЖДУСОБНУЮ РАТЬ СОТВОРШЕ ВЕЛИКУЮ НѢКОГДА

Давыду[1] же обладующу еще иноплененными, яже кь Троям брань составлена бысть ради Елини, жени Менелаови. Сию аз восхотѣв брань списати, якоже писавшими прежде пишетца о ней, и хотя глаголати о ней, не якоже Омирь[2] списует, прощения прося от благоразумных. Омир бо, сладкий языком и доброумный различными шарови* премудрости украшает словеса, и нужду многая обращает и прелагает. Но се убо прочее сиа да сповѣмыи.

Цареву сыну, обладающу Троем, Приаму, супружница бѣше Екава, дщи Киссова[3], и мати бысть от сего многим дѣтем. Имущи убо в чреве и близ рожества сущии, страхованми устрашися пошьных снов; видети бо мняшеся главню горящую огнем из чрева ея

---

[1] *Давыд (Давид)* — библейский царь (I в. до н. э.). По средневековым взглядам, Троянская война происходила в эту эпоху. На самом же деле война, когда была разрушена Троя (Илион), известная по греческому эпосу, была в XI в. до н. э.

[2] *Омирь* — Гомер, легендарный древнегреческий поэт.

[3] *Екава, дщи Киссова* — Гекаба, дочь Кисеева.

проничющу и попаляющу град весь вкупе. Услыша же Приамъ сиа и волхвом предложи; разумѣ, яко полезно есть ему и граду, аще раждаемое звѣрем дано будет или во огънь палящий на погибель ввержено будет.

По мале же Александръ[1] изыде на свѣтъ, младенец радостен, благообразен, добролѣпен. Подобаше убо Приаму не отложити никако, но абие* проникшее из чрева отроча погубити. Он же естеством побежден быв, пощаде рождьшеася: мню* же прѣмудрити дръзость добрыя чясти, иныимъ на въспитание пометну е на селѣ, еже от самого Парида Париемъ[2] прозванное. Повръжено* убо бѣ небрѣгомо, обрѣтошу же е пастырие, и ущедришу, и въззяшу*, и пощедѣшу отроча, и яко младенца въскръмишу е, Париемъ нарекше.

Приближившу же ся ему юношьскаго възраста, Приамь съобѣдника* его приемъ, мня, яко избѣгнулъ есть яже от него пакости. Александръ бо, нѣкого от сърodник си убивъ неволними убо стръмленими, ну обаче съдѣла убийство, отиде къ Менелаю от Троа въ Спартъ. Приял же сего добрѣ онъ, яко друга, почьте его и угости, и вьсѣчьскыи полюби.

Зде твоа игра, мучителю вьсѣхъ, Эрос! Зде твоа игра и враждное сѣмя, тѣмже въжеглъ еси великуя пещь брани! Отиде же Менелае, а оста единъ Парис, и видѣ Менелаову вь клѣти жену. Бѣ же жена прѣкрасна, добровѣждна, доброзрачна, добролична, доброобразна, голѣмоока и, якы снѣгъ, бѣла, и даровъ испльнена множьствомъ сущи. Видѣ убо Александръ и въсхитися добротою ея. И что много дльгословити и писати — въсхыти* я хотящу и бѣгася ятъ. И бѣганиа инако не могы утолити, въ корабь вьшедъ морскый, отиде въ Финикъ, от ведущаго уклонився шествиа въ Трои, гонение бо ожидааше от обидѣныихъ. Объят же бывъ вѣтры крѣпкыми и многомутными, едва въ нѣкое приста устие Нилово, Кановикъ[3] нарицаемое въ лѣтѣх послѣднихъ, идеже създанъ бѣ храмъ ироа Ираклеа[4], потрѣбу подавая чловѣкомъ нескудную. Въ сей убо храмъ прибѣгше от нужду бежавшей с ним путници и... обличающе злая, сътворенная от него, поругание и нечестие еже к странноприемодавшему его, показа о восхищени* жене, паче же о имѣние. Услыша же сиа воевода обладаяи мѣсто, услышав же и Протевсъ[5], царь египетский, и бывает приведен к нему Парис со женою и со имѣнием, и с путники. И он убо вопрошааше, кто есть жена и чиа есть, и откуду, веземъ ю, сюду блудиши; Александръ же составляаше ложная словеса. Протевсъ же увидѣв яже о Елене, сицевая ко Александру изрече словеса:

«Аще ся не бы прежде обещал и проуставил*, еже ни единаго

---

[1] *Александръ* — так Парис назван при рождении.
[2] *Париемъ нарекше* — Парисом назвали.
[3] *Кановикъ* — город Каноб в устье р. Нила.
[4] *Ироа Ираклеа* — героя Геракла.
[5] *Протевсъ* — Протей; согласно легенде, Елена во время Троянской войны находилась у египетского царя.

странна* убивати от буря тужаемых лютыя и здѣ приметаемых, великими тя убо бых и лютыми муками обложил, неблагодѣтну о благодѣтели и устав поправша и дружнюю* любовь. Ныне же ти имѣния и жену сию не дамъ, аще и многими мя обидеши подхибами*, елену же тобою напаствованнаму соблюду, ты же от нее останися и от Египта бежи».

Протевес убо сь прещенми отгна Париа. Он же тщами* руками возратися ко отечеству, сласти вкусивъ краемъ прьста* тъкмо, и къ воздуху досяжющи пламянь вьжег. Ибо по отшествии его от Спарта и по Еленинѣ восхищении сицевая приключившисе.

Возвратися Менелае от отшьствиа, и увидѣв бывшее, растерза ризы своя, и с ним Дарие, отець Еленинъ. По среди же приведоша еллинския первие, одрани лици суща и почернѣла и клятву помянует страшных онѣх, имиже заклинахуся еллини вси, яко аще прилучитца от некоего Еленѣ въсхищенѣ быти, вси своими телесы о ней да поборетца.

Много убо молвився Менелай и припадавше, увещаша елени воевати на трояни. И убо мнози стекошася от остров и от суша, воскраи сущии моря и далече отстоящее, от Афин и тоземцы, от всякого мѣста: от Феталие и от Архие[1], и от всее Еллади. Бѣху же имъ поборници Родь, Ифакь, Скирь и Салам[2], с ними великий Крит; коринтинѣ увѣдеше, и аргиане съпособьствоваху, и столъ тьмаме сьставленъ тѣм сьставльшеся.

Бѣше Менесфес от Афен, Нестор от Пила, от Итака Дисевсь, от Саламина Еа, от Крита же бѣ Идоменевсь, Тлиполемъ же от Рода. Вси роди имуще от благородных кровий, мужолѣпни, доброродни, храбри, добли, добри и ярольвни, мужие кровии вси. Ефиянин же Ахиллей[3] сияше паче всѣх, человѣкъ ратем побѣдник, силен и крѣпкорук. И собравше многочисленую рать, царя поставиша ратиначалника и военачалника, мужа храбра и добра, ироя крѣпкаго, и добротою сиаю* и мышьцею силы. От отечествь убо своих исходят и другов и сродникъ, яростию же ополчаютца на брань. И убо вси свещавшася расудиша быти добро, еже пленовати сущая под областию Трою, як да и симъ будет на потребу и троянам ослабеет помощь.

Послан убо бывает Ахиллей и от храбрых друзи, и на острови нападоша, и поплениша сущю, и до конца затерше еллика бѣху супостатная. Услышано же бысть еллини яже о Еленѣ, яко Протевсь царь отъят ю от Пара, и яко у него хранится во градѣ Мемфѣ. Нъ тыщахуся окрестъ напасти Троа, слышаще о нем, яко сокровищи златыми исполнен есть и многим богатством кипит. Хотъху же и отмстити оскорбившим их, нехрабрость бо, и смирение, и слабость непщеваху*, еже не отдати поношению своему мук достойных.

---

[1] *Феталие и от Архие* — Фессалия, Ахайна — северная часть полуострова Пелопоннеса.

[2] *Родь, Ифакь, Скирь и Салам* — острова в Эгейском море.

[3] *Ефиянин же Ахиллей* — веройтно, здесь искаженное определение «фтиянин»: Ахиллес родом из Фтии, южной части Фессалии.

Якоже убо трояне вѣдѣша толикую рать и множество смотриша вои пришедших, отвсюду себѣ собраша пособники: кари, ликиани, миси, и меони[1], и фриги, и предруживши весь асийский род и язык, елико на суши и елико в примори, противу изведоша число вой безчисленое. И время проводиша многобранно. Града же того жителие Троя бѣху же вещьшеи* 50 тысущь мужей. И спрьва убо крѣпко ополчахуся на брань и храбросрьдыми сплетаньми* полки разбивающе, да якоже искусиша до конца Ахиллеово стремление и искусное и теплое видѣша подвизание, и храбрость, и мужественую дръзость, седяху при стенах заключившися и никакоже еллином сопротивитися смѣюще, дондеже вся возвращающая и вся возмущающия и всѣмъ мати злым, зависти глаголю, Ахилеово притупи стремление дръзостное и трояны дръзостны сотвори, оному ослабѣвшу. Скорби же вина* сего прогнѣвавшой Паламидово убивство[2] бысть, без правды погибшу. Како же бысть, и кто створивы е, скажу.

Нисиотянин Дисев[3] сохраняше на Паламида вражденую ненависть и злобу в сердци, зане еллином бѣ Паламед слава и вси, аки богу, внимающе оному, сердечную к нему внимаху любовь. И убо провидѣ гладни огненосий лук[4] и всѣмъ провозвести еллинским воеводам, и всѣм от тоѣ злобы горце погибающимъ тои соблюде еллини невреждени, ово предлагая и словеси разстроая*, ово же и вещьми* наказуа их полезному. От сего убо Дисевсь разставаше завистью, видѣ прелюбима всѣми Паламида, того же пещуема*, яко единаго от народа. Тѣмъже и льсти растраяше и злокозньна соплетания, и составляше совѣти полни клевет. И убо крѣпкорукому Ахиллеови сущу ту, бездѣлни бѣху совѣти сына Лаертнина, въсе составляемое на Паламида и сошиваемое бѣше аки паучинное прядено, да якоже Ахилеи послан бысть со другими храбрыми составити брань со пособники Троя града, спутнествующа со собою Паламида имѣше — желаше бо присно с ним быти, — от сего убо предерзый он муж обрѣтъ отраду, и царево украдает слабоуме заперва, и являяся, яко прелюбити его: «Хощеши ли, — рече, — о царю, власти еллинстѣй крѣпкоруки Ахилей бодет бо юность. И Паламида, якоже есть зло рещи, обольсти и привѣтника и споспѣшника на сие приемлеть. По мале же приидут, брани совершени бывши, и тебѣ убо волови приведут и стада овча, сами же удержат имѣнием сокровища, имиже елленские силники* премогут же, и на тя подвигнуть, яко да от власти отпадновши».

Услыша же сия царь, и вѣрова, и совосхитися*, и льсти росстроителю приобщается на совѣтъ. И абие призван бысть Паламид,

---

[1] *Кари, ликиани, миси, и меони* — народы из Малой Азии.

[2] *Паламидово убивство* — сын царя Навплия Паламед был убит по коварному доносу Одиссея, Паламед считался изобретателем букв, маяка, весов.

[3] *Нисиотянин Дисев* — Одиссей, был царем острова Итаки. *Нисиотянин* по гречески значит «островитянин».

[4] *Огненосий лук* — имеется в виду приспособление, мечущее огонь, называвшееся на Руси «греческим огнем».

и уединен* бысть в сѣти впадает вражние. И оболган бысть, яко трояном хощет еллини предати, и бывает камением побьен — о горе, какова твориши зависти! — ино ничто рек, развѣ глаголъ сей: «О убогая истинно, тебѣ плачюся и стеню: ты бо первие мене погибе и умретъ».

Взыде убо Фетид съ свѣтлыми побѣдами, увидѣ же бывшее, и ущедри Паламида*, и тяжце проплака и поскорбѣ, а еллином поручи, да оставят братися и способствовати им. От сего бысть дръзость Ектору и того пособником, и составляют со еллины брани крѣпкоратние: оттолѣ бывше убивства, и заклания, и пролитя кровемъ, мужеубивства, и воплеве, и езера кровавая. И падают, якоже класия, еллинская телеса, и смиряютца, и лютыми многими объяти бывше, в раскаяни бывша о прегрешениеих. Иже первие высокоумнии словесы молебными моляху Фетида смилитися на них, но не внят* Ахилей симъ, ни приклонися, дондеже пад Патраклие, егоже вельми любляше, из руку крѣпкую и доблою Екторовою[1], того принуди потещы* на трояни. Изыде убо Ахилей на брань огнемъ дыхая; и разбивает полки, и побивает первоборца и с ними Ектора, столпа тройскаго, мужа тяжка и храбра, во оружих воспитана, язвы ношаща на персех* безчисление, имиже соплеташася сь юнцы дивими*, преже даже не бяху еллини пришли и составили брань.

Убьену же бывшу Ектору дръзосръдому призва Приям на помощь амазони, и паки брань крѣпка, и умирают вси. От всѣх убо пустъ бысть окаянный старець, къ Давыду, царю иудѣйскому, посылает, руку прося помощи от него. Но Давыдъ не дасть ему, или от сего спротивляяся языком иноплеменномъ, или ненавидя еллини и варвари, яко не вѣдущих бога, но идолом служащих, и бояся, яко да не впаднуть в прелесть жидовѣ, аще послани будут от него на помощь сущимъ в Трои, на злобу имуще доброволная естества. Тавьтантия же, индѣйскаго царя, Приамъ умоли, и со множеством посылаетца Мемнон[2] бесчисльнаго числа. Войска же бѣ индѣяне все чернообразни, ихже видѣвше еллине во странных зрацех, и убоявшеся от зрака их и оружия, и от звѣри устрашившеся, ихже индѣя кормит, нощию бежати мысляху и оставити Трои. Но обаче ополчишася противу черноoбразным, и индийскими кровми очервишася нива*, и Скамандови струя[3] оброщися кровми.

В сих же наста жертовное еллином трьжество, паче же и варваром и всѣмъ бѣ покой от ратей и трудов. И убо вои еллинстии и тройское множество въедино смешахуся, сьдѣяти ничтоже смѣяху. Бѣ же храмъ при стенах добронырнаго Троя, идѣже часто приходя Ахилей видѣ Поликсению. Он же увещеватися отаи* творяшеся и сия лестию дѣяху Диифов и Парие. Якоже убо внидоша в церковь Аполона Алсеанина, клятвами связующе яже о Поликсении

---

[1] *Доблою Екторовою* — доблестного Гектора.

[2] *Мемнон* — эфиопский царь, об участии которого в Троянской войне говорится в послегомеровской мифологии.

[3] *Скамандови струя* — Скамандра — река в окрестностях Трои.

любляше сына Пилея, жениха сестрѣ своей[1] нарицая его, близ же став, Александръ прободе его[2], и отскочив и збеже з Диифовомъ. Ахилей же паки на издыхании бѣ послѣднем. Ощюти же сиа, Дисевес, яздяше бо с нимъ, и с нимъ диоген Еа Телемонянин[3]. Вкупѣ же убо в церковь въскочивше, обрѣтоша ироа лежаще, кровми облиянна и угасша, дыхающа едва, и движуща языкъ, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста, и нападь на перси его, Еа великий с плачем к Пилеу рече: «О ратем разрушителю и исполине крѣпкорукий, кто погубити тя возможе львояростънаго!» Онже едва прогласив рече: «Убиста мя Диифов и Парис лестию». И сия рек, и издыше толикий ирое. Ее же на рамо* возложити тѣло Ахилеово горце*, войску принесе плачася.

Абие же принесе Пира Ахилеова, новаго Птоломѣя. И паки бѣша убивства и заклания, паки мужоубиения, и паки кровми облияся земля и тойска поля, и паки кровавлени быша Скамандрови струя, дондеже волхви им пророчеством изрекоша, яко нѣсть мощно по рати взяти Трои, ни руками, ни по мечю, но токмо листию единою.

И абие содѣяше коня древяна, и затворени в немъ мужа вложивше, отити творяхуся ко отечеству своему. И коня убо оставиша ту у пристанища, сами же творяхуся в Тенедский остров[4]. Видѣвше же трояне приключившееся, видѣша пристанища пуста. Коня же единаго видяще, недоумѣюще дивляхуся. И сперва убо мняще быти вся прелесть, погубити коня покушающеся и огневи предати, или поврещи низ стѣну, или в глубину морскую. Та же, понеже приспѣло бѣ Трою взяти тогда, в дом увещаше внести коня, яко образ и корысть от супротивных. И ови убо внесоша его, и питием и играм себе вдавше, усыпаху глубоким сном. Мужие же крыющеися и на сие ловяще, изшед молкомъ, пламянь воздвигоша велик, иже видѣвше еллине проотплувшеи воскоре пловущеи придоша ко Трою, и вратом отверстом бывшу от предшедших, яко вода вольящеся зело нѣкако наводнившияся.

Твердонирьному[5] же сице прятву бывшу Трою, жены восхищаеми бѣху ис чертогъ новонасажденных, земля наводняема бѣ кровми падающих, младенцы наперстни* ударими бѣху о стену. И спроста рещи, яко вмале плачь вся содержаше, и все лютое и горкое исполняше град. Руце кровми капляху, и червляняхуся мечи, земля же обращися, и попираеми бяху младенцы. И якоже убо нѣкогда насытевшеся, восхищающе* и убивающи, огневи предают и попаляют

---

[1] *Сына Пилея, жениха сестрѣ своей...* — о помолвке Ахиллеса с дочерью Приама Поликсеной говорится в поздних греческих мифах.

[2] *Александр прободе его* — убийцей Ахиллеса античная традиция называет Париса (Александра), реже его брата Гелена.

[3] *Диоген Еа Телемонянин* — Аякс (Эант), сын Телемана, *диоген* — грецизм, означает «божественный»; один из двух братьев быстроногих, Аякс — участник Троянской войны, вынес труп Ахилла.

[4] *Тенедский остров* — остров Тенедос недалеко от Трои.

[5] *Твердонирьному* — крепостенная (грецизм).

от основание еже во градове прекраснаго и преизряднаго, якоже убо о рати си имяша образ.

Честь же претыкнувшися* единою от Менелаа, другими новыми истает* окаянного болѣзньми. И паки плавание должайшее воевание* морско другое, и болѣзни приемлют ветхи новии, корабли елиспонские египетские глубины. Отходит убо къ Египту, и лютая* измѣряет море, и обурен быв и оволнен вѣтры крѣпкими и страшными едва приспѣ к нему. Вьзыде же кь Протеу царю и обрети и супружницу тамо въ Мѣмфе, и угощен и почьтен бысть, поемлет Елену, и с трудом довольнымъ приспевает ко отечеству си, по тройсцем пленение осмому лѣту текущу по заблуждению еже къ Протеу. Обретает и сродника[1] сии окаянне погибша лестию злыя жены, ехидны прелукавые, обретает братова си сына Ореста, растаявша* отчий посрамившаго род и сродство, и с ним безстудную матерь нареченную обручницу. [...]

[1] *Обретает и сродника* — сообщается о судьбе брата Менелая — Агамемнома, который был убит своей женой Клитемнестрой и ее любовником Эгистом, но сын Агамемнона Орест в отмщение за отца убил ее любовника.

ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ И СОЗДАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

(начало XVI—XVII в.)

ПУБЛИЦИСТИКА И МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ XVI в.

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

Максим Грек (1480—1556) — выдающийся писатель, выходец из Афона. В юности он учился в Венеции и Флоренции, слушал выступления Савонаролы, испытал влияние гуманистов. В 1518 г. прибыл в Москву для перевода и исправления церковных книг, включился в церковно-политическую полемику, был осужден и провел многие годы в заключении. После смерти был причислен к лику святых.

Литературное наследие Максима Грека огромно. Его перу принадлежат многие переводы, многочисленные сочинения по публицистическим, церковно-догматическим, религиозно-нравственным и филологическим вопросам. Из всего литературного наследия предлагаем два слова в отрывках: о «нестроении и бесчинии царей» и о пришельцах-философах по изданию «Сочинения преподобного Максима Грека» (Казань, 1861, 1862. Т. II, III) и «Похвальная словеса блаженныя и святыя книги Граматики» по старопечатному изданию «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (1648).

ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА СЛОВО, ПРОСТРАННЕ ИЗЛАГАЮЩЕ, С ЖАЛОСТИЮ, НЕСТРОЕНИЯ И БЕЗЧИНИЯ ЦАРЕЙ И ВЛАСТЕЙ ПОСЛЕДНЯГО ЖИТИЯ

Шествуя по пути жестоце и многих бед исполненнем, обретох жену, седящу при пути и наклонну имущу главу на руку и на колену свою, стонящу горце и плачущу без утехи, и оболчену во одежду черну, якоже обычай есть вдовам — женам, и окрест беша звери, львы и медведи, и волцы и лиси. И ужасохся о странном оном и неначаемом сретении; обаче, дерзнув, приступих к ней и еже «мир тебе, о жено», прирек ей, спрошах ея, да речет, кто убо есть и каково имя ей, и чесо ради при пустем сем пути седит,

и кая вина* плача и скорби есть. Она же, тяжко вздохнувши, отвеща мне, глаголюще: «Вскую труды даеши мне, о путниче, молю тя, премини мене молчанием, моя бо безгодия не токмо неудобь сказуема суть, но и отнюд неисцельна от человеков; не ищи убо слышати сих, ни един бо успех будет ти от слышания сих, паче же сопротивное: в бедах себе ввергнеши, к прочим бо многим моим неисцельным безгодием правящие ныне мене, от многия их жестокости, ниже мало общеполезное советование приимают доброхотных их, еже и паче иных прозябшихся в них страстей, мене убо неключиму* и поругаему сотворили, себе же самех удобь пленяемых от окрест их живущих. Сего ради, о преходниче, иде, радуяся, путем твоим и не взыскуи* всуе, яже о мне, не можеши бо притворити мне ни едино исцеление, ниже пользу».

Мне же крепце належащу и виновное печали ея ведети молящу ея и глаголющу: «О честнейшая в женах! Аще и ни едино исцеление, ни пользу могу притворити тебе, но сама убо облегчишися малым чим от томящия тебе болезни, открыющи ея, сам же и иже по мне сия слышащеи объимем пользу немалу; обыче бо человеческий род, якоже слыша чюжая доброхвальная исправления тщится ревновати я*, сице паки чужими безгодии твердити себе, да не в тех же лютых паднут. Сего ради молю тя, глаголи со дерзновением, ничесо же утаиши, яже о себе».

Сими она умолена бывши, восклонила мало главу свою и, воззревши на мя, рече: «Аз бо ленихся поведати тебе, о преходниче, иже о мне, да не сия писанию предана бывши тобою, напасть некую и ненависть воздвигнут на тя отвращающимися истины и поученье старческое ненавидящим, еже паче всякого иного градского* недугования конечную наводит погибель человеческим начальством и властем. Обаче (на) всех содетеля и владыки человеколюбие (упование) возложивши, все повествую тебе вся виновная печали моея; негли*, богу человеколюбствавшу, елико нецыи благоразумнейши, слышавше и раскаявшеся, отступят толь великого своего нечувствия и безобразия и изберут угодная вышнему и славу, и честь, и возрастение державы их приносящая. Слыши убо внятно, елика желаеши слышати от мене. Аз убо, о преходниче, едина есмь от благородных и славных дщерей всех царя и содетеля и владыки, от негоже сходит всяко даяние благо и всяк дар совершен на сыны человеческия, ищущих его всякими праведными деянии и чистым житием, от негоже всяко отечествие на небеси и на земли. Имя же мне не едино, но различно: и начальство бо наричюся, и власть, и владычество, и господьство, суще же мне имя, аки обдержательне предреченных, Василия[1] имя есть мне. Сие изряднее* имя получивши от вышняго, понеже владеющии мною должни суть бывати крепость и утвержение сущим под рукою их людем, а не погуба и смятение безпрестани. Сице бо толкуется греческим языком наречение Василиево, его же множайшии не разумевше и недостойне

---

[1] *Василие* (греч.) — царство.

царскаго наречения моего вещи подручником устроивше и мучители вместо царев бывше, и мене обезчествоваша и себе в последних лютых и болезнех ввергоша, достойно своего безумия и лютости восприемше от вышняго возмездие».

Аз же сих слышав, пад пред честную ногу ея, поклонихся ей с приличным стыдением и благоговеинством, прося у нея, да простит мене о нем же по неведению, не воздал есмь ей изначала должную честь царем, вкупе же и молил ея, да и виновное печали своея и седению, еже на пути пусте, скажет мне пространнее, да разумею, яже о ней явственнее. И она, радостне устроившися ко мне, рече: «Елма*, о преходниче, вижу тя ревностию по бозе и любовию нелицемерною, яже к роду вкупе родных тебе человеков желающа ведети от мене, яже о мне, да всяко нецыи пользу приимут прилежным взысканием твоим, слыши прочее и тобою вси елико истиною благоверни суть и вышнему угодити желают и безконечнаго царствия его получити. Мене, о преходниче, дщерь сущу, якоже предрекох ти, царя и содетеля всех, вси вкупе, елицы славолюбцы и сластолюбцы суть нравом, подручити* себе тщатся, мало же зело суть сущии истиною мои рачители и украсителе, иже достойне отца моего и царского наречения устроющей вещи живущих на земли человеков; множайши бо подручников моих сребролюбием и лихоимством одолеваеми, лютейше морят подручников всяческими истязании, денежными и нужными* строении многоценных домов, ничим же пособствующи ко утверждению державы их, но точию на излишнее угождение и веселие блудливых душ их...

В толиких лютых ввергнут себе всегда и толь лютым мукам подлежат, иже ложне обложени суть моим царским саном от многаго своего безумия же и безчувствия. Уже слышал, о преходниче, еже желаше слушати от мене, ныне убо шествуй, радуяси, путем своим, аще и отнюдь леть есть тебе радоватися, слышавши толиkими лютыми обдержиму вселенную».

И аз, о сих поболев, якоже лепо бе, помолих есмь ея, глаголя: «Не ленися, госпоже моя, молю тя, учити мя малыми: чесо ради при пути сем пусте седиши, обступаема толь лютыми звери?»

И она паки ко мне: «Пуст убо путь сей, о преходниче, окаяннаго века сего последняго образует, аки лишена уже и пуста суща от царей благоверномудренных, ревнителех отца моего небеснаго, вси бо своих си ищут, а не яже вышняго, не яко да его прославят праведными деянии и благотворении и противоополчении к тщащимся выну истребити от лица земли юже в него божественную и поклоняемую веру, но яко да себе разширят пределы держав своих, друг на друга враждебне оплачашеся, друг друга обидяще и кровопролитию радующеся верных язык, друг другу наветующе, аки звери дивии всяческими лаянии и лукавствии, о поклоняемой церкви спаса Христа, люте растерзаеме и наветуеме различными образы от христианоборных измаильтян[1] ни едино попечение есть им. Како

[1] *Измаильтяне* — магометане, считавшиеся потомками Измаила, сына Авраама и наложницы Агари.

убо, не праведне ли прикладается пути пусту треокаянный сей век, а сама вдове жене, и вдовства ризами одеяна сижу, от дивиих зверей объемлема и от них растерзаема, якоже преже малыми сказах тебе? И еже паче иных в печаль последнюю ввержет мене, яко не имам поборающих по мне по ревности божией и исправляющих обручники моя, безчинствующих, яцех же имех древле. Не имам Самуила великаго, иерея вышняго, противоополчившагося со дерзновением Саулу преступнику; не имам Иафана, исцелившаго благокозненною* притчею Давида царя и от падения оного лютаго избавивша; не имам подобных равнителем Илии и Елисею, не стыдившихся беззаконнейшия насильники цари самарийские; не имам Амвросия чуднаго, архиерея божия, не убоявшагося высоты царства Феодосия великаго; не имам Василия Великаго, во святыни и во всякой премудрости возсиявшаго и премудрейшими учении ужасивша моея сестры гонителя Уалента; не имам Иоанна великаго и златаго языком, сребролюбиву и лихоимницу царицу Евдоксию изобличившаго, не стерпевша призрети теплыя слезы бедныя оны вдовы. Како не праведне ли вдовеющей жене подобна сежу при пути пусте окаяннаго, глаголю, нынешняго века, таковых поборников и ревнителей лишена? Сицева убо безгодная моя, о преходниче, достойная рыданий многих! Ты же сих слышав, непрестанно моляся всех царю и владыце, да по его человеколюбию и благости неисчетней благоволит отверсти к ним человеколюбныя утробы благости своея, да воспримут правду и всякого богоугоднаго жительства и щедроты подручником* и отступят всякия злобы и неправды да сподобятся, праведною и богоугодною их властию земскою*, получити безконечнаго царствия небеснаго со всеми, иже благоверно и богоугодно устроиша земскую сию царскую державу, о Христе Иисусе, господе нашем, емуже слава, честь и поклонение в безконечныя веки. Аминь».

ИНОКА МАКСИМА ГРЕКА О ПРИШЕЛЬЦАХ ФИЛОСОФЕХ[1]

Понеже мнози обходят грады и земли овы убо купелею, овы, художеством* всяким и ремеством, ини ж и книжным искуством, или греческим или латынскым, иже есть римским, и овы убо совершени суть, овы же исполу, ини же и отнюд не вкусивше художнаго ведения книжнаго, рекше грамотийскаго и риторскаго и прочих чюдных учительств еллинских, обаче хвалятся ведети вся, корыстовати желающе и кормыхатися*, — праведно разсудих оставити вам, господам моим, мало срок, списанных мною еллинским образом мудрым на искушение всякого хвалящагося. Аще по моем умертвии будет некто пришед к вам, иже аще возможет превести вам срок тех по моему преводу, имите веры ему, добр есть и искусен, аще ли не умеет совершенно превести по моему преводу, не имете

[1] В статье содержатся советы, как следует проверять подготовленность приглашенных на Русь переводчиков (с греческого и латинского языков на русский).

веры ему, хотя и тмами хвалится, и первее вопросите его, коею мерою сложени суть сроки тии, и аще речет: иройскою и елигийской мерою[1], истинен есть; аще рцыте ему: коликими ногами обоя мера[2] совершается, и аще отвещает, глаголя, яко иройска убо шестию, а елегийска пятию, ничтоже прочее сомнитеся о нем, предобр есть, приимите его с любовию и честию и, елико время у вас жити произволяет, жалуйте его нещадно, и егда же хощет возвратитися во свояси, отпустите его с миром, а силою не держите у себе таковых, несть бо похвально ниже праведно, но ни полезно земли вашей, якоже и Омир глаголет премудрый, законополагая страннолюбию: лепо есть, рече, любити гостя, у нас живуща, а хотяща отъити, пустити.

ПОХВАЛЬНАЯ СЛОВЕСА СЕЯ БЛАЖЕННЫЯ И СВЯТЫЯ, КНИГИ ГРАММАТИКИ ДА НЕ НАРЕКУТСЯ, ЯКО БЫХ ОТ ЛИЦА ЕЯ БЫТИ РЕЧЕННЫМ

Чтущаго мя якобы рече почту и любящаго возлюблю а уничижающего не поношю и притекающаго ко мне не отжену*, но паче по естеству случитися тому благоволю. Зане же божие дарование нарицаети ся хощу. Подобает бо любящим себе и ищущим мене честную науку мудрую грамматику с прилежанием внимати. Понеже бо младенцем есмь яко питательница, началом моим в начале своего бытия тонким своим острым гласом воздух предирает, еже бо аз возкликовает и тем пищю себе испрошает. Детищам же яко хранительница, яко на восприятие своего бытия пестуны* призывает. Отрачатом же яко быстрозрителная наставница, яко вся качества и количества не премолчавает, но всяко вопрошает и ведатися понуждает. Юношам яко целомудрию учителница. Мужем яко любимая сожителница. И престареишимся яко всечестная собеседница. Купно же всем безразсуждения раста яко второродительница, еже въ плоти учением слово и къ слову зрением смысла и къ смыслу происхождением действа. Действа же всякого качества разсецает четы* и составляет вины, и бывает цвет доброплоднаго ума, и потом великии благоразумиа плод иже всем в преполнение и в насыщение и в наслаждение изобилно изливает и простирает и подает, аки некое сокровище стяжавыи. Ему же ключь к руце имущь и тем дверь разумения отверзает отспуду же всечестныя багра* и многобогатных маргаситов доброты восприемлет и прочим подает всем, иже на то тщащимся и желающим.

Сего ради никто же во уме своем благо что обрящет, аще не познав и не уразумев мене. Аз бо все удобно и разумно глаголати и писати научаю и быстрозрительнаго разума постигнути умудряю и вся помыслы разсужати умышляю, и от лъжи истинствовати

---

[1] *Иройская мера* — гекзаметр, *елигийская мера* — пентаметр.

[2] *...ногами обоя меры* — стопами обеих стихотворных мер; *нога* — здесь: стихотворная стопа.

наставляю, и глубокобытное таинство открываю, и высокопаривое слово совершаю, и нрав мудростию украшаю, и все существо того прославляю и просвещаю, понеже неразумие разрешаю, и забвение воспоминаю, настоящее предлагаю, друголюбие сочетаю.

И тем, рекше, мною вси мудрии витии*, ритори* же реку, и философи достойныя славы и великия почести себе постизают. Яко же древнии Поламид и иже древних лет случшаяся обрете мудрыи Промефеус, с нима же и Сомид[1], сии бо начертанием мя во еллинох составиша и тростию назнаменаша и писмена, рекше буквицу, собраша и различными подобии умышленая имена коямуждо особно нарекоша, яко же рещи *а, б, в* и прочая поряду вся, и таковыми писмены слоги счинити умыслиша, яко же рещи *по* или *до* или *ба*, и таковым по согласию со удурениям снемшимся глагол являет, яко же рещи подобаше или некую от осми едину часть объявляет и чястем по разуму съшедшимся уставно слово составляет.

Яко же рещи, больши всех есть добродетелей любовь. И тако мною составляхуся вся чиновныя статии и съплетаемыя стихи, и начинаемыя главы, и накончаваемыя свитки, и вся прочитаемыя книги. И таковыя ради вины грамматику мя нарекоша и тем диалектику же и риторику ми сочетаеша и содружиша, и яко чиновницу мя в уставях и хитрогласницу нарекоша, и тия же сами в своих словесех да рекутся. Аз же о себе зде явлю: не токмо убо мене древнии философи возлюбиша, но и в новой благодати вси иже во учении божественых писании и прочих философъских наказаний* упражняющиися. Ни един кто от иже в сих пребыв мене не непричастен быв яко же и словом объявити: Афанасии великая слава, иже не точию Александрии, но и всей вселенней похвала, Григории Богослов, Василии Великии, Иоанн Златоустыи, Козма Асигкрит, Дамаскинскии Иоанн[2] съ тезоименным* тому, о нем же предворив рех, и инех множество, яко же в житиях их списателие являют. Вси бо сии от юности их и во вся дни жития своего мене возлюбиша и собеседницу себе сочеташа. Прочее же паки ми хвалам достойная о себе достоит не неизъявити.

Если бо от седми началная и свободная мудрость грамматика, еже дом ми есть покоя моего все словесное животно всяк человек,

---

[1] *Поламид, Промефеус, Сомид* — упоминается античное предание, в котором говорится, что греческое письмо было создано уроженцем острова Кеос Паламедом и поэтом Симонидом в IV—V вв. до н. э. *Промефеус* — Прометей, по мифологическому сказанию научивший людей чтению и письму.

[2] Перечисляются христианские писатели: *Афанасий* — александрийский епископ (ум. 373), писавший на сирийском языке; *Василий Великий* (329—379) — автор догматических и литургических сочинений; *Григорий Богослов* — Григорий Назианзин (328—390), автор знаменитых слов против ариан, друг Василия Великого; *Иоанн Златоуст* (ок. 347—407) — автор многочисленных слов и поучений, значительная часть которых вошла в популярный на Руси сборник «Златоуст»; *Иоанн Дамаскин* (ум. 780) — автор богословско-философских сочинений и церковных песнопений; *Козма Асигкрит* — видимо, речь идет о епископе Маюмы Козме (ум. 776), сочинителе канонов, друге Иоанна Дамаскина; *асигкрит* (греч.) — секретарь.

славою бо честна и учением красовита, во устех сладка и на сердцы чюдна, и на языце светла. Сего ради вси иже разгибающии книги и развивающии свитки мною прочитающе и себе научающе и премудростно ся исполняюще, и друг друга удивляюще и всепетую славу богу возвышающе и все еже удобно человеку глаголати и то все мною глаголет. И кто что пишет или книжная писмена устраяет, или стихи соплетает, или повести изъявляет, или послания посылает, или что таковых составляет, то все мною грамматикою снискает. Понеже на времена развожю и на числа разочту, и на лица разскажу, и на падения уклоню*, и на супружьства сведу, степени разсужю, и роды разберу и вся въ писменах прочая устроения удобно и разумно со всеми просодиями[1] и съ точками и з запинками и статно и внятно учиню.

И не есть без мене не единыя черты, иже тростию* полагаемая или писмо, или слог, или часть, или речь, или слово, или статия, или стих, или глава, или начало, или конец, или чему точка, или о чем запинка, то все мое учение и умение, и разумение, и умышление, и уложение, и положение, и всяко въ писменах строение, и составление, и мое грамматическое проразумение.

Такова есмь уставом и поставом, и составом, и всем естеством грамматика именуюся.

«СКАЗАНИЕ О МАГМЕТЕ-САЛТАНЕ» ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА

Иван Семенович Пересветов — дворянский публицист 40-х гг. XVI в. Он написал в 1447—1449 гг. несколько публицистических сочинений (послания, сказания, повесть-памфлет), в которых резко обличал боярское управление и утверждал идею централизованной самодержавной власти. Стиль и идеологические тенденции его сочинений оказали существенное влияние на развитие русской публицистики XVI—XVII вв.

Публицистическая повесть-памфлет «Сказание о Магмете-салтане» в аллегорической форме содержит программу необходимых для Руси реформ. Текст повести печатается по списку XVII в., опубликованному в книге: Ржига В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI века.— М., 1908, и в книге: Зимин А. А. Сочинения И. Пересветова.— М.; Л., 1956.

Турецкий царь Махмет-салтан сам был философ мудрый по своим книгам по турецким, а греческие книги прочет, и написал слово в слово по турецкии, ино великия мудрости прибыло у царя. И он рек так сеитом своим и пашам, и молнам, и обызам[2]: «Пишется великая мудрость о благоверном цари Констянтине[3] в философских книгах: иже родися источник мудрости воинския от меча его вся

---

[1] *Просодия* — здесь: повышение голоса над каким-либо словом стиха для придания ему музыкального ритма.

[2] *...сеитом... пашам, и молнам, и обызам* — название высших придворных чинов в Турции.

[3] *Констянтин-царь* — имеется в виду последний византийский император Константин XI Драгаш, погибший в 1453 г. при осаде турками Царьграда.

подсолнечная не может сохранитися. Он от отца своего на царстве своем остал млад, трех лет от роду своего; и греки для своего злоемства и нечистаго собрания богатели от слез и от крови роду человеческаго, и праведный суд порушали, да неповинно осужали по мздам. Велможи царевы до возрасту царева богатели от нечистого своего собрания; на возрасте цареве и царь почал трезвитися от юности своея и почал приходити к великой мудрости воинской и к прироженпю своему царьскому. И велможи его, видя то, что царь приходит к великой мудрости, и рекли так: «нам будет от него суетное житие, а богатьство наше будет с иными веселитися». И рек Махмет-салтан, турецкий царь, философом своим мудрым: «Видите ли, яко они, богати и лживи, осетили* царя вражбами и уловили его великим лукавством своим и козньми, дияволскою прелестию, и мудрость его и счастие укратили, и мечь его царский обнизили своими прелестными вражбами, а мечь его был высок над всеми недруги его, и они ухитрили ересию своею». И Махмет-салтан, турецкий царь, так рек философом своим: «Видите, что бог злохитрства и гордости и ленивства не любит, и противится тому господь бог, и гневом своим за то казнит неутолимым; видите, что нам бог выдал таковаго царя великаго и мудраго источника воинскаго про гордость греческую и про лукавство; и вражба их бога прогневала, иже таковаго царя мудраго осетили вражбами своими и уловили лукавством своим и укротили воинство его. А яз вам о том реку мудрым своим философом: поберегите меня во всем, чтобы нам бога не разгневати ни в чем».

В лето 6961 царь же велел со всего царства все доходы себе в казну имати, а никому ни в котором граде наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прельщалися неправдою судити, и оброчил* велмож своих ис казны своей, кто чего достоин, и дал суд во все царство, и велел присуд* имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушалися и неправды бы не судили. Да приказал судьям: «не дружитеся с неправдою, держитеся правды, что бог любит». Да послал по городом судьи свои, паши верныя кадыи, и шубаши, и амини[1], и велел судити прямо, и рек так: «братия моя любимая и верная, судите прямо». Да по мале времени обыскал царь судей своих, как они судят, и на них довели пред царем злоемство, что они по посулом судят. И царь им вины в том не учинил, только их велел живых одрати да рек так: «есть ли оне обростут телом опять, ино им вина отдастся». И кожи их велел проделати, и велел бумаги набити, и в судебнях велел железным гвоздием прибити, и написати велел на кожах их: «Без таковые грозы правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Как конь под царем без узды, так царство без грозы». И царь же рече: «Не мощно царю царства без грозы держати; яко же

[1] *...кадыи, и шубаши, и амини* — названия административных должностей в средневековой Турции.

Констянтин-царь велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и неправду судили и обоим по своей вере по християнской целование судили, правому и виноватому; а они оба неправы, один бою запретца, рек так: не бил есми его и не грабливал, а другий бою для своего за грабеж приложит, да оба крест поцелуют, да богу изменят, и сами от бога навеки погибнут, в сердцах своих правды не помнят и бога прогневают, ино им мука вечная готовится. И с теми неправыми судьями во всем греки в ерееь впали и в крестном целовании греха не ставили, во всем бога прогневили». И царь Махмет вразумел от великия мудрости, что таковый суд великий грех и бога гневит. И он дал одному с жеребья крестное целование; а целовати крест, направивши огненую стрелу против сердца и самострел против горла, а стояти дотоле против таковыя смерти, доколе десять слов божиих проговорит отец его духовной, евангельския притчи: не лжи, не укради, лжи послух не буди, чти отца и матерь, люби ближняго своего, яко сам себе, и прочая. То царь дал греком с жеребья крестное целование: есть его огненая стрела не убиет и самострел на него не спустит, а он крест поцелует и свое возмет, в чем суд был. И он тако рек: «То есть жеребей — божий суд». А турком дал через мечь острый горлом переклонившися, шерт* пити, а меч наведен. А молнам своим велел при том месте быти и наказати их по своей вере турецкой с того же обычая греческаго; есть ли меч с наводу не спустит и горла его не рушит, и речь свою доведет, и через мечь шерт пьет, и свое возмет, в чем им суд был, и то есть божий суд. А поля* им судил в своем царстве без крестново целования: нагим лезти в темницу, бритвами резатися, а бритву им одну положат в тайном месте, и кто найдет, тот и прав, то есть божий же суд, свое возмет, на чем ему суд был, а виноватого своего, хощет, его из темницы выпустит, и волен его и изрезати. Тем же царь Махмет велико умудрился, что правду в царство свое ввел и великия и грозныя знамяна им указал для того, чтобы люди не слабели ни в чем и бога не гневили. А ту мудрость царь снял з греческих книг, образец — таковым было греком быти. И Махмет правый суд в царство свое ввел, а ложь вывел, и рек так: «Бог любит правду лутчи всего; не мощно царю царства без грозы держати; яко же царь Констянтин велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовалися и нечисто збирали богатство свое, а земля и царство от них плакало, и в бедах купалися, и за то господь бог прогневался на царя Констянтина и на вельможи его и на все царство Греческое, что они правдою гнушалися, не знали того, что бог любит сильнее всего правду; а вы меня на то же ли проводите, чтобы бога прогневал да с вами погибл?» И послал на все свои грады прямыя судьи, угрозивши своею грозою царскою, и выдал им книги судебныя, по чему им винити и правити. А суд им дал полатной на всякий град без противня; и послал во все грады свои и во все свое царство велможу своего, пашу, шубаша, аминя, то есть судьи царевы на всяком граде. А воинников

своих велел судити с великою грозою смертною казнию беспошлинно для того, чтобы лиха не множилося, а судей своих изоброчил ис казны своим царевым жалованием для того, чтобы не искушалися неправо судити. А воинников судят паши, под которым сколько войска в полку, и тот свое войско и знает, судит прямо для великия грозы царевы беспошлинно и беспосулно, и суд их совершается вскоре. И тем царь умудрился, умножил сердце свое к войску своему и возвеселил вся войска своя. С году на год оброчил их своим царским жалованием ис казны своея, кто чего достоин, а казне его нет конца, богом исполнена за его великую правду, что со всего царства: и з городов, и с волостей, и из вотчин, и ис поместей — все доходы в казну свою царскую велел собрати по всяк час, а зборщиков тех ис казны оброчил своим жалованием, которыя збирают казну цареву, и после зборщиков обыскивает, по приказу ли царскому збирают. А для того, чтобы царство его не оскудело, а войско царское с коня не сседает николи же и оружия из рук не испущают, а воем своим всегда сердце веселит своим жалованием царским и алафою*, да и речию своею царскою. Так рек войску своему всему: «Не скорбите, братие, службою, мы же без службы не можем быти на земли; хотя мало цар оплошится и окротеет, ино царство его оскудеет и иному царю достанется; яко ж небесное по земному, а земное по небесному, ангели божии, небесныя силы, ни на един час пламяннаго оружия из рук не испущают, хранят и стерегут род человеческий от Адама и по всяк час, да и те небесныя силы службою не стужают». Такоже царь турецкий взрастил сердце войску своему, и все воинники похвалили речь царьскую и рекли: «Тако ли волю божию делаем, что бог любит воинства, и кого нас на побоищи убиют, и мы грехи свои кровию омываем, души наши бог в руку свою приимет, и таковыми святыми воинники небесныя высоты наполняются». Царь же турецкий умудрился, на всяк день сорок тысяч янычан при себе держит, гораздных стрелцов со огненою стрелбою и жалование им давает и алафу по всяк день; для того их блиско себя держит, чтобы его недруг в его земли не явился, и измены бы не учинил, и в грех бы не впал. Безумный царя потребит, велми множившися и разгордится и царем похощет быти, то же ся ему не достанет, а сам навеки погибнет от греха своего, а царство без царя не будет; для того царь бережет, а янычяня у него, верныя люди, любячи царя, верно ему служат про его царское жалованье. Мудрый царь сердца воинником веселит, войском он силен и славен; а пашам своим и велможам против недруга всякого велел впереди ставитися, в первых полцех для того, чтобы жестоко ставилися против недруга, и младые бы люди не ужасалися, которые не таковы силни, и на них бы смотря, храбры против недруга были. У него же, у турецкого царя, великия мудрости и учения ставитися против недруга играти смертною игрою, и гроза велика царя турецкого. По приказу его «кто не хощет умрети на игре смертной честно с недругом за мое великое жалование царево, как юноши храбрые умирают играючи с недругом смертною игрою, и тому зде ум-

рети от моей царевой опалы, да нечестно будет ему и детем его».

Да Махмет-салтан уставил и иным царем после себя от тех лет и до сех лет, а в своем царстве дал волно служити и у велмож своих, а рек так: «Един бог над нами, а мы рабы его; фараон был царь египетский, поработил израильтян, и бог на него разгневался своим неутолимым гневом да и потопил их морем». Да велел перед себя книги принести полныя и докладныя, да огнем веле пожещи. И полоняником уставил урок, доколе кому работати, в седмь лет выробився, и в силах — девять лет[1]. Есть ли кто кого дорого купит, а через девят лет будет держати, и будет на него жалоба от полоняника, ино на таковаго царская опала и казнь смертная. Не делай того, чего бог не любит, бойся бога, чтобы его не разгневити ни в чем, и помни заповедь цареву. А то царь Махмет списал со християнских книг ту мудрость; таковому быти подобает християнскому царю, божию воли творити. А так рек Махмет-салтан: «В котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощеный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есми холоп, иного мне имени не прибудет». А в царстве в Констянтинове при цари Констянтине у велмож его лутчие люди порабощенны были в неволю и противо недруга крепко не стояли; конны и доспешны цветно видети было велможи его, полки против недруга крепкаго бою не держали и с бою утекали и ужас полком царевым иным давали, они же прелщалися. И то царь уразумев, да дал им волю и взял их к себе в полк, и они стали у царя храбры, лутчие люди, которые у велмож царевых в неволи были. И как учали быти в воли в цареве имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов розрывати, смертною игрою играти и чести себе добывати. И царь рек: «Волю божию сотворил есмь, что бог любит», в полк к себе юнаков храбрых прибавил. У царя у турецкаго по триста тысящ ходит против недругов ученых людей храбрых, а все те сердцем веселы, а царева жалования и алафы довольно, а идут тихо воевати. На день им живет по три торга: порану, да и полдни, да в вечере; а всему цена установлена, что на чем дати, а купят в вес все; а наметывает* те торги торговати на гости, по городом ходити с войском со всем с тем, что кому надобе купити, и он заплатив цену, да возми по цареву указу. А есть ли хто даром возмет, а не заплатит тое цены, что указано, ино таковому смертная казнь, и лутчаго не пощадят. А есть ли тот оманет, не только даст, как вес держит, или цену возмет не такову, больши устава царева, которому царь уставил товару цену, ино таковому смертная казнь бывает, что цареву заповедь преступает.

А кто у царя против недруга крепко стоит, играет смертною игрою, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от меншаго

[1] Т. е. кому работать семь лет, от силы — девять лет.

колена, и он его на величество поднимает, и имя ему велико давает, и жалования ему много прибавливает, ростит сердце воинником своим. А у нынешняго у царя у турецкаго Орнаут-паша Орняутские земли полоняник был, да удался против недруга крепко стояти и полки пробивати; да Короман-паша — Короманские земли полоняник[1], для того им слава повышена для их великия мудрости, что умеют царю служити и против недруга крепко стояти. А ведома нет, какова отца они дети, да для их мудрости царь велико на них имя положил для того, чтобы и иные такоже удавалися верно царю служити. А царь рек во все войско свое, малому и великому: «Братие, все есмя дети Адамовы; кто у меня верно служит и против недруга люто стоит, тот у меня и лутчей будет». Так царь рек войску своему, чтобы всякий чести себе добывал и имяни славнаго, и жалует жалованием своим и грозою: «Кто не хощет умрети доброю смертию, играючи с недругом смертною игрою, и он умрет же от моей опалы царевой смертною казнью, да нечестно ему будет и детем его». А коли сам царь нейдет против недруга, и он пошлет пашу мудраго в свое место царское, да всем пашам велит его слушати и чтити, как самого себе, царя. И все у него в полку розряжены* воинники по десятником и по сотником, а те сотники по тысяцким, чтобы не было в полцех его татбы и разбоя, ни игры костарства* и пьянства. Есть ли что найдут, конь или аргамак, или платно или что ни буди, и они не судят и ведут к болшому паши к шатру; у кого что пропало, и он найдет у шатра у болшого паши, а переем заплатит по уставу цареву[2], что за что довелося. А станетца татьба в войску или разбой, и нашедши что, да к шатру не отнесет, ино на таковыя лихия люди, о тати и о разбойнике обыск царев живет накрепко по десятником и по сотником и по тысяцким; и который десятник утаит лихово человека в своем десятку, и тот десятник с тем лихим человеком казнен будет смертною казнью. А татю и разбойнику у царя у турецкого тюрьмы нет, на третей день его казнят смертною казнью для того, чтобы лиха не множилося; лише опальным людем тюрма до обыску царева. И по городом у него те же десятцкие уставлены и сотники и тысяцкие на лихие люди, на тати и на разбойники и на ябедники, и где ково обыщут лихово человека, татя или разбойника или ябедника, тут его казнят смертною казнью; а десятник утаит лохово человека в своем десятку, и потом обыщут всею сотнею, ино та же ему смертная казнь.

У царя Констянтина судили татей и разбойников и ябедников для своего зловерства и нечистаго собрания в полате велможи его; да всем тем бога разгневили, неправыми своими суды богатели от слез и от крови неповинныя роду християнского, по языком по раз-

---

[1] *Пленник Орняутской земли, пленник Короманской земли. Арнаутская земля* — Албания; *Короманская земля* — Караман, область южной части Малой Азии.

[2] *...переем заплатит по уставу* — т. е. заплатит по закону нашедшим; слово *переем* неясное, видимо, образовано от *перяти* — перехватить.

бойницким; кто был у них богат, тот и виноват, да в напрасне у них люди прямые погибали, мученическия смерти приимали. А татей и разбойников на откуп пущали, нечисто избирали, во всем прелстилися и всем бога разгневили. Махмет списал с християнских книг ту мудрость и праведный суд, да и рек так: «Почто малые для вещи прелстилися нечисто збирати и путь царства небеснаго потеряли, во всем бога прогневали. Аще бы кому велику грамаду злата найти нечистаго собрания, и тому бог мстит до девятаго роду многими страшными знамении. А кому нечисто сбирати, как богу ответ дати?» Да написал Махмет-салтан в тайне себе: «Таковому было быти християнскому царю, во всем правда имети и за веру християнскую крепко стояти». И сам о том много мыслил с великие мудрости, хотел веру християнскую приняти от сердечныя радости и восхвалил веру християнскую: несть таковыя веры у бога, яко же вера християнская; где ли пойдет неверных к вере приводити и веру християнскую множити, и где войско его побьют, и над теми божия воля, то есть мученики божии последнии, тако же пострадали за веру християнскую, яко же и первии, души их в царствии небеснем и венца прияша нетленныя от господа бога.

А греки в том ослабели во всем и правду потеряли, и бога разгневили неутолимым гневом, и веру дали християнскую неверным на поругание. И ныне греки хвалятся государевым царством благовернаго царя русскаго от взятия Махметова и до сих лет. А иного царства волного християнского и закону греческаго нет, и надежу на бога держат и на то царство Руское благовернаго царя рускаго; хвалятся им, государем волним царем, коли на споре с латыняны латыньския веры докторы спираются з греки: «На вас, на греков, господь бог разгневался своим неутолимым гневом, яко же и на жидов, да выдал вас в неволю царю турецкому за вашу гордость и за неправду. Видите, како бог гордым противится, а за неправду гневается, а правда вере красота». Они же о том отказывают им и хвалятся: «Есть у нас царство волное и царь волный, благоверный государь князь великий Иван Васильевичь всея Русии[1], и в том царстве велико божие милосердие, знамяния божия, святыя новыя чюдотворцы, милость божия от них, яко и от первых святых, богу угодивших». Латынин же рече противо их на споре: «То есть правда, и лучилося бывати в том царстве на отведывание веры християнския: ино они истинные веры християнские, и велика божия милость в той земли, как про них молвити, про святые чудотворцы, а они по божию милосердию истинные великие чюдотворцы, и велика от них благодать божия, и исцеление бывает с верою приходящим. Чтобы к той истинной вере християнской да правда турецкая, ино бы с ними ангели беседовали. И к той бы правде турецкой да вера християнская, ино бы с ними ангели же беседовали».

---

[1] Т. е. Иван Васильевич Грозный; ко времени написания повести ему было 17 лет.

ПЕРЕПИСКА А. КУРБСКОГО И ИВАНА ГРОЗНОГО

Полемическая переписка князя Андрея Курбского и царя Ивана Грозного относится к 1563—1564 и 1577—1579 гг. В ней отражено столкновение двух социальных позиций — родовитого боярства и служилого дворянства, утверждавшего необходимость крепкой самодержавной власти. Различны послания и по своему стилю — абстрактно-рассудительному и изворотливому у Курбского и конкретно-грубому и язвительному у Грозного. Эта переписка, как интереснейший литературный документ эпохи, составляет важный этап в истории русской публицистики XVI—XVII вв.

Два послания А. Курбского публикуются по спискам XVII в. по изданию: Сочинения князя Курбского / Под ред. Г. З. Кунцевича.— СПб., 1914.—Т. I. Два послания Ивана Грозного в сокращении публикуются по изданию: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье/ Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1951.

ЭПИСТОЛИА ПЕРВАЯ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО, ПИСАНА К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МОСКОВСКОМУ ПЛЕЛЮТАГО РАДИ ГОНЕНИЯ ЕГО

Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлому явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротив сим обретшемуся. Разумеваяй да разумеет совесть прокаженну имущий, якова же ни во безбожных языцех обретаетца. И больше сего о сем всех по ряду глаголати не попустих моему языку; гонения же ради прегорчайшаго от державы твоея, от многия горести сердца потщуся* мало изрещи ти.

Про что, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти, различным смертем предал еси? и победоносную, святую кровь их во церквах божиих, во владыческих торжествах, пролиял еси и мученическими их кровьми праги церковные обагрил еси? и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханныя мучения, и гонения, и смерти умыслил еси, изменами и чародействы и иными неподобными оболгающи православных и тщася со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати? Что провинили пред тобою, о царю, и чим прогневали тя, христианский предстателю? Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тобе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе* быша праотцы наши? Не претвердые ли грады германские тщанием разума их от бога тобе даны бысть? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас? Или бессмертен, царю, мнишись? Или в небытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному* судии, богоначальному Иисусу, хотящему судити вселеннеи в правду, паче же прегородным мучителем и не обинуяся истязати их и до влас прегрешения, яко же словеса глаголют? Он есть — Христос мой, седящий на престоле херувимском, одесную силы владычествия во превысоких,— судитель между тобою и мною.

Коего зла и гонения от тебя не претерпех! и коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжеплетений презлых на мя не возвел еси! А приключившиямися от тебя различные беды по ряду, за

множеством их, не могу ныне изрещи, и понеже горестию еще души моей объят бых. Но вкупе все реку конечне: всего лишен бых и от земли божии туне* отогнан бых, аки тобою понужден. Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, ни исходатайствовах от тебя никоея же милости архиерейскими чинами. И воздал еси мне злые за благие и за возлюбление мое — непримирительную ненависть. Кровь моя, яко вода, пролитая за тя, вопиет на тя ко господу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смышлях и обличник совестный мой свидетеля на ся поставих, и исках, и зрех мысленнеи обращаяся, и не вем себя, и не наидох ни в чем же пред тобою, согрешивша. Пред войском твоим хождах и исхождах, и никоего же тебе бесчестия приведох; но токмо победы пресветлы, помощию ангела господня, во славу твою поставлях и никогда же полков твоих хребтом к чюждим обратих; но паче одоления преславныя на похвалу тобе сотворях. И сие ни во едином лете, ни во дву, но в довольных летех потрудихся, со многими поты и терпением; и всегда отечества своего отстоях, и мало рождшия мя зрех и жены моея не познавах; но всегда в дальноконечных градех против врагов твоих ополчахся и претерпевах нужды многие и естественные болезни, имже господь мой Иисус Христос свидетель; паче же учащен бых ранами от варварских рук на различных битвах и сокрушенно уже язвами все тело имею. Но тебе, царю, вся сия аки ничто же бысть, но развие нестерпимую ярость и горчайшую ненависть, паче же разженные пещи, являеш к нам.

И хотех рещи все по ряду ратные дела мои, их же сотворих на похвалу твою, силою Христа моего, но сего ради не изрекох, зане лутче бог весть, нежели человек: он бо есть за все сия мздовоздаятель, и не током, но и за чашу студеныя воды; а вем, яко и сам их не невеси. И да будет ти, царю, ведомо к тому: уже не узришь, мню, в мире лица моево до дня преславного явления Христа моего. И да не мни мене молчаща ти о сем: до скончания моего будут непрестанно вопияти со слезами на тя пребезначальной троице, в нея же верую; и призываю в помощь херувимского владыки матерь, надежду мою и заступницу, владычицу богородицу и всех святых, избранных божиих, и государя моего праотца, князя Феодора Ростиславича[1], иже целокупно тело имеет, во множайших летех соблюдаемо, и благоухания, паче арамат, от гроба испущающе, и благодатию святаго духа струи исцеления чудес источающе, яко же ты, царю, о сем добро веси.

Не мни, царю, не помышляй нас суемудренными мысльми аки уже погибших, избиенных от тебя неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды; не радуйся о сем, аки одолением тощим хваляся: избиенные тобою, у престола господня стояще, отомщения на тя просят; заточенные же и прогнанные от тебя без правды от земли ко богу вопием день и нощь! Аще и тьмами хвалишися в

---

[1] *Федор Ростиславич* — предок Курбского, смоленский и ярославский князь, который церковью был причислен к лику святых.

гордости своей, в привременном сем скоротекущем веце, умышляючи на христианской род мучительные сосуды, паче же наругающе и попирающе ангельский образ, и согласующе ти ласкателем и товарищем трапезы, несогласным твоим бояром, губителем души твоей и телу, иже тя подвижут на афрадитския дела и детьми своими, паче Кроновых жрецов, действуют. И о сем, даже до сих, писание сие, слезами измоченное, во гроб со собою повелю вложити, грядуще с тобою на суд бога моего, Иисуса Христа. Аминь. Писано Волмере[1], граде государя моего, Августа Жигиманта[2] короля, от него же надеюся много пожалован и утешен быти ото всех скорбей моих, милостию его государскою, паче же богу ми помогающу.

Слышах от священных писаний, хотяще от диявола пущенна быти на род християнский губителя, от блуда зачатого, богоборнаго антихриста, и видех ныне сигклита, всем ведома, иже от преблудодеяния рожден есть, иже днесь шепчет ложное во уши царю и льет кровь христианскую, яко воду, и выгубил уже сильных и благородных во Израили, аки согласник делом антихристу: не пригоже таким потакати, о царю! В законе господни первом писано: «Моавитин и аммонитин[3] и выблядок до десяти родов в церковь божию да не входит», и прочая.

ПОСЛАНИЕ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕЯ РОСИИ КО КНЯЗЮ АНДРЕЮ КУРБСКОМУ, ПРОТИВ ЕГО, КНЯЗЯ АНДРЕЕВА, ПИСЬМА, ЧТО ОН ПИСАЛ ИЗ ГРАДА ВОЛМЕРА

Бог наша троица, иже прежде век сый, ныне есть, отец и сын и святый дух, ниже начала имать, ниже конца, о немже живем и движемся есмы, и имже царие царьствуют и сильнии пишут правду; иже дана бысть единороднаго слова божия Иисус Христом, богом нашим, победоносная херугви и крест честный, и николи же победима есть, первому во благочестии царю Констянтину и всем православным царем и содержателем православия, и понеже смотрения божия слова всюду исполняшеся, божественным слугам божия слова всю вселенную, яко же орли летание отекше, даже искра благочестия доиде и до Руского царьства: самодержавство божиим изволением почин от великого князя Владимира, просветившаго всю Русскую землю святым крещением, и великого царя Владимира Манамаха, иже от грек высокодостойнейшую честь восприемшу, и храброго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшаго, и хвалам достойного великого государя Дмитрея, иже за Доном над безбожными агаряны велику победу показавшаго, даже и до мстителя неправдам, деда

---

[1] *Вольмер* — город в Ливонии, ныне г. Вальмиера в Латвийской ССР.

[2] *Август Жигимонт* — Сигизмунд II Август (1520—1572), польский король и великий князь литовский.

[3] *Моавитяне* и *аммонитяне* — племена, с которыми евреи вели ожесточенную борьбу.

нашего, великого государя Иванна, и в закосненных прародительствиях земля обретателя, блаженные памяти отца нашего, великого государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных, скипетродержавия Руского царствия. Мы же хвалим за премногую милость, произшедшую на нас, еже не попусти доселе десницы нашей единоплеменною кровию обагритися, понеже не восхитихом ни под ким же царьства, но божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся во царьствии, тако и возрастохом и воцарихомся божиим велением, и родителей своих благословением свое взяхом, а не чюжее восхитихом. Сего православнаго истинного христианского самодержства, многими владычествы владеющаго, повеление, нам же христианский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего содержания боярину и советнику и воеводе, ныне же преступнику честнаго и животворящаго креста господня, и губителю христианскому, и ко врагом христианским слугатаю, отступъльшим божественнаго иконного поклоняния и поправшим вся священныя повеления, и святые храмы разорившим, осквернившим и поправшим со священными сосудами и образы, яко же Исавр, и Гноетесный, и Арменский[1], сим всем соединителю — князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему своим изменным обычаем быти ярославскому владыце, ведомо да есть.

Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, единородную свою душу отвергл еси? Что даси измену на ней в день страшнаго суда? Аще и весь мир приобрящеши, последи смерть всяко восхитит тя...

Ты же тела ради, душу погубил еси, и славы ради мимотекущия, нелепотную славу приобрел еси, и не на человека возъярився, но на бога востал еси. Разумей же, бедник, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом сшел еси! Збысться на тобе реченное: «И еже имея мнится, взято будет от него». Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубил еси, а не бога ради. Могут же разумети тамо сущии, разум имущии, твой злобный яд, яко, славы желая мимотекущия и богатства, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение? Последи всяко же умрети. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоих друзей, сатанинских слуг, злодейственному ж солганию, се убо явственно есть ваше изменное умышление от начала и доныне. Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: «Всяка душа владыкам предвладущим да повинуются: никая же бо владычества, еже не от бога, учинена суть; тем же противляяйся власти, божию повелению противится»? Смотри же

---

[1] Обличительное сравнение Курбского с византийскими императорами-иконоборцами, осужденными церковью: *Лев III Исавр* (717—741), *Константин V Копроним* (741—775), *Лев V Арменин* (813—820). Греческое слово *копроним* означает «навозоименитый», или «гноетезный» (*тез* — тезка).

сего и разумевай, яко противляяся власти, богу противится; и аще кто богу противится, сий отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение. И сии же убо реченно есть о всякой власти, еже убо кровьми и браньми приемлют власть. Разумей же вышереченное, яко не восхищением* прияхом царство; тем же наипаче, противляяся власти, богу противится! Тако же яко же инде рече апостол Павел, иже ты сия словеса презрел еси: «Раби! послушайте господей своих, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть». Се бо есть воля господня — еже, благое творяще, пострадати.

И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни наследити? Но ради привременныя славы, и сребролюбия, и сладости мира сего, а се свое благочестие душевное со христианскою верою и законом попрал еси, уподобился еси к семени, падающему на камени и возрастшему, и воссиявшу солнцу со зноем, абие словесе ради ложнаго соблазнился еси, и отпал еси, и плода не сотворил еси...

Како же не усрамишися раба своего Васьки Шибанова[1]? Еже бо он благочестие свое соблюде, и пред царем и предо всем народом, при смертных вратех стоя, и ради крестнаго целования тебе не отвержеся: и похваляя и всячески за тя умрете тщашеся. Ты же убо сего благочестия не поревновал еси: единого ради моего слова гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси, понеже божиим изволением, деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и оне, дав свои души и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служити и деда нашего детем и внучатом. И ты то все забыл, собацким изменным обычаем преступил крестное целование, ко врагом христианским соединился еси; и к тому своея злобы не разсмотряя сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменем меща нелепая глаголеши, и раба своего во благочестия не стыдишися и подобная тому сотворити своему владыце отвергался еси.

Писание же твое приятно бысть и разумлено внятельно. И понеже убо положил еси яд аспиден под устнами своими, наполнено меда и сота, по твоему разуму, горчайше же пелыни обретающеся, по пророку глаголющему: «Умякнуша словеса их паче елея, и та суть стрелы». Тако ли убо навыкл еси, християнин будучи, християнскому государю подобно служити? и тако ли убо честь подобная воздаяти от бога данному владыце, яко же бесовским обычаем яд отрыгаеши?..

---

[1] *Василий Шибанов* — холоп князя Курбского. В «Латухинской Степенной» (XVII в.) рассказывается, в отличие от Никоновской летописи, о том, как Василий Шибанов «при пути походу государева на Красном крыльце» подал Ивану Грозному послание Курбского и как царь пробил посланцу ногу посохом и в таком виде заставил Шибанова прочесть весь текст послания. Этот эпизод послужил сюжетом для исторической баллады А. К. Толстого «Василий Шибанов».

Что же, собака, и пишешь и болезнуеши, совершив такую злобу? К чесому убо совет твои подобен будет, паче кала смердяй?..

А еже писал еси: «Про что есмя во Израили побили и воевод, от бога данных нам на враги наша, различными смертьми расторгли есмя, и победоносную их святую кровь в церквах божии пролили есмя, и мученическими кровьми праги церковныя обагрили есмя, и на доброхотных своих, душу за нас полагающих, неслыханныя муки, смерти и гонения умыслили есмя, изменами и чародействы их и иными неподобными обличая православных»,— и то еси писал и лгал ложно, яко же отец твой диавол тя научил есть; понеже рече же Христос: «Вы отца вашего хощете творити, яко же он человекоубийца бе искони, и во истинне не стоит, яко истинны в нем несть, и егда же ложь глаголет, от своих глаголет: ложь бо есть и отцу его». А сильных есмя во Израили не погубили, и не вемы, кто есть сильнейший во Израили, и не побили и не вемы: земля правится божиим милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты* и стратиги*. И еже воевод своих различными смертьми расторгали есмя,— а божиею помощию имеем у себя воевод множество и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя...

Кровию же никакою праги церковныя не обагряем; мучеников же в сие время за веру у нас нет; доброхотных же своих и душу свою за нас полагающих истинно, а не лестию, не языком глаголюще благая а сердцем злая собирающе, и похваляюще, а не расточающе и укоряюще,— подобно зерцалу, егда смотря, и тогда видит, каков бе, егда же отъидет, абие забудет, каков бе,— и егда кого обрящем, всем сим злых свобожения, а к нам прямую свою службу содевающе и не забывающе поручныя ему службы, яко в зерцале, и мы того жалуем великим всяким жалованьем; а иже обрящется в супротивных, еже выше рехом, то по своей вине и казнь приемлют. А в инех землях сам узришь, елико содевается злым злая: там не по здешнему! То вы своим злобесным обычаем утвердили изменников любити: а в ыных землях израдец* не любят: казнят их, да тем утвержаются.

А мук и гонения и смертей многообразных ни на кого не умышливали есмя; а еже о изменах и чародействе воспомянул еси,— ино таких собак везде казнят...

Яко же выше рех, какова злая пострадах от вас от юности даждь и доселе, пространнейше изобличити...

Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене приити от земнаго царьствия на небесное; намь же со свято почившим братом Георгием сродствующим, отстав родителей своих, ни откуда промышления уповающе, и на пречистые богородицы милость и всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому лету от рождения тогда преходящу, подовластным нашим хотение свое

улучившим, еже царьство без владателя обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления добротнаго бо не сподобиша, сами же премесишася богатства и славе, и тако скончаша — друг на друга. И елико сотвориша! Колико бояр и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы и села и имения дядь наших восхитиша себе и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли в Большую казну, неистова ногами пхающе и осны* колюще; а иное же себе разъяша. А дед твой Михайло Тучков то сотворил. И тако князь Василий и князь Иван Шуйские самовольством у меня в береженье учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис поимания повыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйский на дядей наших княж Андрееве дворе, сонмищем иудейским, отца нашего и нашего дьяка ближняго, Федора Мишурина изымав, позоровавши, убили; и князь Ивана Федоровича Бельского и иных многих в разная места заточиша, и на царьство вооружишася, и Данила митрополита сведши с митрополия в заточении послаша: и тако свое хотение во всем улучиша, и само убо царьствовати начаша[1]. Нас же, со единородным братом, свято почившим Георгием, питати начаша яко иностранных* или яко убожайшую чадь. Якова же пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевичь Шуйский седит на лавке, локтем отвергшеся от отца нашего о постелю ногу положив; к нам же не приклоняяся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабское же, ниже начало обретеся. И таковая гордыня кто может понести? Како же исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах? Многажды позно ядох не по своей воле. Что же убо о казне родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая не по достоинству; а казну деда и отца нашего бесчисленную себе поимаша, и тако в той нашей казне исковавши себе сосуды злати и сребряни и имена на них родителей своих подписаша, бутто их родительское стяжание; а всем людем ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйского шуба была мухояр* зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было суды ковати, ино лутчи бы шуба переменити, да во излишнем суды ковати. Что же о казне дядь наших и глаголати? Все себе восхитиша. По сем на грады и села наскочиша, и тако горчайшим мучением, многоразличными виды, имения ту жи-

---

[1] Имеется в виду расправа бояр над близкими царской семье деятелями во время боярского правления. Дьяк Федор Мишулин был убит, боярин и воевода И. Ф. Бельский вначале был сослан на Белоозеро и в 1542 г. убит, Даниил был отстранен от митрополичьей кафедры. Указываются и главные виновники расправы — дед А. Курбского по матери Михаил Тучков, князья Василий и Иван Шуйские.

вущих без милости пограбиша. Сосетствующим же от них напасти кто может исчести? Подвластных же всех аки раби себе сотвориша, своя ж рабы аки вельможа устроиша; правити же мнящеся и строити, и вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще...

То ли к нам прямая их служба? Воистину, сие всем окрестным в подсмеяние, слыша такое их неистовство и гонение! Како могу изрещи, колики беды случишамися от них от преставления матере нашей и до того лета? Шесть лет и пол не престаша сия злая содевающе!

Егда же достигохом лета пятагонадесят возраста нашего, тогда, богом наставляеми, сами яхомся царство свое строити, и за помощию вседсильнаго бога начася строити царьство наше мирно и немятежно по воле нашей. Но тогда случися, грех ради наших, от произволения божия, распростершуся пламени огненному, царьствующий град Москву попалиша: наши же изменники бояре иже от тебя нарицаеми мученики, их же имена волею премину, аки благополучно время изменной своей злобе улучиша, наустиша скудожайших умов народ, что бутто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская[1], со своими детьми и с людьми сердца человеческая выимали и таковым чародейством Москву попалили; да будто и мы тот их совет ведали. И таковых их изменников наших наущением, множество народа неистовых, воскричав июдейским обычаем, приидоша соборныя и апостольския церкви в придел святаго великомученика Димитрия Селунского и, изымав боярина нашего князя Юрья Васильевича Глинского, безчеловечне выволокли в соборную церковь Успения пресвятые богородицы, и убиша в церкви безвинно, против митрополича места, и кровию его помост церковный окравовивше, и вывлекше тело его и предние двери церьковныя и положиша, яко осужденика, на торжищи. И сие во церкви святой убийство его всем ведомо. Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, да те же наши изменники возмутили народ, яко бы и нас убити, за то, яко же ты, собака, лжеши, что бутто мы князь Юрьеву матерь Глинского, княгиню Анну и брата его, князя Михаила, у себя хороним от них. И сия суемудръствия како смеху не подлежат! О чесо ради убо царьству своему запалители самым быти? Такова убо стяжания прародителей наших благословение у нас погибе, еже от иных вещей и во вселенней обрестися не может. Кто безумен или яр отаков может явитися, еже бы гневаяся на своя рабы, да погубит стяжания своя, могл бы их погубити, а своя сохранити? Посему во всем ваша разумеется собачья измена. Такожде на таковую высоту, еже Иван святый[2], водою кропити: се убо безумие явственно. И тако ли достойно служити нам бояром нашим и воеводам, еже таким собацким собрании безчеловечне бояр наших доброхотных

---

[1] *Глинские* — родные Ивана Грозного по матери: Анна — бабушка, Елена — мать, Михаил — брат Анны, бабушки Грозного, Юрий Васильевич — дядя.

[2] *Иван святой* — имеется в виду колокольня Ивана Великого в Кремле.

убивати, еще же в черте нам кровной, не помышляя в себе страха нашего? И тако ли душу свою за нас полагают, еже во всем нам супротивная устрояют? Нам убо закон полагающе во святыню, сами же с нами путь шествовати не хотяще! Почто и хвалишися, собака, в гордости, такожде и инех собак и изменников бранною храбростию?..

А что, речеши, кровь твоя пролитая от иноплеменных за нас, по твоему мнимому безумию, вопиет на нас к богу, тем же убо смеху подлежит сие, еже убо от иного пролитая, на иного же вопиет. Аще бы и тако, еже от сопротивных супостат пролитая кровь твоя, то должная отечеству си сотворил еси; аще бы сего не сотворил еси, то неси был еси християнин, но варьвар; и сие к нам неприлично. Кольми же паче наша кровь на вас вопиет к богу от вас самех пролитая: не раними, ниже кровными капли, но многими поты и трудов множеством от вас отягчен бых безлепотно, яко же по премногу от вас отяготихомся паче силы! И от многаго вашего озлобления и утеснения, вместо кровей, много излияся слез наших, паче же и воздыхания и стенания сердечная...

А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рождьшия тя, и жены своея, отлучения ради, не познах, и отечество оставлях, но всегда в дальных и окольных градех наших против врагов наших ополчахся, претерпевал еси естественныя болезни, и ранами учащен еси от варварских рук в различных бранех, и сокрушено уже ранами все тело имееши,— и сия тебе вся сотворишася тогда, егда вы с попом и Алексеем владесте. И аще не годно, почто тако творили есте? Аще же творили есте, то почто, сами своею властию сотворив, на нас словеса воскладаете? Аще бы и мы сие сотворили, несть дивно; но понеже бо сие должно нашему повелению в вашем служении быти. Аще бы муж браниносец был еси, не бы еси исчитал бранныя труды, но паче на предняя простирал бы ся; аще же исщитаеши бранныя труды, то сего ради и бегун явился еси, яко не хотя бранных трудов понести, и сего ради во упоении пребывати. Сия же твоя худейшая браненосия нам ни во что же поставлена; еже ведомые измены твоя и яже претыкания о нашей главе тебя презрена бывша, и яко един от вернейших слуг наших был еси славою и честию и богатством. А аще бы не тако, то таких казней за свою злобу был еси достоин. И аще бы не было на тебе нашего милосердия, не бы возможно было тебе угонзнути к нашему недругу, аще бы наше к тебе гонение было, яко же по твоему злобесному разуму писал еси. Бранныя же дела твоя вся нам ведома. Не мни мя неразумна суща или разумом младенчествующа, яко же начальницы ваши поп Селивестр и Алексей неподобно глаголаху; ниже мните мя детскими страшилы устрашити, яко же прежде сего с попом Селивестром и со Алексеем[1] лукавым советом

[1] *Сильвестр* — протопоп Благовещенского собора в Кремле и духовник царя, был близок к Ивану Грозному до 1553 г. Сильвестру приписывается составление «Домостроя». *Алексей* — имеется в виду Алексей Федорович Адашев, окольничий, энергичный помощник Ивана Грозного до 1560 г.; затем Алексей Адашев подвергся опале, был заключен в тюрьму и в начале 1561 г. скончался.

прельстисте. Или мните ныне таковая сотворити? В притчах бо речено бысть: «егож не можеше яти, того не покушайся имати».

Мздовоздаятеля же бога призываеши; воистинну, он праведный воздатель всяким делам, благим же и злым; но токмо подобает разсуждение имети всякому человеку, како и против каких дел своих кто мздовоздаяние приимет. Лице же свое пишешь не явити нам до дне страшнаго суда божия. Кто же убо восхощет таковаго ефопъскаго лица видети?..

А еже свое писание хощешь с собою во гроб вложити, се убо последнее свое христианство отложил еси. Еже бо господу повелевшу не противитися злу, ты же убо и обычное, еже невежда имут, конечное прощение отвергли еси и по сему убо несть подобно и пению над тобою быти.

В нашей же отчине, в Вифлянской земле, град Волмер недруга нашего Жигимонта короля нарицаешь,— се убо свою злобесную собацкую измену до конца совершаешь. А еже от него надеешися много пожалован быти,— се убо подобно есть, понеже не восхоте под властию были божия десницы и от бога данным владыкам своим послушным и повинным быти, но самовольством самовластно жити. Сего ради такова государя искал еси по своему злобесному хотению, еже ничим же собою владеюща, но паче худейша от худейших раб суща, понеже от всех повелеваем есть, а не сам повелевая.

Но что еще глаголю ти много? По премудрому Соломону: «С безумным не множи словес»; обличения бо ему о правде злоба слышати. Аще бы еси имел смысл цел и разум здрав, то по приточнику сему уподобился бы еси: «Разум премудраго яко потоп умножится и совети его яко животен источник». Ты же буй сый, а утроба буяго яко изгнивший сосуд; ничто же удержано им суть; такожде и ты разума стяжати не возможе.

Писана нашея великая России преименитого, царьствующаго, престольнаго града Москвы, степеней* нашего царьскаго порога, от лета миросоздания 7072-го, иулиа месяца в 5 день.

КРАТКОЕ ОТВЕЩАНИЕ КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО НА ЗЕЛО ШИРОКУЮ ЕПИСТОЛИЮ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО

Широковещательное и многошумящее твое писание приях, и вразумех и познах, иже от неукротимаго гнева с ядовитыми словесы отрыгано, еж не токмо цареви, так великому и во вселенней славимому, но и простому, убогому воину сие было не достойно, а наипаче так ото многих священных словес хватано, и те со многою яростию и лютостию, ни строками, а ни стихами, яко обычей искусным и ученым, аще о чем случится кому будет писати, в кратких словесех мног разум замыкающе; но зело паче меры преизлишно и свягливо,

целыми книгами, и паремьями[1] целыми, и посланьми. Туто же о постелях, о телогреях, и иные безсчисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни; и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом, наипаче же в чюжую землю, идеже некоторые человецы обретаются, не токмо в граматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях искусные.

Но еще к тому, и ко мне человеку смирившемуся уже до зела, во странстве, много оскорбленному и без правды изгнанному, аще и многогрешному, но очи сердечныя и язык не неученный имущу, так претительне и многошумяще, прежде суда божия, претити и грозити! И вместо утешения, в скорбех мнозех бывшему, аки забыв и отступивши пророка — не оскорбляй, рече, мужа в беде его, довольно бо таковому,— яко твое величество меня неповиннаго в странстве таковыми, во утешения место, посещаешь. Да будет о сем бог тебе судьею. И сице грызти кусательне за очи неповинного мя мужа, ото юности некогда бывшаго верного слугу твоего! Не верую, иже бы сие было богу угодно.

И уже не разумею, ни чему же у нас хощеши. Уже не токмо единоплеменных княжат, векомых от роду великого Владимера, различными смертьми поморил еси, и движимые стяжания и недвижимые, чего еще был дед твой и отец не разграбил, но и последних срачиц, могу рещи со сдерзновением, по евангельскому словеси, твоему прегордому и царскому величеству не возброняхом. А хотех на коеждо слово твое отписати, царю, и мог бы избранне, понеже, за благодати Христа моего, и язык маю отеческий, по силе моей наказан*, аще уже и во старости моей зде приучихся сему; но удержах руку со тростию сего ради, яко и в прежнем посланию своем написах ти,— возлагаючи все сие на божий суд: и умыслих и лучше рассудих зде в молчанию пребыти, а тамо глаголати, пред маестатом* Христа моего со дерзновением, вкупе со всеми избиенными и с гонимыми от тебя, яко и Соломон рече: «тогда, рече, станут праведнии пред лицем мучащих»,— тогда, егда Христос приидет судити, и возглаголют со многим дерзновением со мучащими или обидящими их, идеже, яко и сам веси, не будет лицаприятия на суде оном, но каждому человеку правость сердечная и лукавство изъявляемо будет; вместо же свидетелей, самого каждаго свойственно совести вопиюще и свидетельствующе. А к тому еще и то, иже не достоит мужем рыцерским сваритися, аки рабом, паче же и зело срамно самым христианом отрыгати глаголы изо уст нечистыя и кусательные, яко многажды рех и прежде. Лучше умыслих возложити упование мое на всемогущаго бога, в триех лицех славимого и поклоняемого, ибо он есть свидетель на мою душу, иже не

---

[1] *Паремьями,* или *паремейники* (паремеи),— книги, содержащие извлечения из ветхого завета. В состав этих книг входили пророчества и притчи Соломона. Паремеи обычно читались на вечерних церковных службах. В послании Ивана Грозного действительно в изобилии приводились цитаты из библейских текстов (в хрестоматии опущены).

чую ся пред тобою винна ни в чесом же. А сего ради пождем мало, понеже верую, иже близ, на самом праге преддверия надежды нашея христианския, господа бога и спаса нашего Исуса Христа пришествие. Аминь.

ТАКОВА ГРАМОТА ПОСЛАНА ОТ ГОСУДАРЯ ИЗ ВОЛОДИМЕРЦА ЖЕ КО КНЯЗЮ АНДРЕЮ К КУРБСКОМУ СО КНЯЗЕМ АЛЕКСАНДРОМ С ПОЛУБЕНСКИМ

Всемогущие и вседержательные десница дланию содержащаго всея земли конца господа бога и спаса нашего Исуса Христа, иже со отцем и святым духом, во единстве поклоняема и славима, милостию своею благоволи нам удержати скифетры Росийского царствия смиренным и недостойным рабом своим, и от его вседержавныя десница христоносныя хоругви сице пишем мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, Владимерский, Московский, Новугородцкий, царь Казанский и царь Астороханский, государь Псковский и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Новагорода, Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полотцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, государь отчинный и обладатель земли Лифлянская, Неметцкого чину, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Сибирския земли и Северные страны повелитель — бывшему нашему боярину и воеводе, князю Андрею Михайловичу Курбскому...

Писал еси, что яз разтлен разумом, яко ж ни в языцех имянуемо, и я таки тебя судию и поставлю с собою: вы ли разтленны, или яз? Что яз хотел вами владети, а вы не хотели под моею властию быти, и яз за то на вас опалялся? Или вы разтленны, что не токмо не похотесте повинны мне быти и послушны, но и мною владесте, и всю власть с меня сняете, и сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел. Колики напасти яз от вас приял, колики оскорбления, колики досады и укоризны! И за что? Что моя пред вами исперва вина? Кого чим оскорбих?.. А Курлятев[1] был почему меня лутче? Его дочерям всякое узорочье покупай — благословно и здорово, а моим дочерем — проклято да за упокой. Да много того. Что мне от вас бед, всего того не исписати.

А и с женою вы меня про что разлучили? Только бы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было. А будет молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил,— ино вси есмя человецы. Ты чево для понял стрелецкую жену? Только б есте на меня с попом не стали, ино б того ничево не было: все то учини-

---

[1] *Курлятев* — имеется в виду боярин Д. Н. Курлятев-Оболенский, который был в близких отношениях с Курбским; в 1563 г. попал в опалу, был насильно пострижен в монахи и затем умерщвлен.

лося от вашего самовольства. А князя Володимера[1] на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? Яз восхищеньем* ли, или ратью, или кровью сел на государство? Народился есми божиим изволением на царство; и не мню того, как меня батюшка пожаловал-благословил государством, да и взрос есми на государстве. А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государьству, которое его поколенье, разве ваши измены к нему да его дурости? Что моя вина перед ним?.. И вы мнесте под ногами быти у вас всю Русскую землю; но вся мудрость ваша ни во что же бысть божиим изволением. Сего ради трость наша наострися к тебе писати. Яко же рекосте: «несть людей на Русии, некому стояти»,— ино ныне вас нет, а ныне кто претвердые грады германские взимает?.. Не дожидаются грады германские бранного бою, но явлением животворящего креста поклоняют главы своя. А где по грехом, по случаю, животворящаго креста явления не было, тут и бой был. Много отпущено всяких людей: спрося их, уведай.

А писал себе в досаду, что мы тебя в дальноконыя грады, кабы опаляючися, посылали,— ино ныне мы з божиею волею своею с единою и дали твоих дальноконых градов прошли, и коней наших ногами переехали все ваши дороги, из Литвы и в Литву, и пеши ходили, и воду во всех тех местех пили,— ино уже Литве нельзе говорити, что не везде коня нашего ноги были. И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес; а мы тут, з божиею волею сугнали, и ты тогда дальноконее поехал.

И сия мы тебе от многа мало написахом. Сам себе разсуди, што ты и каково делал, и за что, и божия смотрения* величества о нас милости; разсуди, что ты сотворил. Сия в себе разсмотри и сам себе разтвори сия вся. А мы тебе написахом сия вся, не гордяся, ни дмяся* — бог весть; но к воспоминанию твоего исправления, чтоб ты о спасении душа своея помыслил.

Писан в нашей отчине Лифляньские земли, во граде Волморе, лета 7086 года, государствия нашего 43, а царств наших: Росиискаго 31, Казанского 25, Астороханского 24.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО ИГУМЕНУ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ КОЗМЕ С БРАТИЕЙ

Сосланные в Кирилло-Белозерский монастырь бояре грубо нарушали установленный порядок, не подчинялись распоряжениям игумена. В связи с этим настоятель монастыря Козма обратился с просьбой к царю повлиять на опальных бояр

[1] *Владимир* — Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат царя; во время болезни Ивана Грозного в 1553 г. был выдвинут боярской оппозицией на царство, но Грозный принудил бояр присягнуть малолетнему сыну Дмитрию. В 1563 г. Владимир Старицкий подвергся опале и в 1569 г. был казнен вместе с женой и детьми.

и заставить их выполнять монастырский устав. В ответ на эту просьбу Иван Грозный откликнулся в 1573 г. обличительным посланием, наполненным меткой иронией и сарказмом, разговорной фразеологией.
Послание в сокращении перепечатывается из книги: Послания Ивана Грозного/ Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц.— М.; Л., 1951.

В пречестную обитель пресвятыя и пречистыя владичицы нашея богородицы честнаго и славнаго ея Успения и преподобнаго и богоноснаго отца нашего Кирила чюдотворца, яже о Христе божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме, яже о Христе з братиею, царь и великий князь Иоанн Василиевичь всеа Русии челом бьет.

Увы мне грешному! горе мне окаянному! Ох мне скверному! Кто есмь аз на таковую высоту дерзати? Бога ради, господие и отцы, молю вас, престаните от таковаго начинания. Аз брат ваш недостоин есми нарещися, но по еуангельскому словеси сотворите мя, яко единаго от наемник своих. Тем же припадая честных ног ваших стопам и мил ся дею, бога ради, престаните от таковаго начинания. Писано бо есть: «свет иноком ангели, свет же миряном иноки». Ино подобает вам, нашим государем, и нас заблуждьших во тме гордости и сени смертней прелести тщеславия, ласкордъства* и ласкосердия*, просвещати. А мне, псу смердящему, кому учити и чему наказати, и чем просветити?..

И аще хощете, есть у вас дома учитель среди вас — великий светильник Кирил. И на его гроб повсегда зрите, и от него всегда просвещаетеся. Потому же великие подвижници ученици его, а вашы наставницы и отцы, по приятию рода духовнаго даже и до вас. И святый устав великаго чюдотворца Кирила, яко же у вас ведется. Се у вас учитель и наставник! — от сего учитеся, от сего наставляйтеся, от сего просвещайтеся, о сем утвержайтеся; да и нас, убогих духом и нищих, благодатию просвещайте, а за дерзость, бога ради, простите. Понеже помните, отцы святии, егда некогда прилучися некоим нашим приходом к вам в пречестную обитель пречистыя богородицы и чюдотворца Кирила, и случися тако судбами божиими: по милости пречистыя богородицы и чюдотворца Кирила молитвами от темныя ми мрачности малу зарю света божия в помысле моем восприях, и повелех тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с некоими от вас братии негде в келии сокровене быти, самому же такожде от мятеж и плища* мирскаго упразнившуся и пришедшу ми к вашему преподобию; и тогда со игуменом бяше Иоасаф архимандрит Каменьской, Сергий Колычев, ты Никодим, ты Антоней, а иных не упомню; и бывши о сем беседе надолзе, и аз грешный вам известних желание свое о пострижении, и искушах окаянный вашу святыню слабыми словесы. И вы известисте ми о бозе крепостное житие. И яко же услышах сие божественое житие, ту абие возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душею, яко обретох узду помощи божия своему невоздержанию и пристанище спасения. И свое обещание положих вам с радостию, яко

нигде инде, аще благоволит бог, в благополучно время здраву пострищися, точию во пречестней сей обители пречистыя богородицы, чюдотворца Кирила со гавления. И вам молитвовавшим аз же окаянный преклоних скверную свою главу и приподох к честным стопам преподобнаго игумена тогда сущаго, вашего же и моего, на сем благословения прося. Оному же руку на мне положъшу и благословившу меня на сем, яко же выше рех, яко некоего новоприходящаго пострищися.

И мне мнится окаянному, яко исполу есмь чернец: аще и не отложих всякого мирскаго мятежа, но уже рукоположение благословения ангельскаго образа на себе ношу. И видех во пристанищи спасения многи корабли душевныя люте обуреваемы треволнением. Сего ради не могох терпети, малодушьствовах, и о своей души поболех, яко сый уже ваш, да не пристанище спасения испразнится*, сице дерзнух глаголати...

Яко же апостоли Христу сраспинаеми, и соумеръщвляеми, и совоскрешаеми будут, тако и вам подобает усердно последъствовати великому чюдотворцу Кирилу, и предание его крепко держати, и о истинне подвизатися крепце, и не быти бегуном, пометати щит и иная, но вся оружия божия восприимете, и не предавайте чюдотворцова предания никто же от вас, яко Июда Христа сребра ради, тако и ныне страстолюбия ради. Есть бо в вас Анна и Каияфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлам Собакин[1], понеже от царския власти послан, и есть Христос распинаемь — чюдотворцово предание преобидимо. Бога ради, отцы святии, мало в чем ослабу попустите,— то и велико будет...

Видите ли, каково послабление иноческому житию плача и скорби достойно? И по тому вашему ослаблению, ино то Шереметева для и Хабарова для, такова у вас слабость учинилася и чюдотворцову преданию преступление. И только нам благоволит бог у вас пострищися, ино то всему царьскому двору у вас быти, а монастыря уже и не будет. Ино почто в черньцы, и как молвити: «отрицаюся мира и вся, яже суть в мире», а мир весь в очех? И како на месте сем святем с братиею скорби терпети и всякия напасти приключьшыяся, и в повиновении быти игумену, и всей братии в послушание и в любви, яко же во обещании иноческом стоит? А Шереметеву как назвати братиею? — ано у него и десятой холоп, которой у него в келии живет, ест лутче братий, которыя в трапезе ядят. И велицыи светилницы, Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрий и Пафнотей[2],

---

[1] Опальные бояре И. Шереметев и И. Хабаров сравниваются с иудейскими первосвященниками Анной и Каиафой, главными виновниками казни Христа; боярин В. Собакин, в монашестве Варлаам, уподобляется Понтию Пилату, римскому наместнику в Иудее (с 26 по 36 г.); во времена наместничества Пилата был распят Христос, как говорится в христианско-мифологическом сказании.

[2] Имеются в виду знаменитые русские игумены, основатели монастырей — Сергий Радонежский (XIV в.), Кирилл Белозерский (жил в XIV — начале XV в.), Варлаам Хутынский (XII в.), Дмитрий Прилуцкий (XIV в.) и Пафнутий Боровский (XV в.).

и мнози преподобнии в Рустей земли, уставили уставы иноческому житию крепостныя, якоже подобает спастися. А бояре, к вам пришед, свои любострастныя уставы ввели: ино то не они у вас постриглися — вы у них постриглися; не вы им учители и законоположители — они вам учители и законоположители. Да Шереметева устав добр — держите его, а Кирилов устав не добр — оставь его! Да севодни тот боярин ту страсть введет, а иногды иной иную слабость введет, да помалу, помалу, весь обиход монастырской крепостной испразнится и будут все обычаи мирския. Ведь по всем монастырем сперва начальники уставили крепкое житие, да опосле их разорили любострастныя...

Смотрите же: слабость ли утвержает или крепость? А вы се над Воротыньским церковь есте поставили![1] Ино над Воротыньским церковь, а над чюдотворцом нет. Воротыньской в церкви, а чюдотворец за церковию! И на страшном спасове судищи Воротыньской да Шереметев выше станут: потому Воротыньской церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепче...

А ныне у вас Шереметев сидит в келии что царь, а Хабаров к нему приходит, да и иныя черньцы, да едят, да пиют что в миру. А Шереметев нивести с свадьбы, нивести с родин, розсылает по келиям пастилы*, коврижки и иныя пряныя составныя овощи, а за монастырем двор, а на нем запасы годовыя всякия. А вы ему молчите о таковом великом пагубном монастырьском бесчинии...

Ино то ли путь спасения, что в черньцех боярин боярьства не състрижет, а холоп холопъства не избудет? Да како апостолово слово: «несть еллин и скиф, раб и свобод: вси едино есте о Христе?» Да како едино, коли боярин по старому боярин, а холоп по старому холоп? А Павел како Анисима Филимону братом нарече, его существенаго раба? А вы и чюжих холопей к бояром не ровняете. А в здешних монастырех равеньство и по се время держалося — холопем и бояром, и мужиком торговым. И у Троицы при отце нашем келарь был Нифонт, Ряполовскаго холоп, да з Бельским з блюда едал. А на правом крылосе Лопотало да Варлам невести кто, а княжь Александров сын Васильевича Оболенъскаго Варлам на левом. Ино смотри же того: коли был путь спасения, холоп з Бельским ровен, а князя доброва сын с страдники сверстан*. А и перед нашима очима Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе, а Федорит Ступишин на левом, да ничим был от крылошан* не отлучен, да и инде много того было и доселе. А в Правилех великаго Василия написано есть: «аще чернец хвалится при людех, яко добра роду есмь, и род имея, да постится 8 дней, а поклонов по 80 на день». А ныне то и слово: тот велик, а тот того больши,— ино то и братьства нет. Ведь коли ровно, ино то и братьство, а коли не ровно, которому

---

[1] По-видимому, имеется в виду Владимир Воротынский, похороненный в 50-х гг. XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре. На могиле опального боярина действительно был построен церковный придел к главному монастырскому собору.

братьству быти? — ино то иноческаго жития нет. А ныне бояре по всем монастырем то испразнили своим любострастием...

А то есмя говорили, бог свидетель и пречистая и чюдотворец, монастырьскаго для безчиния, а не на Шереметева гневаючися. А будет хто молвит, что так жестоко, ино су совет дати, по немощи сходя, что Шереметев без хитрости болен, и он ежь в кельи да один с келейником. А сход к нему на что, да пировати, а овощи в кельи на что? Досюдова в Кирилове и иглы было и нити лишние в кельи не держати, не токмо что иных вещей. А двор за монастырем, да и запас на что? То все беззаконие, а не нужа. А коли нужа, и он ежь в келии как нищей крому хлеба да звено* рыбы, да чаша квасу. А сверх того коли вы послабляете, и вы давайте колко хотите, только бы ел один, а сходов бы да пиров не было, как преже сего у вас же было. А кому к нему приити беседы ради духовныя,— и он приди не в трапезное время: ествы бы и пития в те поры не было — ино то беседа духовная. А что пришлют братия поминков, и он бы отсылал в моностырьския службы, а у себя бы в келии никаких вещей не держал. А что к нему пришлют, то бы разделяли на всю братию, а не двема, ни трема по службе и по страсти...

А Хабаров велить мне себя переводити в ыной монастырь: и яз ему не ходатай скверному житию. Али уже больно надокучило. Иноческое житие не игрушка. Три дни в черньцех, а семой монастырь... И о Хобарове мне нечего писати как себе хочет — так дурует. А что Шереметев сказывает, что его болезнь мне ведома: ино ведь не всех лежене[к] для разорити законы святыя.

Сия мала от многих изрекох вам любви ради вашея и иноческаго для жития, им же сами множае нас весте. Аще хощете,— обрящете много в божественом писании. А нам к вам болши того писати невозможно, да и писати нечего. Уже конец моих словес к вам. А вперед бы есте о Шереметеве и о иных безлепицах нам не докучали: нам о том никако ответу не давати. Сами ведаете: коли благочестие не потребно, а нечестие любо! А Шереметеву хоти и золотыя сосуды скуйте и чин царской устройте,— то вы ведаете. Уставьте с Шереметевым свое предание, а чюдотворцово отложите: будет так добро. Как лутче, так делайте! Сами ведаете как себе с ним хотите, а мне до того ни до чего дела нет! Вперед о том не докучайте: воистинну ни о чем не отвечивати. А что к вам Собакины от моего лица злокозненную прислали грамоту,— и вы бы с нынешним моим писанием сложили и по слогням разумели, и потому вперед безлепицам верили.

Бог же мира и пречистыя богородицы милость, и чюдотворца Кирила молитвы буди совсеми вами и нами. Аминь. А мы вам, господие мои и отцы, челом бием до лица земнаго.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Основа сюжета повести, видимо, сложилась во второй половине XV в. на основе двух устно-поэтических, сказочных мотивов — о герое-змееборце и мудрой деве, широко распространенных в фольклоре многих народов. Впоследствии, в связи с канонизацией Петра и Февронии в 1547 г., повесть подвергалась переработке, приспосабливаясь к житиям и обрастая дополнительными частями, хотя вопрос об исторических прототипах героев до сего времени остается открытым. Окончательно же она была написана в середине XVI в. известным публицистом Ермолаем-Еразмом. Повесть была весьма популярной, сохранилось более полутораста списков.

Текст повести печатается по списку XVI в., опубликованному в книге: Скрипиль М. О. «Повесть о Петре и Февронии» // Труды Отдела древнерусской литературы.— М.; Л., 1949.— Т. VII, со сверкой по новейшей публикации и исследованию Р. П. Дмитриевой «Повесть о Петре и Февронии».— Л., 1979.

Сеи убо в Руснистеи земли град, нарицаемыи Муром. В нем же бе самодржъствуяи благоверный князь, яко же поведаху, именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человечю, диавол всели неприазненнаго летящаго змиа к жене князя того на блуд. И являшеся еи своими мечты яко же бяше и естеством, приходящим же людем являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведаше князю мужеви своему вся ключьшаяся ей. Змии же неприазнивыи осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сътворити, но недоумеяшеся. И рече к жене си: «Мыслю, жено, но недоумеюся, что сътворити неприазни тому. Смерти убо не вем, каку нанесу на нь. Аще убо глаголеть к тебе какова словеса, да въспросиши и с лестию* о сем: весть ли сеи неприазнивыи духом своим, от чего ему смерть хощет быти. Аще ли увеси* и нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыханиа и сипениа и всего скарядиа* еже смрадно есть глаголати, но и в будущии век нелицемернаго судию Христа милостива себе сътвориши». Жена же мужа своего глагол в серцы си твердо приимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от днии неприазнивому тому змию пришедшу к неи. Она же добру память при сердцы имея, глагол с лестию предлагает к неприязни тои, глаголя многи иныя речи по сих с почтением въспросив его хваля, рече бо, яко «много веси, и веси ли кончину си, какова будет и отчего?» Он же неприязнивыи прелестник прелщен добрым прелщением от верныя жены, яко непщева таину к неи изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова меча»[1].

Жена же, слышав такову речь, в сердцы си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведа князю мужеви своему, яко же рекл есть змии. Князь же то слышав, недоумеяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча, имеяше же у себя приснаго брата, князя именем Петра; во един же от днии призва его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть к жене его.

Князь же Петр, слышав от брата своего, яко змии нарече тезоиме-

[1] *Агриков меч* — меч, которым обладал сказочный богатырь Агрик.

нита ему исходатая смерти своеи, нача мыслити не сумняся мужественe, како бы убити змия. Но и еще бяше в нем мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычаи ходити по церквам уединяяся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыри Воздвижение честнаго креста. И прииде ту един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеши ли, да покажу ти Агриков мечь?» Он же хотя желание свое исполнити, рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди во след мене». И показа ему во олтарнои стене между керемидами скважню, в ней же лежаще мечь. Благоверныи же князь Петр взем мечь той, прииде и поведа брату своему. И от того дни искаше подобна времени да убиет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своеи на поклонение. Ключи* же ся ему прийти во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своеи во храмину и видев у нея седяща брата своего. И паки пошед от нея, въстрете некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносе моеи, брат же мои оста в своем храму. Мне же, не косневшу ни камо же, пришедшу ко сносе моеи и не свем* и чюжуся, како брат мои напреди мене обретеся у снохи моеи». Тои же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоем отшествии не изыди брат твои из своея храмины». Он же разумев быти пронырьство лукаваго змия. И прииде к брату, рече ему: «Когда убо семо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоеи в храмину и видех тя с нею седяща и чюдився, како напреди мене обретеся тамо. Приидох же паки скоро семо, ты же не вем како мя предтече и напред мене зде обретеся». Он же рече: «Никако же, брате, не храма сего по твоем отшествии не изыдох и у жены своея никако же бех!» Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змиа, да тобою ми ся кажет, аще не бых хотел убити его, яко непщуя* тебе своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никако же иди. Аз же тамо иду братися съ змием, да некли* божиею помощию убиен да будет лукавыи сеи змии».

И взем мечь, нарицаемыи Агриков, и прииде в храмину к сносе своеи и виде змиа зраком* аки брата си и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестныи змии, и удари его мечем. Змии же явися, яков же бяше и естеством, и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприазнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде нань болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачев исцелениа, и ни от единого получи.

Слыша же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньскиа земли и повеле себе тамо повести, не бе бо сам мощен на кони сидети от великиа болезни. Привезен же бысть в пределы Рязанскиа земли и посла синклит* свои весь искати врачев.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающу(ю)ся Ласково. И-прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом, и не бе, кто бы его чюл. И вниде

в храмину и зря видение чюдно: сидяше бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заець.

И глагола девица: «Нелепо есть быти дому безо ушию и храму без очию!» Юноша же той не внят в ум глаол тех, рече к девице: «Где есть человек мужеска полу, иже зде живет?» Она же рече: «Отец и мати моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави* зрети»[1].

Юноша же тои не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси, и глагола к девицы: «Внидох к тебе, зря тя делающу, и видех заець пред тобою скача и слышу ото устну твоею глаголы странны некаки и сего не вем, что глаголеши. Первие бо рече: «нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию». Про отца же своего и матерь рече, яко идоша в заим плакати, брата же своего глагола «чрез ноги в нави зрети», и ни единого слова от тебе разумех!» Она же глагола ему: «Сего ли не разумееши, прииде в дом сии и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте? Аще бы был в дому наю пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моеи отроча и видев тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отець мои и мати моя идоша в заем плакати, шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнуть плакати: се есть заимованныи плач. Про брата же ти глаголах, яко отець мои и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древиа вземлют. Брат же мои ныне на таково дело иде и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сеи живота гонзнет*, сего ради рех, «яко идет чрез ноги в нави зрети». Глагола еи юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повежь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврониа». Тои же юноша рече к ней: «Аз есмь муромъскаго князя Петра, служаи ему. Князь же мои имея болезнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему о крови неприазниваго летящаго змиа, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцелениа ото мног врачев и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша зде мнози врачева. Но мы не вемы, како именуются, ни жилиць их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе? Аще кто уврачюет и, князь мои дасть ему имение много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеши князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен в ответех, да

---

[1] Ответы Февронии в форме загадок имеют параллели в устном народном творчестве. Ср. загадку: «Пришел жених к невесте, стал ее спрашивать: — Где отец? — Отец уехал сто рублей на пятак менять (псовая охота).— А мать? — А мать ушла взаймы плакать (по покойнику). Собрала бы я тебе, жених, пообедать, да обед-то у курицы под хвостом (яйцо)».

будеть здрав!» Юноша же скоро възвратися к князю своему и поведа ему все подробну, еже виде и еже слыша.

Благоверныи же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица». И привезоша и в дом тои, в нем же бе девица. И посла к неи ото отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачюет мя и възмет имение много». Она же не обинуяся рече: «Аз есмь хотяи и врачевати, но имениа не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть врачевати его». И пришед человек тои, поведа князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петр, яко не брегии словеси ея и помысли: «Како, князю сущу, древолазца дщи пояти себе жену!» И послав к неи, рече: «Рцыте еи, что есть врачевъство ея, да врачюет. Аще ли уврачюет, имам пояти ю себе жене». Пришедше же, реша еи слово то. Она же взем съсудець мал, почерпе кисляжди* своея и дуну и рек: «Да учредять князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здрав». И принесоша к нему таково помазание. И повеле учредити баню.

Девицу же хотя в ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголех ея от юноши своего. Посла к неи с единым от слуг своих едино повесмо* лну, рек, яко: «Си, девица хощет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу и порты и убрусець в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к неи повесмо лну и дасть еи и княже слово сказа. Она же рече слузе: «Взыди на пещь нашу и, снем з гряд поленце, снеси семо». Он же, послушав ея, снесе поленьце. Она же, отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Възми сии утинок* поленца сего и шед даждь князю своему от мене и рцы ему: «В кии час се повесмо аз очешу, а князь твои да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, киим сотчется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок поленьца и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невъзможно есть в такове мале древце и в таку малу годину сицева строениа сътворити». Слуга же пришед сказа еи княжу речь. Девица же отрече: «А се ли възможно есть человеку мужеска възрасту вь едином повесме лну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сътворити срачицу и порты и убрусець?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивлеся ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазая язвы и струпы своя и един струп остави непомазан по повелению девицы. Изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрии же узрев си все тело здраво и гладко, развие единого струпа, еже бе непомазан по повелению девичю. И дивляшеся скорому исцелению. Но не въсхоте пояти ю жену себе отечества ея ради и послав к неи дары. Она же не приат.

Князь же Петр поехав во отчину свою, град Муром, здравъствуяи. На нем же бе непомазан один струп повелением девичим. И от того

струпа начаша многи струпы расходитися на теле его от перваго дни, в онь же поехав во отчину свою. И бысть паки весь оструплен многими струпы и язвами, яко же и первие.

И паки възвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом* посла к неи, прося врачеваниа. Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостию слово дасть еи, яко имать пояти ю жену себе. Она же паки, яко и преже, то же врачевание дасть ему, еже предписах. Он же въскоре исцеление получив, поят ю жену себе. Такою же виною* бысть Феврониа княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божиих заповедеи оставляюще.

По мале же днии предреченныи князь Павел отходить жития сего. Благоверныи же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду своему.

Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея, богу же прославляющу ю добраго ради житиа ея.

Некогда бо некто от предстоящих еи прииде ко благоверному князю Петру навадити* на ню, яко «от коегождо,— рече,— стола своего без чину исходит: внегда бо встати еи, взимает в руку свою крохи, яко гладна». Благоверныи же князь Петр, хотя ю искусити*, повеле да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же, яко же обычаи имеяше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петр приим ю за руку и, развед, виде ливан* доброванныи и фимиам. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему с яростию боляре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя. Но княгини Февронии не хощем, да господьствует женами нашими. Аще хощеши самодержьцем быти, да будет ти ина княгини. Феврониа же, взем богатество доволно себе, отоидет, амо же хощет!» Блаженныи же князь Петр, яко же бе ему обычаи, ни о чесом же ярости имея, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же речет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившиеся безстудиа, умыслиша, да учредят пир. И сътвориша. И егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя божии дар, его же еи бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврониа! Весь град и боляре глаголють тебе: «даи же нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да възмета, его же просита». Они же, яко единеми усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодръжьствует над нами. Тебе же жены наши не хотяхуть, яко господствуеши над ними. Взем богатство доволно себе, отоидеши, амо же хощеши». Она же рече: «Обещахся вам, яко, елика аще просите, приимете». Аз же вам глаголю: «Дадите мне, его же аще аз въспрошу у ваю». Они же злии ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою без прекословиа въземши». Она же рече:

«Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра». Реша же они: «Аще сам въсхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мыслеи, яко, аще не будет князь Петр, да поставят себе инаго самодержьцем: киждо бо от боляр в уме своем дръжаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженныи же князь Петр, не възлюби временнаго самодержавьства, кроме божиих заповедеи, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласныи Матфеи[1] в своем благовестии вещает. Рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, развие словеси прелюбодеинаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сеи же блаженный князь по евангелию сътвори: одержание свое, яко уметы* вмени, да заповеди божиа не раздрушита.

Они же злочестивии боляре даша им суды на реце,— бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Тои же человек, приим помысл от лукаваго беса, възрев на святую с помыслом. Она же, разумев злый помысл его, вскоре обличи и. Рече ему: «Почерпи убо воды из реки сиа с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажещи?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женьское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!» Тои же человек, уведе, яко в неи есть прозрениа дар, бояся к кому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезе. Блаженныи же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержъства гоньзнув?»* Предивная же Феврониа глагола ему: «Не скорби, княже, милостивыи бог, творец и промысленник* всему, не оставить нас в нищете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврониа, ходящи по брегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будуть сиа на утрии древие велико, имущи ветви и листвие». Еже и бысть. Вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие, имуще ветви и листвие. И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды с брега, приидоша же вельможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже, от всех вельмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но възвратишися на свое отечествие. Мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Киждо их хотя державъствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси с всем народом молят тя, глаголюще: «Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврониа господьствует женами нашими, ныне

[1] Т. е. евангелист Матвей.

же с всеми домы своими раби ваю есмы, и хощем и любим и молим, да не оставита нас, раб своих».

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврониа възвратишася в град свои.

И беху державьствующе в граде том, ходяще в всех заповедех и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем, под их властию сущим, аки чадолюбивии отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабленна, ни богатества тленнаго щадяще, но в бог богатеюще. Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наимника. Град бо свои истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагиа одевающе, бедныя от напасти избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ею, умолиша бога да в един час будет преставление ею. И совет сътвориша, да будут положена оба въ едином гробе, и повелеша учредити себе вь едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи межу собою. Сами же вь едино время облекошася во мнишескиа ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давыд, преподобная же Феврониа наречена бысть во иноческом чину Еуфросиниа.

В то же время преподобная и блаженная Феврониа, нареченнаа Еуфросиниа, во храм пречистыя съборныя церкви своима рукама шиаше въздух*, на нем же бе лики святых. Преподобныи же и блаженныи князь Петр, нареченныи Давид, прислав к неи, глаголя: «О, сестро Еуфросиниа! Хощу уже отоити от тела, но жду тебе, яко да купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошию въздух в святую церковь». Он же вторицею послав к неи, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хощу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дело въздуха того святого шиаше, уже бо единого святого риз еще не шив, лице же нашив и преста и вотче иглу свою в воздух и преверте нитью, ею же шиаше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И помолився, предаста святаа своя душа в руце божии месяца июня в 25 день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженныи князь Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя богородицы, Феврониа же вне града в женстем монастыри у церкви Въздвижениа честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко «во мнишестем образе неугодно есть положити святых вь едином гробе». И учредиша им гроби особны и вложиша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давида, тело вложиша в особныи гроб и поставиша внутрь града в церкви святыа богородицы до утриа, святыя же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тело вложиша в особныи гроб и поставиша вне града в церкви Въздвижениа честнаго и животворящаго креста. Общии же гроб, его же сами повелеша истесати себе вь едином камени, оста тощь* в том же храме пречистыя съборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же, вставше, людие обретоша гроби их особныя тщи, в ня же их вло-

жиста. Святая же телеса их обретоста внутрь града в соборнеи церкви пречистыя богородицы вь едином гробе, его же сами себе повелеша сътворити. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятущеся, тако и по честнем ею преставлении: паки преложиша я в особныя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обретошася святии вь едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я вь едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рожества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже бо с верою пририщуще к раце* мощеи их, неоскудно исцеление приемлют.

ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ

Историческая повесть «История о царстве Казанском» написана в середине 60-х гг. XVI в. Эта повесть была очень популярной, о чем свидетельствует наличие более 240 ее списков, бытовавших в различных социальных слоях — среди служилого дворянства, боярства, крестьянства, среди посадских людей. Повесть привлекала к себе внимание не только в период русского средневековья, но и в условиях нового времени. Такой интерес обусловлен в значительной мере тем, что повесть принадлежит к лучшим образцам древнерусской художественной прозы.

В «Истории» поэтизируется могущество единого централизованного многонационального государства, деятельность царя Ивана Грозного и его сторонников, присоединение Казанского царства к Московскому государству. Этим историческим событиям посвящены три великих памятника XVI в.: в архитектуре — собор Василия Блаженного в Москве, в живописи — икона «Церковь воинствующая», которую, в сущности, можно отнести к историческим картинам, в литературе «История о царстве Казанском».

Отрывки из повести печатаются по списку XVII в., опубликованному в книге: Казанская история/Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой.— М.; Л., 1954.

СКАЗАНИЕ ВКРАТЦЕ ОТ НАЧАЛА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО И О БРАНЕХ, И О ПОБЕДАХ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ СО ЦАРИ КАЗАНЬСКИМИ, И О ВЗЯТИЕ ЦАРСТВА КАЗАНИ, ЕЖЕ НОВО БЫСТЬ

Красныя убо новыя повести сия достоит нам радостно послушати, о христоименитии людие, яже содеяшася преславная дела в нашей земли и во дни наша, в лета преславнаго и благочестиваго и державнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, богом возлюбленнаго и богом избраннаго, и богом венчаннаго, глаголю же владимирскаго и московскаго и всеа великия Росии самодержца. Ему же дарова бог всемирную победу и славное одоление на презлое царство срацынское, на предивную Казань, правые ради его веры, еже во Христа. Но молю вас, о боголюбцы, не позазрети грубости моея. О любви христове поизрещи чаем бех, и покусихся на ведущим сего по нас людем в род ин писанием изъявитися разумно маловедомых мною от начала Казанскаго царьства, откуда исперва, и в кая лета, и како быти почася, и о бывших великих победах с великими нашими самодержцы москов-

скими. Яко да прочетше братия наша, воини, от скорби своея применятся, а простые же возвеселятся и прославят бога Исуса Христа, и разумеют вси дивная чюдеса его и великия милости, еже подает истинным рабом своим верным. Начну же сице. Вы же внимайте себе разумно сладкия повести сия.

О ПЕРВОМ НАЧАЛЕ КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ, И О МЕСТНОМ УГОДЬЕ И О ЗМИИСКОМ ЖИЛИЩЕ

Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов[1], оттуду же прииде царь, именем Саин Болгарский[2]. И поискав по местом проходя в лета 6685 и обрете место на Волге, на самой украине руской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме. Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцеми земными семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодья много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей руской нашей земли нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же, аще есть будет в чюжих землях. И велми царь за то возлюби Саин Болгарьский. И глаголют мнози нецыи, преже место быти издавна гнездо змиево, во всем жителем земля тоя знаемых. Живяше ту возгнездився змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше. А иныя змии около его лежаще, живяху с ним всяцеми образы. Тем же не можаху человецы близ места того миновати, свистания ради змиина и точения их, но далече инем путем обхожаху. Царь же, по многи дни зря места того, обходя и любя его, и не домышляшеся, како извести змия того от гнезда своего, яко да того ради будет град крепок и славен везде. Изыскався в воех его сице волхв хитр и рече царю: «Аз змия уморю и место очищу». Царь же рад бысть и обещася ему царь нечто дати велико, аще тако сотвориши. И собра обоянник* волшением своим вся живущя змия те от века в месте том к великому змию во едину грамаду согна и всех чертою очерти, да не излезет из нея ни едина змия, и бесовским действом всех умори. И обволоче кругом сеном и тростием, и древием, и лозием сухим многим. И полияв серою и смолою, и зажже огнем, и попали, и пожже вся змия, великаго и малыя, яко быти от того велику смраду змиину по всей земли той, и проливающе впредь хотяще быти от окаяннаго царя злое содеяние проклятыя его веры срацынския. Мнозем же от вои его умрети от лютаго смрада змиина. Близ того места стояху кони и верблюды его и мнози падоша. И сим образом очисти место то. Царь возгради на месте том Казнь, никому же от державных

---

[1] *Брягов* (Брахов) — столица Болгарского царства на Волге.

[2] *Саин Болгарский* — упоминание о царе Саине является легендарным; слово «саин» в татарском языке значило «сильный, могучий» и являлось нарицательным именем.

Руси смеюще супротив что рещи. И есть град Казань, стоит и доныне, всеми рускими людми видим и знаем есть, а не знающими слышим есть.

Яко же преже сего на том месте возгнездися змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверныи царь, нечестия своего великим гневом наполнився, и распалашеся яко огнь, во ярости на кристияны, и разгарашеся яко огнь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглощая, яко овца, смиренныя люди руския в прележащих всех близ живущая около Казани, изгна от нея русь-тоземца, и три лета землю ту пусту положи. И наведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и мпогу ему сущу, ибо подобну суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом. Наполни такими людми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения рускаго в болгарских жилищах, и приложи х Казани царь болгаркия грады, обладаются царем казанским. То бо бе преже земля болгарець малых за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя Волжки до великия Орды Нагайския. А большия болгары на Дунае. Ту же был на Каме старыи град, именем Брягов болгарьский, ныне же градище пусто, его же первое взя князь Великии Андрей Юревичь Владимерский[1] и в конечнее запустение преда, а болгар тех под себе покори. А балыматы от болгар тех яко 20 поприщь. И дале тот же князь великии повоева. И бысть Казань столныи град, вместо Брягова. И вскоре нова орда и земля благоплодна, и семенита, и именита, и медом кипяща, и млеком и дашася во одержание и власть и в наследие поганым. И от сего царя Саина прежде зачася Казань, и словяще юрт Саинов. И любяше царь, и часто сам от столнаго своего града Сарая приходяше и живяше в нем. И остави по себе на новом месте, юрте своей, царя от колена своего князя с воиями. По том же царе Саине мнози цари, кровопивцы, руския люди губили, и пременяющеся царьствовав же в Казани лета многа.

О КОНЕЧНОМ ЗАПУСТЕНИИ ЗЛАТЫЯ ОРДЫ, И О ЦАРЕ ЕЯ, И О ВЕЛИЧЕСТВЕ РУСКИЯ ЗЕМЛИ, И О ЧЕСТИ И КРАСОТЕ ПРЕСЛАВНАГО ГРАДА МОСКВЫ

И приидоша нагаи, иже реченныя мангиты*, по московском воинстве. И тии тако же останки ординския погубиша, и юрт царев разориша, и царицу его побиша. И самому царю Ахмату[2] встречю поидоша, преплывше Волгу. И сшедшеся с ним на поле чисте

---

[1] *Андрей Юрьевич Владимирский* — владимиро-суздальский князь Андрей Боголюбский, сын основателя Москвы Юрия Долгорукого; стремился установить сильную княжескую власть, вызвал этим недовольство бояр-феодалов и был убит заговорщиками в 1174 г.

[2] *Ахмат царь* — хан Золотой Орды Ахмет (1459—1481); летом 1480 г. предпринял поход на Русь, был остановлен на р. Угре. С этого времени Русь окончательно освободилась от татарского ига.

внезапу, много бившеся с ним. И одолевше, и паде ту воинство его. Ту же самого царя, наехав, убиша, узрев его, Ямгурчей мурза, и на костех его вструбиша. И тако скончашася цари ординстии, и таковым божиим промыслом погибе царство и власть великия Орды Златыя. И тогда великая наша Русская земля освободися от ярма и покорения бусурманскаго, и начат обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагатися. И взыде паки на преднее свое величество и благочестие, и доброту, яко же при велицем князи первом Владимире[1] православном. Ей же премудрый царю Христе даждь расти, яко младенцу, и величатися, и разширятися, и всюде пребывати в муже совершение, и до славнаго своего втораго пришествия, и до скончания века сего. И возсия ныне стольный и преславный град Москва, яко вторый Киив, не усрамлюжеся и не буду виновен нарещи того,— и третий новый великий Рим[2], провозсиявший в последняя лета, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли, во всех градех, и во всех людех страны сея, красуяся и просвещаяся святыми божиими церквами, древяными же и каменными, яко видимое небо красяшеся и светяшеся, пестрыми звездами украшено и православием непозыблемо, христовою верою утвержено, и не поколебимо от злых еретикя, возмущающих церковь божию о сих. Сице и первому слову да имемся, аще бог вразумит нас.

О СКАЗАНИЕ ВОЛХВОВ И ЦАРЕВЕ СНЕ И О СЕИТОВЕ, И О СТРАСЕ ЦАРЯ И КАЗАНЦЕВ, И О ВЫЕЖЖАЮЩИХ БРАТИСЯ С РУСЬЮ

В первую же нощь, егда х Казани прииде царь и великий князь и град облеже, и виде сон страшен сам про себе казанский царь. Легшу ему с печалию мало уснути, яко взыде с востока месяц, мал и темен, худ и мрачен, и ста над Казанию, другий же месяц, аки от запада взыде, зело пресветел и велик велми, и пришел над градом же ста, выше темнаго месяца. Темный же месяц пред светлым побегован и потрясашеся; великий же месяц долго стояв и, яко крылат, полете от места своего, и догнав, удари собою темнаго месяца, и яко поглотив в себе и прият, и той в нем просветися, великий же месяц, светлый, пусти ис себе аки звезды огненныя и искры долу с небеси во град, и сожже вся люди казанския, и паки ста над градом великий месяц, и более возрасте, и паче перваго сияше неизреченным светом, аки солнце. В ту же нощь сеит казанский сон же виде, яко стекошася мнози стада великия многообразных зверей и люте рыкающе, лвове же, и пардуси, и медведи, и волцы, и рыси, и наполнишася ими лугове и поля вся казанская; против же их истекоша из града невеликии стада, едино-

---

[1] *Первый Владимир* — великий князь киевский Владимир Святославич.

[2] Теория «Москва — третий Рим» и «второй Киев» возникла в конце XV в. и была весьма популярной в середине XVI в.

шерстнии зверие и волцы выюще, и естися и битися падша со многоразличными теми зверми, и в час един вси, истекше из града, от лютых тех зверей изязвени быша. Сеит же на утрие приехав ко царю и сказа ему сон свой, а царь свой сон сеиту поведа, и дивишася о снех своих. И созва к себе царь вся велможи казанския и премудрыя волхвы, и поведаша им оба сна своя царь и сеит. Властели же казанския вся умолкнуша, и ни един же их ответа воздаст. Волхвы же яве царю оба сна разсудиша, предо всеми велможами: «Темный месяц и худый, ты еси, царю; а светлый месяц — московский царь, князь великий, от него же ят будеши и в плен сведен; а многоразличнии зверие — толкуются языцы мнози, руская сила; а единошерстнии волцы то есть казанцы единоверпии, и стражют за свое царьство едиными главами своими, и подвизаются нелестно собою за ся; а еже изядоша серых пестрыя зверие, то одолеет ныне русь казанцев. И болши сего не вопрошай нас о сем ничто же, и аще сего не хощеши, то увещай рание казанцев смиритися с ним, яко и преже глаголахом им много до твоего призвания к ним, да и сами живи будут и царьства своего не губят». Еще же царь и вси велможи ужасахуся и трепетаху и сокрушахуся сердцы своими, по обаче метахуся мыслию и не внимаху реченным их, и царю воли не даяху ни в чем же, и премудрых своих волхвов не слушаху, надеющеся на пошедших своих послов звати нагайских срацын в поможение им. И бияхуся с русью, выезжая по 7 дней, и не хотяще им дати ко граду приступов чинити,— рустей же силе велицей сущей всегда прогоняху во град, бьюще казанцев, един бо казанец бияшеся со сто русинов, и два же со двема сты,— ждущи к себе на помощь нагайския силы, и не возмогоша казанцы еже не дати руси ко граду приступити.

ОПОЛЧЕНИЕ И ПОБЕДА МОСКОВСКИХ ВОЕВОД НА КАЗАНЬ

Видевше же се воеводы великого полка, яко прииде им уже помощь божия, и наполнишася духа храбра, и вострубиша воя их в ратныя трубы и в сурны* во многия, и удариша в накры*, весть подающи и прочим полком всем, да готовятся скоро. Царь же князь великий, взем благословение и прощение от духовнаго отца своего, мужа добродетелна, Андр(е)я именем, и аки пардус ярости наполнися бранныя, и всед на избранный свой конь с мечем своим, и скача вопияше воеводам, мечем маша: «Что долго стоите безделныи? Се приспе время потружатися мал час и обрести вечную славу». И хоте во ярости дерзнути с воеводами сам итти к приступу в велицем полце и дати собою храбрости начало всем, но удержаша воеводы нудма*, и воли ему не даша, да не грех кои случится, и отведоша в стан его, и увещевающи его тихими словесы: «Тебе убо, о царю, подобает спасти себе и нас; аще бо мы все избиени будем, а ты будеши здрав, то нам будет честь и слава и похвала во всех землях, и останутся у тобе сынове наши и внучата и сродники, то и паки вместо нас будут без числа служащих ти;

аще ли же мы все спасемся и тебе единаго самодержца нашего изгубим, и каковая будет нам слава и похвала, но студ и срам, и поношение во языцех, и уничижение вечно, и останемся аки овечная стада, в пустынях и в горах блудяще, снедаеми от волк, не имущи пастыря». Он же пришед во ум свой от ярости зелныя, и позна, яко не добро есть безумное дерзновение, и пусти ко граду впреди великий полк пеших оружников за великими щиты древяными, по 30 человек, ко всем вратом и туры двинути ко стенам градным блиско, до толика, яко воем взыти с них на стены проломныя, царевичев астороханских с татары, за теми же воинство все, но и еще полком всем не веле поспешити, да не угнетения ради и стесне[ни]я у града падение людем будет велие. Сам отъехав з братом своим, со князем Владимером, и со царем Шигалеем[1], и стояше, смотря издалеча бывающаго. Воеводы же с пешцы* ко граду приступлеше и единем часом мало трудне девятеры врата граду изломиша и во град внидоша, и путь всюде сотвориша всему рускому воиньству. И самодержьцево знамя, вознесше, на граде поставиша, християнское победителство на поганых являющи всем; и вдруг с теми царевичи поспешиста в проломы, с полки своими варварскими, и внидоша во град полыми месты, в мгновении ока, безбранно, и отъят от возгорения град, и угасиша силу огненную. Казанцем бо еще во страсе мятущимся, и не ведающим самим себе, и ума не собравшим, прочии же воеводы стоящи, времени ожидающи, и видевше огнь угасше и дым по аеру ветром разносим, и вои руских уже во граде скачющих, и биющихся с казанцы, за руки имаяся, и двигнушася от мест своих с полки своими, кииждо где стояше, с воплем крепким. И приидоша во град на конех своих, яко грозныя туча с великим громом, лиющеся со всех стран, аки силная вода, во все врата и проломы, со обнаженными копьи и с мечи, друг друга поникающи и вопиющи: «Дерзайте и не бойтеся, о друзи и братия, и поспешите на дело божие; се Христос невидимо помогает нам». И не удержаша их ни реки, ни глубокия рвы, ни вся крепость казанская, но яко птица чрез [их] прелетаху и ко граду припадаху и прилипаху. И аще не господь сохранит град, то всуе бдять стрегыи его. Пешцы же лествица тмочисленныя приставляху ко стенам и на град полезоша неудержанно, овии же, яко птица или векшица, прилепляющися, яко ноготми, железными багры всюде ко стенам и возлазяху на град и бияху казанцев, казанцы же со стен градных падаху на землю. И смерть свою пред очима своима видяще, веселяхуся и лутче живота смерть вменяху, яко не лестно за закон свой и за отечество и за град свой пострадаша. С неких же казанцев сниде смертный страх, и охрабришася и сташа во вратех града и у полых мест, и сняшася с русью, и с татары сме-

---

[1] *Шигалей* — касимовский царь Шах-Али (1506—1567), сторонник воссоединения Казани с Москвой; несколько раз занимал престол Казани, но изгонялся враждебными группировками. Похоронен в Касимове в мавзолее, сохранившемся до нашего времени.

шашеся сечем великим, со предними же и со задними, иже кои во граде, и крепце сечахуся, яко зверие дивии рыкающе. И страшно бе видети обоих храбрости и мужества: овии влести во град хотяху, овии же пустити не хотяще, и отчаявшеся живота своего и силно бияхуся, и неотступно рекуще в себе, яко единако же умрети есть нам. И трескотаху копия и сулицы, и мечи в руках их и, яко гром силен, глас и кричание обоих вои громяще. И ту в Муралиевых вратех язвиша казанцы храбраго воеводу князя Семиона Никулинскаго[1] ранами многими, но не смертными, и по малех днех исцелиша его врачеве, здрава сотвориша, не на много время, яко преже написах о нем. Брата же его, князя Дмитрея, ис пушки со стены убиша, и похватившe слуги его, отомчаша мертва в шатер его, и вои его паде с ним 3000. И мало бившеся и потопташа казанцев русь, и вогнаша их во улицы града, биюще и секущи. Казанцем бо не зело многим и не успевающим скакати по всем местом града, всюде врат и проломов брещи, и битися со всеми не могущем, яко уже полон град руси, аки мшица* насыпан. Но и тако побегающим бияхуся, многащи и воздержеваху многих предних немнози, и силных убиваху несилныи, донележе созади русь приспевше и побиваху их. Инии же вбегаху в домы своя и запирахуся во храминах, и бияхуся оттоле. Но не может мал пламень много удержати, противитися велицей воде гашению, но скоро угасает, и ни малая пр[у]дина — великия реки быстрины, сице же ни казанцы много стояти противу толикаго множества руских вои, и паче же рещи божия помощи.

О ПАДЕНИИ ХРАБРЫХ КАЗАНЦЕВ

Тех же досталных 3000 окопившеся храбрых казанцев, и плакавше и целовавшеся со оставлешимися, и молвяше к себе: «Выедем ис тесноты сия на поле, и сецемся с русью на месте широце, дондеже изомрем, или убегше живот получим». И вседше на коня своя и прорвашася во врата Царевы за Казань реку, и надеющиеся на крепость рук своих, и хотяще пробитися всквозе руских полки, стрегния беглецов, и убежати в Нагаи. И вскочиша аки зверие во осок, и ту их окружи руськая сила и вместо согнете, и осыпаша их аки пчела, не дадуще ни прозрети; стояху бо ту на поле два воеводы противу Царевых врат, князь Петр Щенятев, другий же князь Иван Пронский Турунтай. И много секшися казанцы, и многих от вои руских убивша, и сами ту же умроша, храбрыя, похвално на земли своей. Како можаху битися казанцы с такими рускими силами многими, яко бысть на единаго казанца русинов 50. Рустии же вои быстро, яко орли и ястребы гладнии на ырищи* полетоваху, и скачюща яко елени по горам и по стогнам

---

[1] *Симеон Мокулинский* (ум. 1562) — русский воевода, строитель Свияжской крепости, участник Ливонской войны, преданный сторонник централизации Московского государства.

града, и рыстаху, яко зверие по пустыним, семо и овамо, и яко лвы рыкаху восхити[ти] лова, ищущи казанцев, в домех их и во храминах и в погребех и в ямах сокрывающихся, и где аще обретаху казанца, стара или юношу или средолетнаго, и ту вскоре того оружием своим смерти предаваху. Отроки же токмо младыя и красныя жены и девица соблюдоваху, и не убиваху повелением самодержцевым, что много моляху мужей своих предатися ему. И бе видети, яко высокия горы, громады же великия побитых казанцев лежащих, яко внутре града з градными стенами сравнитися, и во вратех же градных, и в проломех, и за градом в ровех, и в потоцех, и в кладезях, и по Казани реке, и по-за Булаку, по лугом безчисленно мертвых бысть, яко и силному коню не могущу долго скакати по трупию мертвых казанцев, но вседати воином на иныя коня и пременятися. Реки иже по всему граду крови их пролияшася, и потоцы горячих слез протекоша, и яко великия лужи дождевныя воды, кровь стояше по ниским местом и очерленеваше землю, яко речным водам с кровию смеситися, и не можаху людие из рек по 7 дни пити воды, конем же и людем в крови до колену бродити. И бысть сеча та великая от утра перваго часа и до десятаго.

ПОХВАЛА ГРАДУ КАЗАНИ

О блажен еси ныне, граде прекрасный Казань, и от бога благословен. Зело радуйся и веселися паче всех руских градов; вся бо Руская земля и градове издавна от благодати святаго духа просвещение прияша, ты же новый ныне православием просветися и божественными храмы обновися, яко младенец породися. Избег темныя веры суетства и всяко нечестие потреби, и поганую бохмичю* веру до конца погуби, яко солнце красное от темных облак произшед, от прелести тоя провосия, всю страну ту лучами благоверия просвещаеши. И сего ради не унывай, но паче ликовствуй и светло торжествуй и красуйся: отъят бо господь от тебе вся неправды твоя, бывшая от зачала в тебе, и избави тя от варварскаго державства и жертв служения сквернаго Бахмета. И воцарися господь посреде тебе и той сохранит тя, яко зеницу ока, десницею своею покрыет тя и заступит тя от враг твоих яко новорожденна младенца. И не узриши зла к тому ни от кого же. И мир божий на тебе до век временых пребудет. Древле бо ты злобами и неправдами великими наполняшеся и кровию многою рускою и горкими слезами яко реками кипяше и всякеми сквернами и нечистотами преизобиловашеся. И тех ради многих беззаконий твоих великою славою словяше, яко доходите славе твоей и до самого царя вавилонскаго и другом ему именоватися и почитаему быти от него и любиму и славиму, а от руских людей всегда поношаем и проклинаем бываше, и к господу своему со слезами моляхуся, да воздасть ти господь по делом твоим, еже и восприял еси. Ныне же от них вместо проклятия благословением веселишися и похвалами ублажаем прославляешися. И седмицею паче перваго славнейши сотворися не до Вавилона, но от конец и до

конец земля. Мы же истинныи християне и нелестнии поборницы вере Христове како не удивимся бывшим ныне, божию человеколюбию на нас. Идеже царьство темное и нечестивое бе, и ту царьство благочестивое процвете, идеже умножися грех, ту преизобиловаше божия благодать. И кто не почюдится, и кто не прославит бога о сем, токмо еретик и неверных иноземцев, ти бо суть едини не ради християнскому добру, но распыхахуся сердцы своими, завистию снедаеми, видяще христову веру разширяющуюся, и их веру исчезающу силою христовою, и Рускую землю продолжающуся и разширяющуся и народа людми умножающуся. Иже иногда слышахуся и видяхуся во граде Казани мерзости и запустения мечети варварския стояще, ныне же на тех местех видяхуся церкви божия християнския, пресветло сияюще; иже иногда злосмрадныя скверы воздух оскверняющи, бесом требовахуся, ныне же кадило и благовонный фимиян в воню благоухания Христу приносится; иже иногда животная закалахуся безсловесная скоти и птица, ныне же самый агнец Христос за вся верныя закалаетца, и безкровная и чистая жертва богу выну о гресех наших приносится. Иже иногда тимпаны звяцяху, и арганы восклицаху, и рожцы вопияху, и сурны возглашаху, и трубы шумяху, воя казанская собирающе, сим подающим весть, да готови будут на воевание поитти и пролити кровь крестьянская; ныне же доброгласныя трубы вопияху, рекше звонения церковная уши оглашающи, не страх и боязнь подающи, но веселие и умиление верным людем в сердца влагая, и возбужающи от сна, и созывающи богобоязнивыя мужи и жены на духовный подвиг во церкви божия, на молбы и моления и на божественная славословия.

О ВСТРЕТЕНИИ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЕПИСКОПОВ ДВУ И ВСЕГО НАРОДА МОСКОВСКАГО И О КРАСОТЕ ОБОЛОЧЕНИЯ ЕГО

Слышан же бысть на Москве царьский приход его, и выехаша посланны от митрополита епископы 3, и встретиша его от грады Москвы за 12 верст, в царьском селе его в Тонинском, со архимариты, и со игумены, ростовский архиепископ Никандр, и тверский епископ Акакий, Иов, епископ крутицкий, мир и благословение носяще от пресвященнаго отца Макария[1] митрополита, и поклонися ему, и благословивше его, и скоро назад возвратившеся от него. Приближающуся ему к посаду града, и пусти водима впереди себе дале со приставником воеводою казанскаго царя со знамением его и с плененными казанцы полк велик, до 50 000. И позвоне весь великий град Москва, изодоша на поле за посад в стретение царя и великаго князя князи и велможи его, и вси старейшины града, богатии и убозии, юноша и девы, и старцы со младенцы,

---

[1] *Митрополит московский Макарий* (1482—1563) — сторонник централизации Московского государства. С именем Макария связано составление «Великих четей-миней» и «Степенной книги».

черньцы и черницы, и спроста все множество безчисленное народа московскаго, и с ними же вси купцы иноязычныя, турцы, и армены, и немцы, и литва, и многия странницы. И встретиша за 10 верст, овии же за 5, овии же за 3, овии же за едино поприще, оба полы пути стояще со единаго, и угнетающися и стесняющися; и видевше самодержца своего, идоша, яко пчелы матку свою, и возрадовашася зело хваляще и славяще и благодаряще его, и победителна и велика его нарицающи, и многа лета ему восклицающи на долг и велик час, и падающи вси покланяхуся ему до земля. Он же посреди народа тихо путем прохождаше, на царьстем коне своем еде со многим величанием и славою великою, на обе страны против покланяшеся народом, да вси людие насладятся, видяще велелепныя славы его сияюща на нем; бяше бо оболчен во весь царьский сан, яко на светлый день воскресения Христа бога нашего, в златная и в сребряная одежа, и златыи венец на главе его с великим жемчюгом и камением драгим украшен, и царьская порфира о плещу его. И ничто же ино видети и у ногу его развее злата и сребра и жемчюга и камения многоценнаго — и никто же таких вещей драгих нигде же когда виде, удивляют бо сия ум зрящим нам. За ним ездяху братия его, князь Георгий и князь Владимер, такоже и ти в венцах златых и в порфирная и в златыя одеянны. За ними же и круг их, вся князя и воеводы и благородныя боляре и велможа идяху, по тому же в пресветлая и драгая оболченны, и коемуждо на выях их повешенны чепи и гривны златыя, яко забыти в той час всем людем, на такия красоты на царьския зр[ящ]им, и вся домовная попечения своя и недостатцы. Прилучишася тогда на Москве и послы некия, с честию и з дары пришедше от далечих стран, на болшую славу самодержцу нашему: вавил[он]скаго царя посол, сеит царьства его, муж зело премудр, и взят бысть с Казанскаго царьства за 25 лет, удал, и несть бывал от тоя земля преже сего на Руси посол. И послы нагайския, и послы полскаго короля, и послы свийскаго короля, и послы датцкаго короля, и посол волоский, и купци аглинския земля; и ти вси послы же и купцы тако же дивляхуся глаголюще, яко «несть мы видали ни в коих же царьствах, ни в своих, ни в чюжих, ни на коем же царе, ни на короле сицевыя красоты и силы и славы великия». Овии же народи московстии, возлезше на высокия храмины и на забрала и на полатныя покровы, и оттуду зряху царя своего, овии же далече наперед заскакаше, и от инех высот некиих, лепяшеся, смотряше, да всяко возмогут его видети. Девица же чертожныя и жены княжия и болярския, им же нелзе есть в такая позорища великая, человеческаго ради срама, из домов своих изходити и ни из храмин излазити не полезне есть, и где седяху и живяху яко птица брегоми в клетцах,— они же сокровенне приницающе из дверей и из оконец своих, и в малыя скважницы глядяху, и наслажахуся многаго видения того чюднаго, и доброты и славы блещащаяся.

ПОХВАЛА ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ И ВСЕМ ВОЕВОДАМ ЕГО И ВОЕМ

Сицев бе той царь великии и многа при себе памяти и похвалы достойна сотвори: грады новыя созда и ветхия обнови, и церкви пречюдныя и прекрасныя воздвижи, и монастыря общежителныя иночествующим устрои; и от юны версты не любляше никакия потехи царьския: ни птичья ловления, ни песья, ни звериныя борбы, ни гуселнаго звяцания, ни прегудниц крыпения, ни мусикеискаго* гласа, ни пискания прилепнаго, ни скомрах видимых бесов скакания и плясания, и всяко смехотворение от себе отрину, и глумники* отогна, и в конец сих возненавиде[1]. И токмо всегда о воинественнем попечении упражняшеся, и поучение о бранех творяше, и почиташе доброконники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаше, и сим во вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеся, и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганых нашествия, и от частаго пленения их; к сему же тщашеся и покушашеся всяку неправду, и нечестие, и кривосудство и посулы, и резоимание, и разбои, и татбы изо всея земли своея извести, правду же и благочестие в людех насеяти и возрастити. И того ради по всей области великия державы своея, по всем градом и по селом изыскав, устави разумныя люди и верныя сотники и пятдесятники на вере и к роте приведе во всех людех, яко же Моисей во израилтянех: да киждо блюдет числа своего, аки пастырь овца своя, и разсмотряет и изыскует всякаго зла и неправды и да обличает виноватаго пред болшими судьями. И аще не престанет от злаго обычая своего, да той смерть приимет о деле своем неизмолимо. И сим обычаем укрепи землю свою. Поли есть не мощно злыя обычая, издавна застаревшая в человецех, ис корения истребити. И бысть тогда во царьствии его великая тишина во всей земли Русьстей, укротися всяка беда и мятеж и великия разбои и хищения и татба, и не именовашеся, яко же при отце его бысть. И частое варварское пленение преста: убояшася его крепкие силы погании царие, и устрашишася меча его нечестивии короли, военачалницы нагайския мурзы усумнешася блещания копей его и щитов, и вострясошася и побегоша немцы с магистром ото искуснейших ратоборец. И сосече стремление люборатным казанцем, и смирение прекланяет выя черемиская. И стеснившаяся от супостат руския пределы на все страны разшири и продолжи их до край морских, и наполни безчислеными селенми людскими. И многи победы на супротивных постави, яко разным точию имен воеводских боятися и трепетати. И зваху его во всех странах крепким царем и непобедимым, и бояхуся погании языцы ратию приходити на Русь, слышаще же егда жива еще и страх его сведуще, яко же заточен-

---

[1] Иван Грозный как историческая личность не был таким: он был не чужд светских развлечений, принимал при дворе скоморохов, увлекался музыкой, содержал при дворе два мужских хора, сам сочинял музыкальные распевы.

ные сыроядцы македонским царем Александром[1] за великия горы, на край Чермнаго моря. Колижды же прихожаху агаряне на землю нашу, но не яве, яко же при отце его и прадеде, яко во всей земле не исходяще в руских украинах живяху, но татем прихожаху и нечто украдом похищаху и бегаху яко зверие гоними. Воеводы же московския, где убо ощутивше варвар, и на кою украину пришедших, и тамо собравшеся, прогоняху их и яко мышей давляху и побиваху. То бо есть от века и от рожения дело варварское и ремество кормитися войною. Конец о взятии казанском.

СТЕПЕННАЯ КНИГА

«Книга степенная царского родословия», или «Степенная книга», — монументальное литературное произведение, завершенное в 1563 г. духовником Ивана Грозного Андреем. Инициатором составления этой книги был митрополит Макарий. В книге собраны жития светских и духовных исторических лиц, расположенные по «степеням», т. е. генеалогическим коленам. Всего от княгини Ольги и Владимира Святославича до Ивана IV обозначено 17 степеней (ступеней). Все жития книги написаны с явно выраженной идеализацией, чтобы на основе исторического материала возвысить московского царя. Даже те исторические лица, которые запятнали себя преступными делами, со страниц книги выглядят благочестивыми людьми. В этом отношении показательно сопоставить изображение Юрия Святославича Смоленского в «Степенной книге» и в «Московском летописном своде конца XV века».

Отрывки из «Степенной книги» перепечатываются по изданию: Полное собрание русских летописей. — СПб., 1908, 1913. — Т. XXI. — Ч. 1 и 2.

О великом князе Игоре, како сочьтася со блаженною Ольгою[2]. Игорю же юну сущу, еще и бывшу ему во Псковской области, яко же пыцыи поведаша дивно сказание, яко некогда ему утешающуся некими ловитвами и узре об ону страну реки лов желанный; и не бе ему возможно преити на ону страну реки, понеже не бяше ладьици, и узре некоего по реце пловуща в лодейцы, и призва пловущаго к берегу, и повеле себя превести за реку. И пловущим им, и возре на гребца оного и позна, яко девица бе сия блаженная Ольга, вельми юна сущи, доброзрачна* же и мужественa, ея же иногда никогда же не зная, и уязвися видением, яко же писано есть: очи лакоме и некасаемых касахуся. И разгореся желанием на ню и некия глаголы глумлением претворяше к ней. Она же, уразумевше глумления коварство, пресекая беседу неподобнаго его умышления, не юношески, но старческим смыслом поношая ему, глаголаше, что «всуе смущаешися, о княже, срам привтворяя ми. Вскую неподобная во уме совещевая, студная словеса износиши? Не

---

[1] *Александр* — имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), знаменитый завоеватель и основатель «всемирной империи», распавшейся после его смерти. В повести упоминается легендарное предание о том, что будто бы Александр Македонский преследовал побежденные языческие народы, загнал их в высокие горы и закрыл каменными завалами.

[2] Об Игоре и Ольге см. летописные повести, включенные в «Повесть временных лет» под 6453 (945) г.

прельщайся, видев мя юну девицу и уединену, и о сем не надейся, яко не имаши одолети ми; аще и невежда есмь, и велми юна, и прост обычай имам, яко же мя видиши, но обаче разумех, яко поругати* ми ся хощеши и глаголеши нелепая, яко же не хощу ни слышати: прочее же внимай себе и останися таковаго умышления; дондеже юн еси, блюди себе, да не одолеет ти неразумие и да не постражеши зло некое, останися и всякого безакония и неправды. Аще сам уязвен будеши всякими студодеянии, то како можеши инем неправду возбранити и праведно судити державе твоей? Разумно же да будет ти, аще и паки ныне не престанеши, соблажняяся о моем сиротстве, то уне* ми есть, яко да примет мя глубина реки сея, да не буду тебе на соблазн и сама поругания и поношения угозну*, ты же прочее* не смущаешися о мне». И ина много премудрено о целомудрии глаголя. Се начаток благ и удивления достоин юношскаго целомудрия блаженныя Ольги; еще не ведущи бога и заповеди его не слыша, такову премудрость и чистоты хранения обрете от бога, яко удивитися Игорю мужеумному смыслу ея и благоразумным словесем ея. И абеи Игорь, отложь юношеское мудрование свое, наипаче же со стыдением своим и с молчанием прейде реку, внимая себе от таковых до времени, и оттоле паки иде в Киев. Внегда же прииде время и повелению его бывшу изобрести ему невесту на брак, взысканию же бывшу, яко же есть обычай господьству и царьстей власти, и о мнозех небреже, но воспомяну дивную в девицах Ольгу, юже виде своима очима мужествену сущу и благообразну и еже от уст ея слыша хитростныя глаголы и целомудреный нрав ея видев, и посла по нея сродника своего прежереченнаго Ольга; и приведе ю с подобающей честию, и тако сочьтана бысть ему законом брака.

О великом князе Юрьи Светославичи Смоленьском и о князе Семионе Мьстиславичи Вяземском и о княгине его, Ульяне, иже мученически сконьчася. ...[Юрию Святославичу] служаше князь Симеон Мьстиславичь Вяземский. И той имея супружьницу княгиню Ульянею, и та бяше целомудрена и божественое добротою украшена; не толико же телесным доброзрачием светяся, но паче сего душевным благоразумием освещаема бе. Ея же целомудреному благоумию позавиде древний враг диявол, Еввин запинатель, и взусти на нея господина ея, великаго князя Юрья Светославича Смоленьскаго; и тако уязвен бысть на ню блудною бранию и тако безстудным устремлением взят ю к себе, хотя с нею смеситеся, яко господьскую власть над нею имея. Она же не хотяше сего безакония сотворити, но о целомудрии подвизашеся и много моляше его и увещевая глаголаше: «По чьто, господине, всуе* подвизаешися и яко вотьще сие неподобное дело умышляеши, еже имать быти? Веси, господине, яко мужа имам. И како мощьно ми честное его ложе осквернити? Уне ми есть умрети, нежели таковое неподобное дело сотворити. Аще ли не останешися сего осквернения, уязвен от мене имаши быти». Он же не внимаше словесем ея, наипаче же вельми похотию разжигашеся и поверже ю и ляже с нею. Она же попротивляшеся ему

и не може отврещи его от себе; и взем ножь, удари его в мышьцу. Он же срама исполнися и зело возъярися и, вместо еже бе умилитися и на покаяние обратитися, видя в ней мощи женьстей такову крепкодушьну о целомудрии ревность, но паче приложи к блудному устремлению двоеубийство: первое своима руками уби неповиннаго, но верно служащаго ему Симеона Мьстиславича, мужа целомудреныя княгини Ульяней, ей же повеле руце и нозе отсещи, еже и бысть.

Сице вкупе пострадаша и своею непорочьное кровию взыдоша к богу и от него же и мученическими веньцы увязошася. Сице скоро приобретоша место маловременнаго живота жизнь вечьную и небесное царствие. Князя же Юрья Святославича отвсюду обыде сугуб* студ и поношение, сугуба же срамота и укоризна. И не ведый чьто сотворити, не могий терпети срама и поношения, уклонися ко Орде и начат скитатися безнмянно по чюжим странам. Лишен бысть отьчества и великие своея княгини и чад своих и сродников, и служащих ему князей и боляр и воевод и всяких рядников и чиновников и всех слуг своих очюжися и пуст бысть, и мало не отчаяся. Преблагий же бог, не хотяй смерти грешьником, но всем хотяй спастися и в разум истинный приити, и сему праведнаго семени Владимирова великому князю Юрью Светославичю во ум искренно каятися грехов своих и взыскати пустыню. И обрете в земли Резаньстей на реце на Осетре межу градов Тулы и Николы Зараьскаго в Веневе в пустыни, монастырь святаго чюдотворца Николы и тамо вселися у некаего христолюбиваго старьца и игумена, именем Петра, у него же неколико дьний пребысть, поминая многия своя беды и напасти и мирския мятежи и душевныя страсти. И вся сия собрав во уме своем, и всегда да и в мысли своей обнашаше; и тако в непрестанных печалех и скорбех многих, сетуя и плача о гресех своих, забывающе жития сего суетнаго и прелестнаго скоро погибающую славу, и всяко земьное желание от мысли своея отвращаше и добродетельным житием тыцашеся угодити богу. Та же в недуг телесный впаде и, мало поболев, преставися о господи, и погребоша его честно с пеньми надгробными лета 6917, месяца сентября 14[1].

О благочестивом и богом утверженом одолетели супостатом, о христолюбивом и великом князе Иване Васильевиче и государе и самодержьце всеа Руси и пророчество Михаила Клопьского[2].

---

[1] Ср. отрывок из Московского летописного свода конца XV в.: «Князь Юрьи Святославич Смоленьскы прииде из Новагорода на Москву, и дасть ему князь великы Торжекъ. Он же убил тамо служащего ему князя Семена Мъстиславича Вяземскаго и его княгиню Ульяну, взя бо ю к себе, хотя с нею жити, она же сего не хотяше. И яко лещи въсхоте с нею, она же предобрая мужелюбица мужескы въспротивися ему, взямши ножь удари его в мышьцу на ложи его. Он же възъярився и въскоре уби сам князя ея, а си повеле рукы и ногы отсещи и в реку въвергоша ю. И бысть ему в грех и в студ велик и с того побеже ко Орде, не терпя горкаго своего безвеременья и срама и бесчестья».

[2] *Михаил Клопский* — известный на Руси монах-юродивый, жил в середине XV в., считался прорицателем, сторонник присоединения Новгорода к Москве (см.: Повесть о житии Михаила Клопского.— М.; Л., 1958).

Пресвятая троица, отец и сын и святый дух, единый истинный бог нашь, иже есть сый царь царствующим и господь господьствующим и всея твари содетель и вся, елика хощет, творит на небеси и на земьли, и по своей ему воли дает власть и царство и славу ему же хощет, и скипетры царствия поручает, яко же пишет: «Аще кая земьля управитися пред богом, то поставляет ей и держателя благочестива и правдива и благостройно управляюща и любяща суд и правду». Тако своим неизреченным милосердием постави бодреливаго* стража и истинна пастыря, главу благоразумну и правдиву своему тезоименитому* достоянию, превозлюбленней его Русьстей велицей земьли, коренoплодному отьчеству изряднаго наследника и крепкаго поборника православию, мужественна исполина и врагом страшьна, всюду супостаты одолевающа и вся враги побежающа и ником же побежьдаема и всяко нечестие и прелесть* разоряюща и всяку ересь потребляюща и всяку вражьду пресекающа и многоначалие и самовластие упражьнающи, иже окрест державы его властодержателей под свою державу покаряюща, от дальних же превысочайших самодержателей во братственную любовь сочетатися желаема и во вся коньцы земьныя знаема и славна и пресловуща*, мир же и тишину и правду утвержающа, сего настоящаго светлейшаго самодерьжца благовернаго и христолюбиваго и человеколюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русии государя и царя, именуема Тимофея[1], иже бысть от святаго и равноапостольнаго великаго князя Владимера Святославича пятыйнадесять степень, от Рюрика же осьмыйнадесять. Сей убо преславный в державных благодатно имя Иван родися в лето 6948, месяца генваря 22. Во время же рожения его прорече о нем инок свят от вельможьска роду, именем Михаил, живый в Великом Новеграде в монастыри Клопьском. И такова прозорлива дара способися от бога, яко многожьды прорицаше хотящая преди быти и сия яко настоящая глаголаше. Тако же бысть, егда родися сий великий князь Иван. И тогда внезапу начат звонити в колоколы, и мнози людие снидошася. Он же, яко уродствуя бяше и всем людем Великаго Новаграда и самому пастырю их, великому архиепископу Еффимию[2], явственно вопия и глаголаше сице: «Днесь во преславном граде Москве у великаго князя Василия Васильевича родися сын, князь великий Тимофей, сущее же имя ему Иван. И той будет всему Росийскому царствию наследник и всем окрестным странам страшен будет и сего вашего всего Великаго Новограда обладает и гордыню вашу упразднит и во всю свою волю привлечет вас и все ваше самовластие раздрушит и самовольная ваша обычая изменит и за ваше непокорство и супротивие многу беду и посечение

[1] *...именуема Тимофея* — Иван III родился в день памяти апостола Тимофея, поэтому его иногда называли Иваном Тимофеем.

[2] *Еффимий* — имеется в виду Евфимий II, новгородский архиепископ с 1429 по 1458 г. Отличался неиссякаемой деятельностью, в начале своего архиепископства отстаивал независимость Новгорода, впоследствии был склонен к сближению Новгорода с Москвой.

и плен над вами сотворит и богатество ваше и села ваша восприимет»,— еже и бысть по летех четырidесятих, еже последи речется...

О ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(из «Жития Михаила Клопского»)

В конце 30-х гг. XVI в. В. М. Тучков написал по заказу новгородского архиепископа, а впоследствии московского митрополита Макария новую редакцию «Жития Михаила Клопского», в которую вставлено рассуждение о назначении житийной литературы. Показательно, что В. М. Тучков сопоставляет духовные подвиги, совершенные героями житий, с подвигами героев античного эпоса: Геракла (Еркула), Ахиллеса, Приама. Рассуждение В. М. Тучкова свидетельствует об интересе на Руси XVI в. к эпосу Гомера (Омира), произведениям Овидия и «Троянской истории».

Отрывок из жития печатается по списку середины XVI в., опубликованному в издании: Повесть о житии Михаила Клопского/Подготовка текста и статья Л. А. Дмитриева.— М.; Л., 1958.

Духовная убо духовным прилагати подобает, якоже глаголеть писание, святых же чюдеса проповедати подобает. Подробну же сказати невозможно, аще бо и песка количьство возмогли быхом счислити и звездное множество изъчести. Святыми ж и истекаемаго источника чюдес удержав неповедати несть возможно, а еже оставити без проповедания, бедно. От сего мнози прочитающе пользу приемлют, и сих житию ревновати желающе, по малу и подобитися хотяще.

Слышах бо некогда книгу прочитаему Троянскаго пленения, в ней же многия похвалы плетены еллином от Омира же и Овидия, и аще убо единыя ради буйственые храбрости толиких похвал сподобишася, яко незгажение памяти их долговременьством преходных лет, но аще и храбр Еркул, но и в нечестна глубине погружашеся, и тварь наче творца почитаще. Тако же и Ахил и Тройскаго царя Приама сынове вси, еллини суще, и от еллин похваляеми, толикы прелестныя сея славы сподобишася, кольми паче мы должъни похваляти же и почитати святых и преблаженных и великих наших чюдоделателей, еже толику победу на врага показавше и толику благодать от бога приемше, яко не токмо человеком, но и аггелом сих почитающим и славящим. Мы же ли сих чюдеса презрим не проповедуема?

РЕШЕНИЯ СОБОРА 1551 г. О КНИЖНОМ И ИКОНОПИСНОМ ДЕЛЕ

(из «Стоглава»)

Книга «Стоглав» представляет собой литературное оформление решений собора 1551 г., созванного царем Иваном Грозным и митрополитом Макарием. В этой книге излагаются постановления о «церковном строении», о недостойном поведении духовенства, о разнобое в культовой практике, о народных языческих обрядах. В решениях собора значительное место отведено вопросам живописи и лите-

ратуры, что позволяет судить о церковно-правительственных взглядах на теорию и практику книжного и иконописного дела. В них указывается на необходимость контроля за изготовлением и продажей книг, говорится о сохранении в живописи традиций Андрея Рублева и соблюдении византийских образцов, о несовместимости церковных и языческих обрядов, осуждается «кобь», т. е. языческая ворожба, гадание и волхование, строго отрицаются сочинения, особенно астрологические, в которых преодолевается религиозно-символическое воззрение на природу и общество («Рафли», «Шестокрыл», «Аристотелевы врата» и др.).

Отрывки из «Стоглава» по вопросам иконописного и книжного дела печатаются по списку первой половины XVII в., опубликованному Д. Е Кожанчиковым (СПб., 1863).

Глава 28. О книжных писцех. Также которые писцы по градом книги пишут, и вы бы им велели писать с добрых переводов да написав правили потом же бы продовали, а которой писец, написав книгу, продаст неисправив, и вы бы тем возбраняли с великим запрещением; а кто такую неисправленную книгу купит, потому же бы возбраняли им, чтобы впредь так не творили. А впредь только учнут тако творити продавцы и купцы, и вы бы у них те книги имали даром, без всякаго зазора, да исправив отдавайте в церковь, которые будут скудны книгами, и вы бы о всех о тех церковных чинах, о честных иконах и о святых книгах, о всем потщилися совершити и исправити, елико ваша сила и зато от бога великую мзду восприимете, и от благочестиваго царя хвалу и честь...

Глава 41. О тридесять и дву царских вопросах и соборные ответы по главам. Вопрос 1. У святей тройцы пишут перекрестие, ови у середняго, а иные у всех трех, а в старых писмах и в греческих подписывают святая троица, а перекрестья не пишут ни у единаго, а ныне подписывают у средняго ИС Хс святая троица. И о том разсудити от божественных правил, како ныне то писати. О том ответ. Писати иконописцем иконы о древних переводов, како греческие иконописцы писали, и как писал Ондрей Рублев и прочие пресловущие иконописцы и подписывати святая троица, а от своего замышления ничтоже предтворяти.

Вопрос 16. В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и гусельники, и смехотворцы, и бесовские песни поют; и как к церкве венчатися поедут, священник со крестом будет, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рищут, а священницы им о том не возбраняют и не запрещают. Ответ. К венчанию бы ко святым божиим церквам скомрахом и глумцом пред свадьбою не ходити, а священником бы о том запрещати с великим запрещением, чтобы такое безчиние никогда же неименовалося.

Вопрос 22. О злых ересях кто знает и держится, рафли, шестокрыл, воронов грай, остроломию, зодии, альманах, звездочет, аристотелевы врата и иные составы и мудрости еретическия и коби бесовския, которыя прелести от бога отлучают, и в те прелести верующи, многих людей от бога отлучают и погибают. Ответ. Не токмо в царствующем граде Москве, но и по всем градам царю свою царскую грозу учинити и заповедь, и святителем всем коемуждо в своем пределе, по всем градом запретити с великим

духовным запрещением, чтобы православные християне таких богомерзских книг еретических у себя не держали и не чли; а которые держали у себя такие еретические отреченные книги и чли их, и иных прельщали, и те бы о том каялися отцом своим духовным, и впредь бы у себя таких еретических отреченных книг не держали и не чли; а которые учнут у себя впредь такие книги держати и чести, или учнут иных прельщати и учити, и им быти от благочестиваго царя в великой опале и в наказании, а от святителей по священным правилом быти во отлучении и в проклятии.

ПУБЛИЦИСТИКА, ПОВЕСТИ И ВИРШИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Это произведение, являющееся подметным письмом, было написано в конце декабря 1610 г. или в начале января 1611 г. неизвестным автором. В жанре агитационного послания автор обращается с призывом выступить всем честным русским *людям против интервентов и их русских пособников и предателей*, восхваляет героических защитников Смоленска и патриарха Гермогена, который, находясь в заключении, призывал русских людей к освободительной борьбе. «Повесть» дошла до нас в единственном списке, относящемся к 30—40-м гг. XVII в. Текст в отрывках печатается по исследованию: Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность.— М.; Л., 1960.

Преименитаго великого государства, матере градовом Росийскаго царства православным християном, всяких чинов людем, которые еще душь своих от бога не отщетили*, и от православные веры не отступили, и верою прелести не последуют и держатся благочестия, и к соперником своим не прилепилися, и во отнадшую их не уклонилися, и паки хотят за православную свою веру стояти до крове. Бога ради, государи, моляще его, всемилостиваго бога, и пречистую его матерь, заступницу нашу, и молебницу и помощницу всему роду нашему християньскому, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преименитых, и всех святых, не нерадите о себе! Вооружимся на общих сопостат наших и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру, и за святыя божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже нам господь дал! И изберем славную смерть; аще и будет нам то, и по смерти обрящем царство небесное и вечное, нежели зде безчестное и позорное и горкое житие под руками враг своих.

Поревнуем и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску, его же стояние к западу, како в нем наша же братия православныя християне сидят и великую всякую скорбь и тесноту терпят, и стоят крепце за православную веру и за святыя божия

церкви, и за свои души, и за всех нас, а общему нашему супостату и врагу, королю, не покорятся и не здадутся. Сами ведаете, с коего времяни сидят и всякое великое утеснение терпят. И ни на которую меру не поползнутся и никакову их вражию прелесть и на обещание не прельстятся, что им обещевает и сам нашь сопостат. И вси стоят единодушьно и непреклонно и неподвижно умом и душою на их прелестное ложное обещание, и душь своих не потопят и во веки ими погибнути не хотят, а хотят славно умрети, нежели безчестне и горко жити. И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили во все наше Росийское государьство! Да не токмо в нашу во всю пресловущую землю, но и в иншия орды, в Литовскую и Польскую, и во иные многие, чаять, и до Рима, или будет и дале, паки же ту славу и хвалу пустили, яко же и у нас. Да и самого того короля, лютаго врага[1], сопостата нашего, и его способников, таких же безбожников, яко же он, которыя с ним тамо подо оным градом стоят и град тый, аки злыя волки, похитити хотят и которые у нас зде в великом нашем граде живут и на сердцах наших стоят и, аки лютыя лвы, всегда поглатити нас хотят... Чаем, яко и малым детем слышавше, дивитися той их граждан храбрости и крепости и великодушию, и непреклонному уму. Аще будет их до конца бог тако укрепит, яко же ныне, и учинят такое свое крепкое стояние и великое скорбное терпение за православную веру и за святыя божия церкви и за себя и за всех за нас, и усидят. И тою своею крепостию все царство удержат от того лютаго нашего сопостата, по коих мест сам господь весть и неизреченными своими судбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему великому государьству и избавит нас всех от толиких неудобносимых бед и измет нас из рук тех врагов наших, аки агнецов из уст волчиих. Тогда кто готов будет изрещи ту их доблесть и крепость?..

Подобает же нам ревновати и дивитися и посланным нашим от всея нашея великия Росия,— вначале от подражателя и сопрестолника святых святейших вселеньских патриярх, от первенца и главы церковныя всея Русии, пастыря нашего и учителя и отцем отца и святителя, неложнаго стоятеля и крепкаго побарателя по вере християнстей; потом от благородных и великих самех земледержцов наших и правителей, ныне же близ рещи и кривителей, и не о том днесь слово, иже впредь узрите; таже и от всех людей всяких чинов,— под оный град Смоленеск[2] к тому сопостату нашему и врагу королю на добрейшее дело, на мирное совещание и лутшее уложение...

Злонравный же злый он сопостат король никако же ничего того не

[1] *...короля, лютаго врага* — имеется в виду польский король Сигизмунд III, войска которого вторглись на территорию России и осадили Смоленск в сентябре 1609 г.

[2] Смоленск героически сражался под началом воеводы М. Б. Шеина против войск короля Сигизмунда III, осада города продолжалась с сентября 1609 до середины 1611 г.

хотя и не мысля в уме своем, тако тому быти, яко же нам годе, понеже от давных лет мыслят на наше великое государство все они, окаянники и безбожники, иже и преже того были его же братия в той же их проклятой земле и вере, како бы им великое государьство наше похитити и вера християнская искоренити и своя богомерзкая учинити; но не у бе им было время, дондеже прииде до того нынешняго нашего сопостата, врага короля. Но зело зель возрадовася во злокозненом сердцы своем и воскипе всеми уды своими, яко бы некто, не изгубя, велико богатество хощет обрести, и велми рад бысть в сердцы своем, и некоя ради вины еще не до конца его видит в руках своих; тако же и он, окаянный король: ни ему искони дано от бога, и паки ни его достояние, ни отечество, а хощет сие великое наше государство и в нем бесчисленное богатество взяти и владети, и радуется и кипит злым своим сердцем, чаяти, яко и на месте мало сидит, или такоже мало и спит от великия тоя своея радости; и непокорением и удержанием того крепкаго нашего града еще до конца все наше Росийское великое государьство у себя в руках видит... И паки надеяся на то окаянный, что божиим изволением царский корень у нас изведеся,— вместо тленнаго и мимотекущаго царство небесное и вечно восприяша,— и земли нашей без них, государей, овдовевши и за великия грехи наша в великия скорби достигши, и горши всего, разделение в ней на ся учинися, и гордости ради и ненависти не восхотеша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити. И те прежереченныя его доброхоты, а наши злодеи, о именех же их несть зде слова, растлилися умы своими и восхотеша прелести мира сего работати и в велицей славе быти, и инии, не сыи человецы, не по своему достоиньству саны честны достигнути, и сего ради от бога отпали и от православныя веры отстали, и к нему, сопостату нашему королю, вседушно пристали, и окаянными своими душами пали и пропали, и хотят ево, злодея нашево, на наше великое государство посадити и ему служити. И по се время мало не до конца Росийское царство ему, врагу, предали. Аще бы им мощно, то единем бы часом привлекли его, врага, сюде и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили; но всемилостливый владыко еще на нас, грешных, своею милостию призирает, и мысль их и совет разает, и тем крепким нашим градом, иже он, злодей, под ним стоит, его утвержевает и к нам итти воспрещает. Аще за великия грехи наша, его же божиим прогневанием, и его, злодея нашего, злым умышлением которою мерою возмет тот наш крепкостоятельный град, тогда и царствующаго града доидет и всех достигнет и нас себе покорит. И паки те ево доброхоты, а наши злодеи, вси об нем радят и во всем ему добра хотят, и великое Российское царство до конца хотят ему отдати для своея мимотекущия славы и величества; и того ради он, окаянный, не хощет так сотворити, яко же нам годе, и уже конечно во уме своем мыслит, что великое наше государство обовладел. А бесовскаго своего воиньства всю нашу землю наполнил,

и конечно надежен стал быти, и тех посланных наших держит и всякою нужею, гладом и жаждою конечно морит и пленом претит...

Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю и великому отцем отцу и святителю! Имя же его всем ведомо,— како, яко столп, непоколебимо стоит посреди нашея великия земли, сиречь посреди нашего великаго государства, и по православной вере побараетъ, и всех тех душепагубных наших волков и губителей увещевает, и стоит един противу всех их, аки исполин муж, безо оружия и безо ополчения воинскаго, токмо учение, яко палицу в руку свою держа противу великих агарянских полков и побивая всех. Тако же и он, государь, вместо оружия токмо словом божиим всем соперником нашим загражая уста и посрамляя лица и бездельны отсылая от себя, и нас всех укрепляет и поучает, чтоб страха их и прещения не боятися, и душами своими от бога не отщетитися, и стояти бы крепце и единодушно за преданную нам от Христа веру и за свои души, яко же оне, граждане, во оном граде и послании наши под тем же градом.

О великое божие милосердие! Еще не до конца прогневася на христьяньский род! О чюдо и дивъство и воистину великим слезам достойно, како мати градовом в Росийском государстве всеми стенами и многими главами и душами врагом и губителем покорилася и предалася и в волю их далася, кроме того нашего великого крепкаго и непоколебимаго столпа, разумнаго и твердаго адаманта, и с ним еще многих православных християн, которыя хотят стояти за православную веру и умерети!..

Скажу вам истинну, а не лжу, что однолично сопостаты наши, которыя у нас ныне с нашими изменники — единоверники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители веры християнския, с первенцы сатанины, со июдиными предателя Христова братиею, с началники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим злым делом прямым своим званием именоватися (рещи достоит их — душапагубныя волки), хотят нас конечно погубити и под меч подклонити, и подружия наша и отроды* в работу и в холопи поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнее — святую нашу непорочную веру в конец искоренити и свою отпадшую учинити, и сами в нашем достоянии жити. Сами видите, что они ныне над нами чинят: всегда в очех наших всем нам смерть показуют, и поругаются и насилуют нам, и посекают нас, и домы наша у нас отнимают, и поносят нам в лепоту, яко волцы зубы своими скрегчют, и грозят нам и претят* смертию. Да не токмо нам ругаются и смеются, но самому создателеву образу и рождьшей его, и руками дерзают и в вид существа божия и пречистыя его матере стреляют, яко же ныне свидетельствуют злодейственнеи руце, пригвожденнеи к стене под образом матери божии и всем им, окаянным, в страх и в трепет... А ныне послали во все городы, по которым стоят такия же губители и кровопролители неповинных новоизраительских кровей, а велели им быти сюда к нам, а наших людей же в воиньском чину,

которыя живут у нас зде, тех всех ссылают долов; а умышляючи то, чтобы их врагов было много, а нас было мало, чтобы нам отнюд противу их стати не мочно, и в конец бы им нами обовладети и себе покорити. На то не смотрите, православнии християне, и не имите тому веры, что они ныне пред вами лицемерство чинят, сами своих людей казнят,— а все нам блазнят*, уверяючи и прелщаючи нас тем, тако творят и сказывают, что не отцу быти у нас, но сыну. А и сам тот злодеец нашь, сыновень отец, тоже льстит и блазнит, аки сатана, мечты творит, и аки бесов с вестьми присылает, что хощет сына своего нам дати, по здешним его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, по прежереченных онех изменников всему нашему великому государству, крестопреступников и веры отступников, и умышлению и добрахотению ему, злодею...

Великий же он столп и твердый адамант[1] и крепкий воин Христов, не имея ни тула*, ни меча, ни шлема, ни копия, ни воин вооруженных,— понеже ему не дано то, ни повелено от сотворшаго вся того держати,— и к тому же ни стен крепко огражденных, и словом божиим, аки некиим изрядным оружием, препоясався, или яко изящными воины ополчився или некими крепкими стенами оградився: не бойтеся,— рече,— от убивающих тела, души же коснутися не могут...

Вестно и дерзостно достоит рещи, аще бо таких великих и крепких и непоколебимых столпов было у нас не мало, никако же бы в нынешнее злое время от таких душепагубных волков, от видимых врагов, от чужих и от своих, святая и непорочная вера наша не пала, наипаче бы просияла, и великое бы наше море без поколебания и без волнения стояло. А ныне един уединен стоит и всех держит и врагом сурово прет, а иному некому пособити ни в слове, ни в деле, кроме бога и пречистыя его матери и великих чюдотворцов, способников себе не имеет никаго же. Которые были его сынове и богомолцы, той же сан на себе имеют, и те славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто рещи, подавилися, и к тем врагом приклонилися и творят их волю. А сами наши земледержьцы, яко же и преже рех,— землесъедцы, те и давно от него отстали, и ум свой на последнее безумие отдали, и к ним же ко врагом пристали, и ко иным, к подножию своему припали, и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися и поклоняются неведомо кому,— сами ведаете. И смотрят из рук и из скверных уст его, что им даст и укажет, яко нищии у богатого проклятаго, иже впереди и мы вам про проклятое имя его от бога и от человек вмале объявим. Зде же еще впреди поидем. И тако те наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навеки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же нам всего учинили, что всех выдали, да не токмо

---

[1] Имеется в виду русский патриарх Гермоген, выступивший против врагов Русского государства.

выдали, ино заедино, с ними, со враги, вооружилися вкупе и хотят нас все погубити и веру християньскую искоренити. Аще будет и есть избраннии, сердцем желании по християньстей вере и по всех по нас жалеют и радят, от тех же чинов и боляръских родов, но не могут ничево учинити и не смеют стати, что не с кем побораги, и своего величества отбыти, а им, врагом, ничего не сотворити, понеже сильно обовладели и многих маловременным богатеством и славою прельстили, и иных закормили, и везде свои слухи* и доброхоты поистоновили и поизнасадили. Ина толка у нас ныне по бозе и по пречистей его матери стены и забрала, что он, государь, великий святитель и крепкий заступитель...

А вы, православнии, не помогаете ему, государю, ни в чем. Говорите усты, а в делех ваших, государь весть, что у вас будет. Паки молю вы с великими слезами и сокрушенным сердцем: не нерадите о себе и о всех нас! Мужайтеся и вооружайтеся и совет между собою чините, како бы нам от тех врагов своих избыти! Время, время пришло, во время дело подвиг показати и на страсть дерзновение учинити, как вас бог наставит и помощь вам подаст! Прибегнем к богу и пречистей его матери и к великим чюдотворцем и ко всем святым, припадем к ним с теплою верою и со умилным сердцем и с горящими слезами: некли нам милость свою подадут. И препояшемся оружием телесным же и духовным, сиречь молитвою и постом и всякими добрыми делы, и станем храборъски за православную веру и за все великое государство, за православное християньство, и не подадим того пастыря нашего и учителя и крепкаго поборателя по вере православной, и того нашего преславнаго града, иже за всех за нас тако же стоит и сопостата нашего держит...

Что стали? что оплошали? чего ожидаете и врагов своих на себя попущаете и злому корению и зелию даете в землю вкоренятися и паки, аки злому горкому пелыню, распложатися?..

Сами вси видите, какое гонение на православную веру и какое утеснение всем православным християном от тех губителей наших и врагов: всегда многим смертное посечение, а иным зелное ранение, а иным грабление, и женам безчестие и насилование. И купльствуют не по цене, отнимают силно, и паки не ценою ценят и сребро платят, но с мечом над главою стоят над всяким православным християнином, куплю деющего, и смертию претят. Наш же брат, православный християнин, видя свое осиротение и беззаступление и их, врагов, великое одоление, не смеет ин и уст своих отверсти, бояся смерти, туне живота своего сступается и только слезами обливается...

То ли вам не весть, то ли вам не повеление, то ли вам не наказание, то ли вам не писание? Ох, ох! Увы! увы! горе, горе! люте, люте! и где идем? и камо бежим? Како не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием? Како сами себя презираем и не радим о себе, видя за великия и безчисленныя грехи наша от создателя и зажителя всех конечное на нас смирение, и их, тех врагов чюжих и

своих, попущение и всякое от них на себя ругание и смеяние? А еще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца воздыхаем и зелно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем, и к богу не прибегаем и его не умоляем, и над ними, враги, ничего не промышляем, и все в презорство пущаем, и сами в свою землю и веру злое семя вкореняем.

Паки реку: ох, за безчисленныя грехи наша чим нас господь не смиряет, и каких казней не посылает, и кому нами владети не повелевает! Сами видите, кто той есть, неси человек и неведомо кто ни от царских родов, ни от болярских чинов, ни от иных избранных ратных голов; сказывают — от смердовских рабов. Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому делу, не достоит его во имя Стратилата[1], но во имя Пилата назвати, или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпца, но во имя землеедца, или во имя святителя, но во имя мучителя и гонителя и разорителя и губителя веры християнския; и по словущему реклу его такоже не достоит его по имяни святого назвати, но по нужнаго прохода людцкаго — Афедронов[2]. Таким именитым государством владеет, аки великим морем колеблет: что хощет, то творит, а никто ему не возбранит. А сами наши земледержцы и правители, нынеже,— то же и преже рех,— землесъедцы и кривители, те яко ослепоша или онемотеша, яко паче же рещи, не смеют ни един тому врагу воспретити и великому государству ни в чем пособити; а инии молчат и не говорят и ни в чем ему не претят, понеже с ним же, со врагом всех нас погубити хотят. И полцы велицы, всяких чинов люди за тем врагом ходят в милости и указу от него смотрят; не токмо простии и неимянитии люди, но и сами болярские и дворянския дети, и сами дворяне добродни и изрядни всем, иже иному он, враг креста Христова и всех православных християн, и в подножие ног негожь...

И царьство наше от них не отстоится, погибнет,— кто не восплачется, кто не возрадуется, кто не воздохнет? Не токмо кто от нашия православныя веры и християньска рода православный християнин,— мню, от иноверных или от тех же врагов, мало-мало кто мягок и жалостив сердцем, ино и тот аще не заплачет и он воздохнет иречет: како таковая великая и преславная земля во всех землях стала в разорении, и такое великое царство в запустении, и таковая великая царьская ризница в расточении! — И вы, православнии, богом почтении, умилитеся душею, содрогните сердцем, зряще на себе такия неудобносимыя беды и скорби, и смерть свою всегда видяще во очех своих и попрание веры нашея православныя, и не давайте сами себя в руки врагом своим! Взяв бога на по-

---

[1] *Федор Стратилат* — византийский военачальник, впоследствии великомученик; его имя было популярно на Руси.

[2] Речь идет о думном дворянине Ф. Андронове, который служил Лжедимитрию II и польскому королю. *Назвати... Афедронов* — игра слов: *афедрон* (греч.) — задний проход, отхожее место.

мощь и пречистую его матерь и великих чюдотворцов и всех святых, дерзайте на враговъ своих...

А сему бы есте писму верили без всякого сумнения, яз вам сказываю и пишу. И аз их думы и мысли слышечи, помнячи свою православную веру, и не хощу души своей грешной до конца погубити и в геене ею быти. Грехом своим великим и слабостью и славою мира сего прельстился и к ним, ко врагом прилепился тако же, яко же и прочая братия наша, для ради суетныя сея славы и тленнаго богатества. Все мы, того ищучи, в том и погибли. Аще бы того не искали, все бы от бога не отпали и душами и телом не пали и не пропали. И ныне аз усмотрих, что последуючи им, врагом креста Христова и всех нас православных християн губителем, и будучи в их во отпадшей отъ бога вере и не отстав от них, быти в геене огненней душею и телом. Явно мне не мощно от них отстати и вам про се сказати, или бы единому кому от вас втайне рещи: боюся, некли тот человек умом своим поползнется и не утерпит и вам скажет имя мое; и от вас разнесется и до них, врагов и губителей християнских донесется; тогда мя, взяв, злой смерти предадут; аз же у них ныне зело пожалован. Сами ведаете, что все мы смерти боимся; а се тако же имею жену и дети, яко же и вы: аще мне самому случится умрети, вестно и на господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду, ино жена и дети осиротити, меж двор пустити или, будет всего того горши,— на позор дати. А вам будет, православнии, в те поры ничего не учинити, понеже ныне врагов воля и сила стала. Для ради того явно вам сам не дрьзну сказати, от них отстати: сего ради писмом вам потрудихся написати. Аще господь помилует всех нас и избавит нас от тех наших видимых врагов, и живи будем,— все тогда явно вам будет, и про нас, про грешных. Аще будет вам и молвити, что и яз вам ныне враг и наветник, ино господь зрит тайная моя, что с вами же хощу душу свою положити за православную веру и за святыя божия церкви. А ныне, яко же и выше рех, нужда ради не отстану от них.

И кто сие писмо возмет и прочтет, и он бы его не таил, давал бы, разсмотряючи и ведаючи, своей братие, православным християном, прочитати вкратце, которыя за православную веру умрети хотят, чтобы им было ведомо, а не тайно, а не тем, которыя были наша же братия, православныя християне, а ныне всею душею без раскаяния отвратилися от християнства и во враги нам претворилися, и с ними, со враги, соединилися, и вкупе с ними вооружилися, и хотят нас до конца погубити,— тем бы есте отнюд не сказывали и не давали прочитати. Буди же вам всем доброхотящим Росийскому царству милость божия и помощь и пречистыя богородицы и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице преимянитых и всех святых. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПРЕСТАВЛЕНИИ И ПОГРЕБЕНИИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА-ШУЙСКОГО

Повесть о выдающемся и популярном в народе полководце Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, неожиданно скончавшемся в апреле 1610 г. в возрасте 23 лет, создана на основе народной исторической песни, с широким использованием библейских сопоставлений и реминисценций. Один из вариантов исторической песни о М. В. Скопине-Шуйском дошел до нас в записи, сделанной в 1618 г. на севере России для англичанина Ричарда Джеймса. Повесть написана вскоре после смерти героя, не позднее 1613 г.

Текст повести печатается с сокращениями по изданию: Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени // Русская историческая библиотека.—2-е изд. — СПб., 1909.— Т. XIII.

В лета 7118 преставися благоверный и благородный благочестивый прирожденнаго благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича всея Русии Шуйского,— понеже от единаго корени владеющаго вселенную Августа кесаря римского и от единыя православныя веры християнския началника, князя Владимера киевского и всеа Русския земли, и от единоя отрасли великаго князя Александра Ярославича Невскаго разделения ветви государств,— боярин, воин и воевода и ближней советник и правитель и прироженню нетих, сиречь племянник князь Михайло Васильевич Шуйской именуемый, понеже от единаго великаго князя Александра Ярославича Невского, яко же преди рекохом, родишася князь Андрей владимерский и суждальский и князь Данило московский и прочия братия. И от сего князя Ондрея Александровича князи суздальские и шуйские родишася, а от князя Данила Александровича московские князи и цари родишася. Но о сем умолчим, на предреченныя да поидем о преставлении князя Михаила Васильевича Шуйского.

Егда той воин и воевода князь Михайло Васильевичь Шуйской послушав царя, и приехал в царствующий град Москву из слободы Александровы, и напрасно грех ради наших родися боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому сын княжевич Алексей. И не дошел дву месяц по четыредесять дней рождения, бысть князь Михайло крестный кум, кума же княгиня жена князя Дмитрея Ивановича Шуйского Марья, дочь Малюты Скуратова. И по совету злых изменников своих и советников мысляше во уме своем злую мысль изменную уловити аки в лесе птицу подобну, аки рысь изжарити, змия лютая злым взором, аки зверь лютый: дияволу потеха бесится, сатане невеста готовится. И как будет после честного стола пир на весело, и диявольским омрачением злодеянница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем. И в той чаре в питии уготовано лютое питие смертное. И князь Михайло Васильевичь выпивает ту чару досуха, а не ведает, что злое питие лютое смертное. И не в долг час у князя Михайла во утробе

возмутилося, и не допировал пиру почестного и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как всходит в свои хоромы княжецкие, и усмотрила его мати и возрила ему во ясные очи; и они у него ярко возмутилися, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются. И восплакалася горько мати его родимая и во слезах говорит ему слово жалостно: «Чадо мое сын, князь Михайло Васильевич, для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъехал? Любо тобе богоданый крестный сын принял крещение не в радости? Любо тобе в пиру место было не по отечеству? Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные? А хто тебя на пиру честно упоил честным питием? И с того тебе пития век будет не проспатися. И сколько я тобе, чадо, в Олександрову слободу приказывала: не езди во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышат ядом змеиным изменничьим».

И паде князь Михайло на ложи своем, и нача у него утроба люто терзатися от того пития смертнаго. Он же на ложе в тосках мечущеся и биющеся и стонуще и кричаще люте зело, аки зверь под землею, и желая отца духовнаго. Мати же да жена его княгиня Александра Васильевна и весь двор его слез и горкаго вопля и кричания исполнися. И доиде в слух сия болезнь его страшная до войска его и подручия, до немецково воеводы, до Якова Пунтусова[1]. И многи дохтуры немецкие со многими лечебными пригодами не можаше никако болезни тоя возвратити. Из двора дохтуры немецкия от князя идяху и слезы испущаху, аки о государе своем.

И от того же дни в настатьи всенощных, яко же в житии Великаго Василия, солнце к солнцем зайде по исходе дьневных часов месяца апреля в 23 день со дьни великаго воина и страстотерпца Георгия ко дьни воеводы Савы Стратилата, понеже и сей воин, и воевода, и стратилат. Но тогда бо по Московскому государству не слышанно бысть настоящия ради нощи. На утрие же, светающуся вторнику и восходящу солнцу, слышано бысть по всему царствующему граду Москве: отшед от сего света, преставися князь Михайло Васильевич. Тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго и множества народа по писанному: «Юноша с девы и старцы со юнотами и матери со младенцы и всяк возраст человечь со слезами и с великим рыданием». От войска же его и дружины хоробрыя князя Михайла Васильевича ближние его подручники, воеводы и дворяне и дети боярские и сотники и атаманы прихождаху во двор его и ко одру его припадая со слезами и со многим воплем и стонанием. И жалостно во слезах глаголаше и причитаху: «О господине не токмо, не токмо, но и государь наш, князь Михайло Васильевичь! Отшел еси от сего света, возлюбил еси небесному царю воинствовати, а нас еси кому ты оставил? И хто у

---

[1] *Яков Пунтусов,* или *де-ла-Гарди* — шведский полководец, командовал в 1610 г. шведским наемным отрядом, который выступал на стороне Василия Шуйского; после свержения Василия Шуйского шведские войска под водительством де-ла-Гарди заняли Новгород.

нас грозно и предивно и хоробро полки урядит? И кому нас приказал служити и у ково нам жалованья просити и за кем нам радошно и весело на враги ехати ко брани? Не токмо, государь наш, подвигом своим врагов устрашал, но и мыслию помыслишь на врагов, на литовских и польских людей, и оне от мысли твоея дале бегут, со страхом емлются. А ныне мы аки скоти безсловеснии, овцы, не имуще пастыря крепкаго. У тебя, государя нашего, в полцех войска нашего и без казни страшно и грозно, а радошны и веселы. И как ты, государь наш, в полцех у нас поедешь, и мы, аки на небесное солнце, незретися не можем. Но бо все вкратце пишем, а недоумеем убо много и жалостнаго плача и причитания их исписати. Но возвратимся убо ко прежнему. Тако убо ко двору его стекаются и держащеи власти и строющеи и правящеи царския и народная; таже и нищии и убогии вдовицы и слепии и хромии, всяк со слезами и горким воплем, кричаще и воплюще, таже и богатии велможи.

Таже прииде немецкий воевода Яков Пунтусов со двенатцетьми своими воеводы и с своими дворяны. Московские же велможи не хотяху ево во двор ко князю пустити, неверствия ради, к мертвому телу. Яков же з грубными словесы во слезах изглагола: «Како мя не пустите не токмо господина моего, но и государя, кормильца моего, своими очи мне видети? Что ся таково содеяся?» И пустиша его во двор. Шед Яков и виде мертвое его тело, и восплакася горко, и целова его тело; простяся и пошед со двора, плакася горце и захлебаяся, глаголаше во слезах: «Московский народи! Да уже мне не будет не токмо на Руси вашей, но и в своей Немецкой земли, но и от королевских величеств государя такова мне».

Таже прииде и сам царь и з братьи своими, таже и патриарх,— тогда держа святительский престол великия Росии Ермоген,— и митрополиты и епископы и архимариты, игумены, и протопопы и весь священный собор и иноческий чин, черноризцы и черноризцы. И не бе места вместитися от народнаго множества. Тогда убо посылают во вся торги Московского государства изыскати колоду дубовую, еже есть гроб, в ню же положат тело его. И, меру вземше, во вся торги ходивше, избравше величайшее всех и никако возможе вместити телеси его; и тогда пристрогавши в концех колоды тоя, и тако с нужею пологают в колоду тело его, да изнесут тело его ко церкви. И тогда привезоша гроб каменен велик, но ни той довляше вместити тело его, понеже велик бе возрастом телес своих, по Давиду пророку рече: «паче сынов человеческих». И тако устроивше в древяном гробе, понесше, хотяху положити в Чудов монастырь архистратига Михаила до времени бо и вины ради сицевыя, яко да тело во граде Суздале положено будет и ко гробом прародительским и родительским присовокупят и он предреченный каменный гроб устроят. Но в Суздале граде в то время нестроение велико суще, понеже осилели воры и литовские люди, паны с войским своим; да егда си отступят, тогды его отвезут в Суздаль град. И слышавше народное множество,

что хотят тело его в Чудов монастырь положить, и возопиша всенародное множество, яко единеми усты: «Подобает убо таковаго мужа, воина и воеводу и на сопротивныя одолителя, яко да в соборной церкви у архангела Михаила положен будет и гробом причтен царским и великих князей великие ради его храбрости и одоления на враги и понеже он от их же рода и колена», яко же напреди рекохом.

И тогда царь велегласно к народу рече: «Достойно и праведно сице сотворити». И тако на главах понесоша в соборную церковь архангела Михаила, последствующу патриарху и митрополитам и всему священному собору; таже по нем царь и весь царский синглит и всенародное множество предидущеи и последствующеи поющих надгробное пение священных собор. От народа же кричания и вопля тяшка гласа поющих надгробное покрываху, и не бе слышати гласа поющих и се бе дивно, яко толику бесчислено народу суще, предидуще и последствующи, яко звезд небесных или, по писанию рещи, яко песок морский, и не бе видети ни единаго человека не плачущеся, но велми слезны, кричь и плачь и рыдание велико всякого человека. Богатии и убозии и нищии, хромии и слепии, а безногие ползующе, главами своими о землю бьющеся, плачющеся и жалостно причитаху. И яко же и самому царю и патриарху плачуще со стенанием и воплем и рыданием горце всему народу, но и аще у ково и каменно сердце, но и той на жалость розлиется, зря своего народа плачущеся.

И тако с великою нуждею утеснения ради несяху тело его во гробе ко церкви; и от народнаго теснения, яко же некогда Алексея человека божия, не донесоша и положиша среди церкви у архангела Михаила[1]. И певше надгробное подобное пение, и разыдошася, яко да предиреченный каменный гроб устроят и могилу на вмещение гроба ископают. Но убо маломощнии и нищии, такожде вдовицы и черноризцы день той председяху, плачуще и скорбяще. Давыдовы же псалмы над ним непрестанно глаголаху, пременяяся день и нощь.

На утрие же свитающе дни, утреннему славословию кончану, солнцу паки возсиявшу и второму часу наставшу, и паки стекается всенародное множество со всего Московского царства, понеже во вчерашний день не всем в слухи внидоша и не ведомо, где погребен будет. Ныне обое слышат и сего ради безчисленное множество отовсюду стекаются мужие и жены и, по предреченному, старцы со юнотами, нищии, слепии и хромии; иже есть хто неведаше его во плоти, но слышавше его храбрость и на враги одоление, и поне погребанию его сподобятся причетницы быти. И тако торжыща истощишася и купилища быша порозни оставьше, а раби — господей своих службы, и домы порозни быша житей своих: всяк возраст стекается на погребение его. Таже по времени царь и патриарх

---

[1] Имеется в виду Архангельский собор в Московском Кремле, где захоронены великие князья и русские цари.

и прочий синглит и освещенный собор во церковь ону собрася, и уставному пению погребению наченшуся и гласу от поющих превозносящуся зелне*, понеже в строках роспеваху. От бояр же и от служилых людей, иже с ним в великой оной службе в победе и во одолении бывших, паче же и от всенародного множества люди по предреченному, яко звезд небесных или песка морскаго, вдов же, оставльшихся от муж своих, и черноризиц и нищих и сирот, вопиющих с плачем и кричанием. И не бе гласа поющих слышать и мнетися, аки во иступлении ума сущу, ако и воздуху потутнути и земли стонати и камению колебатися, не токмо церкви стенам, но и граду; и по пророку рещи, яко взятися покрову храма от гласа вопиющих. И не бе слышати гласа поющих, а среи все во церкви просвещашеся множеством свещей, и мост же церковный наводняшеся пролитием слез от народа...

Не токмо же Русские земли народом и всему миру плакати, но и иноземцем и немецким людем и самому свицкому воеводе Якову Пунтусову плачуще, и к русскому народу во слезах от жалости глаголет: «Уже де нашего кормилца и вашего доброхота, Русския земли столпа и забрала, крепкаго воеводы не стало». Прочии же от народа,— умолчим бо о сем немецкого воеводы его умилных и жалостных глаголаний,— и возопиша русский народ: «Воистинно бысть тако». И понеже, по Евангелию глаголюще, «не вместити пишемых» плача их «книг».

И тако отпевше надгробное пение, и полагают его в предреченной каменной гроб и относят его в соборной церкви в придел за олтарем на южной стороне в церковь Обретение честные главы пророка и крестителя Иоанна. И тамо полагают его в «новоископанном гробе, иже никто же», по Евангелию, «прежде сего положен бысть», тамо за олтарем придела же святыя живоначалныя троицы, идеже положени быша благочестивыи блаженныи памяти цари и великии князи: царь и великий князь Иван Васильевичь всея Руси, во иноцех Иона, и сын его, благодатный, благородный и благочестивый царевич Иван, и второй сын его, царь и великий князь Феодор Ивановичь всеа Руси, в соборной церкви, яко же преди рекохом. Мало же о сем побеседуем от древних повестей, коим приложим. Яко же плакашеся прежде по патриархе Иякове Иосиф и прочая братия его и с ним египтяне, или, рещи, во исходе израилеве из Египта в пустыни горы Синайския плакася весь Израиль при Моисеи пророце, или, паки рещи, плакася по Самоиле пророце весь Израиль великим плачем. Не мал же плачь сотвориша людие по цари Иосее, та же плакася уничиженный и расточенный Израиль породе Маккавеи и по братье его. Зде же не меньши того плачь бысть всенародному множеству, новому Израилю, христианскому народу государьства Московского. А о матери его, княгине Елене Петровне, и о жене его, княгине Александре Васильевне, что изглаголати или исписати? Сами весте матерне сетование и рыдание и по своим детям разумейте, как у коей матери и последнее дитя, а не токмо единочадное, смерти предасться, и како убо матерню

сердцу по своим детяти. И то, како княгина Елена и княгина Александра горько плачюще и кричаще и вопиюще и бьющеся о гробницу белу каменну князя Михаила и жалостно во слезах причитая. Мати же причиташе от жалости: «О чадо мое, милый князь Михайло! Для моих слез на сесь свет из утробы моея родися! И како еси во утробе моей зародися? И како утроба моя тобою не просядеся излияти тебя на землю?» А жена его причиташе: «Государю мой, князь Михайло Васильевичь! Жена ли тебе не в любве яз грешница? Того ли еси ради смерти предался? И почто ми еси не поведал? И ныне возьми меня под свой каменной гроб, и под гробом смерти предамся! И готова есми за тобя во аде мучитися, нежели мне от тобя на сем свете живой остатися!» И разумейте их жалостное причитание и плача горького исписати.

Но буди вам известно, яко и сам царь Василей, егда от погребения возвратися, и пришед в полату свою, и на злат стол свой царский ниц пад, и плачася, захлебаяся горко, смоча слезами стол, слезы на пол с стола каплющи. Матерь же его, княгину Елену, и жену его, княгину Александру, ближнии их верныи слузе едва с нужею от гробницы отволочаше в дом свой. Черноризицы же, иноки и вдовицы во слезах же утешаше их: «Да не плачитеся, княгиня Елена Петровна и княгиня Александра Васильевна, но богу убо так изволыпу, краткой век жити ему: вам бо от многато плача и туги великия во иступлении ума не быти». И те же княгины, мати его и жена, пришедше же в дом свой падше на стол свой ниц, плакахуся горце и захлебающе, стонуще и слезами своими стол уливая и слезные быстрины, аки речныя струя, на пол с стола пролиящеся и до утра без пищи пребывая, яко же Давид иногда плака по Анафане, сыне Саулове. Но и старицы же, яко галицы-вдовицы же, яко ластовицы, на утрие около церкви оноя председяху весь день, яко же и матери со младенцы и мнози боярские жены, овдовевше, своею печалию стекаху в место ко оной церкви.

И бе в мире шатание и колебание и смущение много болезни ради смертной, и глаголаху друг ко другу: «Откуду бо нашедшу на такова мужа такое смертное посечение: бысть бо таковый вони и воевода. Аще ли божие попущение, то воля господня будет». И вси ту в сетовании бяху. Не подобает же сего молчанием покрыти по реченному ангелом к Товиту: «еже дела божия проповедати, таити же царевы тайны».

Сице же зде случися некто житель града, быв прежде в службе царской в писателях* дворцова приказу, сказа нам по тонку глаголя: «Прежде,— рече,— представления его княжа»,— о нем же ныне повесть глаголем,— «за 15 день с праздника воскресения Христова к понедельнику в ночь видех видение. Мняхся, стою на площаде государеве меж Пречистою соборною и Архангелом. И позрех на царские полаты. И се видит ми ся, яко един столп розвалися и потече из нево вода, но велми черна, что смола или деготь. Таже полстолпа отломився паде и по сем не вдолзе и другая полстолпа сокрушися, и обое ни во что бысть. И падение оно

помнихо ми ся страшно. Аз от страха возбнувся* от сна и размышляя видение се. И после заутрени таити сна не могох и поведах ту мужу некоторому, стару деньми, яко 90 лет ему сущу от рожения, и у царей в приказех велику ему бывшу и многу в разумех, для старости оставлься царския службы, но во смирении пребывая, кормяся от своих вотчин. Он же, слышав от меня таковая и размышляя во уме своем, рече ми: «Мнит ми ся, яко некоторому великому мужу от полаты царевы смертное посечение приближается. И аз сие видение и оного мужа речей размышлях и никому не глаголах до сего, донележе сбышася в сие настоящее время». Прочее же о сем умолчим, да не постигнет нас, по Апостолу, закоснение, но мало побеседуем о мимошедшем.

«ИСТОРИЯ В ПАМЯТЬ ПРЕДЫДУЩИМ РОДАМ» АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева монастыря, закончил историческую повесть, известную под названием «Сказания, или Истории в память предыдущим родам», в 1620 г., хотя первые шесть глав в черновой редакции были написаны в 1610—1612 гг., возможно другим лицом.

Повесть — обширное эпическое произведение, состоящее из 77 глав. Начинается она с рассказа об убийстве царевича Димитрия в Угличе и далее повествует о первых годах «смутного времени» (главы 1—6). Основное же содержание повести составляют рассказы об осаде Сергиева монастыря поляками 1609—1610 гг. (главы 7—52). В последних частях рассказывается о разорении и освобождении Москвы, об избрании на царство Михаила Романова и заключении Деулинского мира.

Отрывки взяты из 9, 10 и 41-й глав книги Авраамия Палицына, публикуются по книге: Сказания Авраамия Палицына / Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; Под ред. Л. В. Черепнина.— М.; Л., 1955.

О царе Василии Шуйском. ...И премениишася тогда жилища человеческая на зверская: дивие бо, некроткое естество, медведи и волцы и лисицы и заяцы, на градская и на пространная места прешедше, такоже и птицы слетшие, на велицей пищи, на трупе человеческом вселишася; и звери и птица в главах и в чревах и в трупех человеческих гнезда содеяше. Горы бо могил тогда явишася побьенных, по правде и не по правде ратовавшихся, их же нелеть изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша бо и на прошествии от Тулы в Колугу и под Кромами, и на Восме под Коширою, и под Орлом, и под Нижним Новым градом. И крыяхуся тогда человецы в дебри непроходимыя, и в чащи темных лесов и в пещеры неведомыя, и в воде межу кустов отдыхающе и плачющеся к содетелю*, дабы нощ сих объяла и поне мало бы отдохнути на сусе. Но ни нощ, ни день бегающим не бе покоя и места ко сокрытию и к покою и вместо темныя луны многия пожары поля и леса освещаваху нощию, и никому же не мощно бяше двигнутися от места своего: человецы, аки зверей, от лес исходящих ожидаху. И оставиша тогда злодеи за зверми гонбу и женуще за своею братиею и со псы, аки лютых зверей, пути пытаху. И существеныя

звери человеков бегающих поядаху, и произволителныя не естеством, но нравом такожде поядаху. И звери убо едину смерть дающе, сии же и телесную и душевную. Попусти же господь наш и бог праведный гнев свой на нас: не токмо злых сих врагов, но и зверие пакости деяху. Нигде бо християне, земледелцы и вси бегающе и не могуще жит семенных всяких сокрыти, и везде от ям звериископаваху далече. Такоже и казаки и изменники, идеже что останется таковых жит, то в воду и в грязь сыплюще и конми топчюще,— се же едино милосердие творяще! Идеже не пожгут домов, или не мощно взяти, множества ради, домовных потреб, то все колюще мелко и в воду мещуще; входы же и затворы всякие разсекающе, дабы никому же не жительствовати ту. Но звери убо со птицы плоть человеческу ядуще, человецы же з бесы и душа телеса погубляаху: не могуще бо безмилосердных мучений терпети, мучимии и на мал час хотяще отдохнути, и в смертном разлучении неповинно и неправедно друг друга оклеветоваху...

Непокаряющих же ся их злым советом по всей земли, всяк возраст и всяк чин овех з башен высоких градных долу метаху; инех же з брегов крутых во глубину реки с камением верзаху; инех же, розвязав, из луков и из самопалов розстреляюще; инем же голени напольы преламляху; у инех же чад восхитивше, и пред очима родителей на огни пряжаху*, инех же, от сосцу и от пазуху матерню отторгающе, о землю, и о пороги, и о камение, и о углы разбиваху; инех же, на копиях и на саблях взоткнувше, пред родителми ношаху. Красных же жен и девиц на мног блуд отдаяху, и в таковом безмерном скверненин нечисты умираху; мнози же сие время от безмерных осквернений и мучительств сами изрезовахуся и смерть примаху, дабы не осквернитися от поганых; инии же и в воду вергошеся з брег высоких: не бе бо места сокрытию. Матери же младенцов своих, плачющих от глада и жажди, в неведении задавляху, дабы их гласа ради самим не погибнути: бегающе бо, захватывающе им рты и последи обретающе тех мертвы... Мнози бо тогда холопи ругающеся госпожам своим тем и связавше мужа, или сына, или брата, и предо очима их студ* содевающе, и не десять числом, но и сугубо двоицею и вяшшии*. И идеже пролита бе мученическая кровь, на том же месте бяше и бесования блудна одр; и возлагаху на мученическая мертвая телеса немощное женское естество и, блудяще, веселяхуся; и обнажающе по блуде бедное естество и, яко по тимпану* ударивающе по срамным частям, смерти предаяху. Не пощадеша же и не возрастших юноток, но и тех, растлев, милостыни нагих отпущаху просити... Невесты же Христовы, честныя и святыя инокини, разстрезаеми бываху, и по станом их силою влачими, и оскверняеми блудом и нудими бываху мяс ясти и в постныя дни святыя сыру и млеку причащатися.

В толико же бестудство вшедше нечестивии, и бестрашно вземлюще святыя и местныя иконы и царьския двери и началныя святыя образы божия самого превечнаго бога и матере его, пресвятыя и всегдадевыя богородицы, и всех святых, и сия подстилающе

под скверныя постеля, и на тех блуд содевающа, и нечисты всегда седяще, и зернию и всякими играми бесовскими играюще; иныя же святыя иконы колюще и вариво и печиво строяще. Из сосудов же церковных пияху и ядяху и, смеющеся, поставляху на столех мяса на дискосех* и в потирех* питие; инии же, яко не ругающеся, святыя сосуды преливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую на всякую. Воздухи* же и пелены, шитыя и низаныя драгия, покрываху кони своя и на плещу свою вместо приволок* ко брани воздеваху, и поясы освященными опоясахуся по блудным недрам, и хоругви церковныя вместо знамян изношаху. Сия же вся попусти господь за беззакония наша, да не надеемся на красоту церковную, ни на обряжение драгое святых икон, сами же в блуде и пиянстве пребывающе, паче же еже от лихоимства и от посулов или от гордости строение всякой святыни божии содевающе, ... Сквернейши бо иноверных есмы, донелиже не обратимся.

И мнози убо мы и доднесь в скверне лихоимства живуще, и кабаками печемся, чтобы весь мир соблазнити; и граблением и посулы церкви божии созидающе и красно образы стояще,— в судилищех же и на путех и у врат наших всегда по образу божию создание со хранители нашими ангелы божиими, плащюще, рыдают, дабы на милосердие и на правосудие преклонилися! Но никакоже тех гласа не послушаем, и в лице и в перси тех бити повелеваем, и батоги, иже злы зле, кости их сокрушаем, и во юзы, и в темница, и в смыки, и в хомуты тех присуждаем. И аще кто от таковых премудр, или хитр, или стар, или свят, то ни имяни его не вемы; врага же суща божия, растлевающаго храм божий святый, того вси на языке обносим и без таковых трапезы не представим, но долго ждем к обеду. И клячащаго же бедного и померзающаго студению пред враты гласа не слышим, не десятизлатник в чрево свое просящу втиснути, но токмо от хлеба единого насытитися и от чаши студены воды желая жажду утолити. Но не сих ради готовлена трапеза наша бяше, но тех для, иже имут дары великия принести: злато и сребро, камки, и бархаты и жемчюг, и камение драгое, и вина заморские, и птицы и звери и скоты, и всяко ткание, и различная брашна... Меньший же брат господень тогда аще позрит за входом тех, или бога ради воскликнет, то несть ответа к нему, но врата вскоре повелеваются заключати; аще ли поглумит кто от тех нищих и помедлит, прося, той и биен бывает. Что же в том пиршестве лукавом содевается? Много злата и сребра в кал обращен пременится, но глаголют вси: благодобрыя люди собралися! — А ею же бы по мере ко здравию мощно бы и месяц дом свой препитати безгрешными пищами, аще ли бы и нищих, то такоже. Но что глаголет мысль лукавая? В мире еси, мирская и твори!..

Сказание о пришествии под Троицкой Сергиев монастырь польских и литовских людей и руских изменников, гетмана Петра Сапеги да пана Александра Лисовского и иных многих панов. В лето 7117-ое (1608 г.) в царьство благовернаго и христолюбиваго царя и великого князя Василиа Ивановича всея Русии и при

святейшем патриархе Ермогене Московском и всея Русии, пресвятыя же и пребезначальныя Троица Сергиева монастыря при архимарите Иасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне богу попустившу за грехи нашя, сентября в 23 день, в зачатие честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя господня Иоанна прииде под Троицкой Сергиев монастырь литовской гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовской[1] с польскими и с литовскими людьми и с русскими изменники по Московской дороге.

И бывшу ему на Клемянтеевском поле[2], осадные же люди, из града вышедше конные и пешие, и с ними бой велик сотвориша. И милостию пребезначальныя Троица многих литовских людей побили, сами же во град здравы возвратишася.

Богоотступницы же литовские люди и руские изменники, сие видевше, воскричашя нелепыми гласы, спешно и сурово обходяще со всех стран Троецкой Сергиев монастырь. Архимарит же Иасаф и весь освященный собор со множеством народа вниде во святую церковь святыя живоначальныя Троица и ко образу пресвятыя богородица и ко многоцельбоносным мощем великаго чюдотворца Сергиа, молящеся со слезами о избавлении. Градстии же людие округ обители слободы и всякиа службы огню предашя, да некогда врагом жилище и теснота велиа будет от них. Гетман же Сапега и Лисовской, разсмотривше мест, иде же им с воинствы своими стати, и разделившеся, начяшя строите себе станы и поставишя два острога и в них крепости многие сотворишя и ко обители пути вся заняли, и никомуждо минути мимо их невозможно в дом и из дому чюдотворца.

О укреплении осады. Осадные же воеводы, князь Григорей да Алексей[3], и дворяне приговорили с архимаритом Иасафом и з соборными старцы, что покрепити бы град осадою и всех бы людей привести к крестному целованию и головам быти старцом и дворяном, и разделити градскиа стены, и башни, и ворота и наряд устроити по башням, и в подошевных* боех, да всяк кождо их ведает и хранит свою страну и место и вся, яже на бранную потребу устрояют, и с приступными людьми бьются с стены; а из града и на иную ни на которую службу да не исходят. А на выласку и в прибавку к приступным местом людей особь устрояют. Празднику же светло торжествуему намять преподобнаго отца нашего Сергия чюдотворца, сентября в 25 день, и бе тоя нощи ничто же ино от градских людей слышати, разве воздыхание и плачь, понежо от окольных мнози прибегаше и мневше, яко вскоре преминется великаа сия беда.

И толика теснота бысть во обители, яко не бе места праздна. Мнози же человецы и скоты, бес покрова суще, и расхищаху

---

[1] *Петр Сапега* и *Александр Лисовский* — польские воеводы.

[2] *Клементеевское поле* — поле близ Сергиева монастыря и с. Клементиева.

[3] Имеются в виду воеводы Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Иванович Голохвастов, возглавлявшие осажденный гарнизон монастыря.

всяка древеса и камение на создание кущь*, понеже осени время наста и зиме приближающися. И друг друга реюще о вещи пометней и от всяких потреб неимущих всем изнемогающем; и жены чада раждаху пред всеми человеки. И не бе никому с срамотою своею нигде же скрытися. И всяко богатство небрегомо и татьми не крадомо; и всяк смерти прося со слезами. И аще бы кто и камено сердце имел, и той, видя сия тесноты и напасти, восплакался, яко исполнися на нас пророческое слово, реченное: «праздники ваши святлыя в плачь вам преложу и в сетование и веселие ваше в рыдание».

О слуге Анании Селевине. Охрабри же тогда великий чюдотворец Сергий во осаде слугу Ананию Селевина. Егда же во обители чюдотворца храбрии и крепции мужие падоша, овии убо острием меча от иноверных, инии же во граде прежереченною цынгою помроша. Той же Ананиа мужествен бе: 16 языков нарочитых во осад тогда сущий во град приведе, и никто же от сильных поляков и руских изменников смеюще наступати на нь, но издалече ловяще из оружиа убити; вси бо знааху его и от прочих отлучающеся на того ополчевахуся, и по коне его мнози знающе. Толик бо скор конь той, яко из среды полков литовских утекаше, и не можаху постигнути его. И с вышепомянутым немком во исходех на бранех часто исхождаху. Той бо немко всегда с ним пешь на брань исхождаше, и роту конейных поляков они же два с луки вспять возвращаху. Александр же Лисовской, некогда видев того Ананию ратующа противу себе, и выйде против его, хотя его убити. Ананиа же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в висок левой, с ухом прострелив, и опроверже его долу, сам же утече из среды полков казачьих: бе бо из лука горазд, тако же и из самопала. Прилучижеся тому Анании чернь отъимати от поляков в прутии, и от двою рот отторгаему уже от дружины его, и бегающу избавитися. Немко* же во пнех скрывся и зряше нестроениа Анании; имеяше же лук в руку и колчан велик стрел; и изскочив, яко рысь, и стреляюще по литвякех и біяшеся зле. Литвяки же обратившеся на немка, и абие Ананиа исторжеся к нему, и вкупе сташя. И многих поранивше самех и бахматов, и отидоша здравы, токмо конь под Аниниею раниша. Поляки же едино сетоваше, да убиют коня под Ананьею; вси бо ведяще, яко жива его не взяти. Егда же исхождаше Ананиа на брань, то вси по коне стреляюще. И тако на многих выласках конь его шестию ранен бысть, и в седьмый смерти предан бысть. И начат Ананиа охуждатися на бранех. Потом же Ананию раниша ис пищали по нозе, по большому персту, и всю плюсну* раздробиша; и опухну вся нога его, но еще крепце ратовашеся. И по седьми днех по той же нозе по колену ранен бысть. И тако крепкий муж возвратися вспять. И отече нога его до пояса, и по днех малых скончася ко господу.

«ЛЕТОПИСНАЯ КНИГА» И. М. КАТЫРЕВА-РОСТОВСКОГО

«Летописная книга», или «Повесть книги сия от прежних лет...», которая приписывается князю И. М. Катыреву-Ростовскому, была написана в 1626 г. По своему жанру это историческая повесть, в которой изображаются основные исторические события «смуты», начиная от эпохи Ивана Грозного и кончая избранием царя Михаила Романова. Заканчивается повесть краткими и выразительными портретными зарисовками московских царей, о которых речь шла в самом повествовании, и лирическими виршами. Рифмованные места вообще нередко встречаются в тексте повести. И. М. Катырев-Ростовский в совершенстве владел изящным литературным стилем и умением стройно и выразительно вести повествование о событиях и людях.

Отрывки из повести печатаются по ее первой редакции, опубликованной в книге: Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени // Русская историческая библиотека.—2-е изд.— СПб., 1909.— Т. XIII.

...Малу же времени минувшу, якобы едину три месяцы, проявися в северскых градех мятежник некый, прозвася царевичем Дмитреем, его же на Москве убиша, и поведа о себе всем людем северских градов; яко аз есм царь Дмитрей, избавлен от смерти: в место же мое убиша ляха, а я избавлен.— И последоваша ему людие вси страны Северские. Слышано бысть сия царю Василию, и повеле собрати воинство и поставляет им воеводу и начальника единороднаго своего брата, князя Дмитрея Ивановича Шуйского. Той же князь Дмитрей повеление царево радостно восприемлет и путному шествию касается; воинстии же людие повелению цареву повинуютца и вослед воеводы своего грядут. И дошед до града Болхова, и ту положися обозами, и тако стояше чрез всю зимнюю годину.

Юже зиме прошедши, время же бе приходит, яко солнце творяше под кругом зодейным* течение свое, в зодею же входит овен, в ней же нощь со днем уровняется и весна празнуется, время начинается веселити смертных, на воздусе светлостию блистаяся. Растаявшу снегу и тиху веющу ветру, и во пространные потокы источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую брозду прочертает, и плододателя бога на помощь призывает; растут желды*, и зеленеютца поля, и новым листвием облачаютца древеса, и отовсюду украшаютца плоды земля, поют птицы сладким воспеванием, иже по смотрению божию, по ево человеколюбию всякое упокоение человеком спеет на услаждение.

В сие же время красовидные годины прежереченный хищный волк собрася со множеством воин полсково народу и с казацы Северские страны и поидоша на воевод московскых и на все воинство. Воевода же и началник московского воинства князь Дмитрей Иванович Шуйской никако сего ужасеся и повеле воинству препоясатися на брань, и раздели все воинство на пять полков, и воевод постави по повелению цареву. И поидоша во стретение его, и сшедшимся има со обою страну, и составиша брань велию зело; и тако бысть брань по двою дне непременно, много падение бысть и убийство велие московскому воинству. Поляцы же опол-

чением жестоким нападоша на москвичь; помалу же войско московское оскудеваше, понеже поражений смертоносных понесть не возмогоша и вдашася бегству. Поляцы же поля обретают и усты меча гонят и бесчисленно людей царевых побивают. Людие же вдашася невозвратному бегству и оружия своя от себя меташа, овии же сами под коньскими ногами напрасно* умираху; и возмутися воздух от коньскаго ристания, и друг друга не знающе, помрачиша бо ся лица их от пыли, веемыя по воздуху. И тако гнаша поляцы 20 верст и возвратишася вспять, а богатство же их все пограбиша. Друзие же людие московскаго воинства, часть едина, вбегоша во град в Болхов и затворишася; и тако пребыша во граде два дни и предашася в руце его и град отвориша. Той же злохищный прелестник, названный царь Дмитрей, ничем их вреди и постави над ними воеводу и поидоша до царствующаго града; и принедшу ему на реку на Угру, и оттоле отбегоша от него вси тии люди московстии и до царя Василия поидоша.

Той же названный царь Дмитрей никако сего ужасеся, поиде с своим собранным воинством под царствующий град, даже и доиде. И обыдоша весь град, и дошед села Тонинска, и ту начаша шатры ставити, гетман же всего воинства князь Роман Руженскый рассмотрив места и оглядав семо и овамо, и видев, яко неугодно место то на пребывание войску, и оттоле возратися вспять. Поведанно же бысть сия царю Василию, яко блудят поляцы около града, и ужасаютца зело, царь же Василей, слышав сия, и повеле воинству препоясатися на брань. И раздели воинство на три полкы: первому полку воеводу постави единокровнаго своего болярина князя Михаила Васильевича Шуйскаго, другому же полку воеводу постави князя Ивана Михайловича Воротынского, третьему полку воеводу постави князя Ивана Борисовича Черкаскаго; и иные началники и воеводы постави над воинством и наказал их довольно, отпусти с миром. Воеводы же и началницы московскаго воинства поидоша с полки своими за стены града и отъидоша от града 12 верст на взыскание сего волка с подручными его. И сошедшимся им в селе Тушине, и начаша брань велию спущати, и тако бысть брань чрез весь день велия; уже солнцу уклоншуся на запад и нощней тме пришедши, и тако брань преста. Царевы же воеводы поидоша во град, а поляцы начаша шатры ставити и почиша сном, токмо стражие не спят. Наутрее же гетман всего воинства, князь Роман Ружевской, яко крепкый рассмотрительный воевода, разъездив и оглядав места и видев, яко угодно бе место то на стояние воинству, и повеле обозами утвердити и рвы копати, да яко достойно быти на утвержение людем и в защищение врагов их. Царь же Василей воинству своему повеле стати близ полков литовскых на речке Ходыне, яко бысть шесть верст между собою воинство посредство имеют; и ту царевы воеводы шатры поставиша и тако стояша две недели, а брани не бысть ни единые.

И посем оболстив словом поляцы мирном воевод царевых, яко быти им мирным и брани не искати; и промчеся то слово воинство

вовсе, яко наутрее хощет с поляцы мир быти, и почиша сном людие в сию нощь. Поляцы же в нощи той нападоша на полкы царевы, яко неистовственно дыхая на пролитие крови и на восхищение корыстем; скачют по полком семо и овамо, и людей московских безчисленно побивают, и в шатрех богатство велие грабят. И тако взыде вопль велий до града вопимых; царь же Василей, слышав сия, повеле своему полку приити на брань и пешцем многим. Итако плит брань жесточайшая, летают стрелы по аеру, яко молния, и блистаютца сабельныя лучи, аки лунная светила, и со обою страну бысть падение много, и падают трупие мертвых семо и овамо. Помалу же москвичи поля преобретают и усты меча гонят; поляцы, хотят ли, не хотят ли, хребет дают и вдашася бегству; москвичи же женуша вослед их даже и до шатров, и тако преста брань. Поляцы же поидоша во своя станы, а москвичи поидоша во град; и бысть во граде плачь и рыдание велие: матери плачющеся чад своих, видя их разсекаемых пред собою, жены же плачющеся мужей своих, вдовство приемлюще; и тако погребоша во граде мертвыя трупы. Посем же царь Василей повеле воеводам, и началником положитися обозами под забралом града, дабы еще не учинили накости людем; и утвердишася обозом, и тако стояху полки царевы долго время, и брани бесчисленны творяху через всю летнюю годину.

Помалу же войско царево нача оскудевати, и разыдошася кождо восвояси. Царь же Василей виде войско свое умаленно и повеле внити во град воеводам и врата граду затворити. Юже никоторые ему надежи несть ниоткуды, и нача в себе помышляти, да пошлет послов своих в Свицкую землю[1] просити помощи. И призвав к себе единокровнаго своего болярина и разсмотрительнаго воеводу князя Михаила Васильевича Шуйскаго, и поведает ему мысль свою; той же князь Михайло совет царев хвалит и наипаче сему подтверждает быти. Царь же Василей в кратком часе повелевает сему князю Михаилу препоясатися на путь, и повеле ему итти в Великий Новгород, и оттоле повеле посылати послов до Свицкые земли просити помощи. Той же князь Михайла повеление царево веселым лицем восприемлет и путному шествию каслетца; богу же поспешествующу, путное шествие мирно проиде. Людие же Новаграда сретоша его и восприяша с честию. Той же князь Михайло, яко крепкий расмотрительный воевода, о своем деле непрестанно попечение имея, грамоты от собя во грады розсылает, и войско собирает, и посланников до Свицкие земли посылает просити помощи. И оттоле прииде к нему воевода и властель свицкому воинству, волный Делегард Яков Пунтусов, со множеством воин; князь же Михайла сего Якова сретe и радостен о сем бысть. Помалу же видев войско собранно, и зимная уже година проиде,— время бысть весне, студень уже совлечеся своих иньев; и мразу от своей жестости ослабевшу и ростаявшу снегу, и солнце уже на концы зодеи Рыб текуще,—

[1] Т. е. Швецию.

егда последние дни февраля месяца преходят и наставаше месяц март, в то же время подвижеся воевода московскаго воинства и поиде до великаго царствующаго града Москвы.

Слышано же бысть сия оному названному царю Дмитрею, яко войско велие собрашеся и грядут на ня, и призывает к себе гетмана и с ним советует, како бы ему противу сего воинства ополчение творити. Той же гетман повеле в трубу трубити и повеле снитися всем людем на уреченное место. И сошедшу же ся всему воинству в сонм един, сам же гетман стояше посреди их, и помаав рукою, в повеле им молчати, и излия словеса своя пред ними: «О друзи и братия, полковницы и ротмистры славнаго рыцерства и вси велможи в крузе настоящаго сего собрания! Поведаю и совет даю вам, да идет из Новагорода воевода московский со множеством воин, свицких, немец и московских людей; з другую же страну поведают нам шествие крымцов, помогающе царю Василию. Да подадите ми совет свой: возможете ли стояти противу ополчаемых на ся со обою страну в силе крепости своея? Весте сами толико множество в прежебывшем собрании московскаго народу, ныне же немцы и крымцы пособие им дают, вооружишася на ны. Вы же весте и о сем, яко и нашего собрания не мала часть предлежит: мнози славнии полковницы и ротмистры во множестве бранных приидоша к нам в пособие на отомщение обид наших. Вы же, друзи и братия, подайте ми совет благ, да яко угодно будет воли вашей!» — И о сем умолча. Людие же, слышавше сия словеса и помышляюще на долг час с молчанием, и посем отверзают уста своя глаголюще: «Ведомо ти да есть, пане гетмане, яко непрестанно дванадесять лет немецкие людие ополчахуся противу нас в земли нашей, и в силе крепости меча нашего не возмогоша подняти, и тако всегда от нас побеждени бываху. Да не ужасаетца сердце твое, великий гетмане! Повели войску препоясатися на брань, и тамо, шед, творят ополчения противу собраннаго московскаго воинства!»

По сему же совету гетман воинство урежает и воеводу им, пана Зборовского, поставляет и путному шествию касатися повелевает. Пан Зборовский повелению гетманскому повинуетца, и путь радостно восприемлет, и дошед до городка Зубцова. И оттоле поидоша нощию под городок Старицу, в нем же бе седят царевы люди, и на городок той нападоша напрасно*, и со все страны поидоша на стены града. Седящие же в нем людие ужасни быша велми и бранным своим ополчением не возмогоша стояти противу врагов своих, зане мало их во граде том бяше; и сего литовскаго множества подняти не возмогоша, устремившеся бежати по церквам, и в них затворишася и тамо уповаху бежати смерти; и тако мечем погибоша, жестокою смертию живота гонзнуша*. И тако городку сему от поляков взяту бывшю, и елико в нем обретают людей, всех мечем погубляют, никого не щадя и разсужения возрасту не имея; и сокровища градцкия испытуют и все, елико обретают угодное, похищением грабят и во своя страны относят.

Последи же городок той запалиша, и тако огненным подкладением, пламеню снедающу, высокий городок Старица низу изменяетца. Тогда же пан Зборовский о своем управлении попечение прилежно творяше, и, не замедлив, поидоша во сретение московскаго воинства. Сошедшимася има под Торжком градом, и ту составиша брань, и бысть падение много со обою страну от немец с поляцы. Немцы же не возмогоша подняти острея меча их, поля оставляют и во град в Торжок входят, понеже не вси купно тогда немцы приидоша на брань. Поляцы же оттоле возвратишася во град Тверь и оттоле посылают до великого обозу, дабы к ним притекли на помощь.

Предреченный же болярин и воевода московского воинства князь Михайла Васильевич Шуйский, о своем деле попечение имея, желаемое свое хотение все исполняя, поидоша с воинством под Тфер и ополчишася на всполии града. Сей же пан Зборовский повеле войску своему вступити на брань; воини же повеленное исполняют и мужески на полки немецкие нападают. И тако брань плит жестокая; от стреляния же пищальнаго смутися воздух и отемне облак, и не видяше друг друга и не знающе, хто бе от кою страну; и бысть падение многое, падают трупие мертвых ото обою страну. Посем поляцы на полки немецкие и на русские нападоша и женуша их трудом велиим; и бысть сеча зла, и гнаша поляцы вослед их не мало время и посем возвратишася во град и почиша; а московстии людие шатры поставиша и почиша сном, токмо стражие не спят. Поляцы же восприемше надежу, яко победиицы суть, и не имеяху попечения о своем спасении и не ведаху о московском воинстве, где суть шествию имеют. Сей же князь Михайло Шуйской никако о сей бывшей победе ужасеся, и много подвижеся [на] гнев, и разъярися зело о убийстве своих, отомщение уповая наследити, и повеле войску препоясатися бранным своим оружием; и на град в нощи мужескы нападоша. Полякем же спящем безо всякаго опасенья, они же востро входят и литовское воинство посекают; нагих по улицам влечаху, и трупие их мечи рассекаху, и богатство их грабят. Поляцы же побегоша семо и овамо: ови за стены града утекоша, ови же до внутреннево городка убегоша и тамо от посечения меча избыша. Аще не бы был той случай, яко большая часть поляков во град вбегоша и в нем затворишася, во истинну бы все воинство побежденно было от москвич; неложно живота своего последняго невзгодия плакати бы ся быша поляцы же, аще не бы затворилися во граде. Уже просиявшу солнцу, свитающу дневи, просветися облак светлым блистанием,— воевода же московскаго воинства князя Михайло Шуйской повеле в рог трубити и на град мужески наступати. Людие же к городку восходят и хоругви простирают; поляцы же противу нашедших нань жестоко и тяжко защищение предлагают, копейным поражением и острыми стрелами смертне уязвляют и смерти предают. Воевода же и властель московскаго воинства, видя людей уязвляемых, повеле от града отступити и повеле шатры ставити; и тако преста ополчение бран-

ное. Той же пан Зборовский, началник поляком, со иными многими поляцы отбегоша от града якобы 30 верст и сообщишася со всеми бегущими поляки; купно поидоша до великого обозу, понеже не возмогоша братися противо собранново московскаго воинства и крепости меча их не возмогоша подняти.

Князь же Шуйскый, гетман московскый, оставя город Тферь и седящих в нем учини свободных, поидоша до Москвы града; и дошед до Колязина монастыря, еже есть на реке Волге, и ту пождав мало время, и поидоша до места, глаголемаго Александровы слободы, и ту утвердися острогами. Гетман же великаго обозу князь Ружевскый повеле войску снитися в сонм един и повеле хоругви простирати, и тако поидоша со многим воинством сам противу сего князя Михайла, и доидоша до полков его, и нача составляти брань. Князь Михайла же Шуйской, всего московского воинства воевода, повеле полком своим приити на брань; и тако бысть великое ополчение со обою страну. Поляцы же жестоким поражением наступаху, москвичи же от них мужески защищахуся, смело и небоязненно ратовахуся с ними; и тако бысть со обою страну ополчение равное чрез весь день: уже солнце преклонися на запад и земля нощию покрыся, и тако преста бранное ополчение. Поляцы же поидоша во своя станы, а москвичи поидоша во своя остроги и почица сном, токмо стражие стрежаху. Видев же сия гетман полсково народу князь Ружевский, яко бранным своим ополчением преодолети московскаго воинства не возможе, возвратися вспять до великаго обозу.

В то же время настоящия сея годины прииде король польский Жигимонт под славный град Смоленеск со множеством воин бранных, и в силе мощи своея облягоша весь град, и начаша по граду ис пушек бити, и рассыпа стены грацкия, и стрельницы высокия низу опроверже. Бысть же в том граде воевода царя Василия болярин Михайла Борисович Шеин; той же Михайла, яко крепкый поборник и разсмотрительный воевода, нашествия иноплеменных никако ужасеся и град ополчением своим мужески защищаше, и тако много время противу сего королевскаго воинства град той опасно* удержаше; даже и до того доиде, яко и все людие града того изомроша, он же небоязненным сердцем драхуся с поляцы по вся́к день, и прещения* королевскаго и воин его множества не бояхуся, и не предадеся в руце его даже и до взятия града того. О сей же победе градцкой оставим написати. Той же король полскый, егда стояше во обступлении града Смоленска, и посла послов своих под царствующий град до великаго обозу и до гетмана всего воинства, писание к ним посылает, да поимают сего мятежника, прозванного царя Дмитрея, и предадут в руце его, а на царствующий град возведут мощию своею сына его, королевича Владислава. Послы же королевскые до обозу доидоша и посолство свое исправиша; той же названный царь Дмитрей, видев войско возмущенно, и побеже тайно от них до града Колуги и тамо утвердися с тамо жительствующими людьми.

Предиреченный же князь Михайло Шуйской, всево московского воинства властель, о своем деле попечение имея, поидоша на поляцы, которые пребывают во обступлении Сергиева монастыря и на восхищение его желают, и мужески на них нападоша; они же силы их не возмогоша подняти и вдавшеся бегству до городка Дмитрова. Москвичи же вослед же их женуша даже и до городка того, и на стены грацкие восходят, и хоругви простирают, и елико в нем обретают людей, и тако мечем всех погубляют. Поляцы же московскаго воинства терпети не могоша, городок той оставляют, и вдашася бегству, и доидоша до великого обозу. И возмутися все полское воинство, и ужасни быша зело, и великий обоз оставляют, и отступиша от царствующаго града, и поидоша в сообщение королевским воином; а другия же полковницы и ротмистры поидоша до сего названного царя Дмитрея во град Колугу.

Князь же Шуйский с воинством поидоша в Москву радостни зело, яко победницы суть, во крепости меча своего победиша врагов своих. И стретоша сего воеводу вси людие царствующаго града и почтиша его честию велиею зело. Царь же Василей наполнися зависти и не возлюби его за сию бывшую победу. Малу же времени минувшу, разболеся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михайло[1] и умре. И тако погребен бысть честно в пречестнем храме архистратига Михаила, в пределе его, и рыдаху по нем вси людие царствующаго града, мужеск пол и женеск, от мала даже и до велика.

Вниде же сия во уши королю полскому, яко вожь и наставник московскаго воинства умре, — повеле в скором часе коруиному гетману пану Желтовскому поити с воинством к Москве и заповеда ему, да творит жестокое ополчение противу москвич. Царь же Василей воинство урежает, и воеводу над ними поставляет единороднаго своего брата князя Дмитрея Ивановича Шуйскаго, и все воинство ему поручает; той же князь Дмитрей повелением царевым на конь восходит и путное шествие радостно восприемлет. И сошедшимся има в селе в Клушине от Можайския веси, и ту брань смертную спущают. Первый полк приходит на брань свицкий воевода Ивелгор, а под ним 3000 воин; другий началный воевода и волный Велегард Яков Пунтусов с своим полком приходит на брань; третей воевода князь Андрей Голицын со множеством воин московских приходит на брань; и тако полки с обою страну снидошася. Поляцы же воздвигоша оружия своя и нападоша на полки немецкие, крепце сих поражаху; немцы же в силе крепости своея мужески сих восприемлют, жестоко защищение предлагают и пищалным стрелянием смертне поляков уязвляют и смерти предают. Поляцы же помалу гинут, но паче свежими людьми пременяютца и небоязненно устремляютца, смертным борением жестоким на полки нападают и спицы железные ломают, в них же немцы спасения

[1] *Князь Михайло* — воевода М. В. Скопин-Шуйский. См. «Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, нареченного Скопина».

имеют надежю. И тако плит брань велия, и много падения быстъ, на обе страны падают трупия мертвых. Посем же поляцы силу восхищают, и шеломы рассекают, и усты меча гонят; скачют по полком всюду и на великий обоз началного воеводы князя Дмитрея Шуйскаго нападают, и тамо бысть велие низлагание*, Московское же воинство даша хребет* пособием бегства, и побеждени быша людие: даже и до Москвы ополчения не сотвориша; друзие же людие затворенны быша в острогех, и тии помалу предашася в руце их, видя себя в толице беде положенных и ниоткуду чающе помощи...

...В то же время человек некый в Нижнем Новеграде, убогою куплею питаяся, сиречь продавец мясу и рыбе в требование людем, имя ему Козма,— той же Козма отложше свой вещи дело, и восприемлет велемудрое разумение и смысл, ино во всех людех страны тоя силу и власть восприемлет, и уроки* многие собирает, изыскует во граде людей воинских, которые избыша от посечения иноплеменных, и сих изыскует, и жаждущая сердца их утоляет, и наготу их прикрывает, и сими делы собирает воинство не мало.

В то же время случися князю Дмитрею Пожарскому быти на селе своем, от разорения московского избежавшу, понеже ранен бысть и от тое раны закосневшу ему на селе своем; той же Козма, слышав о нем, посылает послов своих и молит его, дабы ехал в великий Новград Нижней, и поручает ему все собранное воинство. Той же князь Дмитрей прошения их радостно восприемлет и делу толикия вещи направляет собя охотно: прииде во град и приял бысть тамо честно, и посем воинство пространнее собирает, и поидоша с ними во град Ярославль, и ту стояху время не мало; и умножися воинство велие зело.

Той же Козма, о своем деле непрестанно попечение имея, во все грады Росийскаго царства посылает, и сребра множество собирает, и раздает воинству в требование им. И тако поидоша с воинством под царствующий град, и положися обозами з другую страну града, за Орбацкими враты.

В то же время паки приходит прежереченный гетман Хаткеевичь со множеством вои от земли своея, и разъярися зело, уповая отженути московское воинство от стен грацких мощию своею, своих же свободных учинити покушается; скачет по полком всюду, аки лев рыкая на своих, повелевает крепце напрязати оружие на враги своя. Московского же воинства воевода и началник, князь Дмитрей Михайловичь Пожарский, со всеми полки своими приходит на брань; и так брань смертную спускают. Тамо убивство велие, тамо же велие низлагание! Со обою страну бысть ополчение жестокое: друг на друга направляюще кони своя, и поражением смертоносным уязвляютца; свищут стрелы по аеру, сокрушаютца копия, падают трупия мертвых семо и овамо. Помалу же поляцы силу восхищают и усты меча гонят, москвичи же поля оставляют и вспять итти понуждаютца.

В то же время началный воевода и властель, князь Дмит-

рей Тимофеевичь Трубецкой, от свою страну с полки своими и с казацы приходит на брань, и тако преновляетца брань: бысть гром велий от стреляния пищалнаго, и молния яко с небес блистаяся, и тако брань плит жесточайшая. Московстии же воини пришествием их преновляютца, и аки свежи быша, и велемощно оружия своя напрягают, и смертне врагов своих уязвляют, силу восхищают и усты меча гонят. Поляцы же, хотят ли, не хотят ли, хребет дают и давшеся бегству; москвичи же вослед женуша* немало, даже и до шатров; нашедши нощи преста брань. Наутрие же гетман и начальный воевода полсково народу, пан Хоткеевич, видев московсково народу собрание велие и изрядное их ополчение, помышляше на долг час, и поидоша воспять, граду же помощи учинити не возмогоша.

Плачютца во граде поляцы всех своих падений, и ниоткуду надежею уповати имеху; и оскудевшу брашны, даже и до того доиде, яко всяко скверно и нечисто вкушаху и сами себя татебно побиваху и друг друга снедаху; и посем ослабевшу от глада, и изомроша мнози. Пленныи же сущии московстии, вкупе же и всех людей, мужие и жен и отроковиц чюдных, последняго ради невзгодия своего, от насилованныя рукы своея учиниша, и врата градцкия им отвориша; они же, яко пленницы, до станов московскаго воинства приходят, и ту койждо со своими познаваетца и в домех их обитают.

Воеводы же и началницы московского собрания, видев враги своя оскудеваемы, повелевают в рог трубити и на град Китай мужески нападают, и хоругви по стенам градцким простирают, и по лесницам войска входят, и тако взяту бывшу тому граду Китаю; и елико в нем людей обретают, и тако мечем погубляют и сокровища их грабят. Поляцы же устремления москвичь подняти не могут, бегут до внутренняго града, превысоково Кремля, и тамо врата утверждают жестокими запоры; московстии же воини, яко лвы рыкая, скорят ко вратом градцким превысоково Кремля, уповая отомщения врагом своим немедленно воздати.

И тако ужасни быша поляцы и не возмогоша оружия своя подняти, стены градцкия оставляют и бегают семо и овамо, и недоумеваяся, какобы от посекаемаго меча могли избыти...

Поляцы же вси единодушно воздвигоша гласы своя, да пошлютца послы к воеводам и властелям московского воинства просити от них милости, да не предадут их горкия смерти; и на том утвердиша слово. И посылают послов за стены града до воевод московских просити милости от них. Воеводы же и началницы московского воинства послов грацких восприемлют и пришествия их испытуют; они же посолства своего дело возвещают и, к ногам властелинским припадая, молят, дабы гнев свой превратили на милость и не свели бы душь их с кровию во ад. Воеводы же и началницы московского собрания на милость уклоняютца и обещание им дают, да в сохранении живота своего вси пребудут от меча их; и на сем утвердиша слово. Поляцы же радостны во град возвращаютца

и поведают вся бывшая; они же возрадовашася радостию велиею зело, врата граду отворяют.

Началницы же и воеводы московскаго воинства во град входят, и к соборной апостольской церкви пресвятые Богородицы приступают, и пред чюдотворною иконою Владимерскою припадают, и от радости многи слезы проливают. Посем приходят во царския полаты, и созывают к себе началников полских и московских изменников, и испытуют их о царьских многолетных сокровищах; они же им все поведают, оставшая сокровища от похищения вся собирают. Посем началницы московстии повелевают воеводу и властелина полсково народу, пана Струса, утвердити за крепкими стражи; и иных началников и воевод полсково народу, вкупе же и все воинство, за приставы утвердиша, овых же во окрестныя грады разослаша; смерти же их по обещанию не предаша. По совершении же дела сего воеводы и властели, вкупе же и весь народ царствующаго града Москвы, воздаша хвалу богу и пречистей его матери, пред чюдотворною иконою молебное пение воспеша и уставиша праздник торжественный празновати о таковой дивной победе; даже и доныне празднуют людие, да незабвенна будет милость божия в преходящия роды.

НАПИСАНИЕ ВКРАТЦЕ О ЦАРЕХ МОСКОВСКИХ, О ОБРАЗЕХ ИХ, И О ВОЗРАСТЕ, И О НРАВЕХ

Царь Иван образом нелепым, очи мея серы, нос протягновен и покляп*, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты; муж чюднаго разсужения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя, от бога данныя ему, жестосерд велми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады своя поплени, и многия святительския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими, жен и девиц блудом оскверни. Той же царь Иван многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше. Таков бо бе царь Иван.

Царь же Федор возрастом мал бе, образ постничества нося, смирением обложен, о душевней вещи попечение имея, на молитве всегда предстоя и нищим требующая подая; о мирских ни о чем попечения имея, токмо о душевном спасении. От младенства даже и до конца живота своего тако пребысть, за сие же спасеное дело его бог царство его миром оградн, и враги под нозе его покори, и время благоутешно подаде. Таков бе царь Федор.

Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство* имея; муж зело чюден, в разсужении ума доволен и сладкоречив велми, благоверен и нищелюбив и строителен зело, о державе своей много попечение имея и многое дивное о себе творяше. Едино же имея

неисправление и от бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание; и на прежебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же возмездие восприят.

Царевич Федор, сын царя Бориса, отроча зело чюдно, благолепием цветуще, яко цвет дивный на селе, от бога преукрашен, яко крин* в поли цветущи; очи имея великы черны, лице же ему бело, млечною белостию блистаяся, возрастом среду имея, телом изобилен. Научен же бе от отца своего книжному почитанию и во ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхождаше: о вере же и поучении книжном со усердием прилежа.

Царевна же Ксения, дщерь царя Бориса, девица сущи, отроковица чюднаго домышления, зелною красотою лепа, бела велми, ягодами* румяна, червлена губами, очи имея черны великы, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию блистаху зелною; бровми союзна, телом изообилна, млечною белостию облиянна; возрастом ни высока ни ниска; власы имея черны, велики, аки трубы, по плещам лежаху. Во всех женах благочиннийша и писанию книжному навычна, многим цветяше благоречием, во-истинну во всех своих делех чредима*; гласы воспеваемыя любляше и песни духовныя любезне желаше.

Рострига же возрастом мал, груди имея широкы, мышцы толсты; лице же свое имея не царсково достояния, препростое обличие имея, и все тело его велми помраченно. Остроумен же, паче и в научении книжном доволен, дерзостен и многоречив зело, конское рыстание любляше, на враги своя ополчитель смел, храбрость и силу имея, воинство же велми любляше.

Царь Василей возрастом мал, образом же неленым, очи подслепы имея; книжному поучению доволен и в рассуждении ума зело смыслен; скуп велми и неподатлив; ко единым же к тем тщание имея, которые во уши ему ложное на люди шептаху, он же сих веселым лицем восприимаше и в сладость их послушати желаше; и к волхованию прилежаше, и о воех своих не радяше.

Начало виршем,
Мятежным вещем,
Их же разумно прочитаем
И слагателя книги сей потом уразумеваем.
Изложенна бысть сия летописная книга
О похожении чюдовскаго мниха,
Понеже бо он бысть убогий чернец
И возложил на ся царский венец,
Царство великие Росии возмутил
И диядиму* царскую на плещах своих носил.
Есть бо то во очию нашею дивно,
Предложим писанием, чтобы во веки незабытно,
И наши приклады* в книге сей имаем

И того в забытии не оставляем.
Тогда бо мятежные времена были,
И славные роды отечества своего отступили.
Мы же сему бывшему делу писание предлагаем
И предъидущий род воспоминанием удивляем.
Посем предние строки углядаем
И трудолюбца дела сего познаваем:
Есть же книги сей слагатай
Сын предиреченнаго князя Михаила, роду
Ростовского сходатай*,
Понеже бо он сам сие существенно видел
И иные бо вещи от изящных бесприкладно* слышел;
Елико чего изыскал,
Толико сего и написал.
Всяк бо чтый да разумевает
И дела толикие вещи не забывает.
Сие писание в конец преити едва возмогох
И в труде своем никоея же ползы обретох.

ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА К ДВОРЯНИНУ

«Послание» написано, по-видимому, весной 1608 г. тульским дворянином Иваном Фуниковым в фольклорно-прибауточном стиле, с использованием скоморошьей ритмики. Иван Фуников повествует о невзгодах, которые испытал помещик от восставших крестьян. Видимо, это первое стихотворное послание в русской литературе.

Текст послания печатается по рукописи XVII в., опубликованной в исследовании: Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607.— Л., 1951.

Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде взыскателю и скуднаго моего жительства присносущу питателю, государю моему имярек и отцу имярек, жаданный видети очес твоих светло на собя, якож преж бе не сытый зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, якож прежней рабец, греха же моего ради яко странный старец, вожделен до сладости малаго сего писанейца до твоего величества и благородия не простирает бо ся сицево писанейцо за оскудение разума моего и за злу фортону сердца моего, точию рех ти: буди, государь, храним десницею вышнаго параклита, а по милости, государь, своей аще изволишь о нашем убожестве слышати и я милостию творца и зижителя всяческих апреля по 23 день по-видимому в живых, а бедно убо и скорбно дни пребывают, а милосердия твоего, государя своего, всегда не забываю. А мне, государь, тульские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки, да вкинули в тюрму; и лавка, государь, была уска и взяла меня великая тоска, а послана рогожа и спать не погоже; седел 19 недель, а вон из тюрьмы глядел. А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе, за старые шашни хотели скинуть з башни, а на пытках пытают, а правды не знают:

правду де скажи, а ничего не солжи. А яз им божился и с ног свалился и на бок ложился: не много у меня ржи, нет во мне лжи, истинно глаголю, воистинну не лжу. И они того не знают, болши того пытают, и учинили надо мною путем, мазали кожу двожды кожу кнутом. Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил, баня дурна да и мовник глуп, высоко взмахнул, тяжело хлыснул, ослез добре велик и по ся места болит: прикажи, государь, чем лечить, а мне, государь, наипаче за тебя бога молить, что бог тебя крепит: дай господи и впредь так творить. Да видех, государь, твоего, государя моего имярек, рукописание, прослезихся и крепости разума твоего удивихся, а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся и богу моему за тобе, государя моего, помолихся; да от сна вставая и спать ложась, ей, ей, всегда тож сотворяю. А тем, государь, твое жалованье платить, что за тебя бога молить, да и всяк то говорит: добро де он так творит. Да писал бы, государь, не мало да за великой смутой разума не стало, приклоних бо главу свою до земля рех ти: здравствуй, государь мой, о христе. Аминь. Да, не мало, государь, лет, а разума нет, и не переписать своих бед; розван что баран, разорен до конца, а сед, что овца. Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до кола, рожь ратные пожали, а сами збежали. А ныне воистинну живем в погребище и кладем огнище, а на ногах воистинну остались одне голенища и отбились голенища. Зритель, государь, сердцам бог: не оставили шерстинки, ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно ни горстки; всего у меня было живота корова и та не здорова: видит бог, сломило рог. Да, бог сердца весть, нечего есть. Велел бог пожить и не о чем тужить. А я тебе, государю моему, преступя страх, из глубины возвах, имя господне призвах, много челом бью.

А о скорбех постигших нас не вем, что изрещи. Зрение нас устрашает, но, мню, и стихия нам зболезнует. Не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу. Земля, юже видел еси благу и населенну, узриша ея опустену и напоену кровми святых: пролияша бо ся крови подобо дождеви, и вместо пшеница возрастоша нам терния. Узриши церковь божию сетующу и дряхлующу и яко вдову совлечену: красота бо ся отъята бысть иноплеменными, паче ж нашими воставшими на нас, богу тако изволшу. И узриши грады разорены и пожжены, вдовы и старии сетующа и гладом таеми, середняя ж и невесты восхищени и обоимани руками чюжих, и младенцы раздробляемы, и самый той царствующий град, яко шипок красен зимою, противными нашими померзаем. Превосходит бо плач наш паче Вифлеомскаго плача: тамо бо токмо едини младенцы убиваеми бываху и се число прииде, зде же старии и совершении умом и боголепныи образом и юннии леты и образом и всяк возраст не пощаден бысть. Превосходит воистину и Херсонскаго Устиниянова убиения: тамо бо токмо един град страдаше, зде ж не мала часть вселенныя в запустение положись.

Не прогневайся, что не все беды и разорения пишу: не бо ум мой

постигнути или писанию предати возможет, да и тебе скорбь на скорбь не наложу. Твоя же и моя вся взята быша без останка.

ПОВЕСТЬ О ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ (ОСОРЬИНОЙ)

Повесть написана в Муроме сыном героини — Дружиной Осорьиным в 20—30-е гг. XVII в. По своему жанру это биографическая повесть, возникшая на основе житийной литературы. Героиня повести — идеальная светская женщина, жена служилого дворянина. Она достигает святости не в стенах монастыря и не в повседневном молении, а в «домовом правлении», в повседневных, будничных делах помещицы. Такой эстетический идеал не мог воплотиться в традиционном жанре житий, потребовалась иная литературная форма — биографическая повесть. Текст печатается по списку XVII в., опубликованному М. О. Скрипилем в «Трудах Отдела древнерусской литературы» (М., Л., 1948.— Т. IV).

Во дни благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Русии, от его царьскаго двора, бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом Недюрев[1] саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григориеву дщерь Лукина, от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери, и много богатства, и раб множество. От нею же родися сия блаженная Улияния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю в пределы муромские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия Никифорова дщи Дубенского, и воспитающе во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия же блаженная Улияния от младых ногтей бога возлюбя и пречистую его матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше, и того ради от тетки много сварима бе, а от дщерей ея посмехаема. И глаголаху ей: «О безумная! что в толицей младости плоть свою изнуряеши и красоту девственую погубиши». И нуждаху ю рано ясти и пити; она же не вдаяшеся воли их, но все со благодарением примаше и с молчанием отхождаше, послушание имея ко всякому человеку, бе бо из млада кротка и молчалива не буява, не величава, и от смеха и всякия игры отгребашеся*. Аще и многажды на игры и на песни пустошные от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их, и недоумение на ся возлагая, и тем потаити хотя своя добродетели; точию в прядивном и в пяличном деле прилежание велие имяше, и не угасаше свеща ея вся нощи. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше, и всех нужных и болных всяцем добромназираше, яко всем дивитися разуму ея и благоверию.

И вселися в ню страх божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща, и не лучися ей в девичестем возрасте в церковь

[1] *Иустин Недюрев* — реальное историческое лицо, ключник Ивана Грозного.

приходити, ни слышати словес божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же, но смыслом благим наставляема нраву добродетелному. Егда же достиже шестаго на десять лета, вдана бысть мужу добродетелну, и богату, именем Георгию, пореклом Осорьину, и венчани быша от сущаго ту попа, Потапия именем, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святых отец закону божию; она же послуша учения и наказания внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим, иже видевше ю возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся повеленная ими непреткновенно совершаше, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и все дивляхуся разуму ея и славяху бога. По вся же вечеры доволно богу моляшеся и коленопреклонения по сту и множае, и вставая рано по вся утра, такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царьских службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астрахани, она же в та времена по вся нощи без сна пребываше, в молбах, и в рукоделии, в прядиве, и в пяличном деле. И то продав, нищим цену даяше и на церковное строение, многу же милостыню отай творяше в нощи, в день же домовное строение правяше; вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своима рукама омывая и кормя и напаяа; рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждою, и дело по силе полагаше, и никого простым именем назваша, и не требоваше воды ей на омовение рук подающаго, ни сапог разрешающаго, но все сама собою творяше, а неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя и исправляше, и на ся вину возлагаше, и никого не оклеветаше, но всю надежду на бога и на пречистую богородицу возлагаше и великаго чюдотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь приимаше.

Во едину же нощь, востав по обычаю на молитву, без мужа, беси же страх и ужас велик напущаху ей, она же, млада еще и неискусна, тому убояся и ляже на постели и усну крепко. И виде многи бесы, пришедшие на ню со оружием, хотяще ю убити, рекуще: «Аще не престанешь от таковаго начинания, абие погубим тя». Она же помолися богу и пречистой Богородице и святому Николе чюдотворцу. И явися ей святый Никола, даржа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша, и воздвиг десницу свою и благослови ю, глаголя: «Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения! Христос бо мне повеле тебе соблюдати от бесов и злых человек!» Она же абие от сна возбнув и увиде яве мужа свята из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию; и востав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть, но и притвор храмины тоя крепко заперт бяше; она же оттоле извещение приимши, возрадовася, славя бога, и паче перваго добрых дел прилежаше.

Помале же божию гневу Русскую землю постигшу за грехи нашы, гладу велику зело бывшу[1], и мнози от глада того помираху; она же многу милостыню отай творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на полденное ядение, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глагола ей: «Како ты свой нрав премени? Егда бе хлебу изобилие, тогда не многох тя к раннему и полуденному ядению принудити, а ныне, егда оскудение пищи, и ты раннее и полдневное ядение взимаешь!» Она же, хотя утаитися, отвеща ей: «Егда не родих детей, не хотяще ми ся ясти, и егда начах дети родити, обезсилех и не могу наястися. Не точию в день, но и нощию множецею хощет ми ся ясти, но срамляюся у тебе просити». Свекры же, се слышав, рада бысть и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в нощь; бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу примая, сама не ядяше, гладным все раздаяше. И егда кто умираше, она же наимаше омывати и погребалное даяше и на погребение сребреники даяше, и егда в селе их погребахут мертвых кого ни буди, о всяком моляся о отпущении грех.

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом, и оттого мнози в домех запирахуся и уязвенных пострелом в дом не пущаху, и ризам не прикасахуся. Она же, отай свекра и свекрови язвенных многих своима рукама в бани омывая, целяше и о исцелении бога моляше, и аще кто умираше, она же многи сироты своима руками омываше и погребалная возлагаше, погребати наймая и сорокоуст даяше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити по них литоргию, и трапезы в дому своем попом, мнихом и нищим поставляше во всю 40-цу по вся дни, и в темницы милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во Астрахани три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши*, не точию в ты дни, но и во вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тщащеся спону* ей сотвори: часты брани воздвизаше в детех и рабех; она же вся, смысленно и разумно разсуждая, смиряше; враг же наусти раба их и уби сына их старейшаго, потом и другаго сына на службе убиша; она же вмале аще и оскорбися, но о душах их, а не о смерти, но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустити ю в монастырь; и не отпусти, но совещастася вкупе жити, а плотнаго* совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлагаше на пещи без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилаше и ключи железны под ребра своя подлагаше и на тех мало сна примаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю нощь и до света, и потом в церковь вхожаше к заутрени

[1] *...гладу велику зело бывшу* — имеется в виду голод 1570 г.

и к литоргии, и потом ручному делу прилежаше, и дом свой богоугодно строяше, рабы своя доволно пищею и одеянием удовляше и дело комуждо по силе задаваше, вдовами и сироты печашеся и бедным во всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотьне, и мужу ея преставлшуся, она же погребе и честно, и почти пением, и молитвами, и сорокоусты, и милостынею, и паче мирская отверже, и печашеся о душе, как угодити богу, ревнуя прежним святым женам, моляся богу и постяся и милостыню безмерну творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищим милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пению. Егда же прихождаше зима, взимаше у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и то раздая нищим, сама же без теплыя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие острое вместо стелек подкладаше и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же неколико время к церкви не хождаше, но в дому моляшеся богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы богородичны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лет, и дух святый на ней почивает!» Поп же в великом ужасе быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко вся то внят, еже он поведа пред многими, и рече: «Соблазнился еси, егда о себе глаголеши; кто есьм аз грешница, да буду достойна сего нарицания!» И закля его не поведати никому, сама же иде в церковь и с теплыми слезами молебная совершив, целова икону богородицыну.

И оттоле боле подвизася к богу, ходя к церкви, по вся вечеры моляшеся богу во отходной храмине; бе же ту икона богородицына и святаго Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися богу со слезами; и явися ей святый Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша; единаго же беса поймав, мучаше; святую же благослови крестом и абие невидим бысть. Бес же плача, вопияше: «Аз ти многу спону творих по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приближитися ради милостыни, и смирения, и молитвы». Она бо беспрестани, в руках имея четки, глаголя Иисусову молитву; аще ядяше и пияше, ли что делая, непрестанно молитву глаголаше; егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея подвизастася на славословие божие; многажды видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигаше. Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати, ниже чюжих кормити». Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея; она же к нам прииде ужасна велми и лицем пременися; мы же видехом ю смущену, вопрошахом, и не поведа ничто же. Не

помнозе же сказа нам тайно и заповеда не рещи никому же.

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем, и много имения в милостыню разда, точию нужные потребы домовные оставляше, и пищу точию год до года расчиташе, а избыток весь требующим растачаше. И продолжися живот ея до царя Бориса. В то же время бысть глад крепок во всей Русстей земли[1], яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земли всееное жито ея, кони же и скоты изомроша; она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснутися, но елико оставшься скоты, и ризы, и сосуды, вся распрода на жито, и от того челядь кормяще, и милостыню доволну даяше, и в нищете обычныя милостыни не остася, и ни единого от просящих не отпусти тща*, дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея, и о том не смятеся, но все упование на бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село в пределы нижеградцкия, и не бе ту церкви, но яко два поприща: она же, старостию и нищетою одержима, не хождаше к церкви, но в дому моляшеся и о том немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Велице же скудости умножьшися в дому ея, она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладом, от них же доброразсудни обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша, она же со благословением и молитвою отпусти я, не держа гнева ни мало, и повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору древяную, и в том хлеб сотворити, и от того сама с детьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща не отпусти; в то время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: «Что ради в Улиянии дом ходите? Она бо и сама гладом измирает!» Они же поведша им: «Многи села обходихом и чист хлеб вземлем, а тако в сладость не ядохом, яко сладок хлеб вдовы сея». Мнози об имени ея не ведаху. Соседи же, изобилны хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю и такоже свидетельствующа, яко велми хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: «Горазди раби ея печь хлебов», и ни разумеюще, яко молитвою ея хлеб сладок. Потерпе же в той нищете два лета, не опечалися, ни смутися, ни поропта, и не согреши ни во устах своих, и не даст безумия богу, и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея пресвление, и разболеся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней: в день лежа моляшеся, а в нощи воставая моляшеся богу особь стояше, никим поддержима, глаголаше бо: «И от болнего бог истязует молитвы духовныя». Генваря во 2-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго, и причастися святых

---

[1] *...глад крепок во всей Русстей земли* — имеется в виду голод 1601 г., во время царствования Бориса Годунова.

таин; и сед, призва дети и рабы своя, и поучив их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях, прирече же и се: «Желанием возжелах ангельскаго образа иноческаго, не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых — грешница сый и убогая, богу тако извольшу, слава праведному суду его». И повеле уготовити кадило и фамиям положити, и целова вся сущая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своея, последнее слово рече: «Слава богу всех ради! В руце твои, господи, предаю дух мой, аминь!» И предаст душу свою в руце божии, его же возлюби, и вси видеша около главы ея круг злат, якоже на иконах около глав святых пишется. И омывше, положьше ю в клете, и в ту нощь видеша свет и свеща горяща, и благоухание велие повеваше ис клети тоя. И вложьше ю во гроб дубовый, везоша в пределы Муромския, и погребоше у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в селе Лазареве за четыре версты от града, в лета 7112 генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила; над гробом ея лучися пещи быти, земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 августа в 8 день преставися сын ея Георгий, и начаша в церкви копати ему могилу, в притворе между церковию и пещию, бе бо притвор той без моста, и обретше гроб ея наверху земли цел, неврежен ничем, и недоумеваху, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребаемаго. Того же месяца в 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и поидоша в дом его, еже учредити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыша гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужасти не поведаша ничтоже; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав, удивихомся, и открывши гроб, видехом так, яко же жены реша от ужасти, начерпахом мал сосудец мира того, и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгустевашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужасти не смеяхом досмотрети, точию видехом нозе ея и бедры целы суща, главы же ея не видехом, того деля, понеже на коньце гроба бревно пещьное лежаше, от гроба же под пещь бяше скважня, ею же гроб той ис под пещья идяше на восток с сажень дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же нощь мнози слышаху у церкви тоя звон и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше, и мнози слышаху и прихождаху, и мазахуся миром тем и облегчение от различных недуг приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок, и приходят болящии различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня. Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

«Повесть об азовском осадном сидении...» написана в 40-х гг. XVII в. на основе действительных исторических событий, когда небольшой казацкий гарнизон отстоял крепость Азов от трехсоттысячной турецкой армии. По своему жанру это произведение относится к историческим повестям. Повесть отличается патриотическим пафосом, точностью описаний, простонародностью языка и поэтичностью стиля, в котором заметны традиционные приемы воинских повестей и донского фольклора. Это оригинальное, новаторское произведение и по содержанию, и по стилю. Ее основными героями являются не князья и даже не отдельные лица, а народные массы, героический казачий гарнизон крепости. Автор повести — человек начитанный; можно полагать, что ему были известны и повести о Куликовской битве, и «Повесть о взятии турками Царьграда», и даже «Слово о полку Игореве», о чем свидетельствуют приемы поэтического изображения и отдельные фразеологические обороты.

Повесть дошла до нас в четырех редакциях. Текст печатается по первой редакции, названной «поэтической повестью» и опубликованной А. Н. Робинсоном в сборнике: Воинские повести Древней Руси. — М.; Л., 1949.

Лета 7150-го году октября в 28 день приехали к Москве к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии самодержьцу з Дону из Азова города донския казаки, атаман Наум Васильев да ясаул Федор Иванов[1], а с ними казаков приехало 24 человека, которыя сидели в Азове городе от турок в осаде, и своему осадному сиденью привезли роспись, и тое роспись подали на Москве в Посолском приказе печатнику и думному дьяку Федору Федоровичю Лихачеву[2], а в росписи их пишет.

В прошлом де во 149-м году июня в 24 день прислал турской царь Ибрагим салтан под нас, казаков, своих 4 паши, да 2 своих полковников; им же имена: Капитана, да Мастафу, Иусейна, да Ибреима, да ближние своей тайные думы верного своего слугу Ибреима скопца над ними уже над пашами смотрить вместо себя, царя турскаго, бою их и промыслу, как станут паши и полковники над Азовым городом промышляти и над нашими казачими головами. А с ними, пашами, прислал турской царь под нас многую свою собраную силу и бусурманскую рать, совокупя на нас всех подручников своих: нечестивых царей и королей, и князей, и владетелей — 12 земель! Воинских людей переписанной своей рати из-за моря, по спискам его, боевово люду браново 200 000, окроме поморских и кафинских черных мужиков[3], которые у них на сей стороне моря собраны и которые со всех орд их, и крымские и нагайские, с лопаты и з заступы на загребение наше, чтоб нас, казаков, многолюдством своим в Азове городе живых загрести и

---

[1] *Наум Васильев* был войсковым атаманом во время осады Азова, после победы над турками возглавлял посольство к царю Михаилу Федоровичу. *Федор Иванов* — войсковой дьяк Федор Иванович Порошин; полагают, что он был автором «поэтической» редакции повести.

[2] *Федор Федорович Лихачев* — думный дьяк, начальник посольского приказа.

[3] *Черные мужики* — крестьяне, жившие на государственной земле; здесь: жители Причерноморья.

засыпати бы им горою великою, как они загребают своими силами людей в городех перситцкаго шаха, а себе бы им тем, царю своему турскому, нашею смертью слава залесть вечная во всю вселенную, а нам бы, християном, учинить укоризну вечную. Тех-то людей собрано на нас, черных мужиков, многие тысячи без числа, и писма им нет,— тако их множество. Да с ними ж, пашами, пришел ис Крыму крымской царь, да брат ево нарадым* и Крым Гирей царевичь и калга*, со всею своею крымскою и нагайскою ордою, да крымских и нагайских князей и мурзь и татар, ведомых письменых людей 8000, оприч тех наведомых людей. Да с тем же царем пришло горских князей и черкас из Кабарды 10 000. А с пашами было наемных людей немецких 2 полковника, а с ними 6000 салдатов. Да с теми же пашами было для приступных промыслов многие немецкие люди-городоемцы, приступныя и подкопныя мудрые вымышленики, славные многих государьств измышленики: гишпане, из Виницеи великия, из Стеколныя[1] и из Фрянцыи. То были они пинарщики*, которые делать умеют всякие приступныя мудрости и ядра чиненыя огненныя, и ини которые мудрости умеют. А снаряду было с пашами под Азовым пушек болших ломовых* 120 пушек. А ядра у них были велики, в пуд, и в полтора, и в два пуда ядро. Да мелково наряду было с ними всяких пушек и тяфяков* 674 пушки, окроме верховых пушек огненных, а верховых с ними было 32 пушки. А весь наряд был прикован на чепях, бояся того, чтоб мы на выласках, вышед, у них того снаряду не отбили и в город бы ево не взяли. А было с пашами под нами всяких воинских собраных людей всяких розных земель и вер царя турского, его земли и розных земель: 1 — турки, 2 — крымцы, 3 — греки, 4 — серби, 5 — арапы, 6 — можары, 7 — буданы, 8 — олшаны, 9 — арнауты, 10 — волохи, 11 — мутьяня[2], 12 — черкасы, 13 — немцы. И всего с пашами и с крымским царем людей было, по спискам их, браного мужика, окроме вымышлеников немец и черных мужиков и охотников, 256 000. А збирался турской царь на нас, казаков, за морем ровно 4 годы, а на пятой год он пашей своих и крымского царя под Азов прислал.

Июня в 24 день в первом часу дни пришли к нам паши его под город. И крымской царь наступил на нас со всеми великими турецкими силами. Все наши поля чистые орды нагайскими изнасеяны: где у нас была степь чистая, тут стала у нас однем часом, людми их многими, что великие и непроходимые леса темныя. От силы их многия и от уристанья их конского земля у нас под Азовым потреслася и погнулася, и из реки у нас из Дону вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла. И почали они, турки, по полям у нас шатры свои турецкия ставить. И полатки многия, и наметы великия, и дворы болшия

---

[1] *Виницея* — Венеция, *Стекольный* — Стокгольм.

[2] *Можары* и *буданы* — племена мадьяр, *арнауты* — албанцы, *волохи* и *мутьяне* — жители придунайских княжеств Валахии и Молдавии.

полотняныя, яко горы высокия и страшныя, забелелися. И почали у них в полкех их быти трубли великия в трубы большие, и игры многия, и писки от них в полках пошли великия и несказанныя голосами страшными их бусурманскими. И после того в полкех их почела быти стрелба пушечная и мушкетная великая: как есть стала гроза великая над нами страшная, бутто гром велик и молния страшная ото облака бывает с небеси. От стрелбы их стал огнь и дым до неба. И все наши градные крепости потряслися от стрелбы их той огненной. И солнце померкло во дни том и, светлое, в кровь претворися. Как есть наступила тма темная. И страшно добре нам стало от них в те поры, трепетно и дивно их несказанной и страшной и дивной приход бусурманской нам было видети. Никак непостижимо уму человеческому: в нашем возрасте того было не слышати, не токмо что такую рать великую страшную и собранную очима кому видети. Близостью самою к нам они почали ставитца за полверсты малые от Азова города. Их яныческие головы[1] строем их идут к нам под город великими болшими полки. Головы их и сотники, отделяся от них, пред ними идут пеши жь. Знамена у них яныченския велики неизреченно, черны. В себе знамяна, яко тучи страшныя, покрывают людей. Набаты у них гремят многие и трубы трубят, и в барабаны бьют в велики и несказанны. Ужасно слышати сердцу всякому их бусурманская трубля, яко звери воют страшны над главами нашими розными голосами. Ни в каких странах ратных таких людей не видали мы, и не слыхано про такую рать от веку. Подобно тому, как царь греческий приходил под Трояньское государство со многими государьствы и тысечи[2]. 12 их голов яныческих пришли к нам самою близостию к городу и осадили нас они, пришедши, накрепко. Стекшися, они стали круг Азова города во восмь рядов, от реки Дону захватя до моря рука за руку. И патожки они свои потыкали и мушкеты свои по нас прицелили. Фетили у всех яныченей кипят у мушкетов их, что свещи горят. А у всякаго головы в полку яныченей по 12 000. И бой у них у всех огненной, пла̀те на них на всех головах яныческих златоглавое, а на яныченях на всех збруя их одинакая красная, яко зоря кажетца, пищали у них у всех долгие турские з жаграми, а на главах у всех яныченей шишяки*, яко звезды кажются. Подобен их строй строю салдацкому. Да с ними ж тут в ряд стали немецких два полковника с салдатами, а в полку у них салдат 6000. Тогож дни на вечер, как пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турские толмачей своих бусурманских, персидцких и еллинских, а с ними, толмачами, говорить прислали с нами голову яныченскаго перваго от строю своего пехотнаго. И почал нам говорить голова их янычес-

---

[1] *Яныческие головы* — т. е. командиры в войсках янычар, привилегированного пешего войска Турции.

[2] Имеется в виду война 1193—1184 гг. до н. э. греков с малоазийцами, когда греками был осажден город Троя. Это событие отражено в «Илиаде» Гомера и переводной повести «Троянская история» Гвидо де Колумна, появившейся на Руси в переводе с латинского в XV в.

кой словом царя своего турскаго и от четырех пашей ево, и от царя крымскаго речью глаткою:

«О люди божии, царя небесного! Никем вы в пустынях водими или посылаеми, яко орли парящие без страха по воздуху летаете и яко лви свирепыи в пустынях рыскаете, казачество донское и волное и свирепое, соседи наши ближние и непостоянные нравы, лукавы пустынножители, неправии убийцы и разбойницы непощадны! Как от века не наполните своего чрева гладново? Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу высокую, на государя царя турсково. Не впрям вы еще на Руси богатыри светоруские нарицаетесь: где вы, воры, теперво можете утечи от руки ево страшныя? Птицею ли вам из Азова лететь? Осаждены вы теперво накрепко. Прогневали вы Мурата салтана царя турского, величество ево. Первое,— вы у него убили на Дону чесна мужа греческаго закона, турского посла Фому[1], приняв ево с честию в городки свои, а с ним побили вы всех армен и гречан, для их сребра и злата. А тот посол Фома послан был от Царяграда ко царю вашему для великих царственных дел. Да вы же у царя взяли любимую цареву вотчину славной и красной Азов град и рыбной двор. Напали вы на него, аки волки гладныя, и не пощадили вы в нем никакова мужеска возраста, ни стара ни мала, дондеже и владетелей,— посекли всех до единова. И положили вы тем на себя лютое имя звериное. И теперво сидите в нем. Разделили вы государя царя турсково тем Азовым городом со всею ево ордою крымскою и нагайскою воровством своим. А та у него орда крымская — оборона его великая на все стороны страшная. Второе,— разлучили его с карабелным пристанищем. Затворили вы тем Азовом городом все море Синее: не дадите проходу по морю ни кораблем, ни катаргам царевым ни в которые поморския городы. Согрубя вы такую грубость лютую, чево вы конца в нем дожидаетесь? Крепкие, жестокия казачьи сердца ваши! Очистите вотчину царя турсково Азов город в ночь сию, не мешкая. А что есть у вас в нем вашего сребра и злата, то понесите без страха из Азова вон с собою в городки свои казачьи к своим товарыщем, а на отходе ничем вас не тронем. А есть ли только вы из Азова города сея нощи вон не выдете, не можете завтра от нас живы быти. Хто вас может, злодеи-убийцы, укрыть или заступить от руки ево такия силныя и от великих таких, страшных, непобедимых сил его, царя восточново турсково? Кто постоит ему? Несть ему никово ровна или подобна величеством и силами на свете! Единому лише повинен он богу небесному и един лише он верен страж гроба божия, по воли ж божии: избра его бог на свете едина от всех царей. Промышляйте себе в нощь сию животом своим, не умрите от руки царя турсково смертью лютою, своею волею. Он, великий государь восточной турской царь, не убийца

[1] *Фома* — Фома Кантакузин, грек, принявший мусульманство, был послом султана, убит казаками на Дону в 1637 г. на пути его в Москву.

николи вашему брату вору, казаку и разбойнику. Ему бы то, царю, честь достойная, что победить где царя великаго и равна своей чести, а ваша ему не дорога кровь разбойничя. А есть ли вы уже пересидите в Азове нощь сию через цареву такую милостивую речь и заповедь,— приймем завтра град Азов и вас в нем, воров-разбойников, яко птицу в руце свои возмем и отдадим вас, воров, на муки лютыя и грозныя. Раздробим всю плоть вашу разбойничю на крошки дробныя! Хотя бы вас, воров, в Азове городе сидело 40 000, ино силы с пашами под вас прислано болши 300 000. Несть столько и волосов на главах ваших, сколько силы турецкие под Азовым городом. Видите вы и сами, глупые воры, очима своима силу его великую неизчетну, как они покрыли всю степь вашу казачю великую. Не могут, чаю, и с высоты з города очи ваши видети другово краю сил наших. Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица паряща, устрашится людей от много множества сил наших, вся валится с высоты на землю. Аще б восхотел государь нашь царь турецкими своими силами великими пленити государство перситцкое, и он его, государь такими людми в три дни взял или б землю его разорил. И то вам ворам, даем ведать, что от царства вашего Московскаго никакой вам помощи и выручки не будет, ни от царя, ни от человек русских. На что вы, воры, глупыя, надежны? Запасу вам хлебнаго с Руси николи не пришлють. А есть ли вы, люди божии, служить похочете, казачество свирепое, волное, государю нашему царю Ибрагиму салтану[1], его величеству, принесите тако ему, царю, винныя свои головы разбойничи в повиновение на службу вечную. Радость будет: отпустит вам государь наш турецкой царь и паши его вси ваши казачи грубости прежние и нонешние и взятье азовское. Пожалует вас, казаков, он, государь наш турецкой царь, честию великою. Обогатит вас, казаков, он, государь турецкой царь, многим и неисчетным богатством, учинит вам, казаком, у себя во Цареграде покои великии во веки, положит на вас на всех казаков платье свое златоглавое, печати подаст вам богатырские золоты с царевым клеймом своим. Всяк возраст вам, казакомь, в государьстве его во Цареграде будет кланятся, станут вас всех, казаков, называти — Дону славнаго рыцари знатныя, казаки избранныя. И то ваша слава казачья вечная в веце сем, от востоку до западу. Станут вас называти во веки все орды бусурманския и еллинские, и перситцкие святорускими богатырями, што не устрашились вы своими людми малыми — 5000 страшных таких великих и непобедимых сил царя турского,— 300 000 одной той ево пописанной силы, окроме люду волново и черных мужиков, а тех у нас и щету нет и пописати такова их множества, яко травы на поле или песку на море. Дождались мы к себе полкы под город в жестосердии нашем. Каков перед вами славен и силен, и многолюден, и богат перситцкой царь, владетель поставлен от бога надо всею

---

[1] *Ибрагим* — турецкий султан с 1640 по 1648 г., вступил на престол перед походом на Азов.

великою Персидою и над богатою Индеею! Имеет он, государь, у себя рати многия, яко наш государь турецкой царь, и тот шах персицкой царь, впрям николи не стоит на поли против царя турского и не сидят ево люди персидския противу нашей силы в городкех своих, ведая они наше свирепство, и безстрашие, и гордость»

Ответ наш казачей из Азова города турецким и розных языков и вер толмачам и голове яныческому:

«О, прегордыи и лютыи варвары! Видим мы всех вас и до сех мест и про вас ведаем, силы и пыхи* царя турсково все знаем. И видаемъся мы с вами, турками, почасту на море и за морем, и на сухом пути. Знакомы уже вы нам! Ждали мы вас, гостей к себе под Азов город дни многия. Где полно ваш Ибрагим турской царь ум свой дел? Позор его конечной будет! Или у него, царя, не стало за морем злата и сребра, то он прислал под нас, казаков, для кровавых казачих зипунов наших четырех нашей своих? А с ними, сказываете, что под нас прислано рати турецкие одной его написи 300 000. То мы и сами впрямь видим и ведаем, что есть столько силы его под нами, с 300 000 люду боевово, окроме мужика чорново и охотника. Тех впрямь людей много: что травы на поле или песку на море. Да на нас же нанял ваш турецкой царь из 4 земель немецких салдатов 6000, да многих мудрых подкопщиков, а дал им за то казну великую для смерти нашей. Добивался голов казачих! И то вамь, туркомь, самим давно ведомо, что в нас по сю пору никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших. Хотя он у нас, турецкой царь, Азов и взятьем возметь такими своими великими турецкими силами и наемными людьми немецкими, умом немецким и промыслом, а не своим царевым дородством и разумом, не большая та и честь будет ево, царева, турскаго имяни, что возмет нас, казаков, в Азове городе. Не избудет он тем на веки и не изведет казачья имяни и прозвища, и не запустеет Дон головами нашими! А на взыскание смерти нашей з Дону удалые молотцы к вам тотчас будут под Азов все, не утечи будеть пашамь вашим от них и за море. А есть ли толко нас избавит бог от руки ево такия силныя, отсидимся от вас в осаде в Азове городе от великих таких сил его, от 300 000 человек, людми своими малыми, всево нас, казаков, в Азове сидит 5000, срамно то будет царю вашему турскому и вечной стыд и позор от его братьи, от всех царей и королей немецких. Назвал от высока сам себя, будто он выше всех земных царей, а мы люди божьи, надежа у нас вся на бога и на матерь божию богородицу и на иных угодников и на всю братию и товарыщей своих, которые у нас по Дону в городках живут,— те нас выручат. А холопи мы природные государя царя християнскаго царьства Московскаго, а прозвище наше вечно — казачество донское волное и безстрашное! Станем мы с ним, царем турским, битца, что с худым свиным пастухом наймитом. Мы собе казачество волное исповедаем и живота своего на разсужаем, не страшимся того, что ваши силы великия: где бывают рати великия, тут ложатся трупы многия! Веть мы люди божии, а не шаха персидского, что

вы, будто женок, засыпаете в городех их горами высокими, а нас, казаков, от веку нихто в осаде живых не имывал, а горою вам к намь итти моторно. Вы наш промысл над собою сами увидите. Хотя нас, казаков, в осаде сидить не много, только 5000, а за божиею помощию не боимся сил ваших великих 300 000 и немецких всяких промыслов. Гордому ему бусурману царю турскому и пашам вашим бог противитца за ево такия слова высокие. Ровен он, собака, смрадной пес, ваш турской царь, богу небесному у вас в титлах пишется. Как он, бусурман поганой, смеет так в титлах писатся и подобитися вышнему? Не положил он, похабной бусурман, поганый пес, скаредная собака, бога себе помощника, обнадежился он на свое тленное богатество, вознес отец его сатана гордостию до неба, опустит его за то бог с высоты в бездну во веки. И от нашей казачи руки малыя срамота, и стыд, и укоризна ему вечная будет, царю вашему турскому, и пашам, и всему войску. Где ево рати великия топере в полях у нас ревут и славятся, а завтра в том месте у вас будут вместо игор ваших горести лютые и плачи многие, лягут от рук наших ваши трупы многие. И давно у нас в полях наших летаючи, хлехчют орлы сизыя и грают вороны черныя подле Дону тихова, всегда воют звери дивии, волцы серыя, по горам у нас брешут лисицы бурыя, а все то скликаючи, вашего бусурманского трупа ожидаючи. Преж сего накормили мы их головами вашими, как Азов взяли, а топерво вам от нас опять хочется тово ж, чтоб плоти вашея мы тех зверей накормили,— и то вам будет по прежнему! А красной хорошей Азов город взяли мы у царя вашего турского не разбойничеством и не татиным промыслом, взяли мы Азов город впрямь в день, а не ночью, дородством своим и разумом для опыту, каковы его люди турские в городех от нас сидят. А мы сели в Азове людми малыми, розделясь с товарыщи нароком надвое, для опыту ж — посмотрим мы турецких умов и промыслов! А все то мы применяемся к Еросалиму и Царюграду. Хочетца нам також взяти Царьград, то государьство было християнское. Да вы ж, бусурманы, нас жалеете, что с Руси не будет к нам ни запасу хлебново, ни выручки, а сказываете нам, бутто к вам из государьства Московскаго про нас о том писано. И мы про то сами без вас, собак, ведаем, какие мы в Московском государьстве на Руси люди дорогие, ни х чему мы там не надобны, очередь мы свою за собою сами ведаем. А государьство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди, паче всех иных государьств и орд бусорманских, персидцких и еллинских, аки в небе солнце. А нас на Руси не почитают и за пса смердящаго. Отбегаем мы ис того государьства Московскаго, из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых, да зде прибегли и вселились в пустыни непроходней, взираем на Христа бога небеснаго. Кому об нас там потужить? Ради там все концу нашему. А запасы к нам хлебные и выручки с Руси николи не бывали. Кормит нас, молодцов, на поли господь бог своею милостию во дни и в нощи зверми дивиими да морскою рыбою. Питаемся мы, аки

птицы небесныя: ни сеем, ни орем, ни в житницы збираем. Так питаемся подле море Черное. А злато и сребро емлем у вас за морем — то вам самим ведомо! А жены себе красныя и любимыя водим и выбираем от вас же из Царяграда, а с женами детей с вами вместе приживаем. А се мы взяли Азов город своею волею, а не государьским повелением, для казачих зипунов своих и для лютых и высоких пых ваших, поганых и скаредных. И за то на нас, холопей своих далных, государь наш зело кручиноват, и мы зело боимся от него, великого государя, казни смертныя за взятье азовское. А государь наш великий, и праведный, и пресветлый царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа России самодержец и многих государьств и орд государь и обладатель: много у него, великого государя, в вечном холопстве таких бусорманских царей служат ему, великому государю, как и ваш Ибрагим, турской царь. Толко он, государь наш великий, пресветлый и праведный царь, чинит по преданию святых отец, не желает пролития кровей ваших бусорманских. Довольно он, великий государь, богат от бога данными своими царьскими оброками и без вашего бусорманского скареднаго богатства собачья. А есть ли бы на то его государьское повеление было и восхотел бы он, великий государь, ваших бусурманских кровей разлития и градом вашим бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, великому государю, неисправление, хотя бы он, великий государь наш, на вас на всех босурман велел быть войною одной своей украине, которые люди живут в украинских городех по валу от рубежа крымского и нагайского, и тут бы собралось его государевых русских людей с одной той украины болши легеона тысящь. Да и такия ево государевы люди руския украинщы, что они жестоки на вас будут и алчны, аки львы яростные и неукротимые, и хотя поясти вашу живую плоть босурманскую. Да держит их и не повелит им на то десница ево царьская. А в городех во всех украинских под страхом смертным, а царевым повелением держат их воеводы государевы. Не укрылся бы ваш Ибрагим турской царь от руки ево государевы и от жестосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и утробу бы ея роспороли, да перед лицем бы ево царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турскаво, от руки ево государевы и от ево десницы высокия и море Черное. Не удержало бы людей ево государевых! И был бы за ним, великим государем, однем летом Ерусалим и Царьград по прежнему, а в городех бы турецких во всех не стоял бы камень на камени от промыслу русского. Да вы же нас зовете словом царя турского, чтобы нам служить ему, царю турскому, а сулите нам от него честь великую и богатство многое.

А мы люди божии, а холопи государя царя московского, а се нарицаемся по крещению православные крестьяне. Как служить можем ему, царю турскому неверному, оставя пресветлой здешней свет и будущей? Во тму итти не хощем! Будем впрямь мы ему, царю турскому, в слуги надобны, и как мы отсидимся от вас в Азове городе, побываем мы у него, царя, за морем под ево Царемградом,

посмотрим мы Царяграда строение и красоты ево. Там с ним, царем турским, переговорим речь всякую,— лише бы ему, царю, наша казачья речь полюбилась! Станем мы служить ему, царю, пищалми казачими, да своими сабелки вострыми. А ныне нам с вами и с пашами вашими и говорить нечево, да и не с кем. Как предки ваши, бусорманы поганые, учинили над Цареградом, взяли взятьем его, убили они государя царя крестьянского Констянтина благовернаго, побили в нем крестьян многия тмы тысящи, обагрили кровию нашею крестьянскою все пороги церковныя, искоренили до конца всю веру крестьянскую,— тако бы и нам учинить над вами, бусорманы погаными, взять бы ныне нам Царьград взятьем из рук ваших бусорманских, убить бы против того вашего Ибрагима царя турского и со всеми его бусорманы погаными, пролити бы ваша кровь бусорманская нечистая. Тогда у нас с вами в том месте мир поставитца, а тепере нам с вами и говорить больши того нечего. Что мы от вас слышали, то твердо ведаем, а что вы от нас слышали, то скажете речь нашу пашам своим. Нельзя нам миритца или веритца крестьяном з босурманы. Крестьянин побожится душею крестьянскою, и на той правде во веки стоит, а ваш брат, бусорман, побожится верою бусурманскою, а ваша вера бусорманская татарская ровна бешеной собаке,— и потому вашему брату, бусорману, собаке, и верить нельзя. Ради мы в завтра вас подчивать, чем у нас, молотцов, бог послал в Азове городе. Поедте вы к своим глупым пашам не мешкая, а опять к нам с такою глупою речью не ездите. А манить вам нас,— лише дни даром терять! А хто от вас к нам с такою глупою речью впредь будет, тому у нас под стеною города быть убиту. Промышляйте вы тем, для чего приехали от царя своего турскаго. Мы у вас Азов город взяли головами своими молодецкими, людми немногими, а вы его у нас, ис казачих рук наших, доступайте головами своими турецкими, многими своими силами. Кому-то у нас на боех поможет бог? Потерять вам пбд Азовым городом турецких голов своих многия тысящи, а не видать его вам будет из рук наших казачьих и до века. Разве отымет у нас, холопей своих, великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа России самодержец, да вас им, собак, пожалует, то уже ваш будет, на то ево государьская воля».

Как от Азова города голова и толмачи приехали в своя турецкия табары к пашам своим и сказали наш ответ, в их полках у них в те поры замешалось: почали в трубы трубить в великия для собрания силы и полков. И после той трубли собранной почали бить в граматы великия и в набаты, в роги и в цебылги* почали играть добре жалосно. А все знатно, что готовятся к приступу. А у всей пехоты их салдацкой и яныченской в барабаны бьют тихо. И разбиралися они в полках своих, и строились ночь всю до света. Как на дворех уже час дни, почали выступать полки ис станов своих. Знамена у них зацвели и праперы, как есть стали цветы многи. От труб великих и набатов неизреченной визг. Дивен и страшен приход их под Азов город! Никак того уже нельзя страшнее быти.

Перво под город к нам пришли к приступу немецкия 2 полковника с салдатами, а за ними пришел весь строй пехотной янычеcкой 150 000, потому и орда вся с пехотою к городу к приступу пришла. Крикнули столь смело и жестоко в приход их первой, приклонили к нам они все знамена свои и покрыли знаменами своими весь наш Азов город. Почали башни и стены топорами рубить и ломами великими ломать, а на стены многия по лестницам взошли: хотели нас взять того часу 1-го своими силами. В те поры уже у нас стала стрелба по них осадная из города, а до тех мест мы им молчали. В огне и в дыму не мочно у нас друг друга видеть: на обе стороны лише дым да огнь стоял, от стрелбы их огненой дым топился до неба. Как есть — страшная гроза небесная, когда бывает гром с молниею! Которые у нас подкопы были отведены за город для их приступного времени, и те наши подкопы от множества их неизреченных сил не устояли — все обвалились, не удержала силы их земля и крепость азовская. И уста наша кровию запеклись, не иваючи и не едаючи! На тех-то пропастех побито турецкой силы от нас многия тысящи: приведен у нас был весь снаряд на то подкопное место и набит был он весь у нас дробю, железными усечками. Убито у нас под стеною Азова города на том 1-ом приступе в тот 1 день турок 6 голов янычеcких, да 2 немецких полковников со всеми салдаты с 6000-ю. В тот же день, вышед, взяли мы у них на вылоске большое знаме царя их турскаго с клеймом ево. Паши его и полковники перво приступали всеми силами в тот 1 день весь день до вечера и зорею вечернюю. Убито у них в тот 1 день от нас под городом, окроме 6 голов янычеcких и 2 полковников немецких, 23 000, окроме раненых. И мы, казаки, вышед из города, оклали труп мертвой турецкой вкруг города выше пояса.

На 2 день в зорю вечернюю опять прислали к нам паши под Азов город толмачей своих, чтоб дать отобрать побитой труп, который побит от нас под стеною Азова города. А давали нам за всякую убитую янычеcкую голову по золотому червонному, а за голов и за полковников давали по 100 тарелей*. И войским за то не постояли им, не взяли у них ни сребра, ни злата: «Не продаем мы мертваго трупу николи. Не дорого нам ваше сребро и злато, дорога нам слава вечная! То вам, собакам, из Азова города от нас, казаков, игрушка первая, лише мы, молотцы, оружие свое прочистили. Всем вам, бусорманом, от нас то же будет, иным нам вас потчивать нечем — дело осадное!»

В тот 2 день боя у нас с ними не было. Отбирали они свои побитой труп целой день до вечера; выкопали они яму побитому своему трупу, глубокий ров, от города на 3 версты, а засыпали ево горою высокою и поставили над ними признаки многия босурманския и подписали на них языки многими разными.

И после того в 3 день опять к нам они, турки, под город пришли со всеми своими силами. Толко уже стали они вдали от нас, а приступу к нам не было. Зачали люди их пеши в тот день весть гору

высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. И тою горою высокою хотели нас живых накрыть и засыпать в Азове городе великими турецкими силами. И привели ту гору к нам в три дни. И мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, што от нее наша смерть будет, попрося у бога милости и пречистыя богородицы помощи и у предтечева образа* заступления, и призывая на помощь чюдотворцы московские, учиня мы меж собою последнее надгробное прощание друг з другом и со всеми православными крестьяне, малою своею дружиною 5000 пошли к ним из города на прямой бой против 300 000.

«Господь, сотворитель небу и земли, не выдай нечестивым создания рук своих. Видим от них, сильных, пред лицем смерть свою лютую: хотят нас живых покрыть горою высокою, видя пустоту нашу и безсилие, что нас в пустынях покинули все православные крестьяна, убоялись лица их страшнаго, великих сил турецких. И мы, бедныя, не отчая себе твоя владычняя милости, видя твоя щедроты великия, за твоею помощию божеиею, за веру крестьянскую умираючи, бьемся против сил болших, людей 300 000, за церкви божии, за все государьство Московское и за имя царьское».

Положа мы на себя все образы смертныя, выходили к ним на бой и единодушно крикнули, на бой вышед к ним: «С нами бог! Разумейте языцы и покаряйтеся, яко с нами бог!»

Как заслышали неверные изо уст наших то слово, что с нами бог, не устоял впрямь ни един человек против лица нашего, побежали все от горы своея высокия. Побили мы их, в тот час вышед, многия тысящи, взяли мы у них в те поры на вылоске на том бою у той горы 16 знамен однех яныческих, да 28 бочек пороху. Тем-то мы их порохом, подкопався под ту их гору высокую, разбросали всю ее, их же побило ею многие тысящи, а к нам их яныченей тем нашим подкопным порохом живых в город кинуло 1400 человек. Та их мудрость земляная с тех мест миновалась. Почали они от нас страшны быти.

В рати их почела меж их роздряга* быти великая. Паши ж турецкие почали крычать на царя крымского, что не ходит он к приступу с ордою с крымскою. Царево слово к пашам и турченям: «Иже ведомы нравы казачи и обычаи. Приступами нам их николи не имывать — в осадах казаки люди жестокосердые. Под светом таких людей не видано и не слыхано! Развее нам на единую их казачью голову давати своих голов по 1000».

По повелению пашей и умышленников-городоемцов повели янычены и все их войско и черныя мужики другую гору позади тое, болши прежней: в длину лучных 3 перестрела, а в вышину многим выше Азова града, а широта ей, как можно бросить на нея дважды каменем. И на той горе поставили весь снаряд свой пушечной и пехоту свою всю привели турецкую на ту гору,— 150 000, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почали с той горы из снаряду бить по Азову граду безпрестани день и нощ. И от пушек их аки страшный гром стоял, и огнь и дым топился от них до неба. 16 день и нощей

16 не премолк снарядь их пушечной ни на единой час! В те поры дни и нощи покоя нам от стрелбы их пушечной не было. Все наши азовские крепости роспались. Стены и башни все, и церковь предтечева, и полаты все до единыя розбили у нас по подошву самую, и снаряд наш пушечной переломали весь. Одна лише у нас во всем Азове городе церковь Николы чюдотворца в полы осталась. Потому ея столько осталось, что она стояла внизу добре, у моря под гору.

А мы от них сидели по ямам все и выглянуть нам из них нелзе. И мы в те поры зделали себе покой великой в земле под ними: под их валом дворы себе потайныя великие поделали. Ис тех мы потайных своих дворов подвели под них 28 подкопов, под их таборы, и теми мы подкопами себе учинили прямую избаву великую: выходили мы нощною порою на их пехоту яныческую, побивали мы их тем множество. Теми своими нощными выласками на их пехоту турецкую положили мы великой страх и урон большой учинили в людех их. И после того паши турецкие, смотря на наши те подкопные мудрости и осадные промыслы, повели они уже напротив к нам из своих табор 17 подкопов своих и хотели оне теми подкопами приттить к нам в ямы наши, да нас подавить своими людми великими. И мы милостию божиею устерегли все те подкопы их и под их подкопы зделали свои подкопы и подкатили пороху, и те их подкопы все взорвало и побило их, турецких людей, многие тысячи. С тех мест подкопная их мудрость вся уж миновалась. Постыли уж им те все подкопные промыслы!

А было от турок всех приступов к нам под город 24 приступа всеми их людми, окроме болшова приступа первово. Таковаго и смелаго и жестоково приступу не бывало к нам, ножами мы с ними резались в тот приступ.

Почали уже оне к нам метати в ямы наши ядра огненныя чиненыя и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуще приступов тесноты великия, побивали многих нас и опаливали. А после тех ядер огненных, вымышляя оне над нами умом своим, оставя оне вси уж мудрости, почели нас осиловать и доступать прямым боем, своими силами. Почали оне к нам на приступ присылать на всякий день людей своих, янычен по 10 000 человек, приступают к нам целой день до ночи. Ночь придет,— на перемену им придут другия 10 000 человек,— те уж к нам приступают ночь всю до света. Ни на един час не дадут покою нам! Оне бьются с переменою день и нощь, чтоб тою истомою осилеть нас. И от такова их к себе злого ухищреннаго промыслу, от бессония, и от тяжелых ран своих, и от всяких осадных лютых нуж, и от духу смраднаго от человеческаго трупия, отягчали мы все и изнемогли многими болезнями лютыми осадными. А се в мале дружине своей остались, уж стало переменитца некем,— ни на единой час отдохнуть нам не дадут!

И в те поры, отчаявши мы живот свой в Азове городе, в выручке своей безнадежны стали от человек. Толко себе чаем помощи от

вышняго бога. Прибежим, бедные, к своему помощнику предтечеву образу, пред ним, светом, розплачемся слезами горкими:

«Государь-свет, помощник наш, предтеча Христов Иоанн! По твоему светову изволению разорили мы гнездо змиево,— взяли Азов град,— побили мы в нем всех християнских мучителей и идолослужителей. И твой светов дом, Никола чудотворец, очистили и украсили ваши чудотворныя образы от своих грешных и недостойных рук. Без пения у нас по се поры перед вашими образы не бывало. Али мы вас, светов, прогневали чем, что опять хощете итти в руки бусурманския? На вас мы, светов, надеялись, в осаде в нем сидели, оставя всех своих товарыщев. А топерво от турок видим смерть свою лютую. Поморили нас безсонием: 14 дней и 14 нощей с ними безпрестани мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися и руки наши оборонныя уж не служат нам, от истомы уста наши не глаголют уж, от безпрестанныя стрелбы глаза наши выжгло, в них стреляючи порохом, язык уж наш во устах наших на бусурман закричать не воротится. Такое наше безсилие — не можем в руках своих никакова оружия держать, почитаем себя уже мы топерво за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будеть в осаде сиденья нашего. Топерво мы, бедныя, разставаемся с вашими чюдотворными иконами и со всеми християны православными. Не бывать уж нам на святой Руси! Смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, за веру християньскую, за имя царьское и все государство Московское.

Почали уже мы, атаманы и казаки, и удалые молотцы, и все великое Донское и Запорожское свирепое Войско прощатись:

«Прости нас, холопей своих грешных, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Росии самодержец. Вели, государь, помянуть души наши грешныя. Простите, государи, вси патриархи вселенские. Простите, государи, вси преосвященнии митрополиты. Простите, государи, вси архиепископы и епископы. Простите, государи, архимандриты и игумены. Простите, государи, протопопы и вси священницы и дьяконы и вси церковные причетники. Простите, государи, вси мниси и затворники.

Простите нас, вси святии отцы. Простите, государи, вси християне православные, поминайте наши души грешныя со своими праведными родители. На позор мы учинили государьству Московскому. Простите нас, леса темныя и дубравы зеленыя. Простите нас, поля чистые и тихия заводи. Простите нас, море Синее и реки быстрые. Прости нас, море Черное. Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать»[1].

Чтоб умереть не в ямах и по смерти б учинить на Руси слава вечная, взяли мы иконы чудотворныя, предтечину, да Николину,

---

[1] Это поэтическое место основано на народной, видимо казацкой, песне; влияние фольклора весьма заметно в стиле повести.

да пошли с ними противу бусурманов на выласку. И милостию божиею, и молитвою пречистыя богородицы, и заступлением небесных сил, и помощию их угодников предтечи Иоанна и Николы чудотворца, на выласке явно бусурманов побили, вдруг вышедши больши 6000. И видя то люди турецкие, что стоит над нами милость божия, что ни в чем осилеть не умеют нас, и с тех мест не почали уже присылать к приступу к нам людей своих янычен. А мы от тех мест от бед своих, от смертных ран и ран и от истомы их отдохнули в те дни и замертво повалялись.

А после того бою, погодя 3 дни, опять почели к нам толмачи их крычать, чтоб им говорить с нами, а то уж у нас речи не было, потому что язык наш от истомы нашея во устах наших не воротится. И оне, бусорманы, догадалися — к нам на стрелах почали ерлыки метать. А в ерлыках они в своих пишут — просят у нас пустова места азовскаго, а дают за нево выкупу на всяково молотца по 300 тарелей серебра чистово, да по 200 золотых червонных арапьских.— «А в том вам паши и полковники шертують* душею царя турского, что на отходе ни чем не тронут вас. Подите с сребром и з золотом в свои городки казачи к своим товарыщем, а нам лишь отдайте пустое место азовское».

И мы к ним напротив пишем:

«Не дорого нам ваше сребро и золото собаче похабное бусурманское, у нас в Азове и на Дону золота и серебра своего много. То нам, молотцомь дорого и надобно, чтоб наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкие. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки во все ваши краи бусурманские, чтобы вам было сказать, пришед от нас, за морем царю своему турскому глупому, каково приступать х казаку русскому. А сколко у нас в Азове городе розбили кирпичю и камени, и столко же взяли мы у вас турских голов ваших за порчю азовскую. В головах уже, да в костях ваших складем Азов город лутче прежнего! Протечет та наша слава молодецкая во веки по всему свету, что кладем город в головах ваших. Нашел ваш турской царь себе позор и укор до веку. Станем с него имать по всякой год уж вшестеро».

После тово уж нам от них полехчало,— приступу уж не было к нам. Сметись оне в своих силах, что их под Азовым побито многия тысящи.

А в сидение свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое, и чистоту телесную и душевную. Многие от нас людие искусные в осаде то видели во сне и вне сна ово жену прекрасну и светлолепну в багрянице светле на воздусе стояще посреди града Азова, ово мужа древна, власата, боса, в светлых ризах, взирающих на полки бусурманские. Та нас, мать божия богородица, не предала в руце бусорманские. И на них нам помощь явно дающе, в слух нам многим глаголюще умилным гласом:

«Мужайтеся казаки, а не ужасайтеся! Се бо град Азов от беззаконных агарен зловерием их обруган и суровством их, нечестивых,

престол предтечин и николин осквернен. Не токмо землю в Азове или престолы оскверниша, но и воздух их над ним отемнеша. Торжище тут им ничестиво християнское учиниша: разлучиша мужей от законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и матерей. От многово тово плача и рыдания земля вся христианская от них стоняху, а о чистых девах и о непорочных уста моя не могут изрещи, на их поругания смотря. И услыша бог моление их и плач, виде создание рук своих — православных христиан — зле погибающе, дал вам на бусорман отомщение: предал вам град сей и их в руце ваши. Не рекут нечестивыи: «где есть бог ваш христианской?» И вы, братие, не пецытеся, отжените весь страх от себя — не пояст вас николи бусорманский меч. Положите упование на бога приимете венец нетленной от Христа, а души ваши приимет бог. И имате царствовати со Христом во веки».

А то мы многия, атаманы и казаки, видели явно, что ото образа Иванна предтеча течаху от очей ево слезы многия по вся приступы, а в первой день в приступное время видеху лампаду, полну слез от ево образа. А на выласках от нас из града все видеша бусурманы, турки и крымцы и нагаи, мужа храбра и младова во одежде ратной со единем мечем голым на бою ходяще, множество бусурман побиваше. А наши очи то не видели, лише мы по утру по убитом знаем, что дело божие, не рук наших: пластаны люди турские, изсечены наполы. Сослана на их победа была с небеси, и они о том нас спрашивали: «Скажите нам, казаки, хто у вас из Азова города выезжают к нам в полки наши турецкие два младыя мужика в белых ризах, с мечами голыми? И побивают они у нас нашу силу турстцкую всю и пластают людей наших наполы во всей одежде». И мы про то им сказываем: «То выходят воеводы наши».

И всего нашего сиденья в Азове от турок в осаде было июня с 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 нощи.

А сентября в 26 день в нощи от Азова города турские паши и с турки и крымской царь со всеми своими силами за четыре часа до свету, возметясь окоянны и вострепетась, побежали никем нам гоними с вечным позором.

Пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошел в орду к себе, черкасы пошли в Кабарду, свое-то нагаи пошли в улусы.

И мы как послушали отход их с табор,— ходило нас, казаков, в те поры на таборы их 1000 человек. И взяли мы у них на их таборех в тое пору языков турок и татар живых 10 человек. А больных и раненых застали мы 2000. И нам те языки в роспросе и с пыток говорили все единодушно, от чево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами: «В нощи де в той с вечера было нам страшное видение. На небеси над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Русии, от вашего царства Московскаго. И стала она против самого табору нашего, а перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши, а в руках своих

держат мечи обнаженные, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали. Тою нощию и страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступы наши из Азова града,— пластали нас и в збруях наших надвое. От того-то страшного видения [побежали мы] без пашей наших и царя крымского с таборов».

А нам, казаком, в ту нощь в вечере видение всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древними, на одном власяница мохнатая. А сказывают [они] нам: «Побежали, казаки, паши турские и крымской царь ис табор, и пришла на них победа от Христа, сына божия, с небес от силы божии».

Да нам же сказывали языки те про изрон людей своих, что их побито от рук наших под Азовым городом. Писменнова люду убито однех у них мурзь и татар и янычан 96 000, кроме мужика черного. А нас всех, казаков, в осаде было в Азове граде толко пять тысящ 307 человек, а которые остались мы, холопи государевы, [от] осады той, и те все переранены. Нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидячи, за имя божие и за веру християнскую.

А тепер мы Войском всем Донским государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Росеи просим милости, сиделцы азовские и которые по Дону и в горотках живут, холопей своих, чтоб велел у нас принять с рук наших свою государеву вотчину Азов град для светов предтечина и николина образа, [потому] что им, светом, [у]годно тут всем Азовым градом заступити. И он, государь, от войны от татар [безопасен будет] и во веки, как сядут [его ратные люди] в Азове граде.

А мы, холопи его, которые остались у осады азовские,— все уж мы старцы увечные: с промыслы и боя уже не будет нас. А се обещание всех нас у предтечева образа в монастыре ево постричись, приняти образ мнишеский. За нас же государь станет бога молить до веку. А за ево государьскою тою к богу верою и ево государьскою высокою рукою обороныю оборонил нас бог от таких великих турских сил, а не нашим молодецким мужеством и промыслом.

А буде государь нас, холопей своих далных, [не] пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова града,— заплакав, нам ево покинути. Подымем мы, грешные, икону предтечеву, да пойдем с ним, светом, где нам он велит. А атамана поставим у ево образа,— тот у нас будет игуменом, а ясаула пострижем,— то[т] нам будет строителем. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим ево, предтечева образа,— помрем все тут до единого! Будет во веки славна лавра предтечева.

СИЛЛАБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРСТВО, ДРАМАТУРГИЯ И ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

О ПРЕМУДРОЙ МАСТРОТЕ* ЖИВОПИСУЮЩИХ

(из трактата об искусстве Иосифа Владимирова)

Иосиф Владимиров — друг известного живописца второй половины XVII в. Симона Федоровича Ушакова. В эстетическом трактате он защищает новые художественные взгляды и обличает устаревшие представления об искусстве некоего серба, архидьякона Иоанна Плешковича. В трактате утверждается необходимость «световидного» изображения жизни в ее соотнесенности с натурой. Иосиф Владимиров доказывает, что мудрый живописец, смотря на натуру, подобно солнечным лучам, освещает «чувствования» человека и его внешний облик и что «всякий образ или икона новая светло и румяно, тепно и живоподобне изображается». В связи с новыми веяниями Иосиф Владимиров отрицает безрассудное преклонение старине, «темнозрачие» в живописи, чего придерживались Плешкович и его единомышленники, и считает плодотворным усвоение опыта западноевропейского искусства.

Трактат написан в середине XVII в., он известен в пяти списках. Самый ранний список датируется 1660—1665 гг.; предполагают, что этот список редактировал Симон Ушаков. Отрывки печатаются по публикации: Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве // Древнерусское искусство. XVII век. — М., 1964.

...Внезапу в подкров твой пришед той сербский архидьякон и, пристав к слову, начат пререковати, и неистове поглядав на живописный у тебе образ Марии Магдалыни, и плюнув, рек: яко они таких световидных образов не приемлют, и сице пресечеся нама речь о живописании, да тако тогда и разыдохомся.

И от того часу внутренняя мя ревность непрестанно пострекает, и зело жалость мя снедает о сих, яко так и велицыи мнящеся в разуме быти, а многажды о сем премудром художестве живописующих недоумевают разсудити. Прости же и невежди отнюдь во иконописании бываемых не разумеют право или криво, что застряло, того и держатся. А еже что отдавно помрачено или обетшало, от сего наипаче вину* приемлют старину и смуглость похваляти. Живописанное же благообразие святых похуляют несмысленнии, яко же и сербичи той безместно быти судит премудрому и светлому святых икон живописанию.

Мню, яко от невежескаго его разсуждения тако мудрствует или от лукавого помышления хотя покусити ны, возмнев, яко Русии безрасудне, всякую старину любят и того ради иныя и неправописанье во иконах вещи не в лепоту за старинский обычай похваляют...

Есть убо таковыи умозрительные живописующих очеса солнечной быстрости приточны, егда солнце на аер взыдет, то вси стихия лучами осияет и весь воздух просветит. Такожде и мудрый живописец, егда на персонь чию на лице кому возрит, то вси чювственнии человека уды* во умных сии очесах предложит и потом на хартии или на ином чем вообразит. А на фегуру или образец всякой персони творя написует...

К тебе бо слово есть, Иоанне Плешковиче, безстудный лаятель,— вскую на церковныя благолепия люту рать воздвижеши и древнюю брань паки возбуждаеши?

Речешь ли, только единым Русом дано писати иконы и тому единому русскому иконописанию поклонятися, а от прочих земель икон святых не приимати, ни почитати сих. Егда ты тако мудрствуешь, яково же разумети хощеши о сих: есть бо во иностранных таков стяжательный нрав к любомудрию, наипаче же к сему премудрому живописанию прележит, и еже не токмо Христов или Богородичен образ на стенах и на дцках живоподобно пишут и на хартиях друковати* искуснии, но и земных царей своих персоней не презирают и в забвение не полагают. Ибо мужества ради во бранех словесы извествуют, делом же и образы их написуют, и всякия вещи и бытия в лицах поставляют и яко живых воображают.

И на тыя взирав друг друга вразумляют и младых детей своих изучают; изначала указуют им писания бытей, еже есть образ миротворения, и Адамово прельщения, и изгнания из рая, и бытия Моисеовы. Инии же пишут персони царей Исраилевых и пророк до Иоанна, Рождество, и Крещение, и Страсти, и деяния апостольская, и апокалипсис*, вся таковая яко жива изображают.

Потом царей римских и греческих, русских и перских, турских и ческих, и инех мнозех, кои каковыми обличии были и одеяния на себе носили, таковых воображают. И киждо язык своего си царя образ и испостась* знают и на тыя персони, яко на самых, показают и выславляют. И такими живописными вещьми во странах велию хвалу своим государям воздают и землям своим не малу честь приносят.

Меж всеми ж сими егда и нашего государя, росийскаго царя образ обрящется написан и идеж выдрукаван бывает в козмографиях или в геометрических чертежах, всех стран стольные грады и державцов тех персони от премудрых снискателей воображаются...

Аще у своеземцев или у иноземцов видаем Христов и Богородичен образ добре выдрукован или премудрым живописанием написан, ту многия любве и радости очеса наша наполняются, а не жидом подобяся неверием и завистию на Христов образ разжизаемся или укаряем, у иностранных видев добре иконы святых исписаны. Мы такия благодетельныя вещи паче всех земских вещей предпочитаем, и от рук иноземных любочестно искупуем, иныя ж и за великий дар испрашаем и приемлем Христово воображение на листех и на досках, любезно целуючи...

В премудром же живописании не тако у добрых майстров ведется. Всякой убо иконе, или персонам рещи человеческим, против всякого уда и гбежа* свойственный вид благоумными живописцы составляется, и тем всякий образ или икона новая светло и румяно, тенно и живоподобне воображается...

О ПРОСОДИИ СТИХОТВОРНОЙ

(из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого)

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого, впервые напечатанная в 1619 г. близ Вильны (Вильнюса), несколько раз переиздавалась в Москве, начиная с 1649 г. Это учебное пособие пользовалось широкой известностью на Украине, в Белоруссии, России и у южных славян — в Болгарии и Сербии. В России до появления грамматики М. В. Ломоносова она была основным учебным пособием. В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого имеется специальный раздел «О просодии стихотворной», посвященный теории метрического стихосложения. По этой грамматике усваивались основы словесности, знакомились со стиховедческими терминами и понятиями. Не случайно М. В. Ломоносов назвал «Грамматику» Мелетия Смотрицкого, наряду с «Псалтырью рифмотворной» Симеона Полоцкого и «Арифметикой» Магницкого, «вратами своей учености».

Текст отрывков печатается по московскому изданию 1721 г.

Матфий Стрийковский[1], каноник самоитский, дей славенских хронограф достоверный, в четвертой своея хронологии князе пишет: «Овидиа славнаго онаго литинскаго пииту в заточении сарматских народов[2] бывша и языку их совершенне навыкша, славенским диалектом за чистое его красное и любоприемное стихи или вирши писавша».

Занеже возможну стихотворну художеству в словенском языце и аз быти судив, по силе вкратце правила его по мне тожде искуснее творите хотящим, божию помощию предлагаю.

Что есть просодиа. Просодиа есть четвертая грамматики часть, юже разделихом на орфографиину, из гласа писменнаго во глаголании, или во писание припетие изменное быти юже рекохом, и на просодиину, юже художество стихотворное под метром или мерою слогов количества быти глаголем.

Како во познание стихотворения приити можем. С[т]их состоит ногами[3], нога слогами, слози стихиами, или писмены. Заеже познанием писмен, слогов и ног во стихотворения познание приидем. И о письменех убо и слогах во орфографии довольнее. Здеже о количестве слогов, о ног собстве и о стихов родех. Вократце же и о писменех...

О степенех. Стихотворныя меры. Кратких, долгих и общих слогов сказанию предложену бывшу, на стоит прочее о степенех из слогов о стисех из степеней состоящих сказание.

О степени. Степень есть мера известная в количестве слогов блюдомая, или степень есть мерителное слогов состояние.

---

[1] *Матфий Стрийковский* (Матвей Стрыйковский) — польский хронист второй половины XVI в.

[2] Страна между Доном и Дунаем была населена до нашествия гуннов различными племенами, в том числе и славянскими; эти племена назывались *сарматами*.

[3] *Стих состоит ногами,* т. е. состоит из стоп.

О числе степеней. Многих и различных родов стихов деля, сту- двадесяти четырем степенем числимым, избраншии их суть двадесять и осмь: двосложнии четыри, тресложных осмь, четыресложных шестьнадесять. И сия мы третьяго чина степени оставляем, яко мнее славян употреблению служащия.

Двосложнии.

Трохей — ◡́ ◡ — яко се́рдце, те́ло
Иамб — ◡ ◡́ — яко коры́сть

Трисложнии.

Дактил — ◡́ ◡ ◡ — яко бы́лие, че́рпало
Анапест — ◡ ◡ ◡́ — яко неплоды́, ходата́й
Амфибрахий — ◡ ◡́ ◡ — яко точи́ло, врети́ще ...

Колико суть стихов роди. Единонадесяти роди суть стихов: мы же зде о седми изряднейших сказание предложим, иже суть екзаметр, или иройский, пентаметр, или елегийский, иамвийский, сапфийский, фалиский, или единнадесятосложный[1], гликонский, хориамвийский, асклипиадский.

О роде стиха иройскаго, или шестомернаго. Иройский стих состоит шестми степенми, их же пятый дактиль есть, шестый спондий, прочии дактили или спондии, яко:

Сорматски новрастыя мусы стопу перву,
тщащуюся Парнас во обитель вечну заяти,
христе царю, прийми, и благоволив, тебе со отцем
и духом святым пети учи российский род наш
чистыми меры славенски имны...

Заключение. Сия зде о художестве пиитичестем вкратце предложишася, не толико ради употребления, елико ведения.

Ибо аще у древних еллин и латин и в велицем почтении бяше (по свидетельству многих историков) обыче нане за трудность многоми едва не оставлена, на лучший плод иных художеств нужнейших время златое жития своего определившими. Извляяй же о сей пространнее изведати, да читает греческих Омира и Исиода, латинских Овидия, Виргилия и прочих, и оными может удовольствоватися до сытости.

---

[1] Т. е. одиннадцатисложный.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО

Сборник нравоучительных рассказов был переведен с польского языка на русский в 1677 г. В Европе он был широко распространен вначале под названием «Speculum exemplorum», изданным в Нидерландах в 1481 г., а затем с дополнением — «Speculum magnum exemplorum», который и был переведен в начале XVII в. на польский язык. На русском языке большой по объему сборник полностью не издавался. Извлечения из сборника печатаются по исследованию О. А. Державиной «Великое зерцало» и его судьба на русской почве» (М., 1965).

СИЯ КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО, ДУХОВНЫЯ ПРИКЛАДЫ И ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЯ ПОВЕСТИ, НОВОПЕРЕВЕДЕННЫЯ ОТ ВЕЛИКОГО ЗЕРЦАЛА В ЧЕСТЬ И СЛАВУ БОГУ И ЧЕЛОВЕКОМ В ДУШЕВНУЮ ПОЛЬЗУ

О СЛАВЕ НЕБЕСНОЙ И РАДОСТИ ПРАВЕДНЫХ ВЕЧНЕЙ. ГЛАВА 35

Некий совершенный в добродетелех инок вниде в размышление, хотя ведати о славе небесней, и како тысяща лет пред господем яко день един. И о сем ему непрестанно пекущуся и молящуся усердно. И некогда стоящу ему в церкви о сем размышляющу, видит: и се влете некий малый и зело прекрасный птиц и таковы благолепный, иже и поятию человеческаго разума непостижный. Инок же зело птицу удивися и желанием уязвися, хотя разсмотрити красоты его, и прииде близ того, птиц же отлете. И той шествуя по нем, и птиц излете на праг церковный, и старец приближися к нему, и птищ излете из церкви, и старец изыде. И показася ему, яко бы изшедши точию вне монастыря, и бе ту прекрасных цветов поле и древие чудное. И птиц возлете на древо, нача чудно и сладконесненно пети, яко в забытие приити иноку: не ведый колико стоя, токмо радуяся и веселящася птица красоте и песней и оному чудному и цветовидному полю, мняше точию, яко между святыя литургии и трапезнаго вкушения медлению быти...

[Далее рассказывается, что инок, сам того не замечая, прослушал чудесного пения 300 лет, и когда вернулся в монастырь, то его не могли признать и монахи удивлялись его воспоминаниям трехсотлетней давности, только игумен сообразил, в чем дело.]

...Игумен же прозорлив сый разуме, что ему бысть, удивися зело величию божию и возрадовася душею и рече: «Преблажен еси, господине отче, великия благодати удостоился еси от бога, еже видети славу и веселие праведных, иже триста лет за три часа не вмениша ти ся». И восприем его введе в монастырь и созва братию, повеле паки вся яже о себе сказати. Сия братия слышавше, в радости и умилении начаша многи слезы проливати и тоя славы приложиша к трудом доступати. Старец же оный пребы точию три дни в монастыре и преставися в совершенную и вечную радость, иже уготова бог любящим его.

О УЧАЩИХСЯ ЗЛЫМ ЧАРОДЕЙСКИМ КНИГАМ И ЧЕРНОКНИЖНЫМ НАУКАМ. ГЛАВА 137

В Толете граде Гишпаньского государства удивлению достойное дело сотворися. По обыклости бо тамо живущих от многих стран в сие господарство учения ради приезжаху. В сем же граде Толете между добрых училищ училище чернокнижным наукам, юноши же неции от Свении и от Баварии в сем училищи дел неприязненых учахуся и во учении том дивныя и ко уверению неподобныя речи слышавше...

[Далее рассказывается, как ученики такого училища потребовали от своего учителя, чтобы он показал воочию «действо дел сатанинских».]

...Егда же прииде день нареченный, изведе их вне града на поле и мечем своим черту круглую окрест их сотвори, завеща же под лишением здравия живота, да пребудут в черте со всякою твердостию и безстрашием непоступно, ниже какову льщению и страхованию подпадати, и ниже что прияти или подати, со всеми силами укрепитися и от всего охраняяся, стояти. И тако во окружении оном утвердив их, отиде вмале подале, нача проклятою наукою своею демонов призывати и многое множество обычаем воинских полков демонов показася. Обступиша же круг оный, начаша ко юношам приступати, из луков и пищалей замеряти, копиями верзати и мечьми, близ приезжающе, наполы хотяше их разсекати и всеми образы устрашающе нестерпимо хотяще сих из черты изгнати.

И не учинивши по своему зломыслию сим образом воины злобы своея, действо применишася, воинство же яко отиде. И придоша лики девиц прекрасных, не удобь сказуемых лепотою, зело украшены одеждами, и начаше танцы строити, и всяко преблажняти, юноши к себе позывающе. Едина же от них прекраснейшая изобретши единаго от них улюби и непрестанно к нему приступала, позывая с собою плясати и между собою лобызание дати. Подая же ему многоценный и дивно устроенный перстень, и тако от внутрь распали его к себе любовию, тела своего льщением и прегибанием, от вне же улакомися доброты видением, и тако прельсти юношу, ибо не утерпе в округлости стоя, руку от нея же палец к возложению перстня за круг оной девке простре. И абие от тоя восхищен из оного круга в мегновении ока и к тому клеврети его не узреша. Итако собрание оно бесовское корысть получивши и ветр применися и не явленно сотворися.

Видевше же оставшии ученици юноши онии клеврета своего восхищенна от врага, страхом великим объяти быша, начаша друг друга держатися и вопити. Слышав же сие, учитель их прибеже, поносяя нетерпению их. Они же, узревше его, начаша лаяти и злословити о погибели товарища своего...

[Далее рассказывается, как учитель договаривается с главным сатаной о возвращении похищенного бесами юноши.]

...Князь же демоньский отда его учителю, и все собрание оно разсыпася. Учитель же яко сокровище велико ученика обрете, зело урадовася, но вмале познаваше его, ибо яко мертвец много времени во гробе лежащ видеся. Приведе же его ко клевретом его, узревши его, зело ужасошася, бе бо видение его страха и умиления полно, и едва познаша его, весма суща изнуренна и истомленна. Сей едва в память прииде сверстником своим же видев в геенне страшныя грешником муки с великими слезами и умилением исповеда, и паче яко зело сие злое и проклятое учение над вся грехи мерзско и досадително богу, и тако клевретов своих увеща остатися от таковаго злаго начинания и учения и во страсе божии жити, сам же оставя все бысть монах крепкожительный и добродетельный.

КАКО МЕРТВИИ ЗА ИЕРЕЯ ПОМИНАЮЩАГО ИХ ВСТУПИШАСЯ. ГЛАВА 230

...Священник некий добродетелный обыче за души умерших творити святую литургию. И того ради овадиша его епископу, он же отлучи его от достоинства священническа. И в некоторый великий знаменитый день идущу епископу тому ко заутрени мимо гробов умерших, видит, яко вси умершии, в том месте погребени, противу его восташа кождо во своей уряде, аще кто воин или художник, с сим ко епископу, яко вооружишеся, и глаголют: «Ты, епископе, ни единыя о нас когда жертвы спасения принесл еси ко господу богу, а к тому и приятеля нашего иерея оного отъя, и возвещаем ти, аще не исправишися, то безвременно умреши». Слышав же сия, епископ не точию попа разреши, но и сам непристанную память и литоргии святыя име по умерших.

КАКО МАКСИМИЛИАН ПЕРВЫ КЕСАРЬ РИМСКИЙ ВИДЕ ДИАВОЛА, СИДЯЩА НА ПЛЕЩУ РАЗВРАТНИКА МАРТИНА ЛЮТЕРА. ГЛАВА 239

Егда кесарь Максимилиан первый того имене во Ошкургу советование свое царское правя и в год его царского обеда дверем сущим отверстым полаты тоя, идеже кушал, всякому внити невозбранно повелевая, тогда во множестве иных в столовую ону полату вниде Мартин Лютор. Кесарь же присмотрися и уведа, кто сей есть, нача позирати нань, посем прилежнее зря, рече к некоему от предстоящих и от ближних человек сущу чином кравчему: «Иди и ближае приступи ко оному мниху, указуя на Мартина, и смотри прилежно от главы до ножных стоп его и от стоп до главы со всяким прилежанием зри и еже узриши повеждь ми». Великий же он кесарьский ближний человек шед со всяким прилежанием оглядав Мартина...

[Далее говорится, что посланный ничего особенного не заметил.]

...Тогда рече кесарь: «Аще еси не видел, ниже видети можеши, то аз еще вижду, за еже благость божия откры ми,— сказую вам:

вижду злаго демона, мрачнаго нечистаго духа на плещу оного мниха седяща, и ты сего в животе своем достигнеши, аз же первее умру. Сей монах проклятый велие сотворит христианом развращение и многи отторгнет от благочестия и великое содеет несогласие». Человек же он великочестный и инии мнози великия князи, приседящии кесарьстей трапезе приемше сие, в книги вписаша, последи же збыстся провозвестие сие, егда изыде от лютого того тминьское многое развращение слабое же и удобопадежное учение.

БАСНИ ЭЗОПА

Басни Эзопа были переведены с древнегреческого на русский язык в 1608—1609 гг «государевым толмачем Федором Касьяновым сыном Гозвинским». Первый перевод назывался «Книга, глаголема Езоп, по-руски, а по-гречески стихослов, еллински вирши...». Каждая басня сопровождается кратким пояснением ее смысла применительно к человеческим нравам. Сборник открывался «Виршами на Эзопа», сочиненными Ф. Гозвинским, в которых говорится о личности Эзопа, значении и жанровой природе его басен:

Баснослагатель Эзоп не украшен образом,
Прочитаи же сего обрящется с разумом;
Плоть — сосудец его и не зело честна,
Но душа в нем живущая зело изящна.
Пиша притчами сими зверския нравы
И в них изображает человеческие справы:
Птицами и рыбами поставль основание
И над баснами творит нам истолкование.

В 1674 г. в Москве переведено 133 басни Эзопа с немецкого языка А. Виниусом, а в 1675 г — в Симбирске с польского языка Петром Кашинским. Басни Эзопа входили в сборники XVII в. наряду с русскими пословицами и повестями, с притчами «Стефанит и Ихнилат» и другими переводными произведениями. До сих пор не было ни одной полной публикации даже первого перевода басен Эзопа. В настоящем издании басни Эзопа печатаются в переводе Ф. К. Гозвинского по рукописи XVII в. (ГБЛ, Музейное собрание, ф. 299 № 249)

О КОМАРЕ И О ЛВЕ

Комар пришед ко лву, рече: «Ниже боюся тя, ниже сильнейши еси мене, аще и укусишь мя, кая ти есть сила и крепость, яко дрожиши ногами и грызеши зубами. Сие же на службах бранящиеся творят. Аз же зело есть тебе сильнейши, аще же хощеши, изыдем на брань». И вострубив, комар полете, угрызая окрест носа его, безвласное лвово лице грызый. Лев же своими ногтями драше самого себе, донележе изнемог, лежаше. Комар же, победив лва, вослруби и бедную песнь воспев, полете. Паук же сеть извязав паучиную. Во ню же летя комар впаде, и паук его снеде. Снедаемый же комар плакаше: «Яко с великими воюяися, от малаго животнаго паука погибох».

Толк. Притча к победившим великих, от малых же низложенных.

О КОНИКЕ, СИРЕЧЬ О КУЗНЕЧИКЕ, И О МУРАВЛЕ

Во время осени и зимы пшеница поспеющим муравли зимою от трудов своих питахуся. Коники же умирающе просиша у муравлей пища. Муравли же рекоша к ним: «Чесо ради весною не собирали есте пищи?» Они же рекоша: «Недосуг было, ибо в мусики играюще пехом». Муравли же, восмеяшась, глаголюще: «Но аще в весненное время пелесте играюще, ныне, зимою, согревающе пляшете».

Толк. Притча являет, яко не подобает никому же с небрежением всяко вещи жити, да некогда со скорбию бедствовати будете.

О ЛИСИЦЕ И О КОЗЛЕ

Лисица и козел жаждуще влезоша в кладез. И егда напившися, козел смотряше и, неизходное место видев, усумъвнеся оттуду изысти. Лисица же рече: «Дерзаи, козле, потребное аз нечто убо имать себе и тебе к свобождению умыслих. Стани прост, предние ноги к стене приложщи, и роги такожде наперед поклонивши. Аз же потеку, скочив чрез твои плечи и роги, и из кладезя тамо изскочив, посем и тебя отселя извлеку». Козел же увери словесем ея, сие дело готово сотвори. Она же, тако от кладезя по его плечам искочивши, скакаше окрест устия кладезнаго, веселяшися. Козел ю обличаше, яко преступила есть обеты и не сотвори по своему завету. Лисица же к нему рече: «Но аще бысть толику разуму имел, о козле, елико в своей браде имееш власов, не первие вшел бы еси в кладез, прежде даже не размотрив низходное от него».

Толк. Притча являет, яко тако и разумному мужу подобает преже конец зрети вещеи, по сем же тако к вещем приступати.

О ВОЛКЕ И О ЖАРАВЛЕ

Волку в шее кость увязне, жаравлю мзду дати обещав, аще главу свою вложи, кость из шеи волчьи извлечет. И жаравль на мзде долгою своею шеею извлекши кость от злестраждущаго волка мзды прошаше. Волк же возсмеявся и зубами стискная рече: «Довлеет ти ся мзда едина, яко от волчих уст и зубов всеядных изнесл еси главу свою целу, ничто же не пострадавши».

Толк. Притча к мужем, иже от бед спасшеся когда, благодетелем же сицевая воздают злобою благодать.

О ЛАСТОВИЦЕ

Ластовица с вороною о красоте пряхуся. Отвещавши же ворона к ластовице рече: но убо твоя красота в весеннее время процветает, мое же тело зиму удобь претерпевает.

Толк. Притча знаменует, яко крепость плоти лутчи есть благолепия.

ФАЦЕЦИИ

Фацеции, или жарты,— небольшие шуточные рассказы и забавные анекдоты. Они переведены с польского языка на русский в конце XVII в. В Польшу они попали из популярного в Европе сборника итальянского писателя XV в. Паджо Брачолини. *Текст печатается по исследованию:* Державина О. А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века.— М., 1962.

О НЕКОЕМ СЕЛЯНИНЕ, ИЖЕ СЫНА СВОЕГО В НАУЧЕНИЕ ПРЕДАДЕ

Селянин некий со множеством имения предаде сына во учение словесного наказания во едину от краковских школ, но сын в праздности пребывая, не латински глаголати желах, но иде же рюмки гремят, тамо пребывал и изнури все, еже ему отец даде, возвратися ко отцу, еже хотя еще взяти от отца. Отец же, аще и простяк, но помысли: «Вда много, а еще просит. В толикой тщете будет ли что лутчшее в сыне?» И хотя сына вопросити, како что по латыни, но не ведяше. Прилучися же ему во оно время навоз копати, сыну же стоящу на празе и дивящуся трудам его. Отец же вопроси: «Сыне, како по латине вилы, навоз, телега?» Сын отвеща: «Отче, вилы по латыни видлатус, гной — гнаатус, воз — возатус». Отец аще и неведок, обаче уразумел, яко сын за школою учился, а не в школе, удари его вилами в лоб и вда ему вилы в руки, глаголя: «Отселе учися вместо школы в хлеве: возьми видлатус в рукатус и клади гнаатус на возатус и будет ти видлатус ператус».

Не вскоре будет философ,
Кто сердцем привязан у сох.

О ТАТЕ, ИЖЕ ПРИДЕ КРАСТИ ПИАНИЦУ

Тать красти влезе в дом некоего пияницы, иже все еже име стяжание без остатку пропи, обаче пияный оный услыша татя в дому ходяща и ищуща, что взяти, ничесоже обретающа, изыде к нему и рече: «Брате, не вем чесого зде в нощи ищеши, аз уже и в день обрести ничего не могу».

Пуст весьма той дом бывает,
Кто все охотно в пиянстве пребывает.

О ПЕКШЕМ ЯЙЦО НА СВЕЩИ

Некий старец имеяше у себе единого ученика. Во едино время по обычаю своему иде старец в церковь на молитву, единого ученика в келии оставив. Ученик же его, видев яйца лежащи много и чая, яко старец его не скоро из церкви приидет, и взяв едино яйцо, хотяще испещи на углех, но бояся, егда како старец скоро приидет в келию и услышит смрад и оскорбит его. И сице домыслися: взем ниту и яйце по концам увяза и возжег свещу, печаше яйцо на свещи, того ради, дабы смрада в келии не было. Внезапу толкнув в двери старец и в келию вниде, и видев его сице творяше, сварися на него

вельми и удивляся новому и необыкновенному печению яйца и рече ему: «Бес ли тя научи тако творити?» Той же поклонився ему и убоявся старца отвеща ему и рече: «Воистину, отче, той мя научи и сотворил». Бес же невидимо в угле храмины начаша вопити: «Напрасно оклеветаеши мя. Аз убо аще и многолетен есмь и многокознен и многопрелестен, но сицевыя штуки не видев, ниже в уме моем когда помыслил у иного кого прежде сего видех. Сего ради и сам сему присматриваюся и великим удивлением удивляюся». Тогда ученик паде на ногу старцу, прося прощения, глаголя: «Простя мя, отче, господа ради, яко ото своея мысли соблазнихся и сотворих сие».

Воистину не всякому злу демон нас научает,
Егда кой человек сам в злых делех присно пребывает

ЖЕНА ГРАМОТЕ НАУЧИЛА МЕДВЕДЯ

Некий благоплеменитый человек честный, имея в селе своем попа и по некоему оклеветанию разгневася на него и повеле взяти на нем великую пеню. Поп же милый прося да отпустить ему. Он же рече: «Аще не хощеши дати пени, то научи медведя грамоте». Пришед убо поп в дом свой зело печален, попадья же вопроси о прилучаи нашедшия печали. Он же извести ей, како господин пеню возложи и даде ми во двоем на волю — или пеню дати, или медведя грамоте научити, и како сие обое тяжко и неудобно, паче же грамоте зверя учити. Слыша сие попадья рече: «Господине мужу, паче удобнее грамоте научити медведя, неже толикую пеню платити. Аз ти сие сотворю и не во многое время медведя грамоте изучю». Поп сему обрадовася, взем у господина медведя, приведе его в дом свой. Попадья же прикормила прежде медведя и приучила к себе, и прием книгу, прокладывала между листами блинами и учила медведя блинов искать, листы обращати и моркотати, и тако его за блинами выучила книгу держати и листы превращати. Поп, видя сие, хитрости жены удивися, приведе медведя к господину и, показуя учение, посади медведя, даде книгу. Медведь же яко обыче блинов искати, нача листы обращати и говорил по книге по своему языку: «Мру, мру, мру!» Господин же зело увеселися о сем и вину попу остави.

Того ради можеши молвить смеле,
Иже жена хитрое зелье.

МУЖ УТОПШУЮ ЖЕНУ ПРОТИВУ ВОДЫ ИЩЕТ

У некоего мужа жена бе зело упорна, всегда противно ему глаголющи. И некогда случися им итти через реку, и жена утопе. Он же многих наят з баграми, повеле сию искати противу воды. Человецы же зрящи глаголют ему: «Что,— рече,— тако противу обычая твориши? Когда повелось кому мертвому противу воды плыти?» Он же рече: «Вем аз жены моей обычай, яко жива будучи не згодися со

мною, и в пригоде сей тако о ней разумею, яко зело бе упряма, того ради противу воды плыти ей».

Верь ми, егда жену получиши упряму и сварливу,
Не даст ти поспати, яко кашель во всю ношную годину.

КАК МУЖА ЖЕНА ПОМИНАЛА

Веси единыя житель, умирая, завеща жене продати вола по смерти своей, иже зань возмет роздати неимущим по души его. Жена, виде кончину мужа своего, зело плакала и обещася сие сотворити, и не точию сие, рече сотворю, но и от своих утварей продам и дам о души твоей. И егда умре муж, погребши его, приведе быка продавати во град, взя же с собою и кота домового продати. Прииде же резчик, сиречь мясник, нача вола торговати и вопроси, что дати. И отвеща жена: «Дай ми, господине, зань точию един грош». И дивися сему резчик, прилежно зря на ню, и вопроси: «Продаеши ли, рече, или глумишися?» Она же паки рече: «Истинно отдам за един грош, точию без кота не продам его, понеже положих слово купно сих обоих продать во едино время». И резчик вопроси: «Что же за кота дати?» Отвеща: «Четыре златых, меньши отнюдь не возьму». Мясник же размышляя, аще кот и дорог, но ради вола купити, и тако даде за вола грош, а за кота четыре златых. Жена, приимши цену, прииде в весь, идеже живяше, и еже взя за кота, положи на иждивение, а грош, иже взя за вола, по завещанию мужа, отдаде за душу его.

Таковы жены по смерти мужей бывают,
Како лукаво души их поминают.

СИЛЛАБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРСТВО

ВИРШИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Симеон Полоцкий (1629—1680), белорус по национальности, сыграл большую роль в истории русской литературы и просвещения. Он считается основателем русского силлабического стихосложения и одним из зачинателей русской драматургии. Ему принадлежат многочисленные вирши, объединенные в сборниках «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», «Псалтырь рифмотворная», «Орел Российский», драмы «Комедия притчи о Блудном сыне» и «Комедия о царе Навуходоносоре», многие слова и поучения, богословско-полемические статьи. Полностью сочинения Полоцкого еще не издавались.

В сборнике «Вертоград многоцветный» (*вертоград* — сад) разнообразные по темам стихи предназначались для того, чтобы, развлекая, поучать и просвещать, быть своеобразным стихотворным энциклопедическим или толковым словарем. «Рифмологион» — это сборник стихотворных приветствий и пожеланий царю, царской семье и приближенным ко двору лицам. «Рифмотворная псалтырь», оказавшая большое влияние на юного М. В. Ломоносова,— это сборник переложенных на силлабические стихи псалмов. В 1680 г. певчий дьяк В. П. Титов на эти псалмы написал музыку.

В хрестоматии печатаются отрывки из сборников «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион» по изданию: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения / Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина.— М.; Л., 1953.

ПРИВЕТСТВО БЛАГОЧЕСТИВЕЙШЕМУ, ТИШАЙШЕМУ, САМОДЕРЖАВНЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСИЮ МИХАЙЛОВИЧУ, ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ О ВСЕЛЕНИИ ЕГО БЛАГОПОЛУЧНОМ В ДОМ, ВЕЛИИМ ИЖДИВЕНИЕМ, ПРЕДИВНОЮ ХИТРОСТИЮ, ПРЕЧЮДНОЮ КРАСОТОЮ В СЕЛЕ КОЛОМЕНСКОМ НОВОСОЗДАННЫЙ[1]

Добрый обычай в мире содержится:
В дом новозданный аще кто вселится,
Вси друзи его ему приветствуют,
Благополучно жити усерствуют,
И дары носят от сребра и злата,
И хлеб, да будет богата полата.
Нищ ли кто в злато, руце воздевает
К богу и молбы теплы возсылает,
Да подаст здраво и щастливо жити,
Имже даде в дом новый ся вселити.
Аз сей обычай честный похваляю
И сам усердно ему подражаю,
Видя в дом новый ваше вселение,
В дом, иже миру есть удивление,
В дом, зело красный, прехитро созданный,
Честности царстей лепо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной полате.
Аще же древо зде не есть кедрово,
Но стоит за кедр, истинно то слово;
А злато везде пресветло блистает,
Царский дом быти лепота являет.
Написания егда возглядаю,
Много историй чюдных познаваю;
Четыре части мира написаны,
Аки на меди хитро изваяны.

---

[1] «Приветство» написано в связи с завершением строительства царского дворца в с. Коломенском (ныне это село входит в черту Москвы). Постройка была начата в 1666 г. и окончена в 1671 г. Дворец поражал современников своей красотой и изощренностью. В нем было 270 комнат, 3000 окон. Сохранившиеся рисунок Ф. Гильфердинга, акварель Д. Кваренги и деревянная модель Д. Смирнова могут лишь приблизительно передать сказочную роскошь дворца. Терема, башенки, живописные кровли разных типов, шатровые навесы над крыльцами, витые столбики, затейливые решетки, крашеная золоченая резьба, резные ставни и карнизы, фантастические изображения зверей, птиц, растений, печи из ярких цветных изразцов, дубовые резные лавки, зеркала и слюдяные окна — все это производило потрясающее впечатление. Коломенский дворец — образец стиля барокко в русском искусстве.

Зодий небесный чюдно написася[1],
Образы свойств си лепо знаменася;
И части лета суть изображены,
Яко достоит, чинно положены;
И ина многа дом сей украшают,
Разумы зрящих зело удивляют.
Множество цветов живонаписанных
И острым хитро длатом изваaных,
Удивлятися всяк ум понуждает,
Правый бо цветник быти ся являет.
Едва светлее рай бе украшенный,
Иже вначале богом насажденный.
Дом Соломонов тем славен без меры,
Яко ванны* име в себе зверы.
И зде суть мнози, к тому и рикают,
Яко живии лви глас испущают,
Очеса движут, зияют устами,
Видится, хощут ходити ногами.
Страх приступити, тако устроенни,
Аки живии лви суть посажденни[2].
Окна, яко звезд лик в небе сияет,
Драгая слюдва, что сребро, блистает.
Множество жилищ градови равнится,
Вся же прекрасна,— кто не удивится!
А инех красот не леть ми вещати,
Ум бо мой худый не может объяти.
Единем словом, дом есть совершенный,
Царю великому достойне строенный;
По царстей чести и дом зело честный,
Несть лучши его, разве дом небесный.
Седьмь дивных вещей древний мир читаше[3],
Осмый див сей дом время имать наше...

КУПЕЦТВО

Чин купецкий без греха едва может быти,
На многи бо я злобы, враг обыче лстити;
Изряднее лакомство в купцех обитает,
Еже в многия грехи оны убеждает.

---

[1] Имеются в виду 12 созвездий зодиака: Овен (агнец), Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы. С. Полоцкий Козерога называет «козлом рогатым» и имеет в виду турецкого султана Мухаммета IV.

[2] В подражание библейскому дворцу Соломона были сооружены «живые львы», которые двигали глазами, рычали, открывали пасти; туловища их были медные, оклеенные бараньими шкурами под львиную стать. Весь этот механизм приводился в движение из соседней комнаты.

[3] Имеется в виду 7 чудес мира: египетские пирамиды, храм Артемиды в Эфесе, висячие сады Семирамиды, статуя Зевса работы Фидия, мавзолей в Галикарнасе, колосс в Родосе, Фарос (маяк) в Александрии.

Во-первых, всякий купец усердно желает,
Малоценно да купит, драго да прода́ет.
Грех же есть велий драгость велию творити,
Малый прибыток леть* есть без греха строи́ти.
Вторый грех в купцех часто есть лживое слово,
Еже ближняго в вещех прелстити готово.
Третий есть клятва во лжу, а та умноже́нна,
Паче песка на брезе морстем положе́нна.
Четвертый грех татбою излише бывает,
Таже в мире в мерилех часто ся свершает,—
Ибо они купуют во меру велику,
А внегда продаяти — ставят не толику;
Инии аще меру и праву имеют,
Но неправо мерити вся вещы умеют;
Инии хитростию вещы отягчают,
Мочаще я, неции худыя мешают.
А вся сия без греха немощна суть быти,
Яко бог возбраняет сих лукавств творити.
Пятый есть грех: неции лихоимство деют,
Егда цену болшити за время умеют.
Елма* бо мзды чрез время неко ожидают,
Тогда цену вящшую в куплях поставляют.
Шестый грех, егда куплю являют благую,
Потом лестно ставляют ину вещь худую.
Седмый грех, яко порок вещы сокрывают,
Вещь худшую за добру купующым да́ют.
Осмый — яко темная места устрояют,
Да худыми куплями ближния прелщают,
Да во темности порок купли не узрится,
И тако давый сребро в купли да прелстится.
О, сынове тмы люты! Что сия творите?
Лстяще ближния вашы, сами ся морите.
В тму кромешную за тму будете ввержени,
От света присносущна вечно отлучени!
Отложите дела тмы, во свете ходите,
Да взидите на небо небесно живите!

МОНАХ

Монаху подобает в келии седети,
Во посте молитися, нищету терпети,
Искушения врагов силно побеждати
И похоти плотския труды умерщвляти,—
Аще хощет в небеси мзду вечную взяти,
Неоскудным богатством преобиловати.
Пагубно же оному по граде ходити,
Из едина в другий дом переходяще пити.
Но увы безчиния! Благ чин погубися,
Иночество в безчинство в многих преложися.

О честных несть зде слово: тыя почитаю,
    Безчинныя точию с плачем обличаю.
Не толико миряне чревы работают,
    Елико то монаси поят, насыщают.
Постное избравши житие водити,
    На то устремишася, дабы ясти, пити...
Множицею есть зрети по стогнам лежащих,
    Изблевавших питие и на свет не зрящих,
Мнози колесницами возими бывают,
    Полма* мертвии суще, народ соблазняют.
Мнози от вина буи скверносновят зело,
    Лают, клевещут, срамят и честныя смело...
Оле развращения! ах, соблазнь велика!
    Како стерпети может небесе владыка!
В одеждах овчих волци хищнии бывают,
    Чреву работающе, духом погибают.
Узриши еще в ризы кра́сны облеченны,
    Иже во убожество полное стрижени.
Ни жених иный тако себе украшает,
    Яко *инок несмысленый*, за что погибает,
Ибо мысль его часто — да от жен люби́тся;
    Под красными ризами, увы! дух скверниться,
Таковии ко женам дерзают ходити,
    Дружество приимати, ясти же и пити;
Сродство себе с *онеми ложне поведа́ют*,
    Или тетки, матери, сестры нарицают...
Престаните, иноцы, сия зла творити,
    Тщитеся древним отцем святым точни быти.
Да идеже они суть во вечной радо́сти,
    Будете им общници присныя сладостеи!

ЖАБЫ ПОСЛУШЛИВЫЯ

Брат некий в обители смиренно живяше
    И без прекословия началных слушаше.
Тамо близ бяше блато, во немже живяху
    Многи жабы и воплем своим досаждаху
Молящымся иноком. Такожде случися
    Жабам кричати, егда жертва приносися.
Начальник, не претерпев, инока послаше,
    Да велит им молчати ему завещаше.
Се же рече смеяся, а брат послушли́вый,
    Вправду посланна себе быти помысли́вый,
Иде к жабам и рече: «Именем Христовым
    Завещаю вам, жабы, не быти таковым.
Престаните отселе досадно кричати!»
    Оттоле гласа тамо жаб не бе слышати.
Ныне же человеци во церкви стояще,
    Молбы си при безкровной жертве приносяще,

Многим глаголанием досады творяют.
Речеши ли молчати, никако слушают,
Еще огорчившеся, хулят иерея,
Обличения злобы не любят своея.
Наипаче сокочут* язычныя бабы,
Досаждающе паче, неже овы жабы.
Тщитеся убо, бабы, жабы подражати,
Во время жертв духовных глас свой удержати.

ПИЯНСТВО

Человек некий винопийца бяше,
Меры в питии хранити не знаше.
Темже многажды повнегда упися,
В очию его всяка вещь двоися,
В едино время прииде до дому
И вся сугуба* зрешася оно́му.
Име два сына, иже предстояста,—
Ему четыре во очию стаста.
Он нача жену абие мучи́ти,
Дабы ему правду хотела явити,
Когда два сына новая родила
И с коим мужем она приблудила.
Жена всячески его увещаше:
Вино виновно быти сказоваше.
Но он никако хоте веры яти,
Муку жестоку нача умышляти.
Взял есть железо, огнем распаляше,
Ко жене бедней жестоко вещаше:
«Аще ты инем мужем не блужденна,
Сим не будеши огнем опаленна.
Аще же с инем блуд еси творила,
Имать ожещи тя огненна сила».
Бедная жена в люте беде бяше,
Обаче умно к нему глаголаше:
«Рада железо огненное взяти,
Невинность мою тебе показати,
Токмо потщися своею рукою
Подати оно ты на руку мо́ю».
А все железо распаленно бяше,
Чесо пияный во ум не прияше.
Ятся железа, люте опалися,
Болезни ради в мале отрезвися.
И се — два сына точию видяше,
Невинность жены, свою вину знаше,
Срамом исполнен, во печали был есть
И прощения у жены просил есть.
Тако пиянство ум наш помрачает.
Всяк убо того верный да гонзает*!

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Воздержание аще безмерно храниши,
Множицею души ти вред велий твориши:
Плоти бо изнемогшей ум не добр бывает,—
Разсуждение в меру вся да устрояет.
Уне есть мерно по вся дни вкушати,
Нежели долго от пищ ся держати:
Пост бо безмерный силу истребляет,
Дух уныния и печаль раждает.

ВИНО

Вино хвалити или хулити — не знаю,
Яко в оном и ползу и вред созерцаю.
Полезно силам плоти, но вредныя страсти
Возбуждает силою свойственныя сласти.
Обаче дам суд сицев: добро мало пити,
Тако бо здраво творит, а не весть вредити;
Сей Павел Тимофею здравый совет даше,
Той же совет да хранит достоинство ваше.

ДЕВА

Срам честный лице девы украшает,
Егда та ничесоже не лепо дерзает.
Знамя же срама того знается оттуду,
Аще очес не мещет сюду и онуду,
Но смиренно я держит низу низпущенны.
Постоянно, аки бы к земли пристро́енны.
Паки аще язык си держит за зубами,
А не расширяет ся тщетными словами.
Мало бо подобает девам глаголáти.
Много же к чистым словом уши приклоняти.

КАЗНЬ ЗА СОЖЖЕНИЕ НИЩИХ[1]

Епископ Могунтийский нищих не любяше,
Туне ядущы мыши оны нарицаше.
Егда же глад во стране велий сотворися,
Тогда число убогих велми умножи́ся.
Он, нищененавистник, скупством держим бяше,
От демона лукавый совет восприяше.
Собра нищих множество в житницу пространну,
Милостину сказуя им уготова́нну.
Егда же собраннии от гладу стеняху,

[1] Сюжетом для стихотворения послужила популярная средневековая легенда об архиепископе Гаттоне из германского города Метца, относящаяся к X в. На ее сюжет были написаны баллады Р Соути и В. А. Жуковским.

От него хлеба в пищу умилно прошаху,
Рече ко рабом своим: «Се воплствуют мыши;
Восхити кождо пламень, тыя да палиши!»
Раби житницу с теми нищими спалиша,
Веление безбожна мужа исполни́ша.
Но злому делу зла казнь богом сотворися:
Нечестивый епископ червми расточися.
И где либо на стенах имя его бяше,
Дивне род мышей того писма истребляше.
В знамение известно, яко бяше тое
Из книг жизни истренно имя поклятое,
И душа премерзкая яко в ад вержéся,
Червием неусыпным ко снеди дадéся.
От праведна судии прав суд сотворися.
Сия слышай, ко нищым милостив творися,
Да господь нищых милость свою явит тéбе
И питает тя хлебом жизни зде и в небе.

РАЗБОЙНИК

Морской разбойник, Дионид реченный,
От Александра царя вои хищенный,
Егда от царя вопрошаем бяше,
Вскую на мори разбои творяше,
Отвеща: «Яко едным разбиваю
Кораблем, за то злу титлу ношаю,
Разбойника мя люди именуют,
Тебе же царя обычно титулуют,
Яко многими полки брань твориши,
Морем, землею, вся люди плениши.
Аще то правда, изволи судити,
Потом же мне по делом казнити».
Царь, слышав ответ, дерзости дивися,
Обаче сердцем нань не разъярися,
Обличение оному простил есть,
Близ правды быти слово разсудил есть,
Увеща токмо разбоя престати,
Паче же честно с враги воевати.

ЯЗЫК

Малая часть телесе язык человека,
но не виде злейшия ничто же от века,
Ибо аще малое слово изпущает,
хулно или клеветно, многи убивает.
Легко оно исходит, но язву велику
и зело тяжку в сердце деет человеку;
Мягко аер проходит, но в сердце жестоко
вонзает ся и рану творяет глубоко;

Из уст, яко же птенец малый, излетает,
  но яко велбуд с горбом абие* бывает.
И никими мерами может ся сокрити,
  весть же сердца человек многих озлобити.
Убо разсудно слово всякое пущайте,
  да не будет стрелою, прилежно смотряйте;
Аще бо яко стрела пойдет, то вратится
  не к языку, но в сердце и смерть приложится.

КО БЛАГОЧЕСТИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

(Отрывок из предисловия к «Вертограду многоцветному»)

Потщахся убо дому божию, святей церкви восточней, яко едему мысленному, раю духовному, вертограду* небесному, присовокупити сей мой верт* многоцветный во славу всяческих содетеля* и во ползу душевную всех благочестно жити тщащихся, непрелестну имея надежду, яко всяк хотяй душевнаго услаждения и ея здравия желаяй известнаго доволны себе обрящет зде цветы во ползу. Иже убо удобнейшаго ради обретения не токмо трава, на поли не хитростию художника искуснаго, но естествомь изводимая, смешенно рождается и не скоро ищущым обретаема бывает, насадишася, но яко же есть обычай цветовертником искусным всяческих цветов и зелий, роды же и виды благочинно по сподом* и лехам* сеяти и садити,— тако и в моем сем верте многоцветном художествение и по благочинию вся устроишася, ибо по алфавитному славенскаго диалекта сочинению. Елико убо обрящеши, благочестивый читателю, писмен зде начинателных, именованием вещей обретаемых, толику непщуй* спод или лех быти верта сего. А елико вещей изменчивых, толико родов на них сеянных или сажденных да разумееши. Еще колико вещей от части изменяемых узриша, толико видов цветовных да имееши. Напоследок елико статий числы надзнаменанных усмотриши единыя вещы, толико числ единовидных цвет да числиши или различие родов цветов сих духовных сице да сочтеши: ин род суть подобия, ин род образы, ин присловия, ин толкования, ин епитафия, ин образов подписания, ин повести, ин летописная, ин молитвы, ин увещания, ин обличения[1]. И тако о прочих да умствуеши.

Вся же сия имут силу, здравых душ веселиемь исполнения, в здравии утверждение и от недугов предсоблюдения. К тому и украшения богу любезнаго и человеком. Болезнующих же греховными недуги душеврачевания, прилежно и чтущым я и во уме си, яко во изящнейшей силе душевней, часто разсуждающым и во сокровище

---

[1] *...различие родов цветов сих духовных* — перечисляются приемы и формы литературного изображения («цветы», по определению Симеона Полоцкого): *подобие* — уподобление, сравнение; *образ* — образец, изображение; *присловие* — в церковных книгах заключение или окончание; *епитафия* — надгробная надпись; *подписание* — пример; *увещание* — убеждение, ободрение; *обличение* — осуждение, упрек. Ср. «Творчестии образи» Георгия Хоробска.

памяти, яко в хранилище души, во соблюдение дающым... Иже убо не витийскаго художества ухищрениемь мною насадишася, но пиитическаго рифмотворения равномерием слогов по различным устроишася родом. Того ради да присвойственною себе сладостию сердцам читателей приятнейший суще, аще нуждею влекут я ко читанию частейшему. И яко в немнозе пространстве многшая заключающеся удобнее памятию содержатися могут. И на память изученная внегда просвещаются, временно благосладящая суть слухи и сердца слышащых. К тым и того ради, да рифмотворное писание распространяется в нашем славенстем книжном языце,— еже во инех волею честь имать и ублажение и творцев си достойнаго не лишает от бога и от человек возмездия и славы.

ЭПИТАФИЯ СИЛЬВЕСТРА МЕДВЕДЕВА НА СМЕРТЬ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Сильвестр Медведев (1641—1691) — ученик и последователь Симеона Полоцкого, известный поэт и ученый. Написанная им «Епитафион» была высечена на надгробной плите, установленной на могиле Симеона Полоцкого в Московском Заиконоспасском монастыре. Стихотворение печатается по изданию: Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая редакция П. Н. Беркова.- М., 1935.

ЕПИТАФИОН

Зряй, человече, сей гроб, сердцем умилися,
О смерти учителя славна прослезися:
Учитель бо зде токмо един таков бывый,
Богослов правый, церкве догмата хранивый.

Муж благоверный, церкви и царству потребный,
Проповедию слова народу полезный,—
Симеон Петровский от всех верных любимый,
За смиренномудрие преудивляемый.

Им же польза верные люди наслаждала,
Незлобие же, тихость, кротость удивляла;
В нем же вера, надежда, любы пребываше,
Молитва, милостыня, пост ся водворяше.

Мудрость со правдою им бысть зело храненна,
Мерность же и мужество опасно блюденна;
Многими дары богом бе преодаренный,
Непамятозлобием весьма украшенный.

Иеромонах честный, чистоты любитель,
Воздержания в слове и в деле хранитель.
Ни о чесом же ином оный промышляше,
Но еже церковь, нашу мать, увеселяше.

Не хоте ино божий раб что глаголати,
Токмо что пользу может ближним созидати;
Ничесоже ина творити любяше,
Точию еже богу непротивно бяше.

Иже труды си многи книги написал есть
И под разсуждение церковное дал есть;
С церковию бо хоте согласен он быти,
И ничтоже противно церкве мудрствовати.

Ибо тоя поборник и сын верный бяше,
Учением правым то миру показаше;
В защищение церкве книгу Жезл создал есть,
В ея же пользу Венец и Обет издал есть.

Вечерю, Псалтырь, стихи со Рифмословием,
Вертоград многоцветный с Беседословием[1]
Вся оны книги мудрый он муж сотворивый,
В научение роду российску явивый.

Обаче и сего смерть от нас похитила,
Церковь и царство пользы велия лишила,—
Его же пользы ныне людие лишенны,
Зри сего во гробе сем кости положенны.

Душу же вручил в руце богу всемогущу,
Иже благоволил ю дати везде сущу,
Да приимет ю, яко свое создание,
И исполнит вечных благ его желание.

Телом со избранными даст ему возстати,
С ними же в десней стране в веселии стояти;
И внити во вечную небесную радость,
Неизглаголанную тамо присно сладость.

ВИРШИ КАРИОНА ИСТОМИНА

Карион Истомин (1650—1717) — писатель, просветитель, сторонник «греческой» ориентации, противник «западнических» нововведений. Ему принадлежат стихотворные учебные книги (два букваря, изданные в 1694 и 1696 гг.), «Малая грамматика», «Полис, си есть град царства небесного» и приветствия Софье, Петру и другим влиятельным лицам. Стиль Кариона Истомина, в отличие от Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, лишен архаичности и характеризуется доступностью и простотой. В книге «Полис» встречаются тонические стихи. Ниже печатаются отрывки из «Букваря» и «Полис» по изданию: Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая редакция П. Н. Беркова.— М., 1935.

[1] Перечислены основные книги Симеона Полоцкого: «Жезл правления», «Венец веры кафолическия», «Обед душевный», «Вечеря душевная», «Псалтырь рифмотворная», «Вертоград многоцветный».

<ПРИВЕТСТВИЕ ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ>

Благородная София царевна,
Госпожа княжна Алексие́вна!
Пречестна дева и добросиянна,
В небесную жизнь богом произбранна!
Мирно и здраво от господа света
Буди хранима во премнога лета.
Убо мудрость есть росски толкова́на,
Еллински от век Софиею звана.
Любители той философы звались
И добронравством тоя украшались.
От онуду* же, древле любомудрых,
Во учении зело многотрудных
Рекший, разуму прилагая себе,
Приложит болезнь, приим труд на себе,
Радостно сице беседу творяше
Рачитель бых той доброты вещаше,
Она бо учит правде и мужеству,
Наипаче же божию дружеству,
Их же требнее* ничто человеком,
Текущим присно к прерадостным веком.
Мудростию бо вси цари царствуют
И вси велможи добре началствуют,
Мудростию же вся управляются,
И о том люди вси утешаются;
Ею здравствуют удобь человецы,
И счисляются времена и вецы;
Ею по морю плавают удобно
Во время люто и зело безгодно.
Ею живуще люди благочестно
К богу очима смотрят непрелестно;
Ею девственны велми хранят цве́ты
И чисты сердцем зрят божия светы;
Ею во мире вся блага бывают,
Разум, богатство люди обретают.
Мудрости бо несть подобие кое,
Яко гонит лесть и всякое злое.
Каменье дра́го пред нею меньш песок,
Понеже тоя чист разум высок,
Разум подает и в добро охоту,
Токмо да любит всяк ея добро́ту.
В юности искавши невесту водити,
Не устыдеся о ней возгласити:
Ничто же убо бог благий возлюбит
Точию сего, иже дней не губит,
Но с мудростию присно пребывает
И конец всех дел известно смотряет.

И того ради в России издавна
Мудрость святая пожеланна славна;
Да учатся той юнейшие дети
И собирают разумныя цвети;
Навыкнут же той свершении мужи,
Да свободятся от всякия нужи;
Престаревшии видев в юных тую,
Воскликнут творцу всех песнь тресвятую...

СТИХИ ИЗ БУКВАРЯ 1694 г. ПОД БУКВОЙ «К»

Како кто хощет видом си познати,
В первых вещей сих будет то писати.
Киты суть в морях, кипарис на суши,
Юный, отверзай в разум твоя ушы,
В колесницу сядь, копием борися,
Конем поезжай, ключем отоприся.
Корабль на воде, а в дому корова,
И кокошь в требу и людем здорова.
Отложи присно тщеты недосуги,
Колокол слушай, твори в небе други![1]

ИЗ КНИГИ «ПОЛИС»

3

Пиитика стихотворство,
Ирмосов*, канонов свойство.
Учащие пиитику,
творят стихи песней клику,
В мере слоги и ногами,
степеней счет и перстами.
Каков ирмос в коей песни,
вся подобны стихов уместни.
И кую вещи описати
числом писмен в слог кончати.
Сия наука творение
и богу, творцу ума, смотрение.

4

Краткословна риторика
Полна в словах сладка крика.
Риторика учение
смыслов благих течение.

---

[1] Для наглядности при каждой букве выгравированы различные предметы. Названия предметов, начинающихся с буквы *к*, сопровождались в букваре изображениями кита, кипариса, колесницы, копья, ключа, корабля, коровы, курицы (кокоши) и колокола.

Действо, кое в ней пространно,
глаголется все сохранно.
Подобства суть приводимы,
писания красна зримы.
Бог устроил сие в пользе,
да в доброте живем долзе.
Витийство слов ся имеет,
изрядство всем людем деет.

28

Америка часть четверта
Ново земля в знань отперта.
Вольнохищна Америка
людьми, в правах, в царствах дика.
Тысящьми лет бысть незнанна,
морем зело отлиянна.
Веры разны в балвохвальстве*,
наги люди там в недбальстве*.
Царства имут без разума,
не знав бога, худа дума.
Никто же бо что успеет,
где глупость, скверньи и грех деет.

РАННЯЯ РУССКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Впервые литературные пьесы на Руси появляются в начале 70-х гг. XVII в. в связи с открытием в октябре 1672 г. придворного театра. Первой пьесой, поставленной в этом театре, было «Артаксерксово действо». Затем были созданы комедии «Товий младший», «Юдифь», «Жалостная комедия об Адаме и Еве», «Малая прохладная комедия об Иосифе», «Малая комедия Баязет и Тамерлан» и др. Обычно в то время все пьесы, даже трагического и драматического содержания, назывались комедиями. В 70-х гг. пишет свои пьесы и Симеон Полоцкий («Комедия притчи о Блудном сыне» и «Комедия о Навуходоносоре-царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных»).

ЮДИФЬ

Пьеса «Юдифь» основана на библейском сюжете. В ней рассказывается об осаде ассирийскими войсками под водительством полководца Олоферна иудейского города Вефулии и об убийстве Олоферна вефулианкой Юдифью. В пьесе семь действий, разделенных на «сени» (сцены); патетические сцены иногда сменяются комическими, поэтому наряду с героическими действующими лицами введены шутовские персонажи (например, ассирийский воин Сусаким, служанка Юдифи Абра).

Отрывки пьесы печатаются по книге: Первые пьесы русского театра / Издание подготовили О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская; Под редакцией А. Н. Робинсона.— М., 1972.

VI ДЕЙСТВА СЕНЬ 1

Иосия, Хабри, Харми, Июдиф, Абра, Гофонил.

Иосия. Что глаголеши, Хабри? Тако ли Июдиф украшается лепо и хощет ко Олоферну в станы его изыти?

Хабри. Ей, бо ныне от нея приидох и видех сам ее облечену во одеяние благостыни своей, истинно сообразно некоему ангелу. Повеле же и отроковице своей, да лагвицу* вина и сосуд елея, и круп, и смокви, и хлеб, и сыр с собою в путь возмет. Мене же моляше, яко да вас господ под врата созову, и сама восхоте не медля сёмо приити.

Харми. Зрите же, се тамо уже грядет.

Иосия. О боже! Каков сей есть ангелский образ! Не видех ю никогда же в сицевой красоте, и мнится ми, яко господь бог сам оной сие благозрачие во очеса вложил есть.

Июдиф. Бог вам на помощь да будет, возлюбленная вы! Отворите ми малыя двери врат сих и пустите мя, да изыду.

Гофонил. Но, пречестнейшая госпожа, не приведеш ли сама себе в зелное опаство чести и живота своего, наипаче же несравненные красоты ради твоея?

Июдиф. Не от похоти коея плотския украсихся, но господу богу на славу и честь. Он же убо ту красоту мою тому, иже о ней соблазнится, в ловитву претворит. Но не воздержите мене вящши*.

Иосия. Благо же тогда: ничто же по словеси твоему вопрошаем тя вящи, ниже помышления твоего уведати желаем. Иди во мире! Бог отец наших да даст тебе благодат и вес совет твой силою да укрепит, яко да славится о тебе Исраил, и да будет имя твое в числе святых и преподобных!

Вси *рекут*. Аминь! буди то, буди!

Июдиф. Абра! иди во след мене.

Абра. Ох, милостивая госпожа, страх таков на мя пришол, что чють сердце мое из утробы не выскочит.

Июдиф. Чего для ты сице страшишся, безумная?

Абра. Скажи мне, госпожа моя. Каковы асирияне: таковы ли, что ли люди?

Июдиф. А хотя бы были что телцы, что тебе в том?

Абра. Телцов аз не боюся, ниже людей, но что асирияне за скот, того ведати не могу.

Июдиф. Но когда аз не боюся, что же тебе боятися?

Абра. О, живот мой ми такожде любезен, матери бо моей много стало, до коих мест меня на сей свет принесла. Егда же мя асирияне убиют, то воистину таков прекрасный живот не возмогу в торгу и за пять алтын купити.

Июдиф. Молчи же, велеречивая, с такими басни! Молися паче да иди за мною.

VI ДЕЙСТВА СЕНЬ 5

Сусаким, Ванея, Доох с протазанщики.

Сусаким. Первое — Сусакима повесить, второе — вопросить по достоинству, третье — главу ему отсещи... О! Зело изрядные потехи! Аз же то все в шутку почитаю.

Ванея. Скоро ты проведаешь, что не шутка есть, как сей мастер большим мечем своим главу твою отсечет, что на две сажени от телеси слетит.

Сусаким. Глава моя с шеи слетит? Может ли мастер сотворити, что главам летающим быти? И я прошу, чтоб он крыле моему телеси притворил, и я главу и тело на тысящу верст отрину.

Ванея. Ну, ну! И то учинитися может, что ворон твое воровское тело и дале понесет.

Сусаким. Слышу! Тогда я для уподобания ворону свое тело жареною свининою выкормил есмь.

Ванея. О свиной стомах и воронье снедение! Довольно! Не могу с тобою день целой разговаривати. Перестань, бо у мене иное дело есть.

Сусаким. Милый мой Ванея! Прошу тя, изволь погулять и з Доохом к жилищу своему и дела свои исполните, а я зде и сам главою своею утешуся.

Ванея. О, ни, главу прежде отсещи!

Сусаким. Что? Главу отсещи? О приятелю мой и друже! Тогда я зело в благородном житии пребуду, потому что шапки никогда же в руцех не держати: когда главы не будет, где же ее надеть?

Ванея. О ты непригожие облезьяновы породы! Еще ты хочешь шутить в таком времени, где смерть свою пред очами видишь? Скоро, скоро! Приклонися на колена!

Сусаким. Господине мой! Указ о мне так содержит, чтоб мене на пядь укратить. А когда я на колена припаду, тогда своего возрасту 4 пяти прекращуся. А егда голова отсечена будет, то и пяти пядей возраста моего не будет, и то не учинится мне по указу.

Ванея. Просиш и молиш, что указу противно, аще почитаеши в длину и поперег. Однакожде счет мой у мене уже совершился, той же ныне тебе вкратце мечем совершу.

Зде Доох и протазанщики возмут его и хотят повалить.

Сусаким. О милостивый господине спекулатор*! Увы, увы! О горе мне! Милостивый же ты господине Ванея! Выслушайте ж, выслушайте ж у меня хотя единаго слова!

Ванея. Глаголи же, что же требуеш, а рцы вкратце.

Сусаким. Ни, ни! Буде в правду, что и мне шутками от того не избавится, а по смете моей главу ми отсечь хощете. И я молю вас, даруйте ми время, да со светом еще прощуся, которого я впред не увижу.

Ванея. Чюдные висельничьи речи говориши! Делай скоро и, какое твое мудрое прощение, извещай нам.

Сусаким. Прости, чюдный и изрядный свет честной! Аз желаю, чтоб при житии своем был и аз не грешен. А понеже злодейской спекулатор мне жить болши не допущает, и я молю у тебе, благородный свете,— ибо впред тя не обрящу,— не велми печалтеся о моем скором умерщвлении, останутся еще многие воры и злодеи по смерти моей к покорению. Простите мя, пять мои братия, иже в Ниневе обитаете! Аще же ныне не творите мне провождения, однако жь и вы вскоре сицевым путем пойдете! Прости, моя старая сестра, яже в Ниневе большой торг имееши серными трески*, веревками, сапожными колодками и вшаною отравою! Ял есмь у тебе часто блины пряженые, а здешние же кишки сотворили то, что все в забвении учинилос. Ты же по смерти моей товары блины свои да употребляши! Простите вы, благородные сродники мои из пятерых чинов: ярыжки, чуры*, трубочистники, брения* возники и благородные чины духовные, иже при церкви просящею милостынею питаютца! Аще ли же бы и аз учихся такова же художества, и на пути сицевые горькие смерти не наступил бы!

Ванея. О! Правду глаголати, зело ты благие породы еси! Аз плюну на тя. Несть ли сему твоему прощению еще конца?

Сусаким. Ни, ни! Еще единое речение осталося.

Ванея. Глаголи же скоро, да и Доох речь свою исполнит.

Сусаким. Простите же мя вы, девять художеств, яже плоти моей угождаете: пиянство, блудодеяние, убивство, костарничество*, оболгание, обманство, крадежство, разбойство и мошенничество!

Ванея. О ты злоокаянной вор! Всех ли тех художеств научен еси?

Сусаким. Был бы есмь малодушной и нужной* служилой, как бы тех худжеств не учон был.

Ванея. В правду подобает тебе быть дохтором в науке сих художеств. Доох! Постигни и приряди ево во изрядное и красное одеяние и кровавого цвету в камку.

Доох паки принимается за нево.

Сусаким. О господа! Еще едино изречение изглаголю!

Ванея. Когда же то скончится?

Сусаким. Абие, абие исполнитца. Простите, седьм вы веселия годовые времени: младые цыплятка, ягнятка, яица свежие вешние, кормленые каплуны и телята жареные, к пасце молоко, сметана, колачи крупичатые с маслом и молодые голуби жареные, летние скворцы и жаворонки, молодые ряпки*, кролики и зайцы молодые осенние, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье в пирогах, шуба и рукавицы, да шапка теплая, зимние кишки жареные свиные, окараки и головы свиные ж, студени, ребра свиные, и желудки во всех корчмах! Простите! Простите!

Ванея. Колико же много твоего прощения будет и много ль

тысящь речей глаголати хощеши? Доох! Сотвори с ним последнее речение ево, отсеки ему главу.

Сусаким. О ни! о ни! Еще едино изречение да изглаголю, а больше не будет. Аще паки изреку что, тогда мне тысящею главу отсеки.

Ванея. Не надобно тысящею, полно и единова. Делай абие кончание.

Сусаким. Прости сто тысящею и сто еще сто тысящею, глава моя, яже от телеси моего отлучающаяся! Как брение из утробы коровьи, поезжай благо! Будеши бо изрядная потеха к детцкому игранию, где пси тешитися учнут в ямах палых скотов. А ты, благородное тело, будеш пища великим господам, которые твои судии будут, иже всем ворам и злодеям кончание творят и мясо и кровь междо собою, как отчину, разделяют. О вы, благородные вороны! Простите и во благодарство поимите мое тело, которое вы ясти будете!

Ванея. Ну, уж ты своих гостей зазвал еси, время скатерть стлати. Доох! абие твори свое.

Зде Сусакима о землю ударят, и бьют по ногам, и лисьим хвостом по шее ево вместо меча ударя, дондеже оттого падает и будто мертвец лежит на земле. Ванея с товарыщи отступят со смехом. Тогда приподымается Сусаким и со страху паки, встав, речет:

Сусаким. Якоже надо мною ныне творитца, не ведаю. Жив ли я или мертв? Право, впрям того знать не могу, подлинно ли умер есмь. Аз подлинно слышу, что от мене живот отступил из внутренних потрохов в правую ногу, а из ноги в гортань, и правым ухом вышла душа. Токмо еше мнится ми, яко несколько света помню. Зде мои чулки и башмаку. Тамо лежит моя шляпа, зде мой кафтан и штаны. Токмо того не знаю, где глава моя.

Он везде ищет главы своея.

Сусаким. О вы, господа! Аще ли кто из вас из любви и приятствия мою главу скрыл, и того покорно без шляпы прошу и молю чтоб он мне ее возвратил. Или вор Доох с собою в жилище свое взял? Аз же по сей смерти инако не буду, токмо аки привидением или мечтанием: нощию войду в чертог Доохов и ево так устрашу, что он главу мою мне возвратит.

По сем выдет из строения.

VII ДЕЙСТВА СЕНЬ 3

Олоферн, Сисера, Мелех, Мосоллом, Одид, Орив, Вагав, Июдиф, Абра.

Олоферн *(держит кубок в руке и говорит)*. Честные началники мои! пию же аз про здравие всех тех, иже кров за великого Навуходоносора хотят излити. Не доброй то воин, иже на постели помышляет умрети.

Зде трубят. Зде вси пиют.

Здравствуй, Навуходоносор! Здравствуй, монарх великий.

Одид. Вельможный Олоферн! Зри, какая семо приходит пресветлая звезда.

Олоферн. Истинно богиня некая еврейская та нарещися может.

Вагав. Милостивый господине! Дайте же ми сапоги или саблю свою, хотя ми бежати или главы лишитися.

Олоферн. Что глаголеши, глупче?

Вагав. Аз мню тому достойно быти, да глава ему отсечена будет, яже от таковы прекрасавицы бежал или устрашился ея.

Олоферн. Кому бежати или устрашитися? Никако! Но спрепятствую, да сея нощи главу свою на лоне ея держу.

Июдиф. Милостивый господине! Бог твое желание сие исполнити может.

Олоферн. О! садися, победительницо храбрости моея, обладательницо сердца моего! Садися возле мене, да яси и пиеши со мною, веселящеся. Ибо, яко ты едина мое непобедимое великодушие обладала еси, тако имаши милость мою сама ни чрез кого же иного совершенно употребляти.

Июдиф. Ей, господине мой! Аз возвеселюся усердственно: никогда же еще такой чести восприях. *(Зде она оглядывается и говорит.)* Абра! Дай ми ествy, юже про мене уготовила еси! *(Зде тихо говорит.)* Да не отходи же прочь ни пяди. Слышишь ли?

Абра *(дает ей ествy и молвит)*. Где мне отходити? Собаки бы мя заели.

Олоферн. О вы, мои воины! Пию же к вам про здравие сея красавицы, яже впредь еще ассирием заступление быти имать.

Сисера. Ей, истинно Навуходоносор великий нарицается бог Юпитер, ты же, Олоферн, еси Марс! Чем же асирийское небо возможет лучше украшена быти, яко сицевым прекрасным солнцем?

Вагав. Тогда же аз Меркурием буду, понеже сию бог и ню Венус к Марсу привел есмь.

Абра *(говорит отай)*. Аз же хотя малою планетою буду у печи.

Олоферн. Будите здравы вы, воины мои, про здравие сей моей красавицы!

Вси. Благо да живет Олоферн с прекрасною своею!

Июдиф. Молю вас, господ моих, да мя сицевым именованием обходите, зане аз раба есмь Олофернова, он же ми есть милостивым господином и повелителем.

Олоферн. Ей, как еще была еси в Вефулии граде, тогда правда был есмь повелителем твои. Ныне же, как того гнезда оступилась, то паче моею повелительницею сталась, ибо прехрабрейше Олоферна учинилась: он бо не единожды приступал к Вефулию, ты же, преизрядная гражданко, уже Олоферново сердце, еже паче всея вселенныя почитается, обладала еси.

Июдиф. Ей, воистину, когда бы милости твоея сердце во владении своем имела, то бы почитала, яко свет себе в свойство получих.

Олоферн. К сицевому получению бози тя сея нощи сподобят.

Июдиф. Благоволение божие с надеждою моею да исполнится.

Олоферн. Не зриши ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хощу же говорити, но языком *(зде он говорит, эко пьяный)* больши прорещи не могу. Хощу, хощу, но не могу же; не тако от вина, яко от силы красоты твоея аз низпадаю.

Мосоллом. Почто же, твоя милость, не успокоишися? Мы тя убо от утешения и удоволства не воздержим.

Олоферн. Ей, правда. Не вдруг весьма днесь возрадуемся, но не что воздержимся, дондеже в Вефулию прийдем. Но к благополучной нощи едино еще да напиемся.

Вагав. Господине мой! не припевати ли ми к сему?

Олоферн. Ей, пой, Вагав, нечто же о любви моей.

Вагав. Прехрабрый Олоферн уже преодолен есть, сам убо дается в плен, такожде и во узы. Еже мечь и сабля вражия не возмогла, то женская красота сотворити успела из града Вефулии. Тем же слава будет написана в книги памятныя во веки, что чудным образом прежде взятья того града жена в свойство получила храбраго Олоферна.

Олоферн. Что? Убила?

Вагав. Ни, в свойство получила.

Олоферн. То правда, прекрасная Июдиф, яко ти аз в свойство предался есмь.

Июдиф. Тогда аз счастлива нарекуся, когда возмогу с сицевым, егоже в свойство себе получила есмь, то сотворити, еже сама похощу.

Олоферн. Добро, прекрасная! Не отходи же от мене, аз мало упокоюсь.

Зде он припадет на одр свой, иные же тихо отходят.

Июдиф. Абра!

Абра. Что желаеши, госпожа моя возлюбленная? Или хощеши одежду свою низ сложити?

Июдиф. О! молчи же такими речми! Останся зде за дверьми, а не отходи же!

Абра. Благо же то, и никого внити пущу, исполни токмо еже хощеши.

Июдиф *(приступив к постели, молится богу)*. Господи боже израилев! укрепи мя и призри в сей час на дело рук моих, якоже обещал еси Иерусалиму граду твоему возвеличити его. Да совершу си, яже умыслих, уповающе на тя.

Зде Июдиф, приступив к постели и взяв мечь Олофернов, извлече его и отсече ему главу, глаголюще:

Господи боже мой! Укрепи мя в сей час! Слава тебе, господи, яко добро собыстся, и возсылаю ти велие благодарение! Абра, се возьми главу сию мучительскую, пред нею же вся Иудея страшилася. Слава же богу, что ныне ни единой деве уже болши не боятися.

А б р а. О милостивая госпожа! Аз же однако еще боюся.

И ю д и ф. Тихо вложи ю в пиру* свою. Пойди да убежим.

А б р а. Не Олофернова ли то глава?

И ю д и ф. Что вопрошаеши? Что же осматриваеш? Спешно иди, да убежим.

А б р а. О! Никогда бы аз тако дерзостна была. Ох! Таковому храброму воину главу отсекла! Бес таковым обычаем госпожу мою да возлюбит! Что же тот убогий человек скажет, егда пробудится, а Июдиф з главою его ушла?

«КОМЕДИЯ ПРИТЧИ О БЛУДНОМ СЫНЕ» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Пьеса дошла до нас в ряде списков, ранний из которых датирован 1678 г. Она была издана в 1685 г. в составе сборника «Рифмологион». В основе сюжета пьесы лежит евангельская притча об. отце и двух сыновьях. Проблема поведения молодого человека нашла свое отражение и в повестях второй половины XVII в.: «Повести о Горе-Злочастии», «Повести о Савве Грудцыне», «Повести о Фроле Скобееве».

Отрывки из пьесы печатаются по книге: П о л о ц к и й Симеон. Избранные сочинения/Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина.— М.; Л., 1953.

ПРОЛОГ

Благороднии, благочестивии,
Государие премилостивии!
Не тако слово в памяти держится,
Яко же аще что делом явится.
Христову притчю действом проявити
Зде умыслихом и чином вершити.
О блуднем сыне вся речь будет наша,
Аки вещь живу, узрит милость ваша.
Всю на шесть частей притчю разделихом.
По всяцей оных нечто примесихом
Утехи ради, ибо все стужает[1],
Еже едино без премен бывает.
Изволте убо милость си явити,
Очеса и слух к действу приклонити:
Тако бо сладость будет обретенна,
Не токмо сердцам, но душам спасенна.
Велию ползу может притча дати,
Токмо изволте прилежно внимати.

---

[1] *...утехи ради, ибо все стужает* — чтобы зрителям не надоедать (*стужати* — надоедать), после каждого действия предлагались занимательные юмористические представления — интермедии.

Сюжетные события первой части начинаются с монолога отца, который, разделив между двумя сынами наследство, дает им наставление быть благочестивыми, добродетельными. На что сыновья отвечают:

Сын старший *глаголет к отцу*:
Отче мой драгий! отче любезнейший!
Аз есмь по вся дни раб ты смиреннейший;
Не смерти скоро аз желаю тебе,
Но лет премногих, яко самому себе.
Честнии руце твои лобызаю,
Честь воздаяти должну обещаю,
Уст твоих слово в сердци моем выну
Сохраню, яко подобает сыну.
На твое лице хощу выну зрети,
Всю мою радость о тебе имети.
Во ничто злато и сребро вменяю,
Паче сокровищ тебе почитаю.
С тобою самым изволяю жити,
Неже всем златом обогащен быти.
Ты моя радость, ты ми совет бла́гий,
Ты моя слава, отче мой предра́гий!
Вижду аз светло, како нас люби́ши,
Егда твоих благ общники твориши.
Несм аз достоин тоя благодати,
За твой труд и нам бог то волит дати.
Благодарствие убо возсылаю
Богу, а твои руце лобызаю.
Любо приемля благословение,
Обещая ти повиновение,
Желаю выну аз с тобою быти,
В обоем щасти с отцем моим жити.
Всякия труды готов подимати,
Отчия воли прилежно слуша́ти.
Весь аз твой раб есмь, рад выну служити;
В послушании живот мой конч́ити.

Отец *к сыну старейшему*.

Буди на тебе благословение
Бога всесилна за то смирение!
Ты обещался с нами пребывати,
Бог имать на тя милость излияти.

Сын юнейший *к отцу*.

Радости наша, сынов твоих славо,
Между пречестных честнейшая главо,
Отче любезный, нам данный от бога,
Живи в радо́сти зрав на лета многа!

Благодарствие тебе возсылаем
За милость, юже днесь от тебе знаем.
Мудрость словес ти любезно прияхом,
В скрижалех сердец наших написахом.
Еже велиши, того мы желаем;
А бог поможет, тако уповаем.
Поучаеши нас благо пожити
И славу рода нашего множи́ти,—
Вседушно того аз, сын твой, желаю,
Попечение о том полагаю.
Брат мой любезный избра в дому жити,
Славу в пределех малых заключити.
Бог ему в помощ при твоей старо́сти
Изжити лета красныя юности!
Вящшая* мой ум в ползу промышляет,
Славу ти в мир весь простерти желает.
Идеже восток и где запад солнца,
Славен явлюся во вся мира ко́нца.
От мене дому расширится слава,—
И радость примет отчая ти гла́ва.
Точию изволь милость си явити,
Уму моему помощ сотворити.
Вся нам даеши, несть требе толико,
Часть мне достойну отдаждь, мой владыко,
Ею же имам много пристяжати.
Всякая страна имать нас познати:
Свящи под спудом не лепо стояти,
С солнцем аз хощу тещи и сияти.
Заключение видит ми ся быти,—
В отчинной стране юность погубити.
Бог волю дал есть: се птицы летают,
Зверие в лесах волно пребывают.
И ты мне, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь мир посещати.
Твоя то слава и мне слава будет,
До ко́нца мира всяк нас не забудет.
И егда даст бог везде посетити,
Воскоре имам в дом си возвратити:
В славе и чести тогда радость те́бе
Будет на земли и ангелом в небе.
Не медли, отче! Часть ми изволь дати,
Благословенство свое излияти:
Путь бо мой близ есть, мысль моя готова,
Токмо от тебя жду отческа слова.
Даждь ми десницу твою целовати,
Абие хощу путь мой начинати.
...Что стяжу в дому? Чему изучуся?
Лучше в странствии умом сбогачуся.

Юньших от мене отци посылают
  В чюждыя страны, потом ся не кают...

ЧАСТЬ II

Изыдет Блудный сын с немноги слугами и глаголет:

Хвалю имя господне, светло прославляю,
  Яко свободна себе ныне созерцаю.
Бех у отца моего, яко раб плененный,
  Во пределах домовых, як в турме* замкненный.
Ничесо бяще свободно по воли творити:
  Ждах обеда, вечери, хотяй ясти, пити;
Не свободно играти, в гости не пущано,
  А на красная лица зрети запрещано,
Во всяком деле указ, без того ничто же.
  Ах! Колика неволя, о мой святый боже!
Отец, яко мучитель, сына си томляше,
  Ничесо же творити по воли даяше.
Ныне, слава богови, от уз освободихся,
  Егда в чужую страну едва отмолихся.
Яко птенец из клетки на свет изпущенный;
  Желаю погуляти, тем быти блаженный.
Богатство имам много и доволно хлеба,
  Несть кому его ясти, слуг болши потреба.
Аще ся кто обрящет охотник служити,
  Имам сладце питати и ценно платити.

Слуга Блуднаго.

Милостивый государю! аз хощу искати
  Таковых, иже тебе будут работати.

Блудный.

Друг ми будеши, не раб, егда со слугами
  Многими немедленно станеши пред нами.
Возми на путь сто рублев, за труды другое;
  Егда возвратишися, дам ти еще втрое.

Слуга.

Аз иду; ты, государь, изволь ожидати,
  Имам ти со слугами абие предстати.

Слуга за завесу, а Блудный сядет на стольце и к слугам глаголет:

Не добро богатому мало слуг имети:
  С ким имам ясти, пити? Кто нам будет пети?
Прискоробно ми есть без слуг. Вина чашу дайте,
  Сами по десяти чаш полных испивайте.

Он будет пити, и слуги наполнивши [чаши], держат в руках, и един от них глаголет:

Те чаши испиваем мы за тебе, света.
Буди, государь наш, здрав на многа лета!

Зде, пивше, запоют: «на многа лета!» В то время приидет Слуга, искавый новых слуг, с многими слугами и речет:

Радуйся, государю! Светло веселися!
Сей раб твой со многими слуги возвратися.

Блудный.

Добре, о благий рабе! Прими себе за́ то,
Яко же обещах ти, сребро или злато.
Но повеждь ми, что сии искусни творити.
Аз готов комуждо сто рублев платити.

Слуга, *искавый слуг, глаголет:*

За мзды воздание ручку ти целую,
О сих людях искусных верно извествую,
Яко вси суть потре́бни в пути, в людех, в до́му:
Пити, ясти, шутити обычай всяко́му.

Блудный.

Ха! ха! ха! Ха! ха! ха! То добрии люди.
Слыш! Даждь им по сту рублев; дай же, не забуди!

Слуга новый *глаголет*:

Преблагий государю! за то ся клана́ем,
А во услугах наших верность обещаем.

Блудный.

Добре, слузи вернии! Ну ж возвеселимся!
Общая днес нам радость, вином прохладимся.
Сядите, слузи мои! Вина наливайте,
А за наше здравие до дна испивайте.
Кто из вас в зерни[1] умеет, той сяди со мною,
Прочии в карты, в тавлеи[2] играйте с собою;
Аще кто проиграется, та на мне утрата;
А кто добре выиграет, за труд гривна злата.

Слуга-зернщик.

Аз бывах искусен зернию играти,
С тобою, государь, не хощу дерзати.

Блудный.

Сяди, брате, со мною; дерзай, як у брата;
Аще обыграеши, сто рублев заплата.
А вы, прочии друзи, весело играйте,
Мои богатства вземше, смело пройгравайте.

---

[1] *Зерни* — как и карты, азартные игры.
[2] *Тавлия* (тавлея) — доска для игры в шашки или шахматы, шашечная игра.

И тако сядут играти, будут похищати добро Блудного и проигравати, а Б л у д н ы й *речет к зернщику:*

Добре играеши, се сто рублев тébe;
Но щастися ради напиймыся сébe.

И напиются.

З е р н щ и к.

Еще ль, государь, изволиш играти?

Б л у д н ы й.

Подвеселил есм сébe, лучше пойду спати.

З е р н щ и к *к прочим играющим.*

Востаните, братие, добре послужите,
Государя своего на постель ведите.

Е д и н о т и г р а в ш и х *речет*:

Встаним, друзи, и пойдем: время почивати,
Уже благодетель наш изволил престати.

И тако Блудный сын пойдет, сланяяся, а за ним вси. Певцы поют, и буди intermedium.

ЧАСТЬ III

Изыдет Блудный сын похмелен, слуги различно утешают; он обнищает.

ЧАСТЬ IV

Изыдет Блудный гладен, продает последнюю одежду, облекается в рубище, службы ищет, пристает к господину, посылается свиния пасти, пасет, ест со свиниами, свинию погубил, биен; ищет и, плача, глаголет: «Коль много хлеба у отца моего» и проч.

Б л у д н ы й *глаголет*:

Увы мне! Увы! Что имам творити?
Свини погубих, хотят мя убити.
Гладом и хладом весма помираю
И бичми люте посечен бываю.
О коль бе благо в дому отчим быти,
Нежели в страны чюждыя ходити!
Хлеб у наемник тамо избывает,
А мое чрево гладом погибает.
Пойду ко отцу, до ног поклонюся,
Глаголя сице, пред ним умилюся:
«Отче! согреших на небе и к тébe,
Прими мя поне в наемника сébe.
Несмь бо достоин сын твой нарещися».
О даждь ми, боже, к отцу довлещися!

И пойдет за завесу. Ту пение и intermedium, по нем пение паки.

ЧАСТЬ V

Изыдет Отец Блудного сына, печаляся о сыне; сын возвращается и проч.

ЧАСТЬ VI

Изыдет Блудный одеян и честен, хвалит бога, яко возвратися.

ЕПИЛОГ

Благороднии, благочестивйи,
Государие премилостивйи!
Видесте притчю, Христом изреченну,
По силе делом днесь воображенну.
Дабы христовым словам в сердцах быти
Глубже писанным, чтобы не забыти.
Юным се образ старейших слушáти,
На младый разум свой не уповати;
Старим — да юных добре наставляют,
Ничто на волю младых не спущают;
Найпаче образ милости явися,
В нем же божая милость вобразися,
Да и вы богу в ней подражаéте,
Покаявшимся удобь прощаéте.
Мы в сей притчи аще согрешихом,
Ей, огорчити никого мыслихом;
Обаче молим — изволте простити,
А нас в милости господстей хранити,
За что хранени будете от бога
В милости его на лета премнога.

Ту вси, изшедше, поклоняются, а мусикия запоет, и тако разыдутся гости. Конец и богу слава.

ИНТЕРМЕДИЯ

I

Изыдет Астролог *с трубкою и глаголет:*

Изыду в люди, в мире проявляся,
Многим на пользу пожити потщуся.
Прежних весь мой век в науках премногих,
Вем пользовати богатых, убогих.
Наипаче буду на звезды глядати
И будущая людем провещати.

Вымет трубку и смотрит на звезды и глаголет:

Доброе лето имать ныне быти,
Жито, пшеницу хощет нам родити.

Паки посмотрит и глаголет:

Ученым людем мало будет чести,
Едва довольно дадут пити, ести.

Паки посмотрит и глаголет:

Правды не станет, лжа по градом ходит,
Гнев божий весьма по себе приводит.

Паки посмотрит и глаголет:

Добро жити совещаю,
Хищников много быти познаваю.

Ту, снимая с себя одежду и положа, смотрит паки; в то время тать покрадет, а он глаголет:

Благое ведро ныне имать быти,
Ни капли дождя восхощет мочити.
Всуе, опанчю носящи, трудихся:
Нигде водою аз, мню, омочихся.

Паки смотрит и глаголет:

В чюжих потребах мудрыми бывают,
Сами в своей беде ничесоже знают.

В то время дождь его обольет, он же глаголет:

Откуду дождь сей? Звезды не являху,
Паче ведро велие вещаху;
Взяти опончю, чтобы ся окрыти.
Не чаях дождем днесь омочен быти.

Кинется до епанчи; не обрет же ся, глаголет:

Увы мне, яко в небо засмотрихся!
Опончи, шапки чрез воров лишихся.
Обаче еще имам усмотрати,
Егда возмогу татя поимати.

Паки посмотрит и глаголет:

Щастливый путь небо мне проявляет,
За татьми скоро в путь итти повелевает.

Ту бежит скоро и впадает в яму; а М у ж и к пришед просты и глаголет:

Се тебе, глупче, что высоко зрищи,
А на землю под ноги не смотриши.
Ты будущая дерзну провещати,
Твоих случа́ев не возмог познати:
Впал еси в яму темную глубоко
За то, что в небо зрел еси высоко.
Лучше под ноги прилежно смотрети,
Землю орати, неже в звезды зрети.
Полежи в яме мало, потруждайся,
Да тя извлеку, три дни дожидайся.

И отходит за завесу.

II

Выходит Пьяница *и глаголет:*

Благий обычай у честных бывает:
 Кто больши любит, больше испивает.
Такову любовь аз хощу явити,
 О твоем здравии сию чашу пити.

Блудный *речет:*

О мой любезный! како ти воздати
 И слово твое мило зело вняти?
Се сто червонных в чашу полагаю;
 Аще испиешь, тебе их вручаю.
Но, мой любезный, потщися испити,
 Радости сердцу моему приложити.

Пьяница.

Здрав, господине, буди много лета!
 Испию до дна ради тебе, света.

Та чаша первие наполнена яве, а потом тайно источится, юже он подъем праздну, аки испиет; потом взем деньги повалится.

Блудный.

Возьмите его, спати отведите;
 Да целы будут златницы, блюдите.

Слуга возьмет пьяного и на сторону положит; он плачет, аки умирати. Придет демон, возьмет душу и отнесет во ад, а слуга един, посмотрев мертваго, бежит ко Блудному и речет:

Честны господине! брат наш умирает,
 Напився сладце, душу изрыгает.

Блудный.

Земля велика, есть где сохранити.
 Испил сто златниц, можно гроб купити.

Собеседник *к тому слузе речет:*

Слушай, мой брате: шед, погреби тело,
 Мы с господином поседим весело.

Той слуга поидет и в яму кинет тело мертваго, а господин с другим другом далее веселятся. Ту треба закрывати.

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

СОЧИНЕНИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

Протопоп Аввакум Петров (1621—1682) — автор автобиографического «Жития», многочисленных посланий и ряда церковно-догматических сочинений. Литературное творчество Аввакума пронизано страстным обличением официальной церкви и светской самодержавной власти с позиций сторонника старообрядчества. Аввакум является новатором по стилю и принципам литературного изображения, хотя в эстетических суждениях был противником новых веяний в искусстве. До нас дошли многие списки его сочинений, некоторые из них, в том числе и «Житие», сохранились в автографах.

В хрестоматии печатаются отрывки из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» (1672—1675), из статьи «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека», из посланий и эстетического трактата «Об иконном писании». Все отрывки приводятся по изданию: Памятники истории старообрядчества XVII в.— Кн. первая.— Вып. 1 // Русская историческая библиотека.— Л., 1927.— Т. XXXIX.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

< **Предисловие к житию.** > По благословению отца моего старца Епифания[1] писано моею рукою грешною протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных бог слушает, но дел наших хощет. И Павел пишет: «аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам,— ничто же есмь». Вот что много разсуждать: не латинским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет; того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго, простите же меня грешнаго, а вас всех, рабов Христовых, бог простит и благословит. Аминь.

< **Начальный период жизни Аввакума. Первые годы его священства. Первое и второе изгнания.** > Рождение же мое в нижегороцких пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, и я осиротел молод и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице

[1] *Старец Епифаний* — духовник Аввакума в пустозерской ссылке, был сожжен в 1682 г.

молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить во церковь,— имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воле божии тако. Посем мати моя отыде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания переселихся во ино место. Рукоположен во диаконы двадесяти лет с годом, и по двулетех в попы поставлен; живый в попех осм лет, и потом совершен в протопопы православными епископы — тому двадесять лет минуло; и всего тридесять лет, как имею священство.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много — по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз грешный, прилежа во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам еще же и в царствующем граде и во стране сибирской проповедуя и уча слову божию,— годов будет тому с полтретьятцеть[1].

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя, и держал, дондеже во мне угасло злое разжение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, неудобь носимо. Падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разным пестротами,— красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо* — его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: «чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «твой корабль! на, плавай на нем з женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетах и седше разсуждаю: что се видимое? и что будет плавание?

А се по мале времени, по писанному: «объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох». У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери, и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв

[1] Т. е. 25.

полчаса и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

Таже ин начальник во ино время на мя рассвирипел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих, и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, по благодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двемя малыми пищальми и, близ меня быв, запалил ис пистоли, и божиею волею на полке порох и пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всего ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, который сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо* же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика* древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану[1], они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы же с грамотою паки послали меня на старое место, и я притащился,— ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Придоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари* и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петровичь Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своего Матфея бритобратца*. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались, а брату моему меншому бояроня Васильева и дочь духовная была. Так то бог строит своя люди...

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве и, божию волею, государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Повольской. И тут пожил немного,— только осьм недель: дьявол научил попов, и мужиков, и баб,— пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня ис приказа собранием,— человек с тысящу и с полторы

---

[1] *Стефан Ванифатьев* — духовник царя, протопоп Благовещенского собора в Московском Кремле. *Неронов Иван* — один из выдающихся деятелей церковного раскола, учитель и друг Аввакума.

их было,— среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами. Грех ради моих замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «убить вора..., да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал,— ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе! везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинился печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут; опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцеть, в Юрьевце остались: не ведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

<Аввакум в Москве. Начало борьбы с Никоном. Первые гонения.> Посем Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита[1]. А прежде ево приезду Стефан духовник, моля бога и постяся седмицу с братьею,— и я с ними тут же,— о патриархе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших, и с митрополитом казанским Карнилием, написав челобитную за руками, подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтобы ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: преосвященному митрополиту Никону новогороцкому и великолуцкому и всея Русии радоватися, и прочая. Егда же приехал, с нами яко лис: челом да здорово. Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех козиях говорить. Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в крестовую пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанской, к Неронову Ивану. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место; да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанские тое держался, чел народу книги. Много людей приходило. В памяти Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания* творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов,— седмицу в полатке молился. И там ему от образа глас

---

[1] Речь идет о перенесении мощей митрополита Филиппа в 1652 г. Митрополит Филипп был умерщвлен по приказу Ивана Грозного опричником Малютой Скуратовым.

бысть во время молитвы: «время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал: также коломенскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новгородцких пределех, потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много писано было; он же, не вем, где скрыл их: мнитмися, Никону отдал...

Таже меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрелцами; человек со мною с шестьдесят взяли: их в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворе на чепь посадили ночью. Егда же розсветало в день недельный, посадили меня на телегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря[1], и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. Бысть же я в третий день приалчен,— сиречь есть захотел,— и после вечерни ста предо мною, не вем ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил и лошку в руки дал и хлеба немножко и штец похлебать,— зело прикусны, хороши! — и рекл мне: «полно, довлеет ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись а ево не стало! Дивно только — человек; а что ж ангел? ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. Сняли большую чепь да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чепь торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в будущий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели...

<Ссылка в Сибирь.> Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила; болную в телеге и повезли до Тоболска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами и водою и санми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня; в полтора годы пять слов государевых[2] сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьявольским научением, напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же Антон утече у него и прибежал во церковь ко мне. Той же Струна Иван

---

[1] *Андроньев монастырь* — монастырь в Москве около р. Яузы; ныне здесь находится Музей имени Андрея Рублева.

[2] *...слов государевых* — имеется в виду термин «слово и дело государево», т. е. донос, обличающий кого-либо в государственном преступлении.

собрався с людьми, во ин день прииде ко мне в церковь,— а я вечерню пою,— и вскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул и никого не пустил,— один он Струна в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковный мятеж постегал ево ременем нарочито-таки; а прочии, человек з двадцеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил его к себе. Сродницы же Струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай; иное в церкве начую, иное к воеводе уйду, а иное в тюрьму просился,— ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла мирополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правильною виною ево, Струну, на чепь посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину взяв и, не наказав мужика, отпустил. И владыко ево сковать приказал и мое дело тут же помянул...

Посем указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь Никонову...

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк,— людей с ним было 600 человек; и грех ради моих суров человек: беспрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в большой Тунгуске реке, в воду загрузило бурею дощенник мой совсем: налился среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «господи, спаси! господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощеннике двух человек сорвало, и утонули в воде. Посем, оправяся на берегу, и опять поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской[1] порог, на встречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы,— одна лет в 60, а другая и болши: пловут пострищись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «по правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На

[1] Порог на р. Ангаре.

другом, Долгом, пороге стал меня из дощенника выбивать: «для-де тебя дощенник худо идет! еретик-де ты! поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы,— перие красное,— вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы*, и лебеди, и иные дикие,— многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие,— во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми, и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! убойся бога, седящего на херувимех и призирающего в безны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираешь и неудобство показуешь»,— и прочая; там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятьдесят: взяли мой дощенник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил да кормлю их; и они, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощенник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «поп ли ты или роспоп?» И аз отвещал: «аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий* зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши по той же спине семдесят два удара кнутом. А я говорю: «господи Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж, беспрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю «пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «полно бить тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «за что ты меня бьешь? ведаешь ли?» И он паки велел бить по бокам, и опустили. Я задрожал да и упал. И он велел меня в казенной дощенник оттащить: сковали руки и ноги и на беть[1] кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощь под капелию лежал...

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому большему — Падуну[2], река о том месте шириною с версту, три залавка* чрез всю реку зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег; а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто: льет вода по брюху и по спине,— нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко* гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят...

Посем привезли в Брацкой острог и в тюрму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка в соломке

---

[1] *Беть* — бревно, скрепляющее борта баркаса.
[2] Порог на р. Ангаре.

лежу: коли накормят коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батожка не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «прости!» — да сила божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами* и с собаками жил скован зиму всю. А жена с детьми верст з двадцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю,— лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрму, где я сидел: ночевал милой и замерз было тут. И на утро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери,— руки и ноги познобил...

Потом доехали до Иргеня озера: волок тут,— стали зимою волочитца. Моих роботников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленьки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочился за волок. Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие,— огонь да встряска,— люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступился. У протопопицы моей однарятка* московская была, не згнила,— по русскому рублев в полтретьятцеть и болши по тамошнему: дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулися, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять,— осталось небольшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну; а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей, и что волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волков и лисиц, и что́ получит,— всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла,— все извод взял, понеже не по чину жеребенка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеся по горам и по острому камению наги и боси, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы грешной душе! *Кто даст главе моей воду и источник слез,* да же оплачю бедную душу свою, юже зле погуби житейскими сластьми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки

и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уже ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меншими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено, ино мучитца веры ради Христовы. Любил, протопоп, со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: «не начный блажен, но скончавый». Полно тово; на первое возвратимся.

< **Возвращение из сибирской ссылки.** > Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки; а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошедей не смеем, а за лошедми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится,— кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной* же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «что ты, батко, меня задавил?» Я пришел,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненькая была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, божиим повелением нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против того по два яичка на день давала. Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У бояронн куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их принесла, чтоб-де батько пожаловал,— помолился о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил, корыто им зделал, из чево есть, и водою покропил, да к ней все и отослал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодня так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради...

Десять лет он меня мучил или я ево,— не знаю; бог разберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слышал я, едучи, от иноземцев: дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых и больных и раненых, кои там негодны, человек с десяток, да я с женою и з детми,— семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же бог наставит, ничего не бояся...

Таже в русские грады приплыл и уразумел от церкви, *яко ничто ж успевает, но паче молва бывает*. Опечаляся, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповедаю ли слово божие или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня. И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить, ли мне или молчать? — связали вы меня!» — Она же мне говорит: «господи помилуй! что ты, Петрович, говоришь? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь: «привязался еси жене, не ищи разрешения; егда отрешишися, тогда не ищи жены». Аз тя и с детми благословляю: дерзай проповедати слово божие попрежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудную еретическую!» Я-су ей за то челом, и, отрясше от себя печалную слепоту, начах попрежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур; а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземских орд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземских руках. На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртыше реке собрание их стоит: ждут березовских наших с дощенником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и обскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торговать со мною стали,— медведев[1] я у них накупил,— да и отпустили меня...

---

[1] *Медведями* назывались залежалые товары.

<Прибытие в Москву.> Таже к Москве приехал, и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву[1] зашел: он сам из полатки выскочил ко мне: благословился от меня, и учали говорить много-много,— три дни и три нощи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «здорово ли-де, протопоп, живешь? еще-де видатца бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловал и пожал, а сам говорю: «жив господь, и жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволит бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел, куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить! Прошло уже то! Велел меня поставить на монастырском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялся часто со мною низенко-таки, а сам говорит: «благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, мурманку, снимаючи с головы, уронил, едучи верхом. А из кореты высунется бывало ко мне. Таже и вся бояря после ево челом да челом: «протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя тово и бояр тех не жалеть? Жаль, о-су! видишь, каковы были добры! да и ныне они не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединился в вере; аз же вся сия яко уметы* вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет...

<Аввакум с единомышленниками в Пустозерске.> Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырми замками: *стражие же пре[д] дверми стрежаху темницы.* Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Вирсавию: се еси добра, прекрасная моя, се еси добра, любимая моя, очи твои горят, яко пламя огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей (Хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостолы научили так? — не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею хотят в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: «шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет». Смотри, слышателю,— волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокоряющихся огнем

---

[1] *Федор Ртищев* — государственный деятель, боярин, двоюродный брат боярыни Ф. П. Морозовой.

жечь и на висилицах вешать. Татарской бог Магмет написал во своих книгах сице: «непокараящихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда так не повелел. И те учители явны яко шиши* антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: «не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити»: от плода бо всякое древо познано бывает. Да што много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Персиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы имя Христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перст, не разсуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положенно: лежи оно так во веки веком!..

ИЗ ЧЕЛОБИТНОЙ ЦАРЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю. Да воевода бы мне крепкой, умной — князь Юрья Алексеевич Долгорукой! Перво бы Никона, собаку, и рассекли начетверо, а потом бы никониян. Князь Юрья Алексеевич, не согрешим, небось, но и венцы победныя примем! Помнишь, ты мне жаловал, говорил: «естли-де, что, протопоп Аввакум,— на соборе том говорит,— и я тебе сопротив безответно реку: «государь, видно, так ты». Да инде и слава богу. А после не так у них стало.

Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, слышал я от Спаса; то ему за свою правду. Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддержали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!

Князь Юрья Алексеевич, здрав буди, а благословение мое есть на главе твоей. Помнишь, и дважды благословил тя да и ныне так же. Прости и моли о мне, грешнем, бога, да не разлучит нас во царствии своем в день века. Мои, светы, вы все, князи и боляре, отступником до вас нет дела. Говорите Иоакиму патриарху, престал бы от римских законов: дурно затеели, право.

Простой человек Яким-от. Тайные те шиши, кои приехали из Рима, те ево надувают аспидовым ядом. Прости, батюшка Якимушко! Спаси бог за квас, егда напоил мя жаждуща, егда аз с кобелями теми грызся, яко кончая собака с борзыми, с Павлом и Ларионом.

Чудо! чудо! заслепил диявол! Отеческое откиня, им же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборства возлюбиша, извратишася. Не я своим умыслом, скверной, затеваю, ни, ни, никако же, но время открывает, яко чаша в руце господни нерастворенна исполнь растворения и уклони от сея в сию, обаче и дрождие его не искидашася. Псалмопевец глагола: «и дрождей не кинет даром, но испиют е вси грашнии земля»...

Рече господь: «имеяй уши слышати, да слышит!» Прости, прости, прости, державне, пад, поклоняюся. Прости, господа ради, в чем согрубил тебе, свету. Благословение тебе от всемогущия десницы и от меня, грашнаго, Аввакума протопопа. Аминь.

ПИСЬМО К БОЯРИНЕ Ф. П. МОРОЗОВОЙ И КНЯГИНЕ Е. П. УРУСОВОЙ

Увы, измолче гортань мой, исчезосте очи мои! Благоволи, господи, избавити мя. Господи, помощи ми потщися! Скоро да предварят ны щедроты твоя, господи, яко обнищахом зело. Помози нам, боже, спасителю наш!

Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечный, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?

Не вем и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?

Увы, Феодосья! Увы, Евдокея! Два супруга нераспряженная, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслины и два свещника, перед богом на земли стояще! Воистину подобни есте Еноху и Илии. Женскую немощь отложше, мужескую мудрость восприявше, диявола победиша и мучителей посрамиша, вопиюще и глаголюще: «приидите, телеса наша мечи ссецыте и огнем сожгите, мы бо, радуяся, идем к жениху своему Христу».

О, светила великия, солнца и луна руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред господем богом! О, две зари, освещающия весь мир на поднебесней! Воистину красота есте церкви и сияние присносущныя славы господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома господня, возбраняете волком вход во святая. Вы два пастыря, пасете овчее стадо Христово на пажетех духовных, ограждающе всех молитвами своими от волков губящих. Вы руководство заблуждшим в райския двери и вшедшим — древа животнаго наслаждение! Вы похвала мучеником и радость праведным и святителем веселие! Вы ангелом собеседницы и всем святым сопричастницы и преподобным украшение! Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! И что много говорю? — всем вся бысте ко исправлению и утверждение во Христа Исуса.

Как вас нареку? Вертоград едемский именую и Ноев славный ковчег, спасший мир от потопления! Древле говаривал и ныне то же

говорю: киот священия, скрижали завета, жезл Ааронов прозябший, два херувима одушевленная! Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашея доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания.

Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такия высокия степени ступить и в бесчестия вринутися? Воистинну подобни сыну божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеся и волею пострадал. Тому ж здесь прилично о вас мне рассудить.

Недивно, яко 20 лет и единое лето мучат мя: на се бо зван есмь, да отрясу бремя греховное; а се человек нищей, непороднеи и неразумной, от человек беззаступной, одеяния и злата и сребра не имею, священническа рода, протопоп чином, скорбей и печалей преисполнен пред господем богом. Но чюдно о вашей честности помыслить: род ваш,— Борис Иванович Морозов сему царю был дядька, и пестун, и кормилец, болел об нем и скорбел паче души своей, день и нощь покоя не имуще; он сопротив тово племянника ево роднаго, Ивана Глебовича Морозова, опалою и гневом смерти напрасной предал,— твоего сына и моего света.

Увы, чадо драгое! Увы, мой свете, утроба наша возлюбленная,— твой сын плотской, а мой духовной! Яко трава посечена бысть, яко лоза виноградная с плодом, к земле приклонился и отъиде в вечная блаженства со ангелы ликовствовати и с лики праведных предстоит святей троицы. Уже к тому не печется о сустной многострастной плоти, и тебе уже некого чотками стегать и не на ково поглядеть, как на лошадки поедет, и по головки некого погладить,— помнишь ли, как бывало? Миленький мой государь! В последнее увидился с ним, егда причастил ево. Да пускай, богу надобно так! И ты небольно о нем кручинься. Хорош, право, Христос изволил. Явно разумеем, яко царствию небесному достоит. Хотя бы и всех нас побрал, гораздо бы изрядно! С Федором там себе у Христа ликовствуют,— сподобил их бог! А мы еще не вемы, как до берега доберемся.

Помнишь ли Феодора? Не сердитуеши ли на него? Поминай-су бога для, не сердитуй! Он не больно пред вами виноват был,— обо всем мне пред смертию, покойник, писал: стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и им-де на дорогу ничево не дала, и с Москвы от твоей изгони съехал, и кое-што сказывал. Да уже бог вас простит! Нечево старова поминать: меня не слушала, как я говорил, а после пеняешь мне. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а ум короток.

Ну, прости ж меня, а тебя бог простит во всем. Мучтеся за Христа хорошенько, не оглядывайтеся назад. Спаси бог, денег ты жене моей и кое-что послала. Да мужик ничево не отдал, ни полушки, перед ним! Пускай ево! Не до денег нам ныне. У тебя и больши нашева заводов было, да отняли же. Да добро так! Благодарите же бога, миленькие светы мои, не тужите о безделицах века сего.

Ну, и тово полно — побоярила: надобе попасть в небесное боярство.

Мир вам, Евдокеи и Феодоре, и всем благословения. Заплатите же сему за труды принесшему.

ПИСЬМО СЕМЬЕ АВВАКУМА

Ивану с матерью и з женою, и з дочерью, и Прокопию з братом, и с сестрами, и с домашними, Феодору с Лукою, всем без разбору — благословение; Марковну бог простит.

Пришли с Машигиным ваши все посылки. Я Огрофене холстинку послал, да неведомо до нея дошла, неведомо — нет; уш то ей, бедной, некому о том грамотки написать? Уш-то она бранится с братиею? А я сетую: не весть — дошла, неведомо — нет. А о рубашках,— я с Тимофеем писал, и про холстинку и про него, что он сплутал, нам посылку с Москвы не привез. И он уш-то то и отодрал? Три рубахи пришлите. Давно рубахи надобно: часто наг хожу. Да и башмачишков нет, какие бы нибудь, да и ферезишков нет, да и деньженец нет. Грамотки, Иван, бояроне в столпчик запечатай да пошли. Послал ныне богоявленской воды боченку, а летом — августовы; а и нынешнюю и первую сам святил. О мире преж сего писал я вам. Феодор, что об одном деле дважды говоришь? В первые, реку, лета быша православнии епископи, аще и при Никоне священо.

И Маремьяне попадье я грамотку с Ываном Архиповым послал, велю жить с попом, что она плутает? Апостол глаголет: «святит бо ся муж неверен о жене верней». Многонько там писано. А ныне с Стефаном..., послал с сестрою, неколи много писать, надобе боло итить.

В Соловки те, Феодор, хотя бы подъехал, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал, а буде нельзя, ино бы и опять назад со всем.

И как весною приедете, тогда и Орину привезите; а у вас бы жила смирно, не плутала; а буде станет плутать, и вы ее смиряйте.

Хто тебе научил указывать — тово мне, чтоб я Федосье той запретил? Плутаешь иное и ты много. Ведаю веть я и твое высокое житье, как у нее живучи, кутил ты! Горе, бешь, мне с вами стало.

СПИСАНИЕ И СОБРАНИЕ И БОЖЕСТВЕ И О ТВАРИ И КАКО СОЗДА БОГ ЧЕЛОВЕКА

...Паки Бытию рцем: и «приведе господь ко Адаму звери, и скоти, и птицы небесныя, и поклонишаяся ему, видя ево во славне образе сияща, Адам же нарече им всем именам». И поживе Адам в раю, по Филону, сто лет, а инии глаголют три годы, и инии — шесть часов, яко царь над всею тварию. Вся ему покорна, вся повинна, лютые звери пред ним трепетаху и бояхуся Адама, и сам бог беседоваше с Адамом. И позавиде диявол чести и славе

Адамли, восхоте у бога украсти. Вниде во змию, лучшаго зверя, и оболга бога ко Адаму, рече: «завистлив бог, Адаме, не хощет вас быти таковых, яко же сам. Аще вкусите от древа, от него же вам заповеда, будете яко бози». Адам же отказал, помня заповедь зиждителеву. Змия же, отклоняся от Адама, прииде ко Евве; ноги у нее были, и крылье было. Хороший зверь была, красной, докаместь не своровала. И рече Евве те же глаголы, что и Адаму. Она же, послушав змии, приступи ко древу, взем грезнь и озоба его и Адаму даде, понеже древо красно видением и добро в снедь, смоковь красная, ягоды сладкие, слова междо собою лстивые: оне упиваются, а дьявол смеется в то время. Увы невоздержания, увы небрежения господни заповеди! Оттоле и доднесь творится так же лесть в слабоумных человеках. Потчивают друг друга зелием нерастворенным, сиречь зеленым вином процеженным и прочими питии и сладкими брашны. А опосле и посмехают друг друга, упившагося до пьяна,— слово в слово, что в раю бывает при дьяволе и при Адаме.

Бытия паки: «и вкусиста Адам и Евва от древа, от него же бог заповеда, и обнажистася». О миленькие! одеть стало некому; ввел дьявол в беду, а сам и в сторону. Лукавой хозяин накормил и напоил, да и с двора спехнул. Пьяной валяется на улице ограблен, а никто не помилует. Увы безумия и тогдашнева и нынешнева!

Паки Библея: Адам же и Евва «сшиста себе листвие смоковничное от древа», от него же вкусиста, прикрыста срамоту свою; и скрыстася, под древо возлегоста. Проспалися, бедные, с похмелья, ано и самим себя сором: борода и ус в блевотине, а от гузна весь и до ног в г...х, со здоровных чаш голова кругом идет.

Паки Бытия: и ходящу богу в раи, глаголющу: «Адаме, Адаме, где бе?» Он же отвеща: «господи, гласа твоего слышу, а видети тя не могу». Господь же, наруга ему, рече: «се Адам, яко един от нас». И паки рече господь: «что се сотворил еси?» Он же отвеща: «жена, еже ми сотворил еси». Просто молыть: «на что-де мне дуру такую зделал». Сам неправ, да на бога же пеняет. И ныне похмельные, тоже шпыняя, говорят: «на што бог и сотворил хмель-ет, весь-де до нага пропился, и есть нечева, да меня ж де избили всево»; а иной говорит: «бог-де ево судит, упоил до пьяна»; правится, бедной, бытто от неволи так сделалось. А беспрестанно тово ищет и желает; на людей переводит, а сам где был? что, Адам, на Евву переводишь? А сам от дьявола и прежде поущение слышал. Ино было, уразумев навет дьявольский, и жена укрепить к соблюдению заповеди. Так в те поры не так было: небрежем о заповеди зиждителеве: ешь, да пей, да веселися. А топеря: «жена, еже ми даде». Чем было рещи: «согрешил, господи, прости мя». Ино стыдно так молыть, лукавая совесть не велит, коварством хощет грех загладить, да и на людей переводит. «Жена, еже ми даде». Господь же рече ко Евве: «Евва, что се сотворила еси?» Она же отвеща: «змия прелсти мя». Вот хорошо: каков муж, тако-

ва и жена; оба бражники, а у детей и давно добра нечева спрашивать, волочатся ни сыты, ни голодны.

Бытия: змия же отвеща: «дьявол научил мя». Бедные! все правы, и виноватова нет. А то и корень воровству сыскался. Чем еще поправитеся? Все за одно, с вором стакався, воровали: чем дело вершить? Да нечем переменить. Кнутом бить, да впредь не воруют...

ОБ ИКОННОМ ПИСАНИИ

...По попущению божию умножися в нашей Руской земли иконнаго писма неподобнаго изуграфы. Пишут от чина меншаго, а велиции власти соблаговоляют им, и вси грядут в пропасть погибели, друг за друга уцепившися, по писанному: слепый слепца водяй, оба в яму впадутся, понеже в нощи неведения шатаются; а ходяй во дне не поткнется, понеже свет мира сего видит, еже есть: просвещенный светом разума опасно зрит коби и кознования еретическая и потонку разумевает вся нововводная, не увязает в советех, яже умышляют грешнии. Есть же дело настоящее: пишут спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и у ног бедры толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу, понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христос же бог наш тонкостны чювства имея все, якоже и богословцы научают нас. Чти в «Маргарите» слово Златоустаго на рожество богородицы; в нем писано подобие Христово и богородичино: ни близко не находило, как ныне еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никон, враг, умыслил, будто живыя писать, устроят все по фряжьскому, сиречь по немецкому. Якоже фрязи пишут образ благовещения пресвятыя богородицы, чревату, брюхо на колени висит, — во мгновении ока Христос совершен во чреве обретеся! А у нас в Москве в «Жезле» книге написано слово в слово против сего: в зачатии-де Христос обретеся совершен человек, яко да родится. А в другом месте: яко человек тридесяти лет. Вот смотритесу, добрыя люди: коли з зубами и з бородою человек родится! На всех на вас шлюся от мала и до велика: бывало ли то от века? Пуще оне фрягов тех напечатали, враги божии. Мы же, правовернии, тако исповедуем, яко святии научают нас, Иван Дамаскин и прочии: в членах, еже есть в составех, Христос, бог наш, в зачатии совершен обретеся, а плоть его пресвятая по обычаю девятомесячно исполняшеся; и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет. Вот иконники учнут Христа в рожестве з бородою писать, да и ссылаются на книгу: ту так у них и ладно стало. А богородицу чревату в благовещение, яко же и фрязи поганыя. А Христа на кресте раздутова; толстехунек миленькой стоит, и ноги те у него, что стулчики. Ох, ох, бедная Русь, чего-то тебе захотелося немецких поступов и обычаев!..

САТИРА

В XVII в., особенно во второй его половине, бурно развивается сатирическая литература. *Ее возникновение обусловлено обострением классовой борьбы, столь* сильно выразившейся в крестьянских войнах под водительством Болотникова и Степана Разина, в посадских бунтах и церковном расколе. Питательной социальной средой возникновения и развития сатиры были низшие слои городского посада и обездоленное крестьянство. В сатирических произведениях обличались несправедливость отношения к низшим слоям русского феодального общества суда и судейских чиновников, религиозно-церковный уклад жизни и традиционная система церковных взглядов, государственная организация пьянства («царев кабак»). Формы сатирических произведений в основном сводились к сатирическим повестям, обычно основанным на фольклорном сюжете, и пародиям на древнерусские литературные жанры.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

Повесть дошла до нас во многих списках XVII—XVIII вв., представляющих четыре основные редакции. Время возникновения первой ранней редакции относится к первой половине XVII в. (не позже 1649 г.). Повесть обличает судейские порядки, классовую пристрастность и продажность судейских чиновников. Это произведение было популярным в демократических кругах, оно широко распространялось в списках и лубочных изданиях в XVIII и XIX вв. Текст повести печатается по списку конца XVII в., относящемуся к первой редакции, по исследованию: А д р и а н о в а - П е р е т ц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.—2-е изд.— М.; Л., 1977.

Лета 7105 (1596) декабря в день было в болшом озере Ростовском сьеждялися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел, судные мужики Судок да Щука-трепетуха.

Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головль, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьют челом и плачутца сироты божии и ваши крестьянишка, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головль. Жалоба, господа, нам на Ерша на Ершова сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужскаго поместья из Кузьмодемянскаго стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками своими, приволокся в зимную пору на ивовых санишках и загрязнился и зачернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря. И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестиянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з

женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать было ему в Оке-реке. И тот воришько Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и росплодился с племянем своим, а нас, крестиян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вот выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишьками, а нас хощет поморить голодною смертию. Смилуйтеся, господа, дайте нам на его суд и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел, и на суде спрашивали Ерша: «Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?»

И ответчик Ершь перед судиями говорил: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабливал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушьку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истариншей человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, яз батюшка своего, но хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишьками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещь да Головль сами сволоклися на Волгу-реку и по затонам розлилися. А ныне меня, бедново, отнюдь продают напрасно. И коли оне жили в Ростовскомь озере, и оне мне никогда и свету не дали, ходят поверх воды. А я, господа, божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть, ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго у меня никакова не вынимывали, живу я своею силою и правдою отеческою, а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь, и с уксусомь, и во всяких узорочиях, а поставляють меня перед собою честно на блюдах, и многие люди с похмеля мною оправливаютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что Ерша еще уличаите ли чем?» И Лещь говорил: «Уличаем божиею правдою да кресным целованием и вами, праведными судиями». «Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие даные или крепости какие не буть?» И Лещь сказал: «Пути-де у нас и даные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно, и всем то ведамо,

что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством».

И Лещь с товарищем слалися: «Сшлемся, господа, из виноватых, на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да на другово доброво человека, а живет он под Новым-городом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро изстарины наше, а не Ершово».

И судии спрошали Ерша щетинника: «Ершь щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?» И Ершь им говорил: «Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные, а я человек небогатой, а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в далнем разстоянии, шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людми водят меж собою».

И Лещь с товарищем: «Шле́мся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут его Селдь рыба».

И Ершь так говорил: «Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди во племяни, промеж собою ссужаютьца, и они по Леще покроют».

И судии спрашивали Ерша: «Ершь щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подалеку?» И Ершь говорил так: «Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем, а се Лещь он с ними во племяни».

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу съездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их перед судиями. И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. И Мень ему отказал: «Что ты, братец, меня хощешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се у меня губы толсты, перед добрыми людми говорить не умею».

И пристав Окунь отпустил Мня на волю да взял в понятые Язя да Саблю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: «Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье изстарины то Ростовское озеро было?» И правду сказали третие: «То-де озеро изстарины Лещево да Головлево». И их оправили. «Господа, люди добрые, а крестияня они божии, а кормятся своею силою, а тот Ершь щетина, лихой человек, поклепщик бедо, обманщик, воришько, воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бываеть, он таков, что змия ис-под куста глядить. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и вывернетца он, аки бес. А где он впроситца начевать, и он хочет и

хозяина-то выжить. И как та беда разплодился, и он хочеть и вотчинника-то посесть, да многих людей ябедничеством своим изпродал и по дворам пустил, а иных людей пересморкал; а Ростовское озеро Лещево, а не Ершово».

И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?» И Ершь так говорил: «Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех то Ростовское озеро горело с Ыльина дни да до Семеня дни летоначатьца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася, а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели».

И судии спрашивали: «Скажите вы про тово Ерша, назвался он добрым человеком, да знают-де ево князья и бояря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьчие, и гости и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых, Переславцы». «А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду. Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюеть, а досталь собакам за окно вымечють или на кровлю выкинуть. А изстарины словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никаково нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обаищик и ведомой воришко».

И судии спрашивали Осетра: «Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про нево ведаешь?» И Осетр, стоячи, молвил: «Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду. Знают Ерша на Москве князи и бояря и всяких чинов люди. Толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которости к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом. И яз начался ево добрым человеком да назвал ево противу братом. И он меня спросил: «Брате Осетр, далеча ль ты идеш?» И яз ему спроста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ерш рече: «У меня перешиб, брате мой милый Осетр, жаль мне тебя, не погинь ты напрасно, а ныне ты мне стал не в чужих. Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи — что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и нос переломал, а ныне ты, брате, видиш и сам, каков яз стал: и менши тобя и дороства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него б... с...

назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал».

А Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: «Право, он прямой человек, ведомой вор, мне он не одно зло учинил — брата моего, болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся, а когда брат мой, болшей Сом, вверх по Волге-реке шел, и тот Ершь щетина, ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить. А в тое время брата моего неводом обкидали и из детьми, а тот Ершь стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?» И брат мой спроста молвил: «Я-де вижу Волгу с вершины и до устия». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моево и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухами и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор».

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Леща и повернулся к Лещу хвостом, а сам почал говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером попрежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестиянех. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от нево впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить ево кнутом нещадно.

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з болшим усом, да Щука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Мен Чернышев да другой Терской, а понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да целовальник переписывал животы и статки пять или шесть Подузов Красноперых, да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов, Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремный сторож — Жук Дудин.

ПОВЕСТЬ О КАРПЕ СУТУЛОВЕ И ПРЕМУДРОЙ ЖЕНЕ ЕГО

Повесть возникла во второй половине XVII в. на основе сюжета, широко распространенного как в русских народных сказках, так и в мировом фольклоре. Она дошла до нас в единственном списке XVIII в. Текст повести печатается по исследованию: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.— 2-е изд.— М.; Л., 1977.

Бе некто гость велми богат и славен зело, именем Карп Сутулов, имеяй жену у себя именем Татиану, прекрасну зело. И живяше он с нею великою любовию. И бе гостю тому Карпу живуще во граде некоем, и в том же граде друг бысть велми богат и славен и верен зело во всем, именем Афанасий Бердов. Тому же преждереченному гостю Карпу Сутулову прилучися время ехати на куплю свою в Литовскую землю. И шед, удари челом другу своему Афанасию Бердову: «Друже мой любиме, Афанасие! Се ныне присне мне время ехати на куплю свою в Литовскую землю, аз оставляю жену свою едину в доме моем; и ты же, мой любезнейший друже, жену мою, о чем тебе станет бити челом, во всем снабди: аз приеду от купли своей, буду тебе бити челом и платитися». Друг же его Афанасий Бердов глаголя ему: «Друже Карпе мой! аз рад снабдевати жену твою». Карп же шед к жене своей и сказа ей: «Аз был у друга своего Афанасия и би челом ему о тебе: аще какая без меня тебе будет нужда в денгах, да снабдит тебя во всем друг мой Афанасий»; рекох мне он: «Аз рад снабдевати без тебя жену твою».

Карп же наказа и жене своей Татиане тако: «Госпоже моя, Татиана, буди бог между нами. Егда начнешь творити без меня частыя пиры на добрых жен, на своих сестер, аз тебе оставляю денег на потребу, на что купити брашна на добрых жен, на своих сестер, и ты поди по моему приказу ко другу моему Афанасию Бердову и проси у него на брашна денег, и он тебе даст сто рублев, и ты, чай, тем до меня и проживешь. А моего совету блюди, без меня не отдавай и ложа моего не скверни».

И сия рек, отъиде на куплю. Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно и радостно велми, и возвратися в дом свой и нача после мужа своего делати на многие добрыя жены частыя пиры, и веселяся с ними велми, воспоминая мужа Карпа в радости.

И нача, и живши она без мужа своего многое время, и тако издержала денги остатки. И минувши уже тому три года, как поеде муж ея, она же шед ко другу мужа своего ко Афанасию Бердову и рече ему: «Господине, друже мужа моего! даждь ми сто рублев денег до мужа, а муж мой Карп, когда поехал на куплю свою, и наказал: «Егда до меня не станет денег на потребу на что купити, и ты поиди моим словом ко другу моему ко Афанасию Бердову и возми у него на потребу себе [на] брашна денег сто рублев». И ты же ныне пожалуй мне на потребу на брашна денег сто рублев до мужа моего: егда муж мой приедет от купли своей, и тогда все тебе

отдаст». Он же на ню зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая [ся] к ней плотию своею и глаголаша к ней: «Аз дам тебе на брашна денег сто рублев, толко ляг со мною на ночь». Она же о том словеси велми засумневашася и не ведает, что отвещати, и рече ему: «Аз не могу того сотворити без повеления отца своего духовнаго, иду и вопрошу отца своего духовнаго: что ми повелит, то и сотворю с тобою».

И шед вскоре и призвав к себе отца своего духовнаго и рече ему: «Отче мой духовный, что повелиши о сем сотворити, понеже муж мой отъиде на куплю свою и наказав мне: «Аще ли до меня не достанет тебе на потребу денег, чем до меня [жити], и ты ж иди ко другу моему ко Афанасию Бердову, и он тебе по моему совету даст тебе денег сто рублев». Ныне же у меня не доставшу сребра на брашна, и аз идох ко другу мужа моего ко Афанасию Бердову, по совету мужа своего. Он же рече ми: «Аз ти дам сто рублев, толко буди со мною на ночь спать». И аз не вем, что сотворити, не смею [без] тебе, отца своего духовнаго, того с ним сотворити без повеления твоего: и ты ми [что] сотворити повелиши?» И рече ей отец духовный: «Аз тебе дам и двести рублев, но пребуди со мною на ночь». Она же о том словеси велми изумилася и не ведает, что отвещати отцу своему духовному, и рече ему: «Дай ми, отче, сроку на малую годину».

И шед от него на архиепископов двор тайно и возвести архиепископу: «О, велики святы, что ми повелеваеши о сем сотворити: понеже муж мой, купец славен зело Карп Сутулов, отъиде на куплю свою в Литовскую землю, се уж ему третие лето, и после себя оставил мне на потребу денег; отныне же мне не доставши сребра на пропитание до него, и как муж мой поехал на куплю свою и наказал мне: «Аще ли не достанет тебе денег, чем до меня пропитатися, и ты по моему совету поиди ко другу моему, ко Афанасию Бердову, и он по моему приказу даст тебе на потребу на брашна денег сто рублев». И аз шед ныне ко другу мужа своего Афанасию Бердову и просила у него на потребу себе денег до мужа своего сто рублев. Он же рече ми: «Аз дам ти и сто рублев, толко ляг со мною на ночь». И аз не смела того сотворити без повеления [отца] своего духовнаго и шед ко отцу своему духовному и вопроси о сем отца своего духовнаго, что ми повелит, он же рече ми: «Аще ты со мною сотворишь, аз дам ти и двести рублев». И аз с ним не смела того сотворить». Архиепископ же рече: «Остави обоих их, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и аз дам тебе и триста рублев». Она же не ведает, что ему отвещати, и не хотяше таковых слов преслушати, и рече ему: «О, велики святы, како я могу убежати от огня будущаго?» Он же рече ей: «Аз тя во всем разрешу».

Она же повелевает ему быти в третием часу дни. И тако шед ко отцу своему духовному и рече ему: «Отче, будь ко мне в 6 часов дни». Потом же иде к другу своего мужа ко Афанасию Бердову и [рече]: «Друже мужа моего, приди ко мне в 10-м часу дни».

Прииде же ныне архиепископ. Она же встретила его с великой

честью. Он же велми разжигая плоть свою на нея и принесе ей денег триста рублев, и даде, и хотяше пребыти с нею. Она же рече: «Требуеши облещи на ся одежду ветхую самую; [не добро] пребыти со мною, в ней же пребываеши при многоцветущем народе и бога славиши, в том же и самому паки к богу быти». Он же рече: «Не виде никто мя и в этом платье, что мне и оно облещи, но некоему нас с тобою видети». Она же рече ему: «Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека утаим странствие наше, но он вся весть, обличени[я] не требует. И сам-то господь не придет с палицею на тя и на вся злотворящая, таковаго человека зла пошлет на тя, и тот тя имать бити и бесчествовати и предати на обличение протчим злотворящим». И сия глаголаше ко архиепископу. Он же рече ей: «Тол[ко], госпоже моя, не имею никакой иные одежды, какие в мире носят, разве аз [от] тебе требую какую ни есть одежду». Она же даде ему свою женскую срачицу, якоже сама ношаше на теле, а тот сан сняше с него и вложища к себе в сундук и рече ему: «Аз кроме сея одежды не имею в дому своем, понеже отдала портомоице, что носяше муж мой». Архиепископ же с радостию взяше и возде на себе збором женскую рубаху: «На что ми, госпожа, лутше сея одежды требовати, понеже требую [пребыти] с тобою». Она же отвещаше к сему: «Се аз сотворю, но еще прежде покладимся со мною».

И в то же время прииде ко вратом поп, отец ея духовны, по приказу ея, и принесе ей с собою денег двести рублев и начал толкатися во врата; она же скоро возре в окошко и восплеска рукама своима, а сама рече: «Благ господь, понеже подаст ми безмерную и превеликую радость». Архиепископ же рече: «Что госпоже, велми радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Се муж мой от купли приехал, аз же в сим времени ожидала его». Архиепископ же рече ей: «Госпоже моя, где мне деватися срама ради и безчестия?» Она же рече ему: «И ты, господин мой, иди в сундук и сиди там, и аз во время спущу тя». Он же скоро шед в сундук, она же замкнула его в сундуке. Поп же идя на крылцо. Она же встретила его. Он же даде ей двести рублев и нача с нею глаголати о прелюбезных словесах. Она же рече: «Отче мой духовный, как еси ты прелстился на мя? Единаго часа ради обоим с тобою во веки мучитися». Поп же рече к ней: «Чадо мое духовное, аще хощеши бога умолити и милостива сотворити?» Она же рече ему: «Да ты ли, отче, праведны судия? имаши ли власть в рай или в муку пустити мя?»

И глаголющим им много, ажно ко вратом гость богат, друг мужа ея, Афанасий Бердов. И нача толкатися во врата. Она же скоро прискочила к окошку и погляде за оконце, узре гостя богатаго, друга мужа своего, Афанасия Бердова, восплеска рукама своима и поиде по горнице. Поп же рече к ней: «Скажи ми, чадо, кто ко вратом приехал и что ты радостна одержима бысть?» Она же рече ему: «Видиши ли, отче, радость мою: се же муж мой от купли приехал ко мне и свет очию моею». Поп же рече к ней: «О беда моя! Где мне, госпоже

моя, укрытися срама ради?» Она же рече ему: «Не убойся, отче, сего, но смерти своей убойся, греха смертнаго; единою смертию умрети, а грех сотворяй, мучитися имаши во веки». И во оной храмине указа ему сундук. Он же в одной срачице и бес пояса стояше. Она же рече ему: «Иди, отче, во иной сундук, аз во время испущу тя з двора своего». Он же скоро шед в сундук. Она же замкнула его в сундуке, и шед скоро, пусти к себе гостя. Гость же пришед к ней в горницу и даде ей сто рублей денег. Она же прияше у него с радостию. Он же зря на неизреченную красоту лица ея велми прилежно. Она же рече ему: «Чесо ради прилежно зриши на мя и велми хвалиши мя? а не ли же некоему человеку мнози люди похвалиша жену, она же зело зла бяше, он же целомудренны тогда похвалу». Он же рече ей: «Госпожа моя, егда аз насыщуся и наслаждуся твоея красоты, тогда прочь отъиду в дом свой». Она же не ведаше, чим гостя отвести, и повеле рабе вытти и стучатися. Рабыня же по повелению госпожи своея шед вон и начаша у врат толкатися велми громко. Она же скоро потече к окошку и рече: «О всевидимая радость от совершенныя моея любви, о свете очию моею и возделение души моея и радость». Гость же рече к ней: «Что, госпоже моя, велми радостна одержима бысть? Что узрила за окошком?» Она же рече к нему: «Се муж приехал от купли своея». Гость же, послышав от нея таковыя глаголы, и нача по горнице бегати и рече к ней: «Госпоже моя, скажи мне, где от срамоты сея укрытися?» Она же указа ему 3-й сундук и рече ему: «Вниди семо, да по времени спущу тя». Он же скоро кинулся в сундук. Она же замкнула его в сундуке том.

И на утре шед во град на воеводцки двор и повелеша доложити воеводе, чтоб вышел к ней. И рече к ней: «Откуда еси, жена, пришла и почто ми велела вытти к себе?» Она же рече к нему: «Се аз, государь, града сего гостиная жена: знаеши ли ты, государь, мужа моего, богатаго купца, именем Сутулов?» Он же рече к ней: «Добре знаю аз мужа твоего, понеже муж твой купец славен». Она же рече к нему: «Се уже третие лето, как муж мой отъиде на куплю свою и наказал мне взяти у купца же града сего у Афанасия, именем Бердов, сто рублев денег — мужу моему друг есть,— егда не достанет. Аз же делаше после мужа своего многия пиры на добрых жен и ныне мне надоставши сребра. Аз же к купцу оному, ко Афанасию Бердову, ходила и се купца онаго дома не получила, у котораго велел мне муж мой взяти. Ты же мне пожалуй сто рублев, аз тебе дам три сундука в заклат з драгими ризами и многоцеными». И воевода рече ей: «Аз слышу, яко добраго мужа есть ты жена и богатаго: аз ти дам и без закладу сто рублев, а как бог принесет от купли мужа твоего, аз и возму у него». Тогда она же рече ему: «Возми, бога ради, понеже ризы многия и драгия велми в сундуках тех, дабы тати не украли у меня сундуков тех. Тогда, государь, мне от мужа моего быть в наказании и в ту пору станет ми говорить: «Ты бы-де положила на соблюдение человеку доброму до меня». Воевода же, слышав, велел привезти вся три сундука, чаяше истинно

драгия ризы. Она же, шед от воеводы, взяша воевоцких людей пять человек, с коими и приехаша к себе в дом и поставиша, приехаша опять с ними, и привезоша сундуки на воевоцки двор и повеле она воеводе ризы досмотрити. Воевода же повеле ей сундуки отпирати все 3, и видяше во едином сундуке гостя, седяща во единой срачице, и в другом сундуке попа во единоей же срачице и бес пояса, а в третьем сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса. Воевода же, видя их таковых безчинных во единых срачицах седяща в сундуках, и посмеяхся и рече к ним: «Кто вас посади туть в одных срачицах?» И повелеша им выттн из сундуков, и быша от срамоты яко мертвы, посрамлени от мудрыя жены. И падше они воеводе на нозе и плакася велми о своем согрешени. Воевода же рече им: «Чесо ради плачетеся и кланяетеся мне? Кланяйтеся жене сей, она бы вас простила о вашем неразумии». Воевода же рече пред ними и жене той: «Жено, скажи, како их в сундуках запирала?»

Она же рече к воеводе, как поехал муж ея на куплю свою и приказал ей у гостя того просить денег сто рублев, и как к Афанасию ходила просити денег сто рублев, и како гость той хотя с нею пребыти; тако ж поведа про попа и про архиепископа все подленно, и како повелеша им в коих часех приходити, и како их обманывала и в сундуках запирала.

Воевода же, сие слышав, подивися разуму ея, и велми похвали воевода, что она ложа своего не осквернила. И воевода же усмехнулся и рече ей: «Доброй, жено, заклат твой и стоит тех денег!» И взя воевода з гостя пятьсот рублев, с попа тысящу рублев, со архиепископа тысящу пятьсот рублев и повелеша воевода их отпустить, а денги с тою женою и разделиша пополам, и похвали ея целомудренны разум, яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла, и ложа своего не осквернила.

Не по мнозем времени приехал муж ея от купли своей. Она же ему вся поведаша по ряду. Он же велми возрадовася о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила. И велми муж ея о том возрадовася.

ПОВЕСТЬ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ

Повесть возникла на основе сюжета русских народных сказок во второй половине XVII в. Текст печатается по исследованию: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.— 2-е изд.— М.; Л., 1977.

В некоих местех живяще два брата земледелца: един богат, други убог. Богаты же, ссужая много лет убогова, и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемъ ему себе дров привести. Брат же не хотяше

дати ему лошеди и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же взем, нача у него хомута просити, и оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута», и не даде ему хомута. Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему, и забы выставить подворотню, и ударив лошадь кнутом; лошедь же изо всей мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост. И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошади ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бити челом во град к Шемяке судии. Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не итти, ино будет езда приставом платить. И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый приниди начевати к попу того села, понеже ему знаем; убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего. И приидоша ко граду, идеже живяше судия, убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город; града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти.

Бедный же, веды себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати, и ничего у себе не обрете, измысли: взя камень и, заверне в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «отвещай».

Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся, что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай, до тех мест у лошеди выростет хвост, а как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другий суд быти: поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави; он же также выняв из шапки той же заверчены плат и показа судие. Судия же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли де у тебя ушип сына, и ты-де отдай ему свою жену попадью до

тех мест, покамест у попадьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него попадью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти: что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия ж, начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулит, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на него — такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глаголя: «По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублев и лошадь его отда. Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с ребенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял, он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размышляя себе: бросится мне и его де не ушибить, а себе разшибьти. Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя. Судия же высла человека ко ответчику и веле у него показание три узлы взять; человек же судиин нача у него показанныя три узлы просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же выняв из шапки завязаны камень и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажешь камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал; я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел ево ушибти». И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю бога моего, что я по нем судил, ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб». Потом убогии отыде в дом свой, радуяся и хваля бога. Аминь.

КАЛЯЗИНСКАЯ ЧЕЛОБИТНАЯ

«Калязинская челобитная» создана в последней четверти XVII в. В XVIII в. повесть вошла в лубочные издания. Текст печатается по списку конца XVII — начала XVIII в., опубликованному в исследовании: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.— 2-е изд.— М.; Л., 1977.

СПИСОК С ЧЕЛОБИТНЫЕ, КАКОВА ПОДАНА ВЬ 185 [1677] ГОДУ КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ ОТ КРЫЛОШАН НА АРХИМАНДРИТА ГАВРИИЛА ВЬ ЕГО НЕИСПРАВНОМ ЖИТИИ СЛОВО В СЛОВО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ СИМЕОНУ АРХИЕПИСКОМУ ТВЕРСКОМУ И КАШИНСКОМУ[1]

Великому господину преосвященному архиепископу Симеону Тверскому и Кашинскому бьют челом богомольцы твои, Колязина монастыря крылошаня, черной дьякон Дамаско с товарыщами.

Жалоба, государь, нам, богомольцам твоим, того же Колязина монастыря, на архимарита Гаврнила. Живет он, архимарит, не гораздо, забыл страх божий и иноческое обещание и досаждает нам, богомольцам твоим. Научил он, архимарит, понамарей плутов в колокола не во время звонить и в доски колотить, и оне, плуты пономари, ис колокол меди много вызвонили и железные языки перебили, и три доски исколотили, шесть колокол розбили, в день и ночью нам, богомольцом твоим, покою нет.

Да он же, архимарит, приказал старцу Уару в полночь з дубиною по кельям ходить, в двери колотить, нашу братью будить, велит часто к церкве ходить. А мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя, правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то что к церкве часто ходить и в книги говорить. А как он, архимарит, старца к нам присылает, и мы, богомольцы твои, то все покидаем, ис келей вон выбегаем.

Да он же, архимарит, монастырскую казну не бережет, ладану да свечь много прижог. А монастырские слуги, теша обычай архимаричей, на уголье сожгли четыре овина. И он, архимарит, во уголье ладан насыпает и по церкви иконы кадит, и тем он иконы запылил и кадило закоптил, и нам, богомольцам твоим, от того очи выело, горло засадило.

Да он же, архимарит, приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалалею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу не велит сходить, и скотья двора присмотрить, чтоб телят в хлеб загнать и кур в подполье посажать, благословение коровнице подать.

Да он же, архимарит, приехав в Колязин, почал монастырской чин разорять, пьяных старых всех разганял, и чють он, архимарит, монастырь не запустошил: некому впредь заводу заводить, чтоб пива наварить и медом насытить, и на достальные деньги вина прикупить и помянуть умерших старых пьяных. И про то,

---

[1] Калязинский Троицкий монастырь, основанный в 1444 г. на левом берегу Волги, прославился из-за недостойного поведения монахов. Упоминаемые в «Челобитной» архимандрит Гавриил и тверской архиепископ Симеон — реальные исторические лица. Гавриил был архимандритом Калязинского монастыря до 1681 г. Симеон занимал пост архиепископа с 1676 по 1681 г.

государь, разорение известно стало на Москве начальным людям, и скоро по всем монастырем и кружалом смотр учинили, и после смотру лучших бражников сыскали — стараго подьячего Сулима да с Покровки без грамоты попа Колотилу, и в Колязин монастырь для образца их наскоро послали, и начальныя люди им приказали, чтобы они делом не плошали, а лучшия бы кавтаны с плечь сложили, а монастырского бы чину не теряли, а ремесла своего не скрывали, иных бы пить научали и нашу бы братью, крылошан, с любовию в монастырь к себе приимали, и едину б мысль смышляли: как бы казне прибыль учинить, а себе в мошну не копить и рубашки б с себя пропить, потому что легче будет ходить. А если бы нам, богомольцам твоим, власти не мешали и волю бы нам подали, и мы б колокола отвязали да в Кашин на вино променяли: лутче бы спать не мешали.

Да он же, архимарит, проторно живет, в праздник и в будень нашу братью кует. Да он же об нас батоги приламал и шелепы прирвал, и тем казне поруху учинил, а себе он корысти не учинил.

Да в прошлом, государь, годе весна была красна, пенка росла толста. И мы, богомольцы твои, радев дому святому, меж собою присоветовали, что не тое пенки свить веревки долги да толсты, чем не погребов ночью бочки с пивом волочить да по крылоским кельям возить, а у келей бы двери завалить, чтоб будильника не пустить, не мешали б нам пива пить, а к церкве б нам не ходить. А как мы пиво допьем, так и к церкве скоро пойдем. И он, архимарит, догадался, нашего челобитья убоялся, приказал пенку в веревки свивать да вчетверо загибать, да на короткие палки навязать, а велел их шелепами называть, а слугам приказал высоко подымать, а на нас, богомольцев твоих, тежело опущать, а сам, стоя, конархает и нам, богомольцам твоим, лежа, и кричать не поспеть, потому что за плечми телу нужно, а под шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, от тое его, архимаритовы, налоги поневоле в церковь ходим и по книгам чтем и поем. И за то он нам ясти не дает, а заутреню и обедню не едчи поем, и от тое мы изморы скоро помрем.

Да он же, архимарит, великой пост вновь завел земныя поклоны, а в наших крылоских уставах того не написано. Написано сице: по утру рано, за три часа до дни, в чесноковик звонить, за старыми остатки «часы» говорит, а «блаженна» ведре над вчерашним пивом на шесть ковшов «слава и ныне», до свету на печь спать.

Да он же, архимарит, нам, богомольцам твоим, изгоню чинит: когда ясти прикажет, а на стол поставят репу пареную да ретку вяленую, кисель з братом да посконная каша на вязовой лошке, шти мартовские, а в братины квас налевают да на стол поставляют. А нам, богомольцам твоим, и так не сладко: ретка да хрен, да чашник старец Ефрем. По нашему слову ходил, лучши бы было для постных же дней вязига да икра, белая рыбица телное да две паровые, тиошка б во штях да ушка стерляжья, трои бы пироги да двои

блины, одне бы с маслом, а другие с медом, пшонная бы каша да кисель с патокою, да пиво б подделное мартовское, да переварной бы мед. И у него, архимарита, на то и смыслу нет: у нас, знающих людей, не спросится, сам во нраве своем один живет, а з горя один хлеб жует, весь мед перекис, а сам воду пьет. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что у нашего архимарита вдруг ума не стало: мыши с хлеба опухли, а мы с голоду мрем. И мы, богомольцы твои, архимариту говорили и добра доводили, и к пиву приводили, и часто ему говорили: будет, архимарит, хочешь у нас в Колязине подоле побыть и с нами, крылошаны, в совете пожить, и себе большую честь получить, и ты б почаще пива варил да святую братию почаще поил, пореже бы в церковь ходил, а нас бы не томил. И он, архимарит, родом ростовец, а нравом поморец, умом колмогорец, на хлеб на соль каргополец, нас, богомольцев твоих, ни в чем не слушает, а сам не смыслит, мало с нами пьет да долго нас бьет, а с похмелья нас оправливает метиолными комлями да ременными плетями, и та нам у него была честь ведра во всю спину ровна, и кожа с плечь сползла.

А коли мы, богомольцы твои, за правилом к вечеру утрудимся, до полуночи у пивного ведра засидимся и на утро встать не можем, где клобук с мантиею, не вспомним, и тогда мы немножко умедлим и к девятой песни поспеем, а иные к росходному началу. И он, архимарит, монашескому житию не навычен, крылоское правило и всенощное пиво ни во что вменяет, за то нас, не смысля, крепко смиряет. А Колязина обитель немалая: после мору осталося старых лет запасов по подлавечью в хлебне — стулья да чепи, в мукосейне — по спицам шелепы да плети да сита частыя, в караулне, под лавки,— снопы батогов, в кузнице по грядкам — кандалы да замки. У нас, богомольцев твоих, от слез очи мятутся, а за плечами кожи вертятся, и ночью не спится. И мы, богомольцы твои, тому дивимся, что он, архимарит, по се время в Колязине живет, а по нашему пить не учится, а нашу братью бить горазд. Не лучше ли ему плыть от нас: на его место у нас много будет охочих великого смыслу. И на пусте жить не станем, и в анбаре простору прибавим: рожь да ячмень в солоды обростим да пива наварим, брашки насидим, а чево не станет, и мы вина накупим, учнем крестьяны нарежать колокола отвязать, и велим в Кашин провожать да на вино променять, а так они ж нам много зла учинили, от пива отлучили и нищими всех нарядили. А как мы архимарита избудем и доброго добудем, который горазд лежа вино да пиво пить, а к церкве бы пореже ходил и нас бы, богомольцев твоих, почаще на погреб посылал, учнем радеть, а ему, архимариту, добра хотеть, а монастырю прибыль чинить, вино в чарки наливать да старое пиво допивать, а молодое затирать, и иное станем на дрожжи наливать, да тогда и к церкви пойдем, когда вино да пиво допьем. В колокола не будем звонить, а на погреб и без звону в полночь готовы ходить; ладану да свечь не будем жечь, пиво да вино и с лучиною пьем; уголью и смети

не будут, ризы да книги вынесем в сушило, церковь замкнем, а печать в лупки обогнем, пономарей вышлем в слободу жить, а прикажем им почаще ходить да вино нам подносить, да велим им звонить с недели на неделю в год по одножды.

Милостивый великий господин преосвященный Семион, архиепископ Тверской и Кашинский, пожалуй нас, богомольцев своих; вели, государь, архимарита счесть в колоколах да в чепях весом, что он ис колокол много меди иззвонил и с чепей много железа перебил, кладучи на нас, богомольцев твоих, а в уголье мерою, колоты да доски числом, и в той утерной казне отчот дать и свой милостивой указ учинить, чтоб наши виновати не были, потому что ему, архимариту, безчестье немалое, а платить нам нечем: крылоские люди живут небога́то, а нажитку у себя имеют только лошка да плошка. А буде ему, архимариту, впредь мы надобны не будем, и мы, богомольцы твои, ударим об угол плошку да покладем в мешок лошки, да возмем в руки посошки, пойдем из монастыря по дорожке в ыной монастырь, где вино да пиво найдем, тут и жить начнем, пиво да вино допьем, и вь иной монастырь пойдем и поживем по разсмотрению с похмелья да с тоски да с третьей брани и великия кручины; в Калязин монастырь зайдем погулять в житницах и в погребах и во всех монастырских службах в правду совершенно до смерти, буде есть у чего быть, по-прежнему в Колязине монастыре жить неотходно начнем.

Смилуйся, пожалуй!

ПОВЕСТЬ О БРАЖНИКЕ

«Повесть о бражнике» в форме пародии на средневековые сказания о загробной жизни гневно обличает церковное благочестие и церковное почитание прославленных святых. Повесть была занесена в индекс запрещенных книг. Сюжет повести использовался в русской нелегальной демократической литературе XIX в. для обличения религиозных воззрений. Л. Толстой воспользовался сюжетом произведения для рассказа «Кающийся грешник».

Текст повести печатается по исследованию: Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII века.— 2-е изд.— М.; Л., 1977.

ПОВЕСТЬ О НЕКОЕМ ЧЕЛОВЕКЕ БРАЖНИКЕ

Благослови отче

Некий человек, пиющий рано велми в празники божия, за всяким ковшем господа бога своего прославляет. По неких днех реченнаго дни прислал бог ангела своего по душу того человека; понесли душу того человека к божественным вратом, поставили того человека у врат, отиде прочь. Нача человек толкатися у врат. Прииде ко вратом Петр апостол и рече: «Кто толкущеся у врат святых?» «Аз есмь бражник, хощу с вами, господине, в раю быти». Петр апостол рече: «Бражником не входимо в рай». И отиде прочь.

И бражник рече: «Ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вемь». «Аз есмь Петр апостол, поручил мне господь ключи царства небеснаго». Бражник рече: «Господине Петр, помниши ли при распятии господни трижды Христа отвергся, аз же тебе не слезы могли, тебе не быть в раю?» Петр апостол отиде, посрамлен бысть[1].

И нача бражник еще толкатися у врат. Прииде ко вратом апостол Павел и рече: «Кто толкущеся у врат святых?» «Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти». И Павел рече: «Бражником не входимо в рай». Отиде прочь. Бражник же рече: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». «Аз есмь Павел апостол, крестил Ефиопскую землю». «Господине Павел, помьниши ли, коли тебе дна власть при Темире царе архиерей побивати веру Христову, и ты, господине, первомученика Стефана камениемь побил, о чемь ты в раю?»[2] Павел отиде посрамлен.

И нача бражник еще толкатися у врат святых. И прииде ко вратом царь Давид и рече: «Кто толкущеся у врат святых?» «Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти». И царь Давид рече: «Бражником не входимо в рай, а царство небесное уготовано им с прелюбодейцы». И бражник рече: «Ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». «Аз есмь царь Давид». «Помниши ли послал слугу своего Уляна [на воину] да велел его убити, а жену его Вирсавию взял к себе на постелю?[3] Зачем ты в раю, бражник, прелюбодейца? Аз есмь жены своея не слушивал, а души не погубил». И царь Давид отиде посрамлен.

После того бражник нача толкатися у врат. И приде ко вратом царь Соломан и рече: «Кто толкущеся у врат святых?» «Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти». И царь Соломан отиде прочь. И бражник рече: «Ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». «Аз есмь царь Соломан Давидовичь, граде семь на дворе седить во святая святых». И бражник рече: «Господине царь Соломан, помниши ли ты, коли жены своея послушал, а идолом поклонился[4], Христа отвергся иже бы тебе ни едино слово могло и востаси возгласи: воскресни, господи боже мой, да вознесется рука твоя, не забуди нищых своих до конца. Да еще тебе не Давыда ради отца твоего, и ты бы со агаряны».

И бражник воздохнул: «Господи боже мой, горазно своим жаден и полон рай напущал, а меня не пустишь?» И прииде ко вратом Иван Богослов и рече: «Кто толкущеся у врат святых?» «Аз есмь бражник, желаю с вами в раю быти». И рече Иван Богослов: «Написано во еуангелии: бражником не входимо в рай, уготована

---

[1] О трехкратном отречении апостола Петра говорится в евангельском рассказе о молитве Христа в Гефсиманском саду.

[2] Об избиении апостолом Павлом Стефана первомученика говорится в его житии.

[3] Имеется в виду библейское сказание об Урии и Вирсавии: царь Давид отобрал у Урии его жену Вирсавию, а самого отправил на войну, приказав своим подданным держать Урию на самых опасных местах. На войне Урия был убит.

[4] Сказание о поклонении Соломона идолам взято из Библии.

им мука с прелюбодейцы и со идолослужители и с разбойники». И рече ему бражник: «Который ты, господине, по имени, веть вас четыре еуангелиста: Лука, Марко, Матфей, Иван». Иван же рече ему: «Аз есмь Иван Богослов». И бражник рече ему: «Ино, господине, ты писал во еуангелии: бражники царства небеснаго не наследят. В том же во еуангелии ты же написал: аще ли друг друга возлюбим, а бог нас обоих соблюдет. Почему ты, господине Иван Богослов, еуангелист, сам себя любиш и в рай не пустиш? Любо ты, господине, слово свое из еуангелия вырежешь, или руки своея из еуангелия отпишися. И яз от врат не отиду». Иван же Богослов рече: «Аки звезды небесныя, аки песок вскрай моря, разсеянна по всей земли вселеннеи писания моего, и руки своея и мне отперетися не мошно, и того слова из еуангелия вырезать не мошно. Брат мой милый, поди к нам в рай».

И отверзоша врата рая божия, и возрадовася бражник радостию великою.

А вы, братия моя, сынове рустии, православныи християна, богу молитеся, на бруд [блуд?] не бывайте, оставляете, а не упивайтесь без памяти, не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители.

Богу нашему слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЫТОВЫЕ И БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

«Повесть о Савве Грудцыне» написана в 70-х годах XVII в., но ее действие начинается в период смутного времени и заканчивается в начале 30-х гг. Действие ее охватывает почти всю жизнь героя (от юных лет и до смерти), развиваясь на огромном пространстве Московского государства (Поволжье, Урал, Москва, Смоленск), что позволило исследователям признать ее первым русским романом. Текст повести публикуется по книге: Русская повесть XVII века / Составитель М. О. Скрипиль.— М., 1954.

Повесть зело предивна и истинна, яже бысть во дни сия, како человеколюбивый бог являет человеколюбие свое над народом християнским.

Хощу убо вам, братие, поведати повесть сию предивную, страха и ужаса исполнену и неизреченнаго удивления достойну, како человеколюбивый бог долготерпелив, ожидая обращения нашего, и неизреченными своими судбами приводит ко спасению.

Бысть убо во дни наша в лето 7114, егда за умножение грехов наших попусти бог на Московское государство богомерскаго отступника и еретика Гришку Растригу Отрепьева, иже похити престол Российскаго государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Российскому государству умножися злочестивая литва и многия пакости и разорения народом российским на Москве и по градом творя-

ху. И от того литовского разорения многия домы своя остовляху и из града во град бегаху.

В то же время во граде Велицем Устюге[1] бысть некто житель града того именем Фома прозванием же нарицаемый Грудцын Усов[2], их же род и доднесь во граде том влечется. Той убо Фома Грудцын, видя в России великое нестроение и нестерпимыя пакости от нечестивых ляхов и, не восхоте жити, оставляет великий град Устюг и дом свой и преселяется з женою своею в понизовой царственный град Казань, зане не бысть в понизовых градех злочестивыя литвы. И живяше той Фома с женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго и великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея России самодержца.

Имея же у себе той купец единороднаго сына своего именем Савву двоенадесятолетна возрастом. Обычай же имеяше той Фома куплю деяти, отъезжая вниз Волгою рекою овогда к Соли Камской, овогда во град Астрахань, а иногда за Хвалынское море в Шахову область[3] отъезжая, куплю творяше. Тому же и сына своего Савву поучаше и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычные струги с товары к плаванию устроиша. Тако ж и сыну своему, устроив суды со обычными товары, к Соли Камской повелевает плыти и тамо купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается. Малые же дни помедлив, и сын его Савва на устроенных судах по повелению отца своего к Соли Камской плавание творите начинает.

Достигшу же ему Усолскаго града Орла[4], абие пристает ко берегу и по повелению отца своего у некоего нарочитаго человека в гостиннице обитати пристал. Гостинник же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немалое прилежание и всякое благодеяние творяху ему и, яко о сыне своем, всякое попечение имеяше о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немалое время.

В том же граде Орле некто бысть мещанин града того именем и прослытием Бажен Вторый, уже престаревся в летех и знаем бяше во многих градех благоправнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и по премногу знаем и дружен бе саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведав же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретается, и помыслил в себе, яко «отец

---

[1] *...во граде Велицем Устюге* — Великий Устюг — старое торжище на севере Московского государства, через него проходили торговые пути на Вологду, Архангельск, Урал, Сибирь и Поволжье.

[2] *...нарицаемый Грудцын Усов* — купцы Грудцыны-Усовы — реальные лица, которые вели торговлю в Великом Устюге, Архангельске, Москве и Поволжье.

[3] *...за Хвалынское море в Шахову область* — Каспийское море в древности называлось Хвалынским; *Шахова область* — государства, располагавшиеся на территории современного Азербайджана.

[4] *...града Орла* — речь идет об Орле Уральском.

его со мною многую любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех сына его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моея».

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем идуща и, призвав его, начат глаголати: «Друже мой Савво, или не веси, яко отец твой со мною многую любовь и дружбу имать? Ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииде и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моея. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно, яко сына, приемлю тя». Савва же, слышав таковые от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от таковаго славнаго мужа прият хощет быти, и ниско поклонение творит пред ним. И немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Второго и живяше у него во всяком благоденствии, радуяся.

Той же Бажен Вторый стар сый, и имея у себя жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сущу. Ненавидя же добра роду человечу супостат диавол, виде мужа того добродетельное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго лстивыми словесы к падению блудному. Весть бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи от зависти диаволи, запят бысть, падеся в сеть любодеяния с женою оною и ненасытно творяше блуд и безвременно во оном скверном деле пребывая с нею. И ниже бо воскресения день, ниже праздники помняше, но забывши страх божий и час смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющеся. И в таковом ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения Господа бога нашего Иисуса Христа. В навечерии же праздника онаго Бажен Вторый поим с собою юношу онаго Савву и поидоша до святыя церкви к вечернему пению, и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша кийждо на ложи своем, благодаряща бога. Внегда же он боголюбивый муж Бажен Вторый заспав крепко, жена же его диаволом подстрекаема, востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и, возбуди его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха божия уязвлен бысть, убояся суда божия, помышляше в себе: «како в таковый господственный праздник таковое скаредное дело сотворити имам». И сия помыслив, начат с клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко «не хощу всеконечно погубити душу мою и в таковый превеликий праздник осквернити тело мое». Она же, ненасытно распаляема похотию блуда, неослабно нудяше его, ово ласканием, ово же и прещением некиим угрожая ему, дабы исполнил желание ея. И много труждашеся, увещевая его, но никако не возможе приклонити его к воли своей, божественная бо некая сила помогаше ему. Видев же то лукавая жена, яко не возможе привлещи юношу онаго и воли своей, абие

зелною яростию на юношу распалися и, яко лютая змия восстенав, отъиде от ложа его, помышляше, како бы волшебными зелии опоити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замысли, сия и сотвори.

Внегда же начаша клепати ко утреннему пению, боголюбивый же оный муж Бажен Второй, скоро возстав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву и поидоша на славословие божие ко утренни. И отслушавше со вниманием и страхом божиим и приидоша в дом свой. Егда же приспе время божественней литургии, поидоша паки с радостию до святыя церкви на славословие божие. Проклятая же оная жена тщательно устроиша на юношу волшебное зелие и, яки змия, хотяше яд свой изблевати на него. По отпущении же божественныя литургии Бажен Вторый и Савва изыдоша из церкви, хотяше итти в дом свой. Воевода же града того пригласи онаго мужа Бажена Втораго да обедает с ним, вопроси же и о юноши оном: «чей есть сын и откуду?» Он же поведа ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын есть. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знаяше отца его. Они же бывше в дому воеводском и, по обычаю общия трапезы причастишася, с радостию возвратишася в дом свой.

И пришед в дом, Бажен Вторый повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем, чести ради господственнаго онаго праздника: ничто же бо сведый лукаваго умышления жены своея. Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердцы своем и подпадает лестию к юноши онаму. Принесенну же бывшу вину, абие наливает чашу и подносит мужу своему. Он же испив, благодаря бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго оного уготованнаго зелия и подносит юноше оному Савве. Он же, ни мало помыслив, ниже убояся лукавства жены оныя, чаяше яко никоего же зла мыслит на него, и без всякого размышления выпивает лютое оное зелие. И се начат яко некий огнь горети в сердцы его. Он же помышляше, глагола в себе, яко «много различных питей в дому отца моего, и никогда же таковаго пития не пивал, яко же ныне». Егда же испив пития оного, начат сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая лвица, яростно поглядаше на него и ни мало приветство являше к нему. Он же сокрушаяся, тужаще по ней сердцем. Она же начат мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелеваше изгнати его из дому своего. Богобоязливый же оный муж, аще и жалея в сердце своем по юноши, обаче уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноше изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же с великою жалостию и тугою сердца отходит от дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде в дом гостинника онаго, идеже первее обиташе. Он же вопрошает его, каковыя ради вины изыде из дому Баженова. Он же, сказуя, яко «сам не восхоте жити у него, зане гладно ми бысть».

Сердцем же скорбя и неутешно тужаше по жене оной. И нача от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончеватися.

Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, и недоумевающеся, что убо ему бысть.

Бысть же во граде том некий волхв, чарованием своим сказуя, кому какова скорбь приключится. Он же узнавая, кому жити или умрети. Гостинник же той и жена его, благоразумни суще, не мало попечение о юноше имеяху, и призва тайно волхва онаго, хотяще уведати от него, какова скорбь приключися юноше оному. Волхв же, егда пришед и посмотрев в волшебныя своя книги, сказа им истинну, яко «никоторыя скорби юноша не имать в себе, токмо тужит по жене Бажена Втораго, яко в блудное смешение падеся с нею, ныне же отстужен бысть от нея и, по ней тужа, сокрушается». Гостинник же и жена его, таковая слышавше от волхва, не яша веры ему, зане Бажен муж благочестив бяше и бояся бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некоею великою скорбию болел.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю и никого же пред собою или за собою видяше и ничто же ино помышляше, токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя. И, помыслив таковую мысль злую во уме своем, глаголя: «И егда бы кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне с женою оною, аз бы послужил диаволу». И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, и идяще едни по полю и, мало пошед, слышит за собою глас, зовущ его на имя. Он же, обращся, зрит за собою юношу, борзо текуща, в нарочитом одеянии, помавающе рукою ему, пождати себе повелеваше. Он же, стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Пришед к Савве юноша той, паче же рещи супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия; пришедшу же ему к Савве и по обычаю поклонишася межу собою. Рече же пришедый отрок к Савве, глаголя: «Брате Савво, что убо яко чуждь бегаеши от мене? Аз бо давно ожидах тя, да како бы пришел еси ко мне и родственную любовь имел со мною. Аз бо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных Усовых из града Казани, а о мне аще хощеши уведати, и аз того же рода от града Великаго Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки. И убо по плотскому рождению братия мы с тобою, а ныне убо буди брат и друг и не отлучайся от мене, аз бо вспоможение во всем рад чинити тебе». Савва же, слышав от мнимаго онаго брата, паче же реши от беса, таковые глаголы, велми возрадовася, яко в таковой далной незнаемой стране сродника себе обрете, и любезно целовастася и поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Рече же бес к Савве: «Брате Савво! Какую скорбь имаше в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же, всяко лукавнуя, сказываше ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же осклабився рече ему: «Что убо скрываеши от мене? аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей?» Савва же рече: «Аще убо ведаеши истинную скорбь, юже имам в себе, то поиму веру тебе, яко можеши помощи ми». Бес же рече ему: «Ты убо, скорбя, сокрушаеши-

ся сердцем своим по жене Бажена Втораго, зане отлучен еси от любви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею попрежнему в любви ея». Савва же рече: «Аз убо, елико имам зде товаров и богатство отца моего и с прибытками, все отдаю тебе, токмо сотвори по прежнему любовь имети с женою оною». Бес же ту рассмеявся, рече ему: «Что убо искушаеши мя? Аз бо вем, яко отец твой много богатства имать; ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатее отца твоего. И что ми будет в товарех твоих? Но даждь ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое». Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко «богатство отца моего цело будет; аз дам ему писание, что ми велит написати». А неведый в какову пагубу хощет впасти, еще же и писати совершенно ниже слагати что умея. Оле, безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноше словеса сия, он же с радостию обещася дати ему писание. Мнимый же брат, паче же рещи бес, вскоре изъем из опчага чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва, еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказываше ему, то же и писаше, не слагая, и таковым писанием отречеся Христа истиннаго и предадеся в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: «Повеждь ми, брате мой, где обитаеши, да увем дом твой». Бес же возсмеяся, рече ему: «Аз убо особаго дому не имею, но где прилучится, тамо и почую. Аще ли хощеши видетися со мною часто, то ищи мя всегда на конной площади. Аз убо, яко же рех ти, зде живу ради конских покупок. Но аз и сам не обленюся посещати тя. Ныне же иди к лавке Бажена Втораго, вем бо, яко с радостию призавет тя паки в дом свой жити».

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно течаше к лавке Бажена Втораго. Егда же Бажен видев Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: «Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе, и почто изшел еси из дому моего? Протчее убо, молю тя, прииде обитати в дому моем, аз убо за любовь отца твоего, яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно». Савва же, егда услышав от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Втораго. И егда пришед юноша, жена его видев и диаволом подстрекаема, радостно сретает его и всяким ласканием приветствоваше его и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою и ниже праздников, ниже воскресения день помняще, ни страха божия имеюще, понеже ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда, яки свиния, валяяся.

По мнозем же времени, абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери саввиной, яко сын ея живет неисправно и непорядочно и, елико было с ним отеческих товаров, все изнурил в блуде и пьянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слыша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани

в дом отца своего. Егда же прииде к нему писание, он же прочтет, посмеявся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третие писание, ово молением молит, ово же и клятвами заклинает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же ни мало внят матерню молению и клятве, но ни во что же вменяше, токмо в страсти блуда упраждняшася.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: «Брате Савво, веси ли кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершенно быти от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися звати мя братом себе, аз убо всесовершенно улюбих тя в братство себе. Но аще хощеши уведати о мне, аз убо сын царев. Поидем протчее и да покажу ти славу и богатство отца моего». И, сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздоле град велми славен — стены и покровы и помосты все из злата чиста блистаяся. И рече ему: «Сей есть град творение отца моего! Но идем убо и поклонимся купно отцу моему; а еже дал ми еси писание, ныне взем его, сам вручи отцу моему и великою честию почтен будеши от него». И, сия изглаголав, бес отдаст Савве богоотметное оное писание. Оле, безумие отрока! ведый бо яко никоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаемо бе царем московским. Аще бы тогда вообразил на себе образ честнаго креста, вся бы сия мечты диавольския яко сень погибли!

Егда же поидоша оба к привиденному оному граду и, приближившимся им ко вратам града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы златыми украшены, поклоняющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи бесу, такожде и Савве поклоняющеся. Вшедшим же им во двор царев, паки сретают их инии юноши, ризами блистающеся, паче первых, такожде поклоняющеся им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их, друг друга честию и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: «Брате Савво, пожди мя зде мало. Аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое». И сия рек, поиде во внутренния полаты, оставль Савву единаго; и помедлив там мало, приходит к Савве и, поем, вводит его пред лице князя тмы.

Той же, седя на престоле высоце, камением драгим и златом преукрашенном; сам же той славою великою и одеянием блистаяся. Окрест же престола его зрит Савва множество юношей крылатых стоящих; лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царя оного, пад на землю, поклонися ему. Вопроси же его царь, глаголя: «Откуду пришел еси семо, и что есть дело твое?» Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко «приидох, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана прием писание и, прочет его, обозревся к темнообразным своим воином, рече: «Аще ли и прииму отрока

сего, но не вем, крепок ли будет мне, или ни». И призвав сына своего, саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчее и обедуй с братом своим». И тако оба поклонишася царю и изыдоша в переднюю полату и начаша обедати, и неизреченныя благовонныя яди приношаху им, такожде и питие, яко дивитися Савве, и глаголя, яко «никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушах или пития испих».

По ядении же поемлет бес Савву и поидоша с двора царева, и изшедшим же им из града, вопрошает Савва брата своего беса, глаголя: «Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его много юношей крылатых стоящих?» Бес же, улыбаяся, рече ему: «Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи, персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе: аз бо да буду тебе меньший брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне; аз же всякаго добродейства рад чинити тебе». Савва же во всем обещаяся послушен быти ему; и тако уверившися, приидоша паки во град Орел, и оставль бес Савву, отходит. Савва же паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде во град Казань из Персиды со многими прибытками отец саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, и вопрошает ея о сыне своем: жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко «от многих слышу о нем: по отшествии твоем в Персиду отъиде он к Соли Камской и оттуду во град Орел, тамо и до ныне живет житие неудобное: все богатство наше, яко же глаголют, изнурил в пиянстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш; он же ни единыя отповеди подаде мне, но и доныне тамо пребывает; жив ли или нет, о сем не вем». Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своея, зело смутися умом; и скоро сед, написав епистолию к Савве со многим молением, дабы безо всякаго замедления оттуду ехал в град Казань: «да вижу, рече, чадо, красоту лица твоего, понеже давно не видах тя». Савва же таковое писание прииим и прочет, и ни во что же вменив, ниже помысли ехати ко отцу своему, но такмо упраждняяся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто же успевает писание его, абие повелевает готовити подобные струги с товаром и пути касается к Соли Камской: «Сам, рече, сыскав, поиму сына своего в дом свой».

Бес же егда уведав, яко отец саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: «Братие Савво, доколе зде во едином малом граде жити будем? Но идем убо во иные грады и погуляем и паки семо возвратимся». Савва же ни мало отречеся, но глаголя ему: «Добре, брате, глаголеши, идем; но пожди мало: аз убо возму от богатства моего неколико пенязей на путь». Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: «Или не видел еси славы отца моего и не веси ли, яко везде села его есть. Да идеже приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно». И тако поидоша от града Орла, никим же ведомы, ниже той сам Бажен Вторый, ни жена его уведавше о отшествии саввином.

Бес же и Савва об едину нощ от Соли Камской объявишася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузмодемьянском, разстояние имеюще от Соли Камской более двутысящ поприщ. И глаголет бес Савве: «Аще кто тя знаемый узрит зде и вопросит, откуду пришел еси, ты же глаголи: «От Соли Камской в третию неделю приидохом до зде». Савва же, елико заповеда ему бес, тако и сказываше.

И пребывше же в Кузмодемьянском несколько дней, и абие бес паки поемлет Савву и об едину нощ из Кузмодемьянска приидоша на реку Оку, в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящим же им по торгу, узрев Савва некоего престарела нища мужа стояща, рубищами гнусными одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачуща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плаче его. И пришед ко старцу и рече: «Кая ти, отче, печаль есть, яко тако неутешно плачеши?» Нищий же он святый старец глаголет ему: «Плачу, чадо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу твою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чадо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, но диавол ходяй с тобою и доводит тя до пропасти адския». Егда же издрече старец ко юноши глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи на беса. Он же издалеча стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же, вскоре оставль святаго старца, прииде паки к бесу. Диавол же велми начат поносити его, глаголати: «Чесо ради с таковым злым душегубцем сообщился еси? Не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многих погубляет. На тебе же видит одеяние нарочито и, глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити тя и обрати с тебе лдеяние твое. Ныне убо аще оставляю тя единаго, то вскоре погибнеши без мене». И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколико время.

Фома же Грудцын Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем, и никто не можаше поведати ему о нем. Вси бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а идеже внезапу скрыся, никто же весть. Овии глаголаху, яко «убояся пришествия твоего, зане зде изнурил все богатство твое, и сего ради скрыся». Паче же всех Бажен Вторый и жена его дивящеся, глаголаху, яко «об нощь спаше с нами, заутра же пошед некуды; мы же ожидахом его обедати, он же от того часа никако где явися во граде нашем: а идеже скрыся, ни аз, ни жена моя о сем не ведомы». Фома же многими слезами обливаяся, живя, ожидая сына своего, и, не мало пождав тщею надеждою, возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяще о лишении единороднаго сына своего. И в таковом сетовании Фома Грудцын, поживе неколико время, ко Господу отъиде; жена же его оставшися вдовою сущи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый великий государь, царь и великий князь Михаил Феодорович

всея России изволил послать воинство свое противу короля полскаго под град Смоленск, и по его царскому указу по всей России набираху новобранных тамошних солдат. Во град же Шую ради солдатцкаго набору прислан с Москвы столник Тимофей Воронцов[1] и новобранных солдат по вся дни воинскому артикулу учаше. Савва же и бес, приходяще, смотряху учения их. Рече же бес к Савве: «Брате Савво! хощеши ли послужити царю, да напишемся и мы в солдаты?» Савва же рече: «Добре, брате, глаголеши; послужим убо». И тако написавшеся в солдаты и наченши купно ходити на учение. Бес же в воинском учении такову премудрость Савве дарова, яко и старых воинов и началников во учении превосходит. Сам же бес яко бе слугою Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобранных солдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику; той же полковник, егда прииде видети новобранных солдат на учении, и абие видит юношу млада сущи, во учении же воинском зело благочинно и урядно поступающа и ни малого порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и началников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его и, призвав его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, велми возлюби Савву и назвав его сыном себе, даде же ему с главы своея шляпу с драгоценным камением устроену сущу. И вручает ему три роты новобранных солдат, да вместо его устрояет и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: «Брате Савво! Егда ти недостаток будет денег, чим ратных людей жаловать, повеждь ми, аз ти принесу, елико потребно будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было. И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишине и покое пребываху; в протчих же ротах молва и мятеж непрестанно, яко от глада и наготы, непожалованны, помираху; у Саввы же во всякой тишине и благоустроении солдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случаю явственно учинися о нем и самому царю. В то же время на Москве не малу область имея шурин царев, боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Уведав про онаго Савву, повелевает его привести пред себя.

И, егда же прииде, рече ему: «Хощеши ли, юноше, да прииму тя в дом мой и чести немалыя сподоблю тя». Он же поклонися и рече ему: «Есть бо, господине мой, брат у мене: вопрошу его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти». Боярин же ни мало возбранив ему о сем и отпустив его, да вопросит брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему бесу. Бес же с яростию рече ему: «Почто убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси. Ни убо, не буди тако; но да по-

---

[1] *...столник Тимофей Воронцов* — в повести наблюдается стремление к точности, документальности обозначать имена реальных исторических лиц и время происходящих событий. К реальным лицам относятся и другие военачальники.

служим царю. Егда убо царь увесть верную службу твою, тогда и чином возвышен будеши от него». По повелению же цареву вси новобранные солдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку. Той же Савва поставлен бе на Устретенке в Земляном городе в Зимине приказе[1] в дому стрелецкаго сотника именем Якова Шилова. Сотник же той и жена его[2], благочестиви и благонравни суще, видяще саввино остроумие, зело почитаху его.

Полки же на Москве во всякой готовности к шествию бяху. Во един же от дний прииде бес к Савве и рече ему: «Брате Савво! Поидем прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранные сосуды устрояют». И об едину нощь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем три дни и три нощи и никим же видимы. Они же все видевше и созирающе, како поляки град укрепляют и на приступных местах всякия гранаты поставляют. В четвертый же день бес объяви себя и Савву в Смоленску поляком. Поляки же, егда узревше их, велми возмятошася и начаша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва скоро избегше из града и прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода. Они же преидоша реку оную, яко по суху. Поляки же много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголающе, яко «бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем». Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше у того же сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва с братом своим в полках поидоша; надо всеми же полками тогда боярин бысть Федор Иванович Шеин. На пути же бес рече к Савве: «Брате Савво! егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе; ты же не убойся ничего, изыде противу его, аз убо ведаю и глаголю ти, яко ты поразиши его. На другий же день паки от поляков выедет другий исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же ничего не бойся и противу того изыди и того поразиши. Но и сам уязвлен будеши от него, аз же язву твою вскоре уврачую». И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобном месте.

По глаголу бесовскому выслан бысть из града некий воин страшен зело, на коне ездя и искаше из московских полков противника себе, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себя в полках, глаголя: «Аще бы мне был воинский добрый конь и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царскаго». Друзи же его,

---

[1] *...на Усретенке... в Зимине приказе* — имеется в виду улица Сретенка в Москве. В XVII в. войсковые подразделения стрельцов делились на приказы, обычно называвшиеся по имени военачальника. Зимин приказ назывался по имени его военачальника Зимы Волкова.

[2] *...сотник Яков Шилов... и жена его* — речь идет о реальном сотнике Якове Шилове и его жене Татьяне Шиловой, упоминаемых в деловых документах XVII в.

слышавше сия, скоро возвестиша боярину о нем. Боярин же повеле Савву привести пред себя и повеле ему коня доброго дати и оружие, мнев, яко вскоре погибнути имать юноша от таковаго страшнаго исполина.

Савва же, по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и абие поразив его вскоре и приводит его с конем в полки московские, и от всех похваляем бе Савва. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его нося за ним. Во вторый же день паки из Смоленска выезжает славный некий воин, ища из войска московскаго противника себе. И паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. И вси удивляхуса храбрости его. Боярин же разгневася на Савву, но скрываше злобу в сердцы своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аще и убояся ехати противу таковаго страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. И абие поляк той яростно напустив на Савву и уязви его копием в левое стегно. Савва же исправися, нападает на поляка онаго и убивает его и с конем в таборы своя привлече и не мал зазор смолянам наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начаша из града вылоски выходити и, войско с войском сошедшеся, свальным боем битися. А идеже Савва с братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе; безчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могий скрыти тайнаго гнева в сердце своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: «Повеждь ми, юноше, какова еси рода и чий еси сын?» Он же поведа ему, яко из Казани Фомы Грудцына Усова сын.

Боярин же начат всякими нелепыми словесы поносити его и глаголя: «Кая ти нужда в таковый смертный случай призва? Аз убо знаю отца и сродников твоих, яко безчисленно богатство имут; ты же от какова гонения или скудости, оставя родителей своих, семо пришел еси. Обаче глаголю ти: нимало зде медли, но иди в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родители своими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко зде имаши пребывати, то без всякаго милосердия зде имаши погибнути; главу бо твою вскоре повелю отъяти от тебе». Сия же боярин к юноши изрече и яростен отъиде от него. Юноша же со многою печалию отходит от шатра.

Отшедшим же им, рече бес к Савве: «Что убо тако печалуешися о сем? Аще неугодна служба наша явися зде, то идем протчее паки к Москве и тамо да пребываем». И тако вскоре отъидоша от Смоленска к Москве и присташа обитати в доме того сотника Иакова Шилова. Бес же днем пребываше с Саввою, к ночи же отхождаше от него во своя адская жилища, идеже искони обычай окаянным пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболевся Савва, и бе бо-

лезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи и боящися бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи, и глаголаше ему многажды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причаститися святых тайн. «Да некако, рече, в таковой тяжкой скорби внезапну без покаяния умрет». Савва же о сем отрицаяся, яко «аще и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти». И день от дне болезнь его тяжчае бяше. Жена же оная неотступно притужаше Савву, да покается убо. «Оттого, рече, не имаши умрети».

И едва принужден бо Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к себе иерея. Жена же оная вскоре посылает ко храму святаго Николая, нарицаемаго в Грачах, и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему; бе бо иерей той леты совершен сый, муж искусен и богобоязлив зело. Пришед же к болящему, начат молитвы покаянныя глаголати, яко же бе обычно.

Егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же начат больнаго исповедывати, и се внезапу зрит болный во храм той вшедшу толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи бес, прииде с ними же, уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном. И, став созади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежетание, показуя ему богоотметное оное писание, еже даде ему Савва у Соли Камския. И глаголя бес к болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? не ты ли писал еси? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни убо, не мни того; аз убо всею силою моею подвигнуся на тя!» Сия же и иная многая неподобная бесом глаголющим. Болный же зря очевидно их, и ово ужасаяся, ово же надеяся на силу божию и до конца все подробну исповеда иерею оному. Иерей же, аще и муж свят бе, обаче убояся страха онаго, зане людей никого же во храме, кроме болнаго, виде, голку же велику слыша от бесовския оныя силы. И с великою нуждою исповеда болнаго и отъиде в дом свой, никому же сия поведав.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начат немилостивно мучити его, ово о стену бия, ово о помост с одра его пометая, ово же храплением и пеною давляше и всякими различными томленми мучаша его. Боголюбивый же той муж, вышеименованный сотник, с благоправною женою своею видяще на юноши таковое от диавола внезапное нападение и несносное мучение, велми жалеюще и стенаху сердцы своими по юноше, но никако же помощи ему дати. Бес же день от дне на больнаго люте нападая, мучаше его, и всем предстоящим ту отмучения его не мал ужас творяше.

Господин же дому того, яко видев на юноши таковую необычную вещь, паче же и ведый, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своея, и помышляше с женою своею како бы возвестити о сем царю: бе же и сродница некая у них в доме царстем. И, сия помысливши, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробну известит ей, и дабы немедленно о сем возвестила цареви: да не како, рече, юноша оный

в таковом злом случае умрет, а они истязани будут от царя за неизвещение.

Жена же его, ни мало помедлив, скоро тече к сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же оная, слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноше, паче же скорбяще по сродницех своих, да не како и вправду от таковаго случая беду приимут. И ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до палат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не долзе часе внушается и самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает нань, глаголя предстоящим пред ним сигклитом, да егда бывает повседневное изменение караулов, повелевает посылати в дом сотника онаго, иде же болный той юноша лежит, по два караулщика. «Да надзирают, рече, опасно юношу онаго, да не како, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огнь или в воду ввержется». Сам же он, благочестивый царь, посылаше к болящему повседневную пищу, и елико здрав болный той явится, повелевает возвестити себе. И сему тако бывшу. Болный же не мало время в таковом бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в первый день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заспав мало и во сне, яко бы на яве, начат глаголати, изливая слезы из омженных очей своих, сице рече: «О, всемилостивая госпожа царице богородице, помилуй, владычице, не солжу, всецарице, не солжу, но исполню, елико обещахся ти!» Домашнии же и снабдевающии его воины, таковыя от болнаго глаголы слышавше и удивишася, глаголюще, яко «некое видение видит!».

Егда же болный от сна возбнув, приступив к нему сотник и рече: «Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне и к кому рекл еси?» Он же паки начат омывати лице свое слезами, глаголя: «Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну зело и неизреченною светлостию сияющу, носящу ризу багряну; с нею же и два мужа некая, сединами украшенны; един убо во одежде архиерейстей, другий же апостолское нося одеяние. И не мню иных быти, токмо помышляю жену пресвятую богородицу, мужей же: единаго наперстника господня апостола Ионна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы, преславнаго во иерарсех архиерея божия Петра митрополита, их же подобия образ добре знаю. И рече ми светолепная оная жена: «Что ти есть, Савво, и что тако скорбиши?» Аз же рех ей: «Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и бога моего и тебе, заступницу рода християнскаго, и за сие люте мучит мя бес!» Она же, осклабився, рече ми: «Что убо ныне мыслиши, како ти избыти от скорби сея; и како ти выручити рукописание свое из ада?» Аз же рех ей: «Не могу, владычице, аще не помощию сына твоего и твоею всесилною милостию!» Она же рече ми: «Аз убо умолю о тебе сына своего и бога, такмо един глагол мой исполни. Аще избавлю тя от беды сея, хощеши ли инок быти? Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне,

яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: «Слыши, Савво, егда убо приспеет праздник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, иже на площади у Ветошнаго ряду; и аз пред всем народом чюдо явлю на тебе». И сия рече ми, невидима бысть».

Сия же слышав сотник и приставленные воины от Саввы изглаголанная видения, велми почудишася.

Сотник же и жена его начаша помышляти, да како бы о сем видении возвестити цареви, и умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила царевы полаты сигклитом, и дабы внушено было о сем царю. Егда же прииде в дом сотника онаго помянутая сродница их, они же поведаша ей видение юноши онаго Саввы. Она же уразумев и немедленно отходит до царевы полаты, абие возвещает о сем ближним сигклитом царевы палаты и немедленно внушают царю о видении саввином. Царь же, егда услышав о сем, велми почудися.

Егда же бысть праздник Казанския Богородицы июля осмаго дня, тогда бо бысть крестное хождение до церкви тоя Казанския Богородицы со святыми иконами и честными кресты, из соборныя и апостольския церкви честнаго Успения пресвятыя Богородицы. В том же крестном хождении бысть великий Государь царь и великий князь Михаил Феодорович, и святейший патриарх со всем освященным собором и множество велмож. И абие повелевает царь принести болящаго Савву до церкви тоя. Тогда же, по повелению цареву, принесоша болящаго онаго до церкви Казанския Богородицы, скоро на ковре, и положиша его вне церкви в преддверии.

И егда же начаша литоргисати, тогда нападе на болнаго Савву дух нечистый, и нача зле мучити его диавол. Он же велиим гласом вопия: «Помози ми, госпоже дево, помози ми, всецарице Богородице!» И егда же начаша херувимскую песнь воспевати, тогда возгреме яко гром и бысть глас глаголющ: «Савво, востани и гряди семо во храм мой!» Он же воспрянув с принесеннаго ковра, якобы никогда скорбел, и скоро притече во храм той, паде ниц пред образом пресвятыя Богородицы Казанския, моляся со слезами. Тогда же низпаде от верху округа церковнаго боготменное оное писание, яже даде Савва у Соли Камския диаволу, все бо заглаждено, яко же бы никогда писано. Еще же повторяя глас бысть: «Савво, се твое рукописание, яже ты писал еси, и исполни заповеди моя и к тому не согрешай!» Он же воспрянув и прием хартию оную и начат велегласно глаголати со слезами пред образом: «О преблагословенная мати господня, заступнице рода христианского и молебница к сыну своему и богу нашему! Прости ми содеянная, и избави мя от адския пропасти; аз бо исполню обещанное мною!» Тогда же слышав царь и патриарх и вси предстоящии велможи, и видевше таковое преславное чюдо, благодариша бога и пречистую его матерь, и велми подивишася таковому божию милосердию, яко избави его от адския пропасти. По совершении же божественныя литургии, начаша хвалу господеви воздавати и молебствовати всем освященным собором о явшемся чудеси пред всеми.

Потом, проводиша святыя иконы и честные кресты до соборныя церкви, поиде царь во своя царския полаты, радуяся о неизреченнем чудеси и благодаряще бога. Такожде и той Савва поиде в дом свой помянутого сотника Иакова Шилова здрав, яко же бы никогда скорбел. И се видев сотник и жена его, велми подивишася и благодариша бога за таковое его милосердие над родом христианским.

Савва же мало пожив ту у сотника онаго, и елико имея сокровища, вся раздаде по церквам и нищим, абие отходит в монастырь чюда Архистратига Михаила, яже зовется Чюдов монастырь, близ соборныя и апостольския церкви честнаго и славна Успения пресвятыя Богородицы. И пострижеся тамо в иноческий чин, и нача жити в том монастыре, в трудех пребывая, в посте и молитвах неусыпных, угождая господеви; и тако поживе лета доволна, ко господу отъиде с миром; и погребен бысть в том монастыре.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молотца во иноческий чин» создана в купеческой среде, видимо, во второй половине XVII в. Это литературное произведение, хотя оно и создано в традиционном стиле устной народной поэзии. Повесть написана народным стихом, на бытовой сюжет, сопровождаемый лирическими правоучениями.

Текст повести печатается по изданию: Симони П. К. *Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий.* — 2-е изд. — СПб., 1907. Вып. VII. С уточнением по изданию: Повесть о Горе-злочастии / Издание подготовили Д. С. Лихачев и Е. И. Ванеева. — Л., 1985.

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческаго.
А в начале века сего тленнаго
сотворил небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
не повелел вкушати плода винограднаго
от едемскаго древа великаго.
Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь божию,
вкусили плода винограднаго
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал бог Адама со Еввою,
из святаго раю из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую,
благословил ихраститися, плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть,

от земных плодов[1].
Учинил бог заповедь законную:
велел он браком и женитбам быть
для рождения человеческаго и для любимых детей.
Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добр[е] убожливи,
а на безумие обратилися
и учели жить в суете и в [не]правде,
в ечерине[2] великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался,
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия,
и срамныя позоры немерныя,
безживотие* злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дела наставлять:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы*
добрыя, и хитрыя, и мудрыя,—
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины,
не садися ты на место болшее,
не пей, чадо, двух чар за едину!
Еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых красных жен,
отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное*,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,
да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго

---

[1] *...от земных плодов* — вступление до этих слов сходно с духовным стихом о Голубиной книге.

[2] *...правде, в ечерине* — место темное, неясное.

и племяни укору и поносу безделнаго!
не ходи, чадо, х костарем* и корчемникам,
не знайся, чадо, с головами кабацкими,
не дружися, чадо, с глупыми, не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато, и сребро,
не збирай богатства неправаго,
не буди послух* лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрыет бог от всякого зла.
Не бесчествуй, чадо, богата и убога,
и имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми,
и [с] разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».

Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублев,
залез он себе пятьдесят другов.
Честь его яко река текла;
друговя к молотцу прибивалися,
[в] род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речами прелесными*,
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся, надейся на меня, брата названова,—
я сяду стеречь и досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему[1] сладково,

[1] *...ишему* — слово непонятное. И. Срезневский полагал, что речь идет о напитке, мятном меде.

вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого,—
не хотелося ему друга ослушатца;
принимался он за питя за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается,
а что сняты с него драгие порты,
чиры* и чулочки — все поснимано,
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина* у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою*,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое;
стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне бог дал великое,—
ясти, кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу-денги,—
так не стало ни друга, не полдруга:
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».
    Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит:
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,

гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися:
ведет он все по писанному учению,—
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в болшее место, не в меншее,—
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя, все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен:
а не пьет, ни ест он, ни тешитца —
и нечем на пиру не хвалитца.
Говорят молотцу люди добрыя:
«Что еси ты, добрый молодец,
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен?
Ни пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься.
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоеи?
или малые дети тебя изобидили?
или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя,
скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную
про лестное питие пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери,—
благословение мне от них миновалося,
господь бог на меня разгневался
и на мою бедность великия,
многия скорби, неисцелныя,
и печали неутешныя,
скудность, и недостатки, и нищета последняя.

Укротила скудость мой речистой язык,
изсушила печаль мое лице и белое тело,—
ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутилися,—
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество* мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя,
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех
и как завести мне милых другов?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец,
не буди ты спесив на чюжей стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не обявливай,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавыя,
не вейся змиею лукавою,
смирение ко всем имей!
И ты с кротостию держися истинны с правдою,—
то тебе будет честь и хваля великая:
первое тебе люди отведают
и учнуть тя чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милые други,
названыя братья надежныя!»
И оттуду пошел молодец на чюжу сторону
и учал он жити умеючи:
от великаго разума наживал он живота болше старова;
присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелося молотцу женитися:
средил молодец честен пир
отечеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божию попущению,
а по действу диаволю
пред любовными своими гостьми и други
и назваными браты похвалился,
а всегда гнило слово похвальное:
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец, живота болши старова!»
Подслушало Горе-Злочастие хвастанье молодецкое —

само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством,—
бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,—
и я их, Горе, перемудрило:
учинися им злочастие великое:
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися —
не могли у меня, Горя, уехати —
а сами они во гроб вселились,
от меня накрепко они землею накрылись,
босоты и наготы они избыли,
и я от них, Горе, миновалось,
а Злочастие на их в могиле осталось.
Еще возграяло, я, Горе, к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не в пустеже жити —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонит[ь],
а гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе горинское:
«Как бы мне молотцу появитися?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,—
кабаком по Горе избудетца,
да то злое Горе-Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось —
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота, беспроторица* великая?
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих, босых,
и из раю нагих, босых не выгонят,

а с тово свету сюды не вытепут*,
да никто к нему не привяжется —
а нагому, босому шумить разбой!»
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появитися
своим милым другом —
пошел молодец на чужу страну далну, незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево;
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера,
миновался день до вечера ни дообеднем,
не едал молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною,
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое,—
ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки скоча Горе из-за камени,
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня, Горе, не уйдешь никуды;
не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил
и как тебе мати наказывала.
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.

А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать
и учнет он недругу покарятися!»
Говорит злочастие таково слово:
«Покорися мне, Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли,
а нет меня, Горя, мудряя на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец [беду] неменучюю,
покорился Горю нечистому —
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел, поскочил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочику;
идет весел, некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие
и сам идучи думу думает:
«когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец не кручиноват —
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрила,
«хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в драгих портах чаду и цены нет!»
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю
что не класти скарлату* без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!»
Услышали перевощики молодецку напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,
и не взели у него перевозного,
напоили, накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что ты еси, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,

к любымым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родителское!»
И оттуду пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорит Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, добрый молодец,
не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалося!
хошь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе — еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается —
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хоть кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом,—
А Горе за ним белым кречатом;
молодец полетел сизым голубем,—
а Горе за ним серым ястребом;
молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы*;
молодец стал в поле ковыль трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастие над молотцем насмиялося:
«быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой,
и буйны ветры быть тебе развеяной!»
Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами —
еще Горе злочастное насмеялося:
«быть тебе, рыбонке, у бережку уловленой,
быть тебе да и съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить —
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с камнем в воду посадили.

Спамятует молодец спасенный путь —
и оттоле молодец в монастыр пошел постригатися,
а Горе у святых ворот оставается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечныя муки,
а дай нам, господи, светлый рай.
Во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

Повесть написана в конце XVII или начале XVIII в., дошла до нас в девяти списках XVIII в. Содержание и принципы литературного изображения говорят о том, что повесть по существу является произведением литературы нового времени: она лишена религиозного осмысления жизни, характерного для средневекового искусства и литературы. По занимательности сюжета и живости изображения проделок молодого человека, который не верит «ни в сон, ни в чох», повесть может быть отнесена к лучшим произведениям эпохи. На ее сюжет в 1786 г. И. Новиков написал повесть «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный в Москве свадебным», а в 1869 г. Д. Аверкиев создал «Комедию о российском дворянине Фроле Скобееве и стольничьей Нардын-Нащокина дочери Аннушке». Советский композитор Т. Н. Хренников на сюжет повести написал комическую оперу.

Текст повести печатается по списку, опубликованному в сб.: Русская повесть XVII века.— М., 1954.

В Новгородском уезде имелся дворенин Фрол Скобеев. В том же Новгородском уезде имелись вотчины столника Нардина Нащокина, имелась дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И проведал Фрол Скобеев о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой. И [не] видит ее, однако ж умыслил спознатся тои вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилос быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме. И в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господин Скобеев, не по заслугам моим ко мне милость казать изволишь, для того что моеи услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оные денги и сказал: «То мне сие ни во что», — и пошел от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свои. И во время увеселителных вечеров, которые бывают в веселости де и [в чести...], называемыя по их девичеству званию Святки. И та столника Нардин Нащокину дочь Аннушка приказала мамке своеи, чтоб она ехала ко всем дворянам, которые во близости тои вотчины столника Нардина Нащокина имеют жителство и у которых дворян имеютца дочери девицы, чтоб тех доче-

реи просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочереи к госпоже своеи Аннушке и по тому ее прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица. И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила тои мамке: «Пообожди малое время, я схожу к братцу своему; ежели прикажет мне ехать, то и вам с тем и объявим». И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату своему и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина Нащокина Аннушки и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним. И Фрол Скобеев сказал сестре своеи: «Поди скажи тои мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однакож не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сеи вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своеи Аннушке. И Фрол Скобеев стал говорить сестре своеи: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убираться в девичеи убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своеи: «Принеси, сестрица, и мне девичеи убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весма о том сокрушалась, понеже что ежели признает ево, то конечно быть великои беде брату моему, понеже тот столник Нардин Нащокин весма великои милости при царе находится; однакож не прислушала воли брата своего, принесла ему девичеи убор. И Фрол Скобеев убрался в девичеи убор и поехал с сестрои своеи в дом столника Нардина Нащокина к дочери ево Аннушки. Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать. И стали все девицы веселитца разными играми, и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Как, мамушка, много наших сестер дворянских дочереи, а твоеи к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев вынес денег пять рублев, подарил тое мамку. С великим принуждением и те денги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал перед ногами тои мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, что с нею иметь обязательную любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнении и не знает, с ним что делать. Однакожь помяну [в] ево к себе два многия подарки: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоеи». И пришла в покои, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своеи Аннушке: «Полноте, девицы, веселится! я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкои игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своеи и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою»,— а на Фрола Скобеева показала,— «сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, как водится в свадьбе, и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселилис. И та мамка велела тем девицам петь грамогласныя песни, чтоб им крику от них не слыхать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего и надеется, что, конечно, будет причина. А Фрол Скобеев, лежа с Аннушкои, и объявил еи себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев, не взирая ни на какой себе страх и ростлил ея девство. Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покои, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна. И девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, только мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала еи говорить искусно: «Что ты надо мною зделала! Ета не девица со мною была; он мужественнои человек, дворянин Фрол Скобеев!» И та мамка на то еи объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая же девица, как и протчии, а когда он такую безделицу учинил, ведаеш, что у нас людеи доволно можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка, сожалея того Фрола Скобеева: «Ну, мамушка, уж быть так, того мне не возвратить!» И пошли все девицы в пировои покои и Аннушка с ними же. И Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покои. Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И на утри встали все девицы, стали разъезжатся по домам своим, також и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц. А Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселилис все со Аннушкою. И по прошестви трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свои и с сестрою своей, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублев. И Фрол Скобеев приехал в дом свои, весма рад бысть и делал банкеты, и веселился с протчею своею братию дворфн [ами].

И пишет из Москвы отец ея столник Нардин Нащокин в-вотчину к дочери своеи Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того, что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре, и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнени, не ведает, что делать, для того он дворянин небогатои, а имел себе более пропитание всегда

ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение как можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправлятся в Москву, а сестра ево весма о том соболезнует, об отлучени ево. Фрол Скобеев сказал сестре своеи: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем, хотя живот свои утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник; ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастие, то поминаи брата своего». Убрався и поехал в Москву.

И приехал Фрол Скобеев в Москву и стал на квартире близ двора столника Нардина Нащекина. И на другои день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшестви литурги вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И как вышла мамка ис церкви, а Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. А Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрашней день пошла к обедни и взела б с собою денег 200 ру[блев] и отдала Фролу Скобееву, то учинила по воли ея. И у того столника Нардина Нащекина имелас сестра, пострижена в Девичьем монастыре. И тот столник приехал к сестре своеи в манастыре. И сестра ево стретила по чести брата своего. И столник Нардин Нащекин у сестры своея был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к неи в манастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столник Нардин Нащекин обещал к ней отпустить. И просила ево, когда и в небытность твою дома пришлю я по ея карету и возников, чтоб ты приказал еи ехать ко мне и бес себя.

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину Нащекину ехать в гости з женою своею, и приказывает дочери своеи, ежели пришлет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжаи к неи. А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своеи, как можно, пошла Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил карету и с возниками, и приехал сам к ней, и сказался бутто от сестры столника Нардина Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева монастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персены знали, что он Скобеев дворянин небогатои, толко великои ябида, ходатаиствует за приказными делами.

И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добр столник Ловчиков. И пошел к тому столнику Ловчикову. И тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками. И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру, и того кучера поил весма пьяна. А сам, убрався в лакеиское платье, и сел на козлы, и поехал ко

столнику Нардину Нащокину, по Аннушку. И усмотрела та [... мамка], что приехал Фрол Скобеев, сказал Аннушке, под видом других того дому служителеи, яко бы прислала тетка по нея из монастыря. И та Аннушка убралас и села в корету, и поехала на квартеру Фрола Скобеева. И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком силном пьянстве, и напоя ево весма жестока пьяна, и положил ево в карету. А сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возныков и с коретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныки, а кучер лежит в корете жесто[ко] пьян.

Пошли и объявили Ловчикову, что лежит кучер пьян в корете, а кто их на двор привел, не знаем. И Ловчиков корету и возников велел убрать, и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И на утре стал спрашивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым. И кучер сказал ему толко: «Помню, как приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардин Нащокин приехал из гостеи и спрашивал дочери своеи Аннушки. Та мамка сказала, что по приказу вашему отпущена к сестрице вашеи в манастырь, для того что она прислала корету и возников. И столник Нардин Нащокин сказал: «Изрядно!»

И столник Нардин Нащокин долгое время не бывал у сестры своеи и надеется, что дочь ево в манастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столник Нардин Нащокин поехал в манастырь к сестре своеи. Долгое время не видит дочери своеи и спросил сестры своеи: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братец, издиватся! что мне делать, когда я бесчастна моим прошением, к себе, просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково, нет чтоб послать по нея». И столник Нардин Нащокин сказал сестре своей: «Как, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никак я, братец, возников и кореты не посылала никогда, Аннушка у меня не бывала». И столник Нардин Нащокин весма сожелел о дочери своеи, горко плакал, что безвестно пропала дочь ево. И приехал в дом, сказал жене своеи, что Аннушка пропала, и сказал, что у сестры в манастыре нет. И стал мамку спрашивать: кто приезжал, и куда она поехала. И мамка сказала: «Приезжал с возниками и с коретою кучер, и сказал, что из Девичьева манастыря от сестры вашеи приехал по Аннушку, то по приказу вашему, и поехала Аннушка». И о том столник и з женою весма соболезновали плакали горко. И на утре столник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно пропала дочь. И государь велел учинить публику столничеи дочери: ежели ея кто содержит тайно, чтоб объявили, ежели кто не

объявит, а после обыщется, то смертию казнен будет. И Фрол Скобеев, слыша в публикацию, не ведает, что делать.

И умыслил Фрол Скобеев, чтоб иттить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиков весма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров. И столник Ловчиков спрашивает Фрола Скобеева: «Что, господин Скобеев, женился ль?» И Скобеев сказал: «Женился, государь». «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль время окажет». И Ловчиков говорит Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно: отстань за ябидою ходить, живи вотчине своеи, лутче здравию!»

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчикова, чтоб он был предстателем ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что ежели сносно — буду предстателствовать, ажели что несносно — не гневаися». И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардина Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на неи». И столник Ловчиков сказал: «Как ты зделал, так и сам и ответствуи». И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстателствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево; мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал, ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнени и сказал ему: «Настоящеи ты плут! Что ты надо мною зделал? Добро, как могу буду предстателствовать». И сказал ему, чтоб «завтрашнеи день пришел в Успенскои собор и столник Нардин Нащокин будет у обедни, и я с ним буду, будем стоять все мы в собрани на Ивановскои площеди. И в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери, а я уже как могу о том буду предстателствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенскои собор к обедни. И столник Нардин Нащокин, и Ловчиков, и другия столники, все были. И по отшествии литурги в то время в собрани на Ивановскои площеди, против Ивана Великого и Нащокин тут же, имели столники между собою разговоры, что им надобно. И столник Нардин Нащокин, болше соболезнуя и разсуждая о дочери своеи, и столник Ловчиков, разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам как по обычаю поклон. И все столники Фрола Скобеева знают, и кроме всех столников пал пред ногами Скобеев столнику Нардину Нащокину и просит прощения: «Милостивои государь, столник первы, отпусти виновнаго яко раба, которои возымел пред вами дерзновение!» И столник летами древен, однакож еще усмотреть мог, натуралною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти!» И столник Ловчиков подошел к Нардину Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своеи дворенин Фрол Скобеев!» И столник Нардин Нащокин закричал: «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничил себе несносно, скажи, плут, буде сносно, стану старатся о тебе,

а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно, встань, скажи, что твоя вина?» И Фрол Скобеев встал от ног ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своеи, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить: «Что ты, плут, зделал? Ведаешь ты о себе. Кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоеи! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Поиду к государю и стану на тебя просить о твоеи плутской ко мне обиде!» И вторително пришел к нему столник Ловчиков и стал ево разговаривать, чтоб он вскоре не возымел докладу к государю: «Изволиш съездить домои и объявить о сем сожителнице своеи, и посоветуи обще, как к лутшему уже быть, так того времяни не возвратить, а он Скобеев от гневу вашего никуды не может скрытца». И столник Нардин Нащокин [послушал] совету столника Ловчикова, и не пошел к государю, и сел в корету и поехал в дом свои. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!»

И столник Нардин Нащокин приехал в дом свои и пошел в покои, жесто[ко] плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказал жене своеи: «Вор-от, плут и ябедник Фрол Скобеев женился на неи!» Жена ево услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своеи. И стали оба горько плакать и в серцах своих бранят дочь свою, и проклинают, и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память и, сожалея дочери своеи, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека, и сказать, где он, плут, живет, и проведал о дочери своеи: жива ли она». И призвали человека своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева, и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришел человек, и велел жене своеи лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланнои человек вошел в покои и отдал как по обычаю поклон. И Скобеев спросил: «Что за человек и каку нужду имееш ко мне?» И человек тот сказал, что он прислан от столника Нардина Нащокина, проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мои друг, какое здравье! Таков ти родителскои гнев: видишь, они заочно бранят и кленут, и от того она при смерти лежит. Донеси их милости, хотя б они заочно бранят, благословение еи дали». И человек тот отдал им поклон и пошел от них и пришел к господину своему столнику Нащокину. И спросил ево: «Что нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человек тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива, и требует от вас хотя словесно заочно благословение. И столник и з женою своею соболезновали о нем, токмо

разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мои друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так Бог судил. Надобно, друг мои, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно, а когда сердце наше умилостивитца к ним, то можем и сами видится». Сняли [со] стены образ, котором обложен был златом и драгим каменем, как прикладу всего на 500 ру[блев], и послали с тем человеком. И приказали сказать, чтоб она сему образу молилас, а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не проматал.

И человек, приняв образ, и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришед тот же человек, сказал жене своеи: «Встань, Аннушка!» И она встала, и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдает образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил где надлежит и сказал тому человеку: «Таково-то родительское благословение! И заочно намерены благословить, и Бог дал Аннушке лехче. Слава Богу, здрава!» И сказал Фрол Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родителскую милость». И человек пришел к господину своему и объявил от отдани образа, и о здрави Аннушки, и о благодарении их, и пошел в показанное свое место.

И столник Нардин Нащокин стал разсуждать и сожалеть о дочери, и говорил жене своеи: «Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ея кормить, и сам, как собака, голоден. Надобно послать какова запасу на 6 лошедях». И послали запас и притом запасе реэстр. И Фрол Скобеев, не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место. И приказал тем людем за их родителския милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскочно и ездит везде по знатным персонам. И весма Скобееву удивлялис, что он зделал такую притчину так смело.

И уже чрез долгое время обратилис сердцем и соболезновали о дочери своеи, также и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним, и просил их, чтоб Фрол Скобеев и з женою своею, а сь их дочерью, приехал к столнику Нардину Нащокину кушать.

И пришел присланнои человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сеи день з женою своею кушать, и Фрол Скобеев сказал человеку: «Донеси батюшку: готов быть сеи день к их милости!»

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего столника Нащокина. И как приехал в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему; и пала пред ногами родителеи своих. И усмотрил Нащокин дочь свою и з женою своею, и стали ея бранить, наказывать гневом своим родителским: и, смотря на нея, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителеи своих. Однакож, оставя весь свои гнев родителскои, отпустя ей вину, и приказал сесть с собою. А Фролу Скобееву сказал: «А ты, плут, что стоишь? Садись тут же! тебе ли, плуту, владеть моею дочерью!» И Фрол Скобеев сказал: «Ну, государь батюшка, уже тому так Бог судил!» И сели все вмести кушать. И столник Нардин Нащокин

приказал людем своим, чтоб никого в дом посторонних не пущали. Ежели кто придет и станет спрашивать, что дома ли столник Нащокин, сказываите, что время такого нет, чтоб видить столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает. И по окончании стола столник Нардин Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем станешь жить?» — «Изволишь ты ведать обо мне,— более нечим, что ходить за приказным делам».— «Перестань, плут, ходить за ябедою! Имения имеется, вотчина моя в Синбирском уезде, которая по переписи состоит в 300-х дворех. Справь, плут, за собою и живи постоянно». И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею Аннушкои, и пренося пред ним благодарение. «Ну, плут, не кланеися; поди сам справляи за себя!» И сидев не много время, и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столник Нардин Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Есть ли у тебя денги?» — «Известен, государь батюшка, какие у меня денги; разви продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продаваи! Возми денег — я дам». И приказал дать 300 руб[лев]. И Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру. И со временем справил тое вотчину за себя, и пожив столник Нардин Нащокин немного время, и учинил при жизни своеи Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имени. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столник Нардин Нащокин умре и з женою своею. А Фрол Скобеев, после смерти отца своего, сестру свою родную отдал за некоторого столничьева сына, а которая при них имелас мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великои милости и в чести до смерти ея.

СЛОВАРЬ

А

АБИЕ = АБЬЕ — тотчас, немедленно; внезапно, вдруг; опять, снова

АБО — или, либо

АБЫ — чтобы, если бы, что если бы, лишь бы, хотя бы

АВВА — отец, настоятель монастыря на Востоке

АГНЕЦ — ягненок; кроткое милосердное существо; часть просфоры

АДАМАНТ — алмаз

АЕР — воздух

АЖЕ = АЖЪ — если, что, который, даже, и вот

АЖНО — как, как вдруг, так что

АКРИДА — саранча; молодой побег растения

АЛАФА — награда

АЛКАТЬ — поститься, голодать

АЛЧБА — голод, пост, пощение

АМАНАТ — заложник

АМИАНТ — камень, подобный квасцам

АМО, КАМО — куда

АНАФОРА — приношение, просфора

АНО — но, а, однако, даже

АНТИМИС — покрывало из ткани, священный плат

АПОКАЛИПСИС — откровение; христианская церковная книга, содержащая мистические пророчества о конце мира

АРКУДА — медведь

АРКУЧИ = А РКУЧИ — говоря

АСТОРОХАНСКИЙ — астраханский

АТЪ = АТО — пусть, да

АЧЕ = АЩЕ — или; тоже, что

АЩЕ — если, если же; несмотря на то что; хотя и; разве что

Б

БАГР, БАГРА — багряный

БАГРЕЦ — красная краска; сорт сукна

БАГРЯНИЦА — драгоценная ткань багряного цвета; одежда из этой ткани; торжественная пурпурная одежда (или оплечье) как знак верховной власти

БАЗЫ МИКАНЕТ — представление профессиональных гимнастов: акробатов, жонглеров, поводырей дрессированных животных

БАЙДАНЫ — кольчуги

БАЛIВОХВАЛЬСТВО — язычество

БАЛIИЙ — колдун, заклинатель; врач

БАСКАК — властелин, воевода

БДЕТИ — бодрствовать, не спать; заботиться, радеть

БЕБРЯНЬ — ткань из шелка особой выделки

БЕДЕНЬСТВО — обеднение, бедствие

БЕЗАДЩИНА — выморочное имение, доход или оброк с такого имения

БЕЗЖИВОТИЕ — нищета

БЕРНЬНЫЙ — бренный

БЕСЕДА = БЕСѢДА — язык, речь, разговор

БЕСЕРМЕН, БЕСЕРМЕНСКИЙ — магометанин, магометанский

БЕСПРИКЛАДНО — беспримерно (приклад — пример)

БЕСПРОТОРИЦА — безысходность, отсутствие средств

БИРЕВ — господарь, судебный пристав, староста

БИРИЧ — глашатай

БИСКУП — епископ католический

БЛАГИЙ — добрый, хороший; прият-

ный, красивый, прекрасный

БЛАГОКОЗНЕННЫЙ — мудронаставительный

БЛАЗНИТИ — соблазнять, обманывать

БЛАЗНЬ — обман, обольщение; искушение, сомнение

БЛЮСТИ (БЛЮДАСЯ) — соблюдать, охранять

БОГА ДЕЛЯ — бога ради, для бога

БОГРАМ — байрам, мусульманский праздник

БОДРЕЛИВЫЙ — бодрый

БОЛОГО — благо, добро

БОЛОНЬ, БОЛОНИЕ — низменное поречье, пространство между двумя валами, пойменный луг

БОЛЬМА — более всего, преимущественно

БОРОНЯ — оборона

БОХМИЧЪ = БАХМИЧ — магометанский

БРАШНА — еда, кушанье

БРАЦИ — брачный пир, пирушка

БРЕЗЕТЬ = БРЕЗѢТЬ — беречь

БРЕНИЕ — нечистоты

БРОЗДО = БРЪЗДО — узда, намордник

БРЯЧИНА — пир

БРѢЗГ — рассвет

БУЕСТЬ — отвага, горячность; дерзость, необузданность; буйство

БУСОВИ = БУСЫЕ — серо-дымчатые

БЫЛИЕ — трава, злак; растительная пища; снадобье, приготовленное из трав

В

ВАННЫЙ — изваянный

ВАПЪ — краска, румяна (вапить — красить); ср. **ШАРЪ, ШАРА** — краска, цвет

ВАПНИЦА — сосуд для красок

ВАПНО — известь

ВАРИТИ — предупреждать, беречь

ВАСНЬ — может быть, итак, будто

ВЕДАТИ — знать, ведать; уметь, мочь

ВЕЖА = ВѢЖА — шатер, башня

ВЕЖЛЕЦЫ = ВЫЖЛЕЦЫ — гончие собаки

ВЕЙЯ = ВЕЙКА — ветка

ВЕЛЕЛЕПИЕ — восхваление, возвеличение; величие, великолепие

ВЕЛИЙ — великий, продолжительный, затяжной, изобильный

ВЕЛИЦИ ДНИ — пасха

ВЕЛЬЗЕВЕЛ — дьявол

ВЕЛЬЗЕВЕЛИН — дьявольский

ВЕРА БАХМИЧА — магометанство

ВЕРВЬ — веревка, измерительный шнур; мера земли; крестьянская община

ВЕРСТА — рост, возраст; мера длительности (времени)

ВЕРСТАТИ — сравнивать, уравнивать

ВЕРТОГРАД = ВЕРТ — сад

ВЕРШИЕ — плоды

ВЕСТНО — гласно, публично

ВЕЧЕРНИЙ, ВЕЧЕРНЫЙ — западный, вечерний

ВЕЩЬ — вещь, имущество, дело, а также тяжба

ВЖДАТИ — жаждать

ВЗЫСКАНИЕ — распря; прение; поиск

ВИД — образ

ВИНА — причина, основание; провинность, проступок, грех; обвинение, осуждение; пошлина, повинность

ВИТАЮТЬ — обитают, живут

ВНЕЖЕ — тот, который

ВОЖЬ — провожатый

ВОЗБНУТИ СЯ — пробудиться

ВОЗГРИ — сопли

ВОЗДУХ — покрывало для церковных чаш

ВОЗРАСТ — рост; зрелый возраст

ВОНЯ — запах, благоухание

ВОСТЯГНУТИ — воздержаться

ВОСХИТИТИ (ВЪСХИТИТИ), ВОСХИТИ — похитить, унести, украсть

ВОСХИЩЕНИЕ — похищение

ВРЕЖИЩЕ — рубище

ВСКУЮ — зачем, почему; напрасно

ВЫДРУКОВАТЬ = ВЫДРУКОВАН — напечатать, напечатан

ВЫНИКНУТИ — высунуться

ВЫНЬЗТИ — вынуть из ножен; **ВЫН-**

ЗЕ — вынул
ВЫРИНУТИСЯ — вырваться
ВЫТЕПАТЬ — вытолкать
ВЫЧЕНИЕ — научение, учение
ВЫХОД — жалование
ВЫЯ — шея
ВЫСѢЧИ = ВЫСѢКОША — освободить, вывести силой
ВЪВАДИТЬ СЯ — повадиться
ВЪЖЕЛѢТИ — желать
ВЪЗБЬНУТЬ, ВЪЗБЬНУВ — проснуться, проснувшись
ВЪЗНЯТИ — поднять вверх
ВЪСКИПЕТИ — вскипеть, взволноваться
ВЪСУЕ — напрасно, впустую
ВЯЩЕ — более
ВЯЩИЙ — больший, старший по положению, знатный, лучший

Г

ГАВРАН — ворон
ГАРИП — иноземец, странник
ГБЕЖ = ГЪБЕЖ — сустав, сгиб; поворот, наклон
ГЛАДНЫЙ, ГЛАДИВЫЙ — голодный, ненасытный, жадный, хищный
ГЛЕЗНЪ = ГЛЕЗНО — нижняя часть ноги; голень; пятка
ГЛУМЪ = ГЛУМА — шумное веселье, игра, забава; насмешка, издевательство, соблазн
ГОБИНО — богатство, изобилие (обычно земных плодов); урожай
ГОВЕНИЕ — почтение, уважение; воздержание, благочестие
ГОДЪ = ГОДИНА — время, пора; возраст; год, час
ГОЛОМЯ — много; открытое место
ГОНЗАТИ — избегать
ГОНЬЗНУТИ — спастись бегством
ГОРАЗДО — искусно, умело, основательно; весьма, очень
ГОРЕ — вверх
ГОРНИЙ — верхний, высокий, горный; вышний, небесный, божественный
ГОРОЧНЫЙ — горчичный
ГОСТИТВО = ГОСТИСТВО — пир
ГРАДСКИЙ — общественный, городской
ГРАНАТА — пушка
ГРАНЕСИЕ — стихотворная строка, стих; песнопение, церковный стих
ГРАНЕСЛОВИЕ — церковный стих, песнопение; сочинение похвальное в честь кого-либо
ГРАНЕСЛОВНИК — название сложной по составу книги, в которой много разделов, глав, стихов
ГРЕЗНЪ — гроздь; куща деревьев или кустарников; плод, виноградная ягода
ГРИВНА — металлическое украшение, которое носилось на шее; денежная и весовая единица; украшение к иконе
ГРИДЬ — княжеский телохранитель, дружинник, воин
ГРУДНЫЙ — замерзший
ГРУСТКО — тяжко, грустно
ГУДЕЦ — певец, музыкант
ГУНКА КАБАЦКАЯ — рубище, выдаваемое в кабаках в обмен на пропитую одежду

Д

ДАТЬ ПЛЕЩЮ ВРАГОМ, ДАТИ ХРЕБЕТ — обычные фразеологические обороты при описании сражения: повернуться спиной, бежать с поля боя
ДВАЩИ — дважды
ДЕБРЬ — горный склон, ущелье
ДЕИ, ДЕИЛИ — ужели, разве, ли
ДЕИСИС = ДЕИСУС — буквально: моление, молитва; на Руси обычно этим словом обозначали ряд икон (не менее трех), в центре которого Спаситель, а по сторонам Богородица, Иоанн Предтеча, а за ними другие святые
ДЕЛЯ = ДЕЛА — для, ради
ДЕМЬСТИКЪ — регент церковного хора, хормейстер

ДЕННИЦА — утренняя звезда, заря; падучая звезда

ДЕРЕВА — древляне, славянское племя

ДЕСНИЦА — правая рука; правая сторона

ДЕТЕЛЬ = ДѢТЕЛЬ — дело, действие; **ДОБРЫЕ ДѢТЕЛИ** — добродетели

ДЕТИ БОЯРСКИЕ — земледельцы, несущие военную и земскую службу

ДЕТСКИЙ — малолетний, детский; должностное лицо при княжеском дворе, княжеский отрок

ДЕЯТИ = ДѢЯТИ — делать, творить, совершать; говорить

ДИВИЙ — дикий, невежественный; жестокий, грубый; дивный

ДИСКОС — церковный сосуд

ДЛАНЬ — ладонь

ДМИТИСЯ — делаться надменным, надуваться (**ДМЕНИЕ** — надменность)

ДНЕСЬ — сегодня

ДОБЛЕ, ДОБЛОЮ = ДОБЛЮЮ — доблестно, доблесть (доблестью)

ДОБРОВОЛЬНЫЙ — вольный

ДОБРОЗРАЧНЫЙ — красивый

ДОКАМЕСТ, ДОКАМЕСТЬ — пока, с тех пор

ДОКОНЧАНИЕ — мирный договор, согласие

ДОНДЕ, ДОНДЕЖЕ — пока, пока не; когда, как только, как

ДРУЖИНА — товарищи, община, спутники; войско; жена

ДРЯХЛ — печален

ДУБЛИЙ — крепкий, сильный; доблестный, мужественный; искусный; родовитый, именитый; благородный

Е

ЕДА — а то, разве, иначе, как бы не

ЕДИНЕЦЬ — дикий кабан

ЕДИНОГО — однажды

ЕЖЕ — что, если, когда

ЕКЗАРХ — духовное лицо, облеченное особой, высшей властью

ЕЛЕФАНТ — слон

ЕЛИКО — сколько, как можно скорее, кто, что

ЕЛМАЖЕ — так как, потому что, когда

ЕЛОВЕЦЬ = ЕЛОВЬЦ; ЕЛОВЦЫ — лоскут материи, вставленный в вершину шлема

ЕМАТИ = ИМАТИ = ЕМЛЕТЬ — брать, взять

ЕМШАН = ЕВШАН — полынь

ЕПИСТОЛИЯ — эпистолия, письмо, послание

ЕТЕРЪ = ЕТЕРЫ — некоторый, некто

Ж

ЖАГРА — фитиль для воспламенения пороха

ЖАЛОВАНИЕ — милость, пожалование

ЖЕДАТИ — жаждать

ЖЕЛВЬ — мозоль, нарыв; черепаха

ЖЕЛДЫ — травы

ЖЕЛЯ — печаль

ЖЕНУТЬ (от **ГЪНАТИ**) — гонять, преследовать

ЖИВОТ — жизнь, имущество; домашний скот

ЖИВОТА ЛИХОВАНЪ — жизни лишен; **ЖИВОТА ГОНЕЗЕ** — жизни лишить

ЖИР — богатство, изобилие

ЖИТО — хлеб на корню, посевы, богатство

ЖРЕТИ = ЖРѢТИ = ЖЬРѢТИ — приносить в жертву

З

ЗАБРАЛО — городская стена, ее верхняя часть; ограда

ЗАЗОР — позор

ЗАЗРИТЬ — осуждать

ЗАКОНЪНО — согласно с законом

ЗАКОСНЕНИЕ — отлагательство, задержка, запущение

ЗАЛАЗ — опасность, гибельность

ЗАМЯТНЯ — замешательство, беспокойство, волнение

ЗАНЕ — так как, потому что
ЗАПОВЕДАТИ — приказывать, наказывать
ЗАРАЗИТИСЯ — убиться, сразиться
ЗАСТЕНЬ — тень
ЗАТИ — избавить, избежать
ЗАТОЧНЫЙ — глухой, пустынный
ЗАЯТИ — взять, захватить
ЗВЕНО — кусок
ЗДАТЕЛЬ — строитель, зодчий; гончар
ЗЕЛИЕ — трава, зелень; лекарство, яд; порох
ЗЕЛО — сильно, очень, весьма; точно, тщательно; совершенно
ЗЕЛЬНЕ, ЗЕЛЬНЫЙ — сильно, сильный
ЗЕМСКИЙ — земной
ЗНАМЕНЬЕ — знак, указание
ЗНАНЬ — знание

И

ИДЕ, ИДЕЖЕ — где, когда, так как
ИЖЕ — который
ИЗВЕСТНО — точно, достоверно; заботливо
ИЗВЕТ — отговорка, объяснение; наговор, обман
ИЗГЛАШАТИСЯ — объявить
ИЗДАН ПО КРОМОЛЕ — изменник
ИЗРАДА — измена
ИЗРАДЕЦ — изменник
ИЗРЯДНЫЙ — превосходный
ИЗУГРАФ — иконописец
ИЗУМЕТИСЯ — лишиться ума
ИЗЫМАТИ — поймать
ИЗЯТИ, ИЗЯ — изъять, изъял
ИМАТИ — брать, занимать, захватывать; одолевать
ИНДЕ — в другом месте, кое-где; или
ИНО — то, в таком случае, так, разве, только
ИНОСТРАННЫЙ — странник
ИПАТ — воевода (ср. **СТРАТИГ** — военачальник)
ИПОСТАСЬ — лицо, существо
ИРИЙ = ВЫРИЙ — рай, теплые страны
ИРМОЛОГИЙ — книга церковных песнопений, ирмосов, расположенных по порядку восьми гласов
ИРМОС — первая песнь в церковнослужебной гимнографии, которая служит образцом исполнения для последующих песен
ИСКУСИТИ — испытать
ИСПОВѢДАТИ — приказать, рассказать
ИСПРАЗДНИТИСЯ — упраздниться, уничтожиться
ИСТАЯТИ — погубить
ИСТОЕ — самое главное, сущность, итог
ИСТОКОМ — мимоходом
ИСТОПКА = ИСТОБКА — изба, баня
ИСТРОШАТИ — издержать
ИСТЫЙ (ИСТОВЫЙ) — истинный, точный, подлинный
ИШЕМ — мед, хмельной напиток

К

КАЖЕНИК — скопец
КАЗАНИЕ — наставление, увещевание
КАЗАТЕЛЬ — наставник; **НАКАЗАТЬ** — наставить, научить
КАЛИГИ — обувь паломников, сапоги с низкими голенищами
КАЛНЫЙ — грязный; **КАЛ** — нечистоты, грязь
КАЛУГЕР — монах
КАМАРА = КОМАРА — свод, кров; шатер, палата
КАМКА — шелковая цветная ткань с разными узорами
КАМО — куда
КАНОН — твердо установленное церковное правило; церковная песнь
КАНОРХАТИ — читать речитативом, петь псалмы
КАПА — шапка, головной убор
КАПИТИСЯ — собираться вместе
КАПЬНО — вместе, сообща
КАТУНА — жена
КЕРАСТЬ — змея, ехидна

КЕРЕМИДА — плита
КЕРСТА (КОРСТА) — гроб, могила
КИСЛЯДЖИ — кислота, закваска
КЛАКОЛЫ — колокола
КЛИРИК — церковный служитель
КЛЮКА — хитрость, приманка, обман; **ПЕРЕКЛЮКАТИ** — перехитрить
КЛЮСЯ — *лошадь, жеребенок*
КЛЮЧИМЫЙ — годный (**НЕКЛЮЧИМЫЙ** — негодный)
КЛЮЧЬ — руль, кормило
КЛЯПЦЫ — силки
КОБЬ — волхование, гадание по приметам; счастье, удача; **ПРИКОБИТЬ** — приворожить
КОЗНОВАНИЕ — коварство
КОЛО — повозка, телега, колесо
КОЛОДА — выдолбленный ствол дерева, челн (в колодах славяне хоронили умерших)
КОЙ, КУЮ — какой, какую
КОМАРЫ — своды на кровле
КОМЪКАТИ = **КАМЪКАТИ** — причащать
КОМКАНИЕ *причащение, причастие*
КОНАРХАТИ читать или петь каноны
КОНДАК — церковная песнь во славу святых или праздников
КОПРИНА — шелк
КОРМ = **КЪРМ** — пища; род подати, содержание; пир, угощение
КОРМЫХАТИСЯ — кормиться
КОРОСТА — гроб
КОСНЕТЬ, КОСНЕВШИЙ — медлить, медливший
КОСТАРЬ — игрок в кости; **КОСТАРИЧЕСТВО** — игра в кости
КОТОРА — распря, раздор
КОТОРАТИСЯ — браниться, ругаться, ссориться
КОЩЕЙ — раб, пленник
КОЩУНА — святотатство; смехотворство, забавные шутки
КРАМОЛА — мятеж, бунт; злой умысел, коварство; засада; раздор
КРАСНА — пряжа, ткацкий стан
КРИН — лилия
КРОМЕ = **КРОМЬ** — прочь; **КРОМЕ ЗРЯ** — смотря в сторону, не смотря на это
КРОПИВЬНЫЙ — посконный, грубая ткань
КРЫЛОШАНЕ — церковнослужители
КУДЕСЫ — чудеса
КУНА — шкурка куницы, денежный знак в Древней Руси
КУПИЩЕ = **КУПИЛИЩЕ** — рынок, торжище
КУША = **КУЩА** = **КУШКЪ** — шалаш, палатка, шатер
КЫЙ = **КИЙ** — какой, который; некоторый, некто

Л

ЛАГВИЦА — чаша
ЛАГОДИТИ — потворствовать, делать приятное
ЛАСКОСЕРДИЕ, ЛАСКОРОДЪСТВО — чревоугодие, невоздержанность
ЛАСКОСЕРДИЙ — *обжорливый*, **из**неженный
ЛАТЫНСКАЯ ВЕРА — католичество
ЛЕК = **ЛИК** — игра в кости
ЛЕПОТА = **ЛЕПОСТЬ** — красота, приличие
ЛЕСТЬ = **ЛЬСТЬ** — обман, хитрость; лесть; ересь; заговор
ЛЕПШИЙ = **ЛѢПШИЙ** — лучший
ЛЕТОРОСЛИ = **ЛѢТОРОСЛИ** — побеги растений
ЛЕТЬ — можно; **НЕ ЛЕТЬ** — нельзя
ЛЕХА — гряда, куча
ЛИ = **ЛЬ** — или, ли, же; нежели чем; чуть, еле; хоть бы
ЛИВАН — ладан, благовонное вещество
ЛИХВА — проценты
ЛИХОЕ — злое
ЛИЧЬБА — число, счет
ЛИШЕНИК — ничтожный, несчастный
ЛОВЪ — охота
ЛОВИТВА — охота, рыбная ловля

ЛОВИЩЕ — место для звериной и рыбной ловли
ЛОЖЕСНА — утроба, матка
ЛОМОВОЙ — тяжелый
ЛУКА — изгиб, извилина, крутой поворот течения реки или залива
ЛУКАРЕВО — извилисто
ЛУКНО = **ЛУКЪНО** — лукошко
ЛУТОВЯНЫЙ — лыковый
ЛЫЧЕНИЦА — лапти
ЛЮБО — хорошо, угодно; может быть, даже
ЛЮБЫ — любовь, привязанность; пристрастие, склонность; согласие
ЛЬСТИВЫЙ — хитрый, обманывающий
ЛЬСТИТЬ, ЛЬСТЯЧЕ — обманывать, хитрить; обманывая, хитря
ЛЯДИНА — заросль, кустарник; молодой лес

М

МАЕСТАТ — престол, трон
МАСТРОТА — мастерство
МЕГИСТАНИ — сановники, вельможи
МЕДУЩА — кладовая для меда
МЕСТЬНИКЪ = **МЬСТЬНИКЪ** — мститель
МЕТАНИЯ ТВОРИТИ — земные поклоны творить (**МЕТАНИЕ** — поклоны)
МЕЧЕТНЫЙ = **МЪЧЬТЬНЫЙ** — воображаемый, призрачный, мечтательный
МЕЧНИК — княжеский дружинник в Древней Руси; страж, оруженосец; палач
МИЛОТЬ — овчина, овечья шкура; верхняя одежда, мантия, плащ
МНИТИ = **МЬНИТИ, МНЮ, МНЯ** — думать, полагать; полагая
МОВЬ — баня
МОГИЛА — холм
МРЕЖА — сеть
МУДИТИ, МУДНО — медлить, медленно
МУНГИТЫ — монголы
МУСИКИЙСКИЙ — музыкальный (от **МУССИКИД** — музыка)
МУХОЯР — бухарская ткань из хлопка с шерстью или шелком
МЫТАРЬ — сборщик податей, лихоимец
МЫТО — плата, награда; подать, торговая пошлина; застава, место сбора мыта

Н

НАБЪДЕТИ — заботиться, помогать
НАВИ = **НАВЬЕ** = **НАВЬ** — смерть
НАВОДИТИ — оклеветать
НАЗНАМЕНОВАТИ — указывать, представлять, предназначать
НАКАЗАН — научен, наставлен
НАКАЗАНИЕ — наставление, приказание; наказание
НАКАЗАТЕЛЬ — наставник, учитель
НАКРЫ — бубны, барабаны
НАЛЕСТИ — добыть, найти
НАМЕТЫВАТИ — назначить
НАПРАСНО — внезапно, неожиданно
НАРАДЫМ, КАЛГА — наименования татарских сановников
НАРИЦАТЬ, НАРЕЧИ — называть, назвать
НАРОКОМ — нарочно
НАРОЧИТЫЙ — определенный, известный; знатный, знаменитый; отличный
НАРЯД — распоряжение, установление порядка
НАСАД — судно
НАСЕЛЬНИЦИ — переселенцы
НАСЛЕДОК — наследник, потомок
НАСТОЛОВАНИЕ — наследование княжеского престола
НАСЫЧИ = **НАСЫЧЕВЕ** — значение *слова не ясно, видимо, напитки*
НАЮ — наш
НАЯТИ — нанять
НЕВѢГОЛОС = **НЕВѢИГЛАС** — непросвещенный, невежда
НЕДБАЛЬСТВО — небрежность, заброшенность
НЕИСТОВЫЙ — безумный, жестокий

НЕКЛЮЧИМЫЙ — недостойный
НЕЛЮБИЕ — неудовольствие, досада; вражда, неприязнь
НЕМЕЦКИЙ — иноземный, иностранный
НЕМКО — немой (человек)
НЕОБЫТНЫЙ — скверный
НЕПРАЗДНА — беременна
НЕПРЕМЕННО — непрерывно, бессменно
НЕПЩАТИ, НЕПЩЕВАТИ = НЕПЬЩЕВАТИ — полагать, сомневаться; думать
НЕПРИЯЗНЬНЫЙ — враждебный, дьявольский
НЕТИ = НЕТИХ — племянник
НЕУМЫТНЫЙ — неподкупный; **МЫТО** — откуп, пошлина, подать; взятка
НИИЗВЫСИВШЕ — низведя
НИКОЛИ — никогда; если
НОЛИ = НОЛЬНО — может быть; почти, вплоть; тогда, то
НУДМА — силой
НУЖНО — тяжко
НУЖНЫЙ — принудительный, плохой
НЫРИЩА — развалина, подземное убежище

О

ОБАЧЕ — но, однако, напротив
ОБЕСИТИ, ОБЕСИША — повесить, завесить; повесил, завесил
ОБЕСТИТИ — оповестить, известить; **ОБЕСТИТИ СЯ** — объявить о себе
ОБИДЯТИ — обходить
ОБЛАСТЬ — волость, начальство над известной местностью, власть
ОБНОСИТИ — возносить, прославлять
ОБОНЬ ПОЛ — на другой половине, на другой стороне
ОБОЯЛНИК — обольститель, чародей
ОБРАЗ — вид, образ, изображение; икона; образец, пример; символ, знак
ОБЪУХАТИ — обвеять запахом
ОВАРЫ — кавказское племя аваров
ОВО — ли, то... то, или... или
ОВОГДА — иногда
ОДНОРЯДКА — верхняя однобортная одежда
ОДРИНА — строение, изба, хлев
ОЖЕ — что, если
ОЗОБАТЬ, ОЗОБА — съесть, буквально: озобить, набить зоб; съел
ОКСАМИТЪ — шелковая ткань с ворсом из серебряных или золотых нитей
ОКТЕНИЯ — ряд молитвенных прошений во время богослужения
ОКТОИХ — книга церковных песнопений, разделенных на восемь частей, по восьми гласам
ОЛАФА — награда, подарок
ОЛЕ — однако, но
ОМЖЕННЫЙ — закрытый
ОНОГДЫ — недавно
ОНОМО — так
ОНЪ — оный, тот
ОНСИЦА — некто, какой-то
ОНУДУ — с тех пор, оттуда
ОПАНИЦА — чаша, посуда
ОПАСНО — осторожно, тщательно
ОПАШЬ — хвост
ОПРАТИ — постирать
ОПЯТЬ — назад, обратно
ОРАТАЙ = ОРАЧЬ — пахарь
ОРАТЬ — пахать
ОРЬ — конь
ОРЬТЪМА — покрывало, попона
ОСЕ — вот
ОСЕТИТЬ — опутать (сетьми)
ОСКОРБИТИСЯ — скорбеть
ОСН — острие
ОСПОДА — господа
ОСТРОГ — частокол, ограда из кольев или бревен
ОСТРУП = СТРУП — нарыв, язва
ОТАЙ = ОТАИЧЬ — тайно, скрыто
ОТГРЕБАТИСЯ — устраняться, удаляться
ОТДОИТИСЯ = ОТЪИТИСЯ — возрасти
ОТЕНЬ — отцовский
ОТЕПЛА — теплота

ОТЕЧИНА = ОЧИНА = ОЧЬЦИНА — отечество, родина
ОТМЕТНИК — отщепенец
ОТНЮДЬ — оттуда
ОТОЙТИ ТЕЛОМ — умереть
ОТРЕЧЕНИЕ — осуждение, запрещение
ОТРОДЫ — потомки, потомство, поколения, род
ОТРОК — дитя, подросток, юноша; дружинник из личной охраны князя, воин; слуга, работник; служитель, помощник при должностных лицах в Древней Руси
ОТЧИТАТИСЯ — отрекаться
ОТЩЕТИТЬ — повредить, испортить
ОХАБИТИСЯ — слово имело различные значения: спрятаться, оставить, отстать, воздержаться; **ОХАБИСЯ ЛЕСТЬЮ** — прикрыться лукавством (хитростью)
ОЦЕТ — уксус
ОЧЕ = АЧЕ — если
ОЧЕРВЛЕНЕВАТИ — обагрить, окрасить в красный цвет
ОЧИНА — отчина

П

ПАВОЛОКЫ — шелковые ткани
ПАКЫБЫТИЕ — вторая жизнь, возрождение; синоним — обновление
ПАКЫ = ПАКИ — опять, вновь, еще, потом, обратно
ПАРДУСИ — гепарды
ПАРОБЪК — мальчик, слуга, прислужник
ПАХАТИ — веять, развеваться
ПАША — почетный титул, наместник области
ПЕЛЫНЬ — полынь
ПЕНЯЗЬ — денежная монета
ПЕПЕЛЕСО — пепельно, пепельный цвет
ПЕРЕВЕСИЕ — сеть для ловли птиц и зверей; **ПЕРЕВЕСИЩЕ** — место для хранения сетей
ПЕРЕКЛЮКАТЬ — перехитрить
ПЕРЕТОЛМАЧИТЬ — истолковать
ПЕРЕЧЕС — ссадина
ПЕРСИ — груди
ПЕРСТЬ — горсть земли, земля, тлен
ПЕСТУН — воспитатель
ПЕСЦЫ = ПОШЦЫ — пехота
ПЕЧАЛОВАНИЕ — забота, попечение, хлопоты
ПЕЧИСЯ = ПЕЦИСЯ — заботиться печься
ПѢШЬЦЬ = ПЕШЕЦЬ — пешеход; **ПѢШЬЦИ** — пехота
ПИНАРЩИК — петардщик, т. е. воин, вооруженный петардой
ПИРА — сума
ПЛИЩЬ — шум, крик; смятение, волнение
ПЛОТНЫЙ — плотский
ПЛОТЯНИЙ — телесный; **ПЛОТЬ** — тело
ПЛЮСНА — ступня
ПОВЕДАТИ — сообщить, поведать
ПОВѢСМО — пучок, моток
ПОВѢСТЬ — известие, сообщение, рассказ
ПОВОЛОЧИТЫ — шелковые
ПОВРЕЩИ — повергнуть
ПОВРЪЖЕНО — поворожено, предсказано гаданием
ПОВЬРЗЫВАТЬ (ПОВЕРЗЫВАТЬ) — привязывать
ПОГАНСКЫЙ — языческий; бесовский
ПОГАНЫЙ — язычник
ПОДОБСТВО — сравнение, уподобление
ПОДРАЖАНИЕ — уподобление; насмешка, поругание; передразнивание
ПОДРУЧНИК — подчиненный; **ПОДРУЧИТИ** — подчинить
ПОДЪХИБЬ, ПОДЪХИБНИИ = ПОДЪХЫБНЫЙ — лесть, лукавство; льстивый, лукавый
ПОЗОР — зрелище, представление; посмешище, позор
ПОЗОРУТИ — смотреть
ПОИМАТЬ — поймать, арестовать
ПОКЛЯП — согнутый, искривленный

ПОКОСНЫЙ — попутный

ПОЛЕ — судебный поединок; по законам Ивана Грозного обвиняемый мог требовать единоборства на поле (ср. пословицу: «Коли у поля стал, так бейся наповал»)

ПОЛК = ПЪЛК — войско; отряд, воинская часть; воинский поход, битва

ПОЛМА — половина

ПОЛОЧАНИН — житель Полоцка

ПОЛОШАТИ — пугать

ПОЛСТЯНЫЙ — войлочный

ПОЛУДНЕ — юг; **ПОЛУНОЩЬ** — север

ПОЛЬНЫЙ = ПОЛЫЙ — открытый

ПОНЕ — хотя; по крайней мере; даже; во всяком случае

ПОПРИЩЕ = ПОПЬРИЩЕ — путевая мера длиной 1000 шагов; дневной переход

ПОПРИЯТИ — оказать приязнь, содействовать

ПОРОКИ — стенобитные орудия

ПОРОСИ — пыль

ПОРТЪ = ПЪРТЪ — кусок ткани, одежда

ПОРУБ — темница, тюрьма, погреб

ПОРУГАТИ — надругаться; **ПОРУГАТИ МИ** — надругаться надо мной

ПОСКЕПАТИ — расщепать, расколоть; нанести вред

ПОСЛУХ — свидетель; **ЛЖИ ПОСЛУХ** — лжесвидетель

ПОСЛУШАНИЕ — слушание

ПОСТРЕЛ — чума, эпидемия

ПОТИР — церковный сосуд

ПОТРЕБИТИ — истребить

ПОТЩИТИСЯ — постараться

ПОТЯГНУТИ — постараться, изловчиться

ПОУХАТИ = ОБУХАТИ — понюхать

ПОХУХНАНИЕ — осмеяние

ПОШЛИНА — пошлина; жалование, оклад; срок, определенное время, а также старина, древний обычай (**БЫТЬ ПО ПОШЛИНЕ** — жить по-старому)

ПОЯТИ = ПРИЯТИ — взять

ПРАВЫЙ — настоящий, правильный

ПРЕВРАТИТИ — обратить, совратить, склонить

ПРЕДАТИСЯ = ПРѢДАТИСЯ — быть отданным, сдаться

ПРЕЛАГАТАЙ — разведчик, соглядатай; посланец

ПРЕЛЕСТЬ — обман, заблуждение; обольщение, соблазн; дьявольские козни

ПРЕЛЕСТНЫЙ — обольстительный, льстивый

ПРЕЛОЖЕНИЕ — перевод

ПРЕНИЯ, ПРЯ — спор, тяжба; возражение; судебное дело

ПРЕПОЛОВЕНИЕ = ПРЕПОЛОВЛЕНИЕ — середина чего-либо

ПРЕСВИТЕР — священник

ПРЕСЛОВУЩИЙ — знаменитый, прославленный

ПРЕТИТЬ — угрожать

ПРЕТОРЖИТИ — разодрать

ПРЕСЪХНУТИ, ПРѢСЪШЕ — иссякнуть, иссякли

ПРЕЩЕНИЕ — угроза

ПРИВОЛОКА — верхняя короткая одежда

ПРИКЛАД — пример; **ПРИКЛАДЫ** — проценты

ПРИРАЗИТИСЯ — воспротивиться

ПРИСНО — всегда, непрестанно

ПРИСНОПАМЯТНЫЙ — вечно вспоминаемый

ПРИСТЯПАТИ — снарядиться

ПРИСУД — судебная пошлина

ПРИТЧА (ПРИТЪЧА) — уподобление; иносказание, притча; загадка, пословица; изречение, присловие

ПРИТЬКНУТИ = ПРИТОКНУТЬ — доказать

ПРИТЫКНУШИСЯ — наткнуться, встретить

ПРИЯЗНЬСТВО = ПРИЯЗНЬ — доброжелательство, преданность

ПРОКЪ — остаток

ПРОМЫШЛЕННИК — заступник

ПРОСЛУТИ = ПРОСЛЫТИ — прос-

лавиться, стать известным

ПРОТИВЕНЬ — отпечаток, список, копия; пошлина

ПРОТОЗАНЩИК — страж

ПРОЧЕЕ — будущее, в будущем

ПРЯЖИТИ, ПРЯЖАХУ — сушить, жарить, печь; сушу, пеку

ПУСТОШНИЦЫ — пустые люди

ПЯНТИКОСТИЕ — пятидесятница, 50 дней после пасхи, троицын день

ПЯТОК — пятница

Р

РАБОТА — рабство, работа

РАЗДРЯГА — раздор

РАЗИТИСЯ — разойтись, пойти в разные стороны; исчезнуть, опустеть

РАЗОР — позор; распря

РАЗРЯЖЕНЫ — распределены (по порядку)

РАЗСТРОЯТИ — разделить на три части

РАКА — гробница

РАЛО — соха

РАМЕНО = РАМЯНО = РАМЬНО — напряженно, сильно, стремительно

РАМЯ = РАМО — плечо (род. **РАМЕНЕ**)

РАПАТЬ — мечеть

РАСПАСТИ — устроить

РАСПОП — поп-расстрига

РАТАЙ — пахарь

РАЧЕНИЕ — любовь, страсть

РЕЗОИМАНИЕ — ростовщичество, лихоимство

РЕСНОТА — истина; достоинство, приличие

РЕЧИ, РЕША, РѢСТА — говорить, сказать; говорил, сказал

РИСТАТЬ — бегать, быстро ходить, скакать

РОЖЕН — заостренный кол

РОЖЬЦИ — стручки

РОТА — клятва, присяга; с XVII в. воинское подразделение, рота

РУЧНИЦА — ружье

РЯДЕЦ — чиновник

РЯДИТИСЯ — сговариваться, устраиваться

РЯДОВИЧ — служилый человек по ряду (договору); купец, торговец в торговых рядах

РЯДЪ — строй, порядок, ряд

РЯП — рябчик, куропатка

РЯСЫ — украшение

С

САМОВЛАСТЬ — свобода действий человека

САНЧАКБЕЙ — военачальник, знаменосец

СВАДНИЦЫ — склочники

СВАРА — ссора

СВЕНЕ = СВЕНЬ — кроме, сверх; вне, помимо; вопреки, исключая

СВЕРСТАН — приравнен

СВИРЯЮЩЕ — играя на свирелях

СВИЦКИЙ — шведский

СЕМО — сюда

СЕМО И ОНАМО (ОВАМО) — туда и сюда

СИЛЯЖЬ — низкий кустарник

СИНГЛИТ = СИГЛИТ — совет вельмож, вельможи

СИРОМАХ — бедняк

СИЦЕ — так

СКАРЕДНЫЙ — скверный

СКАРЛАТ — дорогая ткань, вид бархата

СКИМА = СКЫМА = СХЫМА — монашеское одеяние

СКИМАХ = СХИМНИК — монах

СКИМЬНЬ = СКЫМЬНЬ — львенок

СКОЛИЯ = СКАЛИЯ — черви

СКОРА — шкура, мех (отсюда — скорняк)

СКѢПАНИЕ — рассечение, расщепление (**СКѢПАТЬ** — рассекать)

СКУДЕЛЬНИЦА = СЪКУДЕЛЬНИЧИ — горшок, горшки

СКУПЬ — вместе

СЛАНА — иней

СЛАНЫЙ — соленый

СЛОВУТИЕ — молва, слух; знатность

СЛОВУТНЫЙ — знаменитый, известный, славный
СЛУХ — доносчик, ухо
СЛЫ — послы
СМАГА — пламя, огонь, жар
СМОКОВЬ — плоды фигового дерева
СМОТРЕНИЕ — попечение
СМЫКА — колодка
СНАБДЕВАЮЩИЙ — охраняющий
СОБИНА — имущество
СОКОТАТИ — болтать, стрекотать
СОЛИЛО — блюдо
СОЛОМЕНЬ = **ШЕЛОМЕНЬ** = **ШЕЛОМАНЬ** — холм
СОЛЪ, СЛЫ — посол, послы
СОНЬМ = **СЪНЕМ** — собрание, сбор; съезд, собор; сонм
СООБЕДНИК = **СЪОБѢДНИКЪ** — сотрапезник
СОЧИВО — чечевица
СПЕКУЛАТОР — палач
СПОД — круг, группа
СПОНА — препона, препятствие
СПЯТИ — опрокинуть, обратить в бегство
СРАЦИН — араб
СРАЧИЦА = **СОРОЧИЦА** — исподняя рубашка
СРОК — отрывок, кусок
СТАВИТИ НА ЩИТ — оборонять, защищать (обычный фразеологический оборот)
СТАФИЛЬЕ — изюм
СТЕГНО — бедро
СТЕНЬ — тень; стена; призрак; подобие; неправда
СТЕПЕНЬ — ступень
СТЕРВО = **СТЬРВО** — труп; гибель
СТИХ — ряд, строка; законченная фраза; стихотворение
СТОМАХ — желудок
СТРАНЬ — подле, напротив
СТРАНЬНЫЙ = **СТРАННЫЙ** — странник, иностранный
СТРАТИГ — военачальник
СТРУЖИЕ — древко копья
СТРЫЙ — дядя по отцу
СТРѢХА — нижняя часть крыши
СТУД — позор
СТЫ — соты (пчелиные)
СТЯГИ — боевые знамена; великокняжеский стяг был обычно черного цвета с изображением Спаса на полотне
СУГНУТИ — настигнуть, догнать
СУГУБЫЙ — удвоенный, двойной; двоякий; **СУГУБИТИ** — удваивать
СУЕ, СУЕТА — напрасно, впустую; ничтожность
СУЛИЦА — короткое метательное копье
СУРНА — музыкальный инструмент, похожий на трубу
СУРЬСКИЙ — сирийский
СХОДАТАЙ — выходец, потомок
СЫНОВЕЦ — племянник
СЫРОЯДЕЦ — дикарь, варвар
СЫТА — вода, подслащенная медом, разварной мед
СЪВЕЧАТИ — условиться
СЪДЕТЕЛЬ — создатель
СЪЗДАТИ — построить, создать
СЪЛУЦИЙ = **СЛУКЫЙ** — горбатый
СЪНЕМЪШЕМАСЯ — сошлись
СЪСУТИ — насыпать
СЪТУЖАЮЩИЙ — притесняющий
СЯКЫЙ — такой

Т

ТАЛАНТЪ — вес и монета у древних греков
ТАЛЬ — заложник
ТАТНА — род коры, растение, из которого приготовляется в Индии опьяняющий напиток
ТАЧЕ — потом
ТВАРЬ — изделие, произведение; создание, творение; вселенная
ТЕЗОИМЕНИТЫЙ — одноименный
ТЕМЬ — поэтому
ТЕСЛА — род топора
ТИУН — домовой управитель, особая должность при князьях и боярах; должностное лицо по управлению города или местности

ТЛЪКОВИНЫ = ТЪЛКОВИНЫ — слово неясное, видимо, им обозначались люди, владеющие двумя языками и способные объяснять (толковать) другой язык; в переносном значении — помощники, пособники
ТОВАР — стан, обоз; имущество
ТОЛМА — так
ТОЛМАЧ (ТЪЛМАЧ) — переводчик
ТОЛСТИНА — грубая ткань
ТОМНЫЙ — утомленный
ТОЧИЙ — подобный, такой
ТРЕБНЫЙ — нужный
ТРЕСКА — жердь, кол
ТРЕСКИ — спички
ТРЕТИЦЕЮ — третий раз
ТРИОДЬ — книга церковных песнопений
ТРОПАРЬ — церковная песнь
ТРОСТЬ — палочка для писания; трость, палка
ТРЯСЦА — лихорадка
ТУГА — печаль, тоска, скорбь
ТУЛ — колчан
ТУМБАН — тимпан, большой барабан
ТУНЕ — напрасно
ТУТНЕТЪ — гудит; **ТУТНЬ** — гром, грохот; конский топот
ТЩА, ТЩЕ — напрасно
ТЩАНИЕ = ТЪЩАНИЕ — старание, забота
ТЩЕТА — суета; недостаток, убыток
ТЮФЯК — артиллерийское орудие
ТЯЖЬКЫЙ — тяжелый, опасный

У

УБО — так, итак; в таком случае; же
УБОГЫЙ — бедный
УБРУСЕЦ — полотенце, платок
УВЕДЕТИ = УВѢМЬ = УВѢДЕ — узнать
УВЕР — утешение, успокоение; утеха, радость; увещевание, наставление
УВОЗ — спуск, подъем
УГОЗНИТИ (УГОЗНУ) — избежать (избегну)
УГРИН — венгр
УДОЛИЕ, УДОЛЬ — долина, ложбина; яма, бездна
УДЫ — члены
УЖЪ (УЖА) — веревка
УЗОРОЧЬЕ — драгоценные вещи, украшенные узорами
УЙ — дядя по матери
УКЛАД — дань
УКРОП — горячая, теплая вода
УКРОХ — кусок
УЛУЧИТИ = УЛУЦАТИ — получить, наследовать
УМЕТЫ — отбросы, грязь
УНЕ = УНШЕ — лучше
УНЕНЧ — просящий
УНОТЫ — юноши, юные
УНУК — внук
УНЬЦИ — тельцы
УНЬЦЬ — теленок, олень
УПАДКИ ВИЛАВЫЕ — подходы лукавые
УПОЛОВНЯ — половник, ковш
УРИСТАНЬЕ — рыскать
УРОК — уговор, условие; наставление, указание; плата, подать, штраф
УСНИЕ (УСМИЕ) — кожа; **УСНИЯННЫЙ** — кожевенный
УСПЕ — уснул, замолк
УСПЕНИЕ — погружение в сон; мирная кончина, подобная сну
УСТРѢТИ — встретить
УТИНОК — щенка
УТЫЙ — исхудалый
УХАРИ — маски, хари
УХЫЩРЕНИЕ — хитрость; искусство; ремесло; измышление

Ф

ФАРИС = ФАРЬ = ФАРЫЖ — конь
ФРЯЗСКИЙ = ФРЯЖСКИЙ — итальянский; вообще европейский
ФУТРИНА = ФУРТОВИНА — буря, непогода

Х

ХАРАЛУЖНЫЙ — видимо, булатный
ХИНОВИ — синоним слова «по-

ловцы»; **ХИНОВСКИЙ** — половецкий

ХИТРОСТЬ — мудрость, искусность

ХОДАТАЙ — проситель; посредник

ХОРЮГОВЬ = ХОРУГВЬ — знамя

ХОТЬ — любимый, любимая; желание

ХУДОЖЕСТВО — искусство, знание; ремесло, мастерство

ХУПАВЫЙ — тщеславный, гордый, хвастливый; нарядный; ленивый

ХЫТРЕЦ — художник, творец

ХЫТРЫЙ — искусный, знающий, мудрый

Ц

ЦВИЛИТИ — огорчить, мучить

ЦЕБЫЛГИ — цимбалы

ЦЕЛОВАТИ — приветствовать

ЦѢЖЬ — кисельный раствор

ЦѢРЬ — трут

Ч

ЧЕКАН — топор

ЧИ — разве, или, хотя

ЧИЛИ — или

ЧИРЫ — башмаки

ЧПАГ — карман, мешок

ЧРЕДИМЫЙ — придерживающийся установленного порядка

ЧУМ — ковш

ЧЮДЬ — западнофинские племена

Ш

ШАР — краска, цвет; **ШАРОВИ** — краски, цвета

ШЕЛОМ — шлем

ШЕРТ — шербет, напиток

ШИШАКИ — головные военные уборы, имеющие сверху металлический шар

ШНЕКА (ШНЯКА) — род судна

ШУБАШ — военачальник

ШУЙЦА — левая рука

ШУРИЧ — сын шурина (слово редкое)

Щ

ЩИТНИК — *воин, вооруженный щитом*

Ю

ЮЖИКЪ — родственник

ЮЗА (ЮЗЫ) — цепь, оковы

Я

ЯДЬ — еда, пища

ЯЖЕ — которая, она

ЯЗВЕНЪ — ранен

ЯЗЫК — язык, наречие; народ, племя; иноплеменник; проводник

ЯЗЯ — язва, болезнь

ЯКО — что, так что, чтобы, ибо, хотя

ЯПОНЧИЦА — накидка, плащ

ЯРЫЙ — мощный, буйный

ЯРУГА — проходимый овраг

ЯТИ — взять, брать, схватить; достигнуть

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

(вторая половина XII — середина XIII в.)

ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД БОРЬБЫ С ИНОЗЕМНЫМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ И ОБЪЕДИНЕНИЯ КНЯЖЕСТВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

(середина XIII — середина XV в.)

ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

(середина XV — начало XVI в.)

Переводная литература

ЛИТЕРАТУРА В ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ И СОЗДАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

(начало XVI — XVII в.)

Публицистика и монументальные повествования XVII в.

ПУБЛИЦИСТИКА, ПОВЕСТИ И ВИРШИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

СИЛЛАБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРСТВО, ДРАМАТУРГИЯ И ПОВЕСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Переводная литература

СИЛЛАБИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРСТВО

Учебное издание

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ХРЕСТОМАТИЯ

Составитель Прокофьев Николай Иванович

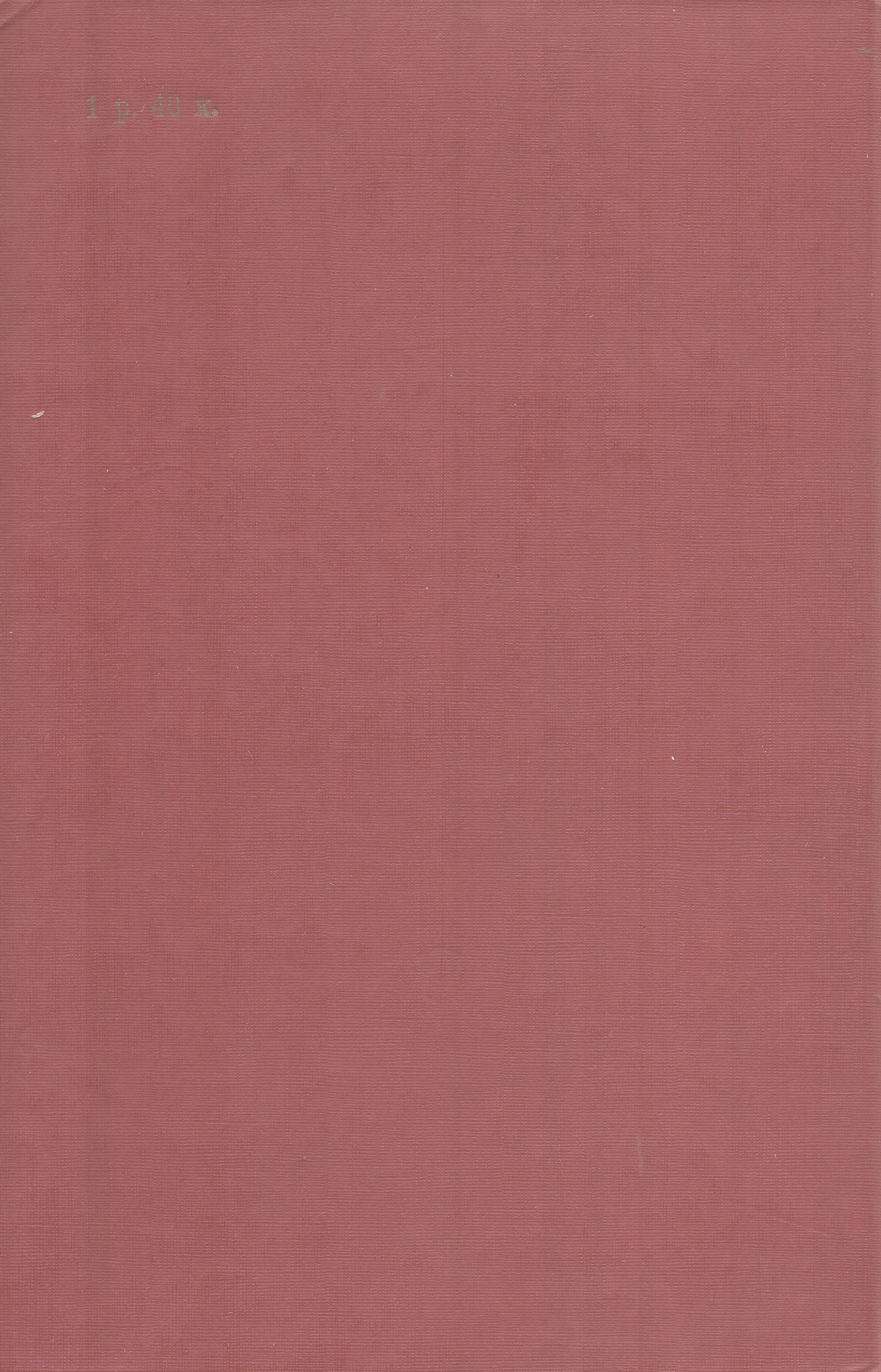
Зав. редакцией *В. П. Журавлев*
Редактор *Л. Б. Миронова*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технический редактор *Г. В. Субочева*
Корректоры *И. П. Панкова, Н. В. Бурдина*

ИБ № 11092

Сдано в набор 19.05.87. Подписано к печати 26.04.88. Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бум. типограф. № 1. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 30 + форз. 0,25. Усл. кр.-отт. 30,5. Уч.-изд. л. 33,30 + форз. 0,40. Тираж 123 000 экз. Заказ № 138. Цена 1 руб. 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.


1 р. 40 к.